Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ»

Выпуск 5

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

Москва
Издательство Ипполитова
2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Анфертьев И.А., кандидат исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV»;

Бабашкин В.В., доктор исторических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ;

Буховец О.Г., доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН;

Гордон А.В., доктор исторических наук, заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН;

Ипполитов С.С., кандидат исторических наук, издатель журнала «Новый исторический вестник», директор Издательского дома Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева;

Карпенко С.В., кандидат исторических наук, доцент Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Новый исторический вестник», заместитель ответственного редактора журнала «Вестник РГГУ»;

Кондрашин В.В., доктор исторических наук, профессор, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по науке, образованию и культуре, руководитель Центра экономической истории Института российской истории РАН, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета;

Люкшин Д.И., кандидат исторических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета;

Марченя П.П., кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя **(автор и редактор проекта «Народ и власть», ответственный редактор выпуска);**

Разин С.Ю., директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений, **автор и координатор проекта «Народ и власть»;**

Чертищев А.В., доктор исторических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

Анфертьев И.А., Асташов А.Б., Бабашкин В.В., Баринова Е.П., Безгин В.Б., Бибин М.А., Бродовская Л.Н., Буховец О.Г., Гордон А.В., Демидова Е.И., Долгова А.В., Дунаева Н.А., Дьячков В.Л., Есикова М.М., Жукова В.С., Захаров А.В., Зоркова Н.Н., Ивашко М.И., Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Колганов А.И., Кондрашин В.В., Костров А.В., Кузнецов И.А., Кулачков В.В., Куренышев А.А., Леонов М.И., Липатова Н.В., Люкшин Д.И., Марченя П.П., Михайлюк А.В., Нефедов С.А., Николашин В.П., Пивоваров Н.Ю., Посадский А.В., Разин С.Ю., Ревин И.А., Романченко В.Я., Сапон В.П., Симонов А.А., Скутнев А.В., Сухова О.А., Токарев Н.В., Трошина Т.И., Фурсов А.И., Хомякова Т.В., Хорос В.Г., Чертищев А.В., Шевельков А.И., Шелохаев В.В.

УДК 93/94(470)"19
ББК 63.3–28
Р 88

Научные рецензенты:

Зверев В.В., доктор исторических наук, профессор
(профессор кафедры истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации)

Любичанковский С.В., доктор исторических наук, профессор,
(заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного педагогического университета)

Федюк В.П., доктор исторических наук, профессор
(декан факультета истории и права,
заведующий кафедрой новейшей отечественной истории
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова)

Русское крестьянство и Первая мировая война: сборник научных статей / под ред. П.П. Марченя, С.Ю. Разина. – Москва: Изд-во Ипполитова, 2016. – 810 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 5).

Сборник включает научные статьи по мотивам дискуссий круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война». Является пятым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть». Для ученых, преподавателей, студентов, политиков и всех интересующихся проблемами взаимодействия власти и общества в России.

Мнения составителей и членов редакционной коллегии
могут не совпадать с мнениями авторов статей

Составители сборника:

автор и редактор научного проекта «Народ и власть»
П.П. Марченя – отв. ред. выпуска;

автор и координатор научного проекта «Народ и власть:»
С.Ю. Разин – координатор выпуска

ISBN 978-5-90363-102-5

© Коллектив авторов, 2016
© Научный проект «Народ и власть»
© Издательство Ипполитова, 2016

УЧРЕЖДЕНИЯ,
представители которых организовали
сборник научных статей

«РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»

в рамках научного проекта
«НАРОД И ВЛАСТЬ»

Академия труда
и социальных отношений

Издательство Ипполитова,
ООО «Смелый дизайн»

ОРГАНИЗАЦИИ,

представители которых приняли участие в сборнике (выпуске 5) научного проекта «НАРОД И ВЛАСТЬ»

Журналы, включенные в ведущие международные библиографические базы и ядро РИНЦ: *Web of Science*, *Scopus*, *RSCI* на платформе *WoS*

- «Вестник архивиста»
- «Новый исторический вестник»

Иные научные периодические издания

- «Вестник архивиста.com»
- «Вестник архивиста.ru»
- «Вестник архивиста.TV»
- «Вестник РГГУ»

Учреждения Российской академии наук

- Институт Европы (ИЕ РАН, Москва)
- Институт истории и археологии Уральского отделения (ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)
- Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН, Москва)
- Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН РАН, Москва)
- Институт российской истории (ИРИ РАН, Москва)

Высшие учебные заведения России

- Академия гражданской защиты МЧС России (АГЗ МЧС РФ, Москва)
- Академия труда и социальных отношений (АТиСО, Москва)
- Брянская государственная инженерно-технологическая академия (БГИТА, Брянск)
- Вологодский государственный педагогический университет (Педагогический институт Вологодского государственного университета) (ВоГУ, Вологда)
- Вятский государственный университет (ВятГУ, Киров)

- Государственный социально-гуманитарный университет Московской области (ГСГУ, Коломна)
- Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ, Москва)
- Иркутский государственный университет (ИГУ, Иркутск)
- Казанский (Приволжский) федеральный университет (КФУ, Казань)
- Мичуринский государственный аграрный университет (МичГАУ, Мичуринск)
- Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (МГУ, Москва)
- Московский гуманитарный университет (МосГУ, Москва)
- Московский педагогический государственный университет (МПГУ, Москва)
- Московский экономический институт (МЭИ, Москва)
- Национальный исследовательский Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского (СГУ, Саратов)
- Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина (Мининский университет) (НГПУ, Нижний Новгород)
- Оренбургский государственный педагогический университет (ОГПУ, Оренбург)
- Пензенский государственный университет (ПГУ, Пенза)
- Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ПИУ РАНХиГС, Саратов)
- Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС, Москва)
- Российская государственный университет правосудия (РГУП, Москва)
- Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, Москва)
- Самарский государственный университет (СамГУ, Самара)
- Самарский институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (СИ РЭУ, Самара)
- Саратовский государственный аграрный университет имени Н.И. Вавилова (СГАУ, Саратов)
- Саратовский государственный социально-экономический университет (СГСЭУ, Саратов)
- Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (ССЭИ РЭУ, Саратов)
- Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (САФУ, Архангельск)
- Тамбовский государственный технический университет (ТГТУ, Тамбов)

- Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (ТГУ, Тамбов)
- Ульяновский государственный педагогический университет имени И.Н. Ульянова (УлГПУ, Ульяновск)
- Ульяновский государственный университет (УлГУ, Ульяновск)
- Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова (ЮРГТУ (НПИ), Новочеркасск)
- Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова (ЯрГУ, Ярославль)

Высшие учебные заведения других государств

- Белорусский государственный экономический университет (БГЭУ, Минск, Беларусь)
- Национальная металлургическая академия Украины (НМетАУ, Днепропетровск, Украина)

Другие государственные и общественные учреждения

- Государственный исторический музей (ГИМ, Москва)
- Институт динамического консерватизма (ИДК, Москва)
- Институт общественной мысли (ИОМ, Москва)
- Комитет Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по науке, образованию и культуре (СФ ФС РФ, Москва)
- Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НИИГН, Саранск)
- Научно-исследовательский институт истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина (НИИ истории и культуры, Ульяновск)
- Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ, Москва)
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ, Москва)
- Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева (Институт Наследия, Москва)
- Российское общество историков-архивистов (РОИА, Москва; Архангельск)
- Серпуховской историко-художественный музей (СИХМ, Серпухов)
- **Научный проект «Народ и власть» (Москва)**

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

ARTICLES OF THE PROJECT PARTICIPANTS

Марченя П.П., Разин С.Ю.
ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:
От организаторов проекта «Народ и власть»
и круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война» 17

Marchenya P., Razin S.
INSTEAD OF INTRODUCTION:
From Organizers of the Project “People and Power”
and of the Round Table “Russian Peasantry and World War I” 17

Бабашкин В.В.
Война и крестьянские ожидания 21

Babashkin V.
War and Peasant Expectations 21

Баринова Е.П.
Мобилизационные кампании в Поволжье
в годы Первой мировой войны 33

Barinova E.
Mobilization Campaigns in the Volga Region
during the World War I 33

Безгин В.Б.
Деревенские слухи и крестьянские настроения
периода Первой мировой войны 62

Bezgin V.
Rural Rumours and Peasants’ Moods
during the World War I 62

Бибин М.А.
Крестьянство Мордовии во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.) ...73

Bibin M.
Peasantry of Mordovia during the First World War (1914–1917) ……73

Буховец О.Г.
Первая мировая война и крестьяноведение (пример Беларуси) ……..87

Bukhovets O.
World War I and Peasants Studies (the Case of Belarus) ……..87

Гордон А. В.
Война в крестьянском сознании: преображение традиций ……...106

Gordon A.
Great War in the Peasant Conscience: Transformation of Tradition ……..106

Демидова Е.И., Захаров А.В.
О гуманизме в годы Первой мировой войны ……..118

Demidova E., Zakharov A.
About Humanism in the First World War ……...118

Дунаева Н.А.
Характер общественных настроений
поволжского крестьянства в условиях Первой мировой войны ……...127

Dunaeva N.
Nature of the Public Mood of the Peasantry in World War I …….....127

Дьячков В.Л.
О синергизме падения плодовитости
в периоды больших войн: Первая мировая ……..137

Diachkov V.
On a Synergy of Fertility Decrease
in Great Wars' Times: WWI Case ……..137

Есикова М.М.
Влияние Первой мировой войны
на аграрную экономику в Тамбовской губернии ……...145

Yesikova M.
Impact of the First World War
on the Agricultural Economy in the Tambov Province ……...145

Зоркова Н.Н.
Реализация столыпинской аграрной реформы
в годы Первой мировой войны в работах региональных историков ……154

Zorkova N.
Realization of Stolypin's Agrarian Reform
during of the First World War in the Works of Regional Historians ……..154

Кабытов П.С.
Аграрные отношения в годы Первой мировой войны ……...170

Kabytov P.
Agrarian Relations during the First World War ……..…….170

Кабытова Н.Н.
Революционный фактор в годы Первой мировой войны
(на материалах поволжских губерний) …….....197

Kabytova N.
Revolutionary Factor in the First World War
(on Materials of the Volga Provinces) ……197

Кондрашин В.В.
Российская деревня в условиях Первой мировой войны
и революционных потрясений 1917 г. …….....222

Kondraschin V.
Russian Village in the Conditions of World War I
and Revolutionary Shocks of 1917 …….222

Костров А.В.
Реакция разных измерений
русской крестьянской цивилизации на Первую мировую войну …….229

Kostrov A.
Reaction of the Different Dimensions
of Russian Peasantry on the First World War …….229

Кузнецов И.А.
Первая мировая война, «аграрный кризис» и крестьянская
экономика: к вопросу о предпосылках российской революции ……...240

Kuznetsov I.
First World War, "Agrarian Crisis" and Peasant
Economy: on the Background of the Russian Revolution ……..240

Кулачков В.В.
Особенности антимонархических настроений крестьянства
Западного региона России в период Первой мировой войны ……...250

Kulachkov V.
Features of Antimonarchical Moods of the Peasantry
of the Western Region of Russia during World War I ……250

Куренышев А.А., Хомякова Т.В.
Великая война глазами русского крестьянина:
Дневник крестьянина Алексинского уезда
Тульской губернии П.Е. Ермакова о событиях
Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг. ……259

Kurenyshev A., Khomyakova T.
Great War through the Eyes of the Russian Peasant.
Diary of the Peasant Alexinsky County
Tula Province P.E. Ermakov about Events
of the First World War and the Revolution 1917–1918 ……..259

Леонов М.И.
Партия эсеров в Первой мировой войне ……270

Leonov M.
Party of Social Revolutionaries in World War I ……270

Липатова Н.В.
Крестьянин или солдат?
Трансформация традиционного мировоззрения
в условиях Первой мировой войны и Февральской революции
(по материалам Поволжья) ……...284

Lipatova N.
Armed Peasant or Soldier Peasant?
Transformation of Tradition
in a the First World War and the February Revolution
(an Example of the Volga Region) ……..284

Люкшин Д.И.
А кому мать родна? ……...295

Lyukshin D.
And Who is the Mother of Family? ……..295

Нефедов С.А.
Крестьянство и Мировая война ……302

Nefedov S.
Peasantry and World War …….....302

Николашин В.П.
Центрально-Черноземная деревня в 1917–1918 гг.:
аграрные реформы в условиях войны …….....315

Nikolashin V.
Central Black Earth Village in 1917–1918:
Agrarian Reforms in the War Circumstances ……..315

Пивоваров Н.Ю.
Сибирское крестьянство в годы Первой мировой войны ……..333

Pivovarov N.
Siberian Peasantry during the First World War ……..333

Посадский А.В.
Взаимопомощь в саратовской деревне
в годы Первой мировой войны: взгляд сверху и снизу ……345

Posadsky A.
Mutual Assistance in the Saratov Village
during the First World War: a View from Above and Below …….345

Романченко В.Я.
Российское крестьянство и власть в Первой мировой войне ……357

Romanchenko V.
Russian Peasants and Power in the First World War ……..357

Сапон В.П.
Нижегородская деревня
в годы Первой мировой войны: дофевральский период
(по материалам газеты «Нижегородский листок») …….....372

Sapon V.
Nizhny Novgorod Village
in the Years of World War I: Prefebruary Period
(on Materials of the “Nizhegorodsky Listok” Newspaper) ……..372

Сухова О.А.
Первая мировая война и кризис
традиционной ментальности: российская деревня в 1914–1917 гг. …….383

Sukhova O.
First World War and the Crisis
of the Traditional Mentality: Russian Village of 1914–1917 ……..383

Токарев Н.В.
Социальные конфликты
в тамбовской деревне в годы Первой мировой войны ……..399

Tokarev N.
Social Conflicts in the Tambov Village during the First World War …..…..399

Трошина Т.И.
Влияние Первой мировой войны
на разрушение сплоченности крестьянских общин
(по материалам северных губерний Европейской России) ……...410

Troshina T.
Impact of the First World War
to the Destruction of Cohesion Peasant Communities
(on the Materials of Northern Provinces of European Russia) ……...410

Хорос В.Г.
Российское крестьянство
в годы беды (по дневникам М.М. Пришвина) ……427

Khoros V.
Russian Peasantry
in the Years of Disaster (Reading Prishvin's Diary) ……...427

Чертищев А.В.
Первая мировая война как фактор
противодействия Традиции и Модерна в сознании
солдатского контингента действующей русской армии ……451

Chertishchev A.
First World War as a Factor of the Conflict Between
Tradition and Modernity in the Consciousness
of the Soldiers of the Russian Army in the Field ……451

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ О ПРОЕКТЕ

SELECTED ARTICLES ABOUT THE PROJECT

Бродовская Л.Н.
Крестьяноведение в исследовательском поле российской истории
(о семинаре «Крестьянский вопрос» проекта «Народ и власть») 473

Brodovskaya L.
Peasant Studies
in Exploratory Field of Russian History
(about the Seminar "Peasant Problem" of the Project "People and Power") ….473

Колганов А.И.
Сталинизм и крестьянство:
тяжелая поступь исторической необходимости
или гражданская война против собственного народа? ……..485

Kolganov A.
Stalinism and Peasantry:
Hard Steps of the Historical Necessity
or the Civil War Against the Own People? ……485

Марченя П.П., Разин С.Ю.
Крестьянство и Россия
(о сборниках проекта «Народ и власть») 507

Marchenya P., Razin S.
Peasantry and Russia
(about the Collections of Conference
Papers within the Framework of the Project "People and Power") …….....507

Ревин И.А.
Мятежная Россия: проект «Народ и власть»
в историографии революционных кризисов
(взгляд с Дона) 527

Revin I.A.
Rebel Russia: Project "People and Power"
in the Historiography of Revolutionary Crises
(View from the Don) 527

Фурсов А.И.
Крестьянство: проблемы социальной теории
(размышления на полях одной дискуссии
проекта «Народ и власть») ……..542

Fursov A.
Peasantry: Problems of Social Theory
(Reflections on the Field a Discussion
of the Project "People and Power") ……..542

Хорос В.Г.
Понимание как основа историзма:
«Сталинизм и крестьянство»
(о сборнике проекта «Народ и власть») ……..609

Khoros V.
Comprehension as the Basis of Historicism:
"Stalinism and Peasantry"
(about the Collection of Conference
Papers within the Framework of the Project "People and Power") ……....609

Шевельков А.И.
Крестьянские штудии проекта «Народ и власть» ……635

Shevel'kov A.
Peasant Studies of the Project "People and Power" ……635

КРУГЛЫЙ СТОЛ

THE ROUND TABLE

Подготовили к публикации:
Марченя П.П., Разин С.Ю.
Русское крестьянство и Первая мировая война:
дискуссии круглого стола 648

Preparing for Publication:
Marchenya P., Razin S.
Russian Peasantry and World War I:
Debates at the International Roundtable Discussion ……...648

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ, АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

CONTRIBUTORS, ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Сведения об авторах и контактная информация 763

Contributors and Contact Information 763

Аннотации и ключевые слова 777

Annotations and Keywords 777

СТАТЬИ УЧАСТНИКОВ ПРОЕКТА

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ:

ОТ ОРГАНИЗАТОРОВ ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ» И КРУГЛОГО СТОЛА «РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА»

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

На состоявшемся в год 100-летнего юбилея начала Первой мировой войны круглом столе «Русское крестьянство и Первая мировая война» было принято решение опубликовать не только его материалы[1] (к настоящему времени уже успевшие получить определенный историографический отклик, в том числе в таких изданиях как «Вестник РГГУ»[2], «Вестник Оренбургского государственного педагогического университета»[3], “Quaestio Rossica”[4]), но и подготовить одноименный сборник научных статей, где и непосредственные участники Стола, и другие заинтересованные ученые смогли бы более развернуто аргументировать авторские позиции и презентовать для дальнейшего обсуждения результаты исследований по названной теме.

Работа над этим сборником длилась долгих два года. Знаменательно, что выходит он накануне года еще более значимого юбилея – года столетия Русской революции 1917 г.

И неслучайно, что и нынешний сборник, являющийся пятым выпуском серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть» и четыре предыдущих сборника проекта («Народ и власть в российской смуте»[5], «Крестьянство и власть в истории России XX века»[6], «Россия и революция»[7], «Сталинизм и крестьянство»[8]) так или иначе посвящены одной общей теме – системным кризисам и революционным потрясениям России, в ходе и исходе которых решающая роль принадлежала народу, большинство которого – и количественно, и качественно – составляло крестьянство.

И, по нашему глубокому убеждению, эта тема остается сверхактуальной и для современной России, ибо «в определенном смысле и сейчас крестьянское сознание остается базовым, матричным для всех форм массового, общественного и группового сознания в России. Это именно матрица – как исходная материнская форма всех реальных проявлений массового и подлинно народного в отечественной истории, как историческая первооснова (“архе”) нашего социального. В ней кроется весь корневой набор архетипических установок и реакций, детерминирующих причинно-следственную модель поведения масс, задающих определенную последовательность и диапазон («коридор») событийного ряда российской истории (особенно в ситуациях системных кризисов, смут, революций, вообще в пограничных ситуациях)...» и «можно спорить о том, существует ли (либо уже отсутствует) в сегодняшней России реальное крестьянство, но не приходится сомневаться в реальности сохранения самой крестьянственности и вполне определенных характеристик крестьянского сознания, остающихся доминантными в условиях непреодоленной Смуты на всем пространстве развалленной Советской империи. Без адекватного понимания и полноценного учета этих объективно сохранившихся “крестьянских” характеристик немыслимо и стратегическое оформление “новых” (обновление “старых”) императивов дальнейшего исторического пути России как главных оснований ее “выздоровления”, выхода из затянувшегося “Смутного

времени", восстановления прервавшейся "связи времен", цивилизационной преемственности. Проще говоря, сохранения России в мировой истории»[9].

Пользуясь случаем, приглашаем к участию в деятельности нашего проекта всех специалистов, которые не равнодушны к проблемам взаимодействия народа и власти в истории России.

Материалы мероприятий проекта (и аналитические статьи по их результатам) регулярно публикуются в ряде ведущих федеральных журналов, рекомендованных Перечнем ВАК Минобрнауки РФ, в том числе в изданиях, входящих в ядро РИНЦ и международные библиографические базы Web of Science, Scopus, RSCI на платформе WoS.

Все публикации проекта выставляются также в свободный доступ на специализированных научных сайтах Сети Интернет (в том числе в официальном Открытом Архиве научного информационного пространства Сети Соционет: http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj).

Контактная информация приведена в конце сборника.

Библиография

---

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 31 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/WWI.pdf).

[2] *Ланской Г.Н.* Круглый стол как историографическое явление: русский крестьянин и его хозяйство в период Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 136–143 (URL: http://www.rsuh.ru/upload/main/vestnik/ifkv/archive/IFKV/Vestnik_1_16.pdf#page=136).

[3] *Любичанковский С.* Первая мировая война и российское крестьянство как проблема для всероссийской дискуссии: историографический опыт последних лет // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 164–170 (URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/18_17_2016.pdf).

[4] *Любичанковский С.* Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия // Quaestio Rossica. Т. 4.

2016. № 2. С. 267–275. DOI: 10.15826/qr.2016.2.169 (URL: http://journals.urfu.ru/index.php/QR/article/view/169/1811).

[5] Народ и власть в российской смуте. М., 2010 (URL: http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf)

[6] Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011 (URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

[7] Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf).

[8] Сталинизм и крестьянство. М., 2014 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf).

[9] Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 82–83.

ВОЙНА И КРЕСТЬЯНСКИЕ ОЖИДАНИЯ

В.В. Бабашкин

На одном из заседаний теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», которое пришлось на год 80-летнего юбилея начала Первой мировой войны, развернулась острая полемика по поводу некоторых социально-психологических особенностей крестьянства как такового, в том числе, разумеется, и крестьянства российского[1]. Обсуждалось содержание монографии американского исследователя Р. Сиви под названием «Голод в крестьянских обществах»[2], и многим участникам дискуссии категорически не понравилось то, какой вклад ее автор попытался внести в теорию «моральной экономики крестьянства», разработанную его соотечественником Дж. Скоттом. Книга Скотта «Моральная экономика крестьянства»[3] была предметом дискуссии в том же семинаре тремя годами ранее, и тогда вполне единодушно было признано, что ее концептуальное содержание способно существенно обогатить нашу аграрную историографию свежими идеями и «незамыленным» взглядом на важные проблемы[4]. Отмечу, кстати, что к сегодняшнему дню морально-экономический подход в рассмотрении вопросов отечественной истории явно набирает силу. К примеру, столь затрепанная идеологией и пропагандой проблема, как «сталинизм», приоткрывает в этом ракурсе такие свои сущностные аспекты, которые только раздражают пропагандистов с их штампами, что, в частности, нашло отражение в монографии Н.Г. Кедрова «Лапти сталинизма»[5 6].

Но вернемся к тому, какие шаблоны исторического мышления подверг испытанию Сиви своим «Голодом в крестьянских обществах». Он писал об «этике праздности» как имманентно присущем жителям общинной деревни стремлении к минимизации трудозатрат, о «компромиссе пропитания» и т.д., что вне контекста исследования

выглядело приблизительно так: все крестьяне – лентяи и лоботрясы. Для провокации праведного гнева более чем достаточно. Но, как говорится, сердишься – ищи, в чем неправ. Ветеран Великой Отечественной войны историк из МГУ, специалист по коллективизации Ю.А. Мошков сказал тогда: «Сегодня основательно досталось так называемой “этике праздности”... Я не стану присоединять свой голос к тем, кто с негодованием обрушился на нее в обиде за крестьянство. Я добавлю вот какое соображение. Были мы в свое время на фронте. О чем мечтает солдат на войне во время многодневного наступления? *(Из зала*: Поспать бы...) Поспать бы, отдохнуть бы, из этой смертельной обстановки вырваться хоть ненадолго. Следует ли из этого, что солдат – лежебока и потенциальный дезертир? Его поведение – противоположная сторона того колоссального напряжения, огромной тяжести, которая давит на солдата на войне. Поэтому мне ближе позиция тех, кто говорил, что мечта о праздности – это оборотная сторона трудового напряжения, постоянно испытываемого крестьянином в своем труде и во всем строе жизни»[7].

Бессменный руководитель семинара выдающийся историк-аграрник В.П. Данилов, который тоже знал о Великой Отечественной не понаслышке, также призвал к более вдумчивому отношению к обсуждаемой проблеме. Когда защитники хрестоматийного образа крестьянина-труженика, вечного пахаря и кормильца попеняли своим оппонентам за привлечение в качестве аргументации писательского наследия (а тем более такой классики фольклорного жанра, как «По щучьему велению»), Данилов решительно вступился за последних: «Позволю себе реплику в защиту ссылок на художественные произведения при обсуждении проблем нашего семинара. У Вересаева есть небольшой рассказ “Лизар”, написанный в 90-е гг. XIX в. Лизар – мужское имя. Едет молодой врач в деревню. Лизар его везет и объясняет ему, что да как в деревне. Вот хорошо было раньше – не было врачей. Чума поклюет народишко, холера. Война тоже. (Допустим, турецкая кампания 70-х гг.)

В результате народу станет поменьше, а земли побольше и, глядишь, опять жить можно... Если признать, что Лизар – фигура исторически точная, а рассуждение его – типичное рассуждение традиционного крестьянина в условиях возникающего малоземелья, то есть повод задуматься, так ли уж однозначно разбиваются теоретические схемы обсуждаемой книги о российскую историю»[8].

Все это к тому, насколько важно для лучшего понимания российских исторических событий первой половины XX в. пытаться взглянуть на важнейшие из них глазами самого массового и самого главного участника их – крестьян или непосредственных выходцев из деревни. Как отмечено выше, лучшее понимание этих событий весьма затруднено идеологическими штампами недавнего прошлого (научный коммунизм) и особенно настоящего (либерализм). Последний буквально пропитал школьные и вузовские учебники нового поколения. Приведу пример.

Выбрав тему этой статьи, я отдавал себе отчет, что без крестьянских частушек военной поры тут не обойтись. Самая известная из них (с небольшими вариациями по тексту) получила широчайшее хождение и в деревне, и на фронте, причем никак не раньше лета 1915 г., поскольку в 1914 г. крестьянские ожидания в отношении войны еще не были так жестоко обмануты. Решил посмотреть, как эта частушка ведет себя в Интернете, заодно уточнить, на какой источник сослаться, и обнаружил, что у нее там очень бурная жизнь. В частности, она оказалась востребованной составителями материалов для подготовки к ЕГЭ по обществознанию.

Цитирую:

«Иногда свобода понимается как вседозволенность. В начале XX в. в русских деревнях пели такую частушку:

Бога нет, царя не надо.
Губернатора убьем,
Платить подати не будем,
Во солдаты не пойдем.

К каким последствиям может привести такое толкование свободы? Конкретизируйте свой ответ примерами»[9].

Если бы мне предложили конкретизировать примерами мое сугубо отрицательное отношение к ЕГЭ по истории и обществознанию, этот вопрос был бы среди лучших примеров. Но это отдельная тема. Чтобы здесь ее не развивать, солидаризируюсь с диагнозом М.И. Веллера, высказавшегося по поводу ЕГЭ по литературе: «Эти заранее выученные ответы на заранее составленные вопросы нынешней цивилизации обойдутся еще очень дорого»[10]. Образцовые ответы на вопрос о частушке и толковании свободы опубликованы там же в сети и не могут не удручать. Неопределенно-личное «пели» вкупе с негативной трактовкой содержания частушки, которая явно заложена в формулировку этого вопроса, позволяет предположить, что «пели» такое отдельные негодяи. Но это противоречит самому жанру частушки. Она проходит буквально дарвиновский естественный отбор, чтобы остаться в памяти и стать достоянием потомков. Те, что не слишком точно попадают в суть проблемы, быстро забываются.

Об этом, равно как и о том, что Мировая война, вызвав глубокое разочарование крестьянства, с неизбежностью перешла в фазу Гражданской войны (по В.И. Ленину) как закономерного этапа развивавшейся с весны 1902 г. в стране крестьянской революции[11], мог бы говорить со школьниками накануне ЕГЭ квалифицированный учитель. В результате они могли бы потерять искомые баллы, поскольку вытекающий из всего этого ответ на вопрос просто взъярил бы проверяющего.

Для либералов трактовка свободы – «священная корова». Они накрепко увязывают свободу с постулатом римского права о священности и неприкосновенности частной собственности. С их точки зрения, русские солдаты воевали тогда «за Веру, Царя и Отечество» и наверняка победили бы, если бы большевики злокозненно не отобрали у них и то, и другое, и третье, всучив взамен «похабный» Брестский мир. Внимательное изучение того, что ожидали

крестьяне на фронте и в тылу от войны, и что они в конечном итоге получили в 1918 г. (Основной закон о социализации земли)[12] и в 1922 г. (Земельный кодекс РСФСР), может отправить в нокаут либеральную мифологию.

Со времен Отечественной войны 1812 г. в деревне поселилось смутное, но вполне единодушное представление о том, что, кто кровь за Отечество прольет, ему и родным его будет настоящая свобода. «Смутное» – в том смысле, что спроси любого из носителей этого представления, что это за «настоящая свобода» такая, – затруднится ответить. Но то, что это справедливая плата за пролитую кровь, не вызывало сомнения. В наполеоновскую войну вопрос, за что воюем, решался просто и понятно. В турецкую кампанию 1877–1878 гг. приходилось уже запускать пропагандистскую машину с призывом защитить «братьев-славян», однако недостатка в добровольцах не было, поскольку потребность в «настоящей свободе» оставалась острой. Крестьянская реформа полутора десятилетиями раньше не воспринималась в деревне в качестве таковой. Крестьянские ожидания тогда в очередной раз были обмануты, и в этом вопросе советская историография куда ближе к истине, нежели либеральная.

То же касается столыпинской реформы, отношение к которой среди сегодняшних историков и публицистов дает один из самых четких критериев верности идеям и ценностям либерализма. Авторитетный исследователь поземельных отношений той поры в общинной деревне П.Н. Зырянов еще в июне 1992 г., когда только начинала разворачиваться аграрная политика «младореформаторов», сказал об этом так: «Что касается в целом современной ситуации в деревне, то аграрная реформа, которая сейчас вырисовывается, представляется мне какой-то скверной пародией на столыпинскую реформу, и поэтому столь нервно воспринимается всякая критика Столыпина и его аграрных преобразований»[13]. Что же касается самой столыпинской реформы, то историки, изучающие те события в деревне с точки зрения крестьянских ожиданий, крестьянского восприятия, подтверждают, что основным настроением было

разочарование и раздражение[14]. Это очень доходчиво выразил один крестьянин села Лох Саратовской губернии, который, согласно полицейскому донесению, в пьяной горячке заявил, что указ 9 ноября писан «не руками, а...»[15].

В.Т. Логинов приводит статистику разгула «столыпинской реакции»: 1 102 человека, казненных военно-полевыми судами в 1906–1907 гг., 2 694 – повешенных по приговорам военно-окружных судов в 1906–1909 гг., 23 тыс. – отправленных на каторгу и в тюрьмы, 39 тыс. – высланных без суда, тысячи и тысячи – расстрелянных карательными экспедициями без всякой статистики. «Но подлинные масштабы насилия, – подчеркивает историк, – проявились именно при проведении аграрной реформы. По закону передел земли в общине происходил раз в 12 лет. С 1908 г. переделы стали постоянными, ибо по новому закону их производили даже по требованию одного общинника, пожелавшего выделить надел или уехать за Урал. А такой передел означал передвижку всех крестьянских земель. Между губернаторами шло открытое соревнование за процент “выделившихся”, и они принуждали крестьян силой. И это касалось уже не тысяч, а миллионов...»[16]. Четверть века спустя соревнование за процент коллективизации поведут областные партсекретари, сигналя будущим историкам о преемственности между царской и сталинской политическими системами. (Отметим в скобках, что историки обеих традиций – коммунистической и антикоммунистической – оказались одинаково невосприимчивы к таким сигналам). Но, возвращаясь к кануну Первой мировой войны, следует подчеркнуть, что градус взаимного раздражения между крестьянами и властью зашкаливал.

Могла ли Российская империя не втянуться в ту войну? Вопрос праздный. Мода на исторические альтернативы и «точки бифуркации», кажется, проходит. Однако, рассматривая разные факторы, которые в своем переплетении и хитросплетении с неизбежностью втягивали нашу Родину в империалистическую бойню (которой с той же неизбежностью предстояло стать Гражданской войной

в России), обратим внимание на такой фактор, как ожидания царской бюрократии и ожидания общинного крестьянства. В советских учебниках истории неизменно подчеркивалось, что царизм лез в войну, рассчитывая загасить огонь нового революционного подъема (фабрично-заводская смута в городах и пресловутые «аграрные беспорядки») встречным огнем патриотического подъема. Таковой подъем действительно имел место[17]. Но шанс этот был властью бездарно упущен, а полученный правительством очередной кредит народного доверия быстро и безвозвратно утерян. С огромной натяжкой к жестам доброй воли со стороны царизма можно отнести два циркуляра А.В. Кривошеина от 22 августа 1914 г. и от 29 апреля 1915 г., предписывавших приостанавливать до конца войны те землеустроительные работы, которые могли бы вызвать «неприязненные в среде населения отношения»[18]. Многие землеустроительные комиссии действительно приостанавливали свою деятельность на военное время. Но в большинстве случаев политика принудительных выделов продолжалась, резко усугубляя крестьянскую неприязнь. Министр внутренних дел Н.А. Маклаков требовал жестких мер в отношении крестьян, сопротивлявшихся наделению землей отрубников[19]. К этому же призывали губернское начальство члены землеустроительных комиссий.

К 1915 г. и крестьянам в солдатских шинелях стало все понятно с перспективой обретения «настоящей свободы» из рук Божьего помазанника. Автор дотошно написанной политической биографии последнего М.К. Касвинов приводит такую выдержку из воспоминаний генерала А.А. Брусилова: «Сколько раз спрашивал я солдат в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты... Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, т.е. по капризу царя... Войска наши были обучены, дисциплинированны и послушно пошли в бой, но подъема духа не было никакого, и понятие о том, что представляла из себя эта война, отсутствовало полностью»[20].

О.С. Поршнева поставила перед собой огромной сложности задачу увидеть события войны глазами ее рядовых участников, без идеологии, увязать общее развитие политической ситуации с их ожиданиями, представлениями и поведением. Она не просто констатирует качественное изменение отношения крестьян к войне и, соответственно, к царю приблизительно с середины 1915 г., – она находит это сообразным особенностям менталитета традиционного крестьянства: «Власть в рамках такого сознания ощущается не как сфера человеческой деятельности, изначально несовершенная, а либо как область сакрального, истины и справедливости, либо как царство тьмы. После того, как у носителя подобного сознания размывается представление о святости власти, ... оно заменяется на свою противоположность и порождает не легальные формы борьбы за изменение облика власти, а полное ее отрицание и стремление уничтожить как источник зла»[21]. Такое вот интересное умонастроение традиционного крестьянина, отразившееся в частушке «Бога нет, царя не надо... », имеет свойство мощно материализоваться в не менее интересное историческое явление, которое М.Л. Левин назвал когда-то «архаизацией» деревни[22] [23].

Об этом говорила в дискуссии нашего Круглого стола специалист в области изучения социально-психологических аспектов крестьянского бытия О.А. Сухова. Отвечая на вопрос, сколько времени занимает процесс от радикализации крестьянина до возвращения деревни к традиционным ценностям, она сказала: «Здесь, наверное, можно вести разговор о периоде с 1914 по 1917 гг. Традиционные политические представления крестьян базировались на идее двухуровневой организации государства: первый уровень, представленный монархом и наместником Бога, и второй, горизонтальный уровень – это множество крестьянских общин. В условиях кризиса и затем краха монархической власти властно-политическое регулирование перемещается на уровень общины: *правопреемником царя становится сход*. Как показывают материалы анкетирования, проведенного Министерством земледелия летом 1917 г., представление о

том, что община является правопреемницей государства, появилось сразу же после распространения информации об отречении Николая II»[24] (*курсив мой. – В.Б.*).

Слухи, дискредитировавшие монархию, на завершающем этапе войны нарастали лавинообразно, основанные на них суждения были жестки и по-крестьянски категоричны. В такой напряженной атмосфере эти умонастроения кристаллизовались в частушки.

Николай вином торгует,
Сашка пышки продает,
А наставник их Распутин
себе денежки гребет.

«В 1917 г., – пишет Поршнева, – в фольклоре появилась знаковая частушка: “Как на царском на троне замест сокола ворона, мы ворону невзлюбили, совсем царя отменили”[25]».

Сразу после «отмены царя» общинные сходы приступили к тому, чего так долго и тщетно ждали от «вороны»: к реализации своего естественного права на землю. Это именно то, чего крестьяне и в деревне, и на фронте страшно боялись «проворонить», отказываясь понимать, кто, кроме царя, может вмешиваться в эти сакральные правоотношения. В их глазах уход царя отменял все те элементы политической, экономической и правовой системы империи, которые складывались в течение предшествующих полстолетия, создавая у политиков и идеологов (особенно либеральных) иллюзию тождественности исторического пути России и Европы. Крестьянам невозможно было объяснить, что земля может принадлежать (по бумагам) не тем, кто ее обрабатывает, а Бог знает кому. Бумагу можно принять и на сходе, письменно оформив единственно мыслимое решение: такие-то земли отныне поступают в распоряжение и пользование такого-то крестьянского общества. Писать теперь было кому, в родные деревни возвращались с фронта дезертиры, настроенные самым решительным образом.

Д.П. Оськин, оставивший интересные мемуары[26], вспоминал, что к 29 апреля 1917 г., когда из штаба полка пришла телефонограмма о необходимости послать представителя на Всероссийский съезд крестьянских депутатов, из полка дезертировало уже не менее тысячи человек. Оськина и делегировали на ВСКД, когда он был бурно поддержан на полковом собрании, объяснив, «почему необходимо, не дожидаясь окончания войны, объявить землю общенародным достоянием, отобрать немедленно у помещиков и передать до возвращения солдат с фронта в ведение земельных комитетов, избираемых на местах при каждой волости...»[27].

В 1917 г. с фронта дезертировали порядка 2 млн солдат. Дружное дезертирство с фронтов дискредитировавшей себя войны классик исторической социологии аграрных обществ Дж. Скотт убежденно относит к крестьянским формам противостояния государственной власти, специфика которых состоит в скрытном характере и высокой степени солидарности. «Можно ли, к примеру, – пишет он, – объяснить крах царской армии и последующую победу большевиков, не воздав должного массовому дезертирству с фронта летом 1917 г., проходившему на фоне стихийных захватов помещичьей земли в деревне? Мало кто из этих рядовых крестьян думал о революции (если вообще думал), но они сделали все для ее подготовки»[28].

Я не сторонник той постановки вопроса, что империалистическая война окончилась для России в марте 1918 г., а Гражданская – началась в мае. Чем были карательные экспедиции Временного правительства против крестьянских захватчиков юридически не принадлежавшей им земли, как не гражданской войной? Правительство всерьез обсуждало возможность переброски с фронта для борьбы с деревенскими мятежниками кавалерийских подразделений как наиболее благонадежных – крестьяне, составлявшие основу личного состава местных гарнизонов, не видели преступления в распашке земель по постановлению сходов,

отказывались понимать, за что начальство велит наказывать братьев по классу[29].

В рамках этой статьи можно сказать так. Германская война, в которую царь втянул революционную деревенскую Россию не от большого ума (как вариант, имеющий под собой серьезные аргументы: у царя не было выбора, влезать во все это или нет), настолько мощно всколыхнула потенциальную энергию крестьянских ожиданий, что ее переход в кинетическую стал неизбежен.

Нежелание видеть это обстоятельство будет по-прежнему затруднять для историков адекватный анализ политических пертурбаций Февраля и Октября 1917 г. и вопроса о сроках и итогах Гражданской войны в России.

Библиография

[1] Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 4.

[2] *Seavoy R.E.* Famine in Peasant Societies. N. Y., L., 1986.

[3] *Scott J.C.* Moral Economy of the Peasant: Rebellion and Subsistence in Southeast Asia. New Haven, L., 1976.

[4] Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1992. № 5.

[5] *Кедров Н.Г.* Лапти сталинизма. М., 2013.

[6] *Бабашкин В.В.* Валенки Хрущева. Рецензия на книгу: *Кедров Н.Г.* Лапти сталинизма... // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2014. М., 2014.

[7] Отечественная история. 1995. № 4. С. 28.

[8] Там же. С. 24.

[9] Школьные Знания.com – Решаем домашнее задание вместе [Электронный ресурс]. URL:http://znanija.com/task/4049069.

[10] *Веллер М.И.* Нас отучают думать // Аргументы и факты. 2015. № 9 (1790). С. 5.

[11] *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьяне и власть. М. – Тамбов, 1996.

[12] *Кабанов В.В.* Разработка Основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1922 гг. М., 1977. С. 79–111.

[13] Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1993. № 2. С. 21.

[14] *Бабашкин В.В.* Аграрная реформа П.А. Столыпина: непрекращающийся спор // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Ч. I. Омск, 2012. С. 12–16.

[15] *Кондрашин В.В.* История села Лох // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М., 1997. С. 187–188.

[16] *Логинов В.Т.* Столыпин как реформатор // Кто и куда стремится вести Россию?.. М., 2001. С. 27–28.

[17] *Тютюкин С.В.* Последний шанс императорской России // Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 61–68.

[18] Крестьянское движение в России в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 г. М., 1965. С. 152.

[19] Там же. С. 44–46.

[20] *Касвинов М.К.* Двадцать три ступени вниз. М., 1988. С. 215.

[21] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 106.

[22] *Lewin M.* Russia/USSR in Historical Motion: an Essay in Interpretation // The Russian Review. Vol. 50. № 3. July, 1991. P. 250.

[23] Современные концепции аграрного развития // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 48, 59, 70.

[24] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 31 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/WWI.pdf).

[25] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 106.

[26] *Оськин Д.П.* Записки прапорщика. М., 1931.

[27] *Лавров В.М.* «Крестьянский парламент России» (Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов в 1917–1918 годах). М., 1996. С. 25.

[28] *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник. М., 1996. С. 38.

[29] *Бабашкин В.В.* Кто и за что воевал в гражданской войне? // Общественные науки и современность. 2005. № 4.

МОБИЛИЗАЦИОННЫЕ КАМПАНИИ В ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.П. Баринова

Реакция российского общества на начавшуюся войну была неоднозначной, как и в дальнейшем ее оценка современниками, потомками и исследователями. Первый опыт осмысления организации и проведения мобилизационных мероприятий в годы Первой мировой войны представлен в воспоминаниях непосредственных участников этих событий, которые отмечали, что мобилизация была проявлением патриотических чувств русского народа. В качестве отрицательных факторов, препятствовавших успешной реализации поставленных перед армией задач, исследователи называли низкую подготовленность призывников, неразвитость транспортной инфраструктуры[1 2 3]. В советской историографии изучение проблематики, связанной с Первой мировой войной рассматривалось в рамках социально-классовой проблематики[4].

В 1990-е гг., в противовес концепции советских историков, в российской историографии возобладало представление о том, что вступление страны в войну сопровождалось патриотическим подъемом во всех слоях общества, а сама война была воспринята как Отечественная[5 6 7 8]. В последнее десятилетие наметилась тенденция более детального изучения отношения российского общества к войне[9]. В литературе содержатся разноречивые оценки сознания и поведения людей в условиях начавшейся войны, массовых беспорядков среди призывников во время мобилизации в июле–августе 1914 г. (например, в работах А.В. Посадского[10], А.Б. Асташова[11], С.Н. Тутолмина[12], О.С. Пошневой[13]). Итоги историографического изучения проблемы подведены в статье пензенского исследователя

О.А. Суховой[14]. В современной исторической литературе, на основе интерпретации и анализа данных о степени вовлеченности населения в мобилизационные мероприятия, о характере общественной инициативы, о деятельности различных добровольных обществ, благотворительных организаций, делаются выводы о специфике массового сознания и поведения в годы Первой мировой войны, дается трактовка общественно-политических настроений накануне революции 1917 г.

Специфика массовой мобилизации в России в условиях войны была связана с особенностями формирования российского государства и нации, социокультурными особенностями страны. Ценности и установки сознания крестьянства, составляющего большинство населения страны, во многом противоречили представлениям политической элиты. Мобилизация способствовала усилению миграционной активности населения, перемещению значительной части населения и создавало почву для возникновения массовых форм поведения.

Известие о вступлении России в войну вызвало патриотический подъем населения в губерниях Поволжья. Повсюду проходили шествия, манифестации, молебны.

22 июля 1914 г. в Самаре прошла первая патриотическая манифестация в Струковском саду[15]. Торжественные молебны и патриотические манифестации, предшествующие мобилизации проходили типично. Например, в статье «Торжественный молебен и манифестация 22-го июля», опубликованной в «Городском вестнике», сообщалось, что после обедни епископом Тихоном при участии духовенства всех самарских церквей был отслужен молебен, перед которым с папертей церквей всенародно зачитывался манифест о войне с Германией, сопровождавшийся криками публики «ура». По поручению губернатора был прочитан текст верноподданнической телеграммы от жителей Самары. Перед собором маршем прошли под крики «ура» войска, а затем манифестанты и

многочисленная городская публика. Отмечалось, что впереди процессии «несли портреты Государя, Государыни и Наследника, дальше шел оркестр военной музыки, за ним шли войска, манифестанты с национальными флагами и публика», а на флагах «красовались надписи»: «Да здравствует армия и флот!», «Да здравствует Франция!», «Долой Австрию и Германию!» Манифестанты прошли по центральным улицам Почтовой и Дворянской к памятнику Александру II, где их ожидала толпа народа, выкрикивали «ура» русской администрации и народу[16]. Большинство жителей городов было уверено, что победоносная война продлится самое большее 3–4 месяца. Подобные мероприятия проходили во всех губернских центрах России.

В первые дни войны повсеместно в России прошли заседания городских дум, земские и дворянские уездные и губернские собрания, на которых были приняты верноподданнические патриотические адреса Николаю II по случаю вступления России в войну. 26 июля 1914 г. состоялся Всероссийский съезд губернских предводителей дворянства, который предложил всем чрезвычайным губернским собраниям обсудить на местах следующие вопросы: об объединении всех дворянских обществ для создания общей организации помощи раненым; избрании с этой целью представителей с широкими полномочиями от каждой дворянской организации на Всероссийский съезд; создание общей кассы. Эта инициатива была широко поддержана дворянством Поволжья.

28–29 августа 1914 г. состоялся съезд общедворянской организации помощи больным и раненым воинам. На нем было решено выделить все собранные средства (около 1,7 млн руб.) на создание и укомплектование 20 санитарных поездов, которые вывозили раненых в тыловые госпитали. Дворянские поезда обслуживали Юго-Западный фронт. Поволжские дворяне активно участвовали в деятельности организаций Красного Креста. Так, в Самаре было организовано формирование военно-санитарных обозов для фронтов и обучение военных санитаров; были

оборудованы десять лазаретов в дополнение к уже имеющимся в городе. Были призваны в армию офицеры запаса. Дворянская молодежь, охваченная патриотическими чувствами, добровольно уходила на фронт.

К губернским предводителям дворянства поступали многочисленные письма с предложениями о различной помощи. Дворянство активно включилось в сбор средств на нужды войны. В созданных земством комитетах по снабжению и снаряжению армии дворяне занимали ответственные посты. Они председательствовали на съездах по борьбе с дороговизной, участвовали в военно-промышленных комитетах, входили в губернские отделы центрального комитета помощи беженцам[17]. Война открыла перед дворянами-землевладельцами ряд новых источников доходов, связанных с военными поставками. Важнейшим каналом, по которому эти доходы поступали к помещикам, был Всероссийский земский союз. По его заказам в помещичьих имениях изготовлялись различные предметы интендантского снабжения армии, осуществлялись поставки продуктов, скота, леса и т.д. Практически все крупные дворянские имения поставляли хлеб для армии и лес на железные дороги.

По мере продолжения войны расширялась сеть общественных организаций в тылу, содействующих укреплению обороноспособности страны. Московское земство выступило инициатором объединения земств для помощи раненым. Комиссия в составе кн. Г.Е. Львова, Ф.В. Шлиппе и других разработала проект общеземской санитарной организации. 30 июля 1914 г. в Москве был созван Всероссийский земский съезд, на котором было принято решение об образовании Всероссийского земского союза. К нему примкнули все губернские земские организации, за исключением Курского губернского земства[18]. Возникали такие организации помощи армии, как Городской союз, военно-промышленные комитеты. 5 июня 1915 г. в Москве на съездах союзов городов и уполномоченных губернских земств было решено создать

особый объединенный Главный комитет обоих союзов по снабжению армии – Земгор[19]. Хотя их официальной целью была помощь раненым и беженцам, фактически они стали структурой для организации оппозиции. Поэтому министр внутренних дел Н.А. Маклаков настаивал, чтобы деятельность союзов была ограничена временем войны и подчинена губернаторам[20].

Состоявшиеся в июле-августе 1914 г. чрезвычайные губернские земские собрания, в которых ведущая роль принадлежала дворянам, также обсуждали вопросы, связанные с нуждами военного времени.

Уже 25 июля 1914 г. состоялось Саратовское чрезвычайное губернское земское собрание, на котором был принят всеподданнейший адрес, который заканчивался уверенностью в том, что «сильная своим единением с царем Русь вынесет все испытания войны». Помощь больным и раненным воинам становится в условиях войны главным направлением деятельности земств Поволжья.

Повсеместно городские думы поволжских городов принимали постановления о сборе средств для помощи семьям запасных, организации помощи раненым[21]. Саратовская городская дума также послала императору адрес, заявляя о готовности всеми средствами поддерживать войну и царя. Она ассигновала 600 тыс. руб. на «благо Отечества». Газеты того времени – «Саратовский листок», «Саратовская копейка», «Саратовский вестник» – рассказывали о многочисленных пожертвованиях. Вот несколько таких сообщений: от 28 августа – колонисты Саратовской и Самарской губерний изъявили желание собрать до 50 тыс. руб. и на эти деньги оборудовать и содержать 100-коечный военный лазарет; от 6 сентября – крестьяне Переездинской и Сластухинской волостей Аткарского уезда составили приговор об отдаче хлеба из общественных амбаров на нужды армии.

20 августа 1914 г. в Самаре был создан Областной Комитет помощи больным и раненым воинам во главе с городским головой С.Е. Пермяковым. Одновременно он

являлся уполномоченным Всероссийского городского союза, в обязанности которого входила организация транспортировки раненных и их лечение. Они же должны были распределять поступившие для лечения раненых средства. Открывались городские столовые для неимущих семей запасных нижних чинов, призванных на военную службу.

На основании законодательства семейства нижних чинов, находящихся на действительной службе в мобилизованных частях армии и флота пользовались правом на призрение за счет государственной казны. Действие закона распространялось на ближайших родственников – жена, родители, несовершеннолетние дети, а также несовершеннолетние братья и сестры, если они содержались за счет призванного. Общая стоимость кормовой нормы определялась индивидуально по губерниям. Семьям воинов оказывали помощь волостные, сельские и городские попечительства. На каждого взрослого члена семьи казенный пай в Самарской губернии составлял 1 п. 28 ф. муки в месяц, 10 ф. крупы, 4 ф. сала и постного масла 1 ф.[22]

Помимо государственной поддержки, благотворительную помощь семьям запасных оказывали различные организации. В губернских городах Поволжья действовали «Дамские комитеты», которые собирали пожертвования от частных лиц. Ежемесячно в кассу комитетов поступало по несколько тысяч рублей, которые использовались для заготовки белья и теплой одежды солдатам, помощь семьям воинов[23]. Царицынский «Дамский комитет», состоявший из жѐн офицеров отправленного на фронт Аварского полка, организовал широкую кампанию по привлечению пожертвований. На организацию и содержание госпиталя жертвовали денежные средства как крупные промышленники (И.В. Максимов, А.М. Шлыков, В.Ф. Лапшин, братья Кистовы и др.), так и простые жители. Наиболее показательным случаем всеобщей помощи армии является случай, когда несколько гимназистов отдали в «Дамский комитет» 72 коп., полученные от родителей на завтраки[24].

В помощь больным и раненным воинам, семьям погибших отчисляли 2 процента жалованья учителя женского четырѐхклассного училища, жандармские чины и рабочие других предприятий и учреждений города. По мере возможности каждый горожанин старался внести свой вклад в оснащение армии, чтобы добиться однозначного положительного результата – победы.

Лучшие традиции российского предпринимательства – благотворительность и меценатство – проявлялись в годы войны. На средства Л.С. и П.С. Аржановых, А.Ф. Вакано уже в первые месяцы войны в Самаре были открыты лазареты. К.П. Головкин, обладатель двухмиллионного состояния, осенью 1916 г. дважды обращался в городскую Думу с предложением построить Дом науки и культуры, в котором предлагал разместить Александровскую библиотеку, читальный зал, городской музей, художественную галерею, выставочный зал, залы собраний и концертов. На экстренном совещании Самарского биржевого комитета в июле 1914 г. был создан комитет по сбору пожертвований, выдаче пособий и продовольствия, помощи семьям военнослужащих. На средства комитета к концу июля 1914 г. был сформирован медико-санитарный отряд, открыт лазарет для раненых. Присяжный поверенный А.Г. Елшин писал в дневниках, что самарчанки из всех сословий сутками дежурили в госпиталях, развернутых по городу.

В губерниях шла активная подготовка к приему раненных, были подготовлены лазареты и госпитали. С начала боевых действий в города Поволжья непрерывными потоками шли эшелоны с ранеными. Больницы были переполнены. Создание, содержание и оборудование новых госпиталей легло на баланс городских дум. Одной из первых серьезных проблем стала доставка раненых от железнодорожной станции Самары до госпиталя. Был создан отряд санитаров-велосипедистов. В дальнейшем благодаря усилиям общественности, в Самаре и губернии было оборудовано не только значительное число госпитальных

мест, но и даже плавучий госпиталь-санаторий, а также организован досуг выздоравливающих воинов.

Саратов был назначен окружным пунктом распределения раненых. В городе образовался губернский комитет по оказанию помощи. К середине августа 1914 г. на своем очередном заседании комитет отметил готовность Саратова к приему раненых: было оборудовано более 20 лазаретов на 2 183 койки, в том числе в университете, губернском земстве. Крестьянском банке, 6-м смешанном училище, духовном ведомстве, здании РУЖД, в Сергиевской церкви и в богадельне.

Губернии Поволжья были объявлены на положении чрезвычайной охраны, а затем на военном положении. Полномочия губернаторов значительно расширялись. Из общей подсудности изымались дела о некоторых видах преступлений и проступков («известных» по определению законодательства, но без разъяснения), которые передавались на рассмотрение военного суда. Губернатор приобретал право издавать обязательные постановления по вопросам, предупреждавшим нарушения порядка и безопасности; накладывать взыскания в административном (внесудебном) порядке; воспрещать любые общественные собрания; закрывать торговые и промышленные заведения; налагать секвестр на недвижимые и арест на движимые имущества, если доходы с них употреблялись на преступные цели; увольнять на время действия положения чиновников всех ведомств (кроме лиц первых трех классов), а также служащих но выборам в сословных, земских и городских учреждениях; приостанавливать деятельность периодических изданий на время действия положения; закрывать учебные заведения на срок до одного месяца и пр. Практика использования Положения об усиленной (чрезвычайной) охране сложилась в условиях борьбы с революционным движением, чем и объясняется его ярко выраженная контрреволюционная направленность. Проблемы централизации управления в регионе, введение единоначалия, придание жесткости вертикали власти здесь не оговаривались, исключая лишь

наречение губернатора новым чином, соответствовавшим реалиям времени.

Жизнь населения губерний подлежала регламентации на основании обязательных постановлений губернаторов, административных актов, устанавливавших новые предписания. Обязательные постановления губернаторов следовало соблюдать неукоснительно, меры наказания были более суровыми, чем в мирное время.

25 июля 1914 г. губернатором Н.В. Протасьевым было принято постановление, предусматривающее меры по охране порядка на территории Самарской губернии. В нем прописывался учет населения, оружия, запрещались собрания и демонстрации без разрешения начальника местной полиции, распространение статей, возбуждающих враждебное отношение к правительству, а также беспатентная торговля спиртными напитками. Дела, связанные с разбоем, уничтожением продовольствия и фуража, умышленными поджогами, организацией стачек, сопротивлением или неисполнением требований властей передавались ведению военного суда либо администрации[25]. В дальнейшем местная печать регулярно публиковала новые административные акты, обусловленные военным временем.

Мобилизационные кампании стали первым серьезным испытанием для российского общества в условиях Первой мировой войны. В июле 1914 г. впервые в российской истории проводился всеобщий призыв на военную службу, в первые же дни войны российская деревня потеряла около 2,5 млн или 14% всей мужской рабочей силы[26]. Начало мобилизационной кампании пришлось на разгар полевого сезона, что осложнило ситуацию. В кратчайшие сроки местные власти должны были решить множество проблем, связанных с организацией и обеспечением мобилизации. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. из сельских местностей 47 губерний и областей Европейской России было мобилизовано 10 932,6 тыс. чел.[27] Первый призыв на действительную военную службу, затронувший губернии Поволжья был проведен согласно

императорскому указу от 18 июля 1914 г. в отношении нижних чинов запаса. Для нестроевого населения вводились обязательные поставки в войска лошадей и повозок.

5 августа 1914 г. от имени Верховного Главнокомандующего было выпущено «Воззвание к русскому народу», в котором объяснялась цель участия России в войне. Всего за годы войны жителей Поволжья коснулись 19 мобилизаций, в том числе 5 – в 1914 г., 6 – в 1915 г., 7 – в 1916 г., 1 – в 1917 г.[28]

Во многих пунктах сбор призывников был хорошо организован, мобилизация осуществлялась без эксцессов, при душевном подъеме горожан, ярком выражении патриотических чувств. Так, «благополучно», «спокойно» прошли мобилизации в июле-сентябре 1914 г. в Балаково, Николаевске, Бугуруслане, Новоузенске, Мелекессе, Балашове, Кузнецке, Хвалынске, Дубовке; в июле 1914 г. – в Чебоксарах; в сентябре 1914 г. – в Казани; в октябре-ноябре 1914 г. – в Ядрине, Тетюшах; к концу 1914 г. – в Свияжске, Козьмодемьянске, Спасске и др.[29]

О первой мобилизации периода Первой мировой войны в Николаевске вахмистр дополнительного штата Самарского ГЖУ в рапорте от 25 июля 1914 г. сообщал: «...мобилизация запасных войск в г. Николаевске... идет благополучно. Настроение запасных и вообще населения мирное и патриотически приподнятое... запасные ведут себя примерно: не наблюдалось ни одного даже единичного случая какого-либо шарлатанства или выражения ропота по поводу войны»[30].

Однако патриотический подъем, захвативший общественное сознание, был омрачен случаями агрессивного поведения призывников, зафиксированными практически во всех губерниях империи. Наиболее масштабные выступления произошли в Самарской, Саратовской, Пензенской губерниях. Волнения, вызванные мобилизацией, были обусловлены объективными причинами: уклонением ряда категорий от призыва, проведение мобилизации в период полевых работ, радикализацией массовых настроений.

Прежде всего, острое недовольство крестьян вызвало то обстоятельство, что под мобилизацию не попадали чины полиции и стражники, которые олицетворяли в глазах крестьян представителей власти на местах. Бугульминский уездный исправник Ф.В. Любенецкий в рапорте Самарскому губернатору Н.В. Протасьеву о беспорядках во время мобилизации в городе Бугульме 24 июля 1914 г. отмечал, что среди мобилизованных раздавались крики: «почему стражники не идут на службу, они получают большое содержание, а мы единственные работники в семье, принуждены бросить баб и детей!». В Саратовской губернии ситуация до предела обострилась в г. Царицыне, где 21 июля погибло 20 и было ранено 24 участника выступления, причем основную роль в беспорядках, вылившихся в разгром сборного пункта сыграли женщины – жены призывников[31]. Как отмечает А.В. Посадский, события первоначально развивались по патриотическому сценарию. Еще вечером 18 июля около 300 местных жителей и запасные нижние чины в поселке при заводе «Урал-Волга» устроили патриотическую манифестацию. Такая же манифестация общей численностью до 5 тыс. чел. состоялась и в городе. По просьбе участников духовенство отслужило молебен. Но 21 июля толпа в несколько тысяч женщин при участии запасных потребовала немедленной выдачи пособий за мужей[32].

Кроме того, многие крестьяне опасались за судьбу своих семей и родственников, полагая, что денежное пособие, положенное мобилизованным, до них не дойдет, и семья останется как без основного работника, так и без средств к существованию. Исправник докладывал, что некоторые крестьяне «с дерзостью заявляли, что не сядут на подводы, пока не будет выдано пособие их семьям вперед, так как в Японскую войну их обманывали старшины и старосты при выдаче денежных пособий»[33]. В документах местных ГЖУ особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение пособия вызывала «ропот и возмущение» среди жен крестьян, мобилизованных в армию. В сентябре 1914 г. Самарским губернатором

Н.В. Протасьевым был издан циркуляр земским начальникам о приостановке взыскания продовольственных долгов с семей призванных в войска[34].

Зачастую беспорядки во время мобилизации были связаны с большим скоплением призывников, а также их родственников на мобилизационных пунктах. Так, например, в период июльского призыва 1914 г. в Бугульме сосредоточились до 11 тыс. призывников при том, что собственно население города не достигало и 9 тыс. чел., в Саратове – до 30 тыс. запасных и 1,5 тыс. дружинников при составе жителей в 242,4 тыс., в Аткарске – до 35 тыс. призывников при численности местного населения менее 14 тыс. чел., в Сердобске – 2 028 призывников при составе местного населения в 23,8 тыс. чел., в Балашове к октябрю 1914 г. – 17 тыс. призывников при 23 тыс. населения[35]. В ноябре 1914 г. Самарский уездный предводитель дворянства М.Н. Толстой сообщал губернатору Н.В. Протасьеву о перегруженности призывных участков уезда. Прием в каждом из призывных участков длился 6–7 суток, задерживая на этот период рекрутов и их родственников, прибывших проводить их. В Саратовской губернии помещения, где предполагалось организовать ночлег для запасных были для него не предназначены. Не было и необходимого количества офицеров, и призывники оказались предоставлены сами себе.

Ситуация усугублялась распитием спиртных напитков, что негативно влияло на поведение мобилизованных. Несмотря на введение «сухого закона» в годы Первой мировой войны достаточно остро стоял вопрос о потреблении алкогольной продукции. Воспрещение продажи алкоголя не было спонтанной и непродуманной акцией. 17 июля 1914 г. в стране был введен запрет на торговлю крепкими спиртными напитками на все время мобилизационной компании, предварительно до 15 августа. Однако простым закрытием торговли не удалось искоренить причины агрессии и злоупотребления спиртными напитками[36]. Уходящие «на войну» стремились погулять

напоследок. Неблагоприятное влияние на настроение общества так называемые «пьяные бунты» оказали в ходе мобилизации в июле 1914 г. в городах Самарской губернии – Николаевске, Самаре, Бузулуке, Ставрополе, городах Саратовской губернии – Вольске, Камышине, Балашове, Симбирской губернии – Сенгилее. Причем очень часто злоупотребление спиртными напитками сопровождалось попытками погрома учреждений по охране порядка.

В Ставрополе 20 июля 1914 г. при мобилизации были разгромлены две винные лавки и ренсковый погреб Киселева, убиты двое стражников и многие стражники ранены, местные власти требовали прислать войска для ликвидации выступлений, вынуждены были даже приостановить мобилизацию. Причем оказалось, что запасные прибывают в город уже пьяными. Отмечалось, что в ходе погрома винной лавки толпой в составе около тысячи человек были выкрики – угрозы в адрес стражи: «не смейте препятствовать, всех сомнем, перебьем»[37]. Погром соседней лавки продолжался до вечера, причем выяснить «как зачинщиков, так и подстрекателей к нападению на стражу и разгрому винных лавок, а равно и арестовать как их, так и бросавших кирпичами» в стражу «не представилось возможным вследствие малочисленности стражи», которая в составе 8 человек, включая исправника Сенкевича, противодействовала толпе в 4–5 тыс. погромщиков. Прием запасных возобновился только утром 22 июля, когда были отслужен молебен, зачитан манифест, для усмирения «буйства» из Самары прибыли 50 стражников. «Спокойствие» в городе было восстановлено только к 23 июля[38].

В Бугуруслане 22 июля вечером при участии около тридцати мобилизованных запасных была разбита казенная винная лавка. 23 июля в Бузулуке прибывшие на станцию запасные из Саратовской губернии расхитили вино в лавке городского поселка, а также рыбу и несколько пудов хлеба. 25 июля в Новоузенске запасные, толпой прибыв к казенному винному складу, «настойчиво», «с бранью» требовали открыть его и дать водки, обещали привести всех запасных и

разбить склад. Власти вынуждены были обратиться к губернатору за подкреплением в связи с недостаточностью сил полиции[39]. В г. Самаре 30 июля в ходе мобилизации двое запасных солдат требовали у магазина С. Крылова отпустить им вина, размахивая шашками. В Николаевске в августе 1914 г. отмечалось, что «с разрешением торговли красного вина среди войск развивается пьянство, причем среди пьяных между себя наблюдаются ссоры и драки», «некоторые из них в пьяном виде держат себя неблагопристойно и вызывающе по отношению к публике и даже полиции», вино «покупают четвертями и пьют чайными стаканами, и как не сильно действующее его употребляют в большом количестве и пропивают много денег»[40].

Скопление значительных масс людей в непосредственной близости от сборных пунктов, общность эмоционального восприятия происходящего усугублялось распитием спиртных напитков, которые провоцировали толпу на решительные действия и не отражали реальных настроений. Погромы винных лавок представляли лишь первую эмоциональную реакцию деревенских жителей на военную действительность.

Для основной массы мобилизованных не понятны были причины войны, отсутствовали представления о ее необходимости, поскольку большинство российских крестьян не отождествляло свои местные интересы с национальными интересами государства. Один из мобилизованных из Самарской губернии и направленных на Кавказский фронт, писал в июне 1915 г.: «Здесь некоторые так глупы, что никогда немца не видели, так они спрашивают, враждебна ли Германия к нам и будем ли мы стрелять в него, если попадем на войну»[41]. Любые проступки представителей местной администрации, каких как, например, не вовремя доведенная информация, задержка отправки посылок на фронт, плохая организация мобилизации, предоставление ряду категорий населений отсрочки от призыва оказывало на жителей «неприятное расхолаживающее впечатление» и порождало многочисленные слухи. Дестабилизирующее воздействие

оказывало общение с прибывавшими с фронта на излечение солдатами, которые рассказывали о плохой подготовленности России к войне.

То обстоятельство, что на ряд категорий населения мобилизация не распространялась, негативно сказывалось на поведении призванных. В 1914 г. на фронт брали рабочих военных заводов, но с 1915 г. был установлен лимит на мобилизации рабочих военных предприятий и железнодорожников. Оборонных предприятий в период 1914–1918 гг. на территории Самарской губернии было 137, Казанской – 88, Саратовской – 180[42]. Рабочие, получившие отсрочку от военной службы, приравнивались к военнослужащим. Агитаторов, организаторов забастовок по законам военного времени рассчитывали, заносили в особые списки, которые рассылали по всем предприятиям; многих «беспокойных» направляли на фронт. На место мобилизованных рабочих приходили эвакуированные из западных районов, беженцы, крестьяне. В 1914 г. в Самаре были закрыты девять промышленных заведений, производивших предметы потребления, в том числе Жигулевский пивоваренный, три лесопильных, кирпичный, механический заводы, мебельная фабрика.

К 1 января 1914 г. на 253 промышленных предприятиях губернии, подлежащих надзору фабричной инспекции, насчитывалось 43 980 чел., а к началу 1915 г. только на 59 фабриках и заводах Самары, подлежавших надзору фабричной инспекции, было занято 43 939 чел., еще около 17 тыс. чел. трудились на заводах военного ведомства. Всего в Самаре в это время было около 60 тыс. рабочих, в том числе на Трубочном заводе на 1 января 1917 г. работало 19,1 тыс. чел, на Самаро-Сергиевском – 13 376 чел. Значительно увеличилась численность строительных рабочих (5 тыс. чел.), рабочих железнодорожного и водного транспорта (22 тыс. чел.) На промышленных предприятиях Самары были заняты около двух тысяч детей и подростков. Среди рабочих губернии доля женщин составляла 30,5%, а на Трубочном заводе – 40,5%. Военные предприятия перешли на

двухсменную работу, были разрешены сверхурочные работы. По закону они допускались только с согласия рабочих, не разрушались сверхурочные работы детей и подростков. Конечно, были и нарушения. Сверхурочные работы оплачивались дополнительно. Количество рабочих дней в месяц в непрерывных производствах увеличилось с 26–27 до 28–29. Квалифицированных рабочих недоставало. Заводы военного ведомства, а также переведенные на военный лад частные заводы постоянно обращались к властям с просьбой обеспечить их инженерами и квалифицированными рабочими. С 1915 г. промышленные предприятия стали использовать труд военнопленных.

В мае 1915 г. было принято решение о предоставлении отсрочки лицам, занимающих должности телеграфистов всех наименований на всех железных дорогах Империи. В июле 1915 г. был отсрочен на неопределенное время призыв всех чинов полиции и стражников. Освобождение некоторых рабочих и представителей правоохранительных структур от службы в действующей армии горожанами, проживавшими на территории, где находился призывной пункт и систематически наблюдался сбор и отправка призывников, воспринималось неоднозначно. Одни обыватели были уверены, что останутся в городе, другие не понимали, почему кого-то призывают, а другие могут жить спокойно, как и в мирное время.

На территории поволжских губерний наблюдались как отдельные случаи негативного отношения обывателей к призыву населения в действующую армию, так и тенденция уклонения от призыва. В воспоминаниях работавшего на оборонном предприятии в Самаре М.В. Дубинина отражена позиция человека, уверенного в том, что он не будет призван в армию. Он пишет: «В 1916 г. я работал слесарем в Самаре на военно-промышленном заводе № 3... Этот завод был небольшой, работал на оборону. Поэтому все рабочие, работавшие на этом заводе, освобождались от призыва в царскую армию... В мае 1916 г. читаю объявления, расклеенные по городу, о мобилизации молодежи моего года

рождения. Я считал, что раз я работаю на военно-промышленном заводе, значит меня на службу в Царскую армию не возьмут... Когда нам объявили о мобилизации, я от неожиданности как-то растерялся, не мог понять, в чем дело... Управляющий нам объявил, что мы с брони сняты»[43].

Еще в первую мобилизационную кампанию на территории некоторых городов Поволжья были зафиксированы случаи освобождения от призыва состоятельных обывателей посредством подкупа должностных лиц. Так, в секретном донесении самарскому губернатору от 18 июля 1914 г. начальник Самарского ГЖУ сообщал, что «среди некоторых запасных существует сильное негодование по поводу освобождения евреев от службы фиктивно и высказывается даже желание устройства еврейского погрома»[44]. Состоятельные люди пытались отказаться от мобилизации путем предоставления справок о болезни. Среди горожан распространялись слухи, что данные лица освободились от военной службы за взятки. Приводя список освобожденных от мобилизации зажиточных жителей г. Балаково, включающий 15 фамилий, унтер-офицер дополнительного штата Самарского ГЖУ в Николаевском уезде на пункте г. Балаково 6 августа 1914 г. сообщал помощнику начальника Самарского ГЖУ в Николаевском и Ставропольском уездах, что среди местного населения идет «упорный разговор» об освобождении названных персон за деньги, причем «принимает серьезный характер»[45].

В марте 1915 г. в газете «Волжское слово» было опубликовано анонимное письмо «самарского труженика» редактору газеты В.В. Ветрову, в котором отмечалось, что ополченцы поступают на работу на Трубочный завод за взятки, чтобы не идти на войну. Он приводит в качестве примера жандарма с железной дороги, самарского скорняка и сына машиниста Мухина. Все они не нуждались в заработке на заводе, но поступили на завод и «согласны даром работать, только не попасть на войну». Корреспондент с юмором отмечает, что и сам бы поступил также, но у него нет денег на взятку. К тому же, – пишет он, – «если мы так будем делать

все, то германец не только Варшаву возьмет, но и Петроград, и в Самару, пожалуй, дойдет»[46]. В апреле 1915 г. группа призывников написала письмо Самарскому губернатору Н.В. Протасьеву, что среди уклоняющихся от призыва в основном богатая купеческая молодежь, которая «убегает от несения долга кто-куда»[47]. В сентябре исполняющий должность Самарского губернатора С.Д. Евреинов поручил начальнику губернского жандармского управления М.И. Познанскому провести негласное расследование в отношении лиц, принятых на Трубочный завод с момента объявления мобилизации. Начальник Самарского ГЖУ в ноябре 1915 г. отмечал, что с целью уклонения от призыва материально вполне обеспеченные лица устраиваются работать на самарский Трубочный завод, сотрудники которого имеют «бронь». В конце же 1916 г. в г. Самаре появились сведения о том, что «уход в рабочие» стал настолько «популярен», что на данный завод можно поступить на службу только при даче взятки старшему конторщику Комбириапу. Об этом же явлении писал из Саратова в Самару Х.Х. Бергер в феврале 1916 г.: «Черемисский действительно должен был бы призываться, но он поступил на один из заводов военно-промышленного комитета, куда его поместил кто-то из поляков, который состоит на заводе заведующим или еще кем, одним словом Черемисский остался только потому, что поступил на завод»[48].

Начальник Управления железных дорог в октябре 1915 г. циркулярно запретил принимать на службу ратников ополчения 2-го разряда в связи с массовым наплывом лиц, оставляющих более выгодную работу с целью уклонения от призыва в войска[49].

«Уклонение» от призыва было распространенным явлением в 1916 – начале 1917 г. В рапорте от 22 февраля 1916 г. начальник Самарского ГЖУ сообщал о том, что в Самаре живут и скрываются от воинской повинности несколько жителей из Сызрани[50]. В начале 1917 г. в Самарское ГЖУ поступили сведения о том, что на

набережной Волги под прикрытием агентов сыскного отделения существует притон, где помимо торговли чистым денатурированным спиртом, игры в карты на деньги, скрывают уклоняющихся от военной службы. Самарский губернатор Л.Л. Голицын 17 января 1917 г. в распоряжении земским начальникам и уездным исправникам отмечал, что «в тылу, к сожалению, иногда приходится наблюдать случаи уклонения отдельных лиц от несения воинской службы». Он подчеркивал распространенность явления уклонения от призыва состоятельных людей, которые с этой целью «поступают простыми рабочими на заводы, работающие на оборону, или мелкими служащими на железную дорогу»[51].

Некоторые обыватели пытались избежать призыва в действующую армию путем получения образования. Например, в сентябре 1915 г. в г. Самаре появились слухи о том, что в музыкальное училище Карклина Самарского отделения Императорского русского музыкального общества «поступило много лиц не с целью дальнейшего музыкального образования, а имея лишь намерение уклониться от отбывания действительной военной службы»[52]. В 1916 – осенью 1917 гг. в Самаре работали курсы, организованные инженером Овчинниковым и начальником Самарской телеграфной конторы Ю.М. Пиотровским, дававшие «льготу» от призыва в армию, которые до закрытия осенью 1917 г. посетили 185 слушателей.

Формы выражения негативного отношения к мобилизации были различны. Одна из них – осуждающие высказывания о призывах, которые ведут к гибели людей, организуются из-за глупости и просчетов правительства. Так, в Самаре слесарь С.И. Спыльник в августе-сентябре 1914 г. «слонялся по городу и при удобных случаях заводил со встречными разговоры на тему о ходе военных событий», утверждал, что «все газеты врут, в действительности же дело русских обстоит очень плохо, немцы и австрийцы вошли вглубь страны на 390 верст и взяли много русских городов»; выступал против призывов в армию; был выслан за пределы губернии на время чрезвычайной охраны[53].

На территории некоторых поволжских городов, где отмечался большой процент мусульман и представителей немецкого этноса, проявлялось «особое» отношение с их стороны к мобилизации. Для мусульман участие в войне с турками означало выступление с оружием в руках против единоверцев, а этническими немцами война с Германией представлялась как борьба с исторической родиной. Так, в Николаевске в августе 1914 г. отмечалось, что «находящееся в дружинах мобилизованные немцы открыто никаких неудовольствий не высказывают и ведут себя хорошо, но на вид они не веселы и всегда держатся от русских особняком, и вообще большинство из них как солдаты так и поселяне колоний в тайне симпатизируют Императору Вильгельму и его подданным немцам»[54]. Унтер-офицер дополнительного штата Симбирского ГЖУ сообщал, что отношение «русскаго и чувашскаго населения к частым воинским призывам нормальное т.е. они уже привыкли к ним... говорят, что идти и защищать Родину нужно каждому, как бы не тяжело провожать своих сыновей на войну, но все-таки желают, чтобы Германия и Австрия были побеждены»; и указал: «Мусульмане недовольны частыми воинскими призывами, негодуют, что провожают на войну своих детей, а чтобы избавиться от военной службы они умышленно портят себя... истощением голодом, прободением в ушах барабанной перепонки, порчею глаз и проч. за что их много привлекалось к ответственности»[55].

Еще одним способом уклонения от службы в действующей армии было самовольное затягивание возвращения на фронт после прохождения лечения. Е.Ю. Семенова выявила подобные случаи в Самарской губернии. Так, в июле 1915 г. рядовой 218-го Горбатовского пехотного полка Я.А. Фомин был эвакуирован из армии и назначен по выздоровлении в «слабосильную команду», откуда отлучился на родину, стремясь избежать военной службы, был переведен в 3-ю команду выздоравливающих в Самару, по суду посажен под арест. Такая же история в июне 1915 г. произошла с рядовым 186-го пехотного

Андалузского полка В.П. Лобачевым, направленным в сентябре в 1-ю команду выздоравливающих; в августе 1915 г. с солдатом Э.К. Рейманом, ушедшим из 1-го запасного Артиллерийского дивизиона до июня 1916 г. (задержан жандармской полицией) и рядом других[56]. В конце декабря 1915 г. губернатором А.А. Станкевичем было принято постановление по борьбе с самовольными отлучками из войсковых частей[57], в январе 1916 г. утвержден закон, увеличивающий наказания за самовольную отлучку, неявку в срок на службу и уклонение от службы. Семьи нижних чинов, сдавшихся в плен, лишались казенного пособия.

Мобилизация являлась неординарным событием в жизни призывника и его родственников, что отражалось в поведении и настроении обывателей, патриотические чувства сливались с негодованием в адрес полиции. Самарец В.М. Дубинин в воспоминаниях так описывает призыв в действующую армию в 1916 г.: «Через три дня мы с котомками явились к воинскому начальнику города Самары. Здесь в это время стояла огромная толпа провожающих: отцов, матерей, родных и знакомых... Деревянный забор со стороны Панской и Уральской улиц не выдержал напора новобранцев и вместе с воротами рухнул на мостовую. Ликующие новобранцы смешались с провожающими. Попытка городовых навести порядок превратилась в общую свалку. В этой свалке слышались возгласы: «Бей фараонов!». С большим трудом, при помощи прибывших вооруженных солдат и оренбургских казаков, был поднят забор и восстановлен порядок... От воинского начальника до пристани нас гнали по улицам города Самары под усиленным конвоем полиции и оренбургских казаков... Провожающие к нам не допускались, поэтому они шли за нами по тротуарам»[58].

С началом военных действий Поволжье превратилось в главную базу формирования запасных воинских частей. В Саратове призванных запасных размещали в казенных и некоторых частных домах. Занимались под войсковые части здания гимназий, училищ, школ, в том числе и духовных

учебных заведений. В 1915 г. из 41 школы были заняты войсками 32 (241 класс), из 12 тыс. учеников могли заниматься всего 5 100 детей. По приблизительным подсчетам, на территории Саратовской губернии в 1917 г. находилось уже около 150 тыс. солдат и офицеров. Наиболее крупный гарнизон (три пехотных и два пулеметных полка, две артиллерийские бригады, два отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина) дислоцировался в Саратове. По два запасных пехотных полка располагались в Петровске, Вольске, Балашове, по одному – в Покровске, Новоузенске, Николаевске, Аткарске. По деревням Аткарского уезда стояли четыре полка 2-й Оренбургской казачьей дивизии. И лишь Хвалынск был свободен от постоя войск. Такая же ситуация складывалась и в других губерниях Поволжья.

Первая мировая война изменила систему обеспечения армии, были введены государственные закупки продовольствия. На местах появились окружные и губернские уполномоченные из числа местных общественных деятелей и государственных чиновников. Губернии Поволжья являлись основными поставщиками хлеба и фуража для нужд армии. Размеры продовольственного задания были так велики, рост и острота продовольственных потребностей настолько быстро увеличивались в районах военных действий, требуя срочных мер и распоряжений, что эта деятельность стала первоочередной для органов власти как в центре, так и на местах.

По мере развития военных действий в России складывалась система чрезвычайных органов военно-экономического регулирования, основу которой составляли Особые совещания по обороне, топливу, перевозкам и продовольствию. Они начали свою деятельность в августе 1915 г. Формально они считались равноправными органами власти, фактически же руководящая роль принадлежала Особому совещанию по обороне[59 60]. К функциям председателя Особого совещания по продовольствию относились заготовка продовольствия и фуража для армии, регулирование торговли, цен, общие и частные ревизии скота,

продовольственных продуктов, семян, отмена постановлений местных властей о правилах торговли и снабжения городов. В состав Особого совещания входили члены Государственного Совета и Думы, делегаты земств и городов, представители военно-промышленных и биржевых комитетов, профсоюзов – мукомолов и т.д.

Министерство земледелия ранее никогда не занималось продовольственным снабжением и не имело для этого технического аппарата. В 1925 г. по инициативе генерала А.С. Лукомского в США был выпущен сборник «Русское снабжение в Великую войну». В нем бывший министр земледелия А.Н. Наумов поместил свою записку о продовольственном снабжении России в военное время и охарактеризовал те меры, которые инициировались в то время. Никаких цифровых данных по учету существовавших в стране запасов продуктов, даже первой необходимости, не было. Отсутствовали статистические данные для подсчета производства и потребления хлеба, мяса и прочих продуктов. В этой ситуации было инициировано проведение общей сельскохозяйственной переписи. Перепись была проведена в мае-июле 1916 г. на территории 77 губерний и областей Европейской и Азиатской России. Перепись не проводилась только в районах, занятых неприятелем, четырех областях на Кавказе и двух областях на крайнем северо-востоке Сибири. Непосредственной задачей переписи был учет сельскохозяйственного населения. Перепись 1916 г. содержит сведения по уездам о количестве хозяйств, абсолютном количестве населения, посевных площадях, с распределением по отдельным культурам, и о количестве рабочего и продуктивного скота[61]. Перепись проводилась в сложных условиях военного времени, что отрицательно сказалось на достоверности ее сведений. Однако благодаря проведению переписи и сбору данных удалось установить более или менее планомерное отношение между производительными и потребительными районами, между требованиями фронта и потребностями тыла.

Первоочередными мерами Особого продовольственного совещания стали борьба со спекуляцией и дороговизной, а также заготовка продовольственных запасов для населения. За первые месяцы министерской деятельности Наумову удалось заготовить около 30 млн пудов хлеба, переданных городам и земствам, в первую очередь для столицы, затем для остальных нуждающихся местностей. Выдавались продовольственные ссуды.

Министерству земледелия в разгар войны в ряде случаев приходилось делать поспешные закупки, не соответствовавшие ни объему потребностей, ни размерам продовольственных запасов. В годы войны увеличилось потребление мяса. Однако плана заготовок мяса не существовало, скот пропадал по пути, мясо портилось, так как не было холодильников. В короткий срок было организовано устройство на узловых железнодорожных станциях и пристанях 20 холодильников, которые позволяли предотвратить порчу мяса. Глава казанской железной дороги Н.К. фон Мекк предоставил в распоряжение Наумова холодильное оборудование при Московской железнодорожной станции и в некоторых других центрах Московско – Казанской железной дороги. Кроме того, железнодорожные мастерские стали выпускать холодильные вагоны.

Уже в 1915 г. годовое потребление мяса армией составило 60% довоенного потребления всем населением России. В абсолютном выражении это были сравнительно небольшие цифры, однако они могли сократить отечественное стадо крупного рогатого скота[62]. Кроме того, Наумов отмечал, что мясное довольствие деревни возросло до 150% по сравнению с предвоенным периодом. После своей отставки, 1 июля 1916 г. в «Русском Слове» он опубликовал некоторые данные о состоянии продовольственного дела в России; в частности, что «следует ожидать недостатка в снабжении населения мясом. Но и здесь не может быть и речи о призраке голода, и в самом плохом случае населению придется примириться с необходимостью переносить

некоторые лишения. Это уже признано армией, где уменьшена мясная порция. Тем больше может государство потребовать этого от населения, ибо мясной капитал, во имя интересов всей страны, необходимо беречь»[63].

16 февраля 1916 г. Министерство земледелия сообщило, что фронт требует более 100 тыс. пудов мяса в день. Следовательно, с учетом запасов, до 1 января 1917 г. потребуется около 3,5 млн голов скота. Так как свободной закупкой скот добыть уже нельзя, то необходимы обязательные поставки, исполнение которых требует введения твердых цен на мясо и скот. Было решено, что твердые цены на скот и мясо устанавливаются губернскими земствами. Министерство земледелия определяет количество скота для армии в разверстке на каждую губернию, затем губернские органы разверстывают по уездам, а те – по волостям. Твердые цены на скот и мясо были введены 19 мая 1916 г.[64] Правительство старалось решить проблему в зоне своей ответственности. Самой действенной мерой могло быть понижение потребления мяса до предвоенного уровня. Наумов предлагал в этих целях действовать путем организации совместной работы центральных и местных органов власти. Широкое привлечение земских органов могло обеспечить не только низовую поддержку правительственных мероприятий, но и контроль за исполнением его решений.

В годы Первой мировой войны мобилизационные мероприятия стали одним из факторов, определяющих общественно-политическую ситуацию, как в городах, так и селах Поволжья. Масштабные мобилизационные процессы стали фактором социально-демографических сдвигов, углубления противоречий в российской деревне, увеличения беспосевных и безземельных хозяйств. Деревня лощилась рабочих рук, происходило постепенное изменение гендерных ролей, главой семьи становились женщины-солдатки.

Образ жизни населения изменялся под воздействием неблагоприятных условий, среди которых особо можно выделить рост цен на продовольствие; безнаказанное причинение вреда имуществу обывателей путем погрома

торговых заведений; постоянное опасение жителей за себя в связи с наплывом в город неконтролируемого, нетрезвого, чуждого городской среде контингента; выявление слабости правоохранительных структур, которые не могли урегулировать «опасные» выходки прибывшей в город и активизировавшейся местной публики.

Наиболее неблагоприятной была ситуация в тех городах, собственное население которых не имело значительного количественного перевеса над мобилизованными, а местные власти не обеспечивали условий приема призывников. Мобилизация отразила имеющиеся между обществом и властью противоречия, проявившиеся в годы войны в нежелании одних и стремлении других служить государственности в той форме, которую она от подданного требует.

Одновременно мобилизация проявила и лучшие качества человека, выразившиеся в патриотическом настроении, восторженном отношении к потенциальным защитникам Отечества, негодовании по поводу непатриотичных действий земляков.

Библиография

[1] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Первой мировой войне. Париж, 1939 // http://militera.lib.ru/research/golovnin_nn/index.html.

[2] *Лукомский А.С.* Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012.

[3] *Симанский П.Н.* Мобилизация русских войск 1914 года и ее недостатки // Война и революция. 1926. № 1/2. С. 130–140.

[4] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962.

[5] Первая мировая война и ее воздействие на историю XX в. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 131.

[6] Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998. С. 240, 438, 463.

[7] Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 332.

[8] *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999. С. 195.

[9] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012.

[10] *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (На материалах Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 146.

[11] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2.

[12] *Тутолмин С.Н.* Первая мировая война в крестьянских жалобах и прошениях. 1914–1917 гг. // Нестор. 2003. № 6. С. 390 – 401.

[13] *Поршнева О.С.* Ментальность и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. Екатеринбург, 2000. С. 27–29, 91–94, 111, 134, 135.

[14] *Сухова О.А.* Мобилизационные кампании периода Первой мировой войны в восприятии и поведении российского крестьянства: итоги и перспективы изучения проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. История. 2014. № 1(29). С. 39-49.

[15] Волжское слово. Самара, 1914. № 155 (2033). 22 июля. С. 3.

[16] Городской вестник. Самара, 1914. 24 июля. С. 3.

[17] Волжский день. Самара, 1915. 18 июня, 23 июня, 11 июля, 21 июля.

[18] Земский феномен: политологический подход. Саппоро, 2001. С. 124-131.

[19] Там же. С. 132–143.

[20] *Дякин В.С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны (1914–1917). Л., 1967.С. 68.

[21] Из журнала чрезвычайного заседания Самарской городской думы в связи с началом войны // Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Самара, 2014. С. 32–34.

[22] Самарские губернские ведомости. Самара, 1914. № 56. 26 июля. С. 4.

[23] ЦГАСО.Ф. 3. Оп. 130. Д. 56. Л. 1; Д. 59. Л. 6; Д. 206. Л. 1–3.

[24] *Скрипкин А.С., Луночкин А.В., Курилла И.И.* История Волгоградской земли от древнейших времен до современности. М., 2013. С. 156.

[25] ЦГАСО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 1281. Л. 42.

[26] *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 13.

[27] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. С. 188–189.

[28] Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 18.

[29] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 89–90.

[30] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 347-348.

[31] *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 17.

[32] *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года. Саратов, 2002. С. 70.

[33] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917. Самара, 2014. С. 39-42.

[34] Там же. С. 344.

[35] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 113.

[36] *Баринова Е.П.* Антиалкогольная политика правительства в оценке российских предпринимателей в 1914–1916 гг. // Вестник СамГУ. 2012. № 2/2(93). С. 96-99.

[37] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 75-77, 82.

[38] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 114–115.

[39] ЦГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 11.

[40] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 116–117.

[41] ЦГАСО. Ф. 468. ОП. 1. Д. 2054. Л. 363-363 Об.

[42] Россия в Первой мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 65.

[43] ЦГАСО. Ф. Р-3947. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–8.

[44] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933. Л. 43.

[45] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 96.

[46] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2052. Л. 432.

[47] ЦГАСО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 296. Л. 39.

[48] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 97.

[49] ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 475. Л. 203.

[50] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2215. Л. 41.

[51] ЦГАСО.Ф. 1. Оп. 1. Д. 55313. Л. 4.

[52] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2065. Л. 448.

[53] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 94-95.

[54] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2053. Л. 562.

[55] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы Первой мировой войны... С. 96.

[56] Там же. С. 97–99.

[57] ЦГАСО. Ф. 471. Оп. 1. Д. 530. Л. 15.

[58] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Самара, 2014. С. 371-372.

[59] Первая мировая война: Пролог XX века. М., 1998.

[60] *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (Продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985.

[61] *Островский И.В.* Материалы сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг. – источник для изучения сельского хозяйства и аграрных отношений накануне Октябрьской революции // Источниковедение отечественной истории. 1981. М., 1982.

[62] *Оськин М.В.* Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 144–152.

[63] Русское слово. М., 1916. 1 июля.

[64] *Оськин М.В.* Русская армия и продовольственный кризис в 1914–1917 гг. // Вопросы истории. 2010. № 3. С. 147.

ДЕРЕВЕНСКИЕ СЛУХИ И КРЕСТЬЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.Б. Безгин

Характеристика повседневной жизни российской деревни в годы Первой мировой войны не может быть полной без выяснения настроений селян, а также факторов, их формирующих. Содержание тыловой обыденности определялась объективными факторами, присущими военному времени: мобилизацией, ценами на продукты, выдачей казенных пособий и т.п. Свои коррективы в привычную жизнь российского села внесли призыв мужчин на фронт, введение «сухого закона», установленные властью повинности, беженцы и другие неизбежные следствия войны.

Ее ход вызывал у крестьян живой интерес, а сообщения о боевых действиях на фронте становились предметом обсуждения деревенских жителей. Не последнюю роль в информационном процессе играли слухи и толки, которые являлись как следствием устной передачи сути официальных сообщений, так и результатом эпистолярного общения между фронтовиками и их родными и близкими в тылу. Источниками информации о войне и других злободневных для крестьян темах выступали также семьи беженцев, военнопленные, используемые на полевых работах, и конечно солдаты-односельчане, приезжавшие с фронта в родные деревни в отпуск или на жительство в результате полученных ран. Свою лепту в передачу и распространение слухов по традиции вносили отходники, торговцы, паломники, странники, одним словом, все те, кто в силу жизненных обстоятельств преодолевал территориальную ограниченность сельского мира.

Таким образом, слухи в российском селе, с одной стороны, формировали настроения, с другой, – сами являлись

отражением интересов и чаяний крестьян. От их содержания, значимости для сельских жителей зависела и реакция крестьянского населения.

Важным источником по изучению крестьянских настроений военного периода являются отчеты уездных исправников о настроениях различных групп населения, которые были обязаны ежемесячно представлять их в губернскую администрацию. Они содержали, как правило, информацию об отношении крестьян к мобилизациям, влиянии солдатских писем с фронта и прессы, рассказы отпускников, а также собственные наблюдения крестьян за местными фактами, касавшихся войны. Эти документы широко используются исследователями, дают картину, максимально приближенную к реальности[1].

Начало войны вызвало в деревне, как и в российском обществе в целом, всплеск патриотических чувств и рост националистических настроений. Борьба с «немцем-врагом» на фронте сразу же нашла свое отражение в борьбе с «внутренним немцем» в тылу. Вполне закономерно, что война с Германией рождала настороженное, а порой и враждебное отношение населения к немцам. Оно усилилось после известного погрома в Москве конца мая 1915 г., отголоски которых докатились до провинции.

В середине 1915 г. проявления антинемецких настроений имелись практически на всей территории Российской империи[2]. «После прошедшего в Москве погрома население в уезде более свободно и открыто заговорило о своей ненависти к немцам и положительно ко всему немецкому»[3], – докладывал в Тамбовское губернское правление в рапорте от 5 июня 1915 г. темниковский исправник. Он же два месяца спустя констатировал устойчивый характер таких настроений. В донесении полицейского сообщалось, что «по отношению к немцам по-прежнему царит крайнее возбуждение, это относится и к немцам русско-поданным. Население открыто заявляет, что среди управления, среди правительственных служащих, где бы то не было, у нас в России не могут во главе более стоять

графы Фредериксы, Барки, Зонненбурги и прочие. Раздаются голоса, что всех офицеров в действующей армии, носящих немецкие фамилии надо убивать»[4]. Среди крестьян было распространено мнение, что после окончания войны земли всех немцев будут переданы им. Крестьяне поддержали, например, установление надзора полиции над австрийскими и немецкими подданными, реквизицию лошадей у них же.

Другим внутренним «врагом» в годы войны по традиции стали евреи. Во многом характерный для российского села антисемитизм был питаем многочисленными слухами, приходившими с фронта. «Евреи постоянно находились в армии под подозрением. Их подозревали в отсутствии патриотизма, потворстве своим единоверцам, нерадивом несении службы»[5]. Источником подобного рода слухов в деревне являлись солдаты-отпускники, а также лица, побывавшие в плену.

Так, уездный исправник из Темникова Тамбовской губернии в рапорте от 8 августа 1916 г. сообщал, что врач Лапм, вернувшийся из австрийского плена, рассказывал, что старшими над русскими нижними чинами в большинстве случаев состоят пленные евреи: «Последние эксплуатируют и доносят на русских, поэтому русские нижние чины чрезвычайно озлоблены на евреев, при возвращении из плена, если только русские едут вместе с евреями в поездах – серьезно предположено и решено пленными – всех евреев повыбрасывать из поездов в окна»[6]. Далее автор признает, что «нижние чины, в настоящее время отпускаемые с фронта, а также отдельные лица, бежавшие из плена все также враждебно настроены против евреев»[7].

Однако антисемитские настроения чаще всего не находили своего воплощения в конкретных действиях. Напротив, чувства сострадания и милосердия оказывались для крестьян выше обывательских стереотипов. Месяцем ранее, а точнее 3 июля 1915 г., тот же полицейский исправник сообщал в губернский центр, что «сегодня прибыло в Темников 74 человека евреев из Галиции, крестьянское население в пути выносило им молоко и хлеб»[8]. И это при

том, что это были не беженцы, а депортированные лица (что, право, имело значение для уездных властей, но не для местных крестьян).

Затяжной характер войны и неудачи на фронте вкупе с тяготами и лишениями военного времени закономерно вызывали недовольство сельского населения ростом цен и дороговизной продуктов[9]. Такие настроения были характерны для всего периода войны.

В качестве примера приведем сведения из рапортов тамбовского исправника: «Замечается среди жителей недовольство против чрезвычайно повышающихся цен, в особенности на жизненные продукты»[10] (январь 1915 г.); «Среди населения, особенно бедного, наблюдается большое недовольство против дороговизны жизненных продуктов, а также топлива, вследствие чего замечается враждебное отношение к торговцам, стремящимся к наживе»[11] (ноябрь 1915 г.); «Недостаток продуктов первой необходимости как то сахар, керосин, соль, пшеничная мука вызывает недовольство у населения»[12] (ноябрь 1916 г.).

В годы войны в российской деревне был отмечен рост числа оскорбительных высказываний по отношению к монаршей особе. Авторитет императорской власти в глазах крестьян падал. Объяснимо, что патриотический подъем в российском обществе в начале войны, затем, в силу отсутствия решающих успехов на фронте, сменился недовольством властью, лично государем-императором. Эти высказывания часто звучали резким тоном, носили оскорбительный характер.

Так, 19 июня 1916 г. крестьянин д. Абакумовки Тамбовского уезда П. Тимофеев во время ссоры с односельчанином отставным солдатом Ф. Нечаевым сказал: «Ты дурак, а не защитник и служил дураку царю Николашке, ... его мать, он ... его мать почти уж продал всю Россию, продал Варшаву и Польский край; за это бы нужно в начале повесить его, а потом за следом и другого командующего Николашку, ... их мать, а уж потом повесить всех вас вояк, ... вашу мать, чтоб вы не продавали Россию»[13].

Обвинения в измене звучали и в адрес вдовствующей императрицы Марии Федоровны. По сообщению исправника от 11 августа 1915 г., крестьянин д. Бродовой Слободской волости Лебедянского уезда И. Филатов назвал императрицу Марию Федоровну «германкой, через которую идет война», и что государыня – «шарманка», дети ее, «подкрапивники», «произошли от германца», а сын ее Михаил произошел «черт его знает откуда»[14].

Но главную вину крестьянская молва возлагала все же на императора. По данным полицейского отчета от 4 сентября 1915 г., крестьянин с. Митрополья Тамбовского уезда Д. Казьмин при разговоре о военных действиях позволил себе ругать императора нецензурными словами, говоря «царь наш сукин сын, глупый, ничего не готовил к войне, а лишь ездил по монастырям»[15]; 29 августа того же года крестьянин с. Отормы Моршанского уезда Д. Хромов при разговоре с односельцами о войне произнес: «Хорош, он царь продал Россию Германии и господам позволил укрепить землю»[16].

С целью выказать особую ненависть к царю, площадная брань порой дополнялась демонстрацией гениталий с целью большего оскорбления августейшей особы. Из рапорта кирсановского исправника от 23 декабря 1915 г. следует, что при обоюдной ссоре из-за усадьбы крестьянами с. 2-го Пересыпкина Петром его женой Верой Менюковыми 12 сентября на слова отставного нижнего чина Д. Пустотина, что он был на войне проливал кровь за царя, Ментюков, указывая на половой член, ответил: «Вот у меня царь, вот за кого ты кровь проливал!». Жена его подняла подол и, показывая свой половой орган, добавила к словам мужа: «А вот царица!»[17].

Война в российской деревне стала временем очередного всплеска слухов о земле, как выражения векового чаяния крестьян о справедливости «черного передела». Характерно, что в начале военных действий они чаще всего связывались с царем, его готовностью наделить крестьян землей в качестве благодарности за ратный подвиг.

Из рапорта тамбовского исправника от 10 декабря 1914 г. следует, что «среди крестьян идет много разговоров о том, что после войны государь император наделит крестьян землей, которая будет отчуждена у помещиков, последних же вознаградят землей в Сибири и в новых завоеванных владениях»[18]. «Наши сыновья пролили много крови на войне, значит, и вся земля должна быть нашей, будет новый передел»[19], такую уверенность выражали крестьяне Кирсановского уезда по информации местной полиции в декабре 1915 г.

Природу таких чаяний хорошо выразил один из полицейских чинов. Он, в частности, признавал, что «эти разговоры, с уверенностью можно сказать, вызваны не пропагандой, а упорной мечтой крестьян иметь побольше земли и надеждой получить землю за свои заслуги по настоящей войне»[20].

Письма в своем большинстве присылались бывшими дворохозяевами, то есть той категорией людей, которая в крестьянских семьях была наиболее уважаемой и почитаемой, мнение которой было определяющим. Поэтому каждое письмо, пришедшее из мест боевых действий, считалось событием в селе, а факты, суждения и выводы, сделанные фронтовиками, играли главнейшую роль в формировании умонастроений[21].

Источником таких разговоров в сельской среде были как солдатские письма с фронта, так и суждения вернувшихся с войны односельчан. «Крестьяне живут надеждами, что после войны вся земля будет разделена между ними, – сообщал в рапорте от 6 февраля 1916 г. исправник Кирсановского уезда. Такие разговоры распространяли в селе в солдаты, прибывшие с фронта говоря: «Мы теперь знаем, как взять землю»[22]. Из полицейского донесения тамбовскому губернатору из Темниковского уезда от 7 февраля 1916 г. следует, что «приезжавший в уезд из действующей армии уездный предводитель дворянства полковник Генерального штаба князь Н.Н. Енгалычев, заведующий в одной из армий военной цензурой, говорил, что в солдатских письмах

высказывается их намерение после войны самоуправно отобрать земли, принадлежащие немцам, а проделав все это по отношению к немцам, возьмутся за земли помещиков[23].

Крестьяне все в большей мере связывали надежду на землю не с волей государя, а с самостоятельными действиями по ее захвату. Показательно в этом отношении свидетельство станового пристава с. Инаковки Кирсановского уезда Тамбовской губернии от 23 июня 1916 г. Ссылаясь на слова крестьянина А. Касякина, он сообщал, что среди местных жителей «идут разговоры на тему, что земли мало, что наши дети и братья умирают и проливают кровь в борьбе с врагами, а потому после войны нужно будет самоуправно отнять у господ землю»[24]. Таким образом, «черный передел» 1917 г. был фактически подготовлен в крестьянских умах значительно раньше, а политический кризис власти лишь ускорил его воплощение.

С началом Первой мировой войны противодействие проведению землеустроительных работ, укреплению надельных земель в собственность и выходу на хутора и отруба приобрело большую степень ожесточенности. Уже 6 августа 1914 г. в с. Махровке, Борисоглебского уезда Тамбовской губернии во время сельского схода, где должны были избрать уполномоченных по выделу земли к одному месту, солдатки требовали остановить выдел, поскольку они без мужей «не могут найти своих законов». Крестьянин П. Медведев, названный тамбовским губернатором зачинщиком, убеждал прогнать землемера и волостного старшину – отрубника, потому что «там (то есть на фронте) кровь проливают, а они тут нашу землю режут». В результате тридцать солдаток напали на избу, в которой укрылся волостной старшина. Под воздействием этих событий отрубники на время отказались от выдела[25].

Присущая для русских крестьян приверженность общинному укладу и неприятие ими частной собственности на землю в годы войны проявились особенно четко. 7 ноября 1914 г. становой пристав Борисоглебского уезда информировал начальство о том, что крестьянин с. Верхний

Шибряй С. Зайцев говорил, что ходят слухи о том, что по окончанию войны у отрубников будет отобрана земля и роздана всем крестьянам[26]. Раздражение у крестьян вызывали земельные выделы в рамках индивидуального землеустройства. По сообщению борисоглебского исправника от 8 мая 1915 г., «при отводе к одному месту отрубных участков земли со стороны крестьян-общинников, главным образом членов семей призванных на фронт, высказывается недовольство и желание, чтобы выделы были произведены по возвращению призванных по мобилизации»[27].

В ряде мест эти настроения вылились в «бабьи бунты». Так, 26 апреля 1915 г. в с. Чигорак Борисоглебского уезда толпа солдаток с палками во главе со старостой С.М. Зацепиным «воспрепятствовали прибывшему в село землемеру произвести работы по выделу отрубов»[28]. Солдатки кричали: «станем по колено в крови и всех перебьем, но землю делить не станем»[29]. Неспокойно было и в с. Малые Алабухи того же уезда. Там жены солдат требовали остановить работы по нарезке отрубных участков до возвращения мужей из армии[30]. На сельском сходе крестьянки, показывая на своих грудных детей, восклицали: «Вот они, несчастные!» Слышались крики солдаток: «Наши мужья на войне кровь проливают, а мы прольем ее здесь»[31].

Положение в деревне находило бурный отклик у солдат на передовой. Плохое снабжение фронта вызывало у солдат ощущение хозяйственной разрухи, проявления которой описывали в письмах их родные. Последние часто жаловались на высокие цены и налоги, плохой урожай (в 1916 г.), реквизиции. Это не могло не волновать солдат, страдавших от невозможности помочь родным, защитить жен. Солдаты вынашивали желание поскорее вернуться домой и разобраться с обидчиками. Вот пример такого анонимного письма на имя конного полицейского стражника Сасовского отряда М. Милюшкина, приведенное в рапорте Елатомкого уездного исправника за январь 1917 г. «Мне пишут из дома письма, что вы сильно обижаете наших детей и жен и также отцов наших ... прописую тебе кровопивец, что если получу

из дома, что вы их обижаете, то бросай заранее свою селедку (то есть шашку – *В.Б.*) ... то мы вас ... вашу в кровину мать ни одного живого ... не оставим, все вы прахом вспыхните...»[32].

В письмах родным солдаты-крестьяне писали: «Податей и сборов не платите». Темниковский уездный исправник в январе 1916 г. информировал, что «от управляющего имением г. Дубенского получены сведения, что ему неоднократно приходилось читать солдатские письма, присылаемые своим женам. В таких письмах солдаты сообщали, что бывший верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич объявил им, что семьи солдат освобождены платежа всех податей за землю»[33].

Официальная переписка того времени свидетельствует, что отказы от платежей были в деревне настолько частым явлением, что военный министр 25 мая 1916 г. потребовал от Ставки, чтобы офицеры особо старательно разъясняли солдатам недопустимость таких советов родным. В солдатской среде ходили слухи, что Верховный главнокомандующий освободил солдатские семьи от налогов, что, по их представлениям, было бы справедливым: одни – служат, другие – платят[34].

Первая мировая война для российского села стала временем тяжелых испытаний, прологом последующего социального взрыва. Ее цели были малопонятны для русского мужика, а сама она воспринималась как стихийное бедствие, фатальная неизбежность. Неудачи на фронте вызвали, не без помощи официальной пропаганды, поиск внутренних «врагов» и виновных за поражения на фронте. Для деревни периода войны было характерно резкое распространение слухов, дискредитировавших монархию, лично царя и царицу, о засилье немецких шпионов и предателей в высших эшелонах власти. Геополитические задачи царского правительства оказались несущественными на фоне острой жажды крестьянами земли.

Слухи и толки, распространявшиеся в российской деревне в годы Первой мировой войны, не только выступали зеркалом массовых крестьянских настроений. Они реально

влияли на ход столыпинского землеустройства, создавая негативную психологическую атмосферу вокруг реализации правительственной аграрной политики. Уважение к царской власти, в условиях беспардонной лжи либеральной оппозиции, было подорвано. Уставшее в окопах крестьянское воинство жило ожиданием земельным переделом, а возвращавшиеся с войны фронтовики привносили в жизнь села психологию «человека с ружьем».

Россия, надломленная войной и привитая насилием, стремительно шла к революции.

Библиография

[1] *Есиков С.А.* Крестьянские настроения в годы I мировой войны // Российское крестьянство в условиях военных, социально-экономических и политических потрясений. Мичуринск, 2014. С. 67.

[2] *Савинова Н. В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.): автореф. дис. … к.и.н. СПб., 2008. С. 18.

[3] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9108. Л. 8.

[4] Там же. Д. 9111. Л. 9.

[5] *Будницкий О. В.* Происхождение еврейских погромов периода Гражданской войны // Большая война: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М., 2014. С. 146–147.

[6] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9661. Л. 7.

[7] Тоже. Л. 7 Об.

[8] Там же. Д. 9110. Л. 8 Об.

[9] Там же. Д. 9106. Л. 7; Д. 9109. Л. 14.

[10] Там же. Д. 9105. Л. 11.

[11] Там же. Д. 9112. Л. 17.

[12] Там же. Д. 9664. Л. 15.

[13] Там же. Д. 9494. Л. 1.

[14] Там же. Д. 9172. Л. 341.

[15] Тоже. Л. 448.

[16] Тоже. Л. 516.

[17] Тоже. Л. Л. 616-616об.

[18] Там же. Д. 9030. Л. 6.

[19] Там же. Д. 9665. Л. 9об.

[20] ГАТО. Ф. 272. Оп. 1. Д. 1772. Л. 114 об, 115.

[21] *Самохин К. В.* Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб., 2004. С. 90.

[22] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Л. 9655. Л. 8.

[23] Тоже. Л. 9.

[24] Там же. Д. 9659. Л. 16 Об.

[25] Там же. Д. 8974. Л. 5, 6, 9.

[26] Там же. Д. 9029. Л. 14 Об.

[27] Там же. Д. 9109. Л. 14 Об.

[28] Там же. 9204. Л. 24.

[29] Там же. Д. 9205. Л. 2, 5, 14.

[30] Там же. Д. 8978. Л. 31.

[31] Тоже. Л. 28, 37.

[32] Там же. Д. 9679. Л. 59 Об.

[33] Там же. Д. 9655. Л. 8 Об.

[34] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.) М. 2004. С. 245, 254–255.

КРЕСТЬЯНСТВО МОРДОВИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1917 ГГ.)

М.А. Бибин

Перестройка хозяйственной жизни страны на военный лад происходила не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Сельское хозяйство медленно, но неуклонно поддавалось дезорганизующему влиянию войны.

Первым по времени и наибольшим по силе ударом, нанесенным войной сельскому хозяйству, была мобилизация людей на войну. До войны в кадровой армии царской России насчитывалось 1,4 млн чел., уже по первой всеобщей мобилизации в войска было призвано 3,9 млн чел., а до конца 1914 г. – еще 1,2 млн. В течение 1915 г. в связи с большими летними потерями было призвано 5 млн чел. Таким образом, к концу 1915 г. под ружье было поставлено 11,5 млн чел. В течение первой половины 1916 г. было мобилизовано, сравнительно с 1915 г., немного – 775 тыс. чел., но с июня 1916 г. по ряду мобилизаций было взято почти 2 млн чел. (1 970 тыс.); в течение первых двух месяцев 1917 г. было взято еще 630 тыс. чел. Таким образом, с начала войны армия поглотила 14,9 млн чел., не считая 200 тыс. переосвидетельствованных «белобилетников»[1].

В силу аграрного характера страны и огромного преобладания сельского населения подавляющая часть армии комплектовалась из крестьян. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г., только из 47 губерний европейской России было взято в войска 10 932,6 тыс. чел.[2] По 50 губерниям и областям призванные в армию составили 47,4% всего трудоспособного мужского населения сельских местностей, причем в 8 губерниях было взято из деревни более 50% трудоспособных мужчин рабочего возраста[3].

Из 1 000 трудоспособных мужчин 474 были взяты на войну. Из каждых 100 хозяйств на фронт ушли 60 мужчин. Из средневолжских губерний на войну было взято 1 255 241 чел., что составляло 10,25% всех мобилизованных в российскую армию[4]. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., из уездов, вошедших в состав современной Мордовии, было мобилизовано 152 456 чел., или 49,5% всех трудоспособных мужчин[5].

Отдельно по уездам количество мобилизованных в армию представлено в таб. 1.

Таб. 1. Количество мобилизованных в действующую армию из Мордовии*

Уезды	трудоспособных мужчин всего	из них взято в армию	в %
1. Ардатовский	55 346	28 994	52,4
2. Инсарский	51 446	23 793	46,2
3. Краснослободский	51 942	25 071	48,2
4. Наровчатский	33 387	15 917	47,6
5. Саранский	39 354	18 275	46,4
6. Спасский	37 129	19 418	52,3
7. Темниковский	39 686	20 988	52,8
Итого:	*308 290*	*152 456*	*49,5*

*Таб. сост. по: Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года // Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 2. М., 1923. С. 28–30.

Из приведенной таблицы видно, что трудоспособных мужчин больше было мобилизовано из Темниковского и Ардатовского уездов. Количество мобилизованных из этих уездов составляет более половины трудоспособных мужчин – 52,8% и 52,4%. Менее половины мужчин было мобилизовано из уездов Инсарского (46,2%), Саранского (46,4%), Наровчатского (47,6%) и Краснослободского (48,2%). По отдельным волостям мужчин было мобилизовано больше, чем показывают средние данные по уездам Мордовии. Например, из Базарно-Дубровской волости Краснослободского уезда было мобилизовано 66,5%, из Больше-Азязской волости того же уезда – 54,3%[6]. В результате частых мобилизаций

крестьянские хозяйства сплошь и рядом оставались без работников-мужчин.

Если в первый год войны говорили, что взято только избыточное население, то последующие мобилизации забрали основных работников крестьянского хозяйства. Ушедших заменили старики, женщины и дети.

Недостаток рабочих рук в Мордовии особенно остро стал ощущаться весной 1915 г., когда земские статистики весенний сев назвали весьма «трудным и тяжелым», а также сообщали, что «надо было изворачиваться и с семенной нуждой, и с недостатком рабочих рук у значительной части хозяйств, вызванных обстоятельством военного времени»[7].

Ситуация не изменилась и в 1916 г., потому что частые призывы в армию еще более увеличивали недостаток рабочих рук, более того, они «вызвали массовый отлив рабочих рук из сельской земледельческой деревни»[8]. В это время Пензенская губернская земская управа информировала Министерство земледелия о том, что «всюду замечается недостаток рабочих рук, особенно в сельскохозяйственном производстве, что грозит в наступающий полевой период сокращением посевной площади полей и неизбежным понижением качества обработки»[9]. Чтобы успеть убрать урожай вовремя, крестьяне начинали жать раньше обычного и жали рожь «с прозеленью»[10].

Отсутствие рабочих рук отразилось в первую очередь на беднейшей и маломощной части крестьянских хозяйств. Одни из них разорялись, другие продавали имеющийся скот, инвентарь, землю и кормились случайными заработками, естественно, вели полуголодный образ жизни.

Региональные газеты сообщали, что «в последнее время в деревне усиливается продажа надельной земли», и что «уездные съезды и волостные суды обременены делами по продаже надельной земли»[11].

Недостаток рабочих рук мог быть смягчен также усиленным использованием сельскохозяйственных машин. Но, как известно, степень механизации сельского хозяйства в России была весьма низкой. Сельскохозяйственные машины

имелись лишь в дворянских и фермерских хозяйствах, основная же масса крестьян машин не имела. Лишь металлические плуги и бороны получили известное распространение, а в ряде уездов еще господствовали соха и деревянная борона. Снабжение деревни сельскохозяйственными машинами и усовершенствованным инвентарем с самого начала войны стало резко сокращаться. До войны Россия почти 50% потребности в машинах удовлетворяла привозом из-за границы, а с началом войны этот привоз стал резко сокращаться, последующие годы не дали улучшения[12].

С началом войны практически прекратился ввоз сельскохозяйственных машин на территорию Мордовии. Цены на сельскохозяйственные машины и орудия стали быстро расти и к марту 1916 г. поднялись на 20–25% на орудия и машины для сева и на 60-70% – на машины и орудия для уборки урожая[13]. Но и при таких условиях производство на нужды фронта было выгоднее для владельцев предприятий. Поэтому с первых же месяцев войны предприятия сельскохозяйственного машиностроения стали переключаться на производство военных материалов.

Результатом расстройства сельскохозяйственного машиностроения и прекращения ввоза было значительное затруднение в снабжении крестьян и помещиков новыми машинами и орудиями. Так, Симбирский сельскохозяйственный склад, ведающий продажей усовершенствованных орудий и машин, в течение марта 1916 г. пустовал, и чтобы удовлетворить на них спрос, Симбирское губернское земство вынуждено было заказать уборочный сельскохозяйственный инвентарь в Америке[14].

О сокращении потребления новых машин и орудий в Мордовии в годы Первой мировой войны свидетельствуют данные о работе Пензенского губернского сельскохозяйственного склада. Продажа машин в уездах Пензенской губернии падает в 1915 г. на 30%, в 1916 г. – на 50%, а в 1917 г. – на 70%, склад же расширяет торговлю побочными товарами, торгуя гвоздями, проволокой и даже

сахаром. За 1916 г. сахара продано 15 вагонов, а гвоздей – 10 вагонов[15].

Частые призывы в армию также влияли на сокращение количества усовершенствованного инвентаря в сельском хозяйстве. «Пензенские губернские ведомости», касаясь наличия рабочих рук в деревне, писали, что «в деревне нет ни кузнецов, ни плотников, ни прочих мастеров, необходимых для того, чтобы чинить и поддерживать в годном для работы виде сельскохозяйственный инвентарь»[16].

Таким образом, из-за призыва на войну сельских ремесленников и нехватки металлов останавливалась работа в деревенских кузницах, следовательно, ранее купленные машины и орудия изнашивались, ломались, а ремонт их был весьма затруднен.

Для выяснения количественной стороны сокращения посевов и сбора хлебов наиболее показательным признаком является изменение посевной площади. Об изменении посевной площади крестьян в Мордовии говорит нижеследующая таблица (таб. 2).

Таб. 2. Изменение посевной площади в хозяйстве крестьян Мордовии*

Уезды	год довоенной переписи	% хоз. к довоенному времени	Посеяно десятин		в % к довоенному времени
			до войны	в 1916	
Ардатовский	1911	104,5	155455	145605	93,1
Инсарский	1910	106,2	140693	134889	95,8
Краснослободский	1910	105,5	143780	103464	71,9
Наровчатский	1910	100,9	95031	75176	79,1
Саранский	1910	106,5	120585	97366	80,7
Спасский	1912	108,1	780706	70721	89,8
Темниковский	1912	103,5	73938	64279	86,8
Итого:		105	803168	691500	85,3
На 100 хозяйств:			412,1	339,9	82,4

*Таб. сост. по: Вестник Пензенского земства. Пенза, 1913. № 12–13. С. 493; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Темниковский уезд. Тамбов, 1913. С. 153; Материалы по подворному обследованию животноводства Тамбовской губернии в 1912 году. Спасский уезд. Тамбов, 1913. С. 56; Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913. С. 120; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917. С. 61, 73, 91, 97.

Данные показывают, что при увеличении наличных хозяйств на 5% посевная площадь сократилась на 116 688 дес., или на 14,7%. Если до войны на 100 хозяйств приходилось в среднем по 412,1 дес. посевной площади, то в 1916 г. – только по 339,9 дес., что означает сокращение посевов на 17,6%.

Резко снижается площадь посева в Краснослободском уезде. Здесь она уменьшилась на 40316 дес., или на 28,1%. В Наровчатском уезде посевная площадь сократилась на 20,9%, в Саранском – на 19,3%. Самые небольшие изменения произошли в Инсарском уезде, где посевная площадь уменьшилась на 4,2%, и в Ардатовском – на 6,9%.

В уездах, составивших современную Мордовию, война вызвала более глубокие изменения, чем в губерниях, куда они входили. Так, в Ардатовском уезде посевы сокращались на 6,9% площади, а в Симбирской губернии – на 3,1%. В Спасском и Темниковском уездах площадь посевов уменьшилась на 10,2% и 13,2%, а в Тамбовской губернии – на 5,5%. Такую же картину мы видим и в уездах, входивших в Пензенскую губернию. В целом по губернии площадь посевов сократилась на 14,6%, а в Краснослободском – на 28,1%, в Наровчатском – на 20,9%, в Саранском – на 19,3%[17]. И только в Инсарском уезде она сокращалась меньше, чем по Пензенской губернии в целом.

Сельское хозяйство уездов Мордовии и до войны отставало от более развитых уездов своих губерний. Условия военного времени быстро сказались на развитии сельского хозяйства отсталых уездов. Это наблюдалось и в Мордовии.

Изменение площади посева происходило за счет озимого и ярового клина. Более значительное сокращение наблюдается в посеве яровых культур.

Размеры озимого поля, ярового клина, площадь пара менялись и до войны. Пашня разбивалась не на три равные части, они имели неодинаковый размер. Но в годы войны происходил недосев, связанный с нехваткой рабочей силы и тягла. Так, в Ардатовском уезде площадь ярового клина 1-го, 3-го и 4-го земских участков в 1915 г. равнялась 31 331 дес., на нем было посеяно 27 508 дес. яровых культур. Недосев составил 3 823 дес., или 12,2% всего ярового поля. Недосев ярового клина 1-го земского участка составил 15% всей крестьянской земли, отведенной под яровое поле[18].

В годы войны изменяются и посевы озимых культур. Например, озимый клин 1915 г. во 2-м земском участке этого же уезда равнялся 12 130 дес., а было занято под озимые культуры 11 045 дес. Таким образом, недосев озимого клина составлял 9,8% площади клина[19]. Недосев озимого клина наблюдается и в других уездах и волостях. По Мокшалейской волости Саранского уезда 1916 г. было засеяно рожью меньше, чем осенью 1915 г., на 46 дес.[20] Блохинское волостное правление этого же уезда 28 декабря 1916 г. сообщало об изменении в посевах ржи. По данным этого правления озимой сев на 1917 г. сравнительно с озимым севом на 1916 г. сокращался на 84 дес., или на 13,1%[21]. По Атемарской волости Саранского же уезда посевы ржи за 1917 г. уменьшились сравнительно с предыдущим годом на 229 дес., или на 9,1%[22].

Меньшее сокращение озимого сева объясняется тем, что для крестьянства Мордовии рожь являлась основной продовольственной культурой. Поэтому крестьяне стремились улучшить и сохранить ее посевы.

Во время войны произошли большие изменения в площадях посева основных продовольственных культур. В этот период сокращаются посевы всех культур, но не одинаково. Меньше сокращаются посевы ржи, особенно – овса, больше сокращаются посевы зернобобовых культур и

картофеля. Например, в Темниковском уезде распределение посевной площади и посевов в 1916 г. по сравнению с 1914 г. представлено в таб. 3.

Таб. 3. Посевная площадь и посевы в 1916 г. в Темниковском уезде Тамбовской губернии*

Посеяно казенных десятин								
годы	озимых	овса	проса	зерно-бобовых	яровых	картофеля	трав	вся посевная площадь
1914	41303	15439	6890	2472	6074	9957	-	82141
1916	31371	13656	5158	1011	6037	6902	142	64279
в% к 1914	75,9	88,4	74,2	40,9	99,3	69,2	100	78,2

*Таб. сост. по: Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. Тамбовская губерния. Тамбов, 1916. С. 57–58.

Таблица показывает уменьшение посевной площади уезда на 21,8%. Это уменьшение объясняется не столько разницей в размерах полей, сколько влиянием войны на сельское хозяйство. Меньше сократились посевы овса, озимых, проса, больше – посевы зернобобовых, картофеля (см. таб. 4).

Таб. 4. Изменения посевов в Краснослободском уезде Пензенской губернии*

Посеяно казенных десятин										
годы	озимых	овса	проса	гречихи	полбы	гороха	чечевицы	льна	картофеля	конопли
1914	62692	32221	11903	1789	57	1698	1735	1643	13275	2820
1916	50944	32920	8752	1314	2	671	749	445	5635	769
в%к 1914	81,2	102	73,5	73,3	3,9	39,5	42,2	27	42,5	42,5

*Таб. сост. по: Данные предварительных итогов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия.

Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917 С. 88–97; НА НИИГН, Д. И-770. С. 127–128.

В этом уезде мы также видим резкое сокращение площадей посева зернобобовых, картофеля, конопли, льна. Меньше сокращаются посевы ржи, проса, а посевы овса, хотя и незначительные, увеличиваются.

Анализируя сокращение площадей посева различных сельскохозяйственных культур, мы приходим к выводу о резком сокращении посева зернобобовых и масляничных культур. Такое сокращение вызвано острым недостатком рабочих рук. Прекращение винокурения повлекло за собой сокращение посевной площади картофеля. Меньше сокращаются посевы ржи – основной продовольственной культуры. Большая потребность войск в фураже сдерживала сокращение площадей под овсом, которые изменяются незначительно в сторону увеличения. В то же время крестьяне Мордовии начинают заниматься посевом менее трудоемких культур, таких как многолетние и однолетние травы.

Переходя к рассмотрению валового сбора основных культур в период войны, мы должны отметить, что 1915 г. был весьма благоприятным для выращивания сельскохозяйственных культур. Об этом говорят данные урожайности по уездам Мордовии. В 1913 г. урожай ржи в среднем по Мордовии был равен 44,9 пуда с дес., а в 1915 г. – 58,1 пуда. Если чистый валовой сбор ржи в 1913 г. в Мордовии равнялся 11 423 141 пуду, то в 1915 г. он поднялся до 19 334 659 пудов.

Изменение валового сбора основной продовольственной культуры – ржи – видно из нижеследующей таблицы.

Таб. 5. Валовой сбор ржи в Мордовии в 1913–1916 гг.*

Уезды	1913 г.	1915 г.	1916 г.	1916 г. в % к 1913 г/
Ардатовский	2462604	5160664	4735920	192
Спасский	920318	1983798	1489973	162

Темниковский	1069330	1494865	1752726	164
Краснослободский	1535905	3380857	1888179	123
По 4 уездам	5988157	12020084	9866798	160

*Таб. сост. по: Урожай 1913 года в европейской и азиатской России. ЦСК МВД. СПб., 1913. Вып. 1. С. 8–9, 28–29, 44-45; Урожай 1915 года в европейской и азиатской России. ЦСК МВД. Пг., 1916. Вып. 1. С. 8–9, 22–23, 38–39.

Таблица показывает, что чистый сбор ржи в этих уездах в 1915 г. был более чем в 2 раза выше по сравнению с 1913 г. В 1916 г. он падает, но остается на 60% выше, чем в 1913 г. В 1916 г. сокращение посевов было настолько значительным, что оно не могло уже компенсироваться хорошим урожаем. Например, в Спасском уезде урожай ржи в 1916 г. понизился по сравнению с 1915 г. только на 0,1 пуда, а чистый сбор – на 493 825 пудов. В Ардатовском уезде урожай ржи в 1916 г. был равен 70 пудам с дес., то есть на 1,9 пуда выше урожая 1915 г., а чистый сбор ржи в 1916 г. был меньше на 424 744 пуда[23].

Изменения коснулись и другого важнейшего элемента сельскохозяйственного производства – тягловой силы. Как известно, единственным видом тягловой силы в дореволюционной России являлись лошади и волы. Механическая тягловая сила была представлена крайне немногочисленными локомобилями и тракторами – общая мощность двигателей в сельском хозяйстве не превышала 0,8% всей энерговооруженности сельского хозяйства.

В общей массе рабочего скота наибольшее значение имели лошади. Мобилизация лошадей для нужд армии способствовала дальнейшему разорению основных масс крестьянства, она подорвала и без того слабую экономику крестьянской семьи.

Во время войны из крестьянских хозяйств систематически забирали лучших рабочих лошадей, которым было от 4 до 6 лет. На 10 июня 1915 г. только по трем уездам – Ардатовскому, Инсарскому и Саранскому – было реквизировано 3 723 лошади[24]. С продолжением военных действий потребность в лошадях для обозов, кавалерии и

артиллерии растет, поэтому мы видим рост числа реквизированных лошадей. С 10 июня 1915 г. по 11 июля 1916 г., то есть во втором году войны, из этих же уездов было взято еще 1 725 лошадей, а всего за 2 года – 5 448 голов[25].

Как во время войны происходило изменение в обеспечении крестьянских хозяйств Мордовии тягловой силой, свидетельствует нижеследующая таблица.

Таб. 6. Обеспечение крестьянских хозяйств Мордовии тягловой силой*

Уезды	Число хозяйств			Рабочие лошади		
	в 1911–1912 гг.	в 1916 г.	в % к 1911–1912 гг.	в 1911–1912 гг.	в 1916 г.	в % к 1911–1912 гг.
Ардатовский	33935	35551	104,5	28521	27757	97,2
Инсарский	33065	35246	106,2	31177	29854	96,1
Краснослободский	31680	33510	105,5	31912	29810	93,5
Наровчатский	22192	22301	100,9	17618	16008	90,9
Саранский	25757	27587	106,5	22678	22048	97,2
Спасский	22955	24720	108,1	24752	19671	79,5
Темниковский	23832	24511	103,5	21702	22585	104
Итого:	193416	203423	105	178360	167733	93,5
На 100 хозяйств				92,3	82,5	

*Таб. сост. по: Подворная перепись Симбирской губернии 1910–1911 гг. Вып. 3. Ардатовский уезд. Симбирск, 1913; Подворная перепись крестьянского хозяйства. Ч. II. Вып. II. Погубернские и поуездные итоги. Пенза, 1913; Материалы по обследованию животноводства Тамбовской губернии. Спасский уезд. Тамбов, 1913; Материалы по обследованию животноводства Тамбовской губернии. Темниковский уезд. Тамбов, 1913; Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1. Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1917.

Из таблицы видно, что общее поголовье лошадей к 1916 г. по сравнению с 1911–1912 гг. сократилось на 6,5%. Особенно большое уменьшение количества рабочих лошадей

происходило в Спасском уезде – на 20,5%. В Наровчатском и Краснослободском уездах убыль рабочих лошадей меньше, чем в Спасском, но больше среднего уменьшения их поголовья в целом по всем уездам.

Приведенные данные свидетельствуют, что при увеличении наличных хозяйств в Мордовии на 5% поголовье рабочих лошадей уменьшилось на 6,5%.

В целом по Мордовии количество безлошадных в 1917 г. составляло 72 134 двора, или 35,1% всех наличных хозяйств[26]. Частые реквизиции скота для нужд армии, сокращение посевов сельскохозяйственных культур, уменьшение урожайности вследствие недостаточной обработки почвы приводили к уменьшению кормов в крестьянском хозяйстве, что пагубно отражалось на состоянии крестьянского животноводства. У крестьян шло сокращение поголовья скота – коров, свиней, овец. Например, в Спасском уезде в 1917 г. по сравнению с 1912 г. поголовье коров сократилось на 8,9%, поголовье свиней – на 11 816 голов (на 35,3%), поголовье овец уменьшилось на 51 921 голову (36,2%). По Темниковскому уезду поголовье коров сократилось на 8,3%, свиней – на 41,8%, овец – на 20,7%[27].

Количество скота уменьшалось из года в год, но особенно резкое сокращение произошло в 1917 г., когда политический и социально-экономический кризис достиг неимоверных размеров. Так, по Спасскому и Темниковскому уездам только за один 1917 г. по сравнению с 1916 г. количество овец уменьшилось на 18 743 головы (8,6%), поголовье свиней сократилось на 503 головы (2,3%)[28].

Такая же картина была и в других уездах Мордовии. В Инсарском, Краснослободском и Наровчатском уездах в 1916 г. было 476 065 овец, а в 1917 г. – 367 095. Только за один год количество овец сократилось на 108 970 штук (22,9%). В Краснослободском и Наровчатском уездах в 1916 г. было 393 83 свиньи, а в 1917 г. их осталось 31 072 головы, поголовье свиней в этих уездах сократилось на 21,1%[29].

Таким образом, Первая мировая война расстроила сельское хозяйство страны в целом и Мордовии – в частности.

Самая лучшая рабочая сила была призвана в армию и брошена на поля сражений. Деревня испытывала острый дефицит рабочих рук. Реквизиции на нужды армии лошадей лишили сельское хозяйство Мордовии тягла. Милитаризация народного хозяйства лишила страну сельскохозяйственного машиностроения. Нехватка металлов привела к остановке работы деревенских кузниц. Поэтому парк сельхозмашин уменьшается. Недостаток рабочей силы, изъятие из крестьянских хозяйств рабочего тягла, отсутствие машин и улучшенного инвентаря повлекли за собой сокращение посевных площадей. Война усилила процесс разорения и обнищания крестьянства.

Библиография

[1] Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 7.

[2] Там же. С. 49.

[3] Там же. С. 21.

[4] Там же. С. 23.

[5] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года. Вып. VI. Пенза. 1917. С. 24.

[6] Там же.

[7] Сельскохозяйственный обзор Симбирской губернии. Вып. 5. Симбирск, 1915. С. 11.

[8] *Полин Н.В.* Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Труды МНИИЯЛИЭ. Серия историческая. Вып. 38. Саранск, 1969. С. 187.

[9] ЦГА РМ. Ф. 46. Оп. 1. Д. 107. Л. 3.

[10] Вестник Пензы. Пенза, 1916. 21 июля.

[11] Симбирянин. Симбирск, 1914. 3 июля.

[12] *Сидоров А.А.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1973. С. 453.

[13] *Измайловская Е.И.* Русское сельскохозяйственное машиностроение. М., 1920. С. 13.

[14] Симбирский хозяин. Симбирск, 1916. № 4. С. 36.

[15] Природа и хозяйство Пензенского края. Пенза. 1924. Вып. 2. С. 164.

[16] Пензенские губернские ведомости. Пенза, 1916. 11 декабря.

[17] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 415.

[18] ЦГА РМ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 64. Л. 356.

[19] Там же. Л. 357.

[20] Там же. Л. 358.

[21] Там же. Л. 366.

[22] Там же. Л. 370.

[23] Краткий сельскохозяйственный обзор Темниковской губернии за 1915 год. Тамбов, 1916. С. 20; Краткий обзор... за 1916 год. Тамбов, 1917. С. 24; Урожай 1915 г. Пг., 1916. С. 8–9; Симбирский хозяин, Симбирск, 1916. № 9–10. С. 9.

[24] НА НИИГН. Д.И 770. Л. 111.

[25] Там же.

[26] Там же. Л. 113.

[27] *Полин Н.В.* Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны... С. 197.

[28] Там же. С. 198.

[29] Там же.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ (ПРИМЕР БЕЛАРУСИ)

О.Г. Буховец

В истории любой большой войны, тем более такой грандиозной как Первая мировая, – особенно ценным, показательным и перспективным в эвристическом отношении является материал, относящийся к странам и территориям, наиболее глубоко и всесторонне затронутым войной.

В этом смысле очень интересны и показательны белорусские земли Российской империи.

Первое. 500-километровый белорусский «участок» (в 1915–1917 гг.) российско-германского фронта сыграл, как известно, решающую роль в военном противостоянии Германской и Российской империй в 1914–1918 гг.

Второе. Белорусский регион представляет также интерес и в свете той особенно значительной роли, которую сыграло в ходе и исходе Мировой войны крестьянство. В данном отношении он характерен, прежде всего, тем, что 92,5% белорусов, согласно данным Первой Всероссийской переписи 1897 г., являлись по сословной принадлежности крестьянами. Следовательно, не будет большим преувеличением сказать, что и накануне Первой мировой войны понятия «белорусы» и «крестьяне» – чуть ли не синонимы[1].

Третье. Испытания, выпавшие в военную пору в этом аграрном регионе Российской империи на долю крестьян (являвшихся в подавляющем большинстве, как отмечено, одновременно и белорусами), оказались если не самыми, то одними из самых драматичных. Уже хотя бы в силу того, что бремя присутствия огромной массы войск обеих противоборствующих сторон было здесь, как нигде больше на

российско-германском и российско-австрийском фронтах, непомерно тяжелым и долговременным.

Патриотический подъем в стране, наблюдавшийся в связи с вступлением Российской империи в Первую мировую войну, захватил и Белоруссию. Явка мобилизованных на призывные участки в белорусских губерниях была очень высокой и соответствовала общероссийским показателям. Всего за годы войны из белорусских губерний было призвано около 900 тыс. чел.[2]

В первую очередь, мобилизованными доукомплектовывались по штатам военного времени находившиеся в Беларуси в предвоенный период 4 армейских корпуса. Во-вторых, подлежащие мобилизации жители Беларуси направлялись в формировавшиеся в связи с началом войны 5 пехотных полков, которым были присвоены названия белорусских городов – Бобруйский, Заславский, Мстиславский, Сенненский и Суражский. В-третьих, они записывались в 52 дружины Государственного ополчения, каждая из которых состояла примерно из 1 тыс. чел. (причем число желавших записаться туда даже превысило установленную штатную численность дружин), а также в 8 ополченческих конных сотен, 7 ополченческих рабочих рот и 27 крепостных рабочих рот[3].

Более трех четвертей всего контингента призванных из белорусских губерний составляли крестьяне. В подавляющем большинстве белорусские крестьяне определенно разделяли общероссийский патриотический подъем в связи с началом войны. Вместе с тем, с самого начала стало заметным, что патриотические настроения селян были не столь публично выраженными и эйфоричными, как в городах или, в меньшей мере, в местечках. В деревнях такие настроения выражались, определенно, в более сдержанных формах.

Объяснение последнему следует искать в воспитанной историей архетипической крестьянской осторожности, осмотрительности. Элементарный здравый смысл, передававшийся из поколения в поколение, подсказывал

крестьянам, что именно им, как это случалось во всех предыдущих войнах, и предстоит нести все основные тяготы новой войны. Это значит – рисковать своими жизнями на фронте, возводить укрепления, строить и ремонтировать дороги и мосты, охранять линии связи и т.д. и т.п.

В частности, как сообщал гродненский губернатор, летом 1915 г. на разных военных работах было занято все работоспособное население губернии.[4] А в Минской и Витебской губерниях летом 1916 г. к военно-инженерным работам, строительству железных дорог и уходу за казенным скотом в принудительном порядке привлекалось соответственно почти 220 и 123 тыс. чел., в большинстве своем – крестьяне.[5]

Им, крестьянам, также предстояло смириться с периодическими реквизициями крестьянского скота, повозок, упряжи, фуража и продовольствия для нужд армии. От таковых, как показали дальнейшие события, не были освобождены даже солдатские семьи. По далеко не полным данным, в феврале и апреле 1915 г. в Витебской, Минской и Гродненской губерниях реквизировано было для нужд фронта почти 48 тыс. голов крупного рогатого скота, а в Могилевской губернии, летом 1916 г. – около 15,5 тыс.[6] Причем по распоряжению военного начальства, Витебской губернии надлежало поставить еще 12,5 тыс. голов, а Гродненской – 14 тыс.[7] Нередко имели место случаи, когда крестьяне вообще не получали плату за реквизированный скот и фураж или получали ее в неполном размере[8].

Кроме того, в сложных условиях театра военных действий крестьянам нужно было, конечно, и вести как-то свое собственное хозяйство. При том, что множество крестьянских дворов из-за мобилизации остались без трудоспособной рабочей силы. В 1917 г., например, доля таких хозяйств в Витебской губернии составляла почти треть (32,5%), и лишь ненамного меньше в Минской губернии – 30,1%[9].

Суммарным результатом действия перечисленных негативных факторов стала нарастающая деградация

крестьянского хозяйства Беларуси в годы Первой мировой войны. Она выражалась в последовательном увеличении количества безземельных, беспосевных, безлошадных и бескоровных дворов, в общем сокращении посевных площадей. Так, с 1914 по 1917 гг. поголовье коров в неоккупированных уездах Беларуси уменьшилось на 33,9%, а посевные площади за этот же период сократились на 15,6%[10]. Очень значительно в итоге уменьшились валовые сборы продовольственных и кормовых культур. По 23 неоккупированным белорусским уездам общие валовые сборы зерна за 1913–1917 г. сократились на 31,7%, то есть почти на треть...[11]

В условиях военного положения, введенного в прифронтовых губерниях, выражать свой протест в активных формах крестьянам было, конечно, весьма затруднительно. Напомним, что в соответствии с указом Николая II от 20 июля 1914 г. (по старому стилю), территория Беларуси оказалась в составе Двинского и Минского военных округов и все местные гражданские власти обязаны были подчиняться военному командованию. А 29 июля начальники указанных военных округов получили директиву Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, согласно которой им надлежало «оказывать военной силой самое энергичное содействие гражданским властям, чтобы полным единением на местах военного и гражданского начальства искоренить... всякую попытку к смуте».[12]

Но несмотря на гораздо более суровые по сравнению с мирным временем условия, крестьянское движение в белорусской деревне давало о себе знать и в годы Первой мировой.

Даже по далеко не полной в территориальном и хронологическом отношении статистике, из которой, начиная с осени 1915 г. выпадают данные по оккупированным немцами Виленской и Гродненской губерниям, только с конца июля 1914 г. (по старому стилю) по февраль 1917 г. произошло 202 крестьянских выступления[13].

Самыми распространенными формами (по убывающей) были потравы земельных угодий, порубки леса, отказ от выполнения военных работ и повинностей, выступления против дороговизны, захваты помещичьей собственности и разгром имений, сопротивление полиции и властям. Значительно реже отмечались выступления против хуторизации, отказ от уплаты податей, убийства помещиков и их служащих.

Коль скоро крестьянское движение оставалось статистически значимым даже в те годы, когда, образно говоря, «Отечество было в опасности», то не должны ли мы сделать вывод о том, что крестьянство или, по крайней мере, «бунташная» его часть, не выдержала «тест на патриотичность»?

Чтобы дать на этот вопрос более или менее взвешенный ответ, обратимся к наиболее известному явлению из анализируемого ряда – погромной волне, поднявшейся в период с 19 по 25 июля 1914 г. Она распространилась на 20 из 35 белорусских уездов и жертвами ее стали около 60 помещичьих имений, фольварков, хуторов, домов зажиточных крестьян и лесников[14 15].

Как известно, весть о начале войны пришла в самое неподходящее для крестьян время, когда уже начиналась уборочная. В этой ситуации крестьян особенно тревожило, во-первых, то, что мобилизация отрывала от хозяйств наиболее работоспособных мужчин; во-вторых – одновременно с этим крестьянские хозяйства обязаны были предоставить для нужд армии также лошадей, повозки, упряжь.

Вместе с тем, большинство белорусских крестьян проявило отзывчивость к патриотической пропаганде, о чем свидетельствует очень высокий процент явки на призывные пункты. По Витебской губернии, к примеру, он составил 95%[16]. Однако, с другой стороны, крестьянский патриотизм определенно не был, так сказать, безусловным. Проявив отзывчивость к патриотической пропаганде, крестьяне в ответ ожидали соответствующего уважения к себе со стороны

властей и имущей части населения, готовности оказать необходимую помощь их семьям, которые они, ради выполнения патриотического долга, вынуждены были покидать как раз в самое неподходящее для их хозяйств время. Поэтому те проявления чиновничьей черствости и безразличия, плохая организация питания, неустроенность быта, с которыми пришлось вскоре столкнуться на призывных пунктах, повышали их готовность к различным выражениям активного протеста.

Кроме того, указанные июльские беспорядки, зачинщиками которых почти во всех случаях стали именно крестьяне, происходили, как правило, в тех местностях, где существовали давние конфликты между ними и помещиками. По большей части конфликты эти происходили на почве чересполосности крестьянских и помещичьих земель, совместного пользования выгонами, прогонами для скота, а так же из-за земельных сервитутов (то есть права выпаса скота в помещичьих лесах, проезда крестьян к своим владениям, рыбной ловли, сбора ягод и грибов и т.д.).

Как известно, Белоруссия продолжала оставаться в Российской империи одним из главных, наряду с Прибалтикой, бастионов крупного помещичьего землевладения. Согласно переписи землевладения 1905 г., 10 591 помещик владел там 8 607 624 дес. земли, тогда как на 590 531 крестьянское хозяйство приходилось 6 043 260 дес. надельной земли, то есть всего лишь по 10,2 дес. на двор[17]. Даже прибавление к надельной земле 326 386 дес. земли, приобретенной к 1905 г. крестьянами в частную собственность (во владениях до 100 дес.), и 985 000 дес. земли, принадлежащей крестьянским товариществам и сельским обществам, средний размер приходящейся на крестьянский двор земли повышало довольно несущественно – лишь на 2,3 дес.[18]

Так что, со всей очевидностью, в июле 1914 г. крестьяне-погромщики просто в очередной раз выразили в насильственной форме несогласие с существующим порядком вещей. В этой связи очень кстати напомнить, что на

протяжении всей войны в крестьянской среде упорно циркулировали слухи о том, что после ее окончания вся помещичья земля перейдет к ним.

Нельзя также не отметить, что «горючим материалом» для возбуждения народного недовольства в начале мобилизации явились и неуклюжие действия госчиновников по проведению в жизнь «сухого закона». Запрет на продажу спиртного, введенный тогда властями, воспринимался как мера необоснованная, преждевременная и несправедливая. Это лишь раззадорило призывников и привело к погромам винных лавок и магазинов. После чего нетрезвые погромщики нападали уже и на прочие торговые заведения, грабили, оказывали сопротивление полиции и войсковым патрулям. В итоге, разгромленными тогда оказались многие десятки винных и продовольственных магазинов и складов (всего на территории Беларуси произошло тогда 67 таких выступлений)[19].

Как нам представляется, «погромную неделю» июля 1914 г., которая затронула в той или иной мере почти 3/5 белорусских уездов, следует объяснять одновременным действием, четырех, как минимум, факторов. Во-первых, совпадением начала мобилизации с решающей стадией жизнедеятельности крестьянского хозяйства – уборочной, что, конечно, вызывало у крестьян повышенную тревогу. Во-вторых, возникшими в крестьянской среде после объявления мобилизации массовыми сомнениями в том, что власти и имущий класс окажут необходимую поддержку хозяйствам мобилизованных (которые составляли 45–50% всех взрослых работоспособных мужчин). В-третьих – актуализацией для крестьян, в обстановке начавшейся войны, их застарелых споров с помещиками по поводу земли и угодий. В-четвертых – неуклюжими и недальновидными действиями властей, пытавшихся в ходе мобилизации провести в жизнь «сухой закон».

В результате летних 1915 г. неудач российских войск, они вынуждены были оставить Царство Польское и в течение августа-сентября 1915 г. российско-германский фронт переместился вглубь территории Белоруссии. Это имело

тяжелейшие последствия для ее населения. Отступление российских войск вызвало огромный поток беженцев. До полутора миллионов человек (!) из Польши, Лифляндии, Курляндии, Волыни, западных уездов Гродненской и Виленской губерний направились, в основном на подводах и пешим порядком, многие со своим домашним скарбом и скотом в центральные и восточные районы Белоруссии и во внутренние губернии империи[20].

Эта огромная масса людей сорвалась с насиженных мест как добровольно, так и по принуждению военных и гражданских властей. Согласно установкам военного командования, в интересах замедления и усложнения продвижения германских войск, а также недопущения использования ими продовольствия и фуража на оккупированной территории, все недвижимое имущество и посевы подлежали уничтожению, лошади и крупный рогатый скот – реквизиции. Как писал в своем приказе начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич, «легче будет вновь снабдить население при нашем наступлении», а не оставлять противнику, «который все равно отберет» все это.[21]

В обоснование такой тактики «выжженной земли» военное и гражданское руководство апеллировало к тому, что подобная тактика доказала свою высокую эффективность во время Отечественной войны 1812 г. Однако приверженцы тактики «выжженной земли» странным образом не подумали о явной сомнительности механического переноса опыта 1812 г. в совершенно иную историческую эпоху. В частности, крестьяне 1914 г. к тому времени уже полвека как перестали быть «крещеной собственностью», привычно безмолствующей перед помещиками и властями.

Картины сжигаемых посевов на оставляемой армией территории производили шокирующее воздействие на крестьянское сознание: ему, как известно, присуще представление о работе крестьянина на своей земле как о высшем предназначении и смысле крестьянской жизни. Поэтому публичные выражения недовольства, протеста и

возмущения, вызванные тактикой «выжженной земли», не заставили себя долго ждать. Уже 20 июня 1915 г. прибывшие в ставку Верховного главнокомандующего председатель благотворительного Татьянинского комитета А.Б. Нейтгард и граф С.И. Велепольский доложили великому князю Николаю Николаевичу об «унынии, озлоблении и смуте» среди населения, вызванных «уничтожением целых селений..., частного имущества без оценки и права сохранения его владельцами» и о восприятии жителями таких действий как «меры репрессии».[22]

Ввиду массового характера таких настроений населения исправить ситуацию неоднократно пытались и правительство, и высшее военное руководство.

Так, Верховный главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич в своем приказе № 523 от 26 июня 1915 г., ссылаясь на дошедшие до него сведения о «различного рода насилиях, истреблении строений, лесов и других насаждений», потребовал незамедлительного прекращения всех злоупотреблений в отношении населения, допуская «уничтожение имущества лишь в случаях, когда это вызывается требованиями боевой обстановки и вообще военными целями...»[23]. Спустя полтора месяца Председатель Совета Министров И.Л. Горемыкин также писал о необходимости прекратить во время отступления «огульное выселение всех жителей» и насильственное уничтожение имущества и посевов, местных запасов»[24].

Показательно, однако, что грозный тон приказов и предписаний, и даже предупреждения о привлечении за их неисполнение к уголовной ответственности «в самом высшем размере, до смертной казни включительно»[25] – не привели к отказу от тактики «выжженной земли». В условиях стремительного отступления русских армий она приобрела тогда уже стихийный характер и продолжалась вплоть до стабилизации фронта осенью 1915 г.

Огромные толпы озлобленных беженцев, по большей части предоставленные сами себе, в поисках еды и фуража для своего скота нападали по пути их следования на поля,

огороды, сады себе подобных – местных крестьян. Довольно часто они сжигали и уничтожали посевы, от чего более всего страдали опять-таки местные крестьяне, поскольку для защиты их имущества, в отличие от помещичьего, полиции и воинских команд «не хватало».

Довольно значительная часть беженцев – от 250 до 340 тыс. чел. – осела в Минской, Витебской и Могилевской губерниях, что свидетельствовало об отзывчивости и сострадании местных жителей к их горестному положению[26]. В целом в годы Первой мировой войны одних только беженцев – уроженцев Белоруссии было зарегистрировано, по разным данным, от 1 130 тыс. – до 1 320 тыс. чел.[27] В действительности же беженское движение в Беларусь и из Беларуси было еще более массовым.

Некоторые примеры, отображающие его масштабы, просто не могут не шокировать. Так, в июле 1915 г. вдоль шоссе Брест-Литовск – Москва, на одном лишь участке между Кобрином и Барановичами, сконцентрировалось до 400 тыс. (!) беженцев[28]. Месяцем позже в окрестностях Гомеля и в Гомельском уезде Могилевской губернии собралось более 300 тыс. беженцев из Виленской и Гродненской губерний, направлявшихся в другие регионы страны[29]. В Витебске к осени 1915 г. сосредоточилось более 90 тыс. беженцев.[30] В Минске и его окрестностях в ту же пору скопилось до 120 тыс. чел. В сентябре сплошной поток этих беженцев, направлявшихся из Минска к Игумену, Березино и Могилеву, заполонил почти все дороги[31]. В том же сентябре 1915 г. на юге Минской губернии, на участке железной дороги между станциями Василевичи и Речица образовался гигантский затор из 58 поездов, в каждом из которых находилось по тысяче беженцев[32]!

Многие из этих беженцев, выбившихся из сил от жажды, голода, непогоды – попадали по пути следования под немецкие артиллерийские обстрелы и даже под авиабомбардировки. Осенью 1915 г., в условиях холода, голода, антисанитарии многие десятки из них ежедневно умирали. А вот еще не менее печальная страница летописи

народных страданий и горя в Беларуси времен Первой мировой: в каждом из поездов с беженцами, которые прибывали в Гомель в сентябре 1915 г., обнаруживали десятки (!) трупов, которые «путешествовали» в вагонах по нескольку дней...[33]

После ряда контрударов российских войск, в октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Двинск (ныне – латвийский город Даугавпилс, находящийся в 2-х десятках километров от белорусской границы – *О.Г.*) – Браслав – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск. Практически неизменным, несмотря на кровопролитные сражения весной-летом 1916 г. и летом 1917 г., он оставался почти два с половиной года. На протяжении всего этого периода по обе его стороны, вдоль вышеуказанной линии было сосредоточено ни мало ни много 2,5 млн солдат и офицеров – более 1,5 млн российских и около 1 млн немецких.

Ступив на белорусскую землю в августе 1915 г., германские армии, после стабилизации фронта по линии Браслав – Поставы – Сморгонь – Барановичи – Пинск, в течение двух с половиной лет контролировали четверть территории современной Республики Беларусь. А после февральско-мартовского 1918 г. немецкого наступления, которое продолжалось и после заключения «похабного» Брестского мира, они установили контроль уже над 4/5 всей Беларуси. Причем 21 уезд был оккупирован ими полностью, 8 – частично. Не занятыми германскими частями оставались тогда всего лишь 6 белорусских уездов[34].

Даже после своей капитуляции Германия с выводом войск из Беларуси не слишком спешила: значительную ее часть они занимали еще в начале 1919 г., а Гродно немцы оставили лишь 27 апреля 1919 г.

Германские оккупационные власти изначально взяли курс на максимально возможную экономическую эксплуатацию белорусских террирорий. Оккупированный край должен был не только содержать военно-административный аппарат и приданные ему военно-

политические силы, но и поставлять большой ассортимент продуктов и сырья в Германию.

Для обеспечения максимальной результативности проводимой германскими оккупационными властями политики применялся широчайший набор инструментов «выдавливания» из населения всего нужного воюющему рейху. Широко практиковались всевозможные реквизиции: лошадей, зерна, домашнего скота, кожи, шерсти, металлов, табачных изделий и т.д.

При этом реальные возможности населения в расчет совершенно не принимались. Например, в одном только округе Белосток – Гродно (преимущественно белорусском по этническому составу населения) за несколько месяцев 1916–1917 гг. оккупанты реквизировали 10,5 тыс. лошадей, а в апреле 1917 г., невзирая на неурожай предыдущего года и голод, ими реквизировано было 30 тыс. т семенного зерна, крайне необходимого крестьянам для посева[35].

Все жители на оккупированных территориях были обложены разнообразными видами прямых и косвенных налогов. Так, для всех лиц в возрасте от 15 до 60 лет вводился подушный налог. Подати должны были платить, в частности, скотобойни, рынки, зрелищные заведения и даже больницы[36].

Разработана была изощренная система штрафов. К примеру, за уклонение от обязательных поставок, за утаивание сведений о беглых военнопленных, за неосторожность, приведшую к возникновению пожара... и т.п. За все такого рода провинности – реальные либо «вмененные» – произвольно назначались так называемые «контрибуции»[37].

В 1916 г. была введена фактически всеобщая трудовая повинность. Согласно ей, мужчины в возрасте 16–50 лет и женщины 18–45 лет – в принудительном порядке, в составе так называемых «трудовых рот и батальонов» привлекались к работе на обслуживающих потребности фронта и всего рейха фабриках, в военно-строительных организациях и мастерских, в оставленных землевладельцами и крестьянами хозяйствах, на заготовке леса и торфоразработках и т.д.[38] При этом жили мобилизованные в неприспособленных, неотапливаемых

помещениях, впроголодь, получая за свой труд нищенскую оплату.

Начала практиковаться и принудительная отправка местных жителей на работу в Германию. Этот опыт, кстати, впоследствии очень широко использовался нацистами на оккупированных советских территориях.

Уже на основании вышеизложенного, трудно не прийти к выводу о том, что в практическом выражении – кратко-, средне- и долгосрочном – политика германских оккупационных властей в Беларуси была «политикой опустошенного пространства».

Совершенно очевидным ее выражением стали, в частности, введенные на оккупированой территории нормы потребления основных продуктов питания и особый внутренний режим для ее населения. Так, в округе Белосток – Гродно на человека в сутки полагалось 120 г зерна (!) и 200 г картофеля...[39] Разумеется, такая «норма» гарантировала неизбежную физическую деградацию человека.

Что касается внутреннего режима, то его следует назвать если не просто лагерным, то уж точно «полулагерным». Ночью действовал строгий комендантский час. Перемещаться жители могли *только* днем, *только* в пределах своего уезда, *только* с письменным разрешением представителя оккупационной администрации и *только пешком*. Для поездки любым транспортом (даже на подводе или велосипеде) требовалось *особое разрешение*... начальника уезда!![40]

Каким же было поведение жителей оккупированных кайзеровской Германией белорусских земель? Можно ли сказать, что в условиях столь сурового оккупационного режима они просто-напросто вынуждены были занять пассивно-страдательную позицию, что их воля к сопротивлению была полностью подавлена? Нет, сказать это никак нельзя.

Безусловно, в самом начале оккупации, когда на протест просто психологически трудно было решиться, население выражало свое неприятие оккупационного режима

преимущественно в пассивных формах. Это были те или иные формы уклонения от реквизиций, поборов, штрафов, обязательных поставок, принудительных работ. Равно, как и игнорирование «тихой сапой» распоряжений администрации и установленного оккупационными властями жесткого внутреннего режима.

Однако, имеется немало сведений, что уже и тогда местные белорусские крестьяне начали вливаться в действовавшие в лесах, особенно в Беловежской пуще, отряды, организованные российскими военнослужащими, попавшими в окружение либо бежавшими из плена[41 42 43]. И число таких отрядов с течением времени оккупации увеличивалось. Росла, за счет притока местного населения, и численность их личного состава.

Качественно новый этап активного сопротивления оккупантам начался в 1918 г., в период февральско-мартовского наступления германских войск и установления ими контроля над большей частью Беларуси. Бурный подъем партизанского движения начался уже во время самого наступления и продолжился в последующие месяцы. Оно тогда стало приобретать массовые масштабы. Так, по сохранившимся данным, в Витебской губернии, в ходе немецкого наступления в партизанские отряды вступило 850 чел., в Речицком уезде Могилевской губ. – 800, в районе Лоева – Брагина – 200[44].

Новый импульс партизанское движение получило после того, как германские оккупанты попытались переложить контроль над южными белорусскими уездами на марионеточную Украинскую Народную Республику. В Гомельском уезде действовали тогда, к примеру, такие крупные партизанские отряды, как Переростовский (750 чел.), Дятловский (200 чел.), Носовицкий, Руднянский и 1-й Гомельский (каждый по 150 чел.). В Рогачевском – Федоровский (500 чел.), а также Рогинский и Чечерский (по 120 чел.)[45].

К концу лета 1918 г. на территориях всего лишь 7 уездов – Минского, Могилевского, Бобруйского,

Гомельского, Речицкого, Слуцкого и Быховского – действовало более 100 партизанских отрядов. А осенью того же года борьба белорусских партизан против немецких оккупантов приобрела уже, по самым строгим критериям, характер *всенародной*[46].

Это, безусловно, стало серьезным фактором дальнейшего ослабления кайзеровской Германии в последние месяцы ее существования и серьезно сузило поле для маневра оккупационных войск накануне их ухода из Беларуси.

Весьма показательно в связи с последним замечание такого весьма авторитетного и стороннего для Беларуси наблюдателя как бывший британский премьер-министр Ллойд Джордж. Как писал он в своих мемуарах «Правда о мирных договорах», «уход немецких войск был встречен крестьянами Белоруссии с полным удовлетворением, потому что они не питали нежных чувств к тевтонам»[47].

Итак, испытания и лишения, принесенные белорусскому крестьянству Первой мировой войной, имели исключительный характер. Белорусские крестьяне разделяли в массе своей общие для страны патриотические настроения в связи со вступлением Российской империи в войну. Конкретным доказательным подтверждением этого стали очень высокие показатели явки после объявления мобилизации на призывные участки. Вместе с тем, в крестьянской среде совершенно определенно не наблюдалось той патриотической эйфории, которой были охвачены другие социальные слои и группы населения. Причина – воспитанная историей архетипически крестьянская осмотрительность, осторожность и своеобразная смутная тревога «впрок».

По мере развертывания Первой мировой войны происходило последовательное «заземление» тех тревожных обертонов, которые изначально появились в восприятии ее белорусским крестьянством. В этой войне крестьянам пришлось исполнять роль главной «тяглой силы».

Прежде всего, именно ими, крестьянами, доукомплектовывались по штатам военного времени

находившиеся в Белоруссии армейские корпуса и укомплектовывались новосоздаваемые пехотные полки, конные сотни и дружины Государственного ополчения. Основной рабочей силой при создании и последующем поддержании в надлежащем порядке военной инфраструктуры (возведение укреплений, строительство и ремонт железных и шоссейных дорог, мостов, линий связи) – были опять-таки крестьяне. На крестьянские хозяйства приходилась и основная тяжесть периодических реквизиций скота, повозок, упряжи, фуража и продовольствия для нужд действующей армии.

Соответственно, и страдали от войны более всех, безусловно, крестьяне и их хозяйства. Во-первых, это, конечно, потери убитыми, ранеными и искалеченными в ходе боевых действий на фронте (ведь «крестьяне в шинелях» составляли абсолютное большинство личного состава армии).

Во-вторых, поскольку в ходе войны было мобилизовано до *половины* всех работоспособных мужчин деревни, то возник острейший дефицит рабочей силы в крестьянских хозяйствах. Регулярные реквизиции рабочего скота и массовое привлечение работоспособного населения к различным военно-инженерным работам еще больше подрывали материальную основу крестьянского хозяйства. В результате – стал быстро развиваться процесс его деградации. Ее интегральным показателем может служить, в частности, общее сокращение валовых сборов продовольственных и кормовых культур на неоккупированной территории Беларуси к 1917 г. почти на треть. Форсированными темпами происходила пауперизация сельского населения, новый сильный импульс, который был дан установлением в феврале-марте 1918 г. немецкого оккупационного режима на большей части Беларуси.

В-третьих, мощное деструктивное воздействие на сельскую Беларусь в годы Первой мировой оказывало беженство.

В начальный период войны, вплоть до отступления летом 1915 г. русской армии и перемещения в августе-сентябре фронта на территорию собственно Беларуси,

белорусская деревня была в основном *объектом* беженства из Царства Польского, Литвы, Волыни, западных уездов Гродненской и Виленской губерний. Огромные потоки беженцев, изнуренных долгими переходами и жарой, обессилевших от жажды и голода, отчаявшихся – часто вытаптывали, а то и уничтожали по пути своего следования посевы, огороды, крестьянское и другое имущество.

На завершающем же этапе войны, когда в результате развала русской армии немцы продвинулись далеко на восток, взяв под контроль 4/5 территории современной Беларуси – масса белорусских крестьян стала в итоге *субъектом* беженства. И в условиях, когда военная разруха достигла к тому времени предельной степени – положение этих беженцев было еще более тяжелым, нежели в 1915–1916 гг.

Отнюдь не менее патриотичным, чем в начале войны, поведение белорусского крестьянства было на завершающем ее этапе – в 1918г. После распространения немецкого оккупационного режима на большую часть Белоруссии партизанское движение смогло в считанные месяцы стать *всенародным* именно благодаря белорусским крестьянам: как в свитках, так и в шинелях!

Вместе с тем, на всем протяжении Первой мировой крестьяне довольно часто готовы были переложить, фигурально выражаясь, ружье с патриотического плеча на социальное. Их интересы и интересы помещиков находились в столь длительном и остром столкновении, что крестьяне уже традиционно воспринимали помещиков как «врага внутреннего».

Библиография

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 67–72.

[2] *Смольянинов М.М.* Беларусь в Первой мировой войне 1914–1918 гг. Минск: 2014. С. 5.

[3] Там же. С. 27–30.

[4] Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часов да нашых дзен: у 3 т. Т. 2. Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / пад рэд. В.П. Панюціча). Мінск, 2002. С. 422.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 421.

[7] Там же.

[8] Там же. С. 421.

[9] Там же. С. 420.

[10] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 5. Мінск, 1999. С. 475.

[11] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 424.

[12] Гісторыя Беларусі: у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / гал. рэд. М.П. Касцюк. Мінск, 2005. С. 434.

[13] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 431.

[14] Гісторыя Беларусі... С. 436.

[15] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 428.

[16] Гісторыя Беларусі... С. 436.

[17] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 264, 266.

[18] Там же. С 265.

[19] Там же. С. 429.

[20] *Смольянинов М.М.* Указ. соч. С. 313.

[21] Там же. С. 95 – 96.

[22] Там же. С. 96.

[23] Там же. С. 98.

[24] Там же. С. 114.

[25] Там же. С. 98.

[26] Там же. С. 212, 313; Гісторыя Беларусі... С. 444.

[27] Гісторыя Беларусі... С. 445.

[28] Там же. С. 444.

[29] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 424.

[30] *Смольянинов М. М.* Указ. соч. С. 212.

[31] Гісторыя сялянства Беларусі... С. 424.

[32] Там же.

[33] Гісторыя Беларусі... С. 444.

[34] *Смольянинов М.М.* Указ. соч. С. 311.

[35] *Гісторыя Беларусі*... С. 449.

[36] Там же.

[37] Там же.

[38] Там же. С. 450.

[39] Там же.

[40] Там же.

[41] Там же.

[42] *Linde G.* Die deutsche Politik in Litauen im ersten Weltkrieg. Wiesbaden. 1965. S. 37–38.

[43] Новое время. Пг., 1917. 27 сентября (10 октября).

[44] Энцыклапедыя гісторыі Беларусі... С. 417.

[45] Там же.

[46] Там же. С. 418.

[47] *Мигун Д.А.* Беларусь в германо-советских отношениях (ноябрь 1918 – июнь 1941 гг.). Минск,. 2013. С. 45.

ВОЙНА В КРЕСТЬЯНСКОМ СОЗНАНИИ: ПРЕОБРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

А.В. Гордон

Перечтя несколько раз материалы заседания круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война» 11 апреля 2014 г.[1], нахожу, что тема «Традиции и Модерна», говоря словами модератора С.Ю. Разина, подлинно оказалась стержневой в выступлениях участников, осветившей ее на разнообразном фактическом материале, с разных сторон и – подчеркну – с различных идейно-теоретических позиций.

Что происходило в российской деревне под влиянием Мировой войны – модернизация традиции или «ретрадиционализация»? Насколько основательными были изменения в крестьянском мире и прежде всего в крестьянском сознании? Можно ли говорить, что Война затронула глубинные пласты, или все воздействие свелось к колебанию маятника, вернувшегося к исходной точке после ее окончания?

Действительно, цикличность есть свойство крестьянского сознания. Способность крестьянского мира к возрождению после природных и антропогенных катаклизмов поистине уникальна. В этом отношении мне близок подход такого дотошного крестьяноведа, как О.А. Сухова. 20 лет назад мне самому довелось, перефразируя Б. Окуджаву, написать о крестьянственности: «неистребима, как сама природа».

Но речь велась о личности человека, хозяйствующего на земле. Между тем далеко не все сельские жители, возвращаясь с войны, сохраняли верность крестьянской культуре хозяйствования.

С пореформенных времен крестьянскую укорененность теснила субкультура деклассированности. Консолидируется психология пауперизма и к тому же – вместе с Войной – в ее

агрессивном проявлении: иждивенческое ожидание материальных благ сменяется стремлением обрести их силой. Задают тон «фронтовики», люди с особым, «милитаризованным» сознанием, ибо, по афоризму Д.И. Люкшина, «душа остается там, где смерть ходила рядом».

Это – итог Войны. А что можно сказать о ее начале? Сознаю, что мифологема «катастрофы», которую я предложил в выступлении на Круглом столе, слишком обобщающее определение, в котором при оценке крестьянского реагирования внимание сосредоточивается на сфере подсознательного. Тяготеет также над мыслью исследователя знание о последствиях Войны, всецело соответствующих тому, что сейчас называют «гуманитарной катастрофой».

Стремление создать атмосферу общенационального сплочения вокруг царя и трона имело определенный, хотя, заметим, временный успех. Широко освещены в СМИ, художественной и научной литературе манифестации в столицах и – по убывающей соответственно расстоянию от них – по российским градам. Но насколько отражают действительность утверждения, что объявление Войны было встречено повсеместным ликованием, всеобщим ожиданием триумфальных побед русского оружия, что настроение инициированного властью, монархическими объединениями и купеческой верхушкой торжества распространилось на деревню?

В материалах, представленных на Круглом столе, упоминается об участии крестьян в официальных мероприятиях, но не различимы следы спонтанной эйфории, которая бы свидетельствовала о бурном энтузиазме и массовом одобрении. «Как громом ударило всех вестью о мобилизации всего запаса сил» – эта дневниковая запись сельского жителя, которую приводит В.С. Жукова, наводит на другие мысли. Или, например, наблюдение Н.А. Дунаевой: «Известие о войне крестьянство восприняло как трагедию... Деревня насторожилась, напряглась и ожидала худшего». Чем дальше шла Война с сопутствовавшими ей бедствиями, тем заметнее усиливались эти эсхатологические ожидания.

Возможно, в отдаленных от границ, а потом и театра военных действий районах (вроде Европейского Севера) восприятие начала Войны и было явлено подобием отхожего промысла. Однако такие случаи лишь оттеняют общую атмосферу народного бедствия, к которому крестьянство отнеслось по вековечной традиции покорности высшим силам и приспособления к обстоятельствам, стихийно следуя древнейшей стратегии самосохранения – помучиться, перетерпеть, выжить.

Речь идет об архаическом пласте сознания. Однако реминисценцией этих истоков восприятие начала Войны, разумеется, не исчерпывалось. Часто исследователи указывают на актуализацию патриархальных норм и представлений. Так, Н.А. Дунаева говорит о начавшемся «возврате к истокам», к «традиционному укладу» жизни. Притом, характеризуя беспорядки при призыве как «традиционное» явление, она констатирует нечто совершенно не укладывающееся в представления о традиционном сельском «ладе» (по Л.Н. Толстому или по В.И. Белову).

Призывники «стремились “напоследок” разрешить назревшие конфликты». Каким образом? Допустим, поджог помещичьих усадеб – это «в традиции», хотя, следует принять во внимание, что исследователем выявляется по существу очень специфическая традиция – изживания патриархальных отношений. А далее Н.А. Дунаева собственно признает «новшества»: «призывники-общинники шли бить ненавистных единоличников» и одновременно в форме «традиционного» мордобоя еще и «бунт молодежи против засилья и диктата стариков в общине».

Думаю, исследователь выявляет на конкретных примерах панораму сложившегося к началу Войны многообразия уклада российской деревни, где «традиция» в привычном понимании «исконности» совмещалась с явлениями модернизации, а эта последняя могла выступать, как видим, в разрушительных формах. Нахожу здесь весомые аргументы против бытующего отождествления крестьянского

сознания пореформенной поры с общинно-патриархальной архаикой, с всевластной и безоглядной «традиционностью».

Приходится настаивать на этом фундаментальном положении, поскольку, к сожалению, еще властвует среди теоретиков российской модернизации постулат «просвещенного», с XVIII в., европейского сознания о том, что крестьянство представляет «вечно средневековую массу» (это точно подметил автор «Проклятьем заклейменных» Ф. Фанон. Увы за прошедшие после выхода этой книги полвека серьезных сдвигов в либерально-модернизаторских подходах я не заметил – *А.Г.* – ср. с работой И.Г. Яковенко[2]), и как носитель традиционного, патриархального сознания социальная общность является непримиримым антагонистом модернизации.

В пользу того, что крестьянское сознание было многообразным, «многоукладным», свидетельствует, в частности О.А. Сухова (многообразность крестьянского сознания предвоенного и военного периодов отчетливо очерчена и в ее монографии[3] – *А.Г.*), которая в ходе Круглого стола наиболее, пожалуй, страстно аргументировала возрождение крестьянской «традиционности». «Все равно крестьяне оставались верны императивам патриархального сознания», – утверждает историк из Пензы. И одновременно подчеркивает, в противовес модной теории «смуты», что крестьяне были «готовы и способны к самоорганизации», причем, что особенно ценно – к политическому самоопределению и даже к правотворчеству.

Это очень важный вывод, и я его готов поддержать. Но как же тогда быть с «императивами патриархального сознания»? Получается, что в крестьянском сознании способность к социальной инициативе и самоорганизации уживалась с традиционными «императивами», а, следовательно, власть бытовавших из века в века патриархальных установок подчинения устоявшемуся порядку и сильным мира сего не была «императивной», иначе говоря, безальтернативной.

О.А Сухова и Т.И. Трошина затеяли дискуссию с А.В. Скутневым, который с документами РПЦ на руках доказывал поступательное снижение религиозности среди крестьянства в пореформенный период. Удивляюсь пылу дискутантов: ведь в выводах добросовестного исследователя из Кирова нет принципиально нового! М.И. Ивашко обобщил хорошо известные факты и факторы секуляризации крестьянского сознания на рубеже XIX–XX вв. и даже процитировал генерала А.И. Деникина, сетовавшего, что народ «подпал под власть утробных, материальных интересов».

Можно привести более авторитетные наблюдения. Святитель Игнатий (Д.А. Брянчанинов) характеризовал пореформенную ситуацию: «Кутилы из крестьян кутят и впали в индифферентизм по отношению к религии, некутилы обращаются в большом количестве к расколу»[4].

И этим свидетельствам нисколько не противоречат приводимые, в частности Н.А. Дунаевой, факты всплеска крестьянской религиозности в начале Войны. В.И. Белов как-то заметил, что крестьянина можно назвать, скорее, «верящим», чем «верующим». Очень точно! Крестьянская вера представляется, скажем так, контекстуальной или ситуативной, а не фундаментальной.

В одних ситуациях крестьянская вера может доходить до фанатизма, чему история и русская классическая литература (достаточно упомянуть «Юдоль» Н.С. Лескова) предлагает немало примеров. В других случаях может оказаться прагматической («годится – не годится», по В.Г. Белинскому).

Очевидно, прав М.И. Ивашко: мы слишком часто недооцениваем специфичность крестьянского духовного мира, начиная отождествлять веру с религией, религиозность – с воцерковленностью, а последнюю иллюстрировать посещением храмов в тылу и выслушиванием молебнов на фронте. Говоря словами О.А. Суховой, то был официальный «ритуал», и вопрос о том, сколь глубоко он затрагивал чувства верующих крестьян, остается открытым.

Совершенно справедливо, что Война вызвала обостренную потребность в вере и на фронте, и в тылу; однако эта потребность отнюдь не довольствуется «окармливанием» паствы официальными священнослужителями. Привычная оптика отождествления духовности с духовным сословием, деформированная к тому же тенденцией последнего времени к преувеличению влияния РПЦ на российское общество и, в частности, на крестьянский мир (эта тенденция, к сожалению, нашла отражение и в научном сообществе; я имею в виду цикл работ под редакцией такого известного этнографа, как М.М. Громыко – см. критическую оценку Т.А. Бернштам[5]), явно подводит.

В выступлениях на Круглом столе лишь А.В. Костров затронул тему отхода из РПЦ в старообрядчество, а тема оживления архаических верований, увы, не была освещена совсем (для сравнения см. работу В.Б. Аксенова[6]). Между тем я бы согласился с М.И. Ивашко, что духовный авторитет официальной Церкви не выдержал испытание Войной, и это немало объясняет крайнюю радикализацию крестьянского сознания.

Другое дело – и здесь я могу понять оппонентов вятского историка – что нельзя возлагать за это вину собственно на священнослужителей. С XVIII в. образовательный уровень и материальное положение приходских священников (особенно на селе), сравнительно с другими слоями русского общества, ухудшались, так что их социальный статус совершенно не соответствовал той роли духовных наставников, которую на них возлагала государственная власть. «Православное духовенство есть сословие, намеренно униженное, на которое само государство смотрит с презрением», – констатировал церковный автор в 1862 г.[7]

Священнослужители да и авторитет РПЦ в целом пострадали за «симфонию» с деградировавшей государственной властью, но это не должно затемнять исследователю сложные и немало противоречивые отношения между монархией и Церковью. Что и выявилось

в полной мере в 1917 г.! Есть основания утверждать, что в лице большей части своего клира Русская Православная Церковь была готова к изменениям. А.В. Скутнев справедливо напоминает о позитивной реакции многих епархий на Февральскую революцию. К несчастью, пришедшие к власти большевики заняли огульно обструкционистскую позицию в отношении религии и Церкви, имевшую самые печальные последствия для судеб страны, да и собственно Революции.

При оценке духовной радикализации крестьянства следует выделить фактор «вброса» в крестьянское сознание провоцирующих идеологем. Тамбовский историк Н.В. Токарев убедительно проследил, как крестьяне от ожидания наделения землей по милости царя-батюшки перешли к самочинному ее распределению. Но в целом произошедший в конце Войны аграрный переворот, окрещенный «черным переделом», нельзя списывать ни на патриархально-монархическую веру, ни на патриархально-общинную уравнительность, как это часто бывает.

К сожалению, и среди крестьяноведов наблюдается некая аберрация, когда почерпнутые крестьянами идеологемы «большой традиции» (по Р. Редфилду) приравниваются к архетипам крестьянского сознания. Между тем чаще всего в этих случаях речь следует вести о способе легитимации крестьянских требований, о формате их выражения на внятном для «большого» общества, включая, в первую очередь, судебные органы и чиновников, языке.

Если говорить об истоках крестьянской убежденности в «своем праве» на перераспределение земли, то следует вспомнить имевшие с середины XIX в. широкое хождение среди российской интеллигенции идеи «греховности» частной собственности на землю, народнические лозунги «земля принадлежит тому, кто ее обрабатывает», да и символичное название одной из революционных организаций – «Черный передел».

Идеи аграрного переворота, распространявшиеся ходоками «в народ», вряд ли миновали внимательные уши.

Думаю, «общинное право», о котором обычно говорят исследователи, было для крестьян скорее формулой легитимации, чем детонатором аграрного переворота. Можно сказать, что «вал общинного права» (А.С. Изгоев), в который вылился «черный передел», был хорошо подготовлен извне деревни (и далеко не только Партией социалистов-революционеров).

В ряде выступлений, как по Тамбовщине, так по Поволжью, подчеркивается высокий уровень радикализации, говорилось даже о «революционизации» крестьянства еще перед Войной. Наверное, из приводимых фактов все-таки не следует вывод, что крестьяне в массе стали революционерами. Хорошо показана неустойчивость крестьянской «революционности» Н.В. Токаревым. Вот уже 1916 г.: «надежды на царя нет». И тем не менее «снова ждем милости от царя».

Подобную, я бы сказал, укорененную амбивалентность крестьянского сознания следует учитывать при подходе к тому феномену, который принято называть «патриотическим подъемом». Крестьянский патриотизм имеет лишь опосредованное отношение к идеологии национализма. В нем больше стихийного «фатализма», того, что А.Б. Асташов назвал «пассивным патриотизмом»: мобилизованный крестьянин, внимая официальной пропаганде, идет на войну «защищать Родину», но при том дополняет пропагандистский штамп своим пониманием мобилизации – «потому что судьба такая».

Дело не только в подвижности крестьянских настроений, в их зависимости от хода военных действий. Главное – вопрос о сути крестьянского патриотизма. Он определенно «не был безусловным», – подчеркивает О.Г. Буховец. Проявив «отзывчивость к патриотической пропаганде», крестьяне «ожидали соответствующего уважения» к своим требованиям.

Из книги в книгу кочует постулат о «жертвенности» во имя «Веры, Царя и Отечества». Не стоит, естественно, недооценивать популярность официальных лозунгов. И тем

не менее еще по отношению к Отечественной войне 1812 г. А.И. Герцен сформулировал многозначительный вывод: «Умирая на поле битвы “за Белого царя и Пресвятую Богородицу”, как он говорил», крестьянин «умирал на самом деле за неприкосновенность русской земли». Из понятия Родины вытекало понимание крестьянином своего права на землю[8].

Крестьянский патриотизм оказывается приземленным в буквальном смысле, то есть зиждится на отношении к земле, владении ею. И в 1812 г. отмечались проявления крестьянской веры в то, что за ратный труд, испытания и лишения государь наградит своих сельских подданных землей. Такая вера, как показывают материалы Круглого стола, сделалась еще более заметным фактором в 1914 г. Недаром (это замечает, в частности, М.М. Есикова) боевой дух русской армии поддерживался слухами о возможности бесплатного получения земли крестьянами как победителями. Царизм не выдержал испытание той крестьянской верой.

Война приобрела тотальный характер. В такой войне решает связь фронта с тылом. И эта связь, как показывает И.А. Анфертьев, действовала в пользу основного противника Российской империи. Почему? При таком-то эпическом патриотизме, если верить тогдашним и нынешним СМИ? Сравнительные исследования подчеркивают значение двух факторов – острота аграрного вопроса в сочетании с архаичностью государственной системы[9].

Да и не следует забывать об оборотной стороне крестьянского патриотизма – о погромах, о притеснении немцев-колонистов (Е.И. Демидова). Соглашусь с А.В. Чертищевым: вскормленная государственно-монархической пропагандой «гремучая смесь воинствующего национализма и ксенофобии» ударила в конечном итоге по самой монархии, сделавшись мощным дестабилизирующим фактором, когда пошла по всем фронтам и в тылу версия об «измене» Двора и генералитета. Ударила и по основам социального порядка.

Таково уж свойство ксенофобии, что враждебность по отношению к этнически чужим легко может обернуться ненавистью к социально чуждым. Как отмечал М.М. Пришвин, выдержки из дневника которого приводит В.Г. Хорос, «Немец и война обращаются вовнутрь... От немца-германца перешли к немцу внутреннему – царю, помещику, капиталисту, теперь переходят к соседу», который побогаче.

Подобно японской, «германская» (так ее называли в народе) война, вместо того чтобы ослабить социальные антагонизмы общенациональным сплочением, как планировали придворные стратеги, их усилила, а главное – возвела в абсолют упование на насилие, стремление к разрешению накопившихся разногласий, давнишних и вновь обретенных противоречий силой. И все чаще – силой оружия! В этом отношении можно говорить о «милитаризации» крестьянского сознания в широком смысле слова, а не только в том специальном значении, которое раскрыто в выступлении А.А. Симонова.

Намечается интересный поворот темы. Не явилась ли милитаризация в тылу оборотной стороной массового дезертирства на фронте? «Гуляй-поле» стало «гулять», извиняюсь за каламбур, в крестьянских головах. И все-таки крестьяне в большинстве случаев не становились «перекати-полем». При всех политических и социальных пертурбациях, при вящей «колебательности» и резких, сбивающих с толку исследователей поворотах в крестьянских настроениях можно, я думаю, говорить о некой или неких доминантах крестьянского сознания.

Очень высоко ценю в этом отношении наблюдения Н.В. Липатовой над поведением запасников, солдат тыловых гарнизонов в поволжских городах. «Хоть умирай, а хлеб сей», – говаривали старики-крестьяне. Начинается полевой сезон, и эти крестьяне под ружьем берутся за плуг и лопату. Земля-матушка, она должна родить. А крестьянин – тот, кто должен этому содействовать, его призвание поить и кормить человечество.

Поэтому, не в пример прочим гарнизонщикам, крестьянский корень проявлялся в инициативе и самоорганизации. Мобилизованные крестьяне брались распахивать поля и огороды, не дожидаясь, пока начальство позаботится об их пропитании. И еще думали о пропитании своих семей. Н.В. Липатова обращает внимание на то, что крестьяне дезертировали с фронта, узнав, что их семьи голодают. Земля–Хлеб–Жизнь. Связь этих понятий и можно назвать, я думаю, доминантой в крестьянском сознании, именно той, «неистребимой как сама природа», о чем говорилось в начале статьи.

В заключение – о том, о чем почти не упоминалось на Круглом столе... Ведь Война не зря получила наименование Мировой. Через газеты, непосредственный контакт с противником на фронте, с военнопленными в тылу крестьяне интенсивно вступали в сферу международных отношений. Не подготовило ли это русское крестьянство к восприятию большевистских лозунгов «Мир народам», а затем «Мировой революции» и «Мирового империализма»?

Меня уже давно занимает мысль, как кругозор общинника из «локализованного микрокосма» (К. Маркс), меривщего мир «окоемами» ближайшего окружения, расширился до общенациональных пределов и вселенской беспредельности. Понятно, эта мыслительная операция не могла быть простой. Реликтовое сознание «хата с краю – ничего не знаю» оборачивалось феноменом «зеленых» банд, контролирующих «свою» территорию, «войной всех против всех»; а, с другой стороны, – могло порождать навязчивое желание придать всему миру облик своего прихода.

Итак, крестьянское отношение к Войне можно считать «многоукладным» или многослойным, как собственно крестьянское сознание в целом. Жертвенность во имя официальных лозунгов «За Веру, Царя и Отечество» сопрягалась с сугубой прагматичностью – обусловленностью крестьянской лояльности разрешением земельного вопроса. Архаический фатализм и патриархальная вера в царя и власть имущих подрывались осознанием своих сил и возможностей.

Патриархально-общинному «ладу» трудно было устоять перед натиском идеологем классовой борьбы.

Крестьянский мир России, оказавшийся на «семи ветрах» мировых катаклизмов, был готов к фундаментальным переменам; однако, какой станет российская модернизация, предопределено отнюдь не было.

Библиография

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 8–89. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/WWI.pdf).

[2] *Яковенко И.Г.* Россия и модернизация в 1990-е годы и последующий период: Социально-культурное измерение. М., 2014. С 87–117.

[3] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) на материалах Среднего Поволжья. М., 2008.

[4] Творения святителя Игнатия Брянчанинова. Т. 7. Письма. М., 1993. С. 436.

[5] *Бернштам Т. А.* Приходская жизнь русской деревни: Очерки по церковной этнографии. СПб., 2005. С. 21.

[6] *Аксенов В.* «Сказка о царе и мировой войне», или опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914–1917 гг. //Acta slavica japonica. Sapporo, 2014. Т. 34. P. 17–47.

[7] *Бернштам Т.А* Указ . соч. С. 15.

[8] *Герцен А.И.* О социализме: Избранное. М., 1974. С. 207, 505.

[9] *Osinsky P., Eloranta J.* Why did the communists win or lose? A comparative analysis of the revolutionary civil wars in Russia, Finland, Spain, and China // Sociological forum. Dordrecht, 2014. Vol. 29, N. 2. P. 318–341.

О ГУМАНИЗМЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Е.И. Демидова, А.В. Захарова

Первая мировая война была для абсолютного большинства россиян *Отечественной* и в определенном смысле *Крестьянской*, так как основу русской армии составляли, прежде всего, крестьяне, большинство из которых только накануне выделились из сельской поземельной общины и почувствовали себя настоящими хозяевами. Отсюда стремление солдат защитить Отечество и свою собственную землю, ту, которая кормила его семью.

Если проводить параллели с Великой Отечественной войной, то к ее началу сложилась совершенно иная ситуация. Мы уже не видим крестьян в полном смысле данного понятия, Родину защищали рабочие и колхозники. Народ встал не за земельный надел, рабочие – не за свой станок, они защищали скорее государство, страну[1].

В годы Первой мировой сельское население, большей частью неграмотное, не всегда понимало и осознавало, что защищает в этой войне братьев-славян, не всегда задумывалось об интересах быстро нарождающегося слоя крупных собственников. Исходя из ранее высказанного тезиса о защите своего надела, считаем возможным предположить, что многие крестьяне восприняли войну как попытку извне отнять у них источник жизни – землю. Именно поэтому крестьянская среда была охвачена волной патриотизма. Примеры самопожертвования имели место не только на фронте, но и в тылу.

Одна из проблем, поразивших деревню – это недостаток рабочих рук в связи с мобилизацией. Например, многие сельские общества в уездах Саратовской губернии приняли на себя запашку и другие весенние работы в семьях, призванных на военную службу. Место мужчин в поле заняли

женщины. Печать тиражировала сельскохозяйственные успехи.

Позволим себе привести цитату из «Валуйского земского листка», который напечатал письмо солдаток с. Арнаутова: «...Мы произвели весенние посевы так хорошо, как не производили в прошлом году наши мужья. Под указанием агронома и с помощью земских сеялок весенние работы прошли легко и хорошо[2]. Крестьяне сел Любицкого, Семеновки, Сухого Отрога, Горяиновки и многих других Николаевского уезда Самарской губернии, закончив посевные работы на своих участках, «приступили всем миром к посеву яровых хлебов на полях семей, призванных в действующую армию»[3]. Сельские общества Царицынского уезда в 1915 г. оказали помощь натурой, убрав зерновые культуры в Отрадинской волости 160 семьям, в Липовской волости 191 семье, Балыклейской волости 60 семьям. Нельзя не отметить аналогичные действия, предпринятые в других регионах России. В Мариупольском, Павлоградском, Бахмутском уездах полевые работы проводились всем сельским миром.

И если в период проведения столыпинских аграрных преобразований многие общинники негативно относились к отрубникам, то, по крайней мере, в полевой сезон 1915 г. помогали всем нуждающимся. На это правительство ориентировало подрастающее поколение, учащихся.

Так, Главное управление земледелия и землеустройства исходило из того, что сельскохозяйственные учебные заведения готовили своих воспитанников к жизни и работе среди земледельческого населения, и в этой связи они должны с полной отзывчивостью отнестись к нуждам крестьянских хозяйств, в которых многие к началу полевых работ остались, вследствие войны, без мужских рабочих сил. Управление решило дать указанным училищам возможность принять широкое участие в агрономической помощи таким крестьянским семьям, и в этих целях отменило переводные испытания, объявив, что ученики, семьи, которых нуждаются в работниках, будут распущены на время весенней пахоты и

сева по домам. Остальные привлекались к оказанию помощи населению окружающего училище района[4].

На следующий год всеобщий гуманизм как-то стихает, все меньше и меньше мы сталкиваемся с примерами общинных работ, оказанием помощи женщинам-солдаткам. Деревня стала меняться.

Определенную роль в этом процессе сыграли в Поволжье беженцы. По данным Министерства земледелия на февраль 1916 г. к данной категории было причислено 3 млн чел. В Саратовской губернии в октябре 1915 г. насчитывалось 101 920 беженцев. Всех их необходимо было где-то размещать. Астраханское уездное собрание, обсуждая данный вопрос, отмечало, что при их расселении имеет место скученность. Ведь вместо ожидаемых 600 прибыло 1 500 чел. Земская управа применила максимум усилий, чтобы расселить такое количество прибывших, вплоть до того, что отдельные гласные предоставляли им свои дома. Кроме того, собрание определило размер пайка для беженцев в сумме 20 коп. на человека в независимости от возраста, (вероятно на день, в докладе не сообщается)[5].

Сельское население тыловых губерний видело в беженцах определенный трудовой потенциал. Однако попытка эффективно использовать на трудовом фронте такое количество людей успехов не имела. Главная причина заключалась в том, что преобладающим большинством среди беженцев были нетрудоспособные: дети, женщины, старики. Трудоспособные же зачастую отказывались работать, имея на руках регулярное государственное довольствие.

Имелись случаи, когда местные крестьяне проявляли недовольство в связи с тем, что прибывшие выполняли сельскохозяйственные работы по более высоким расценкам и препятствовали беженцам в их трудовой деятельности. Наконец, некоторые или прикрывались, или реально были заняты поиском родственников, с которыми их разлучила война, и не торопились заняться посильной работой.

Отметим, что так или иначе, но ситуация с беженцами стала в определенной степени причиной раскола,

дезинтеграции сельской среды, что, в конечном итоге, сказалось на нарастании ситуации всеобщей крестьянской смуты в России.

Война поставила вопрос об оказании гуманитарной помощи всем нуждающимся. Действительно, практически все учреждения Российской империи, организации и обычные люди стремились мобилизовать резервы и оказать помощь нуждающимся.

Так, Пермское чрезвычайное губернское земское собрание постановило выдавать увечным воинам до назначения пенсии ежемесячные пятирублевые ссуды. Были открыты кредиты на поддержание хозяйств, призванных на войну и тех, которые оказались в состоянии упадка. На их обсеменение было отпущено 300 руб. Все кредитные товарищества Уральской области приняли постановление о выдаче ссуд и безвозвратных пособий семьям воинов, находящихся в армии. Ссуды и пособия выдавались деньгами и зерном до 30 пудов на семью[6].

Екатеринбургское земское собрание ассигновало 5 000 руб. на организацию земледельческой колонии-приюта для солдатских детей сирот.

Вольский земский комитет постановил отпустить ссуду семьям призванных в размере 17 000 руб. на посев яровых, выделить 108 сеялок и 120 плугов и пригласить из Вольского сельскохозяйственного училища 12 учеников для работы на рядовых сеялках[7]. Только за март и апрель 1915 г. в 24 волостях Вольского уезда было засеяно 720 и вспахано 380 дес. земли в хозяйствах, лишившихся кормильцев. На эти работы земство израсходовало 21 260 руб. из 25 000 ассигнованных (Следует отметить, что цифровые показатели не коррелируются. Причина этого авторам неизвестна – *Е.Д., А.З.*).

Повсеместно проводился мониторинг посевных площадей на предмет их полноценного использования.

Например, в Екатеринославской губернии к весне 1915 г. она не сократилась. Произошло это благодаря тому,

что для посевной кампании на землях запасных воинов создавались специальные сельскохозяйственные отряды[8].

Война стала поводом для изменения некоторых традиционных патриархальных правил жизни российского общества. В московских центральных кооперативных учреждениях было получено уведомление, что «управлением по делам мелкого кредита разрешено жен, призванных на войну принимать вместо мужей в кредитные и ссудо-сберегательные товарищества»[9]. Это первый опыт допущения женщин в кредитные товарищества. Нерехтское земское собрание с целью улучшения экономического положения приняло решение ходатайствовать о полном прекращении продажи спиртных напитков, об открытии в уезде народных домов, библиотек, школ, главным образом сельскохозяйственных, как для лиц школьного возраста, так и для взрослых, и всеми силами содействовать развитию сельского хозяйства[10] (Адресат ходатайства авторам неизвестен – *Е.Д., А.З.*).

В связи с тем, что повсеместно не хватало специалистов для работы в сельском хозяйстве, Саратовское общество сельского хозяйства в январе 1916 г. открыло кооперативные курсы. Стоимость для обучающихся была не более 10 руб., а содержание курсов, что составляло 35–40 руб. на человека, ложилось на земство[11]. Думается, что это тоже проявление гуманизма, стремления помочь и поддержать, понимание того, что на обществе, на людях нельзя зарабатывать в трудную минуту.

Достаточно гуманным было отношение в российской глубинке к военнопленным. Размер пайка военнопленного обходился «Шмитовскому» опытному полю Вольского уездного земства в месяц почти так же, как содержание сезонного рабочего. Военнопленный получал 6 руб. 23 коп., а рабочий 6 руб. 08 коп., но с тем отличием, что пленные не ели баранины, которую приходилось заменять свининой, употребляли в основном мясную пищу, в меньшей степени мучную, которой кормили русских рабочих.

Самые большие затруднения для опытного поля представила нормировка рабочего дня. Военнопленные категорически отклонили предложение выходить на работу с восходом солнца, вместе с местными работниками. Был выработан иной принцип организации рабочего дня, которому военнопленные подчинялись: с 5 до 6 ч утра – завтрак, с 12 до 14 – обед, с 6 до 12 и с 14 до 20 – работа. По такой норме продолжительность рабочего дня составляла 12 ч.

В ходе переговоров удалось добиться обещания выходить на работу с восходом солнца лишь на время уборки. Кроме точного выполнения условий, на которых военнопленные были приняты на работы, опытное поле сочло необходимым, начиная со времени покоса, увеличивать обычное жалованье в качестве поощрения. Первая прибавка за время покоса выразилась одинаковой суммой для всех: каждому было выдано по 50 копеек. Вторая прибавка, во время уборки урожая, была выдана каждому за старание. Выше других доплачивали за труд кузнеца и конюха – от 1,5 до 3,5 руб. на каждого[12].

Посильная помощь оказывалась не только семьям, призванных на фронт, но и тем, кто попал в плен. Важным этапом в оказании помощи такого рода был организационный.

Комитет помощи русским военнопленным и застигнутым войной за границей при Московском городском общественном управлении задумался о судьбах русских людей, оказавшихся в трудном положении, и обратился к земствам со следующим письмом:

«В настоящее время положение русских военнопленных во вражеских странах нам известно по данным, не допускающих сомнения. Мы должны признать это положение беспримерно тяжелым.

Наши военнопленные получают от правительства вражеских стран, где они находятся, только помещение, большей частью дурное, и пищу, едва достаточную для поддержания жизни, одежду, которая у большинства военнопленных пришла в

ветхость, у многих же была изорвана еще в последнем перед пленом бое. Некоторое добавление к скудной пище, совершенно необходимо для сохранения здоровья, чай, сахар, книги, табак – все это военнопленные могут надеяться получить только с родины. А мы знаем, что английские, французские и бельгийские военнопленные, живущие в Германии рядом с нашими, в одних лагерях, действительно снабжаются с родины, благодаря широко организованной помощи, всем необходимым в мере, даже превосходящей иногда крайнюю необходимость. Общественная помощь нашим военнопленным только еще организуется. Собранные на нее за годы войны денежные средства – совершенно ничтожны.

Военнопленные наших союзников пользуются благом правильных и быстрых сношений с родиной, чего русские, как известно почти лишены. Их письма часто находятся в пути месяцами, многие вовсе теряются. Это чрезвычайно затрудняет, а на первые месяцы плена, делается совсем невозможной помощь со стороны родственников. Естественно, что при описанных условиях наши военнопленные не только терпят тяжкие лишения, но и угнетены нравственно. Многие доведены до отчаяния. По словам всех соприкасавшихся с ними, русские военнопленные чувствуют себя забытыми родиной, брошенными на произвол судьбы.

Оборванные, всегда голодные, унылые – они являются предметом пренебрежения врагов и столь же обидного сожаления со стороны заключенных с ними вместе союзников, положение которых столь облегчено заботливой помощью с родины.

Организация помощи нашим военнопленным – вопрос государственного и национального достоинства России, и при всей настоятельности других нужд – должны быть найдены силы и средства для удовлетворения и этой насущнейшей нужды»[13].

Комитет помощи русским военнопленным и застигнутым войной за границей пересылал письма военнопленным и военнопленных, наводил справки о них в германских и австрийских лагерях, оказывал в пределах своих скромных средств материальную помощь, поддерживал

постоянные сношения с военнопленными в отдельных лагерях для выяснения их нужд, располагал организацией в нейтральных странах для пересылки и закупки необходимых военнопленным предметов.

Благодаря деятельности этой организации и отношениям близкого сотрудничества, установившимся с Датским Обществом Красного Креста, Комитет имел полную уверенность, что отправляемые им деньги и вещи действительно достигали военнопленных и честно распределялись между ними. В Германию, вместе с делегатами Датского Красного Креста и тремя русскими сестрами милосердия, выезжал уполномоченный Комитета Э.С. Генус, который лично ознакомился с нуждами военнопленных по отдельным лагерям и распределил посылаемые Комитетом вещи и деньги. Таким образом, Комитет организовывал столь необходимую нашим военнопленным помощь (хотя недостаток денежных средств и не позволял ее осуществлять в больших масштабах).

Комитет неоднократно обращался с призывом ко всем русским гражданам: «Помогите находящимся в плену. Помогите русским воинам, которые, честно исполнили, свой долг, ранеными и больными попали в руки жестокого врага!». Пожертвования принимались деньгами, бельем, обувью, чаем, сахаром, табаком, учебниками и книгами, которые в плену имели громадное значение, наравне с предметами первой необходимости[14].

Например, Астраханское уездное земство ассигновало в 1916 г. 1 000 руб. на оказание помощи русским военнопленным, находящимся во вражеских странах[15].

Оказание гуманитарной помощи всегда обладало и обладает особой социальной значимостью. К гуманитарному содействию прибегают в условиях различного рода чрезвычайных ситуаций в целях облегчения страданий нуждающихся, а также оно направлено на категории малоимущих и социально незащищенных лиц. К отличительным признакам отечественного гуманизма следует отнести его ментальный характер.

Практически все российское общество стремилось помочь и поддержать нуждающихся в тяжелые годы Первой мировой войны.

Библиография

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 53.

[2] Разные известия // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 9. С. 19.

[3] Там же.

[4] Из деятельности правительства // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 10. С. 14.

[5] Журналы 3-гоочередного Астраханского уездного земского собрания. 10–21 ноября 1915 г. Астрахань, 1916. Л. 58.

[6] Хроника // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 8. С. 15, 16.

[7] Из деятельности земств // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1915. № 7. С. 17.

[8] Там же.

[9] Хроника // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1916. № 11. С. 18.

[10] Из деятельности земств // Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1916. №24. С. 14.

[11] Сельскохозяйственный вестник Юго-востока. 1916. № 21. С. 15.

[12] Военнопленные на сельскохозяйственных работах (опытное поле «Шмитовка» Вольского уездного земства // Сельскохозяйственный вестник Юго-Востока.1915. № 15–16. С. 15.

[13] Журналы 3-го очередного Астраханского уездного земского собрания. 10–21 ноября 1915 г. Астрахань, 1916. Л. 142–144.

[14] Там же.

[15] Там же. Л. 49, 52.

ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ ПОВОЛЖСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.А. Дунаева

Первая мировая война для всех стран участниц началась с патриотических манифестаций, а так же погромов представителей «врага». В Петербурге и Москве, в частности, били немцев (даже если они являлись гражданами Российской империи, это никого не останавливало)[1]. Били «немецких шпионов» и в крупных губернских центрах[2]. Однако в деревне националистический угар трансформировался в традиционную идею «черного передела».

В особенности это было характерно для Поволжья, на землях которого испокон веку жили немецкие колонисты. В деревнях стали ходить разговоры о том, что справедливо было бы теперь, с началом войны, отобрать все земли у немцев-землевладельцев и переделить их между крестьянами[3].

Камышинский уездный исправник в октябре 1916 г. писал, что население по-прежнему враждебно относится «к проживающим в уезде немцам-колонистам, в отношении пользования последними земельными наделами». Подобные настроения отмечались и в Аткарском[4], и в Балашевском[5] уездах Саратовской губернии. Мечту о «черном переделе» земель немецких колонистов подогревали листовки, которые рассылал в Поволжье некий штабс-капитан Булатов, проживающий в Вознесенске[6]. О распространении подобных настроений в Самарской губернии говориться в секретном рапорте МВД от 18 декабря 1915 г.[7]

Начавшаяся война лишь ярче проявила отношение крестьянства к земле как высшей ценности – единственной возможной цели, ради которой стоит проливать кровь. Многие крестьяне отправлялись на фронт в полной

уверенности, что вот сейчас они «одолеют басурмана», а землю его переделят между собою. В противном случае идти на войну не имело никакого смысла.

Например, в ходе мобилизации 1914 г. некий М. Зайцев, крестьянин с. Мещеряковки Балашовского уезда (Саратовской губернии), заявил: «Из-за чего идти на войну, земли у нас нет, а потому лучше сдаться в плен неприятельскому государю, а наше правительство повешать»[8].

Некоторые крестьяне, уходя на войну, стремились, так сказать, «напоследок» выяснить отношения с выделившимися. Можно сказать, что начавшаяся мобилизация стала сигналом для *разрешения назревших противоречий внутри общины.*

Объявление мобилизации, например, стало, сигналом к бунту молодых членов общины против «стариков» в д. Камышле Старо-Соснинской волости Бугурусланского уезда Самарской губернии. Опять же, конфликт был связан с землей, с несправедливыми переделами в ущерб молодежи (как водится в деревне, все закончилось дракой с летальным исходом)[9].

Кроме того, война обострила и без того непростые *отношения между отрубниками и общинниками.*

С 20 июля по 1 августа 1914 г. в с. Воскресенском Вольского уезда Саратовской губернии произошли следующие события: крестьяне этого села (11 человек) побили членов семей «выделенцев», разбили окна в их домах, поломали рамы[10].

В этом же уезде, в с. Старая Жуковка, по словам уездного исправника, «31 июля 1914 года партия местных молодых парней (7 человек) учинила полный разгром шести домов отрубщиков. Побили окна и рамы, поломали всю мебель в помещениях, разбили печи и в одном из домов даже потолок». С 18 по 24 июля в с. Вязовка 54 крестьянина, преимущественно из рекрутов, разгромили надворные постройки и портили имущество выделенцев». Кроме того, беспорядки, связанные с насилием по отношению к

отрубщикам, произошли в с. Максимовка, Медниково и Воскресенское Синодской волости Вольского уезда[11].

В с. Максимовка события разворачивались следующим образом: 23 июля 1914 г. крестьяне этого села Т.И. Костин (27 лет), А.И. Костин (21 год), Т.З. Потапов (53 года), П.Т. Потапов (27 лет), П.И. Дуничев (30 лет), А.Е. Горохов (32 года) подошли к дому уполномоченного от группы выделенцев крестьянину С.Т. Сергееву и перебили окна в его доме. При этом, как говорится в следственных документах, они «имели ненависть к своим однообщественникам, выделяющимся из общины, желали нанести им оскорбления, причинить вред их имуществу и воспрепятствовать дальнейшим землеустроительным работам по отводу земли выделенцам». На следующий день житель того же села И. Карпухин (41 год) вломился в квартиру практиканта-землемера и, не застав последнего дома, стал разыскивать его по всему селу, чтобы избить[12].

В ночь на 23 июля 1914 г. крестьяне д. Комаровки Саратовского уезда вторглись в усадьбы местных крестьян-отрубщиков, где учинили погром[13]. В июле 1915 г. крестьянин с. Новое Славино Петровского уезда Саратовской губернии был избит своими односельчанами за то, что посмел выделиться из общины[14].

Объектом насилия со стороны общинников являлись не только *единоличники*, но и *землемеры*, которые, по-видимому, олицетворяли в глазах крестьян непосредственную угрозу самому существованию общины, а значит, и стабильности крестьянской жизни.

Как следует из рапорта земского начальника 6-го участка Камышинского уезда Саратовской губернии, «24 июля 1914 года в селении Лесной Карамыш Сосновской волости, призванные на действительную военную службу и отпущенные до оправки в войска на Родину запасные нижние чины в числе 14 человек ворвались в помещение чертежной и избили старшего землемера Евгения Алексеевича Ефремова. Были уничтожены чертежи, полевые журналы и другие бумаги»[15].

Нечто подобное произошло и в с. Тазнеево Ардатовского уезда. 8 июля 1916 г. по постановлению сельского схода 30 крестьян явились на место производства работ по разверстке земель, принадлежащих Крестьянскому поземельному банку, и потребовали от землемера немедленного прекращения работ. В противном случае, – заявили они, – «голову с плеч долой». Крестьяне изгнали землемера и рабочих, помогавших ему. Один из рабочих был избит[16].

4 августа 1914 г. в Ардатовском уезде Симбирской губернии сход крестьян с. Курмачкассы составил приговор об уничтожении межевых знаков, поставленных землемером с 18 по 28 июля этого же года. В тот же день крестьяне привели приговор в исполнение: все межевые знаки были уничтожены, а землемер изгнан из села.

Аналогичные события произошли в этом же уезде 19 августа 1914 г. в с. Новая Пуза. В этом селе еще летом 1913 г. был произведен выдел к одному месту надельной земли 8 домохозяев. Ардатовская землеустроительная комиссия утвердила его, хотя выдел был произведен с нарушением прав общинников. Без последствий осталась жалоба крестьян и в губернскую землеустроительную комиссию. Тогда на сельском сходе 19 августа 1914 г. было решено по приезду землемера всем явиться на выезжую и выгнать его из села. Сельский староста предупредил всех, что за неисполнение решения схода будет налагаться штраф 3 рубля на каждого. Свой приговор крестьяне привели в исполнение на другой же день[17].

С началом войны главной движущей силой крестьянской борьбы против проведения столыпинской реформы становятся *женщины*. Действия женщин опирались на поддержку со стороны солдат, которые в письмах просили своих родных не выходить из общины. С такими же призывами обращались и солдаты-отпускники.

Начальник Симбирского жандармского управления сообщал в августе 1915 г. в департамент полиции: «Среди крестьянского населения в Сенгилеевском уезде

распространились слухи о пределе земли по окончании войны, благодаря которым солдатские жены враждебно относятся к работам землеустроительных комиссий по выделению из общинного пользования надельных участков»[18]. То же самое докладывал и начальник Симбирского губернского жандармского управления. В частности, о том, что в письмах из действующей армии на родину солдатами передавались слухи о наделении крестьян землей после войны. Надежда на расширение наделов за счет государства вызывало резкие протесты солдаток против выделения из общины на отруба. Так, солдатки Сенгилеевского и Ардатовского уездов вырывали столбы, поставленные землемерами, наносили побои лицам желавшим выделиться из общины[19].

Крестьянки конфликтовали с землемерами, не позволяя им проводить межевание земель. Особенно распространены были случаи, когда жены ушедших на фронт крестьян требовали прекратить полевые работы по размежеванию на отруба до окончания войны. К тому же мужья, как правило, не оставляли им доверенностей, необходимых для проведения землемерных работ.

Например, 6 июля 1915 г. крестьянки с. Большой Край Балашовского уезда были подвергнуты аресту за покушение на землемера землеустроительной комиссии и оскорбление местного волостного старшины. При этом жены мобилизованных требовали от землемера прекратить полевые работы по размежеванию на отруба до окончания войны, мотивируя свои действия тем, что им трудно платить жалование землемерам и содержать рабочих. Но даже когда старший землемер попытался объяснить им, что жалование землеустроительным комиссиям выплачивается правительством, женщины все равно не успокоились[20]. 20 августа подобный случай произошел в с. Русском того же уезда. В 1914 г. еще несколько таких случаев произошло в июле и августе в Кузнецком и Балашовском., а в сентябре и октябре 1915 г. – в Петровском, Вольском и Хвалынском уездах Саратовской губернии[21].

В октябре 1915 г. солдатки с. Жадамирово Симбирской губернии выступили против распоряжения землеустроительной комиссии о выделе надельной земли к одному месту для некоторых членов этого общества. Солдатки требовали прекращения выдела до возвращения их мужей с войны и добились прекращения землеустроительных работ[22].

В октябре 1915 г. произошло бурное выступление против укрепляющихся в с. Четвертаково Ардатовского уезда. Здесь было около 100 человек, желающих укрепить свои земли в личную собственность. 2 октября по просьбе крестьянина Конина, желающего выделиться на отруб, в село приехал землемер Комаров и приступил к размежеванию. В это время собралось около 100 солдаток, которые выгнали землемера и выдернули межевые столбы. 3 и 4 октября по вечерам солдатки ходили по селу и бросали камни в дома отрубников, крича: «Наши мужья проливают кровь на войне, а вы хотите без них отобрать у нас землю». 5 октября около 150 солдаток организовали поход в город Ардатов. Около города они напали на отрубника Конина и избили его. После чего в дело вмешалась полиция[23].

Итак, мы видим, что в годы Первой мировой войны повышается социальная роль женщин, которые в отсутствие мужей продолжают борьбу за сохранение общины.

В целом в это время борьба крестьян-общинников против хуторян и отрубников стала усиливаться. Учитывая масштабы борьбы и многочисленные жалобы, Министр земледелия был вынужден 4 апреля 1916 г. подписать циркуляр, который прекращал производство землеустроительных работ до окончания войны[24].

Однако данный факт не мог удовлетворить большую массу крестьянства, стремившегося вернуть выделенные земли обратно в общину. После Февральской революции начинается массовый стихийный захват выделенных прежде из общины земель. Крестьяне не просто стремились вернуть в общественное пользование выделенные прежде земли, они стремились переделить и земли купленные единоличниками у поземельного банка. Уже в апреле 1917 г. Симбирское

отделение Крестьянского поземельного банка утверждает, что такие «правонарушения являются повсеместными и принимают характер системы»[25].

Вот несколько примеров подобных действий со стороны крестьян: в июле 1917 г. крестьяне с. Жуковка Буинского уезда отобрали землю (98 десятин) у четырех частных домохозяев того же села. При этом в жалобе, поданной пострадавшими на своих односельцев, особо отмечается, что захваченные земли обрабатывались отрубниками исключительно своими силами, без применения найма[26]. То же самое произошло и в д. Нуречь того же уезда. Здесь у крестьянки Е. Волковой общинники отобрали землю, купленную в кредит у поземельного банка. И таких примеров масса. Только на территории Буинского уезда в течение лета 1917 г., по подсчетам автора, было зафиксировано 26 таких случаев[27].

Важно отметить, что в первую очередь внимание крестьян-общинников было направлено на изъятие земли у крестьян-единоличников, а вовсе не на захват помещичьих земель. Очевидно, в сознании большинства земли, выделенные из общины, считались «исконно своими», крестьянам казалось вполне естественным вернуть эти земли в общину.

Наконец, после Февральской революции на фоне всеобщей политической активности населения крестьяне Поволжья требуют разрешить земельный вопрос в духе «черного передела».

В Постановлении Симбирского губернского исполнительного комитета от 14 июня 1917 г. подчеркивается распространенность такого явления, как земельные захваты «не только среди крупных землевладельцев, но и среди крестьян. Вследствие земельных захватов к недовольным примыкают и солдаты, находящиеся в армии. <...> Неумелое и поспешное распределение земли на местах привело уже во многих случаях к столкновению даже между отдельными обществами. Эти столкновения сопровождались кровопролитиями и убийствами». В этой связи Симбирский

губернский исполком обращался к уездным, волостным и сельским исполкомам с требованием «принять меры к недопущению земельных захватов у землевладельцев, отрубщиков, стародушников, арендодателей и прочих»[28].

Стремление вернуть выделенные земли в общину видно и в решении крестьянского съезда Сенгилеевсткого уезда, который проходил в мае 1917 г. в с. Тереньга. В нем говорится, что если «отрубники в состоянии обрабатывать паровую землю сами, то им в работе не мешать. Если они сами обрабатывать свою землю не в состоянии, то должны отдать землю обществу, обязав общественников переложить в этот год на себя все те обязательства к Банкам по уплате всех повинностей на десятину, какие находятся на отрубниках»[29].

В этом решении наилучшим образом отражается крестьянское представление об уравнительной справедливости: владеть землей «лично» никто не должен, и уж тем более несправедливо, если кто-то владеет чрезмерно большим участком, который сам обработать не в состоянии: нельзя откусывать больше, чем можешь проглотить. Но данный крестьянский съезд в стремлении уравнительного передела не замахивается пока на помещичьи или государственные земли. Однако отдельным пунктом решения съезда идет постановление о создании специальных комиссий для установления «справедливых» цен на аренду земли для «частновладельческих, бывших удельных, казенных, церковных и банковских земель». Помимо этого оговаривалась возможность «бесплатной аренды по усмотрению Волостных Комитетов»[30].

В целом в годы войны борьба крестьян-общинников против столыпинской земельной реформы обостряется, в результате чего правительство вынуждено было пойти на уступки и отложить производство землеустроительных работ до конца войны. Этот факт, безусловно, можно расценивать как победу сторонников общинного землепользования. Однако коллективистские устремления крестьянства на этом не ограничиваются, и оно проявляет активное стремление

вернуть в общину уже выделенные земли, что в итоге приводит к острым социальным конфликтам в Поволжской деревне.

Этот факт, безусловно, можно расценивать как победу сторонников общинного землепользования, победу Традиции[31].

Библиография

[1] *Савинова Н. В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы Первой мировой войны: 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

[2] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО). Ф. 76. Оп. 2. Д. 1943. Л. 15–16; Государственный архив Самарской области (ГАСамО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 409–410.

[3] ГАУО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1401. Л. 45.

[4] Государственный архив Саратовской области (ГАСарО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9801. Л. 36-36 Об. 77.

[5] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9458. Л. 70–71.

[6] ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1401. Л. 45.

[7] ГАСамО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 409–410.

[8] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9495. Л. 82.

[9] ГАСамО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 5314. Л. 113 Об.

[10] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9447. Л. 115–115 Об.

[11] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9447. Л. 15–116 Об., 21–23 Об., 165, 171.

[12] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9447. Л. 21–23 Об.

[13] ГАСарО. Ф. 1.Оп. 1. Д. 9447. Л. 165,171.

[14] ГАСарО. Ф. 1.Оп. 1. Д. 9599. Л. 112.

[15] ГАСарО. Ф.1. Оп.1. Д.9447. Л. 5.

[16] *Полин Н.В.* Деревня Мордовии в годы Первой Мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1970. С. 268.

[17] Там же. С. 263.

[18] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX в. Куйбышев, 1990. С. 117.

[19] *Полин Н.В.* Деревня Мордовии в годы Первой Мировой войны... С. 248.

[20] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1.Д. 9599. Л. 25-26.

[21] ГАСарО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9447. Л. 91–99, 103, 137; Д. 9599. Л. 93, 106, 142.

[22] ГАУО. Ф. 76. Оп. 7. Д. 1422. Л. 163–164.

[23] Крестьянское движение в России в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.): сборник документов / сост. А.М. Анфимов. М., 1965. С. 237.

[24] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX в. С. 118.

[25] ГАУО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 11. Л. 8.

[26] ГАУО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 11. Л. 36–37.

[27] ГАУО. Ф. 677. Оп. 1. Д. 11. Л. 7–42.

[28] ГАУО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 243. Л. 13 Об.

[29]Там же.

[30] ГАУО. Ф. 167. Оп. 1. Д. 243. Л. 14.

[31] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 36.

О СИНЕРГИЗМЕ ПАДЕНИЯ ПЛОДОВИТОСТИ В ПЕРИОДЫ БОЛЬШИХ ВОЙН: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ

В.Л. Дьячков

Прим. авт.: *статья подготовлена в рамках проектной части гос. задания в сфере научной деятельности Минобрнауки РФ (Задание 33.956.2014/К) и гранта РГНФ (проект № 15-01-00255)*

Прим. ред.: *из текста статьи по техническим причинам исключены иллюстративные материалы автора*

Исследовательская задача состоит во вскрытии синергизма экзогенных и эндогенных факторов, снижающих плодовитость в периоды больших войн.

Предметом исследования является сравнительное демографическое развитие («рождаемость/плодовитость») регионов Российской империи–СССР и стран мира в 1890–1920-е гг.

Источники: метрические книги сельских и городских приходов, данные «загсовского» учета движения населения, ОБД «Мемориал», электронные базы данных (ЭБД) анкет пожилых женщин и ЭБД студенческих генеалогий, *en.wikipedia.org/.../Demographics_of*.

Методика: создание в ЭБД длительных непрерывных линий репрезентативной «жизненной статистики» на уровнях «сельский населенный пункт – город – субрегион – регион – группа регионов – страна» и анализ полученной информации на основе историзма.

Наш разговор по заявленной теме мы сделаем «эвристическим», то есть, пойдем от «простых», «поверхностных» свидетельств крутых перемен в крестьянском демографическом поведении в 1914–1922 гг. к более глубоким и широким пластам объяснения единства макрорегионального (страна) и глобального генезиса и

эквифинальности социально-демографических изменений первой половины XX в.

Анализ непрерывных линий движения индекса прироста (число рождений : число смертей) в десятках сельских населенных пунктов и городских приходах (на отрезке 1886–1927 гг. на материалах движения этого индекса (Покровского-Пирла) в 26 микрорегиональных популяциях Тамбовской, Орловской губерний и Таманского отдела Кубанской области) позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на то, что эти разные сельские и городские популяции разбросаны по участку размерами в 2 тыс. км с севера на юг и в 500 км с запада на восток, они демонстрируют замечательное единство как в довоенных (заметим это!) колебаниях рождаемости-плодовитости-прироста, так и в общем падении жизненных индексов к точке 1917 г., в общей компенсации 1918 г. и в новом общем падении в Гражданскую войну. Заметим на будущее и то, что общий понижающий тренд к общим нижним точкам 1917 г. и 1921–1922 гг. начался не с 1915 г., а со столь же общего максимума жизненных индексов 1906–1908 гг.

В среднем «метрические» довоенные максимумы и военные минимумы на непрерывных и длительных линиях индексов прироста и числа рождений в 30 микрорегиональных популяциях Тамбовской, Орловской, Олонецкой губерний и Таманского отдела Кубанской области образуют соответственные перепады в 2,36 раза (макс/мин индекса прироста) и в 2,13 раза (макс/мин числа рождений).

Кажется, что исчерпывающее объяснение данного падения жизненных индексов в Первую мировую войну лежит на поверхности.

Специалистам по исторической демографии известно, что в среднем более чем двукратное падение числа рождений в Европейской России от локальных довоенных максимумов 1906–1914 гг. к общему минимуму 1917 г. обеспечил не всесторонний и всеобщий пятилетний гибельный удар по уже подорванной социально-демографической системе (как в ВОВ), а далеко не безвозвратно-смертный и не столь долгий

армейский призыв плодовитых мужчин. Это временное (максимум трехлетнее) изъятие почти половины женихов и мужей многократно обрушило и развалило брачные объемы и ритмы в традиционной и переходной деревне (первенцы молодоженов составляли тогда 25% числа рождавшихся) и приостановило рождения в «готовых» плодовитых семьях (Отдельного разговора заслуживают и другие замечательные свидетельства начала слома Первой мировой войной традиционной социально-демографической модели. В отчаянной попытке сохранить традиционную семью как начальную подсистему выживания, поврежденную войной и аграрным перенаселением, сельские и городские популяции ускорили «гонку за женихами» с парадоксальным снижением возраста первого брака и образованием заметных долей пар с незаконно малым возрастом одного из супругов, ростом доли пар с невестой старше жениха, с ускорением запрещенного и губительного поиска пары среди кровных родственников. Первая мировая война также сломала годовой брачный ритм и подвела к выходу в революции 1917 г. из-под санкций церковного брачного законодательства).

Хватает ли этого объяснения, ведь данная «россыпь» приходов, несмотря на их региональные особенности, объединена фактором массового призыва их мужчин в армию?

Необходимое исчерпывающее отражение демографических процессов первой четверти XX в. во всех регионах бывшей Российской империи в части «рождаемость/плодовитость» сегодня (Идеальным было бы получение из всех регионов Российской империи – СССР репрезентативного числа длительных непрерывных линий «метрическо-загсовской» жизненной статистики так, как это делают тамбовские историки по своему региону. Но, к сожалению, нынешний кризис культуры в целом и исторического образования и науки в частности не добавил «компании» Тамбову в этом чрезвычайно научно благодарном деле) есть только в одном замечательном массовом источнике – Объединенной базе данных (ОБД) «Мемориал», вобравшей миллионы персоналий советских

граждан (прежде всего, военнослужащих), погибших в 1941–1945 гг. Более чем репрезентативная точность данного «зеркала» движения региональных популяций обеспечена всеобщностью ВОВ, почти тотальностью тогдашнего призыва в РККА и огромностью безвозвратных потерь в этой войне (35–60% армейских региональных мобилизаций).

Персоналии ОБД «Мемориал» в случае с Первой мировой и Гражданской войнами подсчитывались по связке «год рождения – место рождения – национальность» на отрезке 1886–1927 гг. рождения на уровнях *всех* регионов бывшей Российской империи с вычленением в *каждом* из регионов его сельской и городской частей. В регионах Закавказья, Средней Азии, национальных регионах Сибири, Северо-востока и Дальнего Востока «европейская», «русская» часть местных уроженцев отделялась от представителей коренных народов. Полученные региональные линии числа рождений сводились в четыре макрорегиональные группы.

В основу данного сводного деления были положены степени «присутствия» Первой мировой войны в демографической эволюции конкретных регионов. Это «присутствие» выражалось в сочетаниях *внешних* военных факторов, прямо и косвенно подавлявших региональную популяцию в части рождаемость/плодовитость: боевые действия, оккупация противником, прифронтовая полоса, эвакуация, беженство, государственные трудмобилизации и реквизиции, характер и объемы армейского призыва.

Полученные репрезентативные линии рождений в каждом регионе (всего более 16 млн родившихся) требуют нетривиального объяснения, по крайней мере, двух данностей:

а) *во всех регионах и их группах динамики рождений* (подъемы и падения по годам рождений) *совпадают до 1918 г. включительно*, несмотря на их чрезвычайную географическую, экономическую, социальную, культурную и т.д. разность;

б) *все группы регионов имеют одинаковую динамику рождаемости/плодовитости от довоенных пиков 1910–1914 гг. к нижней точке 1917 г. и с общей компенсацией*

1918 г., несмотря на принципиально различное «присутствие» военных факторов в их демографическом развитии.

Прямое максимальное воздействие Первой мировой войны в западных регионах России лишь развивало синергизм военного падения рождаемости/плодовитости до в среднем двукратного, но и в группе регионов, буквально «не ведавших» о той войне (например, Хивинское ханство, Бухарский эмират национальные регионы Сибири и Дальнего Востока), данное падение оказалось полуторным.

Более того, замечательную эволюцию проделал и такой «внутренний» показатель как индекс естественной женской плодовитости Ig (число рождений в год на 1 000 плодовитых женщин данной популяции (16–39 лет в случае с традиционной русской деревней). В данных замерах для определения Ig рассчитывалось среднее число регистраций рождений за 5 лет около времени учета населения). Этот Ig за 70 лет от тех, кто рожал в селе в 1840-е гг. до тех, кто рожал там же на стыке 1900-х-1910 гг., вырос при прочих равных условиях в полтора (!) раза, но уже через несколько лет, к Первой мировой войне, «просел» на 16%, а к ВОВ упал к значениям, бывшим за сто с лишним лет до нее. На развитие «модернистской» контрацепции и «катастрофичных» абортов полуторное падение Ig списать не удастся, так как к 1940-м гг. «предохранялось» не более 1% сельских семей, а к редким абортам (несмотря на скачок в 1930-е гг. подобной практики ограничения собственной плодовитости) прибегали лишь от четверти до трети числа сельских женщин, родившихся в 1906–1919 гг.

Невозможность объяснения этих единых демографических процессов и явлений «обычным» набором факторов требует расширения объясняющего синергизма путем введения в него понимания базовых, доминантных длительных природно-демографических ритмов (циклов), действующих в традиционных и переходных популяциях (об этих циклах, вскрытых 15 лет назад на длительных непрерывных рядах жизненной статистики отдельных приходов, см. работы автора[1]). В этих ритмах, в строгой

привязке к конкретной хронологической шкале, традиционные и переходные популяции (в течение десяти циклических семилетий в рамках 112-летнего цикла и к четвертому семилетию 28-летнего цикла) восходили к перенаселению с соответственным нагнетанием индуцирующего демографического давления с развитием последовательности «перенаселение – стресс – агрессия», синергически усиленной сочетанием нерешенных (и нерешаемых, как в России с ее главными «вопросами») социальных конфликтов. Затем в перенаселенных популяциях включался механизм их подавления, где большая внешняя или внутренняя война оказывалась в числе лучших средств сброса демографического давления. Очередная «военно-революционная» фаза (ВРФ) сброса давления в популяции в рамках 112-летнего цикла «запустилась» около 1905 г. и длилась (как «положено») шесть 7-летий до 1946–1947 гг. Перенаселенные и индуцированные перенаселением популяции подавлялись на этом отрезке всем известными войнами, голодовками, эпидемиями и скрытыми от глаз эндогенными понижениями плодовитости. Чем перенаселенней к началу XX в. была региональная популяция, тем большие потери она понесла в ВРФ 1905–1947 гг.

Огромная многоукладная Россия с принципиальной разницей вовлечения ее регионов в I мировую войну одна обеспечивает наш сравнительный анализ. Но для надежности и убедительности нашего поиска разгадки синхронного движения плодовитости в чрезвычайно разных популяциях мы можем добавить в него синхронное движение плодовитости/рождаемости в других тогдашних странах. Таковых с непрерывными линиями точной жизненной статистики от 1900 г. набралось 24. Из них 10 были нейтральными в Великой войне вплоть до крайней отдаленности от театров боевых действий. Остальные 14 принимали участие в той войне от небольшого вовлечения (Япония, Португалия) до исполнения ролей главных участников смертоубийственной схватки.

Что же мы видим в движении в 1900–1924 гг. индексов плодовитости и годовых долей числа родившихся? При гигантских различиях анализируемых стран в социально-демографических моделях (от традиционных до модернистских) и уровнях участия I мировой войне (от нулевого до максимального) все они демонстрируют падение индексов плодовитости к общему минимуму 1918 г. (В 4 странах он пришелся на 1919 г., составив первое частное отличие от России, фактически вышедшей из войны с распадом армии к осени 1917 г.). При этом данные сокращения плодовитости/рождаемости «наши» страны начали (как и в российских регионах и их группах) до 1914 г., от пиков 1908, 1910 и 1912 гг. То есть, сброс демографического давления в столь различных популяциях пришелся в рамках «военно-революционной» фазы 112-летнего цикла 1836–1947 гг. («как и положено», и независимо от участия в войне) на последние годы 28-летнего цикла 1885–1912 гг. и на первое 7-летие 28-летнего цикла 1913–1940 гг. Через 28 лет дружное падение плодовитости/рождаемости придется на конец 1930–1947 гг. и вновь независимо от степени вовлеченности уже во II мировую войну.

Таким образом, война, участие в ней оказывается имманентным, сильнейшим, но лишь одним из природного синергизма факторов сброса давления в перенаселенных традиционных и переходных популяциях. На отведенных для того циклических участках плодовитость/рождаемость снижается и в отсутствии войны «на дворе». Война лишь синергически усиливает поражение популяции. Показательны всеобще одинаковые степени падения плодовитости/рождаемости: в популяциях, нетронутых войной, перепад довоенный максимум/военный минимум составил 1,4 раза, а в хлебнувших ее полной мерой – до 3,5 раз. Остальные комбинации поражения популяции находятся в данной «вилке».

Подытожим и выделим *синергизм факторов синхронного падения рождаемости/плодовитости в разных регионах в периоды больших войн*:

Первичные факторы: природная регулировка роста традиционных и переходных популяций в рамках демографических циклов в ритмических фазах сброса давления в популяций за счет эндогенного падения плодовитости в ритмических фазах сброса демографического давления, соединенного с имманентной смертной триадой «болезни – голод – война».

Синергизм производных факторов: индуцированные военно-голодными кризисами всеобщие психогенные понижения и блокады женской плодовитости (включая резкие повышения возраста менархе у девочек-подростков) + локализованное снижение плодовитости вследствие недоедания и болезней, растущих в таких кризисах (включая резкие повышения возраста менархе у девочек-подростков) + локализованные безвозвратные и (или) долговременные массовые потери плодовитых мужчин с соответствующим снижением брачной и родильной деятельности + кризисное и модернистское развитие абортов и контрацепции (в годы ВОВ – определяющий производный фактор снижения плодовитости/рождаемости) + всеобщий рост смертности среди плодовитых женщин вследствие развития болезней длительного военно-голодного стресса + локализованный рост вторичного бесплодия женщин вследствие военного ухудшения условий труда и быта, развития калечащих практик регулировки плодовитости + гибель (убийство) плодовитых женщин в зонах боевых действий и оккупации противником.

Библиография

[1] *Дьячков В.Л.* Длительные природно-демографические циклы в истории России: способы выявления и структура // Природа и общество: общее и особенное. Социоестественная история: Вып. XXXV. М., 2011. С. 108–112.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА АГРАРНУЮ ЭКОНОМИКУ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

М.М. Есикова

Прим.: *статья выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект №: 14-01-00277*

К началу Первой мировой войны тыловая Тамбовская губерния, как и в предыдущих войнах, стала опорной базой фронта, поставляя продовольствие, боеприпасы, лошадей, и, конечно, солдат.

17 (30 по новому стилю) июля 1914 г. в России была объявлена всеобщая мобилизация. В этот же день по всем уездам Тамбовской губернии были разосланы телеграммы, подписанные губернатором, о том, что объявлена мобилизация войск Московского военного округа, с указанием призвать чинов запаса, поставить лошадей и повозки с упряжью. А 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия объявила войну России. Россия оказалась глубоко втянутой в водоворот военных событий, определивших ее собственную историческую судьбу.

Подавляющее большинство населения России составляло крестьянство. На его долю в Европейской России приходилось 84,16%[1]. В общей посевной площади страны крестьянским посевам принадлежало около 90%. Накануне Первой мировой войны крестьяне производили 92,6% совокупного продукта (по стоимости) земледелия и животноводства.

Перед Первой мировой войной аграрный сектор российской экономики находился на подъеме. Впервые за многие десятилетия темпы роста сельскохозяйственной продукции обгоняли темпы роста численности населения. В 1885–1913 гг. урожайность зерновых культур выросла

в 1,7–2 раза, при этом примерно 2/3 увеличения были связаны с расширением обрабатывавшихся площадей. Однако это вовсе не означает, что российское сельское хозяйство переживало период расцвета. Было немало нерешенных проблем и кризисных явлений. Отставание в 3 и более раза в производстве на душу населения от европейских стран и пятикратная разница в урожайности были не только результатом плохих климатических условий или абсолютного малоземелья, но и преобладания натурального хозяйства с неправильной организацией территории, принудительным севооборотом, отсталой агротехникой, экстенсивным производством[2].

В 1913 г. сельскохозяйственная Тамбовская губерния занимала по величине 19-е место в ряду 50 губерний Европейской России – 58 511 кв. верст. Население губернии составляло 3 757 235 чел., причем основной частью были сельские жители, чуть больше 7% жило в городах. Губерния состояла из 12 уездов с городами-уездными центрами: Тамбов, Борисоглебск, Елатьма, Кирсанов, Козлов, Лебедянь, Липецк, Моршанск, Спасск, Темников, Усмань, Шацк; заштатный город Кадом не имел уезда. Населенных пунктов – сел, деревень, поселков, хуторов – числилось более 3 300. Кроме русского населения, в губернии проживала мордва – чуть больше 3%, татары – 0,8%.

Посевные площади составляли 2 488 223 дес. Больше всего сеяли озимой ржи – 1 134 994 дес., овса – 635 253 дес. и проса – 442 019 дес. Посевы картофеля были не так велики – 113 440 дес. Посевы овощных культур составляли 1,6 тыс. га.

Тамбовская губерния издавна славилась своими лошадьми. К 1 января 1913 г. в губернии было 172 конезавода, в которых содержалось 3 723 рысистых лошади, 5 841 – упряжная, 385 – верховых. Больше всего конезаводов было в Тамбовском уезде – 41. Всего же в губернии насчитывалось более полумиллиона лошадей[3].

Начавшаяся война резко усилила потребность в координации действий всех участников хозяйственной жизни. Централизованное руководство экономикой,

характерное для российского государства и в мирное время, стало еще активнее внедряться в практику. Главной проблемой было снабжение армии и страны продовольствием.

Тамбовская губерния, согласно указу от 24 июля 1914 г., была объявлена на положении чрезвычайной охраны. 30 июля 1914 г. было объявлено о введении повсеместно прямых государственных хлебных закупок. Это было сделано с целью ближе подойти к производителю, минуя многочисленных посредников. В Тамбовской губернии действовали уполномоченные Главного управления землеустройства и земледелия (с октября 1915 г. – Министерства земледелия) по заготовкам овощей и сена, мяса и сала.

31 июля 1914 г. в циркуляре министра внутренних дел губернаторам предлагалось «озаботиться изданием в установленном порядке обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости»[4]. Так, в практику начало внедряться таксирование.

23 августа 1914 г. тамбовский губернатор А. Салтыков подписал постановление, по которому запрещалось при продаже как оптом, так и в розницу повышение в целях спекуляции и чрезмерной наживы цен на все предметы продовольствия и фуража и вообще на главнейшие предметы потребления. Виновные в нарушениях, согласно постановлению, должны были подвергаться заключению или аресту в тюрьме на срок до 3 месяцев или штрафу до 3 тыс. руб.[5]. К октябрю 1914 г. во всех уездах были установлены предельные цены на продовольственные товары. Но поскольку определение такс исходило из уровня уже действовавших цен, то есть резко завышенных, то таксировка фактически подтверждала их правомерность.

Так, Лебедянская городская дума в сентябре 1914 г. утвердила следующие цены: на крупитчатый хлеб – не дороже 8 коп. за фунт, на первачевый первый хлеб – не дороже 7 коп. за фунт, что почти вдвое превышало уровень июньских цен 1914 г.[6].

В целом за военные месяцы 1914 г. цены на продовольствие в Тамбовской губернии выросли на 30%. Наибольший рост цен отмечался на рожь (с 62 коп. до 92 коп.), овес (с 50 коп. до 1 руб. 04 коп.), пшено (с 1 руб. 13 коп. до 1 руб. 45 коп.), то есть на продукты потребления армии. Нехватки продовольствия, кроме его дороговизны, не наблюдалось[7].

Уездные земства, городские думы и управы в годы войны продолжали заниматься текущими вопросами содержания земских школ, больниц, амбулаторий, дорожного строительства. В то же время на земства легло дополнительное бремя мобилизации, оказания помощи семьям призванных на военную службу, содержания лазаретов и других расходов, связанных с военным временем, при нехватке денежных средств, которые приходилось изыскивать, делая займы или сокращая другие расходы[8].

Патриотический настрой в начале войны вылился в многочисленные обращения к губернатору и постановления служащих губернских и уездных учреждений об отчислении «на нужды военного времени» одного процента ежемесячного жалованья вплоть до конца войны: так решили служащие канцелярии губернатора, земств, полиции и других ведомств. Действенной была помощь Церкви: храмы, монастыри, епархиальные служащие постоянно отчисляли со своих доходов деньги на военные нужды.

Благотворительное движение получило мощный толчок и распространилось на все слои населения. Во всех городах губернии и в ряде сел были учреждены различные комитеты и общества, собиравшие деньги на военные нужды – на вооружение и обмундирование армии, на оказание помощи семьям призванных и раненым. В числе таких организаций были образованные еще в XIX в. Тамбовский городской благотворительный комитет и попечительное общество о бедных. Активно действовал Моршанский дамский комитет, собирая пожертвования не только в городе, но и на железнодорожной станции, и в селах уезда.

Полицеймейстеры и исправники докладывали губернатору о положении в уездах. Осенью 1914 г. Козловский полицеймейстер писал: «Среди крестьянского населения никаких беспорядков и выступлений не было, ложных и неосновательных слухов никем не распространялось. Среди рабочих забастовочного движения не было, и настроение среди них спокойное. Среди интеллигентных слоев общества, прессы, просветительных организаций, лиц свободных профессий, учащейся молодежи, обществ в течение отчетного периода агитационной деятельности, недовольства существующим порядком вещей или действиями правительственной власти не замечалось. Ввиду переживания войны среди населения замечается патриотическая сплоченность. Среди новобранцев призыва 1914 г. неудовольствия не замечалось, на призывных участках наблюдался полный порядок и патриотизм»[9].

Примечательно, что в начале войны был введен «сухой закон», неоднозначно сказавшийся на настроениях населения. 10 октября 1914 г. правительство разрешило местным органам власти самим устанавливать порядок запрета или продажи спиртного. В 1915 г. губернская земская управа разослала по волостным селам анкеты, в которых несколько вопросов были прямо связаны с войной. Требовался ответ на вопрос, какое влияние оказало на крестьянские хозяйства запрещение продажи спиртных напитков и как теперь население проводит праздники. Крестьянин С. Оськин из села Бибикова Козловского уезда написал в анкете: «Свадьбы и торжества становятся втрое дешевле, так что при таких случаях остается экономия, драк, ссор со дня закрытия ни одного не было, о закрытии водки, наоборот, все население от старого до малого благодарит, ввиду того, что в большинстве семей через пьянство были ссоры и драки, малые дети ходили разутые и раздетые и недоставало хлеба (не говоря об уличных драках и ссорах)».

О развлечениях на селе крестьяне писали примерно одинаково: в праздник жители побывают в церкви, отдохнут, выйдут на улицу, посидят около домов, поговорят, почитают

газеты; молодежь иногда устраивала игры в лапту, посиделки с песнями под гармошку и карточной игрой в «дурачка». Не все были довольны «сухим законом», некоторые сельские корреспонденты писали о случаях употребления одеколона или денатурированного спирта, который доставали в городах[10].

В начале 1915 г. стали прибывать беженцы из западных областей. Тыловая Тамбовская губерния приняла несколько десятков тысяч человек. Был создан губернский комитет по устройству беженцев, под председательством губернатора, и уездные комитеты, возглавлявшиеся председателями уездных земских управ. В городах были открыты отделы Всероссийского общества попечения о беженцах. В числе членов общества были архиепископ Тамбовский и Шацкий Кирилл, губернатор А.А. Салтыков, вице-губернатор Т.А. Липинский, предводитель дворянства Н.Н. Чолокаев, А.Н. Нарышкина и другие известные лица.

По мере ухудшения экономической ситуации в стране все больше усиливалось вмешательство государства в хозяйственную жизнь, а вместе с ним росла неуправляемость экономических процессов. В целях искоренения спекулятивных сделок и обеспечения хлебозаготовок 17 февраля 1915 г. вышло Положение «О некоторых особых мероприятиях по заготовлению продовольственных и фуражных припасов для нужд армии и флота», наделившее местные власти новыми правами – запрещать вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы своей губернии, устанавливать предельные цены на хлеб и фураж, закупавшиеся для армии, реквизировать продукты по пониженным на 15% ценам[11 12].

Скупка хлеботорговцами хлеба у крестьян, разного рода спекулятивные сделки получили широкое распространение. Так, в Моршанске широко практиковалась скупка хлеба частными скупщиками прямо на дорогах, так что в город попадала незначительная часть привозившегося хлеба. В связи с этим уполномоченный Главного управления землеустройства и земледелия по закупкам в Тамбовской

губернии продуктов для армии просил губернатора запретить скупку хлеба на дорогах за пределами города.

Уже зимой 1915 г. сельское хозяйство начало испытывать недостаток рабочей силы. Из Тамбовской губернии в армию было призвано более 500 тыс. чел. Тамбовская деревня лишилась половины своих тружеников – около 48% мужчин трудоспособного возраста.

Цены на рабочие руки в сельском хозяйстве резко подскочили вверх. Так, в сравнении с 1914 г. при зимнем найме в 1915 г. они выросли на 60%, а при летнем – на 70%[13]. На основании этого тамбовский губернатор в отчете за 1915 г. утверждал, что «вообще нужда исчезла, чувствовалось, что деревня богатеет, и вследствие этого цены на сельскохозяйственные продукты стали неудержимо расти»[14]. Губернатор недооценивал казенных пайков семьям призванных в армию и результатов закрытия винных лавок. Эти меры способствовали поддержанию благосостояния семей. Однако в этом же отчете обращалось внимание на частое отсутствие промышленных товаров первой необходимости и их дороговизну. Поэтому повышение зарплаты являлось чисто номинальным и не соответствовало безудержному росту цен.

Острота положения в тамбовской деревне сглаживалась благодаря хорошим урожаям в сравнении с неблагоприятными итогами 1913 г. В целом за годы войны посевные площади в губернии не сокращались, а урожайность зерновых на крестьянских полях в 1914–1915 гг. оставалась приблизительно на одном уровне. Снижение урожайности и падение сбора зерновых началось в 1917 г.

В начале июля 1915 г. впервые была проведена примерная разверстка предполагавшегося к заготовке количества хлеба по губерниям на 1915–1916 гг. В Тамбовской губернии планировалось заготовить 12 млн пудов овса и 6 млн пудов ржаной муки[15]. Однако серьезных усилий к выполнению этих планов предпринято не было. На местах власти распределяли разверстку весьма произвольно, что вело к повышению норм потребления, к отказам от

разверстки и протестам против нее. Так, в волостях Козловского уезда вопрос о разверстке рассматривался на сельских сходах, и принимались приговоры в основном следующего содержания: «Причитающееся количество ржи с сельских обществ, разверстанное волостным сходом, сельские общества поставить не могут, а поставят то количество ржи, которое окажется лишним сверх необходимого количества для питания семей крестьян и прокорма скота»[16].

Начавшаяся на русско-германском фронте как наступательная операция, война с 1915 г., когда военные действия развернулись на исконной российской территории, стала терять наступательный характер, переходя в продолжительную оборонительную кампанию. Поражение в кампании 1915 г. потребовало еще большего напряжения всех сил российского общества. В 1915 г. в губернском центре и уездных городах, как и по всей стране, были созданы военно-промышленные комитеты, подчинявшиеся Всероссийским земскому и городскому союзам (Земгору). Они должны были содействовать правительственным учреждениям в распределении военных заказов и снабжении армии и флота снаряжением и вооружением.

Увеличение выпуска военной продукции вызвало в свою очередь сокращение выпуска товаров народного потребления, еще больший рост цен и перебои с поставками, и, соответственно, недовольство населения. Патриотический подъем начала войны сменился желанием скорейшего заключения мира.

Библиография

[1] Россия. 1913 год. Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 219.

[2] *Рогалина Н.Л.* Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. № 7. С. 12.

[3] Адрес-календарь и справочная книжка Тамбовской губернии на 1914 год. – Тамбов, 1914. III справочный отдел. С. 30.

[4] *Китанина Т.М.* Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.). Л., 1985. С. 159.

[5] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 9090. Л. 153–154.

[6] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8773. Л. 3 об. Д. 9090. Л. 110.

[7] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 59.

[8] ГАТО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 411. Л. 140–150.

[9] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9029. Л. 9 Об. – 10.

[10] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Ф. 149. Оп. 1. Д. 1172.

[11] *Китанина Т. М.* Указ. соч. С. 66–67.

[12] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов в России и его регулирование в годы войны и революций. М., 1991. С. 196.

[13] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9449. Л. 186.

[14] Там же. Л. 202.

[15] *Кондратьев Н .Д.* Указ. соч. С. 357.

[16] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 9669. Л. 1.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РАБОТАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИСТОРИКОВ

Н.Н. Зоркова

Автор статьи не преследует цель представить исчерпывающий анализ историографии столыпинских аграрных преобразований в поволжской деревне в годы Первой мировой войны. Общая современная историография аграрной реформы рассмотрена Н.Л. Рогалиной[1]. Региональная историография Первой мировой войны была проанализирована В.А. Юрченковым[2]. С целью более фиксированного взгляда на поставленную задачу, мы ограничились обозначенной проблематикой и четкими территориальными границами, включающими четыре губернии (Пензенскую, Симбирскую, Тамбовскую и Нижегородскую), часть уездов которых впоследствии вошли в состав Мордовии.

Исследователи, как правило, затрагивают выше обозначенную тему в общих работах, посвященных изучению столыпинской аграрной реформы в Поволжье. Статистические данные военных лет приводятся исследователями в основном для сравнения и демонстрации того, что в период Первой мировой войны реализация земельной реформы замедлилась. Действительно, реформа продолжалась до 28 июня (10 июля) 1917 г. и ход землеустройства в 1915–1917 гг. затормозился в результате различных условий, главным источником которых была война. И.И. Фирстов приводит следующие сравнительные данные о выделившихся из общины хозяйствах по четырем уездам Пензенской губернии, вошедшим в состав Мордовии: если в 1912 г. из общины вышли 1 230 крестьянских хозяйств, то в 1916 г. – только 72 хозяйства[3]. В коллективной монографии по истории Мордовской АССР также приводятся примеры резкого сокращения числа выходов из общины. Так,

за период с начала реализации реформы до начала войны по Инсарскому уезду вышло из общины 8 076 крестьянских хозяйств, а с 1914 г. по февраль 1917 г. – 557 хозяйств. За этот же период по Краснослободскому уезду соответственно вышли из общины 3 160 и 251 хозяйство[4]. А.М. Гребнев в статье, посвященной деятельности Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка, упоминает о том, что именно начало Первой мировой войны обусловило прекращение деятельности Крестьянского поземельного банка[5]. По Высочайше утвержденному Положению Комитета финансов от 23 июля 1914 г. покупка земель банком за свой счет была приостановлена, а выдаваемые банком ссуды на покупку земли были понижены[6]. Однако полностью свою работу банк не прекратил. На покупку земли и устройство хуторов Пензенское отделение банка на 1 января 1915 г. выдало ссуды в размере 42 658,5 тыс. руб.[7] В 1915 г. Симбирское отделение Крестьянского поземельного банка продало 351 домохозяину 7 280,6 дес. земли[8]. Цены на землю к 1914 г. поднялись, особенно это заметно на примере Спасского, Темниковского и Саранского уездов. Количество купленной земли у банка в мордовском крае в 1914 г. сократилось по сравнению с 1908 г., то же можно сказать и про посредническую деятельность банка в регионе[9].

Во время войны реформы отошли на второй план. Главными проблемами стали продовольственный вопрос и борьба с дороговизной. В уездах мордовского края резко выросли цены на продукты, дрова и другие предметы первой необходимости. Тяготы военного времени неизбежно сказывались и на землевладельцах. В отчете Пензенского отделения поземельного Крестьянского банка в 1916 г. можно прочесть: «Владельцам у нас не до улучшения и не до развития дела, их задачи сводятся к засеву кое-как полей и заботам о подыскании сил и средств к их уборке»[10]. А.М. Гребнев отмечал, что поток крестьян-переселенцев из Пензенской губернии с началом войны значительно ослабевает. Правительство временно приостановило переселенческое движение. В телеграмме Главноуправляющего

землеустройством и землевладением от 29 июля 1914 г. говорилось: «Первое, приостановить выдачу ходаческих свидетельств, второе, предупредить всех переселяющихся о прекращении выдачи ссуд и необходимости отложить переселение до окончания военных действий, третье, осведомить переселяющихся, что срок явки на зачисленные доли продлен до 1 августа 1915 г. После такого предупреждения выдавать проходные свидетельства только семьям, часть которых переселилась на новые места»[11].

Состояние деревни мордовского края в годы Первой мировой войны наиболее полно исследовал Н.В. Полин. Им было изучено общее состояние крестьянского хозяйства (полеводства и животноводства), обеспеченность его рабочей силой, сельскохозяйственным инвентарем и т.д.[12]. В отдельной главе своего диссертационного исследования Н.В. Полин показал, что в годы Первой мировой войны в уездах мордовского края темпы закрепления земли в личную собственность крестьянами замедлились. На основе сопоставления статистических данных, он сделал вывод, что количество земли, приходившейся на один укрепляющийся двор с каждым годом уменьшалось. В тоже время происходил рост площади земли среднего отрубного двора. «Преобладание земли у отрубников говорит о том, – пишет Н.В. Полин, – что во время войны на отруба и хутора выходила зажиточная часть деревни, которая скупив наделы бедняков, стремилась разверстать их в одном месте»[13]. Подводя итоги столыпинской реформы в Мордовии, автор приводит следующие цифры: 17,8% всех крестьянских дворов укрепили свои наделы, ими было закреплено 12,9% всей крестьянской земли. Наибольшее количество земли было закреплено в Саранском уезде (21% от всей крестьянской земли в уезде), наименьшее в Наровчатском (7,8%) и Темниковском (8,4%) уездах. При этом отруба преобладали над хуторами[14].

Значительно более разработанной в региональной историографии выглядит одна из сторон рассматриваемой темы: настроение и борьба крестьянства против помещиков и

выделившихся из общины крестьян в 1914–1918 гг. В советской историографии уделялось очень большое внимание борьбе крестьянства против столыпинского землеустройства. Не подвергался сомнению тезис о том, что в отношении столыпинского землеустройства большинство поволжского крестьянства было настроено отрицательно. В коллективной монографии «Очерки истории Мордовской АССР» приведено множество примеров данного положения: отказ сельских обществ давать одобрительные приговоры на выход из общины, активная борьба против отрубников и хуторян, протесты крестьян против землеустроительных работ и т.д.[15]. Затрагивает этот вопрос и М.В. Дорожкин, который отмечает, что в годы войны движение против хуторян и отрубников усилилось и его главным участником являлись женщины, которые выполняя наказы своих мужей-солдат, старались задержать процесс укрепления общинной земли в частную собственность. Эти крестьянские выступления были названы царской полицией «бабьими бунтами». Министерство земледелия не могло не замечать возрастания аграрного движения в деревне, и вынуждено было издать специальные циркуляры, в которых указывало на то, что проведение землеустроительных работ возможно только при добровольном согласии общины и выделенцев[16].

По расчетам М.В. Дорожкина и И.И. Фирстова, накануне Октябрьской революции на территории Мордовии около 20% всех крестьянских выступлений приходились на выступления против кулацких хуторов и отрубов[17]. А.М. Гребнев также приводит множество примеров выступления крестьян, в основном женщин-солдаток, против землеустройства. Так, в мордовском селе Курташки Краснослободского уезда крестьяне-общинники просили отложить до окончания войны землеустроительные работы, мотивируя это тем, что после отреза отрубных участков должен быть передел земли всего общества, а в связи с тем, что крестьяне-мужчины почти все на войне, оставшиеся женщины-солдатки не справятся с разделом земли[18]. Подобные примеры приводит в своих работах и

П.С. Кабытов[19]. Именно масштабы крестьянской борьбы против столыпинского землеустройства заставили руководство Министерства земледелия подписать 4 апреля 1916 г. циркуляр, который прекращал производство землеустроительных работ до окончания войны[20].

Важные черты крестьянского настроения в годы Первой мировой войны приводит Т.В. Еферина, которая пишет, что главной целью крестьян было вновь переделить всю землю, отобрав не только у помещиков, но и у хуторян и отрубников. При этом под суд общины могли попасть и малоземельные единоличники, не кулаки. Когда IV Пензенский общегубернский крестьянский съезд принял решение передать земли отрубников и хуторян в ведение земельных комитетов, которые должны были распределить ее по обществам, данное решение было подтверждено постановлениями Краснослободской уездной земельной коллегией. Но, несмотря на то, что земельная комиссия признала хутора, которые располагались на 5–7 дес. «трудовыми» хозяйствами, общинники не прекратили своих атак против них: рушили границы хуторов, включали землю в общинный фонд и нередко вообще лишали прежних хозяев земельного надела[21].

Большое внимание психологии и поведению крестьянства в период Первой мировой войны, в том числе отношениям крестьян-общинников с отрубниками и хуторянами, уделяет в своих работах М.Д. Журавлева. Используя материалы по Симбирской, Нижегородской, Пензенской и Тамбовской губерниям, автор приводит многочисленные примеры сопротивления крестьян столыпинскому землеустройству и указывает, что особую роль в движении против выделения из общины и сокращения общинного земельного фонда играли женщины-солдатки[22].«Изменение положения женщин в крестьянском мире в годы Первой мировой войны, осознание ими своей значимости не только в ведении домашнего хозяйства, но и в других областях, – пишет М.Д. Журавлева, – а также равнозначного положения с мужчинами наносило серьезный

удар по традиционному патриархальному сознанию женщин-крестьянок, которое подвергалось самой серьезной за всю российскую историю трансформации»[23]. Солдатки стали играть ключевую роль в земельных спорах, возникавших в годы войны. Серьезные столкновения солдаток с хуторянами происходили в 1915–1916 гг. в Казанской губернии, в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, в Ардатовском уезде Симбирской губернии, Пензенской губернии (с. Курташки). Подобные волнения распространились по всему Средневолжскому региону[24]. В тоже время необходимо отметить, что неприятие крестьянами-общинниками любых форм частной собственности было настолько сильным, что ни особое положение, ни малоземелье крестьян-единоличников не спасало их от стремления крестьян вернуть землю в общинный фонд. Например, 28 июня 1917 г. крестьяне Андреевского общества Киржеманской волости Ардатовского уезда Симбирской губернии разделили хуторные участки трех солдаток, предварительно избив их и насильно заставив подписать приговор о согласии[25]. Такие примеры показывают, что действия крестьян имели сложный, подчас противоречивый характер.

Исследованию крестьянского сознания посвящена книга О.А. Суховой, в которой можно найти достаточно примеров того, что в период Первой мировой войны поведение поволжских крестьян характеризовалось особой активностью, что имело не маловажное значение для судьбы аграрной политики правительства. «Убежденность крестьян в том, что война и участие в ней крестьянства является особым способом обретения вожделенной земли, – пишет О.А. Сухова, – граничила, по свидетельству полицейских чинов, с религиозным фанатизмом»[26]. Крестьяне верили, что после войны вся частновладельческая земля будет передана в их руки. В ситуации «черного передела» роль общины, как института социальной организации возрастала. По мнению автора, неприятие общинниками стремления выделенцев к самоорганизации следует рассматривать именно как

проявление общинного эгалитаризма, направленного на сохранение однородности внутриобщинного пространства, единства основ крестьянской повседневности, а отнюдь не как проявление «классовой борьбы»[27].

Выводы О.А. Суховой находят подтверждение и в исследованиях О.С. Поршневой, которая, в свою очередь, считает, что в период войны реакция крестьян на выделение из общины резко обострилась, что было «следствием возросшей внутриобщинной консолидации на базе традиционных принципов совместного выживания, нежеланием общины решать столь важные вопросы в отсутствие части домохозяев. Активизация выступлений крестьян против выделения из общины, ведущего к уменьшению фонда общинной земли, способствовало и приближение сроков общих или частных земельных переделов»[28].

Борьба в деревне, в центре которой находился земельный вопрос, к весне 1917 г. приобрела настолько угрожающие для землевладельцев черты, что для защиты своих экономических интересов они стали создавать организации земельных собственников. Такие организации появились и в Поволжье. Исследуя данный аспект проблемы, Н.Н. Кабытова отмечает, что с развитием аграрной революции столыпинские крестьяне-единоличники оказались перед выбором социальных партнеров[29]. Земельные собственники из крестьян находились в двойственном положении: с одной стороны, они боялись насильственного возврата в общину своих земель, а с другой – стремились расширить свои владения за счет конфискованных помещичьих земель[30]. В итоге, как указывает Н.Н. Кабытова, попытки помещиков привлечь на свою сторону крестьян-единоличников, арендаторов и других индивидуальных землепользователей не имели значительного успеха. Возникала парадоксальная ситуация: взгляды хуторян и помещиков совпадали в отношении форм собственности, но все крестьяне, и бедные и зажиточные, были заинтересованы в «черном переделе»[31].

Открытым остается вопрос о размерах, характере и формах крестьянских выступлений в годы Первой мировой войны. Исследователь 1930-х гг. Я. Крастынь считал, что накал крестьянских выступлений рос с начала 1916 г.: «Крестьяне ясно осознали грабительский характер столыпинской реформы и всячески пытались противодействовать ей. В тех случаях, когда выделы происходили без участия стражников, крестьяне ограничивались уничтожением межевых знаков, избиением землемеров и понятых, сжигали их инструменты»[32]. В уездах мордовского края по сведениям, поступившим в Главное управление по делам милиции о выдающихся происшествиях, правонарушениях и об общем положении дел на местах за период с марта по октябрь 1917 г. произошло около 60 выступлений аграрного характера, из них против хуторян и отрубников – 17%[33].

Выборка, представленная в книге А.Е. Захаркиной и И.И. Фирстова[34], включающая, по всей видимости, наиболее значительные выступления, дает нам возможность произвести некоторые подсчеты и выявить формы и количество крестьянских выступлений в 1914–1917 гг. в мордовском крае. Без учета таких происшествий как разгромы казенных винных и прочих лавок, антивоенная и антиправительственная агитация, забастовки рабочих, расправы с полицией и т.д., получаем 84 случая: по данным сборника, в июле-ноябре 1914 г. имеем 2 выступления против отрубников, 1 против помещиков (Ардатовский уезд); в 1915 г. – 2 против отрубников (Ардатовский и Инсарский уезды); в 1916 г. – 6 выступлений против отрубников (Ардатовский и Краснослободский уезды); в 1917 г. произошло 73 выступления, из которых против отрубников и хуторян – 9 (12%).

Таким образом, из всех 84 упомянутых в сборнике за 1914–1917 гг. аграрных выступлений, на долю выступлений против отрубников и хуторян пришлось 19 (22,6%), а против помещиков – 42 (50%).

Крестьянские выступления в мордовском крае в 1917 г. (до сентября)

Уезды/Типы выступлений	Угрозы, разгром и поджог помещ. усадеб, захват помещ. земли	Массовые порубки леса (частн. и казенного)	Уничтож. межевых знаков, приговоры сходов и выступл. против отрубников	Выступл. против хуторян	Выступл. против кулаков
Ардатовский	5	2	5	1	-
Инсарский	5	1	-	-	-
Краснослободский	4	-	-	2	1
Саранский	22	2	-	1	12
Темниковский	3	2	-	-	-
Карсунский	-	1	-	-	-
Спасский	1	-	-	-	1
Наровчатский	1	1	-	-	-
Итого	41	9	5	4	14
Всего за 1914–1917 гг.:	42	9	15	4	14

Таб. сост. по: *Захаркина А.Е., Фирстов И.И.* Мордовия в годы трех народных революций (Хроника революционных событий. 1895 – май 1918 гг. Ч. 1). Саранск, 1957. С. 164–305.

Как видно из таблицы, наибольшее число выступлений против хуторян и отрубников падает на 1914–1916 гг., а в 1917 г. подавляющее число выступлений направлено на помещичьи земли. Особенно это заметно по Саранскому уезду. Впрочем, это может объясняться и тем, что за крупным уездным городом тщательнее следили. Необходимо отметить, что выявить объективную картину крестьянских выступлений довольно трудно. Во-первых, часто за продолжительное время несколько событий случалось в одном и том же селе, поэтому трудно разграничить выступления на одно продолжающееся во времени или отдельное. Во-вторых, статистические данные, имеющиеся в распоряжении исследователей,

представляющие, как правило, полицейские донесения и губернаторские отчеты недостаточно полны.

Анализ крестьянского движения в мордовском крае был также проведен В.К. Абрамовым, по данным которого в марте 1917 – феврале 1918 гг., из 224 селений мордовского края в разгромах хуторов участвовали крестьяне 20 сел (8,9%), в разгроме имений – 123 (54,9%), в дезорганизации имений, захвате земель – 81 (36,2%)[35]. При этом автор считает, что незначительная доля разгромленных хуторов объясняется меньшей их защищенностью и тем, что о подобных погромах редко сообщалось властям. «Хуторяне, как правило, «добровольно» соглашались на передачу земель общинам, – отмечает В.К. Абрамов, – сами разбирали постройки или просто бросали их на произвол судьбы и уезжали, ничего не сообщая в органы правопорядка, на которые уже не надеялись»[36].

В современной историографии вопрос аграрной реформы П.А. Столыпина вновь приобрел актуальность, о чем, в частности, говорит большое число диссертационных исследований по данной теме[37]. С.Б. Котляров пишет, что деревня Симбирской губернии к 1917 г. оказалась сильно дифференцированной и крепкие крестьянские хозяйства, образованные во время аграрной реформы, в годы войны имели больше шансов на выживание и дальнейшее развитие. В этих хозяйствах применялся труд наемных работников, усовершенствованные орудия труда[38]. В диссертации А.А. Иванова делается анализ крестьянского хозяйства Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны (на примере Тамбовской губернии). Автор приходит к заключению, что «события 1914–1917 гг. показали, что перемены, произошедшие в деревне в предвоенный период, оказались не настолько глубокими, чтобы считать их необратимыми, столыпинская реформа была свернута, а после трех лет испытаний многомиллионные массы крестьянства на практике реализовали принципиально отличный от столыпинского вариант решения аграрного вопроса»[39]. Н.А. Дунаева заключает, что итоги столыпинского

землеустройства в Поволжье трудно назвать убедительными. Фактически из общины выделились крайние группы, в результате чего она стала более однородной и сплоченной[40]. Тема поволжского крестьянства в годы Первой мировой войны рассматривается Н.А. Дунаевой в отдельных статьях[41].

Один из главных вопросов, который возникает при изучении заключительного этапа столыпинских аграрных преобразований – итоги и эффективность реформы. По этому поводу среди исследователей нет однозначного мнения. С.Б. Котляров считает, что хутора и отруба показали свою эффективность по сравнению с хозяйствами крестьян-общинников, но Первая мировая война разрушила планы правительства, желавшего усилить свою опору среди крестьянства[42]. Нельзя не согласиться с В.В. Кабановым, который пишет, что мировая война резко изменила ситуацию и возможности дальнейшего развития российской деревни. Темпы столыпинской реформы снизились, на сцену вышло кооперативное движение[43]. В процессе кооперирования деревни община сыграла существенную роль. Осторожные заключения делает В.В. Кондрашин, который считает, что в ходе столыпинской агарной реформы был сформирован «устойчивый слой крестьянских крепких хозяйств, которые выстояли в трудные годы мировой войны, революции 1917 г., гражданской войны, возродились в годы НЭПа и просуществовали до начала сталинской коллективизации»[44], но в тоже время основная масса крестьянства в Поволжье, на юге Украины и в зонах традиционного помещичьего землевладения осталась в общине и в этих районах особенно активно проходили столкновения между хуторянами, отрубниками и общинниками.

Таким образом, специальные работы, которые бы отражали реализацию аграрной реформы в деревне мордовского края именно в период Первой мировой войны, немногочисленны. В историографии столыпинской аграрной реформы в поволжской деревне в период Первой мировой войны наиболее полно представлен один из аспектов темы – борьба крестьян против столыпинского землеустройства и

социально-психологический облик крестьянства в годы войны.

Но практически не изучены другие стороны проблемы. Например, должным образом не отслежены нормативно-правовые акты, изданные в рассматриваемый период и регулировавшие ход землеустройства, и их применение. Для мордовского края до сих пор остается открытым вопрос уточнения цифр, касающихся числа вышедших из общины, переселившихся на другие земли крестьян, купивших и продавших земли Крестьянскому поземельному банку в годы войны. Также довольно интересным и перспективным для дальнейшего изучения истории столыпинских преобразований может быть исследование, посвященное деятельности земств мордовского края в военные годы, когда их деятельность активизируется.

Библиография

[1] *Рогалина Н.Л.* Столыпинская аграрная реформа: современная историографическая ситуация // Уральский исторический вестник. 2008. № 2 (19). С. 25-31.

[2] *Юрченков В.А.* Первая мировая война и мордовский край: проблемы региональной историографии // Великая война и российская провинция. 1914-1918 гг.: сб. науч. ст. и док. Саранск, 2013. С. 6–25.

[3] *Фирстов И.И.* Аграрная реформа Столыпина на территории Мордовии // Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1952. Вып. 15. С. 90.

[4] Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 484.

[5] *Гребнев А.М.* К вопросу о деятельности Пензенского отделения Крестьянского поземельного банка // Ученые записки Мордовского педагогического института им. А.И. Полежаева. Саранск, 1956. Вып. 4. С. 98.

[6] ГАПО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 986. Л. 48.

[7] *Гребнев А.М.* Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959. С. 63.

[8] Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. 1. С. 470.

[9] Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1908 г. СПб., 1911. С. 380, 382, 386–387; Статистические материалы к отчету Крестьянского поземельного банка за 1914 г. СПб., 1916. С. 383, 385, 389, 390.

[10] НА НИИГН. И-1389. Л. 145.

[11] *Гребнев А.М.* О переселенческой политике царизма в период Столыпинской аграрной реформы (по материалам Пензенской губернии) // Ученые записки Мордовского государственного университета. Саранск, 1959. Вып. 9. С. 70.

[12] *Полин Н.В.* Положение крестьян Мордовии в годы Первой мировой войны // Труды НИИЯЛИЭ. Саранск, 1969. Вып. 38. С. 184–209.

[13] *Полин Н.В.* Деревня Мордовии в годы Первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1970. С. 165–166.

[14] Там же. С. 169.

[15] Очерки истории Мордовской АССР. Саранск 1955. Т. 1. С. 475–484.

[16] *Дорожкин М.В.* Установление советской власти в Мордовии. Саранск 1957. С. 60.

[17] *Дорожкин М.В., Фирстов И.И.* Мордовия накануне Великой Октябрьской социалистической революции (Материалы в помощь лектору). Саранск, 1958. С. 51.

[18] *Гребнев А.М.* Аграрные отношения в Пензенской губернии между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России. Пенза, 1959. С. 136.

[19] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900–1917 гг.). Саратов, 1982; *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990; *Кабытов П.С.* Поволжская деревня накануне Февральской буржуазно-демократической революции. Предпосылки, ход и итоги столыпинской аграрной реформы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1972; и др.

[20] *Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990.

[21] *Еферина Т. В.* Крестьянская община на территории Мордовии в период с 60-х гг. XIX в по 30-е гг. XX в.: дис. ... канд.ист.наук. Саранск, 1995. С. 253.

[22] *Журавлева М.Д.* Социальное поведение крестьянства Среднего Поволжья: от патриотического подъема к антивоенному и антиправительственному протесту // Великая война и российская провинция. 1914–1918 гг. Саранск, 2013. С. 96.

[23] *Журавлева М.Д.* Крестьянки и власть (гендерный фактор в годы первой мировой войны) // Власть и общество: XX век. (Научные труды НИИ ГН при правительстве РМ). Саранск, 2002. Т. 1 (118). С. 45.

[24] Там же. С. 46.

[25] Крестьянское движение в 1917 г. М.-Л., 1927. С. 93.

[26] *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX – начало XX в.): по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 417.

[27] Там же. С. 458.

[28] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 102.

[29] *Кабытова Н.Н.* Судьба «столыпинских выделенцев» в российской революции 1917 года // Власть и общество в России: жизнь и государственная деятельность П.А. Столыпина: материалы и доклады межрегиональной научно-практической конференции (Самара, 21 апреля 2011 г.) Самара, 2011. С 69.

[30] Там же. С 72.

[31] Там же. С 74.

[32] *Крастынь Я.* Революционная борьба крестьян в России в годы империалистической войны (1914–1916 гг.). М., 1932. С. 61.

[33] Крестьянское движение в 1917 г. М.-Л., 1927.

[34] *Захаркина А.Е., Фирстов И.И.* Мордовия в годы трех народных революций (Хроника революционных событий. 1895 – май 1918 гг. Ч. 1). Саранск, 1957.

[35] *Абрамов В.К.* Мордовия в годы Первой мировой войны // Проблемы новейшей истории и этнографии Поволжья и Приуралья: к 80-летию со дня рождения И.А. Ефимова. Саранск, 2009. С. 17.

[36] Там же. С. 18.

[37] *Еферина Т.В.* Крестьянская община на территории Мордовии (60-е гг. XIX в. – 30-е гг. XX в.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 1995; *Максимов С.В.* Осуществление столыпинской аграрной реформы в Поволжье в 1906–1916 гг.: дис. ... канд. ист.

наук. М., 1995; *Есиков С.А.* Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX в. 1900–1921 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Тамбов, 1998; *Журавлева М.Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2001; *Прилуцкая О.А*. Столыпинская аграрная реформа в Среднем Поволжье в 1906–1917гг. (По материалам Пензенской, Самарской, Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Пенза, 2003; *Целовальникова И.И.* Сельскохозяйственная кооперация в Среднем Поволжье в 1906–1917 гг. (На материалах Самарской и Симбирской губерний): дис. ... канд. ист. наук. Саранск. 2005.; *Бауман Р.В.* Деятельность Поземельного Крестьянского Банка в Симбирской и Самарской губерниях (1883–1918 гг.): автореф. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2006.; *Мирошкин В.В.* Мордовская крестьянская община в первой трети XX века: автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 2007; *Сухова О.А.* Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX века. 1902–1922 гг. (по материалам Среднего Поволжья): автореф. ... д-ра ист. наук. Самара, 2007.

[38] *Котляров С.Б.* Столыпинская аграрная реформа в Симбирской губернии (1906–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 215.

[39] *Иванов А.А.* Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 1–2.

[40] *Дунаева Н.А.* Модернизационные процессы в поволжской деревне в 1907–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ульяновск, 2009. С. 18.

[41] *Дунаева Н.А.* Крестьянство Симбирской губернии в начале Первой мировой войны // Гуманитарные науки на пороге XXI века. Тезисы докладов II Средневолжской региональной научно-практической конференции. Ульяновск, 1998. С. 54–56. (Ученые записки УлГУ. Серия Гуманитарные науки и социальные технологии. Вып. 1 (3); *Дунаева Н.А.* Первая мировая война и крестьянство Среднего Поволжья // Самарский земский сборник. Самара, 2000. № 1 (4). С. 90–92.

[42] *Котляров С.Б.* Итоги аграрной реформы П.А. Столыпина к 1917 г. (на примере Симбирской губернии) // Вестник НИИ ГН при Правительстве РМ. 2014. № 2 (30). С. 38-45.

[43] *Кабанов В.В.* Пути и бездорожье аграрного развития России в XX веке // Вопросы истории. 1993. № 2. С. 37

[44] *Кондрашин В.В.* К вопросу об агарной политике в России во в второй половине XIX – XX вв. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований: материалы I Всероссийской (IX межрегиональной) конференции историков-аграрников Среднего Поволжья 12–13 мая 2006 г. Самара, 2007. С. 262.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.С. Кабытов

Крестьянство Поволжья в годы Первой мировой войны рассматривается на материалах Поволжья – внутренней окраины Российской империи, куда мы включаем Казанскую, Симбирскую, Пензенскую, Самарскую и Саратовскую губернии. Использование многофакторного подхода позволяет рассматривать этот регион как пространство, органично связанное главной водной артерией России Волгой и ее притоками, сетью железных дорог, активно формирующейся финансово-кредитной системой (банки и кредитная кооперация), а также функционированием земельного и хлебного рынков. Поэтому этот регион вполне можно рассматривать как внутренне спаянную территорию. Площадь этого региона по данным Первой всероссийской переписи населения 1897 г. составляла 344 533,2 кв. верст. По этому показателю в числе лидеров числилась Самарская губерния, географическое пространство которой занимало 136 713,5 кв. верст. В регионе были представлены лесные, лесостепные и степные районы. Абсолютное большинство населения составляли крестьяне, их насчитывалось 9 424,3 тыс. чел. К 1914 г. численность крестьян возросла до 12 537,6 тыс. чел., а к 1917 г. в регионе проживало 13 188,1 тыс. крестьян[1], что составляло свыше 82% от общей численности всего населения Поволжья.

Рост населения связан с тем, что в годы Первой мировой войны миграционные процессы усилились. Миграция населения в этот период носила крайне противоречивый характер. С одной стороны в действующую армию были призваны около 50% трудоспособных мужчин, как из города, так и из деревни. Неудачи русской армии привели к тому, что летом 1915 г. в Поволжье хлынула волна

беженцев. Демографическая ситуация ухудшилась в период Великой русской революции, когда миграционные процессы стали носить турбулентный характер.

В Самарской губернии сельское население возросло с 3 558,6 тыс. чел. (на 1 января 1914 г.) до 3 783,6 тыс. чел. (на 1 января 1916 г). В Саратовской губернии этот показатель составил 2 751,3 (на 1 января 1914 г.) и 2 877,2 тыс. чел. (на 1 января 1916 г.). В Симбирской губернии сельское население увеличилось лишь на 36,5 тыс. чел., в Казанской губернии рост населения достиг 82,2 тыс. чел. с 60 тыс. чел. (на 1 января 1916 г.).

В начале XX в. из Симбирской губернии ежегодно уходило на заработки от 40 до 70 тыс. чел.[2], из Саратовской – 142 тыс., Казанской – более 60 тыс., Пензенской – 58 тыс. чел.[3] Если в мирный период рост населения в Поволжье шел за счет естественного прироста, то в годы войны увеличение численности населения шло за счет беженцев. В период войны во всех губерниях Поволжья женщины численно преобладали. В Пензенской и Симбирской губерниях на 100 мужчин приходилось 120 женщин, в Казанской – 124, в Самарской – 122, Саратовской – 120[4].

Изучаемая тема имеет обширную историографию. Но, как и в научной разработке каждой проблемы, здесь следует отметить то обстоятельство, что на процесс ее исследования воздействие оказывала социально-политическая ситуация в стране. И в этой связи можно констатировать своеобразные подъемы и спады. Всплеск интереса к аграрной истории в 1960-е – первой половине 1980-х гг. в значительной степени был обусловлен дискуссиями 1960-х гг. характере аграрного строя России и о многоукладности экономики Российской империи начала XX в. Спад в разработке этой проблематики произошел в связи с Перестройкой и становлением новой российской государственности. Но со второй половины 1990-х гг. мы можем констатировать увеличение доли исследований по аграрной проблематике. Изучение крестьянства периода Первой мировой ведется в рамках обобщающих региональных исследований. Среди них следует отметить монографии

Д.В. Ковалева[5], С.А. Есикова[6], А.В. Перепелицына[7]. Новые материалы по этой проблеме содержатся в очерках истории республик и отдельных областей Поволжья[8]. Из обобщающих исследований особо стоит сказать о монографиях Н.Ф. Тагировой и М.И. Роднова, в которых анализируется пространство и функционирование механизма хлебного рынка Поволжья и Южного Урала в начале XX в.[9]

Значительно активизировалось изучение хода и итогов столыпинской аграрной реформы в Поволжье. В историографических статьях последних лет дан анализ диссертационных исследований, защищенных в XXI в. По данным Н.В. Токарева, в 2001–2013 гг. было защищено более 20 кандидатских диссертаций по этой проблеме[10]. Среди них кандидатские диссертации Р.Ф. Батыршина, Н.А. Дунаевой, Ф.Г. Зайнуллиной, Н.Н. Зорковой, С.Б. Котлерова, О.А. Прилуцкой, Е.К. Разиной, А.А. Трегуба, Р.В. Баумана, А.И. Саляниченко. В ряде диссертаций анализировалось общественное сознание, социальное поведение и протестное движение крестьян в годы Первой мировой войны.

Тогда же появились исследования о деятельности региональных отделений Крестьянского поземельного банка. В настоящее время опубликован сборник документов и материалов, в котором содержится комплекс законодательных актов, регламентирующих проведение столыпинской аграрной реформы. Сюда же включена делопроизводственная документация о ходе реформы в Самарской губернии и материалы, характеризующие формы протестного движения[11].

В целом, в новейшей литературе воссоздана панорама социально-экономического и социокультурного развития губерний Поволжья в 1914–1918 гг. Среди новейших исследований необходимо выделить коллективные монографии историков Поволжья, в которых дан анализ взаимодействия имперской власти с этносами и прослеживается ее роль в развитии экономики и культуры в регионе. Речь идет о монографии, изданной в 2012 г. в Саратове[12], а также исследованиях самарских историков,

в которых раскрываются особенности вхождения региона в состав России, и реализации государственной политики, направленной на преобразование пограничного пространства во внутреннюю окраину Российской империи[13]. Значительное внимание в их монографиях уделено анализу деятельности коронной администрации и органов местного самоуправления, их практической деятельности.

В годы Первой мировой войны продолжали развиваться сложившиеся еще к концу XIX в. экономические типы хозяйств. В Поволжье преобладало общинное землевладение. Крестьянское надельное земледелие было преимущественно мелким. В регионе сохранялись сословные разряды крестьян – бывшие помещичьи, государственные и удельные. Каждая сословная категория крестьян имела свой размер надела. Более обеспеченными землей были государственные крестьяне. Для бывшей помещичьей деревни было характерно острое малоземелье.

Очень медленно шел процесс эволюции в помещичьих хозяйствах. В начале XX в. удельный вес земли дворян, поступившей на региональный земельный рынок, резко возрос в связи с обострением социальных конфликтов в ходе Первой русской революции. Так площадь помещичьего землевладения в Самарской губернии уменьшилась с 926 041 дес. В 1905 г. до 540 786 дес. В 1914 г.[14]. В этот же период убыль помещиков Саратовской губернии составила 583,3 тыс. дес., но дворяне продолжали владеть 727,9 тыс. дес. земли. В Казанской губернии убыль помещичьего землевладения составила 118,2 тыс. дес. земли, но дворяне сохранили за собой 329,2 тыс. дес.[15] Несмотря на то, что у помещиков региона сократились земельные владения, в целом площадь дворянского землевладения в 1914 г. составляла 2661,9 тыс. дес. земли. Если учесть, что в период Первой мировой войны процесс мобилизации земли по существу сократился, то удельный вес дворянского землевладения составлял в 1917 г. в Казанской губернии 40,6% от общего количества частновладельческих земель, в Симбирской –

47,5%, Пензенской – 49%, в Симбирской – 47,5%, Пензенской – 49%, Саратовской – 43,1%, Самарской – 14,5%[16].

В качестве покупателей дворянских владений выступали отделения Крестьянского поземельного банка, которые затем продавали эти земли переселенцам из других районов Российской империи, планировавшим создать на них хуторские хозяйства. С 1907 по 1915 гг. крестьяне купили 1 401 260 дес. земли. По нашим подсчетам, частное крестьянское землевладение в губерниях Поволжья увеличилось на 1 348 592 дес., из них на долю единоличных хозяйств (из числа землеустроенных крестьян) приходилось 1 292 594, на долю обществ и товариществ – 655 948.

Новые явления в жизни крестьян Поволжья ярко проявились в период проведения столыпинской аграрной реформы, которая наибольший успех имела в степных уездах Самарской и Саратовской губерний. Но и в лесостепной полосе сельская поземельная община была в значительной степени деформирована в связи с укреплением земельных наделов в личную собственность. В лесных уездах в ходе реформы проводились землеустроительные работы по размежеванию сложных однопланных общин, в которые нередко входило несколько населенных пунктов. Речь идет о чувашской и марийской деревне. Одновременно с разверстанием таких работ шел процесс выхода крестьян из общины. В связи с реализацией столыпинского земельного законодательства в 1907–1914 гг. на земельный рынок Поволжья поступило 751 431 дес. надельной земли, из них на долю Самарской губернии приходилось 511 96, Саратовской – 107 074.

В Казанской губернии с 1906 по 1915 гг. из общины вышло 33 038 крестьянских дворов, что составляло 8,8% от общего количества хозяйств. Они получили в собственность 160 657 дес. или 5,1% от всей площади надельной земли. Несколько выше были результаты процесса укрепления земли в Симбирской губернии. Из общины вышли 57 795 хозяйств, или 23,8%, в их собственности оказалось 294 693 дес. земли – 18%. В Самарской губернии число укрепленцев составило

167 199 дворов или 44%. Они стали собственниками 207 585 дес., что составляло 30,9%. В Саратовской губернии из общины вышло 92 299 дворов – 27,9%[17].

Следует также констатировать, что в ходе реформы на надельных, банковских и казенных землях создавались хуторские хозяйства. Более высокими темпы образования хуторских хозяйств на надельных землях были также в Самарской и Саратовской губерниях. Так на 1 января 1916 г. в Самарской губернии насчитывалось 91 044 хуторских и отрубных хозяйств на площади 2 011 515 дес. земли, а в Саратовской – 64 337 хозяйств, в распоряжении которых находилось 733 765 дес.

Столыпинская аграрная реформа придала мощный импульс развитию капиталистического земледелия и внедрению новых агроприемов, использованию усовершенствованного сельскохозяйственного инвентаря и формированию сельской инфраструктуры – строительства элеваторов, росту кооперативных учреждений. Но реализация столыпинской земельной реформы быстро натолкнулась на сопротивление сельской поземельной общины, стремившейся сохранить традиционные нормы жизни в деревне.

А в годы Первой мировой войны, в 1915 г., реализация реформы прервана, в связи с потоком требований солдат русской армии приостановить выход из общины до окончания войны. Во время войны землеустроительные органы при проведении работ встретились с растущим сопротивлением крестьян. В составе участников протестных выступлений произошли качественные изменения в связи с призывом в армию трудоспособных крестьян. Протестное движение, направленное против проведения землеустроительных работ, претерпело качественные изменения. В составе участников стали преобладать женщины. Поэтому в выступлениях преобладали большая взрывчатость и эмоциональная окраска. Крестьяне требовали прекратить землеустройство, мотивируя это тем, что в армии находятся главы семейств и поэтому некому будет отстаивать их интересы по земельному вопросу.

Сопротивление выливалось в силовое прерывание деятельности землемеров и столкновения с властями[18].

В то же время крестьяне надеялись получить после войны землю дворян и частных владельцев бесплатно. В сообщениях жандармских унтер-офицеров, отчетах начальников жандармских управлений и губернаторов имеются многочисленные указания о том, что на крестьянство в годы войны влияли письма мобилизованных в армию солдат. В ноябре 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского управления сообщал в департамент полиции: «во многих местах Казанской губернии крестьяне прекратили переделы земли на новые души, а также отказывают до окончания войны выходам отдельных домохозяев на отруба»[19].

Солдаты, мобилизованные из Саратовской губернии, в письмах к родным требовали отказываться от приговоров, составленных сходами до войны[20]. В Инсарском уезде Пензенской губернии с начала войны до Февральской революции вышло из общины лишь 557 хозяйств[21]. Крестьянские сходы повсеместно отказывались утверждать приговоры об укреплении земли. Начался процесс возвращения укрепленной земли в общину.

Первая мировая война нанесла огромный ущерб сельскому хозяйству и ускорила процесс социального расслоения крестьянских хозяйств. Выделим факторы, оказывавшие деструктивное воздействие на процесс дифференциации поволжской деревни.

К числу таковых следует отнести сохранение главного пережитка крепостничества – помещичьего землевладения и возрастающего малоземелья крестьянских хозяйств. Помимо разделов наделов в крестьянских семьях сказывался и экстенсивный характер ведения земледельческого производства. В ходе реализации столыпинской земельной реформы частное крестьянское землевладение увеличилось, тем не менее, большая часть крестьян продолжала настаивать на сохранении сельской поземельной общины, что выступало в качестве инерционного фактора тормозящего внедрение

в земледельческую практику новых агроприемов, способствующих интенсификации земледелия.

В 1914 г. оценочное бюро Самарского губернского земства провело перепись крестьянских хозяйств в 11 селениях Новоузенского уезда. Переписью были охвачены 1 036 дворов[22]. На основе 25% выборки, в которую вошли 252 подворные карты, нами проведен анализ хозяйственной состоятельности с выделением пяти социальных групп крестьянства. По нашим подсчетам удельный вес пролетарских хозяйств составил – 13,1%, полупролетарских – 15,7%, мелкотоварных – 21,5%, середняцких – 24,9%, в группу посевщиков-фермеров, ведущих товарное земледелие, вошли 23,8% дворов.

Соотношение социальных слоев крестьянства в районе торгового зернового земледелия свидетельствует о более высоком уровне развития капитализма в сельском хозяйстве. Среди пролетарских и полупролетарских дворов было большое число крестьян, которые не обрабатывали свои земельные наделы. Они, сдавая их в аренду, нанимались на сроковые работы к местным крупным посевщикам. В число пролетарских хозяйств входили крестьянские дворы переселенцев, владельцы которых существовали за счет найма на сельскохозяйственные работы.

Процент зажиточных хозяйств в Новоузенском уезде был выше, чем в Самарском и Ставропольском уездах, а также в уездах Пензенской и Симбирской губерний. Как правило, помимо надельной земли эти хозяйства снимали землю в аренду, используя труд или сроковых или поденных сельскохозяйственных рабочих. Социальное расслоение крестьян в Новоузенском уезде протекало более быстрыми темпами, удельный вес бедноты составлял 51,3%, середняков – 24,9%, группа крупных посевщиков-фермеров – 23,8%[23].

Несмотря на разницу удельного веса высшей группы крестьянства, как в степных уездах, так и в лесостепных и лесных уездах зажиточное крестьянство занимало господствующее положение в деревне. Оно концентрировало в своих руках наиболее плодородные земли и расширяло

посевы торговых зерновых культур. В немалой степени укреплению позиций зажиточного крестьянства способствовали развитие кооперации, помощь со стороны правительственных учреждений и земств.

В 1914-1917 гг. процесс пролетаризации крестьянства ускорился в связи с мобилизацией запасных, реквизициями скота, сокращением посевных площадей. В крестьянских общинах шел процесс обогащения кулаков, скупщиков, ростовщиков. О начавшейся деградации крестьянских хозяйств свидетельствует рост числа безземельных и беспосевных крестьянских хозяйств. В 1917 г. в Самарской губернии насчитывалось 93480 безземельных (17,8%) и 97 482 (18,5%) беспосевных хозяйств. Посевные площади в Саратовской губернии за первые два года войны сократились с 2663 тыс. дес. до 2320 тыс. дес., то есть почти на 16%. Основная масса крестьян все более разорялась. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и городской переписи 1917 г., в Саратовской губернии из 405 495 общего количества крестьянских хозяйств насчитывалось 17 920 безземельных, 61 422 беспосевных, 216 448 хозяйств не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря и 54 795 хозяйств не имели скота. В Казанской губернии безземельные дворы составляли 5,7%, беспосевные – 7,6%; в Симбирской: безземельные – 9,0%, беспосевные – 12,2%; в Пензенской: удельный вес безземельных составил – 4,4%, беспосевных – 7,8%; в Саратовской: безземельных-11,4%, беспосевных – 21,2%. Соотношение безземельных и беспосевных хозяйств показывает, что почти во всех уездах (за исключением территории современной республики губернии Чувашии) процент беспосевных хозяйств был выше процента безземельных дворов.

За годы войны произошли количественные и качественные изменения в обеспеченности крестьянских хозяйств рабочим скотом. Невосполнимые потери деревня несла в связи с постоянными реквизициями рабочего скота для нужд действующей армии. Отметим, что в ходе реквизиций у крестьян отбирали лишь молодых и здоровых

лошадей, что усугубляло ситуацию в крестьянских хозяйствах. На полученную компенсацию было невозможно купить стоившую вдвое больше лошадь. 78 103 крестьянских хозяйств Самарской губернии не имели скота вообще, а 107 483 двора были без рабочего скота. Вместе с тем, если беднейшие крестьяне и середняки нередко отдавали последнюю лошадь, то в зажиточных хозяйствах наблюдался рост численности рабочего скота. Например, в Пензенской губернии число однолошадных крестьянских хозяйств сократилось до 41,3%, двухлошадных – возросло до 17,5%, а в многолошадных хозяйствах их число увеличилось до 4,1%[24]. Из года в год возрастал удельный вес хозяйств без рабочего скота. К 1917 г. этот показатель в Саратовской губернии составил 34,4%, в Пензенской – 36,8%, в Казанской – 22,9%, в Самарской – 23,3%[25].

Правительственные заготовки крупного рогатого скота также разоряли крестьянские семьи. В Саратовской губернии на 100 жителей приходилось 25 голов нагульного скота. В других губерниях скота было еще меньше. Поэтому заготовки удовлетворяли спрос города и армии на одну треть. Сократились посевные площади, которые некому и нечем стало обрабатывать. Кроме того, росла крестьянская задолженность по налогам денежным и натуральным.

Политика Крестьянского поземельного банка в годы войны не изменилась. Как и прежде банк отдавал предпочтение единоличным покупателям. Так, в 1916 г. отдельные домохозяева-покупатели доплачивали наличными к ссуде 7% покупной цены земли, товарищества – 15,6% и сельские общества – 22,1%[26]. Банк осуществлял по отношению к крестьянам грабительскую политику, в связи с тем, что крестьяне в значительной мере под влиянием писем солдат перестали вносить взносы, банк в годы войны отбирал у крестьян земли больше, чем до войны[27]. Переселение в Казанской губернии сократилось в 5 раз, в Пензенской в 10, в Самарской и Симбирской в 11 раз. Переселение приостановила мобилизация крестьян на войну, ухудшение их материального состояния.

Из-за свертывания промышленного и кустарного производства сельскохозяйственного инвентаря и машин и прекращения их импорта из-за границы возросло число хозяйств, которые не имели никакого сельскохозяйственного инвентаря. Так, в Саратовской губернии этот показатель достиг 53%[28].

О степени социального расслоения поволжской деревни можно судить на основе вторичной обработки данных Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г.[29]. Такой эксперимент с использованием математических методов провел по 5 уездам Уфимской губернии М.И. Роднов. Учитывая то, что значительная часть первичных материалов данной переписи была утрачена в период Великой российской революции, мы провели обработку опубликованных данных и группировку дворов по посевной площади, количеству рабочих лошадей и коров. В связи с тем, что данные не позволяют выделить крестьянские дворы с посевом до 5 дес., в группу бедноты включены хозяйства, засевавшие 6 дес. земли, безлошадные и однолошадные, бескоровные и имеющие 1 корову на двор. Хозяйства, засевавшие от 6 до 13 дес. земли, отнесены к середнякам. Они имели по 2–3 лошади и коровы. В высшую группу вошли дворы с посевом свыше 13 дес. У них было более 4 лошадей и коров на каждое хозяйство.

При всей условности такой группировки следует констатировать, что в Саратовской и Самарской губерниях процесс социального расслоения крестьян протекал быстрее, чем в Казанской, Пензенской и Симбирской губерниях, а также в губерниях Центральной России. Это было обусловлено не только влиянием Первой мировой войны, но и сохранением патриархальных отношений в деревне лесной полосы Поволжья. На долю беднейших хозяйств здесь приходилось более 70%, тогда как в Европейской России этот показатель достиг 65%[30]. Процесс разорения крестьянских хозяйств усилился и в лесостепной зоне Поволжья. Удельный вес середняков здесь колебался от 20 до 23,4%, а зажиточных от 4 до 6,6%. Иначе шел процесс эволюции крестьянских

хозяйств в степной зоне в Самарской и Саратовской губерниях – районах с высоким уровнем развития аграрного капитализма. Удельный вес бедноты достигал 55,5%, середняков 25,4%, зажиточные верхи деревни, в число которых входили фермеры – 20,6%. На основе изучения итогов Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. можно выделить три группы уездов. В уездах Казанской, Симбирской и Пензенской губерний, входивших территориально в состав лесной полосы Поволжья в социально-экономическом строе крестьянских хозяйств сохранялись патриархальные отношения, что обусловило тормозящее воздействие на темпы капиталистической аграрной эволюции.

Война выявила негативные стороны формирования нового слоя крестьянина-собственника, который желал получить максимально возможную выгоду от использования земельного участка и применял хищнические методы обработки земли, что неминуемо снижало уровень товарности крестьянского хозяйства. «...Домохозяин, освободившись от общины, начинает вести на своем участке еще более хищническое хозяйство, пуская его несколько лет подряд под посев однородных растений. ...Поля таких хуторян и отрубников представляли из себя сплошные пространства сорной растительности, преимущественно овсюга, между которой лишь кое-где проглядывали отдельные экземпляры засеянных культурных злаков».[31]

К числу важных факторов следует отнести и то, что в годы Первой мировой войны нарушился товарообмен между городом и деревней. В связи с переводом промышленности на выпуск продукции для нужд действующей армии резко сократилось производство потребительских товаров и сельскохозяйственных орудий, в которых остро нуждалась деревня. В ходе войны были нарушены рыночные связи. Морские порты были закрыты для экспорта хлеба. Начавшаяся разруха на железнодорожном транспорте (речь идет о 1916–1917 гг.) негативно сказалась на

снабжении промышленного центра и столиц продовольствием.

Внутренняя торговля хлеба также претерпела изменения. Государство вынуждено было взять на себя заготовки хлеба для армии. Ситуация с производством хлеба в России выглядела следующим образом. Хлебный рынок и продовольственная ситуация в стране зависели от уровня урожая зерновых в товаропроизводящих регионах страны.

Ситуация усугублялась в связи с неурожаями. Если говорить о неурожайных годах, то накануне войны в 1911 г. в Поволжье был неурожайный год. К числу неурожайных следует отнести 1914, 1917 гг. В тоже время, 1 августа 1914 г. Совет министров поручил А.В. Кривошеину начальнику главного управления землеустройства и земледелия, закупку хлеба для армии, установить принципы непосредственной закупки и товаропроизводителей, и с этой целью было решено мобилизовать земства[32].

18 августа 1914 г. Самарским губернатором Н.В. Протасьевым был образован комитет по заготовке хлеба на военные нужды и предприняты меры по установлению контроля за заготовкой продовольствия для армии в уездах губернии. В случаях заготовки продовольствия в отдаленных районах губернии комитет назначал специальные комиссии. Устанавливались средние закупочные цены. Для предупреждения спекуляций при повышении цен, по распоряжению главноуполномоченного, закупка хлебов переносилась из одной местности в другую[33].

Как новая российская житница, Самарская губерния оставалась одним из основных хлебопроизводящих районов Российской империи и исправно снабжала армию и города продовольствием. Исключительно урожайным был 1915 г., а 1914, 1916 и 1917 гг. были неурожайными. В 1914 г. в губернии собрали 151 млн пудов продовольственных хлебов, в 1915 г. – 227 млн пудов, в 1916 г. – 110 млн пудов. В среднем за каждый год в этот период в губернии собирали такое же количества зерна, как в 1911–1913 гг. и значительно больше, чем в среднем в каждый год первого десятилетия

XX в. В течение 1914 г. цены на хлеб на оптовом рынке снижались. Прекращение хлебного экспорта создало даже ситуацию наличия хлебных излишков. «Положение местного рынка угнетенное, пшеницу положительно некому продать кроме местных мукомолов»[34]. Газета «Волжское слово» отмечала: «Вместо ржаной муки закупается для размола пшеница, обесцененная теперь временным сокращением экспорта»[35].

В 1916 г. на Ново-Хлебной площади закончилось строительство Самарского элеватора, второго по емкости в России. Оснащен он был по последнему слову техники. Все оборудование приводили в действие 90 электромоторов; у элеватора имелась собственная электростанция. Погрузку-выгрузку зерна осуществляли на нескольких площадках с помощью подъемных механизмов. Лаборатория контролировала качество и условия хранения зерна. Производительность элеватора была рассчитана на 32 тыс. пудов в час.

В условиях все более затяжной войны, даже имея некоторые хлебные излишки, крестьяне начинали их придерживать. Происходило это не только по соображениям спекулятивной прибыли, но и из-за опасения остаться без продовольственных запасов в будущем. Психологическая неуверенность в завтрашнем дне подкреплялась финансовыми факторами. Обесценивание рубля, его низкая обеспеченность промышленными товарами делали невыгодными для крестьян продажу имевшихся зерновых излишков.

Между тем местные торговцы и биржевики с самого начала войны стремились придерживать продовольственные запасы в целях наращивания цен и получения сверхприбыли. Они опасались резкого понижения цен в связи с активной деятельностью банков. В обзоре Самарской губернии за 1914 г. указывалось: «...спекулянты, имея огромные запасы зерновых продуктов, начали сильно взвинчивать цены на них, распространяя на бирже и в правительственных сферах мнение, что повышение цен на зерно надо считать явлением вполне нормальным...».[36]

Война заставила правительство вторгаться в механизм рыночных отношений, что вызвало острое недовольство представителей бизнес-сообщества и биржевых комитетов. В ходе войны возникли чрезвычайные органы, которые выступали в качестве основных игроков на российском рынке. Речь идет о Союзе земств и городов, а император Николай II 17 февраля 1915 г. издал Указ, который разрешил использовать при заготовке продовольствия введение триады – установление твердых цен, реквизиции и запрет на вывоз продовольствия из определенных местностей[37]. В марте 1915 г. Командующий войсками Казанского военного округа уведомил Самарского губернатора о запрете вывоза зерновых культур из Самарской губернии.

Далее было созвано Особое совещание для обсуждения мероприятий по продовольственному делу. Попытка создать систему планового снабжения и ввести хлебную монополию не увенчались успехом. Но, несмотря на то, что продовольственных товаров, в том числе и хлеба, было достаточно, тем не менее, цены на продукты питания резко возрастали, в связи с начавшейся спекуляцией.

Губернская администрация и органы местного самоуправления уделяли снабжению горожан пристальное внимание. Еще в августе 1914 г. Самарский губернатор Н.В. Протасьев объявил о недопустимости повышения цен на жизненно необходимые продукты питания и о введении штрафов за данные нарушения[38]. Земство включилось в дело продовольственного обеспечения в августе 1915 г., когда председателей земских управ назначили представителями уполномоченного Особого совещания в уездах. Все годы войны самарские губернаторы и уполномоченные Хлебармии и Особого совещания действовали согласованно, конфликтов не возникало. При помощи аппарата сельской и городской полиции губернская администрация постоянно следила за деятельностью местных самоуправлений и наблюдала за правильным исполнением населением всех предписаний. В 1914–1916 гг. городское население особых претензий по поводу обеспечения продуктами питания властям не

предъявляло (сельское население, естественно, обеспечивало себя само) и оставалось лояльным к ним; случаи протестного движения были единичны и связаны с привозными товарами (сахаром) и спекуляцией.

Начиная с 1915 г., гласные Самарской городской думы стали требовать нормирования цен и создания муниципальных лавок. Была установлена следующая такса: фунт мяса высшего сорта – 23 коп., первого сорта – 22 коп., второго – 20 коп., третьего – 18 коп. Фунт мяса молодого и тощего скота должен был продаваться на две копейки дешевле. В сентябре 1915 г., несмотря па сопротивление торговцев, Дума установила такие цены на хлеб: фунт ржаного хлеба – до 4 коп., фунт хлеба из крупчатки 3-го сорта – до 5,5 коп., 2-го сорта – до 7,5 коп., 1-го сорта – до 9 коп., и обязала пекарей не уменьшать выпечку хлеба. Губернская администрация утвердила постановления Думы.

Временно исполняющий должность губернатора Н.П. Харламов в начале ноября 1915 г. в отчете в МВД отметил, что Самарская городская управа в течение года ограничивалась бесконечными дебатами в различных исполнительных комиссиях о снабжении горожан, и лишь настоятельные просьбы вице-губернатора Горчакова подвигли ее на выработку предельных цен на муку во время их постоянного повышения. 19 ноября 1915 г. Н.П. Харламов распорядился, чтобы полиция не просто наблюдала за торговлей, но и активно воздействовала на торговцев, которые «вызывали наибольшие и, по-видимому, справедливые нарекания со стороны местных обывателей»[39].

21 ноября 1915 г. Харламов предупредил торговцев Самары, что те из них, кто будет продавать мясо выше установленной таксы, будут подвергаться штрафу в размере до 3 тыс. руб. или аресту до трех месяцев, а их заведения будут закрыты. Подобные же постановления принимали и руководители соседних губерний. В августе 1915 г. Саратовский губернатор предупредил мукомолов, что за задержку отпуска муки потребителю будет наложен штраф 3 000 руб. или арест на три месяца. На другой день мука

продавалась беспрепятственно. Но через несколько дней мукомолы представили городской думе условия, на каких они согласны отпускать муку для населения. Цены, тем не менее, росли. По сообщению заместителя начальника третьего участка Николаевского уезда от 7 февраля 1916 г. за последние два года они выросли почти в два раза. Купцы ради выгоды шли на ухищрения. Так, Николаевский торговец Калинин придерживал около двух тысяч пудов мяса, ожидая повышения цены[40].

Постановлением Думы и властей с 1915 г. регулировалась продажа сахара. Губернатор Станкевич в июле 1916 г. отчитал самарского городского голову С.Е. Пермякова за «плохую постановку отпуска сахара населению из лавок, лишь поселяющую в населении раздражение». В марте 1916 г. он просил министерства земледелия, путей сообщения и внутренних дел, а также центральный комитет по распределению сахара в Киеве доставить сахар в Самару. В октябре 1916 г. губернатор Л.Л. Голицын настоятельно предлагал самарскому голове наладить продажу сахара. А через две недели прямо обвинял Самарскую городскую управу в плохой работе[41]. Губернаторы России в конце апреля 1916 г. констатировали, что городские власти не проявляли настойчивости в борьбе со спекуляцией, ибо «состав управы, думы и уполномоченных по продовольствию и топливу сплошь сами торговцы, а зачастую – наиболее злостные спекулянты»[42].

В июне 1916 г. было решено ввести карточную систему распределения муки, хотя мука поступала на рынок нормально, а расходы обывателя на хлеб не превышали 20% всех его трат. В булочных продавались свободно калачи из муки двух сортов, французские булки и плюшки. В январе-феврале 1917 г. проблема продовольственного снабжения городской Думой не рассматривалась[43]. В 1916 г. были изысканы возможности снабжения населения обувью и одеждой из США и других стран[44].

Саратовская городская дума еще осенью 1916 г. высказалась за введение безымянной карточки с 12 отрезными

талонами на муку, сахар и другие продукты. В начале 1917 г. Дума опять обсуждала вопрос о введении карточек на хлеб, а спустя месяц предложила отпускать по карточкам муку. Министр земледелия распорядился о сокращении нормы выдачи муки до 15 фунтов (6 кг) в месяц.

Значительных выступлений в связи с нехваткой хлеба в Самаре в 1914–1917 гг. не зафиксировано. И все же следует констатировать, что случались так называемые «бабьи бунты». Как правило, они были эмоционально окрашены и протекали по такому сценарию: в очереди, жаждавшей сахара (чаще всего) или мануфактуры, изредка мяса, затевалась ссора. Порой ссорились между собой те, кто стоял в очереди, чаще очередь ругалась с продавцом, от слов переходили к рукоприкладству, а порой и к разгрому магазина и расхищению продуктов. Гнев покупателей женщин всегда был направлен против торговцев. С полицейскими и солдатами дрались только тогда, когда те пытались утихомирить разбушевавшихся.

В Самаре на Троицком рынке 5 ноября 1916 г. все началось с оскорбления покупательницы торговцем мяса. Далее события развивались согласно официальному документу так: «В толпе начались шум, крики, улюлюканье, появились малолетние хулиганы-мальчишки, начались погромы лавок»[45]. В прибывших стражников и полицейских полетели палки, в ответ те открыли огонь. Были убитые и раненые. С рынка волнения распространились на ближайшие улицы и закончились только к вечеру. Согласно проведенному жандармским управлением расследованию, было разгромлено 56 магазинов и лавок. В погромах активное участие принимали самарские воры («коты») и проститутки.

В Симбирске 4 июля того же года рядовые местного гарнизона попытались купить в лавке сахар без очереди. Очередь возмутилась, началась потасовка. На место происшествия прибыли полицейские, военные патрули, чины губернской администрации. В них полетели камни и палки. Затем собравшиеся (около 3 тыс. чел.) направились громить лавки и магазины, выискивая и растаскивая, прежде всего,

сахар. Порядок установился только после того, как вызванные наряды произвели несколько залпов[46]. С 23 по 29 июня 1916 г. в 4 смежных волостях в район с. Красный Кут Новоузенской волости произошли разгромы торговых помещений женщинами – солдатками. «Во всех селениях, – отмечает губернатор А.А. Станкевич, – беспорядки начинались одинаково: получив в волостном правлении пайки, солдатки отправлялись за покупками, войдя в лавку, сначала просили, а затем требовали понижения цены»[47]. При согласии торговцев начиналась покупка по «дешевке», переходившая, как и в случае сопротивления торговцев, в самовольный разбор и унос товаров по домам. Земский начальник XI участка Новоузенского уезда С. Кишкин в рапорте Самарскому губернатору А.А. Станкевичу отмечал, что беспорядки были вызваны нарушением торговцами ценовых ограничений, низким качеством товара и его дефицитом[48]. Таких происшествий за 1914–1916 гг. было зафиксировано в Самарской губернии десять (пять в городах и пять в деревнях).

К числу негативных факторов следует отнести мобилизацию запасных в действующую армию, реквизиции скота, что обусловило сокращение посевных площадей. По данным Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. в губерниях Поволжья отсутствовало более половины трудоспособных работников. Значительная часть отсутствующих крестьян в деревне находилась в армии. Так процент работников, взятых в армию, в Казанской губернии составила 44,9%, Пензенской – 46,7%, Самарской – 49%, Саратовской – 47,4, Симбирской – 49,4%[49]. Наибольшую потерю трудоспособных работников понесли семьи бедняков-пауперов и середняков, где в армию призывали последних работников. Зажиточные крестьяне в ряде случаев или откупались от призыва, или устраивались на работу на военные заводы. Все тяготы на ведение хозяйства легли на плечи стариков, женщин и детей. В Казанской губернии удельный вес хозяйств без наличия работников составлял

24,1%, Пензенской – 29,2%, Самарской – 32,3%[50], Саратовской – 30,7%, Симбирской – 32%.

Уже в августе 1914 г. уездные предводители дворянства довели до сведения земских начальников и волостных правлений уезда циркулярное распоряжение о необходимости срочного созыва сельских сходов, на которых должен был обсуждаться вопрос об оказании помощи по уборке оставшегося на полях хлеба семьям мобилизованных на поля сражений крестьян.[51] Сельские сходы составляли приговоры об оказании помощи всем нуждающимся семьям запасных, устанавливались повинности по подготовке и обработке земли под посев хлеба. Семена выделялись из общественных хлебозапасных магазинов[52].

Мобилизации запасных привели к сокращению посевных площадей, так как оставшиеся в деревне женщины, старики и дети не могли обработать все площади земельных наделов. На сокращение посевных площадей обращали внимание Новоузенское, Николаевское и другие уездные земства Самарской губернии[53]. Проблемы начинают ощущаться к лету 1915 г. Война ухудшила экономическое положение сельского населения, привела к росту задолженности помещиков по платежам Дворянскому банку, лишила дворянские имения рабочей силы, наемный труд резко подорожал

Активно начинает обсуждаться вопрос использования труда военнопленных в сельском хозяйстве, фиксируются попытки найма беженцев на сельскохозяйственные работы[54]. Часть дворянства и в условиях военного времени думала только о том, как бы улучшить свое экономическое положение, уменьшить бремя долгов, отягощавших имения, и продолжала просить правительство, Министерство финансов о новых льготах и помощи. Саратовское губернское дворянское собрание (14 сентября 1915 г.) постановило ходатайствовать перед Министрами военным, внутренних дел, торговли и промышленности и главным управлением землеустройства и земледелия об оставлении военнопленных до окончания сельскохозяйственных работ, а, по

возможности, и до конца войны в губернии[55]. Подобные требования раздавались и из других губерний. Особенно активно этот вопрос обсуждался на одиннадцатом съезде уполномоченных дворянских обществ (10–13 марта 1915 г.). В выступлениях дворянских делегатов звучали требования безвозмездности работы военнопленных на государственных и общественных работах и удешевлении их содержания в имениях[56].

Для восполнения убыли рабочей силы на заседании Совета министров 15 января 1916 г. А.Н. Наумов предложил две меры: разрешить в России использовать труд китайских рабочих и предоставить землевладельцам на время сбора урожая воинские части. В результате к весне 1916 г. в распоряжении министерства имелось свыше 350 тыс. военнопленных, которые распределялись затем по хлебородным районам Европейской России[57].

Спрос на военнопленных был огромный. Чрезвычайные губернские дворянские собрания, земские управы обращались с просьбами о содействии в присылке рабочих – китайцев на сельскохозяйственные работы, оставлении на зимние работы военнопленных. Эти просьбы были услышаны правительством. Например, к середине 1916 г. в частновладельческих хозяйствах Симбирской губернии использовался труд более 4 тыс. военнопленных и 653 беженцев[58]. Тем не менее, помещики продолжали свертывать собственную запашку и увеличивать сдачу земли в аренду крестьянам.

Летом 1915 г. на сельскохозяйственных работах в Самарской губернии было занято 24 134 беженца и 31 627 военнопленных. В январе 1916 г. председатель Самарской губернской земской управы оценивал потребность в военнопленных для сельскохозяйственных работ в 66 500 чел.[59] В целый ряд губерний был направлен запрос о возможности найма женщин-работниц, знакомых с сельскохозяйственным трудом.

В Саратовской губернии в 1916 г. на сельскохозработах было занято 23 219 военнопленных, в Симбирской – 7 863,

в Самарской – 31 627, Казанской – 10 380, Пензенской – 5 388[60]. Следует иметь в виду, что количество военнопленных, занятых в хозяйствах помещиков и зажиточных крестьян возрастало в период проведения сельскохозяйственных работ и сокращалось осенью и зимой. В целом в указанных выше хозяйствах работало около 80 тыс. военнопленных. Кроме того использовался также труд беженцев. Например, летом 1916 г. в Самарской губернии было занято 2 434 чел., в Саратовской – 9 261, Казанской – около 10 тыс., в Симбирской и Пензенской – более 5 тыс.[61]

Спрос на рабочие руки был настолько велик, что помещики обращались к коронной администрации с просьбами о привлечении на сельхозработы солдат. В этой связи штаб Казанского военного округа определил перечень войсковых частей, к которым должны были обращаться губернаторы для получения солдат, отпускаемых в деревню на сельскохозяйственные работы. В 1916 г. в имения Казанской губернии было направлено 1 582 солдат, в Симбирскую – 511, Саратовскую – 1 905, Самарскую – 1 170, Пензенскую – 1 045. Всего округ направил в губернии Поволжья 6 517 чел.[62] По нашим подсчетам, в годы Первой мировой войны в помещичьи экономии было направлено более 155 тыс. военнопленных, беженцев и солдат русской армии.

Однако подобные меры не могли полностью решить проблему нехватки рабочей силы в деревне, так как труд привлекаемых к работам беженцев и военнопленных был менее производительным, к тому же их число значительно уступало количеству мобилизованных крестьян. О кризисных явлениях в сельском хозяйстве свидетельствует сокращение посевных площадей, главных образом за счет ярового клина. К лету 1916 г. посевная площадь в Самарской губернии сократилась по сравнению с 1913 г. на 766,3 тыс. дес. Летом 1916 г. раздаются просьбы отсрочить очередную мобилизацию, «так как оставшаяся часть населения ни в коем случае не справится не только с наступающей уже осенней

пашней, ...но не в состоянии будет убрать и обмолотить урожай текущего года»[63].

Наиболее полные данные о численности постоянных и временных сельскохозяйственных рабочих в 1917 г. имеются в издании Самарского земства[64]. В уездах губернии насчитывалось 82 058 постоянных наемных рабочих, в том числе в районах торгового зернового земледелия: Новоузенском уезде – 23, 1тыс., в Николаевском – 16, 8 тыс., в Бузулукском – 12,6 тыс. Число временных рабочих достигло 105 тыс. чел., из них в Новоузенском уезде – 23 тыс., в Самарском – 19,1, в Николаевском – 18,7. Итак, число наемных рабочих в Самарской губернии достигало свыше 187 тыс. чел. Вместе с тем дефицит рабочей силы составлял 167,8 тыс. чел.[65]

По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. число наемных рабочих, занятых в экономиях и хозяйствах фермерского типа достигало 250 тыс. чел., а с учетом крестьян, нанимающихся на временную работу, 350–400 тыс. чел[66]. Большую часть сельскохозяйственных рабочих притягивали районы товарного земледелия, где развивались хозяйства фермерского типа.

Первая мировая война ускорила возрастание архаики в хозяйственной сфере земледельческого производства этого района. В группе уездов, входящих в зону лесостепной полосы, негативное воздействие оказывали как факторы, связанные с Первой мировой войной, так и сохранение поместного землевладения и живых остатков крепостничества, обусловившие инерционность эволюции аграрной сферы этого региона. Но все же темпы аграрного капитализма здесь были несколько выше, а земледельческое производство, примыкавшее к рынкам сбыта, железнодорожным станциям, пристаням, активнее втягивалось в рыночные отношения. Наконец в степной полосе – зоне торгового зернового земледелия, фермерские хозяйства сумели быстро приспособиться к экстремальным

условиям военного времени, но и здесь война наложила отпечаток на эволюцию хозяйств.

Библиография

[1] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 60.

[2] Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1290. Оп. 21. Д. 755. Л. 138.

[3] *Тихонов Б.В.* Переселение в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. М., 1978. С. 205–206.

[4] Подсчитано нами: Сельское население в России в XX веке. М., 1923. С. 21–22.

[5] *Ковалев Д.В.* Аграрные преобразования и крестьянство столичного региона в первой четверти XX века на материалах Московской губернии. М., 2004.

[6] *Есиков С.А.* Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.). Тамбов, 1998.

[7] *Перепелицын А.В.* Крестьянские промыслы в центрально-черноземных губерниях России в пореформенный период. Воронеж, 2005.

[8] Самарская летопись. Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века. В 2 кн. / под ред. П.С. Кабытова и Л.В. Храмкова. Самара 1993; История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Кн. 1–6 / гл. ред. П.С. Кабытов. М., Самара, 2000. Очерки истории Саратовского Поволжья (1894–1917) Т. 2. Ч. 2 Саратов, 1999.

[9] *Тагирова Н.Ф.* Рынок Поволжья вторая половина XIX – начала XX вв. М., 1999; *Роднов М.И.*, *Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа, 2008; *Роднов М.И.* Пространство хлебного рынка. Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв. Уфа, 2012.

[10] *Токарев Н.В.* Столыпинские аграрные преобразования в отечественных диссертационных исследованиях первого десятилетия XXI века // Крестьянский мир: Новые источники и методологические подходы. Уфа, 2013 С. 224.

[11] *Журавлева М.Д.* Крестьянство Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны: общественное сознание и социальное поведение: автореф. дис. ... к.и.н. Саранск, 2001; *Люкшин Д.И.*

Крестьяне-общинники Казанской губернии в социально-политических сдвигах начала XX века: автореф. дис. ... к.и.н. Казань, 1995; *Ниманов Н.Б.* Революционное движение в Поволжье в годы Первой мировой войны (июль 1914-февраль 1917 г.) (на материалах Марий Эл, Мордовии, Чувашии). Самара, 1994 г.; *Казанцев А.А.* Динамика массовых настроений в российской провинции в период Первой мировой войны (на примере Пензенской, Самарской и Симбирской губерний): автореф. дис. ... к.и.н. Пенза, 2005.

[12] Очерки истории Поволжья и Приуралья в имперский период / под. ред. В.Н. Данилова и П.С. Кабытова. Саратов, 2010.

[13] *Кабытов П.С., Дубман Э.Л* и др. «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Ч. 1. Самара, 2013; *Кабытов П.С.*, *Дубман Э.Л.* «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.) Ч. 2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация. Самара, 2014.

[14] ЦГАСО. Ф. 322. Оп. 2. Д. 1474. Л. 13 Об.

[15] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год десятый. Пг., 1917. С. 607–608.

[16] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье периода империализма: дис. ... д.и.н. Куйбышев,1982. С. 131.

[17] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 158.

[18] Национальный архив республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 3015. Л. 22; ЦГАСО. Ф. 4468. Оп. 1. Д. 2047 Л. 52; Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 129–130.

[19] НА РТ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 2962. Л. 50.

[20] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962. С. 333.

[21] *Дорожкин Н.В.*, *Фирстов И.И.* Мордовия накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Саранск, 1958. С. 11.

[22] ЦГАСО. Ф. 817. Оп. 1. Д. 52–58.

[23] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения периода империализма... С. 276.

[24] *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962., С. 202–203.

[25] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 5 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1, М., 1921. С. 50–53.

[26] *Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 326.

[27] Там же. С. 327.

[28] Октябрь в Поволжье. Саратов, 1917. С. 32.

[29] Экономическое расслоение крестьянства в 1917–1919 гг. Труды ЦСУ. Т. VI. Вып. 3. М., 1922.

[30] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье периода империализма (1900–1917 гг.). Дис. ... д.и.н. Куйбышев, 1982. С. 280.

[31] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара, 2014.С. 270–271.

[32] Земский феномен. Политологический подход. Хоккайдо, 2001. С. 150.

[33] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара, 2014. С. 267-268.

[34] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. С. 269–270.

[35] Волжское слово. 1914. 26 августа. № 183 (2061) С. 2.

[36] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. С. 295–296.

[37] Земский феномен. С. 153.

[38] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. С. 292.

[39] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 61. Д. 4. Л. 51, 58.

[40] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 8-9, 26.

[41] Там же. Оп. 131. Д. 226. Л. 11; Там же. Оп. 63. Д. 4. Л. 239; Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1619. Л. 1; Там же. Д. 1549. Л. 14.

[42] Красный архив. М.;Л., 1929. Т. 2. С. 163.

[43] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 198. Л. 438, 600.

[44] ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197. Л. 572–578.

[45] ЦГАСО. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7-9 Об.

[46] Там же. Ф. 153. Оп. 36. Д. 1627. Л. 7-9; *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. М., 1993. № 3. С. 38.

[47] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 152.

[48] Там же. С. 146-152.

[49] Погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 5 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 1. М., 1921. С. 50–53.

[50] Там же.

[51] Волжское слово, 1914. 2 августа № 165 (2043) С. 3.

[52] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 278-279.

[53] ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л114, 488 и др.

[54] Там же. С. 279–280.

[55] *Баринова Е.П.* Власть и поместное дворянство России начала XX века. Самара, 2002. С. 290.

[56] Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг. М., 2002. Т. 3. С. 463–474.

[57] *Наумов А.Н.* Из уцелевших воспоминаний. Нью-Йорк, 1954-1955. Т. 2. С. 454.

[58] *Третьякова Г. А.* Поместное дворянство Европейской России в 1917 году (на материалах губерний Центрально-земледельческого района и Поволжья): Дис. ... к.и.н. Куйбышев, 1990. С. 45.

[59] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 285.

[60] РГИА. Ф. 395. Оп. 2. Д. 3451. Л. 1, 3; Ф. 457. Оп. 1. Д. 1039. Л. 6; ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1396. Л. 428; ГАПО. Ф. 158. Оп. 6. Д. 509. Л. 8–14; ГАСО Ф. 19. Оп. 1. Д. 2657. Л. 37 Об.; ГАУО. Ф. 46, Оп. 10. Д. 196. Л. 17.

[61] РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 17. Л. 170.

[62] ЦГАСО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 1346. Л. 89–95.

[63] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 373–374.

[64] Продовольственная статистика Самарской губернии 1917 г. Вып. 1. Самара, 1918. С. 12–13.

[65] Там же. С. 13.

[66] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. Труды ЦСУ. Т. V. Вып. 2. М., 1923.

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ФАКТОР В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖСКИХ ГУБЕРНИЙ)

Н.Н. Кабытова

Деятельность политических партий в России к началу Первой мировой войны контролировалась в регионах ГЖУ. Циркулярами МВД (ДП) ГЖУ предписывалось осуществлять контроль за партиями и партийными деятелями, лицами, вызывающими подозрение в сотрудничестве с партийцами (например, циркуляр от 20 января 1914 г. № 165878 о предоставлении обзоров о работе революционных организаций в подконтрольных районах и ведении розыскной деятельности). На протяжении всего периода войны полицмейстеры и уездные исправники регулярно информировали начальников ГЖУ, а последние – губернаторов и Департамент полиции с систематичностью от одной-двух недель до одного–трех месяцев о деятельности политических партий на подведомственной территории. Часть информации представляли донесения агентов, состоящих на содержании местного ГЖУ.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось определенной политической активностью правых, связанной с общим патриотическим подъемом в стране. Однако патриотическое единение было недолговечным. Кризис правомонархического движения, радикализация политической практики, размежевание внутри движения, фракционный раскол и распад было причиной того, что правомонархические партии Поволжья не получили заметного думского представительства для презентации интересов своего движения. Негативное отношение населения к делегитимизирующейся власти переносилось на ее защитников. Слабость Николая II как политика, «распутинщина», военные неудачи в ходе Первой мировой

войны, хозяйственная разруха, инфляция, правительственная чехарда еще больше отталкивали народ от прежнего монархического идеала. С постоянными критическими нападками в адрес правительства, с обвинениями в неспособности подавить нарастающее оппозиционное движение и приостановить процесс революционизирования всего российского общества, правые превращались в небезопасную для самой власти оппозиционную силу, способную занять другую политическую нишу. В условиях всеобъемлющего кризиса военного времени у крайних правых и крайних левых появлялось все больше признаков радикализации: популистские социальные установки, требования кардинального перераспределения собственности, стремление обратиться напрямую к массам для поддержки насильственных действий.

Нарастание общественного конфликта и системного кризиса режима в годы мировой войны подтолкнули традиционалистские, консервативные силы Поволжья к выдвижению лозунгов установления сильной власти, введения диктатуры, опирающейся также на вооруженную, промонархически настроенную, часть населения. Лозунг «Во имя Церкви, Царя и Русского Народа, борьба с непротивленством – гибелью русского народа»[1], выдвинутый саратовскими правыми монархистами, определил доминанту политической деятельности поволжских правых в условиях военного времени. Крайние, решительные меры стали рассматриваться единственным вариантом спасения дискредитировавшей себя монархии. Распространение столь решительных требований происходило на фоне постепенного спада правого движения, сокращения его численности.

В результате политическая активность поволжского правого радикализма в этот период проявилась в деятельности лишь одной партии – Астраханской народно-монархической – при слабости или вообще бездействии других, и была персонифицирована в лице единоличного лидера этой партии Н.Н. Тихановича-Савицкого. Реализация правомонархических проектов по предотвращению кризиса

самодержавной системы натолкнулась на непонимание и властями, и рядовыми членами движения быстро меняющихся социально-политических реалий, на внутренние разногласия, проявившиеся в двух направлениях – дистанцирования столичной правомонархической элиты от провинциального партийного звена, с одной стороны, и конфликтов между политическими лидерами движения, продиктованных личными амбициями, с другой стороны[2].

Первая мировая война усугубила процесс кризиса движения, когда многие отделы правых партий в Поволжье и местные правомонархические объединения перестали существовать. Самарский губернский отдел «Союза русского народа имени святого Алексия» почти все средства тратил на помощь раненым воинам и членам семей солдат. Саратовский «Союз Михайла Архангела» открыл чайную для рабочих, где вел агитацию за войну до победного конца, нападая на саратовских немцев, евреев, революционеров.

Октябристы в годы Первой мировой войны стремились действовать солидарно с администрацией и играли первую скрипку в органах местного самоуправления, Земском и Городском союзах, Военно-промышленном комитете и т. д. Внутрипартийная деятельность их в 1914–1916 гг. была мизерной; как всероссийская организация «Союз 17 октября» к 1916 г. прекратил существование. Попытки возродить Самарское губернское отделение «Союза» в 1917 г. успеха не имели.

Либеральная конституционно-демократическая партия в годы Первой мировой войны на территории городов Поволжья была представлена не одинаково. В Самарской губернии центром ее работы являлся губернский город, такая же ситуация была в Саратове. В Симбирской губернии в военный период организованной кадетской партии не существовало, отдельные деятели в Сызрани и Симбирске, придерживавшиеся кадетских идей, занимались общественной работой в благотворительных и государственных учреждениях. Кадеты в начале Первой мировой войны выступали за оборону Родины. В своей газете

«Саратовский вестник» они писали: «Большевики говорят рабочим о какой-то братоубийственной войне. Но мы ведем войну не с братьями, а с ошалелыми немцами»[3].

Необходимость обеспечения стабильности внутри страны, сохранения в войсках патриотического настроя актуализировало издание циркуляров МВД (ДП), нацеленных на предотвращение «подрывной» деятельности не только левых революционных, но и либеральных партий. Секретными циркулярами МВД № 175641 от 2 сентября 1914 г. и № 177247 от 31 октября 1914 г. розыскным органам предписывалось «иметь неослабное наблюдение за деятельностью и ближайшими задачами партии «Народной свободы» – «Конституционно-демократической», а также ее местных организаций и обо всем, заслуживающем в этом направлении внимания, осведомлять Департамент».

Осенью 1914 г. деятельность самарских активистов партии привлекла к себе внимание властей. 11 ноября 1914 г. на собрании в помещении библиотеки Общества народных университетов член Государственной Думы Н.А. Гладыш, присяжный поверенный А.Г. Елшин, помощник присяжного поверенного А.П. Кравченко, заведующий редакцией газеты «Волжское слово» В.А. Кудрявцев обсуждали вопрос об аресте членов Государственной Думы. Ими была высказана идея о публикации и распространении среди пролетариата летучих листков, сборе сведений о действиях правительства для предоставления после войны на рассмотрение Думе[4]. Активной работы члены партии не проводили. Начальник Самарского ГЖУ в донесении от 20 октября 1915 г. в ответ на запрос Департамента полиции сообщал, что «с ноября 1914 года и до настоящего времени... не было представляемо никаких сведений по Конституционно-демократической партии за отсутствием указания агентуры на какую-либо работу лиц означенной партии». Затем он отмечал, что большинство лиц, примыкающих по своим убеждениям к названной партии, « заняты... работой в различных... союзах и комитетах, открытых в связи с войной для оказания помощи раненым, пострадавшим на войне, семьям запасных и т.п.»[5].

20–24 июня 1915 г. в г. Самаре под председательством городского головы С.Е. Пермякова проходил областной съезд по борьбе с дороговизной[6]. На нем была принята предложенная В.А. Кугушевым резолюция с призывом к немедленному созыву Государственной думы и передачи власти в руки ответственного министерства. За данную резолюцию Кугушев решением административных властей был выслан за пределы губернии. Причем принятые меры были расценены в обществе как излишне строгие. 29 августа 1915 г. в Самаре состоялось совещание членов самарской группы конституционно-демократической партии, созванное «Губернским комитетом» в связи с предстоящим партийным съездом. В числе вопросов, предложенных Комитетом к обсуждению, были предложены следующие: о неотложном изменении Городового и Земского положений; о неотложном принятии закона о кооперативах[7].

Осенью 1915 г. представители кадетской группы принимали участие в собраниях, проводившихся по типу политических салонов на квартире неонародника И.А. Цодикова, где встречались с депутатами Государственной Думы и слушали их выступления. Позиция партии изменилась в октябре 1915 г., когда были выдвинуты лозунги создания «министерства общественного доверия», усиления борьбы с бюрократизмом, а с начала 1916 г. кадеты призывали к установлению «ответственного министерства», распространяли слухи об измене в верхах, неспособности властей преодолеть трудности и довести войну до победного конца. Власти опасались, что помимо активной деятельности, направленной на помощь фронту, партия будет стремиться распространить свое влияние «на широкие слои оппозиционно настроенного общества», «на всякого рода союзы и возникшие с объявлением войны общественные организации». Поэтому секретным циркуляром МВД от 30 октября 1915 г. начальники ГЖУ обязывались «завести широкую осведомительную агентуру» для сбора сведений и освещения деятельности партии Народной свободы.

20–21 октября 1915 г. состоялось областное совещание членов Партии народной свободы, которое одобрило деятельность думской фракции по вопросу о Прогрессивном блоке[8]. К этому времени жандармская агентура выявила принадлежность к губернскому комитету партии А.Г. Елшина, В.А. Кудрявцева, князя В.А. Кугушева, бывшего члена I Государственной думы А. Букейханова, члена Государственной Думы Н.А. Гладыша, издателя газеты «Волжский день» С.А. Елачича и редактора газеты «Волжское слово В.В. Ветрова и отмечала, что ее представителям не удалось «проникнуть в законспирированную группу лиц, входящих в губернский комитет»[9]. На совещании была вынесена резолюция, которая предусматривала вхождение в блок социал-демократами меньшевиками для борьбы с бюрократизмом, а также выдвижение требования «Министерства общественного доверия»[10]. Газету «Волжский день» было решено считать органом партии по всему Поволжью. В ней 24 октября 1915 г. была опубликована заметка «Областное совещание партии Народной свободы», в которой сообщалось о состоявшемся в г. Самаре совещании кадетов. Корреспондент отмечал, что главным вопросом на совещании было «выяснение позиции фракции при внесении прогрессистами предложения об ответственном министерстве и отношение к Прогрессивному блоку». Также указывалось, что совещание признало уклонение фракции кадетов от предложения прогрессистов тактической ошибкой, констатировалось проведение выборов Самарского губернского комитета партии.

Связи с лидерами партии поддерживались посредством переписки. Так, 7 ноября 1916 г. на имя П.Н. Милюкова заместитель председателя Самарского губернского комитета кадетской партии А.Г. Елшин отправил две телеграммы. В одной выражался товарищеский привет и поддержка выступления П. Милюкова на первом заседании открывшейся Думы. В другой говорилось о том, что «продовольственная неурядица дошла до крайних пределов», в г. Самаре «на этой почве произошли пятого ноября уличные беспорядки с

разгромом многих торговых и повреждением некоторых жилых помещений», «в целях предотвращения опасных осложнений Государственной Думе необходимо немедленно взять продовольственное дело в свои руки»[11].

Кадеты придерживались партийных установок, в силу партийной дисциплины ждали указаний сверху и сколь-нибудь активных и самостоятельных действий не предпринимали. Однако представители партии кадетов активно участвовали в общественной деятельности. Они занимали административные должности, что давало им возможность высказывать и пропагандировать свои идеи в среде «интеллигентной» публики, на различных совещаниях, съездах, собраниях. Возможности кадетов по расширению своего электората были ограничены естественной узостью социальной базы, так как средний класс был немногочислен, а число пролетарских и полупролетарских слоев в военное время увеличилось. Новые пролетарии из вчерашних крестьян больше всего тяготели к социалистам-революционерам, выдвигавшим столь притягательные для них лозунги уравнительного перераспределения земли.

В целях недопущения дестабилизации внутриполитической ситуации деятельность политических партий была взята правительством под особый контроль, так как в условиях внешнеполитического конфликта социальная напряженность могла привести страну к негативным последствиям в войне.

Основанием для усиления контроля за социалистическими партиями являлись агентурные сведения, на основании которых в секретном циркуляре МВД от 25 октября 1914 г. сообщалось о том, что германское правительство, в целях «одержания победы» над российскими войсками, предложило российским революционным партиям 3 млн руб. на ведение революционной агитации в войсках. Они должны были «внушать, что правительство оставило семьи нижних чинов на произвол судьбы, в то время как семьи офицеров вполне обеспечены»[12]. МВД обращало внимание ГЖУ на необходимость выявления деятельности

любых групп, отражающих программы революционных партий. Основой для беспокойства властей являлась также возможность оказания на российскую социал-демократию влияния революционеров, проживающих за рубежом. Например, секретным циркуляром от 27 сентября 1916 г. Департамент полиции информировал начальников ГЖУ о том, что видные члены РСДРП, проживающие за границей, сторонники Циммервальдской и Киентальской конференций, прислали в г. Петроград письмо, в котором призывают представителей думской социал-демократической фракции на одном из ближайших заседаний выступить с категорическим заявлением о необходимости незамедлительного заключения мира. Отмечалось также, что сами члены фракции собираются принять участие в порайонных совещаниях в Приволжском районе («не позднее 15-го Октября сего года, в Самаре или Саратове»), в Центральном промышленном, Северном районах и на Кавказе[13].

Особенно власть беспокоила возможность ведения членами партии противоправительственной агитации в действующих войсках. В Циркуляре МВД от 8 сентября 1914 г. особое внимание правоохранительных структур обращалось на выявление возможного воздействия революционных кружков и пацифистских обществ на солдат. Указывалось на возможность агитации раненых в лазаретах путем распространения воззваний и агитационных листков.

Циркулярами МВД руководители местных ГЖУ обязывались установить наблюдение за партийцами и примыкающими к ним, которые могут оказать неблагоприятное для власти влияние на местное общество, содействовать активизации партийной работы. Представители местных структур охраны правопорядка должны были собирать сведения и сообщать коллегам и в вышестоящее ведомство о прибывших и проживающих в городе лицах, высланных из определенного населенного пункта за участие в революционном движении, публикацию запрещенных материалов. Например, Самарское ГЖУ информировало о высылке из Самары осенью 1914 г. А.П. Станкевича и

А.А. Буянова в Енисейскую губернию за участие в публикации материалов агитационного характера. Повышенное «внимание» распространялось и на депутатов-думцев, принадлежащих к оппозиционным партиям. Предписывалось установить на местах наружное наблюдение за такими личностями.

Сбор ГЖУ информации об участниках партийного движения позволял властям пресекать развитие оппозиционной деятельности. Проведение обысков, арестов и последующая высылка активистов за пределы города и губернии предпринимались для «ликвидации» партийных групп. В городах Поволжья в Первую мировую войну данная практика была успешной. Она распространялась, прежде всего, на борьбу с социал-демократией.

В Самарской губернии к началу войны работа социал-демократов сосредоточилась в Самаре на базе «Общества разумных развлечений», выпуска легального журнала «Заря Поволжья». 23 июля 1914 г. на собрании в помещении «Общества» (по данным ГЖУ) «темой собеседования была война»; присутствовавшие, «обвиняя Русское Правительство... допустившее войну», обсуждали, «как бы вызвать среди запасных солдат беспорядки, внушить населению... что война нужна лишь высшим слоям общества и бюрократии и использовать ее для партийных целей». 26 июля 1914 г. в помещении «Общества» и в редакции журнала были произведены обыски, обнаружены запрещенные «Наша рабочая газета» и журнал «Борьба» 27 августа около р. Самарки на квартире было организовано собрание местного комитета эсдеков под руководством В.А. Седенкова. В целях прекращения активной работы эсдеков, журнал «Заря Поволжья», по распоряжению властей был закрыт на период нахождения губернии на положении чрезвычайной охраны, а общество распущено[14].

Начало Первой мировой войны повергло самарских социал-демократов в шок. Свое отношение к ней они определили лишь в октябре 1914 г. Среди них были и «пораженцы», и «интернационалисты», но преобладали

«оборонцы». Согласно сведениям агентуры Самарского ГЖУ от 19 июля 1914 г. по РСДРП, издатель журнала «Заря Поволжья» А.П. Станкевич решил выпустить летучие листки, адресованные запасным солдатам, с призывом к неповиновению и против войны. В результате А.П. Станкевич и С.М. Белов 19 июля 1914 г. были арестованы[15]. Начальник губернского жандармского управления М.И. Познанский сообщал директору Департамента полиции: «Среди самарских социал-демократов в Самаре полное затишье. Большевики, считая себя разгромленными арестами Станкевича, Белова, Буянова и Тура… заняли выжидательную позицию и считают возможным приступить к работе лишь только при неудаче наших военных действий и в зависимости от того, какие мероприятия и какой режим будут введены после войны правительством»[16]. Саратовские большевики, не имевшие в канун войны ни местного руководства, ни связи с центральными органами, в начале войны в большинстве заняли позицию оборончества.

В августе–декабре 1914 г. в Самаре активисты, стоявшие на большевистских позициях, участвовали в деятельности «рабочего комитета» и «интеллигентской группы». В октябре «рабочим комитетом» было выпущено воззвание, в котором война характеризовалась как проявление империалистической политики правящих классов. Большевики пытались организовать работу под прикрытием деятельности культурно-просветительского общества «Наука и жизнь», а меньшевики – общества «Солидарность». Однако деятельность этих обществ административными мерами была пресечена в «зародыше».

Первая «ликвидация» социал-демократической организации в условиях войны в г. Самаре была проведена 13 декабря 1914 г. в связи с получением ГЖУ информации о готовящемся выпуске прокламации против войны. Следующая «ликвидация» состоялась 13 января 1915 г., когда ночью были произведены обыски по 15 адресам и арестован ряд лиц (Я. Андреев, А. Левин, В. Седенков, К. Шехтер, П. Шмелев, А. Булышкин, В. Ротшильд, А. Смирнов,

В. Калинин, В. Романов, П. Шверник, Е. Трубицын). 9 февраля 1915 г. агентура обнаружила 15 экземпляров печатного воззвания Самарского комитета РСДРП по поводу начинающегося 10 февраля разбирательства о членах Государственной думы социал-демократической фракции. Листовки должны были быть разбросаны по городу 10 февраля. В ночь на 10 февраля 1915 г. в г. Самаре были подвергнуты обыску 25 лиц (в том числе С. Груздев, К. Максимов, А. Кичаев, А. Ларцев, Е. Сергеев, В. Смирнов, П. Фирсов, И. Казарин), 4 учреждения, арестованы 6 человек. В результате обысков были обнаружены 290 брошюр (несколько экземпляров слесарь Федоров принес на фабрику Зимина; 55 – отобраны у входа в общество приказчиков; 33 – в обществе строительных работ). Был найден гектограф, выявлено пребывание в г. Самаре Н.К. Торговкина – беглого из Нарымского края, принявшего после ликвидации группы большевиков в декабре 1914 г. на себя «главенствующую роль» в руководстве социал-демократами. В ночь на 13 февраля 1915 г. в Самаре были проведены обыски по 17 адресам и аресты. В правлении профессиональных строительных работ были обнаружены 34 экземпляра «преступных прокламаций»[17]. Губернатору было подано ходатайство о высылке за пределы г. Самары и губернии участников движения – Баранова, Мяги, Шехтера, Беднякова, Ландера, Павлова, Седенкова. Аресты в январе-феврале 1915 г. по сути не оставили от Самарского большевистского комитета ничего.

Очередная ликвидация Самарской организации эсдеков прошла в ночь на 27 апреля 1915 г. По ее итогам сообщалось: «...было ликвидировано несколько лиц, входивших в нарождавшуюся... «социалистическую группу»[18], поставившую целью своей деятельности ведение агитации против текущей войны. В период мая-июня 1915 г. большевики под видом экскурсий организовывали партийные собрания за р. Татьянкой. В августе 1915 г. самарская группа большевиков приняла резолюцию о призыве к стачкам, вооруженному восстанию. В конце 1915 г. – начале 1916 г.

в Самаре насчитывалось около 40 социал-демократов всех оттенков. Оживились они с выборами в рабочую группу Военно-промышленного комитета (ВПК) в августе 1915 г.

Самарская социал-демократическая группа «начала устраивать загородные собрания с целью возобновления подпольной деятельности». В рапорте от 29 августа 1915 г. руководитель Самарского ГЖУ сообщал, что после ликвидации среди местных эсдеков-большевиков оставшиеся на свободе В.И. Ротшильд, М.К. Савельев, Л.Ф. Петрулевич. П.А. Алексеев, В.Б. Сафронов наладили сотрудничество с гласноподнадзорным В.Н. Максимовским, принявшим на себя руководство работами в партии. Они решили приступить к организации кружков на всех предприятиях Самары: на заводах Шерстнева, Игнатьева, фабрике Зимина, у булочников, у портных, на городском трамвае. Сотрудники Управления выяснили, что членами партийной группы была устроена конспиративная квартира у самарского мещанина А.В. Предтеченского, а на берегу р. Волги напротив г. Самары (территории Самарской и Симбирской губерний) проводились собрания для обсуждения партийной работы (19 и 31 июля, 15, 16, 19 и 23 августа), в которых участвовали не более 15 человек. К 26 августа все лица, участвующие в данных мероприятиях, были установлены, и, «дабы положить предел дальнейшей преступной деятельности большевистской организации, намеревавшейся 30 августа воздействовать на рабочую среду на общем собрании рабочих по поводу участия их в военно-промышленных комитетах» и «предотвратить выпуск летучек по поводу войны и досрочного призыва». 27 августа 1915 г. группу «ликвидировали»[19].

Большевики поначалу намеревались бойкотировать выборы в военно-промышленные комитеты. Они агитировали рабочих Трубочного завода, против участия в этих комитетах, наметили создание конспиративного рабочего комитета с целью организации подпольной работы. Но 23 сентября 1915 г. «повернули фронт» на 180 градусов, образовали из интеллигентов (В.В. Куйбышев, А.С. Бубнов и др.) Исполнительный комитет, разделили Самару на два района,

основали 17 кружков. Часть группы во главе с А.В. Гавриленко претендовала на лидерство. Трубочный завод выделялся в самостоятельную единицу, с подчинением инициативной группе через заводской коллектив; на каждом предприятии, входящем в район, следовало избрать выборщика, выборщикам – выбрать представителя от района, а из числа последних – избрать в будущем городской комитет. Другая часть группы в составе Д.С. Челышова, И.С. Романова и других придерживались мнения, что работа должна быть поставлена проще, на основе деятельности в профессиональных союзах, поскольку она позволит привлечь новых членов. Группе А.В. Гавриленко удалось создать на Трубочном заводе 8 рабочих кружков, по 6 человек в каждом, каждая группа избрала по 2 представителя, которые 24 июля 1916 г. на собрании за р. Волгой избрали руководящий городской коллектив. В октябре 1916 г. полиция ликвидировала все их начинания.

Меньшевики преуспели больше: провели в августе 1915 г. Поволжскую конференцию, на выборах в рабочую группу ВПК получили все 12 мест, с августа 1915 г. издавали легальную газету «Наш голос». Саратовские меньшевики, занимавшие оборонческую позицию, вместе с самарскими во время войны создали свою газету «Самарский голос», которая также стояла на оборонческих позициях. В июне 1916 г. почти всех меньшевиков арестовали.

На несколько месяцев в работе социал-демократов вновь наступило полное затишье, но в начале 1916 г. они активизировались. По сведениям агентуры Самарского ГЖУ «центром» Самарской большевистской организации стали Кузьмин, Панов, Теплов, Венцек, Дерябина, Максов, Викснин, Курулов, несколько «латышей». Агент сообщал: «...проявляет ли в настоящее время эта организация какую-либо деятельность помимо агитации не входить рабочим в Военно-Промышленный комитет – неизвестно»[20]. До конца 1917 г. самарские социал-демократы были заняты исключительно поисками виновных.

В Симбирской губернии деятельность социал-демократов в период войны активизировалась в г. Сызрани, несколько представителей проходили по наблюдению в г. Симбирске, ничем себя не проявляя. По наблюдению за социал-демократической партией в г. Сызрани в июле 1914 г. проходили 10 человек, в августе – 9, в сентябре – 8. В Симбирске количество состоящих под наблюдением эсдеков стало увеличиваться с осени 1916 г., среди них была «разношерстная» публика. Симбирская группа поддерживала связь с самарскими эсдеками при помощи переписки, вела агитацию среди рабочих, призывая их протестовать в связи с осуждением членов Государственной Думы социал-демократической фракции. В ноябре 1914 г. агент Симбирского ГЖУ отмечал в отчете по социал-демократической партии: «В кругу местных социал-демократов настроение мирное. Никакой партийной работы не ведется. На эту войну они смотрят как на освобождение от гнета милитаризма. Главная же причина их миролюбивого настроения к правительству та, что они думают, что при ближайшем завершении компании войны, правительство отплатит народу за все его жертвы... должно правительство удовлетворить земельную нужду нашего крестьянства... и даровать амнистию политическим заключенным»[21].

Сообщая о деятельности социал-демократии в Саратовской губернии, начальник Саратовского ГЖУ в рапорте от 21 ноября 1914 г. адресованном начальнику Самарского ГЖУ, указал, что «в г. Саратове социал-демократической организации в настоящее время не имеется», «нет даже и отдельных, серьезных партийных деятелей»[22]. Появление в Саратове ряда активных деятелей партии весной 1915 г. (В.П. Ногин, М.С. Ольминский, М.И. Васильев-Южин), которые установили контакты с саратовскими социал-демократами, оживило революционную агитацию в городе.

Одним из центров революционной работы большевиков было общество содействия внешкольному образованию «Саратовский маяк». Это общество приступило

к работе в начале 1913 г., устраивая для своих членов доклады, лекции, экскурсии, литературно-музыкальные вечера. В планах общества была организация курсов иностранных языков и бухгалтерии. Руководили им представители научной интеллигенции. В 1914 г. состоялось 35 общих собраний, на 27 читали лекции, на которых присутствовало 1715 человек. В обществе насчитывалось 268 членов, из них 85 женщин. В новый состав совета общества «Маяк» прошли два большевика – А.М. Лежава, ставший председателем, и П.А. Лебедев, которые привлекли в общество много рабочих. После переизбрания весной 1915 г. совета общества в нем стали преобладать большевики. Наряду с научно-популярными лекциями там читались и политические: о характере войны, о страховании рабочих, об участии рабочих в военно-промышленном комитете, по аграрно-крестьянскому вопросу и другие. Начальник Саратовского губернского жандармского управления доносил Саратовскому губернатору, что *«наплыв рабочих в "Маяк" изменил его характер. Он стал чисто рабочим учреждением, вместо прежнего литературно-просветительного общества»*[23].

В 1915 г. общество «Саратовский маяк» сняло собственное помещение для собраний на Царицынской улице в доме Горанжиной (ныне ул. Киселева, 65). Здесь имелся небольшой зал на 100 человек. Вместе с «Маяком» там стал нелегально работать Саратовский комитет РСДРП, собиралась редакция издаваемой саратовскими большевиками "»Нашей газеты». Газета выходила недолго, с 8 августа по 20 октября 1915 г. В то время она была единственной в России легальной большевистской газетой. Вышло всего девять номеров, десятый был конфискован, дальнейшее издание запрещено. В издании газеты принимали активное участие М.С. Ольминский, М.И. Васильев-Южин, С.И. Мицкевич и другие большевики. Начав с выпуска газеты тиражом в 2000 экземпляров, вскоре увеличили его в пять раз, ибо «Наша газета» быстро завоевала популярность. Она распространялась не только в Саратове и губернии, но и

далеко за ее пределами. На страницах газеты публиковались статьи с разоблачением империалистического характера войны, об отказе рабочих участвовать в военно-промышленных комитетах, о предательстве социал-шовинистов, о дороговизне и другие. Много места занимали в газете письма рабочих с фабрик и заводов.

Хотя «Наша газета» просуществовала недолго, она способствовала революционному воспитанию трудового люда, подъему рабочего движения.

В марте 1916 г. наиболее активные большевики, официальные редакторы и издатели «Нашей газеты» П.А. Лебедев, В.П. Антонов, Г.И. Оппоков, С.П. Нацаренус и рабочий Курулов, были постановлением особого совещания при Министерстве внутренних дел высланы на разные сроки в Иркутскую губернию. 23 апреля осужденные отправлялись из Саратова на пароходе. На берегу собралось около 150 рабочих, пришедших проводить своих товарищей. Проводы превратились в политическую демонстрацию.

25 августа 1915 г. в здании Саратовской городской управы под председательством члена общества «Саратовский маяк» И.Ф. Платонова прошло собрание в составе 120 человек – членов правления больничных касс профессиональных, просветительных и кооперативных обществ Саратова для обсуждения вопроса о беженцах. Было решено послать телеграмму депутату-думцу Н. Чхеидзе, в которой заявлялось о том, что наплыв беженцев требует введения правил охраны труда (8-часовой рабочий день, запрещение сверхурочных, свободу профсоюзов, рабочих организаций и собраний). 25 августа 1915 г. под председательством помощников присяжных поверенных (эсдеков) Антонова, Оппокова и Лебедева состоялось собрание правления больничных касс г. Саратова по вопросу об организации помощи беженцам. Его посетили около 300 рабочих. В докладе Антонова, в частности, говорилось о необходимости организации рабочего комитета и профессиональных союзов. Был выбран комитет в составе Антонова, Лебедева. Григорьева, Голевицкой, Зайцева и других, выдвигался вопрос о

восьмичасовом рабочем дне. Разгром группы был произведен в ходе «ликвидации» в апреле 1916 г., но к концу года при участии К.И. Плаксина, А.М. Марциновского, Р.Ю. Гульбиса, Т. Сапронова в г. Саратове была образована «инициативная группа», ряд кружков-ячеек на крупных предприятиях города, в мастерских Рязано-Уральской железной дороги.

В.П. Антонов-Саратовский, участник социал-демократического движения в г. Саратове, в воспоминаниях отмечал успешную работу Саратовского ГЖУ по выявлению деятельности эсдеков, сообщая, что жандармерия была «прекрасно осведомлена о наших партийных кличках... и нелегальщиках... и обо всей нашей работе»[24].

Главным препятствием для распространения влияния полических партий на идейные воззрения, социальное настроение и поведение горожан Поволжья были не только запреты на оппозиционную антиправительственную деятельность, но и эффективный контроль за партийными активистами и сочувствующими им лицами. Властные структуры предпринимали действенные меры для изоляции их от общества в случае активизации антиправительственной деятельности. После февральских событий 1917 г. деятельность социал-демократов оживилась, стала легальной, однако не привела к единству меньшевиков и большевиков.

Деятельность партии социалистов-революционеров на территории Самарской, Симбирской и Саратовской губерний была не особенно активной. Она концентрировалась в губернских городах, на территории которых партия была представлена партийными группами или отдельными представителями. В Симбирской губернии в период войны в принадлежности к эсерам подозревалось небольшое количество лиц, которые не вели согласованных действий. Организация эсеров Самары в годы Первой мировой войны насчитывала от 15 до 20 активных членов, которые расходились по всем важнейшим вопросам.

В августе-сентябре 1914 г. самарские эсеры командировали представителей в города Поволжья для налаживания связей с местными деятелями с целью

объединения и созыва Поволжского областного съезда в Саратове для выработки тактики к предстоящему Международному социалистическому конгрессу. В секретном отчете в департамент полиции от 24 октября 1914 г. начальник Самарского ГЖУ в связи с этим отметил, что в г. Самаре сплоченной организации социалистов-революционеров, которая могла бы выбрать на съезд делегата, «не имеется»; указал, что студент Ф.А. Мавринский в ноябре был в г. Петрограде, возможно, для участия в конференции эсеров от 9-ти губерний (вез резолюцию местного комитета)[25]. Самарские эсеры осуществляли сбор денег в пользу ссыльных и содержащихся в тюрьмах лиц.

До конца 1915 г. принадлежащие к партии эсеров и сочувствующие им лица значимой деятельности не проявили. Они отказались от предложения эсдеков – большевиков о совместных действиях, разойдясь во мнениях по принципиальным вопросам. Летом 1915 г. они организовали 6 собраний за р. Волгой, обсуждали позицию в отношении войны и возможные действия. Эсеры решили не бороться против войны в связи с отсутствием ресурсов, хотя и осудили ее; сосредоточиться на практической деятельности (организации рабочих, привлечении их к кружковым занятиям). 4 октября неонародники организовали в лесу за р. Самаркой нелегальное собрание, обсуждали вопрос об участии в работе ВПК. Большинство решило участвовать в его работе. После собрания некоторые народники (С.Г. Арсенов, А.В. Предтеченский, И.Е. Евдокимов и др.) посетили легальное собрание в обществе приказчиков в Городской управе, выступали против участия в ВПК[26].

К концу 1915 г. в состав самарской группы неонародников входили около двух десятков человек. Из них восемь деятелей во главе с Е.Б. Щеголевой придерживались позиции: признать войну; стоять за победу; выступать против участия эсеров в Государственной думе; за участие рабочих в ВПК. Семь человек во главе с Н.А. Бражником в апреле 1916 г. голосовали за «мир без аннексий и контрибуций»; в ВПК участия, безусловно, не принимать, но на собраниях

участвовать и всеми силами стараться проводить свою идею; начать агитацию о выборах неонародников в будущую Государственную Думу. Связи с заграничным центром были случайными, перспективы – туманными, всех их усилий хватило на то, чтобы выпустить считанное число воззваний.

После февральских событий деятельность политических партий, в том числе социалистов-революционеров, стала свободной. Левые партии получили возможность легально заниматься агитацией.

В первые дни Февральской революции 1917 г. Временный Комитет Государственной Думы, определяя направленность своих действий, поставил задачу объединения легальной при старом режиме оппозиции во властные органы на местах. В губернских центрах, получив известие о победе революции, инициативу по созданию новой власти проявили прежде всего городские общественные управления. Для обсуждения событий городские управы созывали совещания гласных, где оглашалась телеграмма о «взятии восстановления государственного и общественного порядка в руки Временного Комитета Государственной Думы» за подписью ее председателя М.В. Родзянко[27]. Здесь же избирались Временные общественные комитеты для выработки экстренных мер по поддержанию порядка и спокойствия. Предполагалось, что эти комитеты будут пополняться представителями различных общественных организаций. В идеале же взаимоотношения с государственной властью должны были отражать общность конечных целей и задач, единство принципов построения и функционирования. При этом базироваться новая организация общества в условиях революции могла лишь по воле народных масс, постоянно опираясь на их инициативу и поддержку. Это создавало предпосылки для формирования революционных потоков, что в условиях войны вовлекало в этот процесс подавляющее большинство населения страны и, прежде всего, солдат тыловых гарнизонов.

Временные комитеты в губернских центрах формировались по инициативе местных общественных

объединений, в то время как центр стремился отстранить их от создания новой администрации. Таким образом закладывалась основа будущих коллизий между властью и обществом на микроуровне, что было опасно в условиях социальной нестабильности. Множественные микроконфликты в период поиска оптимальных путей общественного развития разрастаются в макропроцессы, порождая хаос.

Демократические преобразования в Самаре были полностью поддержаны в частях воинского гарнизона. Известие о свержении самодержавия, несмотря на попытки командования скрыть эту информацию, быстро распространились в казармах. Солдаты стали присоединяться к митингам рабочих, служащих, учащихся города, кое-где арестовывали офицеров. После получения приказа № 1 Петроградского Совета в войсковых частях Самарского гарнизона стали образовываться солдатские комитеты. Совет рабочих депутатов содействовал организации Совета солдатских депутатов, и 7 марта 1917 г. состоялось их первое совместное заседание.[28]

Командный состав Самарского гарнизона, резонно опасаясь потери влияния на нижние чины, предложил создать общий Совет военных депутатов, в котором наряду с солдатами были бы представлены офицеры. Военнослужащие, избранные в Комитет народной власти, стали основой этого Совета. 8 марта состоялось первое совместное заседание солдатских и офицерских депутатов, где присутствовали 44 солдата и 19 офицеров. 9 марта был избран президиум Совета военных депутатов по партийному составу преимущественно эсеро-меньшевистский. Председателем Совета стал прапорщик Филиппов.[29] Руководство военного Совета пыталось ограничить участие солдат в революции рамками представительства в общественных организациях, но удержать их в казармах не удалось. Солдаты часто самовольно уходили из частей, требовали предоставления специальных отпусков на период весенних полевых работ. Эти действия солдат направлялись

большевистскими агитаторами, фракция которых во главе с товарищем председателя Совета М.И. Герасимовым была представлена в Совете военных депутатов. В целом, оперативность, открытость действий Самарского Комитета народной власти, проявившего лояльность ко всем революционным силам, позволила предотвратить в городе погромы и эксцессы в отношении представителей карательных структур старого режима.

В других губернских городах Поволжья либеральные общественные силы были менее оперативны и более осторожны в своей реакции на смену власти в столице. Командующий Казанским военным округом 28 февраля 1917 г. приказал начальникам гарнизонов не допустить разглашения среди солдат известий о победе революции. Саратовский губернатор распорядился 1 марта задержать выпуск газет, напечатавших телеграммы о событиях в Петрограде. Однако саратовские органы общественного управления высказали пожелание информировать население о событиях в Петрограде и послать делегацию к губернатору Тверскому с просьбой не препятствовать разглашению информации. Вечером того же дня на заседании представителей военно-промышленного комитета, университетской администрации, общества приказчиков и торговцев, кооперативов, железной дороги и командования воинского гарнизона было решено пренебречь губернаторским запретом и послать приветствие Временному Комитету Государственной Думы. В Симбирске губернатор даже 3 марта убеждал население не верить «ложным» слухам из столицы.[30] Конечно, скрыть такое явление, как революционный переворот, невозможно. Однако думцы и земцы в этих городах не проявили инициативы раньше, чем на улицы вышли рабочие, солдаты, учащаяся молодежь.

Саратовский Совет рабочих депутатов провел ряд решений по укреплению своего влияния в массах. Он включил в свой состав представителей от воинских частей и с 6 марта стал называться Советом рабочих и солдатских депутатов. Решительные действия Саратовского Совета

в первые дни революции, выделяющие его из общей массы образовывавшихся провинциальных советов, объясняются преобладанием в нем большевиков, лучше организованных, чем меньшевики и эсеры. Кроме того, здесь вполне проявился принцип «кто не успел, тот опоздал». На организационном собрании ОГИК всю ночь со 2 на 3 марта шли дебаты о судьбе представителей царской администрации. В конечном итоге военному комитету было поручено арестовать губернатора, вице-губернатора, полицмейстера, начальника жандармского управления и его помощника, но сделано это было под «унылое брюзжание по поводу «рабочих и военных авантюр». В ответ на это солдаты за ночь вместо пяти арестовали около трехсот «охранников порядка и спокойствия»[31]. Такие действия неуправляемых масс могли перерасти в погромы и кровопролитие, а потому они подталкивали общественно-политические организации к консолидации.

В ходе демократических преобразований в Казани была устранена не только местная царская администрация, но и командование военным округом. Еще 2 марта 1917 г. в политической демонстрации на Театральной площади в Казани наряду с рабочими и студентами приняли участие солдаты, оказавшиеся по разным причинам в центре города. 3 марта командующий округом вынужден был признать Временное правительство и сообщить об этом специальной телеграммой по округу.[32] Однако было уже поздно проявлять лояльность к новой власти со стороны генерала Сандецкого, который скомпрометировал себя поддержкой старого режима в первые дни революции. Казанский гарнизон восстал в ночь с 3 на 4 марта и под руководством Временного военного революционного комитета произвел аресты командующего округом вместе со штабными генералами и наиболее ненавистными офицерами, ранее притеснявшими солдат.[33]

В губернских городах Поволжья, являвшихся средоточием влияния на общественную жизнь провинциальных дворянских фамилий, смена власти после Февральского переворота происходила без особых коллизий и

потрясений. Например, в Пензе одновременно с конституированием губернской администрации 6 марта 1917 г. на общем собрании представителей от солдат и офицеров гарнизона был образован Совет солдатских и офицерских депутатов. В него вошли 33 солдата, 22 офицера, 2 военврача и 2 военных чиновника. 8 марта были избраны председатель Совета прапорщик Ф.Т. Милов и 9 членов бюро, из которых 2 были большевики, а остальные – меньшевики и эсеры.[34] Совет рабочих депутатов сформировался позже. Только 10 марта на митинге в Народном доме было принято решение «о необходимости организовать Пензенский Совет рабочих депутатов, которых следует избирать от всех заводов, фабрик и мастерских». Всего в Совет было послано 100 человек, но его организационное оформление завершилось лишь после объединения с Советом военных депутатов[35].

Формирование солдатских комитетов в частях Симбирского гарнизона осуществлялось всю первую половину марта 1917 г., но зато основательно и организованно. «От каждой роты избиралось по 5 депутатов в ротный комитет и один – в полковой комитет. Депутаты, избранные в полковой комитет, избрали из себя трех депутатов в Совет, трех в бригадный комитет и не менее пяти в полковой».[36] Большинство делегатов, избранных в Совет солдатских депутатов, были представителями эсеров и меньшевиков или им сочувствующими. Такой состав создавал условия для безболезненного объединения рабочего и солдатского Советов, что укрепляло их позиции и обеспечило представительство в общественных комитетах города и губернии.

Необходимо отметить, что «трогательное единение» всех общественных сил было недолгим в поволжских губерниях. Борьба за власть здесь только еще начиналась, а вовлечение в революцию рабочих, солдат и крестьян привело к качественно иной расстановке политических сил в ходе российской революции 1917 г.

В условиях войны солдаты тыловых гарнизонов составили действенную революционно-радикальную силу, непосредственно влиявшую на возможности осуществления мобилизационных мероприятий для дальнейшего продолжения войны. Тыловые армейские гарнизоны стали очагами распространения антивоенных настроений и революционных идей. Провинция «ушла» в революцию – фронт нечем стало подпитывать.

Библиография

[1] Волга. 1916. 3 апреля.

[2] *Баринова Е.П.* Образ власти в сознании дворянства // Известия СНЦ РАН. 2008. Т. 10. № 4. С. 1034–1039.

[3] Саратовский вестник. 1914. 25 октября.

[4] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1877. Л. 75.

[5] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2125. Л. 9–9 об.

[6] *Кабытов П.С.* Крестьянство Поволжья в годы первой мировой войны // Первая мировая война в истории российской нации. Пенза, 2014. С. 52–58.

[7] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья в годы первой мировой войны (1914 – начало 1918 гг.): социальный, экономический, политический аспекты. Самара, 2012. С. 337.

[8] Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара, 2014. С. 221.

[9] Там же. С. 221.

[10] Самарская губерния в годы первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. С. 221-222.

[11] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья... С. 338–339.

[12] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1933 а. Л. 226.

[13] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2211. Л. 34–34 Об.

[14] Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 201.

[15] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1877. Л. 65.

[16] Самарская губерния в годы Первой мировой войны... С. 202.

[17] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1877. Л. 65.

[18] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья... С. 322–323.

[19] Там же. С. 334–336.

[20] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 2029. Л. 5–5 Об.

[21] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья... С. 362–363.

[22] Там же. С. 364.

[23] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9633. Л. 83.

[24] *Антонов-Саратовский В.П.* Саратов в годы империалистической войны (1914–1916 гг.) и «Наша газета» (Из личных воспоминаний) // Пролетарская революция. 1923. № 4 (16). С. 41, 54.

[25] ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1875. Л. 96, 138 Об.

[26] *Семенова Е.Ю.* Мировоззрение городского населения Поволжья... С. 343–345.

[27] ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 1. Д. 676. Л. 1.

[28] Известия Самарского Совета рабочих депутатов. 1917. 11 марта.

[29] *Щелков А.Б.* Власть в Самарской губернии в 1917 году. Самара, 2014. С. 43.

[30] Октябрь в Поволжье. Саратов, 1967. С. 48.

[31] *Кабытова Н.Н.* Власть и общество российской провинции в революции 1917 года. Самара, 2002. С. 32–34.

[32] *Ионенко И.М.* Солдаты тыловых гарнизонов в борьбе за власть Советов. Казань, 1976. С. 34.

[33] Там же. С. 36.

[34] *Захаров Н.С.* Советы Среднего Поволжья в период борьбы за диктатуру пролетариата. Казань, 1977. С. 16.

[35] Там же. С. 17.

[36] За власть Советов в Симбирской губернии. Воспоминания участников Октябрьской революции. Саратов, 1967. С. 106.

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ 1917 Г.

В.В. Кондрашин

В рамках международного проекта «Документальная история Пензенского края» и в связи со 100-летием Первой мировой войны под редакцией автора настоящих тезисов опубликован сборник документов и материалов в двух книгах «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918»[1 2].

Представленные в нем документы региональных и центральных архивов, а также материалы документальной и художественной прозы позволяют на примере Пензенской губернии увидеть жизнь российской деревни в условиях войны и революции 1917 г. В них, как в капле воды, отразилось все многообразие явлений повседневной жизни крестьянства России в рассматриваемый период, а также содержание и реальные результаты государственной аграрной политики.

Документы и материалы сборника убедительно свидетельствуют, что Первая мировая война стала моментом истины для сложившегося в России аграрного строя. Она катализировала в, казалось, уже умиротворенной столыпинской реформой деревне процессы, вылившиеся в 1917 г. в крестьянскую революцию, которая ниспровергла этот строй и помогла утвердиться в России новому политическому режиму.

В данном контексте плачевный для самодержавия итог его многолетних усилий по превращению русского крестьянина в опору режима, а сельского хозяйства – в надежный источник государственного развития контрастирует с успехом сталинского режима в годы Второй

мировой войны, сумевшего при всех негативных издержках его аграрной политики достигнуть указанной цели[3].

Введенные в широкий научный оборот документы сборника, в большинстве своем ранее не известные исследователям, подтвердили, дополнили и конкретизировали суждения по данной проблеме одного из крупнейших историков-аграрников России – А.М. Анфимова[4]. Тем самым они в очередной раз доказали выдающийся вклад в изучение аграрной истории России поколения советских историков-шестидесятников (В.П. Данилова, Л.В. Милова, Н.Я. Гущина, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого и др.), к числу которых принадлежал и А.М. Анфимов.

Тезисно изложим основные выводы по указанной теме. Они не претендуют на бесспорность и категоричность, поскольку основаны на результатах анализа ситуации в годы Первой мировой войны лишь в одной из аграрных губерний Российской империи. Но, поскольку Пензенская губерния являлась типичным аграрным регионом Европейской России, то происходившие там в рассматриваемый период процессы во многом совпадали с аналогичными им за ее пределами, по крайней мере в Центральном Черноземном районе и Поволжье. Как известно, именно они в 1917 г. стали эпицентром крестьянской общинной революции, а в годы Гражданской войны – одним из очагов мощнейших крестьянских восстаний против политики большевиков[5].

Документы сборника свидетельствуют, что пензенская деревня, ее людской и производственный потенциал были не готовы на длительную, затяжную войну. Накануне войны ее положение было недостаточно устойчивым с точки зрения сохранения уровня сельскохозяйственного производства и приемлемого уровня жизни основной массы сельского населения.

Как и повсюду, пензенская деревня встретила начало войны с осознанием ее необходимости и справедливого характера. Крестьяне безропотно шли на военную службу, активно участвовали в благотворительных акциях, активно

посещали церковь и в целом добросовестно выполняли различные повинности, связанные с военным временем.

В начальный период войны их патриотизм основывался и на активных действиях власти и общественных организаций по оказанию помощи семьям фронтовиков, раненым и больным воинам.

В 1915 г. спокойствие деревни во многом было обеспечено очень хорошим урожаем в силу благоприятных климатических условий. Он смягчил ситуацию с продовольственным обеспечением, фуражом для скота и семенами в беднейшей части сельского населения, особенно в семьях фронтовиков. Также они получили определенную помощь в уборке урожая от государства, церкви и общественных организаций. Особенно активно в этом направлении сработали земства и православные монастыри.

Но в 1915 г. уже в полной мере сказалось негативное влияние войны на деревню. Оно проявилось в нехватке рабочих рук, росте цен на предметы первой необходимости, спекуляции ими, распространении самогоноварения и пьянства в крестьянской среде. Ситуация усугубилась появлением в Пензенской губернии десятков тысяч беженцев, ставших носителями инфекционных болезней, потребовавших продовольственные ресурсы на их содержание.

Еще одним негативным фактором в указанный период стали государственные закупки хлеба и скота. Они вызвали недовольство деревни из-за низких закупочных цен.

В 1916 г. негативные тенденции прошедшего усиливаются. Для большинства крестьянских семей главной проблемой становится нехватка рабочих рук. К этому времени пензенская деревня лишилась 48% трудоспособных мужчин, ушедших на фронт. Крупные частные хозяйства помещиков и кулаков частично решили эту проблему за счет использования труда военнопленных, число которых в губернии колебалось от 5 до 10 тыс. чел.

Но такой возможности были лишены семьи фронтовиков и солдатские вдовы. Они оказались в самом

трудном положении, хотя и получали государственные пособия, а землю у них обрабатывали специально созданные кооперативы, в том числе из военнопленных-славян, учащихся пензенских гимназий и др. Но эта помощь охватывала не всех и оказывалась фрагментарно. В результате многие семьи фронтовиков и большинство вдов попали в кабалу к богатому соседу-кулаку.

В 1916 г. из-за растущего дефицита хлеба и мяса на фронте и в крупных городах на деревню резко усиливается налоговый пресс. Устанавливается хлебная монополия, проводится принудительная разверстка хлеба и скота. Изученные документы показывают, что эти и другие повинности крайне негативно сказываются на крестьянском хозяйстве и материальном положении значительной массы крестьян, особенно семей фронтовиков. У неплательщиков забирают излишки хлеба, скот (в том числе коров). Но ситуация с обеспечением продовольствием, в том числе губернского центра г. Пензы, не улучшается, а, наоборот, ухудшается.

Осенью 1916 г., по единодушному мнению земств, выраженному на уездных земских съездах, главной причиной хлебного кризиса были ножницы цен на хлеб и промышленные товары. Аграрная политика самодержавия подрывала интерес крестьян к государственным поставкам. Кроме того, сама деревня уже была истощена многолетней войной и не имела достаточного количества излишков, чтобы обеспечить государственные потребности. Отсюда нежелание крестьян продавать хлеб и скот за бесценок государственным агентам, их «саботаж» закупок, факты нарушений хлебной монополии на рынках и т.д. Губернская власть активно боролась с ними, нередко используя при этом методы, в дальнейшем получившие широкое распространение в антикрестьянской политике «военного коммунизма» большевиков.

Судя по документам сборника, к 1917 г. в пензенской деревне уже созрел очаг недовольства. Она устала от войны. Ее людские силы и производственный потенциал были

ослаблены. Беднейшие слои голодали. При этом на их фоне сохраняли свои показатели крупные частные хозяйства и кулаки.

Февральская революция 1917 г. взорвала деревню. Свержение самодержавия было воспринято подавляющим большинством крестьян как сигнал к окончанию войны и решению земельного вопроса. Ситуацию разогрели и многочисленные революционные агитаторы, получившие возможность легально работать в деревне.

В результате в апреле – мае 1917 г. в Пензенской губернии состоялись два губернских крестьянских съезда, постановивших ликвидировать частную собственность на землю и провести в губернии «черный передел» всех земель сельскохозяйственного назначения по «трудовой норме».

На фоне действия новых органов революционной власти (исполнительных бюро комиссариатов, советов солдатских и рабочих депутатов и т.п.) решения съездов воспринялись в деревне как сигнал к законному захвату земли. И они начались и продолжались в губернии весь 1917 г. Поделать с ними власть ничего не могла, поскольку не имела для этого сил. Вся сила была у крестьян, которые опирались не только на свою активность, но и на поддержку солдат Пензенского гарнизона, в большинстве своем состоявших из крестьян. А это была единственная реальная сила в губернии, способная остановить крестьянскую стихию.

В 1917 г. жертвами крестьянской революции стали не только дворяне-помещики, но и «столыпинские крестьяне». Земли хуторян и отрубщиков были захвачены, хозяйства разорены, несмотря на их протесты и попытки к сопротивлению. Оправдывались эти акты корыстным поведением «столыпинских крестьян» в годы войны, сохранивших свои хозяйства, в то время как тысячи их односельчан, семейств фронтовиков, обнищало и работало на них.

Таков был итог столыпинской аграрной реформы в пензенской деревне.

Мощным катализатором «аграрных беспорядков» в 1917 г. в губернии стали солдаты и матросы фронтовики. Именно они придали им особый размах и бескомпромиссность. Они вернулись с войны с оружием. Важнейшим мотивом решительных действий фронтовиков против помещиков и зажиточных крестьян было осознание постигшей их семьи несправедливости. Они воевали, а семьи голодали и гнули спину на богатого соседа, который, к тому же, вместе с сыновьями, нередко, откупился от мобилизации. Кроме того, сама война изменила их психику. Отсюда многочисленные инциденты физического насилия над жертвами крестьянского гнева и даже их убийства.

К осени 1917 г. пензенская деревня фактически перестала выполнять государственные повинности. Были сорваны закупки хлеба и скота для нужд армии, поставки продуктов для городского населения губернии. У губернской власти, подчинявшейся Временному правительству, не было сил изменить ситуацию. Милиция была малочисленна, солдаты распропагандированы и революционизированы.

Крестьянскую вольницу всячески стимулировали большевики, сосредоточенные в Пензенском Совете солдатских и офицерских депутатов. Они приветствовали крестьянские самозахваты. Поставив под контроль воинские соединения, дислоцированные на территории губернии, они не допустили вооруженного подавления «аграрных беспорядков». В самой деревне их представители активно участвовали в них и, нередко, организовывали. Их поддержка солдатами и крестьянами основывалась на лозунгах большевиков о немедленном мире и передаче земли крестьянам. В условиях слабости власти никакие призывы к законности, Учредительному собранию и т.п. уже не действовали на крестьян.

Таким образом, в 1917 г. в пензенской деревне произошла аграрно-крестьянская общинная революция. Крестьяне захватили частновладельческие земли, установили в деревне свою власть в лице крестьянских комитетов. В условиях нараставшего продовольственного кризиса и

голода в стране они прекратили выполнение государственных повинностей. В деревню вернулись солдаты Первой мировой войны. Они делили захваченную землю и жили по законам новой России.

Но это была «пиррова победа» пензенской деревни. И события 1918 г., и Гражданская война засвидетельствуют ее. Пензенской деревне, как и всей российской, придется заплатить большую цену за 1917 г. и торжество их общинных идеалов[6].

Библиография

[1] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В.В. Кондрашин. Прага, 2014.

[2] Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: в 2 кн. Кн. 2: 1917 – март 1918 / отв. сост. В.В. Кондрашин. Прага, 2014.

[3] *Вылцан М.А., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства // Война и общество, 1941–1945: в 2 кн. / отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2004. Кн. 2. С. 50–77.

[4] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.). М., 1962 и др.

[5] *Кондрашин В.В.* Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма. М., 2009 и др.

[6] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 83–86.

РЕАКЦИЯ РАЗНЫХ ИЗМЕРЕНИЙ РУССКОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ НА ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

А.В. Костров

Первая мировая война стала рубежной не только для мировой истории, но и для русской крестьянской цивилизации. Смена геополитических эпох и переход от Венского к Версальско-Вашинтонгскому глобальному балансу сил заставляли меняться мир и Россию как его часть. Еще до этой глобальной дестабилизации Россия, которая в силу своего континентального положения с невысокими темпами вращения капитала и как следствие – нарастающим отставанием от индустриальных стран Европы в экономической, технологической и военной сферах, встала на путь модернизации[1].

По большому счету, империя представляла собой традиционное общество со своими цивилизационными устоями, которое стало на путь модернизации и обрело все его положительные и отрицательные следствия. Сложность этого большого имперского социально-культурного пространства позволяет говорить о наличие в нем целого ряда обществ, которые, конечно, имели связывающие коммуникации, но занимали свое особое стратиграфическое или региональное место и воспроизводили свои культуры с присущими для них специфическими мировоззрениями. Текущая слабо управляемая модернизация не упрощала это сословное и региональное многообразие, а скорее умножала его противоречия. Терпимые в мирное время, эти противоречия в условиях войны стали приобретать особую остроту и постепенно привели к всемерной сегментации этого полипространства.

Первая мировая война со всей очевидностью показала, чем для мира будет XX в.[2] Это будет век мировых войн, войн

интегрированных обществ и технологичных индустриальных экономик. Технологический экономизм грядущего века выражался в использовании новых видов вооружений. Наличие авиации, бронетехники, автоматического стрелкового оружия и, наконец, оружия массового поражения (в виде химических боеприпасов) меняли не только поле боя. Все это заставляло меняться экономики, социумы и их культуры. Не прошедшие технологичную модернизации оказались перед необходимостью ее форсированного проведения, в том числе, за счет слома традиционализма и освобождения сдерживаемых им потенциалов. И горнило войны не только формулировало такую потребность, оно стало одним из основных инструментов разрушения традиционным империй и деформации традиционалистского мировоззрения их населения. Война стала проявлением и символом новой эпохи. Все социально-экономические, культурные и политические противоречия, которые копились до нее в сложно модернизирующемся обществе, приобрели критическую массу и получили расхожий обобщающий маркер «империализм». А сама война, под ее проигранный занавес, стала все чаще именоваться как «империалистическая».

Мировая война стала проверкой на прочность всех систем Российской империи. Наряду с дворянским в социальном своем измерении государством, эту проверку испытал на себе и многомиллионный крестьянский мир, который не только составлял большую часть реального общественного тела России того времени, но и представлял собой сложную крестьянскую цивилизацию со множеством своих измерений. Все эти измерения были органично связаны между собой, но в меняющихся условиях довоенного и особенно экстремального военного периода, каждое из них давало свою реакцию на происходящее и играло свою роль в разрушительных или созидательных процессах переходного периода. Наряду с региональным, хозяйственным, культурным, политическим и другими, очень важными измерениями русского крестьянства были социальное,

национальное и конфессиональное. Все эти параметры во взаимодействии между собой и действительностью сформировали характер, динамику и общие направления развития социальной психологии крестьян в период Великой войны.

Социально русское крестьянство было не только сословным, но и глубоко традиционалистским сообществом, которое в силу географических и, как следствие, исторических причин развивалось в рамках континентального аграрно-военного архетипа. Континентальная аграрность не только сформировала устойчивый хозяйственно-социальный коллективизм, но и диктовала выраженный местный почвеннический региональный патриотизм. В рамках его установок общий государственный патриотизм, в том числе культивируемый через государственную церковь, признается и почитается, но однозначно проигрывает местному патриотизму, предполагающему защиту своего конкретного пространства-микромира, в котором крестьянин живет и трудится. И если ценностями официального государственного патриотизма были «Вера, Царь и Отечество» (официальное православие, монархическое государство и 1/6 суши), то ценностями местного патриотизма выступали более близкие и конкретные *земля*, *семья* и *община*. Поэтому «военность» крестьянина, как и его воинственность, определялась решительной готовностью защищать свое конкретное жизненное пространство от претендующего на него врага. Высокий уровень подобного местного патриотизма был обусловлен высокой степенью сохранности натурального хозяйства как основы крестьянской цивилизации.

Воинская повинность часто воспринималась крестьянами как одна из «даней многих» и подвергалась гораздо меньшей героизации, чем, например, у казаков или у городского населения, в большей мере включенного в развивающиеся государственные информационные и другие системы. И если для тех же казаков служба государю (государству) была основной обеспеченной сословной функцией, что вело к ее героизации и к однозначно

положительному восприятию в рамках опять же сословной субкультуры, то для крестьян уход молодых мужчин в армию воспринимался как временная потеря работника, члена семьи и общины.

Эта разница сословных отношений к службе довольно ярко проявилась в фольклоре как казаков, так и крестьян. И если казак с детства слышал сказки и песни о задорной службе и о смерти в бою как неизбежном героическом акте, то в крестьянском фольклоре солдат предстает особой социальной группой, которую военный героизм и тем более смерть в бою практически не касается[3].

В итоге, примат местного патриотизма над патриотизмом общегосударственным привел к тому, что, несмотря на все попытки придать проигрывающейся Первой мировой войне характер *Отечественной*, крестьянский мир не только не развивал, но и наоборот – стал сворачивать свое участие в ней. Ведь эта затянувшаяся война в основном шла не на территории Центральной России или других русских территорий, как то было с действительно Отечественными войнами 1812 г. и 1941–1945 гг. Польский, Галицкий или Закавказский театры военных действий могли осознаваться как важные представителями дворян, казаков или частью городских обывателей. Однако для крестьян это была не своя земля, за которую приходилось проливать кровь.

В итоге Отечественной войны не получилось. Однако, когда такая своеобразная фаза Мировой войны как интервенция поглотила практически все окраины империи и составила серьезную угрозу Великороссии, – русские крестьяне стали переходить на сторону большевиков, которые организовали защиту центра страны не только от белых армий, но и от иностранных армий.

Чуть позже это движение наберет силу на менее населенных и более сложных с точки зрения этноконфессионального фактора территориях бывшей Российской империи[4]. Можно предположить, что если бы белые не использовали относительно широкую поддержку интервентов, то большая часть местного населения разных

территорий не отвернулась бы от них и не сделала такого поворота в сторону красных. Потому что иностранный военный на своей земле местным населением неизбежно начинает восприниматься как оккупант. Тем более, что сами иностранные военные, как правило, делают все, чтобы к ним относились как к оккупантам.

Интересным источником в данном контексте предстает кинохроника. В нашем распоряжении имеются съемки, сделанные операторами французских войск на территории Сибири в 1919 г.[5] Характерно, что в отснятом материале в основном имеются виды Транссибирской железнодорожной магистрали и панорамы сибирских городов (Новониколаевска, Омска, Барнаула, Иркутска, Владивостока и др.). Вместе с тем, из почти сорока минут съемок, вошедших в фильм, видам сибирской деревни посвящено меньше минуты. Это две панорамы одной деревни, снятые с одной точки. С одной стороны, это может говорить о том, что французского военного оператора прежде всего интересовали стратегические объекты. Но, с другой стороны, такая маленькая доля видов деревни в деревенской Сибири (при всей любви грамотных французов к этнографии) может говорить и о том, что деревню белые не контролировали, и интервенты там появляться опасались. Характерно при этом, что на фоне внешнего благополучия сибирских городов перед объективом французских кинокамер, в один из двух деревенских видов попал порушенный деревенский дом, находящийся возле моста через реку. Не исключено, что его использовали разные стороны конфликта для контроля переправы во время столкновений в этой сельской местности.

Данные из других, в том числе архивных и мемуарных источников, подтверждают тот факт, что если города белые администрации и интервенты какое-то время могли контролировать, то обеспечить контроль над деревней они были не в состоянии. Например, об этом говорится в отчете руководителя информационного отдела белой администрации Иркутска[6], в мемуарах Главного старообрядческого священника армии Колчака[7] и во многих других источниках.

Наряду с социальным измерением, русское крестьянство, которое в ту пору чаще маркировали как «православное», имело свое этническое измерение. Попытка обобщить довольно сложное этническое поле конфессиональным понятием внешне упрощала ситуацию, но не всегда давала положительный результат.

Русские складывались на основе доминирующих великороссов, которые, для создания более мощного европейского имперского пространства, должны были объединиться с малороссами и белорусами. В дореволюционной историографии это сообщество народов чаще всего и называли русскими.

Модернизация западных регионов империи, появление национальной буржуазии и как следствие – национальной интеллигенции неизбежно вели к росту национального самосознания у украинской и белоруской части населения. Сами великороссы, заложившие культурные основы создания русского имперского суперэтноса, начиная с XVII в. вынуждены были отказаться от своей этноцентричной культуры и перейти к более открытой культуре и либеральному православию. Этноцентрично ориентированная часть великороссов составила старообрядчество, которое продолжало и в начале XX столетия сохранять национальные стереотипы идентификации и поведения, характерные для национальности, а не для суперэтноса. Русские же великороссы в ходе своего исторического развития, наряду с сохранением внутринациональных старообрядческих анклавов и развитием родственных украинских и белорусских национальностей, со временем обрели большое количество региональных вариантов. Межэтническая миксация в разных регионах заметно обогащала и, вместе с тем, усложняла культурное поле русских великороссов. В итоге, русский крестьянский мир оказался крайне многообразным и слабо подверженным этнической самоорганизации даже в экстремальных условиях войны.

Отдельно стоит отметить отличия в идентификации русских разных сословий. Так, русских дворян

в определенном смысле слова можно назвать этноконфессиональной группой в составе русского суперэтноса. Сложная история формирования и характер развития культуры этой аристократической относительно закрытой группы привело к специфической форме самоидентификации. Дворяне именно себя считали русскими, составляющими русское общество. Это дворяноцентричное самоопределение было характерным для аристократической группы в сословном обществе. Однако в масштабах империи и оно усложнялось региональным и национальным фактором. Представители других национальностей, вливаясь в русское дворянство, начинали считать себя русскими, нередко сохраняя при этом элементы своей первичной этнической идентификации.

Так или иначе, но русскость дворянина и русскость крестьянина были не одним и тем же. Между ними, безусловно, имелись важные коммуникативные связи в виде объединяющего языка, православия и других общих элементов культуры. Однако характер и интенсивность этих культурных национальных связей не позволили объединить крестьянина и дворянина как нацию в окопах Первой мировой. А в условиях многонациональной империи и осуществления призыва представителей разных национальностей в армию этнический вопрос, непросто решаемый даже среди русских, становился еще более сложным.

В итоге, сложное этническое измерение русского крестьянства не позволило национальному мировоззрению выполнить интегративную функцию для достижения единства в условиях военной необходимости[8].

Другим сложным измерением русской крестьянской цивилизации был конфессиональный фактор. Принятая в дореволюционной России традиция маркировать большую часть подданных «православными» имела вполне логичный прагматический смысл. Во-первых, церковь, выполняющая функции идеологического аппарата государства, культивировала относительно единое информационно-

культурное поле и оказывала определяющее влияние на процесс политической социализации населения. Во-вторых, включение в «православные» представителей нерусских и неславянских народов, принявших крещение в православной церкви, со временем позволяло включить их в имперский русский суперэтнос. Однако и в этом вопросе сложность и многообразие пространства страны не предполагала простоты.

В период перехода от этноцентричной великорусской православной идеологии «Москва – Третий Рим, а четвертому не бывать» к универсальной русской православной идеологии, в российском обществе произошел раскол. Часто раскол церкви и общества, произошедший как реакция на реформы патриарха Никона и царя Алексея Михайловича считают частным сюжетом отечественной истории. Однако сложные процессы, приведшие к реформам и к расколу русского православия на этноцентричный ортодоксальный традиционализм и универсальный либеральный религиозный этатизм, имели глубокие причины и серьезные следствия. Дело в том, что при всех неоднократных попытках преодоления произошедшего раскола, православная часть российского общества, как его несущая конфессиональная конструкция, и в начале XX в. оставалась расколотой.

Старообрядчество в своем развитии проявило национальный великорусский архетип. При этом, к важным его параметрам можно отнести антиимперскость, ибо в рамках массового народного (в том числе крестьянского) протеста против становления имперских основ в культуре и управлении оно в свое время оформилось.

Несмотря на неизбежно имперскую судьбу великороссов и русских, обусловленную географией с обязательным включением в свою сферу Малороссии, Белоруссии, а также больших восточных и южных не славянских пространств, часть великороссов пошла по пути, продиктованному национальной религиозной идеологией, а не суперэтничными идеологическими установками[9]. Видимо, это было естественно и неизбежно. Но парадокс в том, что

именно великороссы, а позже старообрядцы во многом составили основу русского архетипа. Сами же они при этом и в начале XX в. в большинстве своем продолжали отрицать или негативно относиться и к русскому суперэтносу и к империи.

На этот раскол в русском православном мире, как и на этот парадокс, можно было бы не обращать никакого внимания, если бы не тот факт, что старообрядцы составляли не только заметную часть русского (великорусской его части) крестьянства, но и национального русского торгово-промышленного класса, практически полностью вышедшего из крестьянской среды. Место и роль старообрядцев в экономике, культуре и политике Российской империи начала XX в. вообще и военного периода в частности описаны и исследованы достаточно подробно[10]. Мы же в данной исследовательской ситуации указываем на то, что и в окопах Первой мировой русский крестьянский мир конфессионально оставался расколотым, а значит не единым[11]. При этом в состоянии конфессиональной дистанцированности (раскола) оставалась та его часть, которая играла заметную роль не только в аграрной, торговой или промышленной сферах жизни общества, но и которая во многом лежала в основе представлений национального архетипа.

Если прибавить к этому расколу проблему специфики православной идентификации русского дворянства, а также общую проблему поликонфессиональности российского общества, станет понятно, что крестьянский мир, собранный с просторов 1/6 суши в окопы мировой войны, не мог показать серьезный уровень конфессиональной интеграции и был разрознен между собой и дистанцирован от других социальных групп (особенно дворян) населения империи. Вместе с тем, социальные группы, которые еще до войны прошли урбанистическую политическую социализацию (начиная с опыта Первой русской революции) и нащупали основные пути возможного развития общества, настойчиво предлагали себя в качестве агентов политической социализации для крестьян. Это разночинцы и промышленный пролетариат с одной

стороны (чаще всего с левой) и предприниматели с другой (чаще всего с правоцентристской).

Можно сказать, что большую роль в истории Отечества нашего сыграло крестьянское мировоззрение, которое в ответ на внутренние противоречия, обостренные Первой мировой войной и внешние вызовы, через нее проявившиеся, разродилось сложными процессами в политическом сознании. Традиционные мировоззренческие схемы в виде сословного, этнического и конфессионального мировоззрения при жестком входе в новую эпоху переставали срабатывать и давать необходимую степень интеграции сообщества. В то время как необходимость общественной консолидации на фоне усиливающейся разрухи чувствовалась все сильнее. В итоге, в среде русского крестьянства в условиях войны стало стихийно (а потом и управляемо) развиваться светское политическое мировоззрение с попытками формирования гражданской формы идентификации.

То есть, условия мирового конфликта с долговременным отрывом миллионов крестьян от традиционной среды существования стали важным актом политической социализации, которая привела к мировоззренческой революции и политической активизации массовой «крестьяно-солдатской» части общества. Традиция, ситуация и влияние в своем меняющемся соотношении сыграли свою роль.

В итоге, довоенное раздражение от капитализма и либерализма через шок Первой мировой войны, обострившй это раздражение до крайне болезненного, привел к переходу в рамках массового крестьянского мировоззрения от традиционного православного (и иного) консерватизма к социализму. Об характере и основных тенденциях этого текущего перехода говорят результаты выборов в Учредительное собрание, на которых более 80% населения (большая часть из которых крестьяне) проголосовала за левые партии.

Можно сказать, что пройдя довоенную модернизацию и Первую мировую войну, крестьянский мир России сознательно сделал свой левый выбор для развития в XX в.

Библиография

[1] *Костров А.В.* Проблема переходных периодов отечественной и мировой истории // 1917 год в отечественной и мировой истории: материалы междунар. конф. Красноярск, 2007. С. 71–78.

[2] *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004.

[3] Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1991.

[4] *Карпенко С.В.* Очерки истории белого движения на юге России (1917–1920 гг.). М., 2002. С. 78–94.

[5] Виды Сибири. 1919 г. Кинохроника. Французский альянс в России. Черно-белый. 40 мин.

[6] Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. Р-2, Оп. 1. Д. 192. ЛЛ. 48–50.

[7] *Кудрин И.* Жизнеописание священника и отца семейства (Памятка в назидание потомству). Барнаул, 2006.

[8] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 75.

[9] *Костров А.В.* Старообрядчество как часть русского этноса // Русский вопрос: история и современность: материалы VI междунар. научно-практич. конф. Омск, 2007. С. 346–347.

[10] *Бурышкин П.А.* Москва купеческая. М., 1991.

[11] *Шахназаров О.* Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72–97.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, «АГРАРНЫЙ КРИЗИС» И КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА: К ВОПРОСУ О ПРЕДПОСЫЛКАХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

И.А. Кузнецов

Прим. ред.: *из текста статьи по техническим причинам исключены иллюстративные материалы (диаграммы и таблицы) автора*

С тех пор как исходная большевистская теория, гласившая, что Мировая война есть проявление общего кризиса капитализма и пролог Мировой социалистической революции, стала очевидным образом неадекватна, в отечественной историографии не прекращаются дискуссии о значении Первой мировой войны для нашей национальной истории, в особенности о ее значении для революции 1917 г.

Хронологически война явилась прологом Русской революции. Однако место этой войны в структуре предпосылок революции видится различно. Борются две точки зрения: 1) война не сыграла большой роли, так как предпосылки зрели задолго до нее и независимо от нее, 2) война имела определяющее значение, поскольку довоенная эволюция успешно решала внутренние проблемы страны, уводила Россию от революции, война же сломала тренд, отбросила страну назад.

Первая точка зрения не отрицает роль войны как катализатора революции, но в целом из нее следует, что революция была бы и без войны, вторая позиция скорее отрицает это утверждение.

Дискуссия имеет специфический аспект в аграрной историографии: сторонники первой позиции указывают на «аграрный кризис» как главную предпосылку аграрной революции (социализации земли, «общинной революции») и

гражданской войны, поскольку главной движущей силой этих событий выступало крестьянство. Их оппоненты все чаще отрицают само наличие «аграрного кризиса» до революции.

В современной российской историографии, заметно опростившейся со времени расставания с марксизмом, дискуссия примитивизируется, и сторонники второй точки зрения подчас излагают ее таким образом, что до войны в России было все хорошо, и лишь война впервые создала реальные проблемы.

Данная статья обращается к аграрно-экономическому аспекту темы. Мой тезис состоит в том, что ключевое значение для понимания процессов развития сельского хозяйства и благосостояния крестьян до войны и во время ее имеет анализ эволюции рынка.

К началу войны Россия, по меркам Западной Европы и США, была страной с отсталым, автократическим политическим устройством и слаборазвитой экономикой, в которой преобладало сельское хозяйство, основанное на крестьянском хозяйстве, то есть хозяйстве мелком, семейном и не ориентированном на товарное производство. Однако страна бурно прогрессировала. С 1890-х гг. шла индустриализация. Железнодорожное строительство стягивало территорию России в единое экономическое пространство и включало его в активно формирующийся мировой рынок. Наука, искусство, высшее образование выходили на европейский уровень. Революция 1905 г. ослабила авторитаризм и легализовала процессы формирования свободного политического пространства. Аграрная реформа 1906 г. стимулировала создание частной собственности на землю у крестьян и единого земельного рынка. Сословная структура общества размывалась, реальный социальный статус российского поданного все меньше зависел от сословной принадлежности. Таким образом, в XX в. страна вступала, эволюционируя по европейскому («капиталистическому») пути – в сторону рынка, права и гражданского общества.

Факт рыночной трансформации пореформенного сельского хозяйства, кажется, не подвергается сомнению в литературе. В развитии аграрного рынка можно выделить 2 аспекта: 1) связь с внешним рынком и 2) специализация регионов на производстве различных сельскохозяйственных продуктов. Оба эти процесса шли по нарастающей.

На мировом рынке Россия выступала, прежде всего, как крупный экспортер зерна. Экспорт зерновых, если взять среднегодовой объем вывоза всех учтенных статистикой культур (пшеница с мукой, рожь с мукой, ячмень, овес, кукуруза, горох, гречиха, просо, фасоль, бобы и чечевица), за период с 1885–1889 до 1909–1913 гг. вырос на 73%: с 396 401 тыс. пудов до 683 929 тыс. (подсчитано мной – *И.К.*)[1].

Одновременно Россия являлась импортером сельскохозяйственных машин, орудий и удобрений. Статистика ввоза сельскохозяйственных машин в Россию с конца 1890-х гг. демонстрирует резкий рост... Статистика ввоза искусственных удобрений (в основном из Германии) показывает бурный рост в период столыпинской реформы...

Почему конец XIX – начало XX вв. ознаменовались таким ростом импорта? Дело в том, что последняя четверть XIX в. прошла под знаком мирового аграрного кризиса, когда цены на зерно падали[2]. Влияние кризиса на сельское хозяйство России остается недостаточно изученным, но, несомненно, оно было угнетающим[3]. Выход из кризиса начался во второй половине 1890-х гг., его стимулировал общий рост мировых цен на зерно и внутренний фактор – промышленный подъем в России. Поэтому с конца XIX в. наше зерновое хозяйство становится более доходным, в него потек капитал, и не случайно, что именно с этого времени статистика показывает рост применения сельхозмашин: и их импорт, и внутреннее производство возрастали синхронно...

Таким образом, развитие сельского хозяйства пореформенной России не было линейным, оно было подвержено колебаниям мирового рынка. Но аграрный кризис был преодолен, и Первую мировую войну сельское хозяйство встретило в фазе растущей конъюнктуры.

Внутренний рынок означал региональную специализацию. Губернии России делились на хлебопроизводящие и хлебопотребляющие. С течением времени специализация углублялась. О состоянии этого процесса накануне войны можно судить по подсчетам балансов ввоза и вывоза 4-х основных хлебов по губерниям, составленным А.Н. Челинцевым. Аналогичные подсчеты были сделаны им и по незерновым продуктам сельского хозяйства: скоту, молоку, маслу, мясу, яйцам, птице, шерсти, капусте, огурцам, луку, яблокам, некоторым фруктам, табаку, пеньке, масличным семенам, сахару, крахмалу и др.[4] География избытков и недостатков этих продуктов не просто рисует картину аграрного рынка, но наглядно демонстрирует взаимосвязь и взаимозависимость регионов России.

Таким образом, перед войной экономический организм России мог нормально функционировать только при постоянном обмене между ее частями, который обеспечивался работой путей сообщения, прежде всего железных дорог, и кредитно-денежной системой государства. И сельское хозяйство было неотъемлемой частью этого организма.

Однако проблема в том, что развитие рыночных отношений не означает автоматического успеха для всех хозяйств. Прогресс сельского хозяйства не был всеобщим и повсеместным. Под воздействием рынка хозяйства, как крестьянские, так и помещичьи, дифференцировались. Выделялся слой тех, кто входил в рынок и интенсифицировался, укрупнял производство, осваивал новые агротехнологии, новые отрасли сельского хозяйства, переработку и т.д. Те, кто этого не делал, теряли позиции. Помещики разорялись и продавали землю. Крестьяне либо превращались в наемных сельскохозяйственных рабочих; либо вовсе выбывали из сферы аграрного производства, уходя в город, в другие отрасли; либо оставались в сфере сельхозпроизводства, сохраняя натурально-потребительский строй хозяйства с традиционной технологией.

Эти процессы, во-первых, шли медленно, постепенно, молекулярно, во многом не осознавались самими крестьянами, которые могли уже наполовину и более быть в «отходе», в городе, но душой еще жили в деревне и мечтали о доходном хозяйстве на своей земле. Во-вторых, дифференциация имела ярко выраженный региональный аспект.

Рыночная трансформация шла более активно и успешно в регионах экспортно-ориентированного зернового хозяйства (юг, юго-восток), и регионах интенсивного многоотраслевого хозяйства (Прибалтика, юго-западные губернии, столичные губернии). Наряду с традиционными фигурами деревни – крестьянами и помещиками – появлялся новый слой – разного рода предприниматели в сфере сельхозпроизводства (помещики-предприниматели, арендаторы-предприниматели (фермеры английского типа), крестьяне-предприниматели (фермеры американского типа)).

Были и большие проблемные регионы, прежде всего губернии центрального Черноземья, страдавшие от аграрного перенаселения. Перенаселение создавали те самые традиционные крестьяне, не вписавшиеся в рынок. Экономическая подоплека этой проблемы видится в следующем: зерновое производство, организованное в рамках крестьянского мелкого хозяйства, утрачивало конкурентоспособность по мере развития предпринимательского зернового производства на «югах». Вопрос нуждается в изучении, но, по-видимому, распашка степных черноземов, прогресс техники, распространение машин и усовершенствованных орудий с рубежа XIX–XX вв. создавали такой рост производительности труда и такое снижение себестоимости зерна, что зерно крестьян более северных регионов становилось объективно слишком дорогим, а их хозяйство, по рыночным меркам, нерентабельным[5].

В принципе, такие хозяйства должны были либо диверсифицироваться, переключаясь с зерна на другие продукты, либо банкротиться и уходить. Во втором случае на

их земле появилось бы крупное хозяйство, которое имело возможность привлечь капитал и развить конкурентоспособное производство. Оба варианта перестройки фактически шли, но медленно. Крестьянское хозяйство еще держалось, и в основном держалось зерном, не только в силу «невежества», «общинных традиций» или менталитета, но потому что не было достаточного спроса на иные продукты, и город не поглощал избыток населения.

Вынужденное сохранение натурального зернового хозяйства в условиях прогрессирующего рынка продуцировало аграрное перенаселение. Это был кризис мелкого, крестьянского, трехпольного хозяйства, характерный в большей мере для Черноземья, в меньшей мере – почти для всех прочих регионов, и накануне войны он был еще далек от разрешения. Его не следует смешивать с тем мировым аграрным кризисом, который был в 1880–1890-х гг.

Опыт западных стран показывает, что аграрное перенаселение лечится в ходе эволюционного развития, но при неблагоприятном стечении исторических обстоятельств может сдетонировать социальный взрыв. Для России таким детонатором стала Мировая война.

Война подорвала рынок. Данные, характеризующие распад аграрного рынка, были собраны и проанализированы еще в работе Г.С. Гордеева в 1925 г.[6]

Выделим основные моменты.

– Внешний рынок, служивший драйвером роста (экспорт зерна, импорт техники и удобрений), почти сошел «на нет».

– В связи с введением фактического «сухого закона», свернулся такой сегмент рынка, как переработка картофеля и зерна в спирт.

– Экономический распад внутреннего рынка проявлялся в инфляции. Обесценение денег подрывало стимулы к продажам продукции у товарно ориентированных хозяйств.

– Переориентация промышленности на военную продукцию вело к сокращению выпуска гражданской

продукции. В обмен на проданный хлеб, крестьяне не находили нужных товаров, что также подрывало стимулы к продажам у широких слоев крестьян.

– Многие бедные крестьянские хозяйства, прежде продававшие часть произведенного зерна ради уплаты налогов, теперь могли расплачиваться деньгами, получаемыми от правительства в качестве компенсаций за мобилизованного работника, за погибшего, за мобилизованный или реквизированный скот. Следовательно, выход их продукции на рынок сократился.

– Резко упало внутреннее производство сельскохозяйственных орудий. Крупные заводы переориентировались на нужды армии, мелкие закрывались из-за отсутствия металла, топлива, рабочих. Это наносило удар по техническому оснащению наиболее крупных и прогрессивных хозяйств.

– Наконец, происходил физический распад внутреннего рынка, что проявилось в кризисе железнодорожных перевозок. Примат военных перевозок, подчинение дорог военному начальству, а, в дальнейшем, хаотическое администрирование перевозок в «ручном режиме», приводило к хроническим «пробкам», дефициту вагонов, низкой скорости движения грузов, дезорганизации всей системы тарифов и, в итоге, к слому всей логистики сельскохозяйственного рынка, отработанной годами.

А.М. Анфимов полагал, что Г.С. Гордеев преувеличивал негативное влияние войны на сельское хозяйство[7]. Не соглашусь. Гордеев принадлежал к числу тех коммунистов-аграрников, которые хорошо понимали значение рынка для сельского хозяйства и место сельского хозяйства в народнохозяйственной системе предвоенной России. Анфимов же обращал основное внимание на социальные отношения, суть которых он видел, прежде всего, в «полукрепостническом гнете бедняцко-середняцких хозяйств» со стороны помещиков, кулаков и правительства, который лишь усилился во время войны[8].

За годы войны валовой сбор зерновых и картофеля сократился на 27–28%[9]. Трудно представить, что такое значительное сокращение могло произойти за счет крестьянских хозяйств, ориентированных на потребление, – это означало бы голодную катастрофу в деревне уже в 1917 г., по масштабам сравнимую с голодом 1921 г., однако источники не содержат свидетельств такой катастрофы. Хорошо известно о продовольственных трудностях в городах. По-видимому, падение произошло, прежде всего, в секторе наиболее товарных хозяйств. Распад рынка стимулировал сокращение товарного производства, что естественно с экономической точки зрения. Таким образом, думается, главный удар войны пришелся по высокотоварным и прогрессивным хозяйствам – протофермерскому слою. Рыночный сектор сельского хозяйства терял свою почву.

Натурализация экономики выводила на авансцену традиционное крестьянство. Логическую связь натурализации и социализации отмечали многие глубокие теоретики социализма[10]. Не случайно, что уже в 1915–1916 гг. актуализировались социалистические идеи, идеи централизованного распределения продовольствия и других продуктов, шедшие дальше – к идеям централизованного контроля над производством и потреблением. Народники, социалисты-кооператоры, сторонники теорий особой природы крестьянского хозяйства решительно преобладали среди деятелей Временного правительства, Главного земельного комитета, Лиги аграрных реформ и др. организаций, возникших в 1917 г. (кстати, деятельности этих людей мы обязаны появлению на свет расчетов перевозок по губерниям в предвоенный период, сводок бюджетных исследований крестьянских хозяйств, сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., в которых впервые было сформулировано понятие «хозяйства крестьянского типа» как объекта статистического наблюдения на всероссийском уровне, и других ценнейших статистических источников по аграрной истории.)

Традиционное же крестьянство явилось затем движущей силой «черного передела», санкционированного большевистским правительством, в ходе которого товарно-предпринимательский сектор сельского хозяйства был практически уничтожен. «Победившая» крестьянская среда, состоявшая в значительной мере из бесперспективных в экономическом отношении хозяйств, среда, в которой так и не успели укорениться понятия права, собственности и институты защиты права – эти естественные сдержки произвола властей – и стала социальной базой тоталитарного советского государства. В 1930-е гг. это государство уничтожило крестьянство.

Возвращаясь к вопросу о роли Первой мировой войны в предпосылках революции, думается, надо отдать предпочтение второму варианту ответа, но с важным уточнением. Без войны, возможно, в России все равно произошла бы революция, но это была бы другая революция, которая могла бы ускорить движение по рыночному пути.

Социалистическим, то есть антирыночным, антилиберальным характером революции 1917 г. Россия, думается, во многом обязана именно войне.

Библиография

[1] Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 3-й. СПб., 1909. С. 236, 237; Год 10-й. Пг. 1917. С. 330–331, 334–337.

[2] *Конюков И.А.* Европейский сельскохозяйственный кризис 70–80-х гг. XIX века. М., 1925; *Мендельсон Л.А.* Теория и история экономических кризисов и циклов. Т. 2. М., 1959. С. 144–173.

[3] *Жданков А.В.* Изменение условий сельскохозяйственного производства в Европейской части России конца XIX в. под влиянием аграрного кризиса. Л., 1976; *Лященко П.И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. К изучению основных тенденций мирового рынка. М., 1927.

[4] *Челинцев А.Н.* Русское сельское хозяйство перед революцией. М., 1928.

[5] *Роднов М.И.* Конкуренция регионов и «оскудение центра» России на рубеже XIX–XX вв. // Типология и особенности аграрного

развития России и Восточной Европы XX–XXI вв. XXIII сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М., 2012. С. 77–79.

[6] *Гордеев Г.С.* Сельское хозяйство в войне и революции. М., 1925.

[7] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 6.

[8] Там же. С. 367.

[9] По подсчетам Н.Д. Кондратьева, валовой сбор хлебов и картофеля в 1916 г. составил 72,7% от среднегодового сбора 1909–1913 гг., а в 1917 г. – 71,8% (*Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 126, таблица); по данным А.М. Анфимова, сбор зерна 1916–1917 гг. составил 72,8% от уровня 1913–1914 гг. (*Анфимов А.М.* Указ. соч. С. 296, таблица).

[10] *Туган-Барановский М.И.* К лучшему будущему. Сборник социально-философских произведений. М., 1996. С. 389–390.

ОСОБЕННОСТИ АНТИМОНАРХИЧЕСКИХ НАСТРОЕНИЙ КРЕСТЬЯНСТВА ЗАПАДНОГО РЕГИОНА РОССИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.В. Кулачков

Отношение к образу императора как верховного правителя страны всегда играло важную роль в формировании массового сознания ее подданных. Дореволюционную Россию закономерно называют крестьянской страной, так как большинство населения составляли сельские жители. Западный регион не был исключением в данном смысле, что позволяет рассматривать на его примере специфику антимонархических настроений крестьянства. Целью данной статьи является изучение особенностей восприятия крестьянами Западного региона в период Первой мировой войны образа императора Николая II.

Обычно исследователи относят к Западному региону Брянскую (1920–1929), Смоленскую (1708–1929) и Калужскую (1796–1929) губернии. До революции Брянский уезд входил в состав Орловской губернии, поэтому в статье используются архивные материалы по данной территории. Исследователи весьма обстоятельно и плодотворно изучали особенности восприятия крестьянством императорской власти. Так, коллективная работа П.С. Кабытова, В.А. Козлова, Б.Г. Литвака «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения» продолжила и углубила анализ крестьянского общественного сознания. В частности, данное исследование содержит ценные выводы о том, что к началу Первой русской революции среди населения в массовом порядке происходило падение авторитета самодержавной власти[1].

В фундаментальном исследовании Б.Н. Миронова по социальной истории России периода империи отмечается, что по ряду причин к 1917 г. крестьяне разочаровались в Николае II. В результате к февралю 1917 г. царская власть перестала быть легитимной, и легко была свергнута[2]. О.С. Поршнева исследовала содержательную сторону дел об оскорблении царской фамилии. Автор пришла к выводу, что в большинстве случаев негативной оценке подвергалась именно личность Николая II[3].

Региональные исследования фокусируют внимание на особенностях эволюции отдельных территорий и, кроме прочего, специфике восприятия верховной власти в период Первой мировой войны[4 5 6]. Среди них следует выделить работы И.Б. Беловой. Ее монография посвящена вкладу российской провинции в процесс перестройки всех сторон жизни страны на военный лад в период Первой мировой войны[7]. В следующей работе автор развивает тему последствий войны и рассматривает положение мигрантов военного времени – беженцев и военнопленных Первой мировой войны в российских центральноевропейских губерниях в имперский и советский периоды[8].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на достижения исследователей, региональная специфика восприятия верховной власти большинством населения страны остается изученной недостаточно. Поэтому введение в научный оборот новых архивных материалов будет способствовать восполнению исследовательских пробелов в данной сфере.

Следует отметить, что одним из показателей антимонархических настроений считаются архивные данные об оскорблении личности императора. В период Первой мировой войны сведения архивов представлены судебно-следственными делами крестьян, которые привлекались к уголовной ответственности за оскорбительные высказывания в адрес представителей верховной власти. Изучение данного источника дает возможность не только рассмотреть факты

недовольства крестьян, но и составить представление о его причинах.

Первая мировая война обострила и усилила давно назревающее массовое недовольство в политике, проводимой верховной властью. Многие из крестьян стали воспринимать царя в качестве политика, виновного в проблемах общественного развития страны. При этом наблюдались процессы нарастания антимонархических настроений крестьянства, что выражалось в росте числа негативных выпадов в адрес императора.

Ради справедливости следует отметить, что падение авторитета самодержавной власти началось задолго до событий Первой мировой войны. Так, Е.В. Завьялова на основе анализа материалов Смоленской губернии во второй половине XIX в. приходит к весьма неоднозначным выводам. Автор считает, что «вопрос о трансформации взглядов на легитимность царской власти до сих пор остается спорным: в чем разочарования было больше: в личности монарха или в институте монархии. Но сам факт, что убийство царя *(*Александра II – *В.К.)* частью общества более не рассматривалось как страшное преступление (иногда даже звучали голоса одобрения действий революционеров), говорило о пошатнувшейся легитимности самодержавия в России»[9].

Учитывая вышесказанное, не вызывает удивления то обстоятельство, что уже в самом начале Первой мировой войны в поле зрения полиции попадали эпизоды, содержащие оскорбительные высказывания о Николае II. Например, в фондах Государственного архива Брянской области сохранилось следственное дело за 1914 г., в котором фигурировали представители так называемых национальных меньшинств, проживающих на территории Орловской губернии. В частности, в рапорте брянскому уездному исправнику от 6 сентября 1914 г. указывалось, что «30 августа сего года на Брянском заводе в писчебумажный магазин крестьянина Лифляндской губернии Верроского уезда Рихарда Яковлева Треймана 27 лет, по национальности

эстонца, зашли потомственная почетная гражданка Анна Ильинская и крестьянка Александра Алехина, которым Трейман предложил купить гравюру с изображением в центре группы его императорского высочества верховного главнокомандующего, а по сторонам – главных военачальников. При этом Трейман, указывая пальцем на изображение его императорского высочества, и обращаясь к названным лицам, произнес, находясь в трезвом состоянии, фразу: “Правда ли, что он похож на дурака”. Ильинская и Алехина, ничего не ответив Трейману, продолжали рассматривать гравюры, а Трейман стал им объяснять, что он вскоре получит гравюры хорошей работы императора Вильгельма и предложил купить портрет его императорского величества государя императора, при этом достал несколько портретов, и, обращаясь к покупательницам, произнес пренебрежительным тоном: “покупайте сколько угодно, всего по пятачку, а Вильгельма за пятачок я не продам”. Ильинская и Алехина, не заявив об изложенном полиции, рассказали о происшедшем, придя на службу в конторе завода»[10]. К сожалению, в деле не удалось обнаружить судебных последствий данного инцидента.

По всей видимости, употребление слова «дурак» в контексте военных действий несло в себе негативный смысл. В частности, по мнению Б.И. Колоницкого, слово «дурак» было самым распространенным оскорблением в адрес царя[11]. Можно предположить, что за владельцем магазина как минимум был установлен особый надзор полиции. Данный вывод позволяет сделать анализ других следственных дел, содержащих оскорбительные высказывания в адрес императора. Так, в материалах помощника начальника Орловского губернского жандармского управления в Брянском и Карачевском уездах за 1915 г. сохранилось судебно-следственное дело по обвинению крестьянина дер. Дорогино Овстугской волости Брянского уезда Е. Евтишенкова в оскорблении словом царской личности. В частности, в уведомлении о возбуждении дознания указывалось, что он обвиняется «в государственном преступлении,

предусмотренном 2 ч. 103 ст. Угол. Улож. Время возбуждения дознания – 7 сентября 1915 г., место возбуждения и производства – гор. Брянск Орловской губернии»[12].

В чем же конкретно обвинялся Ефим Евтишенков? Полицейское дознание установило, что «26 марта 1915 г. в дер. Дорогино Овстугской волости Брянского уезда крестьянин Ефим Евтишенков в разговоре с односельцами о текущих военных событиях позволил себе произнести по адресу Его Императорского Величества Государя Императора фразу "Наш царь глумной, отдал было Варшаву германцу, спасибо уже Николаю Николаевичу, который хотел за это Царю голову снять шашкой и прогнал его, говоря – пошел ты, где был, мы без тебя здесь распорядимся"»[13].

Надо сказать, что по своему социальному статусу Е. Евтишенков практически не отличался от большинства крестьян. Указывалось, что он «родился в дер. Дорогино Овстугской Брянского уезда Орловской губернии, 46 лет. Православного вероисповедания, родители – умерли, занятие – землепашец, малограмотный. Отбывал действительную военную службу в 31 пехотном Алексопольском полку рядовым»[14]. После проведения полицейского дознания дело закончилось тем, что «для пресечения способов уклонения от следствия и суда над названным Е.П. Евтишенковым учредить особый надзор полиции в избранном им месте жительства, объяснив настоящее постановление обвиняемому»[15]. По всей видимости, дальше особого надзора дело не пошло, так как в следственном деле информации о более суровой мере наказания не содержится.

Очевидно, что употребление слов «глумной», как и в предыдущем деле «дурак», несли в себе оскорбительный смысл по отношению к императору. Весьма вероятно, что данные выражения носили обсценный характер. При этом данные эпизоды происходили в ситуации, когда Николай II выражал стремление к «личной репрезентации своего индивидуального образа самодержца», с целью «установить глубоко личную, даже интимную, верноподданническую между монархом и его подданными»[16].

Аналогичное следственное дело, но уже связанное с другим крестьянином, более молодого возраста, расследовалось полицией в 1916 г. Фигурантом стал крестьянин хутора Бабинки Акуличской волости Брянского уезда. Основаниями для возбуждения дознания стали «показания свидетелей о том, что указанный крестьянин во время разговора произнес слова, заключающие оскорбление особы его императорского величества государя императора»[17]. По поводу личности подозреваемого указывалось, что «Василий Архипов Федькин, 26 лет, родился в дер. Вязовка Акуличской волости Брянского уезда. Православного вероисповедания. Постоянное место жительства – на хуторе Бабинки Акуличской волости Брянского уезда Орловской губернии. Отец Архип Иванов умер, мать Прасковья Сафоновна, 63 лет, живет при Федькине. Земледелец – хозяин. Неграмотный. В 1911 г. призывался в Брянском уездном по воинской повинности присутствии и был зачислен в ратники ополчения 2 разряда. В ноябре 1915 г. воинским начальником в г. Брянске был освобожден навсегда по 82 статье. Ранее к дознаниям не привлекался. Основания – показания свидетелей. Принятая мера пресечения: отдан под особый надзор полиции по месту его жительства на хутор Бабинка Акуличской волости Брянского уезда Орловской губернии»[18]. Как и в предыдущем деле, сведений о других наказаниях, которые применялись к обвиняемому, не сохранилось.

Кроме того, негативное влияние на авторитет Николая II оказывало как его личное происхождение, так и членов его семьи. Следует сказать, что в период Первой мировой войны происходило усиление антинемецких настроений, что привело к образованию особого комитета по борьбе с немецким засильем 1 июня 1916 г. Еще раньше, в августе 1915 г., в Государственной думе была создана комиссия «по борьбе с немецким засильем во всех областях русской жизни», которая состояла из депутатов. Апогеем проявления антинемецких настроений стали майские события 1915 г. в Москве, когда там произошли банальные погромы.

По данным чиновника особых поручений при МВД Н.П. Харламова «всего было разгромлено 732 помещения: магазины, склады, конторы и частные квартиры, а нанесенный ущерб составил более 50 млн руб. От погрома пострадали не только австро-немецкие подданные: толпа громила все магазины и конторы с иностранными вывесками, независимо от подданства или национальности их владельца, а в некоторых случаях и «даже чистокровных русских»[19].

В Западном регионе России неприязнь к немецким подданным также имела место. В частности, И.Б. Белова отмечает, что «крестьян беспокоило «германское» происхождение русской императрицы. Так, в чайной г. Воротынска Перемышльского уезда Калужской губернии в феврале 1915 г. в «разговоре по поводу войны» один из посетителей высказался что, когда «германцы наших бьют, то Государыня радуется»[20]. При этом встречались упреки императору в том, что его не совсем русское происхождение негативно отражается на имидже страны. Исследователь И.Б. Белова, ссылаясь на Ф.А. Кудринского, приводит выдержку из разговоров немцев-колонистов: «Разве Россия государство? Настоящее государство только немецкое. И царь-то ваш не настоящий, а немецкий... Вот Вильгельм завоюет Россию, он покажет вам хозяйство!»[21].

Таким образом, архивные и опубликованные материалы позволяют сказать о том, что наблюдались явные признаки разочарования крестьян в верховной власти, которая олицетворялась в образе Николая II. Данное обстоятельство способствовало повышению уровня негативности в отношении крестьян к царю. В результате свержение монархии и отречение императора в феврале 1917 г. было встречено крестьянами достаточно пассивно. В частности, П.П. Марченя на основе изучения массового правосознания в переломном для России 1917 г. приходит к выводу, что «...первая реакция крестьянских масс на свержение “батюшки-царя” была весьма умеренной, а в настроении его преобладали поначалу надежды на скорое улучшение своего положения...»[22]. Можно согласиться с этим мнением, так как

события Первой мировой войны послужили катализатором роста антимонархических настроений крестьянства Западного региона России.

Библиография

[1] *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М.,1988.

[2] *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 141, 144, 210.

[3] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг.: дис. ... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2000.

[4] *Барынкин В.П.* Крестьянство Западных губерний Центра России накануне Октябрьской революции: По материалам Калужской, Орловской, Смоленской губерний: автореферат дис. ... кандидата исторических наук. Брянск, 1997.

[5] *Есиков С.А.* Крестьянство Тамбовской губернии в начале XX века (1900–1921 гг.): автореферат дис. ... доктора исторических наук. Москва, 1998.

[6] *Крайкин В.В.* Первая мировая война в восприятии крестьян: по материалам Орловской губернии: дис. ... кандидата исторических наук. Брянск, 2009.

[7] *Белова И. Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011.

[8] *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014.

[9] *Завьялова Е.В.* Особенности отношения крестьян к царской власти во второй половине XIX века (на материалах Смоленской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 7. Ч. 2. С. 86.

[10] ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 523. Оп. 1. Д. 845. Л. 177.

[11] *Колоницкий Б.И.* «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 207.

[12] ГАБО. Ф. 376.Оп. 1. Д. 301. Л. 1.

[13] Там же.

[14] Там же. Л. 12.

[15] Там же. Л. 11.

[16] *Григорьев С.И.* Придворная цензура и образ верховной власти (1831–1917). СПб., 2007. С. 214.

[17] ГАБО. Ф. 376. Оп. 1. Д. 315. Л. 13.

[18] Там же. Л. 21.

[19] *Харламов Н.П.* Избиение в Первопрестольной: немецкий погром в Москве в мае 1915 года // Родина. 1993. № 8/9. С. 127.

[20] *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г. М., 2011. С. 174.

[21] *Белова И.Б.* Вынужденные мигранты: беженцы и военнопленные Первой мировой войны в России. 1914–1925 гг. М., 2014. С. 143.

[22] *Марченя П.П.* Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005. С. 128.

ВЕЛИКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ РУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА: ДНЕВНИК КРЕСТЬЯНИНА АЛЕКСИНСКОГО УЕЗДА ТУЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ П.Е. ЕРМАКОВА О СОБЫТИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ 1917–1918 ГГ.

А.А. Куренышев, Т.В. Хомякова

В фондах Серпуховского историко-художественного музея хранится дневник крестьянина деревни Панькино Алексинского уезда Тульской губернии Петра Ермолаевича Ермакова (1868–1933)[1], который велся им на протяжении сорока лет. Немало страниц этого дневника посвящено Первой мировой войне.

Когда тебе в руки попадает подобного рода документ, ты, читая его, окунаешься в самую гущу самых что ни на есть народных представлений, мыслей и чувств о таких несомненно грандиозных, эпохальных исторических событиях, к коим принадлежала Первая мировая война.

Крестьянские мемуары – это вообще довольно редкий и нестандартный исторический источник. «И связано это, – писал один из публикаторов крестьянских воспоминаний Н.И. Решетников, не с безграмотностью русского дореволюционного крестьянства, а с тем, что, во первых, народоведы, исследуя традиционную культуру, писали о крестьянине, не предоставляя слово ему самому, а во вторых, и это самое важное, крестьяне писали, в отличие от других слоев населения, не для публикации, не для чтения праздной публики, а для самих себя, для фиксации и передачи опыта своим потомкам. Рукописи крестьян хранились в семьях, информация о них никому не разглашалась. В редких случаях крестьянские дневники, записи, воспоминания оказывались

в музейных хранилищах, но время для их публикации только еще наступает»[2].

Жизнь П.Е. Ермакова вместила в себя множество событий, связанных с историей России в конце XIX – первой трети XX вв. Его дневник является интереснейшим и ценнейшим источником по истории нашей страны.

В распоряжении исследователей-крестьяноведов имеются и другие крестьянские мемуары, как опубликованные, так и хранящиеся в различных архивах, музеях и библиотеках. Тем не менее, каждый такой документ бесценен, ибо, как считают некоторые историки и публицисты, в отечественном обществознании все еще преобладает интеллигентский взгляд на события российской истории, а порой и прямо противоположный крестьянскому – дворянско-помещичий[3].

Е.П. Прудникова пишет: «Российская элита не воспринимала крестьянство как существо, подобное себе, – не воспринимала на уровне подсознания, и следы этого отношения можно легко найти во множестве мемуаров, рассказов, художественных произведений[4]. Известный русский философ Н.А. Бердяев дал этому явлению и научное обоснование. В труде «Философия неравенства» он писал: «...“просветительное” и “революционное” сознание... затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование “белой кости” есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт»[5].

Действительно, в течение долгих лет «вторичность» мужика была общепринятым социологическим фактом. «Чумазый не может играть на пианино», – говорил один из персонажей фильма Н.С. Михалкова «Незаконченная пьеса для механического пианино». Такая парадигма преодолевается с большим трудом. «Как, почему вышло, что

нас, сплошь и рядом потомков черного люда, приучили смотреть на Россию глазами дворян? – задает вопрос Прудникова. С чем это вошло в нашу жизнь? С русской историей, которая наполнена деяниями князей, да царей? Хотели написать другую, да не получилось»,- пишет она далее[6]. «Невнимание советских историков к крестьянскому сословию позволило нынешним агитаторам утверждать, что крестьяне были лояльны к властям Российской империи. Мужики, мол, богобоязненны, царелюбивы и революции не хотели»[7].

Забегая вперед, скажем, что используемый документ, дневник крестьянина, в общем, подтверждает именно такую оценку настроений и чувств крестьянства в годы войны. Ермаков – православный христианин, уважающий власть и преклоняющийся перед монархией.

В самом начале войны, 22 июля 1914 г. (до 1918 г. все даты указаны по старому стилю – *А.К., Т.Х.*), Ермаков записывает: «Сегодня на Красной площади, на Лобном месте был всенародный молебен. Около 7 вечера вышел из Спасских ворот крестный ход с хоругвями и иконами, в числе которых были чудотворные иконы Владимирской, Казанской и Иверской Божьей матери, громадная икона Преподобного Сергия Радонежского, Корсунские кресты и другие иконы. Погода была скверная, лил дождь весь день. Народу было полна площадь». В записи, сделанной 5 августа, Ермаков описывает «Высочайший выход в Кремле. «Я встречал Государя против Страстного монастыря... Народу в Кремле было уже много. Я, однако, пробрался к Красному крыльцу. Постояв около часу, наконец, пошел Высочайший выход. Момент был очень торжественный, народ допускался к самому помосту. Государь шел рядом с Царицей. За ним казак нес на руках Наследника, а затем шли дочери Государя. Народ кричал: Ура! Настроение народа было приподнятое, все время шествия Государя толпа неистово кричала: Ура!»[8].

Автор дневника обладал способностью размышлять и рассуждать, как на очень общие темы, так и анализировать происходившие события. «Жуткое впечатление получается,

читая газеты о войне и невольно рождается размышление о том, к чему идет человечество с его воспетой культурой и цивилизацией? Вот ведь теперь началась страшная *братоубийственная* (выделено нами – *А.К., Т.Х.*) война, начали проявляться все ее ужасы, человечество звереет, да и не только звереет, но даже сатанеет, как иначе назвать те кровожадные человекоистребляющие действия, которые обнаружили немцы, да и не только одни только немцы, ведь только сваливают на немцев, что они будто бы жестоко обращаются с неприятелем. На самом деле все хороши!», – писал Ермаков 2 августа 1914 г. «Ведь не простые люди устроили эту войну? Зачем она нужна мужику-хлеборобу или рабочему-труженику?- задает он риторический вопрос.

Крестьянство постепенно превращалось из объекта социального действия в полноценного его субъекта[9]. Как пишет современная исследовательница: «Зипуны, бороды, лапти и прочие атрибуты “черного народа” служили камуфляжем, под которым скрывались ум, воля и четкое понимание своих интересов»[10]. Одним из таких «лапотников» был, несомненно, и наш герой. Он ведь, помимо всего прочего, был отходником, работал в Москве в казенной винной лавке, а в детстве очень неплохо учился в школе, но смог получить только начальное образование.

Несомненно, также, что народное русское православие, пронизывает все его рассуждения. «Мы теперь пожинаем плоды нашей деятельности последнего столетия, направленной к культивированию человека на новых началах совершенствования, а именно: людей пичкали всевозможными схоластическими науками, клонящимися к облагораживанию собственной персоны в смысле светских этикетов, учили всевозможным наукам, как человеку добыть средства, не ударяя палец о палец, как надувать своих ближних и т.п., но забыли внушить человеку основные начала христианского учения – любить ближнего и другим христианским догматам, а это нужно бы оставить на первом месте».

Ермаков искренне удивлялся тому, что война идет между христианскими народами, «одинаково признающих учение Христа и почти одинаково исповедующих его. И что всего удивительнее – одинаково просящих теперь каждый народ себе победы над врагом, как малые дети...».

Конечно, о боевых действиях на фронтах Ермаков в начале войны не мог судить иначе, нежели по сообщениям газет, которые в первые месяцы войны были полны победными реляциями. Но уже сентябрь 1914 г. приносит первые огорчения. «На войне не особенно хорошо, – пишет Ермаков 8 сентября, – хотя наша армия, как видно, сильно разбила австрийскую и продвинулась до Перемышля. Но на прусском театре войны дела наши не особенно хороши. После ряда побед наши продвинулись было в Восточную Пруссию, но теперь опять отступили на свою границу, и немцы теснят нас, передвинув свои войска с французского театра войны».

Довольно скоро население начало получать информацию о боевых действиях из уст их непосредственных участников, ибо количество раненных, размещавшихся в тыловых госпиталях стало стремительно расти. «Как ни восторженно встречаются публикой вести о наших победах, но от таких побед делается грустно на сердце, когда смотришь на ежедневно прибывающих раненых. Их в одной только Москве более 30 тысяч человек. А сколько же убитых? Это скажут потом. Из рассказов раненых можно заключить, что война идет страшная, современные орудия ужасно смертоносны, да и солдаты – немцы, как видно, хорошо стреляют», – отмечал тульский крестьянин.

У Ермакова было десять детей. Старший Василий был призван на военную службу. Это произошло 17 октября 1914 г. «Как ни был он к этому приготовлен, но, однако при прощании с семьей разрыдался, упал на кровать и несколько минут рыдал»,- писал отец. «Да и как не разрыдаться?!» – комментировал он поведение сына. Все-таки гонят прямо на *бойню* (выделено нами – *А.К, Т.Х.*). Лексика текста, как видим, лишена уже всякого пафоса. В сыне любой крестьянин видел естественную опору в старости. «Очень скучно мне стало,

ведь я дождался первого сына – опору, думал пользоваться им под старость». В случае с призывом на войну мы сталкиваемся с еще одним, увы, обычным и даже заурядным явлением русской действительности: попытками так или иначе «откосить»» от призыва, или, по крайней мере, максимально облегчить свою службу, обезопасить себя от реальной фронтовой жизни. Директор магазина, в котором служил Василий Ермаков, похлопотал за него, и тот оказался писарем при Полевом Царскосельском военно-санитарном поезде № 143 Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны. В записи от 20 ноября Ермаков отмечает: «Вася прислал письмо, что полковник Ломан взял его к себе на квартиру, а сам с поездом уехал на войну. Пишет, что учится писать на машинке. По всей вероятности, в следующую поездку он попадет в санитарный поезд».

Д.Н. Ломан занимался формированием поезда и отвечал за всю его работу. Полковник занимал и еще ряд придворных должностей: штаб офицера для особых поручений при дворцовом коменданте, квитора Федоровского Государева собора, начальника Царскосельского лазарета № 17 Великих княжон Марии и Анастасии, нес обязанности наблюдающего за командой санитаров и за внутренним порядком в Серафимовском убежище лазарета № 9. В конце 1916 г. Ломан был назначен состоящим при министре Императорского двора. Покровительство такого человека дорого стоило. В.П. Ермаков пользовался им до 1917 г., находясь все это время при санитарном поезде № 143.

В полевом Царскосельском военно-санитарном поезде проходили воинскую службу, «воевали» несколько незаурядных личностей: поэт С.А. Есенин, артист и чтец В.В. Сладкопевцев, художник Г.И. Нарбут, архитектор-художник И.А. Шарлемань, сын Г.Е. Распутина Д. Новых-Распутин, жена действительного статского советника А.Н. Заусайлова.

Следует отметить, что Ломан был вообще расположен к крестьянам, был другом Распутина.

На ферме Ломана в Царском селе собирались русофилы и крестьянолюбы. Среди гостей были художники братья В.М. и А.М. Васнецовы, М.В. Нестеров и Н.К. Рерих, составившие костяк «Общества возрождения художественной Руси».

Вокруг Ломана сложился определенный круг людей, стремившихся «спасти Россию» через духовное возрождение, путем установления прямых контактов царя с «народом». «Общество возрождения художественной Руси» пыталось спасти монархию.

На страницах дневника Ермакова мы находим подтверждение тому, что, как это ни удивительно, но наступление холодов поздней осенью 1914 г. пагубно отразилось не столько на немецких, но преимущественно на русских солдатах. Практичный Ермаков не мог без недоумения и горечи не отметить прибытие с фронта солдат с отмороженными конечностями. «...это очень нехорошая сторона войны, хуже пуль, в окопах лежат в холодных сапогах, да еще, может быть, в худых – это не особенно приятно. Да, если ко всему прибавить еще тот факт, что при постоянном переходном снаряжении у солдат развелись мириады вшей, которые не дают покоя ни днем, ни ночью, то вполне будет понятно стремление со стороны солдат броситься поскорее в бой, уж к одному концу, так как по рассказам раненых, жизнь в окопах невыносима».

Хотя Ермаков и отмечает: «В обществе стараются придти на помощь солдатам, заготавливают теплые вещи...». «Но при такой массе собранных солдат трудно удовлетворить всех необходимым». «Фабрики, заводы и кустари работают на солдат».

Ермаков упоминает о непостижимых явлениях, вызванных войной. Правительство изобретает удивительные способы преодоления проблем слабости российской экономики, причем, не пресловутой недоразвитости тяжелой индустрии, а самой, что ни на есть легкой. «Не хватает сапог, поэтому на углах появилось воззвание, чтобы шили сапоги на солдат по8 руб. 40 копеек». В «Великой России» уже на

первом году войны не хватало производственных мощностей для производства сапог. Приходилось прибегать к кустарному их изготовлению. Это ли не приговор «старой России»? «Вообще, – писал Ермаков, – мы стараемся показать, что несем тяготы войны сравнительно легко, но на самом деле, натяжка сильная, и если пока нет резких проявлений бедствия, то только благодаря тому, что Россия велика и что за последние годы экономическое состояние поднялось».

Автора, как истинно русского, православного человека беспокоит, однако, больше, если можно так выразиться, «человеческий фактор» войны. «Господи Боже мой! Что нужно людям? Неужто для того, чтобы испробовать смертоносность 40 сантиметровых и других орудий нужно столько погубить человеческих душ. Чем провинился какой-нибудь Андрюшка, с роду не видавший ни городов, ни пушек, чтобы его оторвать насильно от родной деревни и подставить под удары 5-пудовых снарядов?», – вопрошает тульский крестьянин. Как можно заметить, в дневнике появляются нотки социального протеста.

На фронтах ситуация для России к концу первого года войны постоянно ухудшается, что фиксирует в своих дневниковых записях наш герой. «Немцы прут наших, заняли Лодзь, но на Галицком театре войны наши теснят австрийцев, перешли Карпаты». Сын Ермакова Василий продолжает «воевать» в санитарном поезде тоже в Польше. «Вася прислал письмо из Варшавы, ездит в санитарном поезде в качестве помощника писаря по строевой части, бывает близ сражений», – отмечет Ермаков-отец.

Поскольку торговля спиртными напитками была запрещена, Ермаков решил вернуться в родную деревню Панькино, находившуюся недалеко от крупного промышленного центра и железнодорожного узла Серпухова. Хотя, как мы помним, деревня принадлежала к Алексинскому уезду Тульской губернии, хозяйственно она тяготела именно к этому подмосковному городу.

Ермаков дал в дневнике несколько характерных картин «безалкогольной жизни» в России. Еще в самом

начале 1914 г., 11 марта он пишет: «Начинается сильное движение против пьянства. Государь рескриптами на имя министров предлагает искоренить пьянство». Действительно, антиалкогольная кампания в России началась до начала Первой мировой войны. Ужесточение «сухого закона», однако, было прямым следствием объявленной царем мобилизации. Властям было ясно, что мобилизацию резервистов необходимо произвести как можно быстрее. Призыв в армию, как известно, связан с так называемыми «проводами», с приглашением родных и близких призывника и, естественно потреблением горячительных напитков. Этот ритуал грозил сорвать или существенно осложнить призывную кампанию. Мобилизация была объявлена 17 июля. В записи в дневнике можно прочесть: «Сегодня по обыкновению своевременно открыли лавку, но сейчас же городовой сказал, чтобы закрыть, оказывается в ночь на сегодня объявлена мобилизация. По Москве расклеены объявления о мобилизации».8 августа Ермаков записывает: «Казенные винные лавки не торгуют, с 16 августа начали торговать виноградными винами частные ренсковые погреба. Поговаривают о закрытии казенных винных лавок до окончания войны или даже навсегда, пока же лавки закрыты до 1 сентября. В настоящее время заметно отрезвление народа. Московская городская дума и другие делают постановления о закрытии лавок и частных заведений до окончания войны. На улице пьяных почти не заметно, торгуют вином только рестораны 1-го разряда. Оборванцы научились пить политуру и денатурированный спирт, многие отравляются». Нарисована, в общем, типичная для периодов борьбы с пьянством запретительными методами картина...

Война, как известно, привела к революции, которую Ермаков застает в Москве. Затем он из голодной Москвы вновь отправляется в родные края. После Октябрьской революции его неожиданно для него самого избрали в волостной Совет. «Меня, отчасти, интересовала служба в новом учреждении, а главное – я имел в виду, по возможности буду добывать хлеб» (24 апреля 1918 г.).

«Служба в Совете оказалась довольно трудная. Из уезда поступают все новые и новые распоряжения, чуть ни ежедневно следуют циркуляр за циркуляром об учреждении различных новых отделов».

Очень просто, как само собой разумеющееся, описывает Ермаков небывалые, эпохальные революционные социально-экономические и политические преобразования весны 1918 г. «Хозяйничаем в волости, раздаем помещичий скот, инвентарь». В волости было 14 имений и все их имущество и, конечно, землю нужно было распределить между крестьянами. Но главной проблемой продолжала оставаться продовольственная. «Никаких эксцессов и беспорядков у нас в волости нет. Только скверно, что нет хлеба. Что было в имениях, раздали. Народ осаждает Совет просьбами хлеба. Пишем в уезд о присылке хлеба, обещаются прислать».

Ермаков и другие члены Совета – комиссар, местный крестьянин В.Т. Савельев, местный крестьянин и бывшая помещичья прислуга, А. Новикова летом 1918 г. управляли хозяйством бывшего помещика Шевалдишева в Шверневе. Уборка урожая производилась всей деревней, «...работают по числу едоков и хлеб будем делить по едокам», – пишет Ермаков. – «Престиж мой в волости поднимается. Я начал заведовать отделом управления и вообще сделался воротилой дела. Кроме того, занялся культпросветом. Устраиваем спектакли. Устроили сцену в доме помещика Рубан. Я играю первые роли и довольно удачно. Езжу на съезды по народному образованию. Познакомился с учителями и учительницами. Школьное дело идет плохо, нет учебных пособий и точных программ».

Ермаков работал настолько эффективно, что уездная ревизия решила отстранить от работы всех остальных членов Совета, предоставив ему право пригласить (кооптировать себе 4 помощников и «впредь до перевыборов вести дело. Значит, мои труды не пропали даром. Нужно напрячь все силы и потрудиться», – пишет он далее.

5 декабря произошло и вовсе незаурядное, но вполне в духе времени событие. «Получена бумага из Алексина учредить в волости комячейку. Я беру эту обязанность на себя, учреждаю волостную комячейку, сам становлюсь коммунистом, на первый раз набрал 15 членов». Вот вам и слияние партийной и государственной власти!

Дневниковые записи П.Е. Ермакова – яркое свидетельство, что Советская власть, которую провозгласили в октябре 1917 г., была принята народом. И не просто принята, а стала естественным развитием общинного самоуправления крестьянских республик 1905–1907 гг., реализацией тысячелетних чаяний крестьян о Земле и Воле.

Библиография

[1] СИХМ (Серпуховский историко-художественный музей). КП. 2551.

[2] *Решетников И.М.* Воспоминания. Ступень человека и рода. М., 2005. С. 3.

[3] *Прудникова Е. А.* Сталин и битва за хлеб. М., 2010.

[4] Там же. С .28.

[5] Там же. С. 29.

[6] Там же. С. 61.

[7] Там же. С. 63.

[8] Там же.

[9] *Яров С. В.* Крестьянин как политик. СПб.,1996.

[10] *Прудникова Е.А.* Указ. соч. С. 70.

ПАРТИЯ ЭСЕРОВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

М.И. Леонов

Состояние партии накануне 1914 г. не давало оснований для оптимизма: «Мы похожи на армию, рассеянную маленькими отрядами и ведущую партизанскую войну. Главный центр партии еще поддерживает сношения с некоторой частью этих отрядов, но он не может удержать в своих руках общее направление», – констатировали авторы доклада Венскому конгрессу II Интернационала[1]. Перспективы были утеряны. Лидеры после «дела Азефа», удалились от дел, ЦК исчез, «Заграничная делегация партии социалистов-революционеров» должным авторитетом не обладала. Партийные боссы, пребывая за границей, раздробились на группки и грызлись между собой. От того, что у других социалистических организаций дело обстояло примерно также, эсерам едва ли было легче. И, тем не менее, примерно с 1912 г. проявились некоторые симптомы регенерации партии.

Война прервала наметившуюся консолидацию. В первые дни войны власти закрыли легальные эсеровские издания. Связи с партийным центром, лидерами отныне стали случайными, «автономность» местных организаций достигла пороговой величины. Численность партийных групп губернских городов колебалась в пределах от 10 до 20 членов, среди которых повсюду находились и те, кто за определенную плату информировал жандармские управления о состоянии, намерениях и действиях организаций. Согласно подсчетам Н.Д. Постникова, с конца 1907 г. по февраль 1917 г. количество эсеровских партийных в России сократилось с 287 до 18, численность – с 65 тыс. до 400–600 человек. Примерно такой же, по его данным, была и численность РСДРП[2]. Руководители политического сыска России в «Отчете» за

1916 г. констатировали: «Что касается партии социалистов-революционеров, то по сведениям Департамента полиции, таковой в России не существует»[3].

Обратимся к выяснению состояния дел России. Петроградская организация эсеров весьма регулярно, по тем временам, издавала листовки, вела устную агитацию рабочих, учащихся, солдат. Ее лидеры содействовали координации действий некоторых объединений партии эсеров и народников. 16–17 июля 1915 г. на петроградской квартире А.Ф. Керенского состоялось совещание 30 представителей групп эсеров, энесов, трудовиков из 11 городов (Петрограда, Москвы, северных и поволжских губерний). В принятой резолюции речь шла о необходимости участия России в войне, конечной целью которой должна быть защита демократии; достижение мира без аннексий и контрибуций. Первоочередной называлась задача сплочения социалистов всех стран. Участники конференции призывали «решительно изменить систему государственного управления» в России, свергнуть существующее правительство, неспособное управлять страной и добиться победы; новую власть установить посредством всеобщей подачи голосов; объявить полную амнистию политическим заключенным, демократизировать государственный строй снизу доверху, установить политические свободы и равенство граждан[4].

Эсеры в России и в эмиграции, интернационалисты и оборонцы, сочувственно встретили эту резолюцию. «Горячий сочувственный отклик» нашла одобренная конференцией идея создания заводских организаций для урегулирования конфликтов между рабочими и предпринимателями; предполагалось, что в подходящий момент заводские организации станут основой регенерации Советов рабочих депутатов. В 1915 г. объединения рабочих в северной столице и других промышленных центрах росли, как грибы; нередко они инициировали стачки. На первой стадии состоявшихся в этом году выборов в Петроградскую группу Военно-промышленного комитета (ВПК) большевики и эсеры действовали солидарно и победили. На второй стадии эсеры

выступали самостоятельно и провели своих кандидатов, «далеких от меньшевиков и большевиков». В Областном комитете ВПК все шесть рабочих были эсерами, в ЦВПК – их было двое[5]. В опубликованных в январе 1916 г. тезисах Петроградского комитета партии эсеров говорилось, что главной задачей дня является «организация трудящихся классов для революционного переворота».

Распущенная в октябре 1907 г. московская организация партии эсеров в последующие годы не смогла восстановиться; в 1914–1917 гг. она была представлена отдельно функционирующими группами и кружками. Заметную активность проявляли железнодорожная, рабочая и студенческая организации эсеров древней столицы. С первых дней войны московские эсеры относительно регулярно издавали прокламации и брошюры, а в конце 1915 г. основали ежедневную легальную «Народную газету». Активно действовала военная организация эсеров, которая сформировала несколько кружков численность до 20–25 солдат в каждом, проводила регулярные занятия, имела собственную нелегальную типографию, распространяла прокламации и брошюры, создала семь библиотек в частях гарнизона, пропагандировала идею вооруженного восстания[6].

В Поволжье областной комитет прекратил деятельность задолго до начала Первой мировой войны. Численность Самарской организации эсеров с весны 1907 г. стремительно уменьшалась; к концу года прекратили существование почти все уездные группы и большая часть крестьянских организаций; связи с деревней были потеряны; комитет то распадался, то восстанавливался. К 1913 г. относительно активную агитацию эсеры вели лишь на Трубочном заводе. В годы Первой мировой войны организация губернского города насчитывала от 15 до 20 активных членов, которым удалось выпустить считанное число воззваний с призывом к революционной агитации, подготовке вооруженного восстания. В апреле 1916 г. семеро из них голосовали за «оборону от агрессора», восемь – за «мир без аннексий и контрибуций»[7]. Связи самарских эсеров

с заграничным центром были случайными, с московской и петроградской организациями спорадическими, перспективы – туманными. В 1915 г. они сумели издать пять номеров легальной газеты «Вести»[8]. В выпущенной в ноябре 1916 г. прокламации, обращенной к рабочим, крестьянам и солдатам, эсеры призывали к прекращению братоубийственной войны и к подготовке вооруженного восстания[9]. Агитацию крестьян вели одиночки-эсеры, как например, Е.А. Костюшко-Валюжинич, а также народные учителя[10].

С началом Первой мировой войны, как в Саратове, так и в уездных городах губернии, действовали одиночки, которые позиционировали себя последовательными оборонцами. В конце 1915 г. эсеры Саратова сформировали два кружка, но о восстановлении губернской и городской организации они тогда не помышляли. В апреле 1916 г. 10 уцелевших от арестов саратовских эсеров дискутировали о путях восстановления партийной группы и даже избрали комиссию из четырех человек. Начинание это плодов не принесло[11].

Симбирская организация «была разрушена» уже в конце 1907 г.[12] До 1910 г. относительно дееспособной оставалась только Сызранская группа. В первые годы мировой войны немногочисленные эсеры Симбирска и губернии проявили себя последовательными «оборонцами» и в большинстве своем решительно отказывались от нелегальной деятельности, используя как трибуну агитации Всероссийский земский союз и кооперативы. Немногочисленные эсеры Астрахани, Царицына, Пензы, Казани, Уфы, Оренбурга также ограничивались агитацией в кооперативных и других легальных обществах.

Эсеровские объединения Центрального Черноземья, не связанные с малочисленными губернскими и с уездными группами с августа 1914 по февраль 1917 гг. агитировали рабочих, студентов, учащихся, крестьян, спорадически выпускали прокламации, участвовали в профессиональных союзах, кооперативах; однако деятельность их внешне была малозаметной[13].

В Сибири, по подсчетам исследователей, в первые три с половиной года мировой войны имелось от 80 до 120 деятельных эсеров, некоторые из которых на состоявшейся в декабре 1915 г. конференции в Минусинске объявили о создании «Сибирской группы эсеров». Эсеры Сибири спорадически выпускали прокламации, издавали легальную газету «Народная Сибирь» (Иркутск, 1915), агитировали рабочих, служащих, крестьян и основали несколько сельских организаций[14].

Представления эсеров о войне определял позитивистский рационалистический атеистический социализм, в котором не было места нравственному императиву И. Канта. Их лексикон не содержал слов «Родина», «патриот», «Отечество». Устойчивое сочетание «социалистическое отечество» всплывало тогда, когда оно было «в опасности» и его призывали «защищать».

Контуры своей военной доктрины эсеры наметили в 1904–1905 гг. Русско-японскую войну они называли империалистической, антинародной, жаждали поражения России и не гнушались «японскими деньгами»[15]. Неудачи русской армии на полях сражений использовали для дискредитации правительства, обострения социальных противоречий, популяризации революционных выступлений. В качестве одной из основных, ставили задачу «расшатать, дезорганизовать, парализовать» русскую армию[16].

Имманентное тяготение к деструкции и девиантному поведению партии, массовый патриотизм и угроза потери национальной независимости в Первой мировой войне – таковы полюса дилеммы эсеров. «Крестьянский социализм» удерживал их от безудержного интернационализма ленинской интерпретации, призывов к «поражению собственного правительства», «превращения войны империалистической в войну гражданскую». И та же доктрина побуждала их к революционным действиям. При конструировании военной концепции эсеровские идеологи во главу угла ставили обеспечение «некапиталистической эволюции» и сохранение «трудового крестьянского хозяйства».

В первые же дни войны «Заграничная делегация» раскололась. Большая часть объявила себя оборонцами, меньшая – интернационалистами. Центр, в нарушение резолюций Базельского конгресса, не заявил об отношении партии к войне. Лидеры пребывали в растерянности. В.М. Чернов звал «плыть по течению», П.В. Карпович в чем-то его поддерживал, Б.В. Савинков осуждал убийства, М.А. Натансон откровенно паниковал[17].

22 августа 1914 г. Н.Д. Авксентьев, А.А. Аргунов, Е.Е. Лазарев, М.А. Натансон, И.И. Фундаминский, В.М. Чернов и другие видные эсеры устроили на берегу Женевского озера близь Лозанны «Совещание центральных работников п.с.-р. по вопросу о линии поведения в условиях мировой войны». Мнения разделились. Большинство, в их числе Авксентьев, Аргунов, Фундаминский отстаивали идею обороны. Германский империализм, говорили они, угрожает демократии, социализму, правам наций на самоопределение. Лозунг антинародного характера войны со стороны стран Антанты они называли ошибочным и вредным. Борьба русских социалистов с правительством, по их мнению, не должна была подрывать национальную оборону. Точку зрения меньшинства обстоятельно излагал Чернов. Он называл войну захватнической, империалистической; говорил о том, что интересы народа и его угнетателей – противоположны, предлагал осудить войну, восстановить II Интернационал, стать «третьей силой», бороться за мир без аннексий и контрибуций[18].

Спор был жесткий, непримиримый и схоластический. Всю невероятную сложность происходящего обе стороны пытались объяснить исключительно рассудочными категориями[19]. «Навести мосты» не удалось. Через два дня, не найдя общего языка, участники совещания разъехались. Вскоре дело дошло до разрыва личных отношений. На Лондонской конференции социалистов стран Антанты эсеры, оборонцы и интернационалисты, выступили с двумя различными декларациями.

Большинство эсеров-эмигрантов разделяли идеи оборончества. Они выпускали воззвания, периодические издания («За рубежом», «Новости» и др.). Уже 22 августа 1914 г. в Орлеан выехали первые эсеры-волонтеры. Из 2 400 русских волонтеров во Франции около 600 были политэмигрантами. В их числе видные эсеры С.Н. Слетов и Б.Н. Воронов.

Оборонцы социал-демократы и эсеры довольно быстро нашли общий язык. На Лозаннской конференции (5–10 сентября 1915 г.) они выработали и издали за подписями Г.В. Плеханова, Л. Дейча, Н.Д. Авксентьева, А.А. Аргунова, А.Н. Баха «Манифест объединенных групп социал-демократов и социалистов-революционеров». «Манифест» пугал «страшной опасностью» победы Германии, вследствие чего Россия превратится в колонию и будет «отодвинут миг освобождения». Для достижения неизбывной цели – низвержения существующего строя и «установления самодержавия народа» в России – нужно было, по мысли авторов «Манифеста», «желать успеха нашим западным союзникам», противодействовать «революционному “вспышкопускательству” в тылу армии», деятельно участвовать в военно-промышленных комитетах, земских и городских организациях, кооперативах, Государственной Думе[20].

С осени 1915 г. позиции оборончества в эмиграции упрочивались стремительными темпами. Повсюду возникали объединенные группы социал-демократов и социалистов-революционеров – группы «Призыва». В октябре 1915 г. в Париже вышел первый номер рупора оборонческого блока еженедельной газеты «Призыв».

Дела интернационалистов складывались куда как менее успешно. 15 ноября 1914 г. в Париже вышел первый номер газеты «Мысль» (под редакцией В.М. Чернова, Н.И. Ракитникова, М.А. Натансона). Распоряжением министерства внутренних дел Франции 15 марта 1915 г. газета была закрыта. Вместо нее стала выходить газета «Жизнь».

Обстоятельно эсеровская концепция войны была разработана В.М. Черновым. Причину войны он находил в переходе капитализма в «национально-империалистическую фазу» одностороннего индустриального развития. Рост благосостояния пролетариата, по его мнению, явился основным импульсом «массового националистического грехопадения социализма»: пролетариат как социал-демократический мессия отныне – фикция. Война продемонстрировала, отмечал Чернов, что пролетариата без отечества, международного пролетариата – нет, есть национальный пролетариат, связанный с национальной буржуазией. Поэтому социалисты должны воздействовать на всех трудящихся. Мир без аннексий и контрибуций достижим только объединенными усилиями всех трудящихся, всех социалистов всех стран[21].

Вместе с М.А. Натансоном, В.М. Чернов участвовал в Циммервальдской (сентябрь 1915 г.) и Кинтальской (апрель 1916 г.) конференциях интернационалистов. Солидаризуясь с основными тезисами конференции в Циммервальде, он, однако, отказался подписать принятый на ней манифест, так как были отвергнуты его поправки об индустриализации, как предпосылке войны, об ответственности господствующих классов капиталистического общества. Непосредственное воздействие принятого в Циммервальде манифеста на партию эсеров, равным образом, и на социалистическое движение в целом, было ничтожным[22].

Поскольку во Франции пропаганда пораженческих идей решительно пресекалась властями, эсеры-интернационалисты перебазировались в Швейцарию. В Женеве они основали «Комитет помощи образованию и просвещению русских пленных», вели устную и письменную пропаганду среди русских военнопленных; с января 1916 г. наладили издание журнала «На чужбине».

На первых порах абсолютное большинство эсеров России выступали за оборону от «германских захватчиков-империалистов. Собрание эсеров Петрограда 17 октября 1915 г. приняло оборонческую резолюцию. Не прошло и двух

месяцев, как (8 декабря 1915 г.) городская конференция эсеров северной столицы вотировала интернационалистскую декларацию А.Ф. Керенского с лозунгами революции, государственного переворота, захвата власти, созыва Учредительного собрания. Подобным образом развивались события и в других городах. В Москве в начале осени 1915 г. совещание социал-демократов, эсеров и левых кадетов высказалось за оборону. В сентябре того же года воззвания Московской группы призывали народ «смести правительство», бороться за созыв Учредительного собрания. «Самарский коллектив» партии эсеров в резолюции от 14 октября 1914 г. взывал «к защите от германской агрессии» с тем, чтобы после победы вызвать революционное движение и вооруженное восстание»[23]. Все большее число организаций эсеров России тяготело к интернационализму. В 1914 г. выявлено семь таких организаций, в 1915 – 11[24]. В 1916 г. большинство эсеров поддерживало идеи Циммервальда.

Февральская революция в корне изменила ситуацию. Старый строй рухнул. Лидеры партии эсеров вернулись в Россию. Из тюрьмы, каторги и ссылки – долгим странствованием по железным дорогам; эмигранты-оборонцы – кружным, чреватым опасностями путем через Лондон, морем; эмигранты-интернационалисты прямым и безопасным – через Германию. М.А. Натансон предоставил В.И. Ленину и компании право «социалистического первородства» проезда в интернированном вагоне. Сам с единомышленниками совершил вояж тем же маршрутом следующим поездом.

Партия восстанавливалась не по дням, а по часам. Выдвинутые ею лозунги сочувственно воспринимались самыми широкими массами. Летом 1917 г. она насчитывала в своих рядах около 1 млн членов, в большинстве из простонародья, располагала 436 организациями (312 комитетов и 124 группы). С февраля по октябрь 1917 г. партия эсеров выпускала 176 периодических изданий, опубликовала миллионы прокламаций, брошюр, других непериодических изданий. На III съезде (25 мая – 4 июня 1917 г.) она конституировалась: был избран ЦК, определена

тактика по отношению к власти, войне и миру, аграрному, рабочему и другим коренным вопросам. Партийные лидеры и функционеры вошли во властные структуры разных уровней. Циммервальдцы взяли на вооружение лозунг обороны, бывшие оборонцы – «революционного оборончества». Будущие левые эсеры делали ставку на мировую революцию.

На III съезде партии развернулась острая дискуссия. Мнение подавляющего большинства выразил В.М. Чернов. Съезд в целом одобрил внешнеполитический курс Временного правительства, объявил Россию форпостом и цитаделью «третьей силы», которая упрочит основания «некапиталистической эволюции», и, объединяя народы воюющих стран в борьбе за мир без аннексий и контрибуций, положит конец войне. Делегаты категорически отвергли сепаратный мир, подтвердили необходимость совместных действий с союзниками и призвали восстановить Интернационал. Съезд высказался за укрепление армии и повышение ее боеспособности (в то время, как министры и пропагандисты эсеры, вкупе с другими, уже, по существу, ее разваливали). В принятой резолюции делегаты решительно осудили пропаганду отказа от наступления на русском фронте и неповиновения властям. Лидер крайних радикалов Б.Д. Камков требовал «немедленно порвать гражданский мир со своей буржуазией и своим империалистическим правительством», прекратить войну. «Умеренный» Н.Д. Авксентьев звал к активному продолжению войны, к разрыву с «цимервальдизмом, пораженчеством и большевизмом»[25].

После июльских событий 1917 г. Исполнительные комитеты Советов рабочих и крестьянских депутатов, в которых эсеры преобладали, потребовали от правительства «навести революционный порядок в тылу и на фронте, покарать большевиков», которые «сеют смуту в населении, призывают войска к неповиновению», ведут «безответственную демагогическую агитацию, закончившуюся открытым мятежом», настаивали на привлечении к суду В.И. Ленина и его сподвижников[26].

Брестский мир вызвал негодование эсеров всех направлений. ЦК партии эсеров 19 февраля 1918 г. призвал провести по всей стране митинги и демонстрации протеста. Партийной фракции во ВЦИК поручили выступить за «немедленное открытие Учредительного собрания»[27]. На пленуме ВЦИК Советов (24–25 февраля 1918 г.) М.А. Лихач говорил, что мир с Германией означает «конец русской революции». Левые эсеры настаивали на продолжении войны, предлагали принять немедленные меры для организации вооруженного восстания на оккупированных территориях. При поименном голосовании резолюцию большевиков о подписании мира с Германией поддержал только один левый эсер; 74 левых и оба «правых» эсера высказались против этой резолюции[28].

На IV Чрезвычайном съезде Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов (14–16 марта 1918 г.) Б.Д. Камков обвинил большевиков в капитуляции перед германским империализмом, которому «передышка нужна больше, чем России». Заключение такого мира, продолжал он, приведет «к полному удушению русской революции, к полной гибели всех завоеваний трудового народа». Левые эсеры голосовали против ратификации мира и отозвали своих представителей из правительства[29]. Борьба против Брестского мира была объявлена первоочередной задачей; создали в Петрограде Повстанческий комитет для руководства «всеобщим революционным восстанием» против германских оккупантов. На II съезде партии левые эсеры обвинили большевиков в том, что они отдали значительную часть России «на поток и разорение», навлекли неисчислимые бедствия на трудящихся, блокировали революционный процесс в Германии.

Крестьянская секция ВЦИК, возглавляемая М.А. Спиридоновой, Б.Д. Камковым, А.А. Измайлович, А.М. Устиновым, с марта 1918 г. направляла группы агитаторов, преимущественно левых эсеров, в прифронтовые губернии. Так, в Псковскую губернию в апреле было командировано 13 агитаторов, в мае – 15, в июне –19.

Агитаторы призывали крестьян создавать вооруженные отряды, восставать против оккупантов. Их деятельность дала определенные результаты: в значительном числе прифронтовых деревень были созданы боевые дружины и партизанские отряды[30].

Неприятие Брестского мира было одним из мотивов июльского выступления левых эсеров. В воззвании крестьянской секции ВЦИК говорилось: «Благодаря Брестскому миру и правительственной партии большевиков, поддерживающей этот грабительский мир, трудовое крестьянство оказалось накануне возвращения своего в крепостное состояние». «Революция в опасности», – восклицали авторы воззвания, призывая крестьян «встать на защиту своих прав»[31].

VIII Совет партии эсеров (7–16 мая 1918 г.) пришел к выводу о неизбежности восстания против большевиков, «предавших интересы социализма», и необходимости восстановления с помощью союзников Восточного фронта. Восточному фронту отводилась подсобная роль. Предполагалось, что судьбы мировой войны будут решены на Западном фронте. Поражение Германии в Первой мировой войны партия эсеров восприняла как победу исторической справедливости, подтверждение правильности собственной тактики.

Библиография

[1] Накануне мировой войны. (Доклад партии с.-р., приготовленный к международному социалистическому конгрессу в Вене в 1914 года). М., 1917. С. 8.

[2] *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг. (По материалам Департамента полиции): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 17–19; *Постников Н.Д.* Территориальное размещение и численность политических партий России в 1907–1917 гг.: На материалах Департамента полиции. М., 2013. С. 65–68. (Данные автореферата диссертации и монографии несколько разнятся. – *М.Л.*).

[3] *Спиридович А. И.* Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Изд. 2. Пг., 1918. С.544–545.

[4] Первая мировая война. М., 1968. С. 325–326.

[5] ГАРФ. Ф. 6065. Оп. 1. Д. 1. Л. 20-23.

[6] *Овечкин П.А.* Деятельность партии социалистов-революционеров в войсках Московского гарнизона: автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. С. 7-12.

[7] ЦГАСО. Ф 469. Оп. 1. Д. 1875. Л. 140, 156; Там же. Д. 2206. Л. 42-43.

[8] ЦГАСО. Ф. 469. Оп 1. Д. 2280. Л. 2-8.

[9] ЦГАСО. Ф 469. Оп. 1. Д. 1875. Л. 140.

[10] ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1875. Л. 26-30.

[11] ГАРФ. Ф. 102. ДП. ОО. Оп. 1916 г. Д. 9 Ч .69. Лит. Б. Л. 9; *Максимов Е.К., Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны. Саратов, 2007. С. 85–86.

[12] Протоколы первой общепартийной конференции П.С.-Р. Париж, 1908. С. 42.

[13] *Салтык Г.Л.* Неонародническое движение Черноземного центра России: 1901–1923 гг. М., 2002. С. 86–88.

[14] *Шиловский М.В.* Социально-политические процессы в сибирском городе во время Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 г.) // Современное сибиреведение XVII - начала XX вв. С. 288–289; *Сорокина О.Ю.* Эсеры Сибири в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917): автореферат дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2006. С. 11-15.

[15] *Павлов Д.Б.* Японские деньги и русская революция // *Павлов Д.Б.*, *Петров С.А.* Тайны русско-японской войны. М., 1993.

[16] *Леонов М.И.* Левое народничество в начале пролетарского этапа освободительного движения в России. Куйбышев, 1987. С. 64–66.

[17] *Чернов В.М.* Перед бурей. М., 1993. С. 297–299.

[18] ГАРФ. Ф. 5847. Оп. 1. Д. 66, 68.

[19] РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 2. Л. 9-11.

[20] Россия и свобода. (Париж). 1915, 10 сентября.

[21] *Чернов В. М.* Истинные и мнимые пораженцы. Париж, 1905; Его же. Война и третья сила. Женева, 1915; Его же. Интернационал и война. Женева, 1915.

[22] Циммервальдская и Кинтальская конференции. Официальные документы. М.: Л, 1926. С. 6-24.

[23] ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 1875. Л. 140, 156.

[24] *Шалагинова Л.М.* Эсеры-интернационалисты в годы Первой мировой войны // Первая мировая война. М., 1968. С. 324.

[25] Третий съезд партии социалистов-революционеров. Пг., 1917. С. 111–112, 206–211, 214–217.

[26] Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. 1. Ч. 1. М., 1929. С. 266–268.

[27] Партийные известия. Орган ЦК партии социалистов-революционеров. Пг., 1918. № 6. С. 40–42.

[28] *Сивохина Т. А.* Крах мелкобуржуазной оппозиции. М., 1973. С. 128–130.

[29] Стенографический отчет 4-го Чрезвычайного съезда Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. М., 1920. С. 23, 33,64, 66–67.

[30] Знамя труда. Пг., 1918., 19 апреля; Доклад о деятельности Крестьянского отдела Всер. Центр. Исп. Ком. Советов (к ликвидации Крестьян. отдела ВЦИК). М., 1918. С. 5.

[31] Известия ВЦИК. 1918, 10 июля.

КРЕСТЬЯНИН ИЛИ СОЛДАТ? ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

Н.В. Липатова

Первая мировая война сломала привычные социальные роли, а революция 1917 г. этот процесс только усугубила. Неопределенность – одно из самых сложных, неприятных, разрушительно действующих на человека, состояний. Кризисная эпоха начала «короткого XX века» сочетает к себе системность и конструирование традиций[1], которые зачастую являются смешением прежнего и нового смыслов. В условиях войны и революции человек столкнулся с противоречиями и сложностями, которые практически невозможно разрешить. Солдаты тыловых гарнизонов в 1917 г. – это как раз одно из проявлений такого состояния, требующего ежесекундно нового ответа и постоянного отказа от прежних традиционных установок крестьянского мира.

Рассмотрим на материалах Самарской, Саратовской и Симбирской губерний трансформацию мировоззрения, социальных ролей и факторов, способствующих этому изменению.

Речь идет о трех компонентах традиции, которые подверглись изменениям в первую очередь. Это глубинные представления, на базе которых выстраивалась жизнь человека в традиционном обществе: ценность земли-кормилицы, общности как той социальной группы, которая считается своей, и ценность семьи как целого рода, а не отдельных ее представителей. Это сочетание компонентов было главным, так как служило залогом выживания.

Эти три составляющие выявлены с помощью метода фрейм-анализа (рамочного анализа) переписки, публикаций, материалов воспоминаний, чтобы выявить наиболее общие формулировки. В нашем случае более других оказались востребованными такие категории фрейм-анализа, как «видимость», «форматирование» и «важность» (“salience”, “sizing”, “importance”). Именно с их помощью были проанализированы 123 источника.

Предварительные междисциплинарные замечания

Прежде чем рассмотреть примеры проявления трансформации, необходимо сделать несколько предварительных замечаний о том, на основе каких теоретических выкладок были сделаны выводы.

Главным является междисциплинарный подход, Он позволяет проследить трансформацию адаптационных возможностей человека кризисной эпохи в условиях внутреннего противоречия в трактовке и понимании традиций. В данном случае междисциплинарность определяется психологическим понятием жизнестойкости личности, теорией догоняющего развития России и философской концепцией «двойного узла», которая объясняет жесткую зависимость человека от окружающего мира и его вынужденную адаптацию ради самовыживания и самосохранения.

Понятие «жизнестойкость» (“hardiness”), введенное в научный оборот С. Кобейсом и С. Мадди[2], подразумевает индивидуальные способности личности к зрелым и сложным формам саморегуляции как на экзистенциальном, так и на психофизиологическом уровне функционирования человека. В структуре жизнестойкости выделяют три взаимосвязанных установки: вовлеченность, контроль и принятие риска, определяющих способность личности трансформировать негативные впечатления в новые возможности и противостоять разрушительному влиянию стрессогенных факторов на соматическое и душевное здоровье, а также на успешность деятельности. Жизнестойкость позволяет оценить

и проанализировать внутреннее состояние, в которой оказались вчерашние крестьяне – ныне солдаты.

Российская действительность в период Первой мировой войны и революции 1917 г. характеризовалась догоняющим развитием общества. Характер ускоренного и догоняющего развития страны стал для историографической традиции практически каноническим. Такой взгляд крайне низко и пренебрежительно оценивает многие стороны жизни России не только в допетровскую эпоху, но и на старте XX в. Однако следует учесть, что эти взгляды имеют мощную эмоционально-психологическую поддержку путем создания образа непрестанно отстающей и вынужденной догонять остальной мир России[3]. И эта скорость развития меняет понимание трансформации и преемственности. Когда мы говорим о традициях и преемственности, смысловое наполнение этих традиций может быть различным.

Р. Тарнас[4] описывает суть противоречий с помощью ситуации «двойной узел», введенного в научный оборот Г. Бейтсоном. Он использует этот термин для описания ситуации зависимости ребенка от матери[5]. Тарнас заменяет в этой формуле «двойного узла» слово «мать» словом «мир», а слово «ребенок» словом «человек», воссоздавая картину «двойного узла» современной действительности, в которой четыре основных постулата: 1) отношение человека к миру является жизненно важной зависимостью, поэтому крайне важно точно оценивать сообщения из вне; 2) человеческий разум получает от мира противоречивую информацию; 3) с эпистемологической позиции, человеческий разум не способен установить прямое сообщение с миром; 4) в экзистенциальном смысле, человек не может «выйти из игры».

«Двойной узел» в условиях Первой мировой войны означал, что война изменила все глубинные смыслы жизни крестьянства, что осмысление этих изменений невозможно в таком быстром темпе, и человек вынужден действовать, основываясь на прошлом опыте, но в совершено иных

условиях. Эти изменения неизбежны, и остановить их он не в состоянии.

Именно в таких жестких рамках и проходила трансформация крестьянского мировоззрения в условиях Первой мировой войны и Февральской революции.

Солдаты-тыловики в борьбе за заработок и продовольствие

Тыловые гарнизоны в период Первой мировой войны были достаточно многочисленны. В армию были призваны не только те, кто числился в запасе, но и те, кто на мирное время были освобождены от призыва в армию из-за признания негодными к военной службе, так называемые ратники. По данным А.Б. Беркевича, под ружье встали все запасные страны – 2, млн чел., а призыв ратников ополчения первого разряда дал армии еще 800 тыс. чел.[6] В годы войны русская армия насчитывала более 15 млн человек, значительная часть из которых были крестьянами. По данным Всероссийской сельскохозяйственной поземельной переписи 1917 г., поволжские губернии потеряли в среднем около 45–48% трудоспособного мужского населения. В Симбирской губернии в армию ушло 49,4 % мужского трудоспособного населения, в Самарской – 49,1%, Саратовской – 47,3%. Наибольшие потери, по мнению С.Д Морозова, несли, прежде всего, мелкие и средние хозяйства, из которых нередко призывали в армию единственных трудоспособных работников[7]. Уже к лету 1917 г. в Симбирской губернии насчитывалось 32% крестьянских хозяйств без своих работников. Здесь в действующую армию было призвано более 211,6 тыс. крестьян[8].

Безусловно, не все крестьяне оказывались сразу на фронте, часть из них попадала в тыловые гарнизоны, которые так и не были отправлены на фронт вплоть до июльского контрнаступления в 1917 г., подготовленного министром А.Ф. Керенским. Численность тыловых гарнизонов в Самаре составляла 60 тыс. чел., в Сызрани – 29 тыс., в Симбирске – 35 тыс.

Поставленные под ружье и находившиеся в тылу, они ощущали себя в шинелях как в «платье с чужого плеча». Безусловно, от своих крестьянских корней они не только не отказывались, но и как свидетельствуют материалы писем и отдельные фрагменты воспоминаний, считали, что это и есть их настоящая жизнь, роль и даже святая миссия: пахать землю и выращивать хлеб. Это надломленная крестьянская идентичность подпитывалась и тем, что фронтовики не считали их «своими», так как они «пороху еще не нюхали».

Крестьяне видели в них угрозу, поскольку в поисках пропитания, которое в тыловые гарнизоны распределялось по остаточному принципу, солдаты-тыловики «рыскали» по окрестностям, грабя местное население, и «прохлаждались» в казармах, вместо занятия необходимым делом – посевными работами. В Саратове, по сообщениям губернатора, солдаты-тыловики олицетворяли «главное зло, безответственных хозяев положения»[9]. «Аресты, самосуды, во всех этих делах они присутствовали»[10]. Самостоятельное «улаживание» спорных вопросов выливалось в поджоги и столкновения с местными жителями.

В поисках дополнительного заработка они пользовались главным «аргументом» – оружием, с которым, вопреки всем приказам не расставались. Выступления солдат были максимально приближены по своей природе к крестьянским бунтам.

Именно как крестьянский бунт описывается в документах выступление солдат на станции Часовня Нижняя ветки Волго-Бугульминской дороги в Симбирске[11]. Здесь начальник станции, чтобы быстрее отправлять военные грузы нанимал солдат вместо рабочих. Последние, таким образом, теряли заработную плату. Профсоюз грузчиков заявил протест, и рабочие были возвращены на свои места. Военные обратились с жалобой в Совет, апеллируя к заявлению командира казанского военного округа о том, что, во-первых, солдаты голодные и им тоже нужен заработок и, во-вторых, работая, они развиваются умственно и физически[12].

Во время конфликта между рабочими и солдатами запасного 158 полка, солдаты угрожали рабочим: «Если вы нас не примите на работу, то будете выбиты штыками, а крестьяне хлеба вам не дадут»[13]. Здесь проявляется общность интересов солдат-тыловиков и крестьянства, которое так же было не согласно отдавать хлеб[14]. В связи с этим, уверенность в безнаказанности росла и принимала все более широкий размах в виде противоправных действий солдат. Например, 27 августа 1917 г. дезертиры Агеев, Алексейкин, Поземнов и Сергеев в селе Майдак Сурский Алатырского уезда Симбирской губернии подожгли село[15].

Значительная часть подобных поступков диктовалась нуждой и искаженным чувством справедливости. Страх, неуверенность в будущем порождали массовую истерию, хулиганство, нарушение порядка, дезертирство уже из тыловых гарнизонов. Солдаты-крестьяне были одной из самых уязвимых социальных групп среди населения. Их поведение характеризовалось, прежде всего, повышенной степенью конфликтности (что было наиболее примечательным в Поволжье, так как среди рабочих и крестьян, наоборот, присутствовало стремление к конформизму).

Исследователи (Н.Ю. Диунов[16], Д.А. Кузнецов[17]) тыловых гарнизонов выделяют ряд тенденций, характерных для этих воинских формирований. К ним относились высокая политизация солдатских масс, возникшая в результате открывшегося доступа агитаторов от различных партий и объединений в казармы, влияние революционных солдатских комитетов и Совета солдатских депутатов; общее падение дисциплины и пренебрежение воинским уставом из-за введения приказа № 1[18], который должен был, по замыслу его авторов, пресечь такие нарушениям как препятствие замене тяжелых наказаний на более легкие; давление на врачей (так, в Самарском гарнизоне по приказу генерала А.Г. Сандецкого один из солдат, признанный негодным к службе, шесть (!) раз был объявлен генералом «годным», хотя врач и утверждал, что не стоит пересматривать решение); препятствия встречам с

близкими; наличие «вечного животного страха перед начальством»[19].

Трансформация базовых крестьянских ценностей: представления о земле, общности и семье

Трансформация затронула крестьянство, которое можно определить как «человека хозяйствующего», прежде всего существующего в тесной взаимозависимости с природой. Это переход от традиционного сельскохозяйственного общества, которому свойственны определенные взгляды, особое отношение к природе, использование ритуалов, подчинение естественному природному ритму к индустриальному, урбанистическому обществу, да еще и в военных условиях.

Рассмотрим три элемента традиции, которые подверглись изменениям в первую очередь. Речь идет о глубинных представлениях, на базе которых выстраивалась жизнь человека в традиционном обществе.

Первым из таких традиционных факторов, подвергшихся изменению, является трансформация *представления о земле* как непреложной ценности. Так было на протяжении всей истории России.

Однако война и революция вносят коррективы. Отныне земля не сама по себе является ценностью, а ценность представляет ее возможность дать пропитание и сам факт возможности работы на ней. В Саратовской, Самарской, Симбирской и части Казанской губерниях солдаты в начале сельскохозяйственного сезона захватывали кусочек земли и обрабатывали его, что-то выращивая на грядках для того, чтобы прокормить себя. Это подтверждает фактор сезонности, и утверждение о традиционном мышлении тыловиков, свойственного именно крестьянам, а не солдатам. Безусловно, были и «истинные» солдаты, которых переводили в тыловой гарнизон, и они очень удивлялись: «Вы что делаете? Вы зачем работаете вот на этом огороде? Вы зачем все это сажаете? Надо писать выше, надо писать руководству и тогда все будет в порядке».

Во время Второй мировой войны по воспоминаниям тех, кто был угнан в Германию на работу, а потом оказался в переселенческих лагерях, эта тяга к земле позволяла выжить, сохранить себя. Люди, оказавшись на чужой территории, на территории врага, работали – и работали, в общем, достаточно хорошо. В ряде публикаций это даже было предметом критики и трактовалось чуть ли не как факт предательства. Но для крестьян, оказавшихся на земле – это был способ просто забыть о том, что ты на чужой территории, «не сойти с ума», «не погибнуть». Ведь земля – она не просто ценность, она должна возделываться, и крестьянский труд – это один из способов утверждения себя как крестьянина, как человека, связанного с землей.

Еще одним символом традиции крестьянства была общность – как ценность и иррациональное в своей сути доверие[20]. Если человека признавали «своим», то это значило, что солдаты тылового гарнизона ему доверяют, но не как солдату, а как крестьянину.

В документах дела генерала Сандецкого есть такие объяснения успеха внезапной большевистской агитации в Самарском гарнизоне в 1917 г. еще до корниловского мятежа: «Почему вы поддержали и поверили, не выступили против? Он ведь чужой. А почему вы послушали того, кто пришел к вам извне? – Потому что он крестьянин, он не солдат». Речь шла о большевике Гришине, который доказал, что он свой и знает, что такое крестьянский труд. В материалах дела подробно описывается, почему именно солдаты самарского гарнизона признали его крестьянином. Это своеобразный тест-контроль, собеседование. Летом 1917 г., когда новый человек приходил, прибивался к тыловым гарнизонам, то, по воспоминаниям, одним из показателей были загорелые кисти рук, поскольку старая крестьянская привычка закрывать руки до ладоней, так делали в поле, а рабочие наоборот, закатывали рукава.

Третьим символом традиции является ценность рода и семьи. Главная задача человека на войне выжить. Ради чего выжить? Не только ради того, чтобы самому выжить, но и

потому, что если с ним что-то случится, то его семья потом будет бедствовать и голодать.

Именно поэтому солдаты тыловых гарнизонов грабили окрестных крестьян. Потом писали в рапорте, что «в этой семье есть еда на троих, а живет только двое. А у нас еды нет. Они не хотят это понять, поэтому мы берем хлеб насильно». В тоже время, если они считали, что крестьянам не хватает хлеба, то, наоборот, отказывались изымать хлеб по мартовскому закону о хлебной монополии (1917).

В поисках припрятанного продовольствия солдаты по приказам сверху обыскивали мельницы, склады, частные дома[21]. Если этим занималась милиция, то она могла арестовывать, только застав человека на месте преступления[22]. В отличие от нее солдаты получали право немедленного задержания подозреваемого в укрывательстве хлеба. Однако попытка использовать солдат как силу в перераспределении продукции провалилась, так как, во-первых, ситуацию с продовольствием было невозможно уже переломить[23], а во-вторых, солдаты в ряде случаев вместо исполнения приказа сознательно его нарушали.

Так, в с. Атяшево Ардатовского уезда Симбирской губернии двое солдат агитировали население против хлебной монополии и препятствовали реквизиции хлеба, несмотря на то, что изначально были отправлены объяснять крестьянам необходимость сдачи хлеба на ссыпные пункты по твердым ценам. В с. Малячкино Сызранского уезда население не подчинилось требованию сдать хлеб, и 28 августа солдаты его поддержали, нарушив приказ и отказываясь изымать хлеб силой[24]. Военный отряд отправленный в Ишеевку Симбирской губернии для осуществления закона о хлебной монополии губернскому комиссару Ф.А. Головинскому пришлось вернуть, так как он с заданием не справился[25].

С целью прокормить семью, тыловики бежали домой, просили отпуска. Чтобы сократить количество дезертиров местные органы власти принимали решения о предоставлении отпусков. Самарский Совет по сообщению газеты «Известия Самарского Совета» от 22 марта 1917 г. принял решение о

предоставлении солдатам такого отпуска на 21 день. В первый же день уехало 1 400 человек. Всего планировалось перевести 12 тысяч отпускников.

Первая мировая война изменила ценность семьи и рода как единицы на ценность конкретных членов семьи. По материалам писем это наиболее ярко видно. В одном из них, человек пытался объяснить родным свое видение основной задачи на войне: «Вот теперь я понимаю, что у меня есть трое внуков, семеро правнуков, а вот мой отец даже не знал, сколько у него внуков. Он их по именам не мог перечислить... Мой крест – защищать вас, а не всех».

***

Трансформация ценностей и целой социальной общности – процесс мучительный, особенно если это происходит в условиях кризисных и ускоренными темпами. Изменения происходили на всех уровнях и проявлялись не только в присвоении солдатами-тыловиками несвойственных им функций (например, вмешательство в процесс перераспределения земель), но и повышенном уровне конфликтности, у которого не было четко определенного вектора – это был конфликт со всеми слоями населения и властными и общественными структурами.

И, что более существенно, менялось мировоззрение и новый смысл обретали привычные жизненные ориентиры.

Библиография

[1] *Hobsbawm E.* The Invention of Tradition, eds., Terence Ranger. Cambridge University Press, 1983.

[2] *Maddi S., Khoshaba D.* Hardiness and Mental Health // Journal of Personality Assessment. 1994. Vol. 63. № 2.

[3] *Шаповалов В.Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003.

[4] *Тарнас Р.* История западного мышления (Страсти западного ума). М., 1995. (*Tarnas Richard.* Passion of Western Mind. New York, 1991).

[5] *Bateson Gregory*. Steps to an Ecology of Mind. New York, 1972. P. 201–227.

[6] *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 12-13.

[7] *Морозов С.Д.* Население Поволжья на рубеже 19-20-х вв. М., 1996. С. 135.

[8] *Кабытов П.С.* Аграрные отношения в Поволжье в период империализма. Саратов, 1982. С. 136.

[9] ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 167. Л. 130.

[10] Там же.

[11] ГАУО (Государственный архив Ульяновской области). Ф. 677. Оп. 1. Д. 7. Л. 109.

[12] Там же. Л. 102.

[13] ГАУО. Ф. 76. Оп. 2. Д. 27. Л. 12.

[14] Там же. Оп. 2. Д. 27. Л. 12.

[15] Там же. Д. 160. Л. 2.

[16] *Диунов Н.Ю.* Тыловые гарнизоны русской армии в 1917 году (на материалах Верхнего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999 С. 87.

[17] *Кузнецов Д.А.* Офицерский корпус России в феврале-августе 1917 года: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж 2000. С. 110.

[18] *Диунов Н. Ю.* Указ соч. С. 100.

[19] ГАРФ. Ф. 1801. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

[20] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 57–58.

[21] *Рейли Д.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов 1995. С. 237.

[22] ГАНИ УО (Государственный архив новейшей истории Ульяновской области). Ф. 57. Оп. 1.Д. 207. Л. 2.

[23] ГАНИ УО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 207. Л. 10.

[24] ГАРФ. Ф. 1791. Оп. 6. Д. 391. Л. 87.

[25] Там же. Л. 88.

А КОМУ МАТЬ РОДНА?

Д.И. Люкшин

Великая война, как социоантропологическое явление тектонического характера, оказала колоссальное влияние на судьбы мировой цивилизации и индивидуальные биографии. Однако интерпретация ее культурного содержания сводится, – в основном, – к констатации трагических последствий для европейских народов и культурного шока, вызванного чувством богооставленности, возникшим из-за прямолинейной трактовки результатов войны в традиции немецкой историко-юридической школы. Таким образом, интеллектуалы, приватизировавшие истолкование итогов мировой бойни, создав апокалипсический образ вселенского катаклизма, фактически нагрузили тему мировой войны эсхатологическим содержанием. Перенеся его впоследствии и на коллизии Второй мировой.

За вселенской катастрофой, банкротством европейского Просвещения и крушением позитивного сознания далеко не всегда удается разглядеть обычного человека: ветерана или работника тыла; жену-мать или несмышленого младенца. Парадокс маленького человека на Великой войне – вот, собственно говоря, основной вопрос для дискуссии сегодняшнего дня.

Ответ на него прост: с войны не возвращаются. Даже если удается вернуть живое тело, душа остается там, где смерть ходила рядом. Извечная притягательность Танатоса, описанная З. Фрейдом, художественно раскрытая Э. Ремарком и редуцированная Ю. Бондаревым. Спору нет, для ветеранов дело обстоит именно так. Правда, размеры войны значения не имеют, поэтому априори можно предположить, что если клинически фиксируются афганские, вьетнамские, чеченские и т.п. синдромы, то избежать

синдромов Великой или Второй мировой войны уж точно нельзя. Но не все солдаты попадают на фронт... И поговорка «Кому война – кому мать родна» не про героев сложена.

В этом смысле милитаризация российского социума в годы Первой мировой войны не имела аналогов: 15 млн призывников – это уровень Великой отечественной, которая началась с 2-х-кратного уничтожения Красной армии. В 1914–1917 гг. стране было не нужно столько оторванных от дела мужиков. Избыток резервистов уничтожил русскую армию вернее немецких пулеметов. Сталинское руководство такой ошибки не совершило, всеми силами препятствуя милитаризации тыла и удерживая численность действующей армии в разумных пределах, что позволяло более или менее эффективно контролировать деятельность Вооруженных сил. В этом одно из ключевых отличий двух войн, однако, в актуальной традиции векового юбилея «забытой», в общем-то, в нашей стране Первой мировой трендом оказывается применение лекал и шаблонов Второй: подвиги, жертвы, генералы, ордена... За этой фактурой теряется смысл войны, ее квинтэссенция как гуманитарной катастрофы, поскольку в Первой мировой войне России не было нужды защищать границы, эта война не была Отечественной и так ею и не стала.

Когда война становится мировой, число индивидуальных трагедий возрастает, оказывая давление на всю общественную структуру, последствия которого иной раз оказываются непредсказуемыми. Именно в этом смысле на Западе принято именовать ту войну Великой – она изменила Европу, поставив под сомнение сразу все ценности просвещенного общества, составлявшие основу англоцентричного мира.

В отечественной истории этот устоявшийся историографический термин не особо приживается, хотя и используется временами в качестве синонима и для украшения текста. Не приживается потому, что сама война фатальных последствий для общества не имела. Чрезмерный призыв, волны беженцев и пленных, обрушившиеся на деревню, существенно изменили аграрный пейзаж России и

мировоззрение крестьянства, однако в районах, непосредственно не попавших в зону боевых действий, симбиоз имперских и общинных структур в целом не был нарушен (хотя и подвергся серьезной деформации). Масштабное строительство, развитие промышленности и транспортной сети, мутация тендерного баланса нигде не достигли критических значений. В этом смысле российская деревня продемонстрировала свою гибкость, а система моральной экономики – жизнеспособность.

Решительные изменения начались после отстранения Государя, когда квазилиберальная риторика новых лидеров способствовала формированию демобилизационных настроений и утверждению пацифизма. Размахивая «картонным мечом», Временное правительство само запустило механизм общинной революции, которая и стала действительной причиной краха русской армии и банкротства государственности. Запоздалые попытки государственных и общественных структур восстановить контроль над торжествующей деревней вызывали лишь раздражение и саботаж. Совпав по времени, массовое дезертирство, отлынивание отпускников и кризис администрации обернулись «черным переделом», руководство которым приняли на себя вернувшиеся домой «хозяева».

Эта смена трендов, произошедшая между началом и осенью 1917 г. и получившая в новейшей историографии название «общинной революции», и опознается коллегами (в частности, О.А. Суховой и Т.И. Трошиной) в качестве «сначала резкого разрыва внутренних социальных контактов, а потом «вновь» восстановления их «в очень жесткой структуре»; иногда данный сценарий мобилизуют для синонимической замены не политкорректного ныне термина «Триумфальное шествие советской власти». Трошина видит здесь архаизацию, хотя обычно говорят об общинной революции, которая не вписывается в маятник «традиция – инновация», сформулированный сторонниками цивилизационного подхода, поскольку представляет собой

взыскуемый А.В. Гордоном «переход на какую-то другую стадию, в какую-то другую жизненную сферу».

Поэтому, говоря о российском мужике как о нашем «маленьком человеке», едва ли стоит переоценивать ужасы Первой мировой для окопавшихся на тыловых складах и в запасных полках селян: как показала практика, к 1917 г. они вовсе не устали от войны, а только размялись, изготовляясь к серьезным схваткам за землю и долю.

Гуманитарная проблема войны – вопрос о том, как человек приспосабливается, выживает, какую цену платит за это. Это индивидуальная стратегия. Она оказывается в некотором соотношении со стратегией государства. Во время войны согласовать интересы сторон намного сложнее – включившее мобилизационный ресурс государство уже назвало себя Родиной и требует именно что жертв, в то время как индивидуальная мотивация отвергает жертвенный сценарий, тушуя его ура-патриотизмом или избыточным оптимизмом.

В России же обычная в таких случаях фрустрация индивидуальных сценариев был подменена демобилизацией государства, вне сферы действия которого социум немедленно принял привычный для себя крестьянский вид[1].

А вот общество, – имеется в виду образованное общество, уже попробовавшие на язычке кокаиновый вкус модерна, – было готово жертвовать, более того, ему просто таки не терпелось начать: толпы добровольцев; бегущие на фронт подростки; женские батальоны... – реальность стремительно обретала форму гротеска, апофеозом которого стали конные матросы[2], а мейнстримом – «балтийский чаек» («окопный коктейль» из медицинского спирта с кокаином, после употребления этой «радикальной смеси» не спали сутками, в атаку шли без страха, а при ранении не ощущали боли).

Этот лукавый, решенный в дешевой (с позиции затрат душевной энергии) трактовке жертвенности в стилистике «джеро» (так называют в Чечне женщин-вдов, вступивших на путь войны, из числа которых рекрутируются шахидки)

подход, в общем-то глубоко чуждый православной этике и социальной эстетике Руси, к чьей культурной традиции пытались апеллировать так называемые «просвещенные сословия», оказался непреодолимым соблазном, нравственной ловушкой, в которую попало российское образованное общество во втором десятилетии XX в., – и выбраться из которой, сохраняя нравственное чувство, было уже нельзя.

В ситуации, когда переживавшие системный кризис социальные институции оказались нефункциональны, крестьянство – растерялось, а начальство самоустранилось, на авансцену выдвинулись именно что персонажи оперы Буфа, правда с наганами и очень серьезно настроенные. И они тоже были готовы жертвовать: собой, страной: «Предпочтительность именно человеческой жертвы в том, что ни одно жертвенное животное не обладает свободой воли и потому лишь с большой долей условности может уподобляться свободному божественному существу, с которым желает соединиться жертвователь. От этой позиции расходятся два пути. Один – путь теистической религии, когда, осознав свое подобие Богу, адепт стремится актуализировать его через уничтожение в себе всего, что этому подобию не соответствует... Иной путь в религиях демонистических. Здесь адепт, желая получить власть над духами, также стремится, обрести божественную природу повелителя и творца духовных сил. Насилие не смущает жертвователя, ибо в самом насилии над жертвой уже проявляется та богоподобная власть, которой он стремится достичь в результате жертвоприношения. Колдуны получают и возобновляют свою силу, вкушая человеческую плоть, — указывает П. Броун, — колдун может обрести могущество, поглощая жертву»[3].

Вот, собственно говоря, и вся немудреная мистика революции: когда в каждом из лагерей сходятся противоположные психосоциальные практики, неотрефлексированные их носителями, а разделение на белых и красных, утрачивает смысл (вспомните, как у А.Н. Толстого: Рощин – персонаж картонный, как раз для маски Арлекина

(или Пьеро) подходящий, перемещается от красных к белым, и наоборот...), становится условным, – как в школьном пионерболе, – любые моральные сдержки становятся лишними, мешают, потому что не имеют значения, лишаются смысла.

В этой ситуации смысл имеет только сам жизненный контент, ее поддержание и наслаждение, как от содержания, так и от самого факта длительности жизни. Или отсутствие смысла, точнее, – в духе Ж. Лакана, – произвольное соотнесение смыслов и феноменов, когда семиотические ряды «плывут», предоставляя каждому актору произвольно агрегировать пучок смыслов. Атомизация социума в Семнадцатом году – вот основная причина Красной смуты, соответственно, ответ на вопрос о причинах этой атомизации и станет решением проблемы истоков Смуты.

Сейчас уже очевидно, что 1917-й – это не концентрация национальных ресурсов, это их децентрализация, если угодно – распыление. Анализ региональных сюжетов убеждает в том, что большевики не столько возглавили, сколько «оседлали» этот процесс, использовали его в своих интересах, прежде всего, для решения задач разрушения национальной инфраструктуры. Но процесс этот имел автономный характер, то есть его причины следует искать не во внешних вызовах, а в особенностях внутреннего социального устройства и государственного режима. Проще говоря: споры смуты, ее корни – внутри социума, в механике бытия которого что-то пошло не так...

Поэтому презентация Великой войны как культурной катастрофы требует особой фокусировки исторической оптики, а, следовательно, и некоторого отстранения: изнутри, непосредственным участникам и свидетелям общая картина не открывается, затушевываясь локальными образами бестолковщины и оглупления. Однако крестьянский Арлекин, лукаво надевший маску простеца, вовсю глумится над своими партнерами, изготовляясь к «черному переделу». Таков закон жанра: кто-то должен получить палкой между лопаток.

И, судя по всему, крестьянство было абсолютно не готово принести в жертву себя: не только одуревшая от праздности столичная солдатня, но и крестьянство провинциальное. Оно оставалось глубоко чуждым паттерну жертвенности, на протяжении всей Великой войны, а уж почуяв слабину и дорвавшись до власти в уездах, так и вовсе забыло о гражданском долге и защите цивилизации от тевтонского варварства.

Получается, что российское общество, вознамерившись на пороге торжества модернистского рационализма избавиться от крестьянского балласта, принуждено было само расплатиться по векселям крестьянофобского проекта. В то время как война стимулировала невиданный расцвет крестьянского социально-административного творчества, обусловив появление к зиме 17-го года страны крестьянской утопии[4], завоевание которой пришлось отложить на несколько лет: Кому война, а кому мать родна...

Библиография

---

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 74 и др. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/WWI.pdf).

[2] Воспоминания Коровина о революции 1917 года // Форум православных ремесленников. URL: http://forum-svyatynya.ukrainianforum.net/t1590-topic.

[3] *Зубов А.Б.* История религий. Кн. 1. URL: http://www.textfighter.org/raznoe/History/Zubov/ab_zubov_istoriya_religii.php

[4] Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 386–440. (URL: http://www.docme.ru/doc/244893/krest._yanovedenie-8.pdf)..

КРЕСТЬЯНСТВО И МИРОВАЯ ВОЙНА

С.А. Нефедов

Прим. ред.: *из текста статьи по техническим причинам исключены иллюстративные материалы (диаграммы и таблицы) автора*

В.П. Данилов утверждал, что крестьянская революция в России началась в 1902 г.; она была вызвана крестьянским малоземельем и низким уровнем потребления. В 1901/02–1905/06 гг. душевое потребление зерна и картофеля (в пересчете на зерно), включая фураж составляло 20,9 пуда, в то время как минимальная норма потребления равнялась примерно 22,6 пуда[1]. Миллионы крестьян страдали от хронического недоедания, а в годы неурожаев обширные районы Европейской России охватывал голод. Особенно низким был уровень потребления в Центрально-Черноземном районе и в Среднем Поволжье – в 1905 г. эти районы стали основными очагами крестьянских восстаний. Хотя восстания были подавлены, положение в деревне оставалось напряженным.

В начале Первой мировой войны продовольственное положение улучшилось в результате запрета экспорта; было запрещено и винокурение, таким образом, в стране должно было оставаться количество зерна, более чем достаточное для снабжения армии и тыла[2]. В 1914 г. урожай был средний, а в 1915 г. – самый высокий за последнее десятилетие. Как показывают расчеты, душевое потребление в тылу в 1914/15–1915/16 гг. составляло 23–25 пудов – то есть было больше, чем потребление населения в предвоенное время.

Однако на смену продовольственной проблеме пришла проблема с нехваткой рабочей силы. К весне 1915 г. в армию было мобилизовано 6,3 млн человек, а к весне 1917 г. – 13,5 млн, что составляло 47% трудоспособного мужского населения. Это привело к резкому изменению

демографической ситуации в деревне, на смену избытку рабочей силы пришел ее недостаток. В семи губерниях Черноземья (Орловской, Пензенской, Рязанской, Тамбовской, Тульской и Черниговской) без работников-мужчин осталось 33% хозяйств, во многих хозяйствах земля была засеяна лишь благодаря старой традиции общинных «помочей». Не хватало работников и в помещичьих хозяйствах. Арендная плата по семи губерниям упала с 41% урожая в 1912–1914 гг. до 17% в 1915 г. и 15% в 1916 г.; резко возросла оплата батраков (в Тамбовской губернии – на 60–70%). На юге, в Новороссии, не получавшие прежней прибыли помещики стали сокращать запашку, в Херсонской губернии к 1916 г. владельческая запашка сократилась в 2,3 раза. Однако в целом по стране, если не учитывать потерю оккупированных территорий, уменьшение посевных площадей было незначительным (в Центрально-Черноземном районе – на 4%)[3].

Как отмечают многие авторы, с чисто продовольственной точки зрения положение крестьянства во время войны несколько улучшилось[4], но в плане уменьшения социальной напряженности это не имело существенного значения. Отношение к правительству и к войне определялось негативной инерцией предшествующего периода.

«Село, и прежде антигосударственное по настроению, – отмечают В.Л. Дьячков и Л.Г. Протасов, – не видело нужды в активной поддержке государственных военных усилий, ставя на первое место борьбу за землю и волю, против помещиков, хуторян... против твердых цен, проваливая продовольственную разверстку А.А. Риттиха, саботируя государственные повинности и налоги... Внутренний конфликт, ненависть к “врагу внутреннему” были сильнее, подпитываясь негативно осмысленным опытом прошлой жизни, пережитыми обидами, хроническим социально-культурным недопотреблением»[5]. С началом войны к накопленному за десятилетия социальному недовольству добавилась боль расставания с родными и близкими; если прежде крестьянство страдало от голода, то теперь «мужиков» посылали умирать на непонятной для них войне.

Во время мобилизации «плач мужчин, женщин, детей слышался в России повсеместно»[6].

В годы войны русская армия на 90% состояла из крестьян[7]. Исследователи крестьянского менталитета отмечают, что в основе отношения крестьян к войне лежало традиционное фаталистическое восприятие ее как стихийного бедствия, наподобие засухи и неурожая. Поэтому крестьяне и на этот раз в своей массе подчинились судьбе: 96% мобилизованных явились на призывные пункты[8]. Но на многих призывных пунктах неожиданно вспыхнули стихийные волнения, которые пришлось усмирять силой, по неполным официальным данным при подавлении этих бунтов было убито 216 призывников. Власти пытались объяснить эти волнения несвоевременным введением «сухого закона», что не позволяло провожать призывников «по обычаю». Однако Дж. Санборн приводит примеры, когда официальное объяснение было заведомо ложным, и показывает, что в основе волнений лежало социальное недовольство. Мобилизация сопровождалась огромным потоком жалоб но то, что «богатые» уклоняются от призыва, что «за 100 рублей можно получить бронь»[9]. Генерал С.А. Добровольский, начальник мобилизационного отдела писал об обилии «всевозможных просьб... об освобождении, или, по крайней мере, об отсрочке призыва в войска. Подобные просьбы поступали не из толпы народа, а от нашего культурного общества и из среды буржуазии»[10].

Таким образом, фактор социального раскола проявился в самом начале войны; при этом раскол приобрел еще одно измерение: простонародье должно было идти на фронт умирать, в то время как элита и ее служители могли отсиживаться в тылу. Социальный раскол в значительной мере определил постепенно развивающееся противостояние «фронт» – «тыл»; он обусловил ненависть и презрение фронтовиков к «тыловым крысам», включая полицию, штабных офицеров, высшее командование и правительство. После понесенных поражений крестьянская ненависть кристаллизовалась в обвинение в предательстве, адресуемое

высшим офицерам – то есть по преимуществу дворянам-помещикам, старым врагам крестьян. «Крестьянская психология солдата указывала ему конкретного виновника его страданий – предательство офицеров, особенно высших, и министров»[11].

Однако конфликт фронта и тыла был более широким, чем традиционное противостояние народных низов и элиты, он втягивал в себя и средние слои, людей, которые прежде не проявляли социального недовольства, а теперь люто ненавидели тех, кто послал их умирать, а сам отсиживался в тылу. Эта ненависть проявлялась, в частности, в отказах фронтовиков (в том числе казаков и офицеров) оказывать помощь полиции в подавлении голодных бунтов. Как отмечал А. Уайлдман, внутренняя логика армейской жизни в годы войны в большей степени вела к бунтарству, нежели любая пропаганда[12].

Многие наблюдатели отмечали, что мобилизованные крестьяне не понимали, ради чего они должны идти на войну[13]. «У них не было никакого представления о том, ради чего они воюют, – свидетельствует британский военный атташе А. Нокс, – не было у них и сознательного патриотизма, способного укрепить их моральный дух перед зрелищем тягчайших потерь...»[14]. «Крестьянин шел на призыв потому, что привык вообще исполнять все, что от него требует власть, – писал генерал Ю.Н. Данилов, – он терпел, но пассивно нес свой крест, пока не подошли великие испытания»[15]. Едва ли не единственной внутренней мотивацией крестьянского участия в войне – но мотивацией неофициальной, исключительно на уровне бытового сознания – были слухи о том, что после окончания войны солдаты-победители получат землю. Однако по мере затягивания войны ничем не подкреплявшиеся надежды постепенно рассеивались[16].

Нежелание крестьян-солдат воевать сказывалось уже в начале войны. Председатель Думы М.В. Родзянко приводил примеры, когда во время атаки с поля боя дезертировало до половины солдат, подчеркивая, что это примеры «далеко не

единственные»[17]. К концу 1914 г. в различных армиях было издано большое количество приказов, отмечавших отсутствие стойкости у солдат и распространившиеся сдачи в плен[18]. Русская армия уступала противнику в артиллерии, и русские генералы старались использовать численное превосходство, безжалостно бросая своих солдат в штыковые атаки. Осенью 1914 г. на Восточном фронте 3 млн русских сражались с 1,5 млн австрийцев и немцев, и к концу года русские потери достигли 1,4 млн. Уже в начале 1915 г. закончились мобилизационные запасы снарядов и винтовок, на фронт прибывали невооруженные пополнения. Затем началось немецкое наступление. В июле 1915 г. в сражении на реке Нарев тысячи солдат не имели винтовок, а для артиллерии была установлена норма в 5 выстрелов на орудие в сутки. Немецкие же орудия были обеспечены 600–1 000 выстрелами. В день немецкого наступления артиллерийская подготовка продолжалась пять часов, и за это время обороняющиеся потеряли 30% боевого состава[19].

Разгромленные русские армии потеряли в летней компании 1915 г. 2,4 млн солдат, в том числе 1 млн пленными. Деморализованные и не понимающие смысла войны солдаты массами сдавались в плен. Начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Янушкевич писал военному министру: «Получаются сведения, что в деревнях... уже отпускают новобранцев (призыв 15 мая) с советами: не драться до крови, а сдаваться, чтобы живыми остаться»[20]. Янушкевич добавлял, что солдатам незнакомо само понятие «патриотизм», что тамбовец – патриот лишь Тамбовской губернии, а на общероссийские интересы ему наплевать. Поэтому – тут генерал затрагивал главный вопрос – солдата «надо поманить», пообещать ему земельный надел в 10 десятин[21]. На заседании 30 июля А.А. Поливанов говорил, что «деморализация, сдача в плен, дезертирство принимают грандиозные размеры»[22]. А.И. Гучков рассказывал, что бывали случаи, когда целые роты вместо контратаки подходили к позициям противника и поднимали ружья – сдавались[23]. «Стойкость армии стала понижаться и

массовые сдачи в плен стали обычным явлением», – свидетельствует А.А. Брусилов[24].

Большие потери, массовые сдачи в плен и дезертирство привели к тому, что осенью 1915 г. на фронте осталось только 870 тыс. солдат – втрое меньше, чем в начале войны. Ввиду столь тяжелого положения началась мобилизация старших призывных возрастов, 30–40-летних мужчин, отцов семейств. В деревнях при проводах мобилизованных происходили душераздирающие сцены: миллионы похоронок открыли масштабы кровавой бойни и стало ясно, что у уходящих немного шансов вернуться. Произошло 82 бунта, сопровождавшихся разгромами магазинов, вокзалов и полицейских участков: мобилизованные требовали отправить воевать отсиживавшихся в тылу полицейских. Призывники разбегались по пути на фронт; по данным И.М. Пушкаревой, количество бежавших из маршевых эшелонов достигало сотен тысяч[25]. «Пополнения, посылаемые из запасных батальонов, приходили на фронт с утечкой в 25% в среднем, – свидетельствует М.В. Родзянко, – и к сожалению, было много случаев, когда эшелоны, следующие в поездах, останавливались ввиду полного отсутствия состава эшелона...»[26]

Характерным свидетельством отсутствия национального единства в расколотой жестоким социальным конфликтом стране было голосование думских фракций трудовиков и социал-демократов против военных кредитов осенью 1915 г. Л. Хаймсон отмечал, что среди политических партий воюющих стран русские трудовики и социал-демократы представляли собой единственные парламентские фракции, которые проголосовали против военных кредитов единогласно. «У рабочих отсутствовало ощущение, что они принадлежат к единой нации», – писал Л. Хаймсон[27]. То же самое, очевидно, можно сказать и о крестьянах.

Правительство пыталось заставить солдат сражаться. Были созданы специальные вооруженные команды для доставки мобилизованных на фронт. Была введена смертная

казнь за саморанения; солдат предупреждали, что в случае сдачи в плен их семьи лишатся пайков, а сами они после войны будут отправлены в Сибирь[28]. Приказ командующего восьмой армией А.А. Брусилова гласил: «...Сзади нужно иметь особо надежных людей и пулеметы, чтобы, если понадобится, заставить идти вперед и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, что еще хуже, сдаться в плен»[29]. Были введены телесные наказания, и солдат стали пороть розгами за мельчайший проступок, например, за самовольную отлучку на несколько часов, а иногда просто, чтобы «поднять воинский дух»[30]. Естественно, что такие меры озлобляли солдат против офицеров и усиливали социальный раскол в обществе.

Осенью 1915 г. немецкое наступление остановилось; зимой благодаря налаживанию производства внутри страны и помощи союзников удалось улучшить снабжение армии винтовками и снарядами. Как показывают отчеты военных цензоров, за время зимней передышки настроение солдат улучшилось, и это позволило летом 1916 г. бросить армию в наступление. Летняя кампания 1916 г. превратилась в новую кровавую бойню, и если верить данным Генерального штаба, то потери убитыми и ранеными были лишь немногим меньшими, чем в 1915 г. Л. Гарт подчеркивал, что Брусилов «потерял больше миллиона людей, и тем самым скорее морально, чем материально, подорвал боеспособность России. Неизбежным следствием этого должна была быть революция и разложение русских вооруженных сил»[31].

Для характеристики морального состояния солдат особенно показательны потери пленными: в 1916 г. эти потери составили 1,5 млн солдат – притом, что армия не отступала, как в 1915 г., а наступала[32]. О распространении добровольной сдачи в плен говорят многие историки, опирающиеся на анализ фронтовой корреспонденции[33]. Эта тема широко представлена в письмах офицеров: «Представится случай, охотно идут в плен, а тем более, что против нас австрийцы», «австрийцы очень часто переходят к

нам в плен, наши тоже не спят: как только начальство заглядится, так и уходят» и т.д.[34] Характерно также одно из солдатских писем: «От чистого сердца сознаюсь, что почти все солдаты стремятся попасть в плен, особенно в пехоте... Почему наша Россия оказалась в таком плохом положении, а потому, что наше правительство заглушило жизнь бедного крестьянина, которому не за что класть свою голову...»[35]

Р. Пайпс подсчитал, что в целом за время войны Россия потеряла 3,9 млн пленными, в 3 раза больше, чем Германия, Франция и Англия вместе взятые. На 100 убитых в русской армии приходилось 300 пленных, а в германской, английской и французской армиях – от 20 до 26, то есть русские сдавались в плен в 12–15 раз чаще, чем солдаты других армий (кроме австрийской)[36].

Эти данные, однако, не совсем точны. По выявленным Е.З. Волковым подробным документам, число убитых в 1914–1917 гг. составило 690 тыс., а число сдавшихся в плен – 5 094 тыс., то есть на 100 убитых приходилось 737 пленных[37]. Для сравнения, во время Великой Отечественной войны, потери Советской армии составили 6 329 тыс. убитыми, а число пленных вместе с пропавшими без вести в начале войны составило 4 559 тыс. То есть на 100 убитых приходилось 72 попавших в плен и пропавших без вести[38].

Таким образом, не желавшие воевать русские крестьяне нашли новый способ выражения протеста – они «уходили в плен». Особенно характерна динамика «ухода в плен» начиная с октября 1916 г., когда в условиях распутицы, а потом зимы, бои на фронте практически прекратились. В этот период началось «голосование ногами» – количество уходящих к противнику быстро росло и в феврале 1917 г. достигло 148 тыс. человек. После революции появилась надежда – и в марте число пленных упало до 19 тыс.

Помимо сдачи в плен, массовый протест принимал и другие формы. Резко возросло число дезертиров, по некоторым оценкам, к началу 1917 г. оно составляло 1,5 млн[39]. Отмечались случаи отказа частей идти

в наступление («забастовки солдат»), братания с солдатами противника.

В солдатских письмах все чаще встречаются угрозы посчитаться с «пузанами, которые сидят в тылу»[40]. Летом 1916 г., по словам прибывавших на побывку солдат, на фронте были широко распространены слухи о том, что «после войны... будет война внутри России из-за того, что все богачи откупились и не несут военной службы, а сидят дома»[41]. В последние месяцы 1916 г. цензоры Казанского военного округа отмечали в своих отчетах, что «такого уныния как теперь, в корреспонденции с театра войны еще не было. 2,5 года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Нет доверия к власти, нет и веры в себя. А остается лишь место для протеста, который может вылиться в нежелательные формы»[42]. В отчете за январь 1917 г. был приведен отрывок из солдатского письма, отражающий, по мнению военно-цензурной комиссии, типичное настроение солдат: «Мы здесь на фронте проливаем кровь, терпим разные лишения и кладем жизнь, а там на нашей крови... купцы-спекулянты строят свое благополучие и счастье»[43].

Осенью 1916 г. Петроградское жандармское управление отметило факты начавшегося разложения армии: массовую сдачу солдат в плен, дезертирство и вражду солдат к офицерам[44] – характерное проявление обострения социальной розни.

«Ситуация в армии становилась все более безнадежной, – свидетельствует А.Ф. Керенский. – В январе 1917 года насчитывалось 1 200 тысяч дезертиров и число это постоянно росло. В армии шла самовольная демобилизация. Высшее командование было бессильно остановить разбегавшихся по домам солдат. Создавались особые отряды военной полиции для отлова дезертиров... Исчезла всякая воинская дисциплина. Целые роты отказывались сражаться... Солдаты то и дело покидали траншеи, братались с немцами, иногда уходя вместе с ними»[45].

В октябре 1916 г. произошли восстания нескольких тысяч солдат на тыловых распределительных пунктах в Гомеле и Кременчуге; возможность большого солдатского мятежа становилась все более реальной[46].

Современные историки согласны во мнении, что солдатский бунт сыграл решающую роль в Февральской революции[47]. Председатель Думы Родзянко рассказывал неделю спустя, что восставшие солдаты, были на самом деле, «конечно, не солдаты, а просто взятые от сохи мужики, которые все свои мужицкие требования нашли полезным теперь же заявить. Только и слышно было в толпе – "земли и воли", "долой Романовых", "долой офицеров"...»[48].

28 февраля у солдат появились первые наспех изготовленные плакаты, и на них было написано: «Земля и воля!»[49]. 1–2 марта по всему городу происходили митинги, и главное требование солдат выражалось все тем же лозунгом: «Земля и воля!»[50] Когда две недели спустя происходил первый парад революционного петроградского гарнизона, М. Палеолог внимательно читал лозунги, которые несли солдаты на своих знаменах – почти на всех знаменах были надписи: «Земля и воля!», «Земля народу!»[51]

«Бунт бывших крестьян, вооруженных на свою голову самодержавием, во многом определил ход и самый дух последующей советской истории», – указывает В.П. Булдаков[52]. В конечном счете, заключает П. Гатрелл, мировая война лишь дала возможность укоренившемуся классовому конфликту проявить себя и трансформироваться в революцию[53].

Библиография

[1] *Нефедов С.А.* Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург, 2009. С. 62, 65.

[2] *Кондратьев Н.Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время революции и гражданской войны. М., 1991. С. 187.

[3] Рассчитано по*: Анфимов А. М.* Российская деревня в годы первой мировой войны. М., 1962. С. 155, 188, 189, 205; *Иванов А.А.* Крестьянское хозяйство Черноземного центра России накануне и

в годы Первой мировой войны: дис... канд. ист. наук. М., 1998. С. 117, 124; *Кондратьев Н.Д.* Указ. соч. С. 123.

[4] *Пайпс Р.* Русская революция. Ч. 1. М., 1994. С. 266.

[5] *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Великая война и общественное сознание: превратности индоктринации и восприятия // Россия и первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб,. 1999. С. 62.

[6] *Санборн Дж.* Беспорядки среди призывников в 1914 г. и вопрос о русской нации: новый взгляд на проблему // Россия и Первая мировая война (материалы международного коллоквиума). СПб,. 1999. С. 205.

[7] *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. М., 2001. С. 82, 403.

[8] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 106, 110, 112; *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М., 1988. С. 76.

[9] *Санборн Дж.* Указ. соч. С. 207, 212.

[10] *Яковлев Н.Н.* Последняя война старой России. М., 1993. С. 12.

[11] *Дьячков В.Л., Протасов Л.Г.* Указ. соч. С. 63.

[12] *Хасегава Ц.* Февральская революция: консенсус исследователей? // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 99.

[13] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 222.

[14] *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 230.

[15] *Поршнева О. С.* Указ. соч. С. 217.

[16] *Самохин К. В.* Первая мировая война в восприятии тамбовских крестьян //Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия. СПб., 2003. С. 311, 312.

[17] *Родзянко М. В.* Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. М., 2002. С. 253.

[18] *Яковлев Н. Н.* Указ. соч. С. 61–62.

[19] *Уткин А. И.* Указ. соч. С. 121; *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 252; *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976. С. 258-259.

[20] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 307, 311.

[21] *Аврех А.Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989. С. 189.

[22] Там же. С. 313.

[23] Разложение армии в 1917 году. М.-Л., 1925. С. 2.

[24] *Брусилов А.* Мои воспоминания. М., 2001. С. 197.

[25] *Пушкарева И.М.* Февральская буржуазно-демократическая революция. 1917 г. в России. М., 1982. С. 84; *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 247.

[26] *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 275.

[27] *Хаймсон Л.* Политический и социальный кризис в России (от кануна Первой мировой войны до Февральской революции) // Россия XXI. 1998. № 9–10. С. 144, 156.

[28] Там же; *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 233; *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 311.

[29] *Яковлев Н.Н.* Указ. соч. С. 78.

[30] *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Т. 1. Февральская революция. М. 1997. С. 49.

[31] *Лиддел Гарт Г.Б.* Правда о Первой мировой войне. М., 2010. С. 226.

[32] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 120, 323.

[33] *Вахрушева Н.А.* Солдатские письма и цензорские отчеты как исторический источник // Октябрь в Поволжье и Приуралье. Казань, 1972. С. 67-88;*Кабытов П.С.* Русское крестьянство в начале XX века. Куйбышев, 1990. С. 122–127; *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 260; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2003.

[34] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение... С. 260.

[35] *Вахрушева Н.А*. Указ. соч. С. 75.

[36] *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 92.

[37] *Волков Е.З.* Динамика населения СССР за 80 лет. М., 1930. С. 53, 63.

[38] *Филимошин М.В.* Людские потери Вооруженных сил СССР // Мир России. 1999. Т. 8. № 4. С. 95.

[39] *Пайпс Р.* Указ. соч. С. 275; *Родзянко М.В.* Указ. соч. С. 273.

[40] *Кабытов П.С.* Указ. соч. С. 123.

[41] *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России... С. 206.

[42] *Вахрушева Н.А.* Указ. соч. С. 77.

[43] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение... С. 259.

[44] *Черняев В.Ю.* Первая мировая война и перспективы демократического преобразования Российской империи // Россия и Первая мировая война. СПб, 1999. С. 197.

[45] *Керенский А.Ф.* Русская революция. М., 2005. С. 96–97.

[46] *Минц И.И.* История Великого Октября. Т. 1. М., 1967. С. 430.

[47] *Руднева С.Е.* 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. Международная научная конференция // Отечественная история. 1998. № 1. С. 206.

[48] Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М., 1990. С. 242.

[49] *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Л., 1977. С. 181.

[50] *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971. С. 305.

[51] *Палеолог М.* Царская Россия накануне революции. М., 1996. С. 243.

[52] *Булдаков В.П.* Истоки и последствия солдатского бунта: к вопросу о психологии «человека с ружьем» // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 208.

[53] *Gatrell P.* The Tsarist Economy. 1850–1917. N.Y., 1986. P. 231.

ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНАЯ ДЕРЕВНЯ В 1917–1918 ГГ.: АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ

В.П. Николашин

Проблематика реформирования аграрного сектора является одним из ключевых вопросов развития российской государственности. Модернизационный курс зачастую скрывается за политической ширмой и формируется в кулуарной борьбе. Однако социально-экономическое конструирование приобретает новые оттенки в условиях войн и революций, рельефно отображая ранее скрывавшиеся за фасадом большой политики точки конфликтности и точки роста. Исторический опыт подобных трансформаций позволяет глубже разобраться в отечественной аграрно-реформаторской деятельности, более широко изучить причины и последствия системного кризиса, сложившегося в России в первые послереволюционные годы.

Одним из ключевых вопросов для крестьянства, представлявшего наиболее массовую социальную страту российского общества, была проблема экономических прав на землю. Частичность, рафинированность реформ Временного Правительства демонстрировало банкротство аграрной политики власти. Сменившие Временно правительство большевики вынуждены были изменить реформационный инструментарий своих предшественников, по-иному поставить вопрос о преобразованиях в деревне. Но перед ними встала уже комплексная задача решения вопросов «мира» и «земли».

Решением указанных проблем большевики должны были заняться на волне революции и продолжавшейся войны. А.Н. Анцыферов отмечал, что в «тяжелый момент войны, осложненной государственным переворотом, этим чисто политическим актом был нанесен сильнейший удар по

русскому сельскому хозяйству»[1]. Для выхода из политического и экономического тупика большевики издали «Декрет о земле» и «Декрет о мире». Вывески – лозунги этих законов на практике были инструментами политического лавирования. Только в начале 1918 г. был утвержден «Основной закон о социализации земли» и подписан Брестский мир, которые подвели логический итог первому этапу большевистской внутренней и внешней политики. Но и они не провели красную линию, за которой бы завершались социальные потрясения для деревни[2].

Жернова военного времени перемалывали «человеческий ресурс». Деревня выступала основным донором военных, экономических, политических потрясений и трансформаций России. По революционным и военным счетам платило крестьянство, а точнее женщины, которые становились основной рабочей силой в деревне. Волны мобилизаций поступательно «вымывали» демографические ресурсы. «В деревне в диковинку было встретить молодого мужчину, все мужские работы стали исполнять женщины, – рассказывалось в газете о селах Беловской волости Грайворонского уезда (Курской губернии – *В.Н.*) – В поле пестрелось много опустевших полос надельной крестьянской земли, незасеянной за неимением рабочих рук. Семейства, не имеющие рабочих рук, и солдатки стали сдавать свои земли за бесценок в аренду...[3]. Снижение производительных сил деревни в совокупности с ростом масштабов военно-мобилизационных мероприятий государства вело к развитию недовольства войной в крестьянской среде. Деревенский негативизм активизировал в общине стратегии пассивного сопротивления всех начинаний власти. Социальная бомба замедленного действия могла сработать в любой момент.

Внутридеревенский конфликт, помноженный на негативные влияния войны, оказывали определяющее влияние на ход аграрных преобразований. На начальном этапе Первой Мировой войны, как отмечает Л.Н. Литошенко, сельское хозяйство с одной стороны получило негативные воздействия в форме мобилизаций, а с другой – для него

спасительным оказался «кризис аграрного перенаселения, который тяготел над страной в мирное время»[4]. Избыточные трудовые силы были механически изъяты из деревни. Но преимущества первых месяцев войны к моменту ее завершения обернулись глубокими экономическими потрясениями. А.Н. Анцыферов указывал на то, что война отразилась на сельском хозяйстве в двух направлениях: «во-первых, сильно упал вывоз (зерна – *В.Н.*)... во-вторых, вследствие отвлечения части рабочей силы и хозяев на пополнение грандиозной армии, и военных действий появился зловещий призрак сокращения посевной площади»[5]. Вчерашние мобилизованные солдаты возвращались в деревню с набором революционных ценностей, эмоционально накаляя общину.

Синергетически связанные война и революция создали социальный «коктейль Молотова», который максимизировал риски проведения любой аграрной реформы кроме самой радикальной, под флагом «черного передела».

Проблема эскалации насилия под влиянием факторов военного времени остро встала в 1917 г. Порыв «земельной жажды» крестьян усиливался пробольшевистски настроенными солдатами. И. Фомин, до войны проживавший в Никольско-Мезинецкой волости Козловского уезда Тамбовской губернии, в своих воспоминаниях отмечал: «Когда в мае 17 г. я прибыл из армии в эту волость, настроение крестьян было неопределенное. Велись разговоры о том, как быть с теми, у кого нет земли, откуда наделить их... Я, как зараженный уже в армии большевистским духом, выступал против эсеров, настаивая на том, что нам надо готовить свою власть»[6]. И борьба развернулась вокруг местного Совета, как проводника большевистских реформационных импульсов.

В конце 1917 г. началось массовое прибытие солдат в черноземную деревню, что повышало градус конфликтности деревни и погромных настроений в крестьянской среде. В Фатежском уезде Курской губернии «крестьяне Сергиевской волости под предводительством двух

вооруженных солдат 11 марта 1917 произвели нападение на имение “Александровска”»[7]. Конечно, под социальной маской погромщиков могли срываться как дезертиры, демобилизованные, так и ушедшие в отпуск и находившиеся в тыловых частях солдаты. Но данные коллизии не изменяли сущности процесса скатывания деревни к открытому противостоянию с помещиками, хуторянами, отрубниками и другими «чужаками».

Фактически, как отмечает Г.А. Герасименко, «солдат, выходец из крестьян, тем более земляк, в глазах сельчан представлялся “генералом от революции”, бывалым человеком, знающим политическую жизнь и обстановку страны. К нему тянулись крестьяне и, что особенно важно, ему доверяли, от него ожидали получить ответ на вопросы, выдвинутые революцией»[8]. Уверенность в собственных силах и оружие, привезенное с фонта, становились важнейшими аргументами на пути укрепления авторитета солдат в крестьянской среде.

Наличие оружия в руках бывших солдат и дезертиров 1917–1918 гг. становилось причиной роста их влияния в крестьянской среде. Впоследствии ружья попадали в руки зажиточной части деревни, либо наиболее активной части крестьянства, представленного или поддерживаемого дезертирами и демобилизованными солдатами. Наиболее состоятельные хозяева покупали оружие у вчерашних солдат и применяли его в качестве инструмента давления на своих экономических оппонентов, местные власти. Так, 18 июля 1918 г. Совет рабочих и крестьянских депутатов Токаревской волости Тамбовского уезда выслал телеграмму губернском комиссару внутренних дел с просьбой «срочно выслать отряд 150 человек, без отряда работать невозможно, есть вооруженные кулаки»[9].

Рост единиц оружия в руках крестьянства существенно ограничивал на местах потенциал аграрных и административных программ. Особенно остро шла борьба вокруг организации комитетов бедноты. В докладе о деятельности центрального бюро по организации комбедов

при Орловском губсовдепе, проходившего в августе 1918 г отмечалось, что в Севском уезде «... засилье кулаков, хорошо вооруженных и терроризирующих бедноту. В виду этого организация проходит медленно и с большими трудностями»[10].

После завершения Первой Мировой войны ситуация общеполитического национального кризиса формировала механику роста числа дезертиров под воздействием перманентных мобилизаций Советской власти. Активизация военно-мобилизационных мероприятий большевиков создавали негативный фон для конструирования «мирной» повседневности, способной увести вчерашних солдат с «поля брани» на ниву, жнивье. Психологические девиации, трудности повторной адаптации к рутинному аграрному труду вчерашних фронтовиков продолжали повышать градус конфликтности в черноземной деревне. В 1917–1918 гг. мировосприятие всей деревни вступало в противоречие с насаждаемым большевиками образом жизни, духовной культурой, условиями туда. Особенно углубляли противоречия, и становилось мощным стимулом противостояния советской власти и крестьянства новые формы аграрного производства – коллективные и советские хозяйства.

Для России завершение Первой Мировой войны не принесло тех «мира» и «земли», которые ожидало крестьянство. Напротив, «осереднячивание» деревни в ходе «черного передела» и продолжавшиеся военно-мобилизационные мероприятия вели к экономическому ослаблению деревни. К 1917 г. у черноземного крестьянства оставалось ограниченное количество запасов зерна, как семенного, фуражного, так и предназначенного для питания. Тем самым к концу войны поступательно снижалась мобилизационная емкость ресурсов деревни. В феврале 1917 г. в Кирсановском уезде Тамбовской губернии большая часть овса была взята в армию и «население испытывало затруднение в деле прокормления скота»[11]. Военные поставки

из черноземной деревни привели к существенному оскудению семенного фонда.

В конце 1917 г. штаб Московского военного округа и Демобилизационный отдел особой армии планировал разместить готовящихся к демобилизации с фронта лошадей в ряд российских губерний[12]. Только в Воронежскую губернию военным ведомством планировалось отправить сто двадцать тыс. лошадей. 6 января 1918 г. данное решение было утверждено Народным комиссариатом по военным делам. Однако с 6 марта по начало апреля 1918 г. воронежскими губернскими властями было получено от воинских частей только 1 890 лошадей[13].

Местные власти предполагали распределить по минимальным отпускным ценам лошадей в наиболее маломощных крестьянских хозяйствах, не имевших тягловой силы, и солдатских семьях. Однако оскудевшая от перманентных мобилизаций черноземная деревня, и, в первую очередь, беднейшие слои крестьянства и солдатские семьи, не имели экономического потенциала, чтобы принять 120 тыс. лошадей. Дефицит тягловой силы, ощущавшийся в первые годы войны, привел аграрную сферу Центрально-Черноземных губерний к стагнации, стабилизировал ее на конъюнктуре милитаризованной экономики. Столь масштабные «инвестиции» в кризисную экономику крестьянского хозяйства периода конца 1917 – начала 1918 гг. могли спровоцировать массовую гибель и убой лошадей.

Но данный сценарий так и не был реализован из-за наступления германских войск. В протоколе III съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии, 7 апреля 1918 г. приведен доклад представителя 4 подотдела по распределению демобилизованных лошадей земельного губернского отдела Гаврилова. В документе отмечалось, что лошади, находившиеся в Бессарабской, Волынской, Подольской, Минской губерниях не дало вывезти численно превосходившие войска местное население «молдованы, украинцы и проч. ... в лице свои комитетов, на основании своих постановлений»[14]. В Тамбовской губернии

демобилизация лошадей обернулась эпизоотией. Как отмечалось в протоколе Кирсановского уездного съезда рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов от 23 июля 1918 г., «до настоящего времени в уезде было всего четыре ветеринарных пункта при личном составе один врач и двух фельдшеров, за последнее время благодаря наплыва с фронта большого количества лошадей больных сапом и, главным образом, чесоткой болезнь скота приняла широкие размеры...»[15].

Наряду с мобилизационными процессами эвакуационные мероприятия существенно ограничивали эффективность аграрных реформационных импульсов. Производственный потенциал регионов снижался по мере вывоза живого и мертвого инвентаря. Например, в сентябре 1918 г. осуществлялась эвакуация конских заводов, скота из пограничных с Украиной уездов Воронежской губернии[16].

Отступление русских войск наносили существенный ущерб экономике уездов. Так, в Сужданском уезде Курской губернии, как отмечалось в протоколе заседания 2-го губернского земельного съезда 17 мая 1918 г. «население и Красная гвардия захватили и угнали скот, в том числе и племенной»[17]. Выбывавшая тягловая сила не компенсировалось, что углубляло аграрный кризис. Особенно ярко данное положение иллюстрирую последствия Первой мировая войны в Курской губернии, где сохранилось не более «60% всего конского состава»[18] к довоенному уровню.

«Эвакуационные» настроения и угроза наступления немецких войск ломало поступательный ход аграрных преобразований. Так, 9 апреля 1918 г. в Тимском уезде Курской губернии возникли панические настроения, которые привели к разбору населением части скота из бывшего имения Степанов[19]. Сначала крестьяне забрали одну лошадь, аргументируя этот шаг Никольскому волостному комиссару земледелия тем, что она нужна для присоединения к боевому отряду: «Нет времени для объяснения, противник занял Ржеву и через 6 часов будет здесь[20]. А затем жители деревни Меренянской начали уводить крупный рогатый скот. Один из

сотрудников комиссариата Перепейченко, поддавшись давлению крестьян, говорил комиссару земледелия, что «...если вы не раздадите коров, я отворю ворота и пущу таковых»[21]. В результате из 20 голов крупного рогатого скота 6 голов забрали крестьяне села Зуевки.

Война снижала не только производственные мощности деревни, но и кадровый потенциал земельных органов. Поэтому перманентные эвакуации были названы в обзоре деятельности Воронежского губернского земельного отдела за 1918–1919 г. «основным злом переживаемого периода»»[22]. Фактически приближение линии фронта перечеркивало все реформационные программы большевиков. В то время как власти на местах реализовывали отрывочные сценарии по сохранению материальных ресурсов деревни, крестьянство продолжило борьбу за землю, скотину, инвентарь.

Дестабилизация общественно – политической обстановки и фактический вакуум власти на границе государства в преддверии оккупации ослабляли мобилизационный потенциал деревни. Например, инспектор по обзору и организации коммун Народного комиссариата земледелия Иван Чипенов в докладе в народный комиссариату земледелия Середе 13 ноября 1918 г. писал, что в Орловской губернии «много мародерствующих шаек, благодаря прифронтовой полосе»[23]. «Вакуум власти» на местах выкристаллизовывался под влиянием целого комплекса причин: «черного передела», отсутствия устойчивых управленческих структур и роста преступности.

С марта по ноябрь 1918 г. ряд уездов Курской губернии оказались в зоне оккупации: Корочанский, Грайворонскии, Белгородский, а также частично Новооскольский, Путивльский, Обоянский, Рыльский, Льговский и Суджанский. Противником была занята и часть Воронежской губернии. Украинская Республика претендовала на Валуйский, Богучарский, Бирючевский и Острогожский уезды[24].

Черноземное крестьянство негативно оценивало потенциальную возможность оказать в оккупированной зоне, так как войска Германии проводили жесткую политику по отношению к местному населению. На III съезде Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии отмечалось, что «кроме кулаков никто не желает присоединения Острогожского уезда к Урайне»[25]. По сведениям на 25 июня 1918 г. отношение населения Орловской губернии к вопросу о присоединении к Украине было «резко отрицательное». Это решение нашло отражение в большинстве резолюций сходов сел и деревень, постановлений волостей и уездов этой губернии (около 420)[26]. Антигерманские настроения быстро распространились по черноземной деревне.

Крестьяне, выбирая между жизнью под протекторатом Германии и мобилизациями «военного коммунизма», отдавали предпочтение последней альтернативе. Их решение основывалось на фактах масштабного насилия, мародерства, реквизиций со стороны оккупационных войск, а также попыток насильственной украинизации российской деревни. Последний факт, по-видимому, сыграл ключевую роль в политической ориентации черноземного крестьянства. Так, в информационном листке Всероссийского бюро военных комиссаров 5 июня 1918 г. сообщалось, что из Курской губернии Обоянского уезда Красноярской волости «угнали много скота, расстреливали жителей, забрали весь хлеб, расстреляли помощника комиссара, переходили линию неоднократно, производили реквизиции, требовали выдачи денег и отбирали продукты. В нейтральной зоне издавали приказы о немедленном подчинении и признании себя украинцами и даже пробовали мобилизовать людей... В жилищах оставили голые стены, все забрали под угрозой расстрела, денег не давали»[27].

Только к концу 1918 г. проблема военно-политического давления Германии на Центрально-Черноземные губернии была устранена[28]. За это время

экономика оккупированных уездов черноземных губерний была существенно ослаблена.

Вслед за эвакуацией деревне был нанесен другой экономический удар – реквизиции противника. При наступлении немцами в Суджанском уезде Курской губернии были разграблены экономии. В Обоянском уезде Курской губернии, «...часть инвентаря была разграблена во время наступления немцев»[29]. Фактическое отсутствие средств производства и семенного материала в приграничных территориях с Украиной обесценивало реформаторские программы, принимавшиеся большевистским правительством. Дефицит финансовых ресурсов на государственном и губернском уровнях не позволял в полной мере компенсировать утраченные производственные возможности.

Белгородский уезд Курской губернии оказался в числе наиболее пострадавших районов черноземных губерний от иностранной интервенции. После отступления немецких войск, как отмечал Путимцев на губернским продовольственном съезде в феврале 1919 г., «Белгородский уезд служил немцам оперативной базой. Здесь был сильный немецкий гарнизон. Их хлебное бюро вывезло много хлеба. Немцы косили зеленый хлеб, прессовали его и увозили в Германию. Немецкие солдаты обязаны были послать в Германию каждый две посылки в неделю... Масса самых разнообразных воинских отрядов опустошала никем не защищаемые экономические поля... »[30]. После отступления противника в Белгородском уезде удалось собрать лишь «10000 пудов всех хлебных продуктов»[31]. Эти объемы хлеба не позволяли оставить семенной материл на следующий сезон. Государству необходимо было произвести крупную поставку зерна, чтобы возобновить аграрное производство. На третьем губернском земельном съезде представитель Рыльского уезда Курской губернии констатировал, что «после ухода немцев на сахарных заводах не осталось сельскохозяйственного инвентаря и семян. Ввиду этого

своими силами заводы не смогут засеять заводские земли в 1919 году»[32].

Военное положение негативно отражались на советском аграрном курсе. Сила деформации особенно сильно ударила по коллективным хозяйствам. Так, в докладе Курского губернского земельного отдела в Центральный комиссариат земледелия 22 ноября 1918 г. сообщалось, что «до настоящего времени сорганизовалось 20 коммун и одна артель, но положение губернии на границе с Украиной препятствует их развитию»[33].

Материальные ресурсы, мобилизованные, либо экспроприированные в ходе военно-революционных событий подрывали материальную базу нового аграрного строя. Наряду с политическими факторами важную роль здесь сыграли экономические настроения деревни. Крестьянство восприняло посыл власти об уравнительном распределении земли как индульгенцию на безвозмездное отчуждение земель, ранее не принадлежавших общинам. Так, 29 апреля 1918 г. в дневнике М.М. Пришвина отмечается, что «земля стала ничья, как воздух... »[34]. Отталкиваясь именно от таких принципов, в деревне шел процесс фактического «черного передела» земли.

Война вносили свои коррективы в процесс распределение поземельных ресурсов и инвентаря. В «Инструкции Алексеевского уездного земельного отдела волостным сельским и хуторским советам о распределении земли на 1918 г.» Воронежской губернии отмечалось, что «все те семьи и лица безземельные, которые не имеют живого и мертвого инвентаря в особенности пострадавшие на войне или от войны как-то: вдовы, должны быть наделены отрезами земли от крупных отрезов и имущих хозяев. Или предоставляется право сдавать другим лицам причитающуюся землю для испольной обработки»[35]. Категории населения, пострадавшие от войны, получали исключительное право сдавать землю в аренду малоземельным крестьянам. Из частновладельческих, церковных, монастырских и прочих культурных земель,

приготовленных к весеннему посеву и обсеменению иных озимых полей помещиками, должны были наделяться с разрешения уездного отдела земледелия солдаты, которые «особенно пострадали на войне и к тому же не имеют земли и малоземельные»[36]. Община, трезво оценивая дефицит поземельных ресурсов, стремилась ограничивать излишние аппетиты односельчан и, вообще, не выделять наделов «чужакам».

Наиболее рельефно судьба одного из таких «чужаков», под влиянием войны попавшего в Курскую губернию, отражена в письме народному комиссару г. Фатеж Курской губернии Евсея Федоровича Севастьянова. До 1914 г. он проживал в Киеве, но в начальный период Первой мировой войны был вынужден выехать в Вышнебартеневское общество Большежировской волости. Накануне уравнительного передела земли он был мобилизован в армию и оказался за пределами деревни, что и вынудило его обратиться с просьбой наделить его землей в Вышнебартеневском обществе. Местные крестьяне оказывали Севастьянову, считая, что он не был их общественником[37]. Но 9/22 апреля 1918 г. уездные власти потребовали от низовых органов выделить ему землю по числу живых душ, отмечая, что он прожил в деревне Бартеневой три года[38].

Военные действия вели к росту числа беженцев, что обостряло гуманитарное и экономическое положение черноземных губерний. Для стабилизации необходимо было создать эффективный механизм обеспечения беженцев необходимыми ресурсам. В условиях традиционной экономики у власти путь был один – выделить им земельные наделы. В письме от 2 августа 1918 г., направленном коллегией по делам беженцев Воронежского губернского комиссариата по военным делам в Воронежский губернский земельный отдел, отмечалось, что многие из беженцев «обращаются в коллегию за разъяснением, будут ли беженцы, не пожелавшие возвращаться в свои родные места, по месту их нынешнего местожительства, или где будет

представляться возможность наделения, как хлеборобы землею... и будет ли им оказана материальная помощь»[39]. 9 августа 1918 г. губернский земельный отдел разъяснял, что для получения земельных наделов беженцам необходимо принять российское подданство[40].

Острота проблемы обеспечения беженцев с Украины поземельными ресурсами особенно ярко проявлялась на фоне роста конфликтов на внутри и межобщинном уровне. В Тимском уезде Курской губернии данная проблема стала темой заметки агронома Полищука в газете «Тимская жизнь». Здесь проживало около 3 000 беженцев[41] и формирование специального земельного фонда для переселенцев в условиях острой «земельной жажды» местного населения на практике реализовать было невозможно. Автор отмечал, что многие сельские общества не хотели приписывать к себе лиц, которые проживали десятками, рассчитывая, что они будут выселены, и их земля перейдет в общество. «Некоторые общества за приписку к себе новых членов требовали вознаграждение, доходившее до 300 рублей»[42].

В рамках реализации «Основного закона о социализации земли» на первый план выдвинулась проблема дефицита землемеров. Но военные мобилизации перманентно «вымывали» этих специалистов из земельных органов. Дефицит землемеров в черноземной деревне вел к росту стихийного распределения земли. В Воронежской губернии на 23 января 1918 г. было мобилизовано на фронт 58 землемеров[43].

Близость фронта оказывала негативное воздействие на работу землемеров. Волна уравнительного распределения земли накладывалась на наступление войск Германии, фактически нивелируя деятельность землеустроителей.

Так, в Богучарском уезде Воронежской губернии, как отмечал М.М. Скворцов на совещании инструкторов с землемерно-технической частью 12 августа 1918 г., «по приезду землемеров было выяснено, что распределение частновладельческих земель было произведено населением далеко неравномерно, вследствие чего была предпринята

новая разверстка, чему помешало наступление германо-гайдамацких отрядов. Землемеры были откомандированы и после четырехнедельного перерыва были вновь командированы»[44].

Революционно-реформаторская волна, наловившись на военные действия, разрушила дворянское землепользование, уничтожила фундамент, на которых крепились дореволюционные аграрные устои. В революционном вихре также были сметены земли крупных крестьяне – землевладельцев, отрубников и хуторян в единый общинный «котел». Но за фасадом «черного передела» большевики начинали насаждать коллективные хозяйства. Чаяния крестьян «земли» и «воли» намеренно трансформировались властью в «свободу поневоле» в рамках коммун. Военные действия вносили свой отпечаток в формирование и развитие коллективных хозяйств. А.А. Биценко отмечает, что в деревне стали появляться коммуны «под флагом анархизма»[45]. В Орловской губернии такие земледельческие ««анархические» коммуны были недурно вооружены и имели свои партизанские отряды»[46]. Дух военного времени и близость фронта материально и идеологически питали подобные антигосударственные образования.

По традиции, на аграрные реформы деревня среагировала массовыми разделами как внутри общины, так и выделами внутри семьи. Военные реалии усложнили данный процесс, размывая временные рамки традиционного крестьянского производственного цикла. Создавались прецеденты выделов без мужчин, находившихся в армии. По возвращению с фронта вчерашний солдат, чувствуя себя ущемленным в правах собственности, предъявлял свои материальные требования главе семьи. Так, в Орловский губземотдел 22 июля 1920 г. из Мценского уезда поступило дело о разделе усадьбы граждан Евдокимовых Будаговского общества Чахинской волости. В 1919 г. отец Максим Евдокимов выделил своему сыну Матвею часть имущества, в том числе и надел в усадьбе. Однако «возвратившийся

позднее из плена другой сын, Борис Евдокимов, остался недоволен выделом... и обратился в уземотдел. Уземотдел, рассмотрев дело, указал волземотделу на недопустимость раздела усадьбы согласно ст. VI инструкции, вследствие чего одной стороне приходилось выходить со всем хозяйством на новое место»[47]. Перманентный спутник аграрных реформ традиционных обществ, раздел усадеб в данном случае был усилен фактором войны. Отсутствие полноправного участника раздела усадьбы создавало дополнительные трудности на пути реализации аграрных законов.

Конфликтность, порожденная военными, реформационными и революционными импульсами вели к раздроблению и ослаблению экономического потенциала субъектов аграрного сектора – крестьянских хозяйств, коммун, артелей и советских хозяйств. Военные факторы оказали значительное влияние на «строительство» в сельском хозяйстве, по сути, заглушая реформационные импульсы. Аграрная трансформация, осложненная военными действиями, социальными и политическими потрясениями, продемонстрировала их высокую социальную и экономическую затратность. Военные действия привнесли в привычный аграрный цикл производства крестьянского хозяйства ряд негативных элементов: дефицит мужской рабочей силы, исчезновение на рынке сельскохозяйственных машин, усиление дифференциации деревни, прилив беженцев и, как следствие, конфликтность в борьбе за поземельные ресурсы.

Механика большевистского аграрного реформирования в совокупности с фактором войны входила в противоречие с традиционными ценностями и нормами жизни крестьянской общины. Социально-экономические последствия Первой Мировой войны, а также отсутствие мощной промышленности в Центрально-Черноземном регионе, не оставляли большевикам других альтернатив как усиливать экономическое давление на деревню. В ответ крестьянство, самостоятельно провозгласив «налоговые каникулы», прекратило массовые поставки зерна в город.

Ответом власти стала активизация «военно-коммунистического» инструментария. Крестьянство на этот счет имело свое мнение. «Земля» без «воли» их не устраивала, что, в частности, и продемонстрировала волна крестьянских восстаний в черноземной деревне.

Библиография

[1] *Анцыферов А.Н.* Россия, кооперация, христианство: Избранные исследования. М., 2011. С. 186.

[2] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 43.

[3] *Солнышко Ю.* Октябрь в Курской области. Курск, 1947. С. 10.

[4] *Литошенко Л.Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001. С. 149–150.

[5] *Анцыферов А.Н.* Указ. соч. С. 186.

[6] *Фомин И.* Воспоминания участника Октябрьской революции И. Фомина Борьба за Советы в 1917 году. (Козловский уезд) // Коммунист. Журнал Тамбовского губкома ВКП (б). 1927. № 20–21. С. 36.

[7] *Кострикин В. И.* Земельные комитеты в 1917 году. М., 1975. С. 36.

[8] *Герасименко Г. А.* Низовые крестьянские организации в 1917 – первой половине 1918 годов. На материалах Нижнего Поволжья. Саратов, 1974. С. 233.

[9] Советы Тамбовской губернии в годы гражданской войны. 1918–1921 гг. Сборник документов и материалов. Воронеж, 1989. С. 76.

[10] РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. 17. Оп. 4. Д. 56. Л. 112.

[11] ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-207. Оп. 1. Д. 240. Л. 27.

[12] Журнал Воронежского губернского земского собрания. Чрезвычайной сессии 16 января 1918 г. Воронеж, 1918.

[13] Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии (5–10 апреля 1918 г.). Воронеж, 1918. С. 36

[14] Там же. С. 35–36.

[15] ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-837. Оп. 1. Д. 23. Л. 57.

[16] ГАВО (Государственный архив Воронежской области). Ф. Р-19.Оп. 1. Д. 95. Л. 118.

[17] ГАКуО. (Государственный архив Курской области). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 5. Л. 5.

[18] ГАКуО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 187. Л. 4.

[19] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 14. Л. 24-об.

[20] Там же. Л. 24-об.

[21] Там же. Л. 24-об.

[22] *Войнов Е.В.* Деятельность земельных органов Воронежской губернии по организации колхозов и совхозов (1918–1919 гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4/1 (64/1). С. 43.

[23] РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. 472. Оп. 5. Д. 8. Л. 5 Об.

[24] Протокол Третьего съезда Советов рабочих и крестьянских депутатов Воронежской губернии... С. 39.

[25] Там же. С. 39.

[26] Советская деревня глазами ВЧК–ОГОУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918–1922 гг. М., 2000. С. 71.

[27] Там же. С. 69

[28] *Солнышко Ю.* Октябрь в Курской области… 47. С. 50

[29] *ГАВО.* Ф. Р-19. Оп. 64. Д. 27. Л. 11-об.

[30] Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны 1918-1920. Воронеж, 1967. С. 83.

[31] Там же. С. 83.

[32] *Мигущенко О. Н.* Военный коммунизм в Курской губернии. Орел, 1997. С. 12.

[33] РГАЭ. Ф. 478. Оп. 5. Д. 35. Л. 1.-об.

[34] *Пришвин М. М.* Дневники 1918. URL: http://www.srcc.msu.su/uni-persona/site/authors/prishvin/pri-1918.htm.

[35] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 47. Л. 6.

[36] Там же.

[37] ГАКуО. Ф. Р-571. Оп. 1. Д. 3. Л. 62.

[38] Там же. Л. 63.

[39] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 95. Л. 137.

[40] Там же. Л. 138.

[41] ГАКуО. Ф. Р-685. Оп. 1. Д. 4. Л. 4-об.

[42] Там же.

[43] ГАВО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 106. Л. 7.

[44] ГАЛО (Государственных архив Липецкой области). Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 26. Л. 91.

[45] *Бищенко А.А.* К вопросам теории и истории коллективизации сельского хозяйства СССР. М., 1929. С. 25.

[46] Там же.

[47] ГАОО (Государственный архив Орловской области). Ф. 314. Оп. 1. Д. 44. Л. 266.

СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.Ю. Пивоваров

Война стала последним разрушительным кризисом в истории Российской империи. Экономика страны не выдержала перенапряжения, что привело к масштабным политическим изменениям, затронувшим социальный и государственный строй. И дело было не только в роковых дипломатических ошибках и военных поражениях, но и в состоянии тыла, во многом предопределившим исход войны. Безусловно, в разных регионах обширной империи кризис отражался по-разному. В столицах он ощущался и протекал быстрее, чем в далеких от фронта губерниях и областях. Существенными были отличия и в том, как и с каким результатом разные территории втягивались в мобилизационную перестройку экономики. Вместе с тем, без анализа хозяйственной жизни и состояния различных регионов, а также социальных слоев и народов, населявших Россию, картина Первой мировой войны не может быть исчерпывающей.

В этой связи обращение к Сибири не случайно. Еще до войны некоторые публицисты подчеркивали ее особый хозяйственный уклад, писали о ней как о внутренней колонии России. Разумеется, война здесь отражалась по-другому, не так, как на всей остальной территории. Специфика Сибири заключалась в отдаленности от фронта и основных экономических центров, а также огромной территории — слабозаселенной и малоосвоенной. На пространстве, занимавшем почти половину Российской империи, к 1914 г. проживало по разным подсчетам от 10 до 12 млн чел.[1] или около 6% ее населения. 90% сибиряков были сельскими жителями. Поэтому изучение крестьянства Сибири поможет раскрыть не только особенности данной социальной группы,

но даст понимание ключевых векторов развития самого крупного региона Российской империи в годы Первой мировой войны[2].

Влияние войны на сельское хозяйство и аграрное производство было одной из острых дискуссионных проблем в советской историографии. Одни авторы писал о ее стимулирующем воздействии (В.Г. Тюкавкин[3], Л.М. Горюшкин[4]...), другие полагали, что она поставила крестьянство на грань выживания (С.А. Сидоренко[5], А.А. Храмков[6]...). Современные исследователи считают, что в годы Первой мировой войны происходило наращивание количественных показателей аграрного производства (И.И. Кротт[7], . И.А. Еремин[8], В.М. Рынков и В.А. Ильиных[9]...). Вместе с тем, такие ключевые вопросы, как социальная мобильность крестьянства, динамика полеводства и животноводства, а также роль сибирского тыла в годы войны еще не до конца изучены и нуждаются в дополнительном анализе.

Накануне Первой мировой войны Сибирь была самым быстрорастущим регионом империи. Если в 1897 г. в Сибири проживало почти 5,8 млн чел. (в том числе 5,3 млн сельских жителей), то уже в 1914 г. – 10,5 млн чел. (9,5 млн чел)[10]. Основным фактором наращивания демографического потенциала стала миграция населения в форме агарных переселений. С 1896 по 1913 гг. в Сибирь переселилось около 2,8 млн чел. Пик переселенческого движения пришелся на годы столыпинской аграрной реформы. Так, только за 1906–1910 гг. в регионе обосновались 2,1 млн чел.[11] В начале XX в. увеличивается и естественный прирост населения. К 1914 г. он составлял 20%, а в переселенческих поселках он достигал 30%, что позволяет некоторым исследователям характеризовать ситуацию в регионе как демографический взрыв[12]. Массовое переселение, помимо прироста числа крестьянских дворов, вызвало увеличение их людности. В силу ряда причин семьи переселенцев были больше, чем у старожилов. В результате этого средний состав семейного

крестьянского двора вырос в регионе с 5,7 в 1897 г. до 6,3 чел. В 1913 г.[13]

Переселение способствовало росту производительных сил аграрной экономики Сибири. За счет труда новоселов и старожилов посевные площади в регионе увеличились с 1978 тыс. дес. (1897 г.) до 7603 тыс. дес. (1914 г.) В целом за указанные годы посев вырос в 3,8 раза. Аграрный вопрос в Сибири стоял менее остро, чем в Европейской России. Однако, несмотря на относительное многоземелье, в сфере земельных отношений социальные противоречия нарастали. Переселенцы были недовольны тем, что старожилы имели более качественные сельхозугодья. Но и старожилы имели основания для недовольства. Переселенцам отдавали земли, которыми они ранее владели либо считали потенциально своими. Например, крестьянин-старожил д. Климовская Ачинского уезда Енисейской губернии жаловался: «С приездом новых жителей начались раздоры из-за обладания более доступных клочков земли; на почве таких споров в 1911 г. произошло даже убийство. Споры все увеличиваются, так как всякому хочется побольше обработать земли, а достать ее нельзя»[14].

В целом, массовое переселение и прекращение вольно-захватного землевладения привели к снижению уровня жизни крестьянства Сибири. В этих условиях катастрофические или повторяющиеся неурожаи могли привести к голоду. Публицист А.В. Байкалов писал: «Сибирь сейчас переживает ломку своего хозяйства. Былой земледельческий простор уходит в область воспоминаний; сибирский крестьянин принужден теперь хозяйничать на одном, несменяемом клочке земли. Это заставляет его задуматься над тем как бы лучше использовать этот клочок, чтобы удержать хотя бы на прежнем уровне»[15].

Выходом стало наращивание товарности, чему в немалой степени способствовал Транссибирская железнодорожная магистраль, благодаря возможностям которой, был организован широкомасштабный экспорт сельхозпродукции. Так, в структуре посевов крестьянства

стали преобладать товарные культуры (пшеница, овес). Значительная часть хозяйств, специализировавшихся на производстве товарного зерна, одновременно развивала товарное скотоводство. Наиболее динамично развивающейся отраслью не только животноводства, но и всего сельского хозяйства в Сибири стало промышленное маслоделие. Благодаря железнодорожным тарифам вывоз масла из Сибири вплоть до 1913 г. был более рентабельным делом, чем вывоз зерна. В 1894 г. из региона было экспортировано 400 пудов масла, а в 1913 г. – 4,4 млн[16]. Стоимость вывозимого масла была в два раза выше, чем добываемого в Сибири золота[17]. Такая двойная специализация (полеводство и животноводство) придавала крестьянским хозяйствам большую устойчивость. В итоге с 1912 г. началось постепенный рост душевых показателей сибирских крестьян. Так, крестьянство Сибири встретило войну.

Первым негативным фактором разразившейся Великой войны стала мобилизация трудового крестьянства. В ходе нее из сибирской деревни изъяли на 5–10% трудоспособного мужского населения больше, чем в среднем по России. Своеобразный общероссийский максимум пришелся на Акмолинскую область, где призвали почти 60% трудоспособных мужчин[18]. По подсчетам Е.З. Волкова, так называемый «военный отход» в сельской местности региона в конце 1914 г. составил 304,4 тыс. чел., в 1915 г. – 543,6 тыс., в 1916 г. – 716,6 тыс., в 1917 г. 865,1 тыс., то есть за все годы войны в действующую армию было призвано почти 2,5 млн мужчин[19]. Уход на войну потенциальных женихов привел к существенному снижению количества браков. В целом по региону их количество сократилось на 25–30%. Упала и рождаемость. В 1915 г. в сельской местности уровень рождаемости составил 82% от довоенного десятилетия, в 1916 г. – 67%, а в 1917 г. – 65% соответственно[20]. По подсчетам исследователей, число прямых военных потерь в регионе составило 116,7 тыс. чел., тогда как косвенных – 690 тыс. чел.[21]. С августа 1914 г. резко сократились масштабы аграрного переселения. Если до августа 1914 г. в Сибирь

прибыло 230 тыс. переселенцев, то с августа до конца года – 1,3 тыс., в 1915 г. – 28,2 тыс., в 1916 г. – 11,2 тыс., в 1917 г. – 5,5 тыс. чел.[22] И все же в Сибири, хотя война не привела к демографической катастрофе. В регионе население продолжало расти, хотя и более низкими темпами, чем до 1914 г. По подсчетам Н.Я. Гущина сельское население Сибири в годы войны увеличилось естественным путем на 735,4 тыс. чел.[23] По всей видимости, основной причиной роста народонаселения был демографический взрыв предшествующих лет и относительно благополучное тыловое положение.

Нехватка трудовых ресурсов в деревне компенсировалась тремя источниками – беженцами, военнопленными и призванными на тыловые работы коренными народами. В 1915 г. общая численность беженцев достигла 105,0 тыс. чел., а в 1917 г. она упала до 85,5 тыс. чел.[24] Большая часть из них размещалась в Томской губернии и Акмолинской области. Однако лишь треть беженцев оказалась занята в сельском хозяйстве. Численность военнопленных на 1 января 1917 г. в пределах Омского военного округа составляла 199 тыс. чел., Иркутского – 135 тыс. чел.[25] При этом в сельхохработах было занято чуть более 40 тыс. чел. Ничтожным было использование труда коренных народов. Например, казахи хорошо работали на сенокошении, но оказались непригодны на пашне. Широкое распространение получило бегство мобилизованных. В Степном крае мобилизация вызвала мощное восстание, нанесшее огромный урон сельскому хозяйству[26].

Основная тяжесть ведения крестьянских хозяйств легла на плечи женщин и подростков, то есть деревня пыталась традиционным способом компенсировать нехватку ресурсов. Первые месяцы войны были преодолены благодаря государственной и общественной помощи. Государство выдавало семьям призванных продовольственные пайки, ставшие с 1915 г. неотчуждаемыми и бронируемыми от любых сборов и даже частных долгов. С осени 1914 г. в рамках сельского общества была налажена достаточно

эффективная помощь семьям призванных. Так «всем миром» в первый год помогали собирать урожай солдатским семьям. В 1916 г. на средства сельского страхового капитала в деревнях были открыты ясли, что позволило женщинам работать в полную силу в полевых работах[27]. Государственная социальная помощь и общественная благотворительность, возможно, была и недостаточной, все же оказывала смягчающе воздействие на социальную обстановку в деревне. Однозначно можно утверждать, что именно женщины, старики и подростки в годы Первой мировой войны вынесли тяжелое ярмо мужицкой работы, в ожидании возвращения своих кормильцев с фронта.

Война не сразу остановила поступательное развитие сельского хозяйства, начавшееся с 1912 г. Аграрное производство было в значительной степени простимулировано государственными хлебозаготовками. Уже в первые месяцы войны правительство предполагало расширить казенные закупки, что естественным образом увеличило посевную площадь и производство зерновых. Посевная площадь заметно увеличилась везде, кроме Томской губернии, где осталась на довоенном уровне. В целом по Сибири площадь посева в 1915 г. сократилась на 2,6%, а уже в 1916 и 1917 гг. увеличилась на 0,9 и 10,8% соответственно[28].

Валовые сборы зерновых в 1914 г. составили 387,7 (по другим данным – 366,7) млн пудов, в 1915 г. – 204,2 (186,1) млн, в 1916 г. – 259,9 (379,0), в 1917 г. – 416,4 (599,1)[29] Средняя урожайность на одну десятину в 1914 г. составляла – 55,5 пуд., в 1915 г. – 37,5, в 1916 г. – 59,8, а в 1917 г. – 62[30]. Неурожайным оказался 1915 г., что было естественной хозяйственно-психологической реакцией населения на массовую мобилизацию. Маячила реальная угроза голода. Ситуацию спасло только то, что из-за транспортных проблем урожай 1914 г. не был вывезен из Сибири и остался у крестьян. В 1916 г. был собран уже богатый урожай, а 1917 г. – стал рекордным. За четыре года войны в Сибири излишки хлеба составляли 352,5 млн пуд., в том числе 216,2 – продовольственного хлеба и 136,2 – фуражного[31]. В целом же

вывоз хлеба из Сибири не превышал критических показателей. В 1915 г. по железной дороге в Европейскую Россию было отправлено 80,3 млн пуд. хлеба (43,4 – продовольственного и 36,9 – фуражного), в 1916 г. – 53,3 млн пуд. (38,9 и 14,4), а в 1917 г. лишь 39,5 млн пуд. (30,4 и 9,1)[32].

Спорным остается вопрос о динамике животноводства. Детально исследовавший эту проблему В.И. Пронин считал, что численность всего скота в 1914 г. возросла по сравнению с предшествующим годом на 7,6%, в 1915 г. увеличилась, но незначительно, – на 1,9%. В 1916 г. численность скота увеличилась на 7,8% как под влиянием естественного роста, так и от проведенного более полного учета скота в ходе сельскохозяйственной переписи 1916 г. В 1917 г. поголовье вновь сократилось почти на 6,3% под влиянием монополизации мясного рынка[33].

Вероятно, данные В.И. Пронина так же не отражают реальных данных. Поэтому можно выявить лишь общие тренды развития животноводства. Скорее всего, численность скота в основных сельскохозяйственных районах Сибири в 1915 г. уменьшилась. Это было связано с общим неурожаем, который отразился и на кормовой базе. Так, в Томской губернии в 1915 г. ощущалась острая нехватка сена, составлявшая около 200 млн пуд. на всю губернию или в среднем около 42,4 пуд. на одну голову скота[34]. Крестьянам становилось выгодным продавать скотину, чем содержать ее. Осложняло положение и нехватка рабочих рук для ухода за скотом. В 1916 г. поголовье скота выросло, незначительно превысив при этом уровень 1914 г. Выгодная рыночная конъюнктура, а также избыток кормов стимулировали возобновление поголовья. При этом молочные породы постепенно заменялись мясными[35]. В 1917 г. произошло новое сокращение поголовья, что было напрямую связано с монополизацией рынка и невыгодностью производителю увеличивать численность скота.

Особенно ощутимый урон в годы войны понесло сибирское маслоделие. С началом войны был запрещен экспорт масла, ранее достигавший 80% всего производства.

Военное министерство сделало ставку на то, чтобы снабжать солдат преимущественно западносибирским маслом. В августе 1914 г., с целью создания стабильных условий закупок, Министерство земледелия заключило договор с кооперативной организацией – Союзом сибирских маслодельных артелей, предоставив ей права покупать для казны масло как у членов своего союза, так и у частных производителей. В 1915 г. вводятся предельные закупочные цены на маслопродукцию, а в сентября того же года устанавливается масляная монополия, в соответствии с которой все произведенное масло поступало в собственность государства. Осуществление госмонополии на комиссионных началах передавалось в руки маслодельного союза. Но производителю стало просто не выгодно сбывать масло по заготовительным ценам. Крестьяне увеличивали посевную площадь, сокращая лугов и пастбищ. Это определило тенденцию на устойчивое сокращение производства и сбыта масла. В 1917 г. вывоз масла сократился по сравнению с 1913 г. на 20,7%[36].

В целом в годы Первой мировой войны наблюдалось нарастание товарности крестьянских хозяйств, достигшее своего пика к 1917/1918 г. В итоге крестьянство, которое до этого представлявшее особую организационно-производственную форму, главным императивом которого являлось выживание, гарантировавшее производство минимума жизненно необходимого, впервые столкнулось с необходимостью вести нерациональные расходы. Учитывая, что мобилизация вырвала глав семей – единственных носителей законного права в семье, чье слово сопрягалось с хозяйственной рачительностью и бережливостью, война привела к настоящему потребительскому буму крестьянок и «молодых». Крестьянин с. Чингизы Барнаульского уезда К. Рукавишников жаловался: «Молодые солдатки и ребята, оказавшиеся в положении хозяев, все вырученные деньжонки переводят на цветные юбки, лакированные сапоги, галоши и на гармошки»[37]. А вот как о потребительской активности писали в с. Рубенское (Мариинский уезд): «Теперь

большинство крестьян оделось, обулось и так изменилось, словно какая-то чешуя спала»[38]. В деревне проявилась и другая тенденция – накопление денег на будущее, создание своеобразной «страховки». По сути деньги в таких хозяйствах просто лежали «мертвым» грузом и не имели обращения.

Это сказывалось на том, что деревня с 1916 г. стала испытывать дефицит сельхозмашин. Хотя накануне войны обеспеченность Сибири сложными сельхозмашинами превышало общероссийские показатели. По данным на 1910 г. в среднем на один крестьянский двор за Уралом приходилось 2,25 орудий[39]. Однако в годы войны произошло массовое закрытие контор, поставлявших технику и занимавшихся ее ремонтом. Машинная уборка уступила место ручной. Существенному износу подвергался еще эксплуатируемый инвентарь. К 1917 г. в Сибири насчитывалось 970 тыс. железных плугов, 256 тыс. веялок, 173 тыс. жнеек, 152 тыс. косилок, 130 тыс. конных грабель, 108 тыс. молотилок и 37 тыс. сеялок, что по оценкам специалистов составляло около 60% от уровня начала 1914 г.[40]

Летом 1914 г. Сибирь стала глубоким тылом Великой войны. Регион к этому времени оставался слаборазвитой в промышленном плане окраиной обширной Российской империи, основной специализацией которого было сельское хозяйство. Война не внесла существенных корректив. Напротив, вывоз сибирского продовольствия в другие регионы стал важнейшей частью военно-хозяйственной системы страны. В этих условиях сибирское крестьянство не только сполна заплатило «кровавый налог» – мобилизованными сибиряками, но постоянно наращивало трудовые усилия, способствовало существенному подъему производства основных видов сельскохозяйственной продукции. Однако отдавая больше сельскохозяйственной продукции, сибирские крестьяне получали гораздо меньше необходимых промышленных товаров, чем в мирное время. Поэтому, получая «бешеные деньги», крестьянство тратило их не на хозяйственные нужды пошатнувшегося от войны

хозяйства, а на удовлетворение возросших потребительских аппетитов.

Да и государство далеко не в полном объеме использовало возросший аграрный потенциал Сибири. Неумелая государственная заготовительная политика и желание минимизировать финансовые затраты при выкачке продовольствия, недостаточное развитие транспортных коммуникаций, слабость местных производственных мощностей, обеспечивавших первичную обработку сырья – стали теми факторами, которые не позволили сибирскому тылу внести существенный вклад в военную экономику Российской империи.

Библиография

[1] *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

[2] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 61–62.

[3] *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня накануне Октября. Иркутск, 1966.

[4] *Горюшкин Л.М.* Сибирское крестьянство на рубеже двух веков (конец XIX – начало XX). Новосибирск, 1967.

[5] *Сидоренко С.А.* Сельское хозяйство Сибири в годы Первой мировой войны // Вопросы истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. Т. 38. С. 310–318.

[6] *Храмков А.А.* О влиянии Первой мировой войны на сельское хозяйство Томской губернии // Советское крестьянство – активный участник борьбы за социализм и коммунизм. Барнаул, 1969. С 37–39.

[7] *Кротт И.И.* Сельское хозяйство Западной Сибири. 1914 – 1917 гг. // Вопросы истории. 2011. № 11. С. 103–118.

[8] *Еремин И.А.* Западная Сибирь в период Первой мировой войны (июнь 1914 – март 1918). Барнаул, 2010.

[9] *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений: сельское хозяйство Сибири в 1914–1924 гг. Новосибирск, 2013.

[10] *Волков Е.З.* Динамика народонаселения СССР за 80 лет. М.-Л., 1930. С. 163.

[11] *Огановский Н.* Народное хозяйство Сибири. Омск, 1921. С. 28–29.

[12] *Зверев В.А.* Крестьянское население Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1988. С. 41.

[13] *Зверев В.А.* Дети – отцам замена: воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917). Новосибирск, 1993. С. 134.

[14] Сибирская деревня (Красноярск). 1914. № 19. С. 17.

[15] Там же. 1914. № 5. С. 3.

[16] Крестьянство Сибири в эпоху капитализма Новосибирск, 1983. С. 195, 241.

[17] Сельское хозяйство в Сибири в XX веке: проблемы развития и кризисы. Новосибирск, 2012. С. 14.

[18] *Горюшкин Л. М.* К вопросу о влияние первой мировой войны на сельское хозяйство и положение крестьянства в Сибири // Общественно-политическое движение в Сибири в 1961–1917 гг. Новосибирск, 1967. С. 203.

[19] *Волков Е.З.* Динамика народонаселения... С. 120.

[20] Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. Новосибирск, 2009. С. 436.

[21] *Горюшкин Л. М., Пронин В. И.* Население Сибири накануне Октябрьской социалистической революции // Историческая демография Сибири. Новосибирск, 1992. С. 89, 96.

[22] *Гущин Н.Я.* Население Сибири: основные тенденции и катаклизмы в развитии. Новосибирск, 1995. С. 16.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 48.

[25] *Греков Н.В.* Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь. Омск, 1997. С. 154–155.

[26] Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане. М., 1960. С. 448–568.

[27] *Рынков В.М., Ильиных В.А.* Десятилетие потрясений... С. 188.

[28] Сельское хозяйство России... С. 88–90.

[29] *Тюкавкин В.Г.* Сибирская деревня... С. 308.

[30] *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири... С. 52.

[31] *Чудинов Д.* Голод и кризис крестьянского хозяйства // Сибирские огни (Новониколаевск). 1922. № 2. С. 107.

[32] *Дм. М.* Сельское хозяйство Сибири в 1920 году // Красная Сибирь (Омск). 1921. № 1. С. 51.

[33] *Пронин В.И.* Скотоводство в Сибири в XIX – начале XX вв. (К статистике вопроса) // Из истории Алтая. Томск, 1978. С. 115.

[34] Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1915. № 20. С. 631.

[35] *Огановский Н.П.* Народное хозяйство Сибири.. С.54.

[36] Сибирская маслодельная кооперация (1921–1930). М., 2008. С. 132–133.

[37] Сибирское сельское хозяйство (Томск). 1917. № 2. С. 27.

[38] Там же. 1915. № 12. С. 394.

[39] Азиатская Россия. Т. 2. Земля и хозяйство. СПб, 1914. С. 406.

[40] *Кротт И. И.* Сельское хозяйство Западной Сибири... С. 109.

ВЗАИМОПОМОЩЬ В САРАТОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ВЗГЛЯД СВЕРХУ И СНИЗУ

А.В. Посадский

Великая война мощно усилила государственное присутствие в экономической жизни всех воевавших государств. Мобилизация хозяйства на нужды войны шла с разной степенью глубины и интенсивности. Россия, с громадными, казалось бы, людскими ресурсами, оказалась весьма уязвима из-за оттока рабочих рук при низкой машинизации аграрного сектора. Соответственно, власть проявляла повышенный интерес к проблеме выживания крестьянского хозяйства в условиях постоянных изъятий.

Мы рассмотрим частный случай бюрократической инициативы начала 1916 г., направленной на решение проблемы нехватки рабочих рук в крестьянском хозяйстве Саратовской губернии, и отклика на нее крестьянского населения.

Крестьянское население губернии насчитывало около двух с половиной миллионов человек, и было представлено преимущественно русскими, в северных уездах – мордвой, чувашами и татарами, в южных – заметным числом малороссов и значительным массивом немецких колонистов.

1905 год показал, насколько остра в губернии аграрная проблема. Губерния в разы превысила общероссийский уровень по числу крестьянских выступлений и разгромам усадеб. На правительственный вариант решения аграрного вопроса отклик также был значительный, хотя и весьма не равномерный. При этом столыпинские преобразования нередко вызывали широкий отзыв именно там, где накануне господствовал революционно-бунтарский способ решения земельного вопроса. 1913–1914 гг. продемонстрировали рост разверстаний на участки целых

селений. Это было очевидным прорывом в продвижении участкового землепользования в губернии с живой поземельной общиной. Однако этот успех был подсечен начавшейся Мировой войной и сворачиванием землеустроительных мероприятий (некоторые соображения по упомянутым процессам в губернии см. в работах автора[1 2]). Параллельно, как и по всей стране, стремительно росла кооперация.

В то же время «царь-голод» оставался постоянным спутником крестьянской жизни. В условиях прогрессировавшего аграрного кризиса более или менее широкий недород отзывался голодом с трагическими последствиями. Накануне Мировой войны в Поволжье неурожайными были 1911–1912 гг. Естественно, голод или угроза голода вызывали те или иные меры помощи и ту или иную реакцию крестьян. Голод всегда территориально неравномерен, поэтому взаимоотношения крестьян и землевладельцев, внутрикрестьянская взаимопомощь могли складываться по-разному в зависимости от конкретных локальных обстоятельств[3]. Так, осенью 1912 г. крупные посевщики Сердобского уезда Саратовской губернии претерпели от несвоевременной уборки из-за дождей и нехватки рабочих рук. При этом обнаружилось немало случаев невыполнения крестьянами условий, заключенных зимой на уборку у землевладельцев: урожай хороший, крестьяне не успевали со своей работой, да и договаривались зимой по низкой цене. Таким образом, урожайный год после неурожая и невыгодные условия зимних договоренностей сразу обрушили выполнение обязательств. Крестьяне отдали, естественно, предпочтение своему хозяйству[4].

Довольно подробную картину рисует хвалынский исправник Тифлов, описывая в феврале 1912 г. настроения во вверенном ему уезде. Крестьяне скрытно выражали недовольство на невыдачу продовольствия всему населению среднего достатка. При этом осенью были общественные работы, давшие крестьянам известный заработок. Крестьяне же утверждали, что заработанные деньги еще до снега

израсходованы, а снежная зима не дает возможности заработка. Другая часть «безработных» была недовольна медленной выдачей благотворительной помощи. К должностным лицам являются уполномоченные с заявлениями о голоде и появлении болезней. Начавшиеся выдачи муки и открытие столовой для больных внесли успокоение в эту категорию недовольных. Характерно, что данные критические настроения исправник именует «настроениями передового крестьянства», то есть наиболее развитого. Они влияют и на должностных лиц, которым приходится «стушевываться» при взыскании мирских и страховых сборов. В Акатной Мазе, на фоне нехваток обострилось недовольство между общинниками и укрепленцами. Исправник сообщает, что при тихом настроении многие крестьяне распропагандированы: «Мысли и предположения скоро или долго получится земля даром, не оставляют и до сих пор, что несется в говоре и молве, причем как на источники ссылаются на газеты и народный голос с ссылкой на Государственную Думу».

В одной татарской деревне жители настойчиво, с угрозами, требовали от студента – заведующего столовой, выдачи пищи всем. Исправник отмечал, что татары уезда громко заявляют о голоде в их обществах и необходимости помощи. Такая ситуация – каждый неурожайный год. Между тем, «татары небережливы, живут антисанитарно, физическими работами не занимаются, в особенности мужчины с 50 л. (ходят в мечети) и весь женский пол. Бездеятельность и безработица есть главный виновник недостатка и появления болезней. Между тем татарские деревни наделены высшим земельным наделом и самого хорошего качества. В остальных случаях магометане наружно ведут себя спокойно, относятся почтительно, но тем не менее более преданы Турции, чем России, и в их среде турецкий султан есть их государь»[5]. Вот так, в преломлении администратора, соединялись проблемы хозяйственного обихода, землепользования, трудолюбия и даже политики на фоне неурожая и правительственной помощи.

В Хвалынском уезде татарское население «сидело» на лучших землях, но земледелием занимались мало, не проявляло интерес к землеустройству (первое дело – лишь в 1912 г.). Хвалынская же мордва жила составными семьями, патриархально, с передельной общиной, и, при скромных запросах, имела достаточное количество земли, чтобы не стремиться к новациям[6]. Подобных особенностей на местах было много. На столь пеструю картину хозяйственной жизни война наложила серьезные и постоянно возраставшие нагрузки.

Изъятия рабочих рук из деревни в ходе войны, рост цен на товары первой необходимости заставляли власти изыскивать способы поддержки крестьянского хозяйства. Одна подобная идея возникла в губернии в начале 1916 г.

16(29) января 1916 г. земским начальникам и уездным съездам был отправлен циркуляр губернатора. Съездам предлагалось обсудить следующие вопросы: не предложить ли крестьянам организоваться в «мелкие сельскохозяйственные артели», ибо в каких-то хозяйствах сохранились руки, но не хватает инвентаря, в каких-то – наоборот; если это мероприятие будет признано желательным, следовало обсудить возможность снабжения таких артелей сельхозмашинами и орудиями на льготных условиях из земских и других складов; наконец, предлагалось обсудить возможность и условия привлечения труда пленных и беженцев[7].

Надо полагать, что данный циркуляр был вызван инициативой земского начальника 2-го и 10-го участков Аткарского уезда (из-за ухода на службу классных чинов в военные годы нередко один земский начальник обслуживал два участка). В отношении губернатору от 30 декабря 1915 г. (12 января 1916) г. он констатировал кризис, вызванный тремя причинами. Первая – отлив рабочих рук из-за войны, что уже сказалось на посеве озимых; вторая – климатические условия 1915 г., задержавшие обмолот и уборку и не давшие возможность засеять пары. Третья – землеустройство (Аткарский уезд довольно активно отозвался на

столыпинскую реформу). Под яровые почти никто еще земли к указанному времени не подготовил.

Земский начальник заявлял, что разработал систему мер вместе с земским агрономом Еланского участка (юг Аткарского уезда, богатый хлебом). Эти меры, вкупе с описанием положения дел в деревне, весьма интересны. Они и породили попытку распространить инициативу на всю губернию.

Итак, в отношении нарисована следующая картина жизни двух участков, то есть нескольких волостей Аткарского уезда. Большая часть семей осталась без работников. Такие хозяйства предполагалось соединять в более крупные единицы по соглашению самих хозяйств. «Здесь могут быть различные комбинации, смотря по тому, обладает или нет данное хозяйство живым и мертвым инвентарем и рабочими силами. Там, где нет рабочей силы, но есть живой и мертвый инвентарь, подобные хозяйства могли бы соединяться, и от такого соединения получилась [бы] большая продуктивность труда. Подобная организация труда применялась уже среди крестьянского населения в 1914 и 1915 гг., а с другой стороны, и сами сельские общества, признавая нравственным долгом помочь семьям призванных на войну, отряжали часть сил постановлением своих сходов, для оказания помощи солдатским семьям. С наступлением же весны 1916 г. такой помощи от сельских сходов теперь не придется ожидать, благодаря недостатку рабочих сил почти в каждой семье. С другой стороны, можно предполагать, что и крупные хозяйства, обладающие различными с-х машинами, примут участие в подобной организации, так как в наступающем 1916 г. им трудно будет достать рабочих; если же некоторые хозяйства подобного размера найдут какой-либо исход для пополнения рабочих, то им придется заплатить очень высокую заработную плату. Иногда подобные хозяйства, обладающие жнейками, доходили до смешного и вместе с тем печального явления для производительности труда: работают хозяин и хозяйка в поле с жнейками, пройдут раза два по полю, а затем принимаются вязать хлеб в снопы, а жнейка

после этого целый день стоит без движения. Между тем, если бы был принцип самопомощи, то подобному хозяину давно бы убрали и хлеб, а машина в другом загоне успела бы кончить свою работу».

К беженцам – очевидному резерву рабочей силы, – по мнению автора, требовались административные меры, та как они склонны были отказываться от предлагаемых работ.

Военнопленные были дешевы, умело обращались с машинами, однако вводить пленного в хозяйство, лишенное работника, – опасно. Солдаты-фронтовики «в категорической форме пишут домой, чтобы ни под каким видом австрийцы не брались на работу. Подобное отношение объясняется тем, что военнопленный, попадая в хозяйство призванного на войну, становится как бы уже полноправным членом и хозяином положения в данной семье».

Энергичный земский начальник намечал создать комитеты помощи сельскому хозяйству под председательством приходских священников, а в крупной слободе Елани – упоминавшегося земского агронома. В них должны были войти представители от различных попечительств и сельских сходов – по 1–2 от каждой сотни домохозяев. Этим комитетам и следовало изыскивать необходимые меры помощи, в том числе организовывать крестьянские хозяйства в «более крупные единицы»[8].

Итак, соображения земского начальника были замечены губернатором, циркуляр выпущен. На протяжении следующих месяца-полутора, в феврале-марте 1916 г. были поданы постановления, журналы или протоколы уездных съездов земских начальников с откликом на циркуляр.

Аткарский съезд ответил, что организация предлагаемых артелей «является по местным условиям неосуществимою, т.к. совместная работа на артельных началах в Аткарском уезде совсем не практикуется, не соответствует представлениям крестьян о продуктивности работы, почему и не может рассчитывать на успех самое сорганизование артелей». Мертвого инвентаря в большинстве хозяйств достаточно, нуждающиеся могут брать в прокате.

Крестьяне покупают инвентарь за наличные, без рассрочки. Беженцев трудоспособных не более 1 000, труд их малопродуктивен. Военнопленных надо отпускать в распоряжение волостных попечительств, держать под постоянным наблюдением старшин и старост, на ночлег помещать в отдельное помещение, по возможности, и «отнюдь не позволять им размещаться в избах солдатских жен, где в семье не имеется пожилых женщин».

Балашовский уездный съезд постановил, что организация мелких артелей желательна, без малейшей детализации. Учитывая, что речь идет о громадном черноземном уезде с развитым частным землевладением, с весьма бурным «аграрным» прошлым, такое постановление съезда следует признать обыкновенной отпиской.

Вольский уездный съезд отметил: «По местным условиям, ввиду уже существующей, на естественных началах, среди населения трудовой взаимопомощи, как-то помощь родственниками, соседями и т.п., и, как показал опыт, при этих началах и принятых мерах Вольской уездной земской управы, – площадь озимого посева не только не уменьшилась, а, наоборот, увеличилась на 6 800 десятин противу предшествовавшего 1915 г., и что нет никаких оснований предполагать, что развитие взаимопомощи среди населения прекратится, – уездный съезд полагает, что сорганизовываться в мелкие с.-х. артели – необходимости не представляется». Трудоспособных беженцев в уезде насчитывалось 280 мужчин и 780 женщин. Съезд отмечал, что пленных требуется не менее 6000, недостатка в машинах при использовании их труда не предвиделось.

Камышинский съезд объявил, что требуются рабочие руки в лице пленных и беженцев. Недавно поступившие пленные – германцы и мадьяры. Их предлагалось посылать в немецкие колонии (население Камышинского уезда наполовину состояло из немецких колонистов), а работавших там русин и других славян – направить в русские села, так как они понимают русский язык. Съезд отмечал активную работу земства и признавал предлагаемые меры излишними.

Кузнецкий съезд сообщал о наличии в уезде 9 прокатных станций. Земство затребовало на весну 600 военнопленных; было решено организовывать артели из военнопленных и учащихся и закупать лошадей для раздачи нуждающимся. Беженцев насчитывалось 6774, но они оценивались как плохие работники. Инвентарь в деревне имелся, в уезде господствовала соха. Крестьяне не ждали проку от военнопленных, так как те не знакомы с сохой. Имеющихся шестисот вполне хватало для тех немногих хозяйств, которые располагали плугами. Кроме того, татары – четверть населения – по религиозным соображениям не согласятся использовать труд пленных и беженцев. В уезде были селения, большей частью татарские, из которых, по негодности и членовредительству, оказалось призвано не более 8 – 10% подлежащего контингента. Съезд предлагал их заставить прийти на помощь другим селениям. Взаимопомощь в прежнем виде сейчас, «когда многим впору справиться со своими нуждами (таково мнение крестьян и вообще жителей деревни), едва ли возможна. Организация же артелей возможна лишь при отпуске со стороны правительства не менее как 300 000 рублей...» Отметим несообразно высокую сумму, которая только и поможет организовать артели. При наличии такой суммы на уезд об артелях можно и не вспоминать!

Петровский съезд признавал, что помощь семьям призванных будет необходима, «но организация сельских хозяйственных артелей по местным условиям не представляется возможной, и помощь семьям призванных будет оказана главным образом помощью родственников и соседей при моральном воздействии местной власти, кооперативов и земских попечительств так, как в минувшем году». Съезд заявлял о необходимости не менее 5 тыс. военнопленных.

Саратовский уездный съезд рисовал следующую картину. Ввиду высоких цен на хлеба у состоятельных крестьян наблюдалась тенденция к увеличению посева, – землю арендовали у более слабых. Частновладельческие

земли почти все были заарендованы. Среди семей призванных – немало крупных и средних посевщиков, удержавших свои земли, но оставшихся совершенно без рук. Им нужна помощь. Общества таковую оказать не смогут, так как почти каждая семья лишилась работников. Помочь должно земство, прежде всего предоставлением рук. Так, военнопленные, особенно славяне – почти все исполнительные работники. Для крестьянского хозяйства пользование трудом пленного возможно лишь при его проживании в самом хозяйстве; хождение в казарму убивает рабочий день. Беженцы упорно отказывались от работ, надеясь на паек. Организация артелей «по местным условиям совершенно не осуществима».

Сердобский съезд отчитался, что на предложение сорганизоваться в мелкие артели население отказалось. Организация таких артелей маложелательна, так как пришлось бы устанавливать обработку земли в очередь, что вряд ли продуктивно. Беженцев и военнопленных на весну уезду требовалось 8 тыс. В журнале съезда оказалось записано особое мнение одного земского начальника. Он заявил, что единственным мотивом отказа от артельного труда служит убеждение в денежной состоятельности семей призванных, которые вполне могут нанять работников. Для убеждения в пользе артелей время есть, так как на весну такая помощь может и не понадобиться, – 2/3 яровых подготовлены с осени. Артельная обработка земли – не новость, и ее можно правильно поставить. Автор мнения приводил пример своей работы в Гродненской губернии (надо полагать, в начале войны). Там все мужчины с 12 лет находились на крепостных работах, ни земства, ни беженцев, ни военнопленных не было. Однако артельно (женщины под руководством инвалидов) все земли обработали и урожай убрали. Конечно, пришлось «много потрудиться» должностным лицам. Автор полагал, что к разъяснению пользы артелей на сходах надо привлечь священников. Он высказал мнение, что военнопленные беспредельно распущены. Пленные должны оставаться пленными, а не хозяевами, «как это сейчас наблюдается, и по моему глубокому убеждению размещение их одиночно по

семьям без всякого надзора вызовет полный распад последних, за что, конечно, едва ли будут благодарны нам наши защитники...». Из пленных следовало организовывать небольшие артели.

Хвалынский съезд оценивал количество «безработных» (без работников) семей в 6 тыс. Они располагали 12 тыс. дес. земли. Половина этой площади могла бы быть обработана помощью обществ, как в 1915 г., «но общественную помощь для этой цели надлежит установить обязательной для обществ и возложить ответственность за помощь безработным семьям на сельских должностных лиц; что же касается способов оказания помощи сельскими обществами, то таковые предоставить самим обществам, от которых и зависит, организоваться ли для этой цели в мелкие артели, или другим каким-либо способом оказывать помощь». Дипломатичный ответ показывал, как всюду, нежелательность каких-либо «артелей». Пленных уезду требовалось 3 тыс. Съезд полагал использовать их одиночно, сдавать за плату отдельным семьям под контроль и ответственность нанимателей.

Наконец, Царицынский уездный съезд, заявляя о крайней необходимости помощи руками, констатировал: «Артельная крестьянская организация на местах в известном виде уже практикуется и потому съезд не считает необходимым делать какие-либо указания по этому вопросу»[9].

Журнал губернского присутствия 5 (18) марта 1916 г. подвел итоги. Балашовский съезд нашел желательной организацию артелей «путем внушения населению пользы» этого начинания (высоты бюрократического стиля!), Вольский и Царицынский заявили, что подобная помощь и так практикуется. Остальные съезды объявили о невозможности, хотя «трудовая взаимопомощь существует положительно во всех уездах губернии. Очевидно, что уездные съезды под трудовыми артелями подразумевали отдельные самостоятельные юридические единицы, а не как трудовую самопомощь на время полевых работ»[10].

Таким образом, губернаторский циркуляр вызвал к жизни сводку состояния дел в деревне к началу полевого сезона 1916 г. Несколько сюжетов обращают на себя внимание. Прежде всего, крестьяне и сами земские начальники весьма критично отзываются о немалочисленных уже к 1916 г. беженцах. Крестьяне отмечали их нежелание вставать на работы при наличии или в ожидании казенного пайка. В противоположность этому, пленные оказывались вполне адекватной и управляемой рабочей силой. Большой массив славян среди них даже снимал языковой барьер. Однако и здесь бывали выразительные исключения: хорошо управлявшиеся с плугом и машинами пленные оказались малоприменимы в Кузнецком уезде, где господствовала незнакомая австрийцам соха. Однако главная проблема носила культурный характер. Реальную помощь в крестьянском хозяйстве пленные могли оказать, лишь проживая на крестьянском дворе. Это, в свою очередь, вызывало весьма нервную реакцию как солдат-домохозяев, находившихся на фронте, так и администраторов. Пленный в роли «главного мужчины» в хозяйстве неизбежно приобретал права хозяина. Показательно и то, что кузнецкий съезд без малейшей рефлексии указывает, что в ряде татарских селений из-за членовредительства призвана едва десятая часть подлежащего контингента.

Наконец, центральный вопрос, ради которого и затевалась вся административная переписка. Это организация артельного труда. Все уезды как минимум без энтузиазма, а по большей части прямо негативно отнеслись к идее такой производственной кооперации. Хотя предложение выглядит вполне логичным для чрезвычайной военной ситуации. Кооперирование в труде, взаимопомощь существовали в деревне, но были адресными (в основном поддержка осуществлялась по родственным линиям), с жестким пресечением попыток нахлебничества, а всякого рода огульный коллективизм и создание дополнительных организационных конструкций с непонятными задачами претили крестьянам. При этом единодушными в неприятии

неких полуказенных «артелей» оказались и русские, и татары, и немцы, и мордва, при всем различии их хозяйственных укладов.

Данное наблюдение позволяет заметить, насколько партийно-городские представления об «общинности» могут конфликтовать с реальной практикой самих сельских жителей.

Этот сюжет, начиная с 1917 г., станет одним из стержневых в тяжелой революционной драме русской деревни.

Библиография

[1] *Посадский А.В.* Потенциал и тормоз реформы: Саратовская губерния // Правда Столыпина. Саратов, 1999. Вып. 1. С.253–264.

[2] *Посадский А.В.* Диалектика общинного и индивидуального на пределе экстенсивного развития // Социс. 2000. № 4. С. 83–92.

[3] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 55.

[4] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 8900. Л. 149 .

[5] ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8900. Л. 2, 2 Об., 3.

[6] ГАСО. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1510. Л. 122.

[7] ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9146. Л. 5, 5 Об., 6.

[8] ГАСО. Ф.23. Оп. 1. Д. 9146. Л. 1, 1 Об., 2.

[9] ГАСО. Ф.23. Оп. 1. Д. 9146. Л. 17, 18 Об., 21, 22, 22 Об., 25, 26 Об., 27, 27 Об., 30, 30 Об., 31, 31 Об., 32, 35, 36 Об., 37, 37 Об., 40, 41,41 Об., 42, 44, 44 Об., 47, 48 Об., 60, 60 Об., 61.

[10] ГАСО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 9146. Л. 49, 51.

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ВЛАСТЬ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

В.Я. Романченко

Как и в предшествующий период российской истории, в годы Первой мировой войны аграрный вопрос являлся тем оселком, в орбите которого развивались все процессы, связанные с взаимоотношениями крестьянства и власти.

Развитие это шло по двум основным направлениям. Первое – диалог крестьянства с государственной властью по поводу решения государством насущных проблем крестьянской жизни. Второе – политическая социализация крестьянства, и на ее основе перераспределение власти между государством и крестьянством в пользу последнего. Рассмотрим некоторые содержательные стороны эволюции этих двух направлений.

Характеризуя первое, прежде всего, следует подчеркнуть, что российская цивилизация эпохи царизма испокон веков была дуалистичной, содержала в себе два мира: «мужицкий» крестьянский и чуждый ему мир «барский» помещиков, дворянства, постоянно находившиеся в состоянии антагонизма, который к началу Мировой войны стал ускоренно нарастать, предопределив глобальный раскол российской цивилизации. Главная причина этого ускорения заключалась в нерешенности земельного вопроса, отсталости существовавших в стране аграрных отношений. Правительственные аграрные реформы шли вдогонку социально-экономическому развитию деревни, что признавали и здравомыслящие защитники царской власти. «Бесспорно, что аграрная реформа запоздала, – писал генерал А.И. Деникин. – Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное – той страшной духовной темноты, в которой правящие классы держали крестьянскую массу,

ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения»[1].

Горючая масса исподволь накапливалась в крестьянской среде. И переход взаимоотношений государственной власти с крестьянством в стадию «исторического отмщения» со стороны крестьянства, иначе говоря, в Крестьянскую революцию, вряд ли можно рассматривать в качестве некоего единовременного акта. Скорее всего, следует говорить о нескольких фазах данного процесса (как, впрочем, и самой революции), который берет начало, по меньшей мере, за десятилетие до начала войны и обусловлен комплексом социально-экономических, политических и ментальных, духовных предпосылок.

На наш взгляд, первая фаза перехода начинается тогда, когда на смену пассивному сопротивлению крестьянства все чаще приходит активное. Уже в начале XX в., особенно с 1902 г. в ряде губерний России крестьянское движение приобретает наступательный характер. Преобладающими становятся такие формы борьбы, как потрава помещичьих посевов, лугов, пастбищ, захват помещичьих земель, арендные забастовки. Все чаще прибегали крестьяне к поджогам помещичьих имений, истреблению помещичьего имущества. В Поволжье, например, эта форма борьбы составляла 3/4 всех крестьянских выступлений, а их численность увеличилась со 137 в 90-е гг. XIX в. до 278 за первые 5 лет XX в.[2].

Начавшаяся русско-японская война, а затем столыпинская аграрная реформа усилили среди крестьян антицаристские настроения. Все это, как и последующие события в российской деревне, на фоне все большего разочарования крестьян в центральной власти подталкивало их к силовому решению своих проблем, являлось своеобразной прелюдией перехода взаимоотношений крестьянства и власти в новую, критическую фазу в годы Первой мировой войны.

Особенность их эволюции в условиях войны заключается в том, что на разных ее этапах наблюдалось

относительно устойчивое с точки зрения периодичности сближение и отдаление двух полюсов политического процесса взаимодействия государственной власти и крестьянского движения: сближение с царской властью на волне патриотических настроений в начале войны и отдаление от нее по мере «увязания» России в войне и переноса «комплекса отрицательных эмоций, связанных с образом внешнего врага ... на образ врага внутреннего»[3]; сближение (хотя и очень кратковременное) с временным правительством, как альтернативой опостылевшей самодержавной власти и отдаление от него по мере проявления его антинародной сущности; сближение с властью большевиков с последующим противоборством с ней части крестьянства, вылившимся в гражданскую войну.

При этом все события, связанные с взаимоотношениями крестьянства и власти в годы Мировой войны в своей совокупности сформировали общую для периода войны тенденцию отдаления крестьянства от государственной власти, разочарования его в этой власти вообще, то есть вне зависимости от того какие политические силы стояли у руля государственного управления. В своем глубинном основании данное обстоятельство обусловлено было тем, что Первая мировая стала одновременно и войной против российской цивилизации, складывавшихся веками традиций, устоев русской общины, православной веры и культуры.

Но война не только отдалила народ в лице крестьянства от противостоящей ему властной системы. Резко обострив все существовавшие в стране противоречия, превратив их в спутанный клубок и вытащив его на поле политической борьбы, война перевела взаимоотношения государственной власти и крестьянства из стадии «холодной войны» с элементами вооруженной борьбы в стадию открытого вооруженного противостояния. В тех конкретно-исторических условиях вступление в данную, новую стадию политического процесса было неизбежно, поскольку центральная власть фактически утратила механизм мирного, правового взаимодействия с сельским сообществом и влияния

на него. Оно, в свою очередь, разочаровавшись в иных способах взаимоотношений с властью, стало рассматривать вооруженное насилие в качестве единственно возможного и наиболее эффективного. Введение с началом войны массового вооруженного насилия в обыденную жизнь российского общества привело к разрушению его духовного уклада. Тем самым был нанесен смертельный удар по всей российской цивилизации. Утратив свою духовную основу, она была обречена на гибель.

Парадокс ситуации заключается в том, что разрушительной силой традиционного общества и российской цивилизации в годы Первой мировой войны стал основной носитель российского традиционализма – крестьянство. Что касается исторической ответственности за это, то она, главным образом, лежит на царской власти, которой не хватило ни мудрости, ни политической воли, чтобы вывести из тупика аграрные отношения, противостоять натиску доморощенных шовинистов и западных «друзей» России, стремившихся втянуть ее в кровавую мясорубку.

Но не только на ней. Существовавшие в стране к тому времени политические партии, отражавшие интересы различных слоев общества, в том числе как господствующего класса с его властью, так и крестьянства, практически ничего не сделали для налаживания мирного диалога между ними. Более того, многочисленные документы свидетельствуют о том, что не только леворадикальные силы, но даже в большей степени чем они – либералы, тесно связанные с правящей верхушкой власти в лице октябристов, кадетов и прочих «друзей народа», в критический для России момент февральского 1917 г. кризиса власти сделали все возможное для того, чтобы подтолкнуть Николая II к отречению от престола. Когда же они пришли к власти, создав Временное правительство – предприняли максимум усилий к тому, чтобы как можно быстрее настроить против себя солдатские и крестьянские массы. Чего стоит один только закон «Об охране посевов», гарантировавший помещикам «законную охрану» их земель от крестьянских притязаний,

предусматривавший применение карательных мер против нарушителей закона. В результате и без того слабая институциональная связь государственной власти с крестьянством с приходом к власти политических партий, сформировавших Временное правительство, прерывается, обрекая данное правительство на скоротечную гибель.

При выявлении тенденций и противоречий, особенностей взаимоотношения крестьянства и власти в условиях войны исключительно важное значение имеет учет фактора исторической памяти. То поколение крестьянства, которое ввергнуто было в пучину мировой войны, знало о войне не понаслышке. Оно успело «вкусить» горькие плоды ее, в том числе и на полях сражений русско-японской. Память об этом не могла не сказаться в дальнейшем на крестьянских настроениях.

Свою роковую роль сыграло и то, что война приобрела долгосрочный, затяжной характер. Каждый месяц войны «работал» на ускорение происходивших в стране политических процессов, разжигание пламени крестьянской революции, которая расшатывала власть. Именно война ввергла Россию в такое состояние, когда русское крестьянство, терпевшее власть веками, оказалось не в состоянии сосуществовать с ней даже в течение нескольких месяцев, недель и даже дней. Не случайно только за апрель 1917 г. число крестьянских выступлений по сравнению со всем 1916 г. выросло в несколько раз. Если раньше эти волнения фиксировались в отдельных уездах и губерниях, то к концу апреля они охватили 42 из 49 губерний европейской части России[4].

Но война через крестьянскую революцию расшатывала и разрушала не только саму государственную власть и ее систему, но и ту силу, на которую она традиционно опиралась – армию. Одним из свидетельств ее развала становится массовое дезертирство. По данным В. Галина, с февраля по август 1917 г. количество официально зарегистрированных дезертиров увеличилось с 6,3 тыс. до 31 тыс. чел., кроме того ежемесячно осуществлялось незарегистрированное

дезертирство около 200 тыс. чел.[5] Усилил отток из армии начавшийся «черный передел» в деревне и приход к власти большевиков с их политикой конфискации и национализации земли.

Все это не могло не сказаться на ходе и исходе для России Первой мировой войны. Таким образом, если до начала этой войны власть и сила всегда были на стороне тех, кто веками эксплуатировал крестьянство, то в ходе войны государственная власть утрачивает силу, и она постепенно переходит к крестьянину, солдату, «человеку с ружьем». Раскол в среде крестьянства на сторонников и противников большевиков в ряду других политических процессов ведет страну к новой – гражданской войне.

До сих пор бытует мнение, что чуть ли не вся вина за ее разжигание лежит на В.И. Ленине и большевиках, которые действительно выдвигали лозунг превращения империалистической войны в гражданскую. Но, как говорится, «слишком много чести». Сам Ленин в работе «О поражении своего правительства в империалистической войне», еще в 1915 г. писал: «Превращение империалистической войны в гражданскую не может быть “сделано?, как нельзя “сделать” революции, – оно вырастает из целого ряда многообразных явлений, сторон, черточек, свойств, последствий империалистической войны. И такое вырастание невозможно без ряда военных неудач и поражений тех правительств, которым наносят удары их собственные угнетенные классы»[6].

Думается, в данной оценке Ленин был абсолютно прав. К этому, пожалуй, можно лишь добавить, что революции не только нельзя искусственно «сделать», но и прекратить. Однако в России после выхода ее из Мировой войны, к сожалению, не сложились «черточки и свойства», совокупность которых позволила бы прекратить вооруженное противостояние крестьянства и власти, завершить революцию. Более того, несмотря на кратковременные периоды сближения, в целом накал противостояния крестьянства и власти в годы войны возрос до такой степени, что о прекращении крестьянской войны с властью, которую оно вело все это

время, вне зависимости от продолжения или прекращения участия России в Мировой войне, уже не могло быть и речи.

В этом смысле можно сказать, что именно крестьяне, получив в годы войны в руки оружие и сделав ставку на силу в борьбе за «лучшую долю» при активной поддержке большевиков, обеспечили реализацию лозунга «превращения империалистической войны в гражданскую». Здесь проявляется одно из принципиальных отличий политических процессов в российском обществе эпохи Первой мировой войны от той политической ситуации, которая сложилась в нем в годы Великой Отечественной. Если Великая Отечественная война с ее гораздо большими экономическими потрясениями, бедствиями народа и огромными людскими потерями, тем не менее, сплотила советское общество в борьбе с общим врагом – фашизмом, то Первая мировая, несмотря на высокий уровень патриотизма, существовавший среди всех слоев общества, в том числе и крестьянства, еще больше его разобщила и не только по линии крестьянство–власть, но и в самой крестьянской среде.

Расщеплению потоков крестьянской войны и противопоставлению их друг другу в немалой степени способствовала политика большевиков на завершающем этапе войны, сделавших ставку на борьбу с зажиточным крестьянство и союз с беднейшим. Ее реализация сформировала предпосылки для нового витка противостояния крестьянства и власти.

Характеризуя события, отражающие эволюцию отношений крестьянства и власти в годы Мировой войны, следует помнить, что, по сути, еще задолго до этих бурных событий в Российской империи существовало своеобразное двоевластие: власть господская, центральная, на службе у которой стоял аппарат государственной власти со всеми силовыми структурами, и власть низовая, общинная, которая по своим неписаным законам регулировала отношения в крестьянском сообществе на принципах самоуправления.

С началом революции крестьянство, чем дальше, тем больше, втягивается в политическую борьбу, поскольку

осознает, что кардинальное решение главного, земельного вопроса возможно только политически. В ходе этой борьбы уже в 1905 г. стихийно создаются органы крестьянской власти, например, такие, как первая в истории России общероссийская крестьянская организация – Всероссийский Крестьянский Союз. Создание Союза сопровождалось формированием его губернских, уездных комитетов и местных отделений. Большинство из них были образованы решениями местных крестьянских сходов. Главную роль своей деятельности Союз видел в отстаивании интересов крестьян, в том числе и крестьян-собственников земли, защите их прав от посягательств помещиков и центральной власти.

Однако ни большинство организаторов Союза, ни тем более рядовые его члены не были профессиональными политиками, плохо разбирались в законодательстве, не имели опыта политической борьбы. Кроме того, в условиях начавшейся реакции они, как и члены политических партий, других общественных организаций подвергались гонениям со стороны царской охраны. Видимо поэтому Крестьянский Союз просуществовал всего несколько лет.

Что касается высших эшелонов государственной власти, то путь в них крестьянству был заказан. История создания и функционирования Государственной Думы наглядно свидетельствует о том, что царский режим не собирался делиться этой властью с народом. А те уступки, на которые он пошел, явно не отражали его истинных устремлений. В письме генералу Д.Ф. Трепову по поводу принятия под давлением С.Ю. Витте Манифеста 17 октября 1905 г. Николай II с сожалением констатировал: «...России даруется конституция. Не много нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и, в конце концов, случилось неизбежное»[7].

Между тем, вплоть до падения самодержавия в России продолжали благополучно существовать низовые органы крестьянского самоуправления. На уровне общины

исполнительная власть принадлежала в них управлению в лице сельского старосты, писаря и сборщика налогов, на волостном – волостному управлению в составе старшины, писаря и старост сельских сообществ. Политическую основу этих органов власти составляли сельский (общинный) и волостной сход.

Самодержавное правительство, хотя и подорвало общинные устои начавшейся столыпинской реформой, не спешило ликвидировать эту систему крестьянской власти, так как она фактически выполняла роль исполнителя воли земских начальников, собирателя налогов с крестьянского «мира» и служила связующим звеном между этим миром и миром барским с его властью.

Объективно начавшаяся Мировая война не нужна была ни царской, ни крестьянской власти, так как нарушала веками сложившуюся систему их политического консенсуса, этого единства противоположностей. На ней, по сути, и строилась вся политическая система империи. Царская власть была слишком далека от крестьянского мира, чтобы допускать его в реальную политику. В свою очередь, крестьянское сообщество – безграмотное и озабоченное, главным образом добыванием хлеба насущного не могло, да и не хотело брать на себя всю полноту власти.

Однако война, став мощным катализатором политической борьбы, ускорила развитие уже проявившихся тенденций эволюции власти. Существовавшая обособленность центральной власти довольно быстро обернулась ее полной самоизоляцией, что привело к падению самодержавия, а нараставшее стремление крестьянства к политической самоорганизации – к формированию органов подлинно крестьянского самоуправления.

Особенность политической ситуации, сложившейся после падения самодержавия, заключалось в том, что процесс этот происходил не столько «в пику» деятельности образованного сразу же Временного правительства, но как бы параллельно с ним, поскольку вначале в той радостной ура-патриотической сумятице, которая господствовала повсюду,

крестьяне наивно отождествляли новую центральную власть с революционной, народной властью, пришедшей на смену ненавистному режиму.

Что касается прежних органов власти, то к их упразднению сельчане приступили немедленно после получения известия об отречении царя от престола. Спустя месяц после начала этих событий газета «Астраханский листок» писала в своей редакционной статье: «После переворота часть учреждений старого строя была уничтожена или изменена, или парализована... Старое ушло, а нового на его место поставить не успели. Самому населению пришлось наскоро создавать взамен устраненной власти власть, которая в состоянии была, так или иначе, ответить на запросы жизни»[8].

Такими органами власти в деревне становятся сельские и волостные исполнительные комитеты. Их руководство, как правило, избиралось на сельских сходах и было, как и руководство прежних управ, предельно компактным по своему составу. Размах этого процесса был так велик, что Временное правительство вынуждено было 19 марта 1917 г. принять специальное постановление, которым узаконивало создание исполкомов и передавало им временно до введения земских управлений прав и обязанностей волостных правлений. Этим же постановлением назначались губернские комиссары, которым вменялось в обязанность организовывать взамен волостных правлений исполнительные комитеты[9].

Весной 1917 г. временные исполнительные комитеты были организованы в 15 тыс. волостей России. Абсолютное большинство их создавалось по инициативе крестьянства и, что не менее важно, – крестьянства беспартийного. При исполкомах для оперативного решения насущных крестьянских проблем сформировались различного рода комиссии: по земельным делам, продовольственные, ревизионные и т.п. Одновременно и также по собственной инициативе крестьяне уничтожали старый полицейский аппарат, изгоняли из сел и деревень приставов, земских

начальников и прочих чиновников царского правительства, формируя взамен отряды народной милиции.

Процесс политизации охватил крестьян-фронтовиков, составлявших основу русской армии. Во всех воинских частях так же, как и в деревне, на выборной основе шла организация полковых, ротных и прочих солдатских комитетов, в состав которых помимо солдат входили и пользовавшиеся их доверием офицеры. Они взяли на себя решение всех насущных вопросов солдатской жизни.

Дальнейшее обострение политической борьбы теперь уже с проявившим свою антинародную, антикрестьянскую сущность Временным правительством привело к повсеместному переходу крестьянской власти к Советам солдатских и крестьянских депутатов, которые вместе с Советами рабочих депутатов стали опорой в борьбе за власть партии большевиков.

Сближение крестьян с большевиками было обусловлено не только тем, что большевики выдвинули политические лозунги, отвечавшие коренным интересам солдатских и крестьянских масс. Свою роль сыграло и то, что к этому времени большевистский марксизм, как отмечал Н.А. Бердяев, «был приспособлен к русским условиям и русифицирован»[10]. Большевистская доктрина социального равенства и справедливости, коллективизма, помноженная на идею немедленного выхода России из ненавистной уже крестьянству войны, делала большевиков в глазах крестьян подлинными защитниками их интересов. Однако тесного союза этих важнейших игроков на политическом пространстве революционной России не было и быть не могло.

Во-первых, о существовании большевистской партии крестьяне, особенно в глубинке, узнали в подавляющем большинстве уже после октябрьского переворота 1917 г., а сам переворот восприняли весьма спокойно.

По данным опроса, проведенного эмиссарами Саратовского Совета рабочих и солдатских депутатов в десяти уездах Саратовской губернии в ноябре 1917 г. свыше

2/3 опрошенных крестьян имели смутное представление о происходящих в стране политических событиях, либо не знали о них вообще.

Примерно столько же были осведомлены гораздо больше (чем о большевиках) о деятельности эсеров и доверяли им[11]. Аналогичные результаты, очевидно, показал бы и опрос, проведенный в других губерниях. И это не удивительно: среди 264 делегатов VI съезда РСДРП (б), проходившего в августе 1917 г. не было ни одного представителя крестьянства[12].

Создается впечатление, что революция неожиданно «свалилась» на большевиков и лишь стечение исторических «случайностей» побудило их к активным действиям, в том числе и по привлечению на свою сторону крестьянства, которое и двигало русскую революцию вперед.. В противном случае, можно ли как-то иначе объяснить тот факт, что уже в разгар Первой мировой войны и накануне падения самодержавия Ленин писал: «Мы, старое поколение, не увидим революцию»[13]?

Но времени и возможностей, отпущенных им для этих действий, было слишком мало, чтобы охватить своим влиянием многомиллионную массу населения российской деревни, хотя бы по причине малочисленности состава партии.

Во-вторых, социальная неоднородность крестьянства изначально предопределила приобретение союзника большевиков лишь в лице беднейшего крестьянства.

Между тем, в ряде губерний, таких как Саратовская, Самарская беднота составляла немногим более половины всего крестьянского населения. Привлечь на свою сторону все крестьянство большевики не могли и потому, что стратегия и тактика социалистического строительства, к которому они приступили, придя к власти, в целом чем дальше тем больше расходилась с интересами значительной части населения российской деревни. Как писал, характеризуя события того времени В.П. Данилов, «стихийная революционность крестьянства и революционно-преобразующие устремления

большевиков имели разнонаправленные векторы и стали расходиться с весны 1918 г.»[14]. Это расхождение наряду с уже рассмотренными нами обстоятельствами внесло свой «вклад» в переход «войны империалистической в войну гражданскую».

Таким образом, Первая мировая война, обострив противоречия и ускорив политические процессы в России, углубила революцию и расширила ее русло вовлечением широких масс крестьянства в борьбу против власти и за власть, сделав их активным субъектом властных отношений, разрушителем старой и созидателем новой власти.

Впервые в российской истории в период Первой мировой войны крестьянство становится главным действующим лицом внутриполитической борьбы, силой, открыто вступившей в борьбу за власть, способной взять власть и, одновременно с этим, повлиять на исход войны с внешним врагом, приблизив ее окончание.

Именно в годы Мировой войны государственная власть потеряла существовавшее у нее право на насилие и возможность использовать насилие для своего самосохранения. Всегда существовавшее неравенство в распределении власти между государством и крестьянством в пользу государства в условиях войны не исчезает, но меняются полюса ее распределения. На весьма короткий промежуток времени насилие, идущее снизу, от многомиллионной армии вооруженного крестьянства многократно превысило традиционно существовавшие возможности использования насилия со стороны государства. Это позволило перераспределить власть в пользу так называемых «низов», не захотевших жить «по-старому».

Но руководство рожденной в этих «низах» Советской властью получает вынесенная стечением обстоятельств на гребень революционной волны партия большевиков. Война и революция формируют в крестьянско-солдатской среде тот разрушительный и одновременно созидательный потенциал продолжения революции, который обеспечил, в конечном счете, победу большевиков в Гражданской войне и упрочение

их власти. Власти, которая никогда не была и вплоть до своего крушения так и не стала подлинно крестьянской.

Внутренняя – революционная и внешняя – мировая войны, в которые ввергнута была Россия на несколько лет, обесценили человеческую жизнь, распространили насилие до гигантских масштабов и сделали его нормой жизни, взрастили семена злобы и лютой ненависти в сердцах тысяч и тысяч выживших в мировой войне крестьян. Это были уже не те крестьяне, что в довоенной России. И Россия вышла из войны уже иной. И власть, которая создавалась в ней из хаоса безвластия железной рукой диктатуры, была уже совсем иная. Это была власть, основанная на тотальном господстве насилия. В ней не было места для существовавшего прежде двоевластия с крестьянским общинным самоуправлением деревни.

Так, поднявшись на борьбу с эксплуатировавшей его государственной властью, крестьянство утратило и ту, которая веками незримо управляла миром российской деревни и, как могла, охраняла его от многотрудных забот господской власти.

Библиография

[1] *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Крушение власти и армии. Мн. 2002. С. 146.

[2] *Бабиков А.И.* Крестьянское движение в Саратовской губернии накануне первой русской революции // Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского. Ученые записки. Т. IV. Саратов, 1956. С. 196.

[3] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 26.

[4] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 419.

[5] *Галин В.* Война и революция. М.. 2004. С. 48.

[6] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 26. С. 29.

[7] Дневник Николая Второго. М.. 1992. С. 23.

[8] *Васькин В.В., Герасименко Г.А.* Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов, 1976. С. 169–170.

[9] Революционное движение в России после свержения самодержавия. Документы и материалы. М., 1957. С. 440.

[10] *Бердяев Н.А.* Самопознание. Харьков, 1999. С. 243.

[11] *Герасименко Г. А.* Политическое положение в Саратовской деревне осенью 1917 года // Поволжский край. Саратов, 1988. Вып. 10. С. 21–28.

[12] Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. М., 1958. С. 204–205.

[13] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 30. С. 328.

[14] *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902–1922 гг. // Крестьянство и власть. М.-Тамбов, 1996. С. 17.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ДЕРЕВНЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДОФЕВРАЛЬСКИЙ ПЕРИОД (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «НИЖЕГОРОДСКИЙ ЛИСТОК»)

В.П. Сапон

Исследователи темы, указанной в заголовке, отмечали следующие наиболее важные перемены, которые принесла деревне Первая мировая война: 1) изъятие значительного количества рабочих рук в связи с призывом мужчин на воинскую службу; 2) стремительное повышение цен на продукты и товары первой необходимости, 3) сокращение посевных площадей и уменьшение сбора хлебов, 4) сокращение количества скота и ухудшение его качества, 5) резкое сокращение промысловой деятельности в деревнях[1].

Рассмотрим, в какой степени эти положения крестьяноведческой историографии, ставшие хрестоматийными в советское время, подтверждаются материалами периодической печати – в частности, популярной газеты «Нижегородский листок», которая в рассматриваемый период издавалась местными либеральными деятелями и редактировалась одним из лидеров нижегородских кадетов Е.М. Ещиным.

Так, 28 июня 1916 г. газета опубликовала обзор сведений о положении сельского хозяйства губернии, собранных уездными земскими управами по запросу губернатора[2]. Земские управы сообщили, что в 1914 и 1915 гг. сокращения посевных площадей почти не происходило; случаи недосева наблюдались чаще всего на арендуемых землях, а также на отдаленных полосах общинных землевладений. В 1916 г. вследствие мобилизаций – людских

и конских – недосеянные площади яровых увеличились, однако не настолько, чтобы «иметь сколько-нибудь заметное влияние на общее благосостояние крестьянского хозяйства»[3]. В частности, в Семеновском уезде недосеянные площади составили 16%, в Макарьевском – 10%, в Ардатовском – 1,5%, в остальных – менее 1% (до 1918 г. Нижегородская губерния состояла из 11 уездов – *В.С.*).

Нехватка рабочих рук в деревне, согласно тому же источнику, компенсировалась в какой-то степени использованием улучшенных сельскохозяйственных машин и инструментов (до 1 700 единиц), которые выдавались всем нуждающимся безвозмездно или за небольшую плату. «Кроме того, за время войны значительно возрос спрос на машины и орудия, продаваемые из с.-х. складов, так что наличный запас их на складах везде почти совершенно истощился. За невозможностью приобрести новый товар, была распродана вся старая заваль на складах и отработавшиеся машины с прокатных станций»[4].

Земства выразили тревогу по поводу того, что из-за нехватки сырья и расстройства железнодорожного сообщения в стране могут возникнуть трудности при доставке заказанного сельскохозяйственного инвентаря от производителя. Для решения указанной задачи было предложено просить департамент земледелия об оказании материально-технической помощи функционирующим в Нижегородской губернии заводам, производящим сельхозоборудование (в частности, мастерской губернского земства в с. Павлове, Горбатовского уезда, заводу Ф.И. Рязанова в с. Городце, Балахнинского уезда, кустарным мастерским в Семеновском, Васильском и Макарьевском уездах).

Земства предложили также способ устранения нехватки рабочих рук в нижегородских селах: нужно привлечь к сельскохозяйственной работе военнопленных, военнослужащих русской армии и беженцев; организовать трудовые артели среди местного населения и трудовые дружины учащихся разных учебных заведений; выдавать

беднейшим слоям деревенского населения субсидии для найма рабочих.

Примерно в это же время в «Нижегородский листок» пришло письмо из с. Ужова, Лукояновского уезда, в котором отображалось реальное положение дел в масштабах отдельного населенного пункта[5]. В письме делался упор на две ключевые проблемы военного лихолетья: нехватку рабочих рук и высокие цены на продовольствие, а также отсутствие некоторых продовольственных товаров (сахара, пшеничной муки).

Первую проблему, сообщал автор корреспонденции, удалось в какой-то мере решить с помощью сельскохозяйственного товарищества, открытого в Ужове в марте 1916 г. С тех пор товарищество через прокатный пункт обеспечивало крестьян сельскохозяйственными орудиями и машинами, причем некоторые селяне сумели приобрести плуги в собственность. Со временем земская управа еще несколько раз выписывала у производителей новые плуги – их раскупили еще до поступления на склад. Благодаря указанным мерам удалось засеять все поля, однако в письме предсказывались трудности с сенокосом, к которому крестьяне уже приступили. «Тут и товарищество, к сожалению, не может помочь, потому что не могло купить сенокосилку, нет их у земства. Помогли бы, может быть, дружины учащихся, но наше земство не заявило, очевидно, на них требования. Нет и военнопленных, мало и свободных беженцев. Благодаря громадному спросу на косцов, цены на них устанавливаются по местным условиям чудовищные: от 3 до 4 руб. за день на хозяйских харчах. Не более, как 4–5 лет тому назад цена косцу была 50 к. в день, до войны, в 1914 году, 1 рубль в день»[6]. «Уборка хлебов, – оптимистично утверждалось в письме ужовского корреспондента, – должна пройти без особенного затруднения, так как эта работа подсильна и бабам, а потом к услугам желающих у товарищества будет жнейка и три молотилки с веялками»[7].

Хуже в селе обстояло дело «борьбы с дороговизной». Ужовец объяснил причины так: «во-первых, не организованы, а

во-вторых, железная дорога не везет!» В апреле 1916 г. Ужовское товарищество закупило в губернском центре 50 пудов муки, однако до 19 мая склад не отпускал муку, а затем железная дорога прекратила прием частных грузов, вследствие чего мука даже к началу июля не поступила в село. «Ловкие люди..., – сетовал автор письма, – везут, что им нужно, а мы от своей муки сидим без муки. Так, местные торговцы раза два уже привозили товаров пудов по 10–20, а некоторые из жителей ближайших к станции "Ужовка" селений сделали из этого даже промысел: периодически едут "зайцами" в Нижний и "зайцами" же возвращаются оттуда с 5–6 пудами муки. Все это удовольствие стоит им, как говорят, по рублю за конец, а мучку они продают по 5 р. 50 к. и по 6 р. за пуд 1-ю голубую»[8]. «Некоторыми предметами продовольствия – мукой, пшеном, рожью, солью и сахаром – снабдила кооперативы один раз управа; ожидаем, что в скором времени, если угодно будет железной дороге, снабдит она нас еще раз, а может быть и больше, но в общем надо признать, что борьба с дороговизной управой ведется недостаточно энергично»[9], – подытожил ужовец. Он, конечно, не мог в подцензурном печатном органе открыто заявить, что реальное регулирование цен на продовольствие и промышленные товары могла себе позволить отнюдь не уездная земская управа – это компетенция органов государственной власти общеимперского уровня; туда же нужно было адресовать и претензии по поводу нерадивости железнодорожной администрации.

О том, как указанные проблемы решались на уездном уровне, можно узнать из заметки, помещенной 2 июня 1916 г. в разделе «Местная хроника». Здесь приводились сведения, которые, в соответствии с указанным выше распоряжением губернатора, сообщила «наверх» Нижегородская уездная земская управа. Так вот, этот земский орган отметил, что в текущем году недосев яровых оказался минимальным, что «не может существенно отразиться на экономическом состоянии крестьян»[10]. Земские прокатные пункты в уезде имели в своем распоряжении 190 уборочных и зерноочистительных машин, а также пахотного инвентаря, причем убыли

сельскохозяйственных машин в 1914–1915 гг. не наблюдалось. (Похоже, в 1916 г. техническая оснащенность снизилась, поскольку в заметке глухо говорилось, что «в текущем же году земледельческий инвентарь можно получать только от случайных продавцов»). Посевной материал имелся в достаточном количестве[11], проблему недостатка рабочих рук, по мнению нижегородских уездных земцев, легко решить путем применения на полях труда военнопленных[12].

Подведение итогов хозяйственного года в Нижегородском уезде состоялось на заседании уездного земского собрания 18 ноября 1916 г.[13] Там, в частности, был рассмотрен доклад об экономическом положении в уезде, основанный на донесениях волостных правлений, сообщениях корреспондентов с мест и данных подворной сельскохозяйственной переписи, проведенной в том же году губернской земской управой.

Суть доклада излагалась в газете следующим образом:

«Почти все корреспонденты отвечают утвердительно на вопрос о том, все ли поля засеяны в настоящем году. Есть только отдельные сообщения о том, что осталась неиспользованной земля в яровом поле, за недостатком рабочих рук.

Из сравнения посеянных площадей под разными хлебами в 1914–15–16 гг., видно, что площадь под рожью, пшеницей и овсов остается без значительных перемен. Значительные изменения отмечаются во второстепенных яровых хлебах и картофельных полях. Но, несмотря на это, сбор нынешнего года оказался значительно ниже прошлогоднего. Это объясняется тем, что заморозки весной и беспрерывные дожди летом и в начале осени сильно повлияли на рост и урожай хлебов.

В результате сбор озимой ржи оказался ниже среднего, пшеницы и овса значительно ниже среднего.

Сбор сена колеблется от 56 до 150 пудов с десятины. Относительно качества сена все корреспонденты сообщают, что сено плохое, грязное и загнившее.

Что касается обеспечения крестьянских хозяйств крупным рогатым скотом и лошадьми, то среднее количество уменьшения

скота на 5,83 проц. общего количества. На самом же деле, если исключить из общего количества скота телят в возрасте до 1 года, процент уменьшения значительно повысится.

Отхожие промыслы сильно сократились, т.к., по выражению корреспондентов, “и уходить-то некому”.

… Но если возросли значительно цены на рабочие руки и продукты кустарного производства, то почти в такой же мере повысились и цены на продукты первой необходимости»[14].

На этом же заседании был зачитан еще один доклад – об установлении норм потребления мяса и объемов убоя скота в Нижегородском уезде. В этом документе, между прочим, подчеркивалось, что уменьшение численности скота в уезде по сравнению с довоенным временем «объясняется исключительно влиянием реквизиции скота для армии, а не потреблением сельского населения, которое в то же время сократилось в своем числе на 15%». В силу того, что объемы мясного питания в уезде в военный период не увеличились, земцы признали установление норм потребления мяса и фиксированных размеров убоя скота «преждевременным, нецелесообразным и чреватым возможными вредными последствиями»[15].

Если во второй половине 1916 г. на страницах нижегородской периодики оживленно обсуждалась тема «Богатеет ли деревня?»[16], то к началу 1917 г. на этот вопрос был получен однозначно отрицательный ответ.

Например, 10 февраля 1917 г. «Нижегородский листок» опубликовал заметку о поездке представителя Нижегородского биржевого комитета по Балахнинскому уезду «для обследования голодающих местностей»[17]. «Результаты этого обследования получились малоутешительные. Во всех волостях народ находится в бедственном положении, запасов совершенно нигде нет, несмотря на то, что имеются при волостных правлениях кассы кредитного товарищества и в деревнях потребительской лавки. К сожалению, они совершенно пусты, хлеба нет...». Особенно критическое положение сложилось в Полянской волости, мужское население которой занималось изготовлением веретен и

деревянных ложек. Беднейшие кустари, по наблюдению инспектора, могли позволить себе – при строгой экономии – исключительно ржаной хлеб с отрубями или наполовину с картошкой. «Рыночные частные цены на хлеб в уезде следующие: ржаная мука – 7–8 руб. пуд, овес – 7 руб. 50 к. – 8 р. 60 коп. пуд, крупчатка – 75 руб. мешок или 15 руб. пуд». Выдача муки населению (менее 20 фунтов в месяц на человека) в последние дни вообще прекратилась. Крестьяне трижды приезжали за хлебом в Полянское волостное правление, но вернулись по домам ни с чем[18].

В это же время, 8 февраля 1917 г., под председательством нижегородского губернатора состоялось совещание по продовольственным делам[19]. В этом мероприятии участвовали представитель министра земледелия Н.Н. Малышев, городской голова Д.В. Сироткин, председатель губернской земской управы П.А. Демидов, председатель городского продовольственного комитета А.А. Вяхирев, прокурор окружного суда Н.Н. Чернявский, другие влиятельные чиновники и земские деятели – всего около 60 человек. «Кардинальным вопросом, – отмечал «Нижегородский листок», – явилось обсуждение чрезвычайно обострившегося продовольственного кризиса в четырех уездах Нижегородской губернии: Балахнинском, Горбатовском (почти целиком), Макарьевском и Семеновском (северная часть)»[20]. Для тех районов, в которых началась «форменная голодовка», определили объем хлебных поставок до открытия навигации – 800 тыс. пудов; в то же время выяснилось, что «в наличности запасов нет, а ждать помощи свыше не приходится».

Выход был найден в чрезвычайных мерах: участники совещания выступили за немедленное – в срок до 20 февраля 1917 г. – выполнение плана по разверстке хлеба среди земледельческого и землевладельческого населения губернии. («В противном случае решено произвести до 1 марта реквизицию хлеба у тех лиц, которые не выполнят разверстки до указанного выше 20 числа добровольно».) По прогнозу участников совещания, осуществление указанной меры

только в Лукояновском уезде могло снять остроту продовольственного обеспечения всех голодающих уездов губернии. Видимо, по этой причине «совещание отвергло возбужденный кем-то вопрос о желательности производства всеобщей реквизиции хлеба (верхушек)».

Участники совещания узнали и о руке помощи, протянутой «свыше», из министерства земледелия: были зачитаны телеграммы об экстренном предписании уполномоченному по продовольствию в Уфимской губернии незамедлительно выслать в Нижегородскую губернию два поезда с зерном для распределения среди голодающих, общим объемом 70 тыс. пудов, а также об указании соответствующим уполномоченным лицам в Вятской и Казанской губерниях принять энергичные меры к беспрепятственному вывозу желающими крестьянами из ряда уездов этих губерний зерна в Нижегородскую губернию[21].

В заключение приведем еще одну выдержку из либеральной нижегородской газеты, в которой отмечался такой перекос военной жизни, как дискриминационное обеспечение деревни необходимыми продуктами и товарами по сравнению с городом. Автор письма, озаглавленного «Дороговизна жизни в деревне», в частности писал:

«Деление людей на черную и белую кости, так въелось в нашу русскую жизнь, что даже при распределении хлеба насущного между населением заседающие в городах продовольственные совещания стойко держались этого принципа, в силу которого, каждый проживающий в г. Н.-Новгороде, имеет право на получение предметов продовольствия первой необходимости, как то пшеничная мука, сахар и т.п. в аккурат вдвое больше против такого же человека, живущего за пределами городского населения. Таким образом, крестьянин какой-нибудь Полянской волости, разметающий в городе снег по пути трамвая, получает в месяц 20 фунтов пшеничный муки, имея возможность, кроме того, покупать печеный хлеб в булочных и 2 фунта сахару, а его соседи, оставшиеся дома делать ложки и пилить в лесу дрова, могут получить лишь 10 фун. муки и 1 фун. сахару. Но так как желудок, как к тем, так и другим предъявляет одинаковые права, то деревенский

ложкарь или дровосек, обращается к предприимчивым торговцам, которые вышеуказанные предметы продовольствия могут продать лишь по повышенной цене, так как и самим им пришлось их добывать с разными усилиями и ухищрениями. Поэтому жизнь деревенского обывателя, не ведущего сельского хозяйства, а живущего отхожими и кустарными промыслами, оказывается гораздо труднее жизни городского жителя, пользующегося в отношении продовольствия, сравнительно с деревенским обывателем некоторыми льготами и преимуществами»[22].

Как показало наше небольшое исследование, советская историография делала вполне обоснованные выводы о последовательном накоплении негативных факторов в развитии сельского хозяйства нашей страны и критическом ухудшении жизни российского крестьянства в годы Первой мировой войны. Это вполне отчетливо видно по материалам газеты «Нижегородский листок», которые отразили различные этапы эволюции русской деревни: достаточно благополучные 1914–1915 гг. сменились переломным 1916 г., в ходе которого на фоне нехватки рабочей силы и технического оснащения, снижения поголовья скота и свертывания промысловой деятельности особенно остро проявилось неумение соответствующих властных инстанций наладить централизованное заготовление и справедливое распределение продовольственных ресурсов среди особенно нуждающихся слоев населения, а также обуздать инфляцию и ограничить размеры предпринимательских прибылей в общих интересах.

В 1917 г. были продекларированы чрезвычайные меры, однако решать указанные выше проблемы пришлось совсем другим общественно-политическим силам.

Библиография и примечания

[1] См., напр.: *Архангельский С.И.* Крестьянство и крестьянское движение в Нижегородском крае в период 1906–1917 гг. // Нижегородский край. Пособие для учителей школ I и II ступени. Ч. 3. Нижний Новгород, 1926. С. 96–98; *Шульпин П.И.*

Нижегородское крестьянство в борьбе с царизмом и помещиками (1900–1917). Горький, 1968. С. 122–129.

[2] Сельскохозяйственные вести // Нижегородский листок (далее – НЛ). 1916. № 174 (28 июня). С. 2.

[3] Там же.

[4] Сельскохозяйственные вести // НЛ. 1916. № 174 (28 июня). С. 2.

[5] В деревне (письмо из с. Ужова, Лукояновского у.) // НЛ. 1916. № 181 (5 июля). С. 3.

[6] Там же.

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же (В заключение автор корреспонденции «В деревне» коснулся еще одной актуальной темы: «Отошли у нас трезвые денечки! С недавнего времени и здесь появился в продаже хмельный напиток – “пуре”, или, как его здесь зовут, “бура”, “бурда”. Изредка бывает и спирт. Торгуют напитком по 1 руб. за четверть. Его производство тоже прибыльное ремесло, поэтому не диво, что им занимаются домов 5 в селе. Бабы очень недовольны этим, ворчат и многие мужики, но что же они могут сделать?»).

[10] В области сельского хозяйства // НЛ. 1916. № 148 (2 июня). С. 2.

[11] Не везде в губернии дела с посевным материалом обстояли так хорошо. К примеру, у «громадного большинства» крестьян в с. Пурех, Балахнинского уезда, в апреле 1915 г. не оказалось запасов овса, так как урожай предыдущего года оказался очень плохим. «На базаре в селе Пурех 30 апреля хотя и вывезено было некоторое количество овса для посева яровых, но за него просили такие деньги, что крестьяне никак не могут решиться купить, ввиду цены 9–10 рублей за четверть в 8 мер, тогда как обычная цена на овес бывала 6–4 рубля». См.: НЛ. 1915. № 121 (7 мая) С. 4.

[12] В области сельского хозяйства // НЛ. 1916. № 148 (2 июня). С. 2.

[13] Нижегородское уездное земское собрание // НЛ. 1916. № 317 (18 ноября). С. 2.

[14] Там же.

[15] Там же.

[16] См., напр.: Богатеет ли деревня? // НЛ. 1916. № 187 (11 июля). С. 2; Деревенские впечатления // НЛ. 1916. № 199 (23 июля). С. 3; Богатеет ли деревня // НЛ. 1916. № 302 (3 ноября). С. 2.

[17] В Балахнинском уезде // НЛ. 1917. № 40 (10 февраля). С. 3.

[18] Там же.

[19] Продовольственное совещание // НЛ. 1917. № 38 (8 февраля). С. 2.

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] Дороговизна жизни в деревне // НЛ. 1917. № 8 (9 января). С. 3.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС ТРАДИЦИОННОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ: РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ В 1914–1917 ГГ.

О.А. Сухова

Принимая за посылку важность изучения картины мира и культуры повседневности российского крестьянства для объективной интерпретации событий Первой мировой войны, следует особое внимание уделить корпусу источников, раскрывающих содержание, динамику социальных представлений и поведенческих стереотипов.

В методологическом аспекте значение подобной интерпретации истории военного конфликта определяется концепцией социальных представлений, сформулированной в работах С. Московичи[1], а также теорией социального конструирования повседневности Т. Бергмана и П. Лукмана[2]. Когнитивные модели, духовные мыслительные конструкции, служащие глубинными матрицами бессознательного, отпечатывающимися в «наших верованиях, знаниях, языке», обладающие собственной логикой развития, призваны, по мнению С. Московичи, упорядочивать образ мира[3]. Тем самым, функция инструмента познания выступает важнейшей функцией социальных представлений[4]. Следовательно, окружающий мир человек воспринимает опосредованно, опираясь в своих интерпретациях на сложившуюся и относительно статичную систему социальных представлений.

Признавая существование неких «априорных механизмов социального репрезентирования»[5], задающих систему координат конструирования повседневной реальности, мы вправе рассматривать весь период XVIII – начала XX вв. через призму кризиса традиционной идентичности тела российской нации – крестьянства. Как известно, модернизационные потуги, инициированные сверху, долгое время затрагивали российскую деревню

исключительно в отношении последовательной оптимизации прибавочного продукта и воспринимались в основном как угроза витальности крестьянского бытия. Адаптация к новациям в жизни государства чаще всего проходила в форме массового социального протеста: русский бунт гасил психологический потенциал сопротивления, но, как правило, не разрешал основного противоречия.

Применительно к истории Первой мировой войны постановка научной проблемы будет выражена необходимостью определить степень соответствия системы социальных представлений российского крестьянства традиционному типу культуры, выделить наиболее уязвимые точки соприкосновения с реальностью эпохи модерна и формы адаптации социальной психологии к новым условиям существования.

В последние годы в научной литературе заметным явлением становится расширение предметной области исследований, что выступает признаком перехода историографии вопроса на новый уровень развития. Появляются работы, посвященные непосредственно анализу образа врага в массовом сознании российского общества в годы Первой мировой войны, растет интерес исследователей к изучению функционального предназначения фронтовых эпистолий, их влияния на процессы коммуникации и массовые настроения населения тыловых регионов, психология человека с ружьем раскрывается через призму литературных образов периода 1914–1918 гг. (см., напр., работы О.С. Поршневой[6], А.Б. Асташова[7], Т.А. Корниенко[8], А.Ю. Иванова[9], А.И. Иванова[10]).

Тем самым можно отметь актуализацию теоретических и источниковедческих аспектов интересующей нас проблематики.

Анализ историографии и источников по проблемам социальной психологии российского крестьянства в годы Первой мировой войны выявил ряд особенностей восприятия военного конфликта, что свидетельствует о сохранении традиционного типа культуры для данной социальной

общности. Это, прежде всего, поведенческая реакция на проведение мобилизационных кампаний; социальный идеал власти и формирование образов «врага» и «войны» в целом.

Первым серьезным испытанием для российской деревни стало проведение мобилизационных кампаний. Своеобразие патерналистской модели войны с позиций кризиса системы социальных репрезентаций можно рассматривать как сознательное сохранение и воспроизводство государством элементов традиционной идентичности для решения военно-мобилизационных задач. В этих условиях важнейшими факторами роста деструктивных настроений выступят непосредственно масштаб мобилизационных кампаний и нарушение властями традиционного ритуала их проведения.

В условиях войны основным фактором, угрожавшим не только сохранению социально-политической стабильности, но и разрывавшим пространство обыденной реальности, нарушавшим темпорально-пространственные характеристики повседневности, выступал стремительный рост миграционной активности населения, перемещений значительных масс людей, будь то ратники, военнопленные или беженцы. Само по себе увеличение концентрации людей в том или ином населенном пункте препятствовало эффективному удовлетворению повседневных потребностей, что и создавало основу для возникновения массовых форм поведения (массовой паники, либо массовой агрессии). Вследствие этого патриотический подъем первых недель войны был омрачен целым рядом случаев агрессивного поведения призывников, зафиксированных в восточной части Европейской России, главным образом в Самарской, Саратовской, Пензенской, Уфимской и Пермской губерниях. По данным Е.Ю. Семеновой, в июльский призыв 1914 г. в г. Бугульме Самарской губернии собралось до 11 тыс. запасных при численности горожан в 9 тыс., в Саратове – до 31,5 тыс. при населении в 242,4 тыс., в г. Аткарске Саратовской губернии призывников насчитывалось до 35 тыс. на 13,8 тыс. горожан, в Сердобске той же губернии – 2 028 при 23,8 тыс. жителей

города[11]. Косвенным указанием на масштабы недовольства являются статистические данные о жертвах среди участников волнений среди призывников. Как отмечал А.Б. Беркевич, за период мобилизации, с 19 июля по 1 августа 1914 г. при подавлении выступлений было убито и ранено 505 человек со стороны «мятежников» и до 106 – должностных лиц[12].

Фактором, провоцировавшим насилие, выступил запрет на продажу алкогольной продукции, что блокировало представление о воспроизводстве традиционного ритуала проводов в армию. Напомним, что использование вина в крестьянской повседневной культуре носило знаковый, можно даже сказать, сакрализированный характер, оценивалось как способ психологической релаксации мобилизованных. Жесткое рассогласование, блокировка представлений массового сознания о востребованности и оправданности существования определенного поведенческого стереотипа, известного как «гульба» призывников, и наличной ситуации, представленной закрытием «казенок» в добавление к общей тенденции роста преступности и девиантных форм поведения в молодежной среде, в конечном итоге, вылилось в погромные выступления.

Объясняя поведение призывников «взрывом озорских и буйных наклонностей в сельской местности», отмечая «уверенность [запасных – *прим. О.С.*] в своей безнаказанности, по примеру таких же грабежей при мобилизации во время войны с Японией, когда нападения на винокуренные лавки и расхищение вина из них в Саратовской губернии почему-то не получили возмездия»[13], местные власти невольно фиксировали существование определенного поведенческого стереотипа, позволявшего регулировать массовые психические состояния.

С другой стороны, проведение мобилизации в разгар полевых работ породило новое противоречие, связанное с представлениями о сезонности земледельческого труда и патерналистской схемой социальных связей, что находит свое отражение в требовании обеспечения семей запасных государственными пособиями[14]. В документах местных ГЖУ

особо отмечалось, что малейшая проволочка с оформлением документов на получение пособия вызывала ропот и возмущение среди «жен призванных»[15].

Пути перемещения призванных были отмечены всевозможными эксцессами, связанными, главным образом, с поисками алкоголя. Так, 21 июля на станции Ртищево запасные Петровского уезда во время следования поезда, разгромили казенку. По дороге в Пензу пьяные выбивали стекла и бесчинствовали на станциях. 22-го июля в Ртищево прибыли запасные Саратовского и Аткарского уездов и разгромили склад этой лавки[16].

В с. Ольховке Царицынского уезда Саратовской губернии слухи о готовящемся разгроме двух имевшихся в селе винных лавок появились сразу же после объявления о начале мобилизации. И хотя погрома в данном случае удалось избежать, весьма показательной в контексте нашего исследования является реакция «ратников» на отказ пристава открыть питейные заведения. Призывники заявили, что они «... все равно разобьют обе лавки, а на замечание пристава, что за это они понесут строгую кару, призываемые ответили, что бояться им нечего, – «все равно убьют на войне»[17].

«Новым» явлением среди стимулов социального поведения будут выступать и германофобские настроения, охватившие русское общество с самого начала военного конфликта. При этом следует отметить определенную трансформацию образа «чужого», но, главным образом, врага внутреннего. Примечательно, что на фоне новых смыслов все более размывается образ «помещика» как главного социального «раздражителя» для крестьянства. Так, А.Б. Асташов, анализируя сводки военно-цензурных отделений и перлюстративные материалы периода Первой мировой войны, признает, что в целом, «помещики» – совсем не частая тема солдатских писем даже во время революции. Скорее солдаты-крестьяне не выделяли специально помещиков из образа внутреннего врага[18]. Среди критических высказываний в письмах, задержанных военно-цензурной комиссией Казанского военного округа, отсутствуют даже

единичные случаи обличения помещиков[19]. Стало быть, подобные настроения не являлись определяющими для социальной динамики. В условиях войны повседневная поведенческая практика приобретает несколько отличную, скажем, от периода революции 1905–1907 гг., мотивацию.

Земельный интерес крестьянства частично сублимировался в стремление решить проблему аграрного перенаселения путем справедливого, на их взгляд, возмездия, мести в отношении носителей образа внутреннего врага. В основе мотивации крестьянского поведения лежало указанное выше убеждение, основанное на фанатичной вере крестьян в необходимость приведения реальной действительности в соответствие с существующим социальным идеалом. В этом контексте все земли, принадлежавшие как «немцам», имеющим подданство Германии или союзных ей государств, так и вообще лицам, носившим иностранные, а, значит, в понимании сельских обывателей, немецкие фамилии, на условиях вознаграждения за ратные подвиги должны перейти крестьянству. В данном случае ничего незаконного в своих действиях крестьяне не усматривали, ведь рано или поздно государство санкционирует конфискацию земельной собственности у врага, тем самым выступления против враждебных государству лиц рассматривались как действия, полностью соответствующие общеимперской идеологии.

Подобные мотивы лежали в основе поведения крестьян Алексеевской и соседней с ней Ершовской волостей Чембарского уезда Пензенской губ. Сразу после объявления о начале войны крестьяне д. Росташи «одновременно скопом» стали расхищать овсяные снопы с полей крупнейшей пензенской помещицы Мальгерб, объясняя свои действия тем, что все равно скоро подобная практика распространится повсеместно. В своих высказываниях крестьяне пытались доказать правоту своих действий («все это наше, для нас теперь настало время, мы берем свое»), угрожали «разграбить и сжечь» усадьбу землевладелицы[20]. Весьма показательно, что «тревожное настроение, имеющее свое основание

в предположении, что по случаю призыва запасных как бы крестьяне не устроили сельскохозяйственную забастовку» появилось среди экономических рабочих на хуторе уже спустя два-три дня после объявления о мобилизации[21].

Для исследования социального поведения немаловажное значение имеет собственно крестьянское видение проблемы, практически не находившее своего отражения в делопроизводственной документации ГЖУ.

В данном случае в деле присутствует текст обращения крестьян сел Знаменского и Куземкина Керенского уезда Пензенской губернии участников, попытавшихся захватить земли в экономии жены посла Германии при дворе Австрийского императора фон Флотто, урожденной княжны Шаховской, к местным властям. В заявлении за подписью «крестьяне Керенского уезда Пензенской губернии» общий фон создают ярко выраженные германофобские настроения: «...надменно-вызывающий дерзкий тон гг. Ингерманов по отношению всего Русского и русских...»; «...местная полиция с ним заодно» (получает «из экономии подарки лошадьми, экипажами»); администрация имения старается «поработить и закрепостить» крестьян и т.д.[22] Судя по содержанию документа, основной целью писавших была необходимость доказательства своей лояльности государству и опровержения определения случившегося как бунта («бунта не было»). Крестьяне отказывались признавать, что основанием для ареста 30 человек послужили разгром винокуренного завода и винной лавки: «... крестьяне только просили продать им землю». По мнению заявителей, наказывать нужно было вовсе не крестьян, а «внутренних немцев», в образ которых крестьяне включили Ингермана (управляющего экономией, выходец из Финляндии), и полицейских стражников: «Единственным избавлением населения от грозящей опасности от немецкого ИГА послужит высылка г. Ингерманов с прислужниками из пределов Керенского уезда и изгнание вместе с ними со службы чересчур и не в меру исполнительных чинов полиции, кои своими преступными действиями запятнали мундир русского

чиновника, беззаветно преданного своему Царю Батюшке и дорогой Родине»[23].

Особое место среди протестных форм социальной активности крестьянского населения занимают выступления против дороговизны. При полном отсутствии таковых на начальном этапе войны, наблюдается резкий рост выступлений, начиная с марта 1916 г. (в 1916 г. волнения на почве дороговизны составили более 77% от общего количества крестьянских выступлений[24]), что объясняется недостатком жизненно важных продуктов, в первую очередь, хлеба и сахара. По мере ухудшения продовольственного обеспечения «беспорядки на почве дороговизны» приобретали массовый характер и становились прелюдией к наиболее радикальным формам социальной агрессии.

Среди причин возрастания агрессивности в эмоционально-волевой сфере массового сознания, проявляющейся в соответствующей форме стихийного поведения следует, на наш взгляд, выделять три понятийных уровня: во-первых – это глубинные основы этнопсихологического национального социокода; во-вторых – факторы, среднесрочной ретроспективы, опосредованные воздействием темпов и масштабов модернизационных процессов на ментальность основной массы населения, и, наконец, ситуативные моменты, факторы непосредственной активизации способов психологической защиты, к которым следует отнести «чувство полного блокирования всех надежд», «переживание о непреодолимости каких-то барьеров (например, социально-политических) или недоступность чего-то желанного»[25].

Период обострения потребительского кризиса в империи приходится на 1916 г., когда увеличение общего количества выступлений на почве дороговизны составило по отношению к периоду начала войны 13 раз. Весьма показательно, что крестьянские выступления при этом дают в целом 30-кратное увеличение показателей[26].

Период с начала военных действий и до конца 1915 г. был временем преобладания в сознании и поведении

крестьянства элементов стабильности и сохранения традиционной системы социально-политических представлений: покорность воле проведения (Бога), властей, воинского начальства (на фронте). Патерналистский лозунг: «За Веру, Царя и Отечество» являлся предельно емкой формулой, выражающей некую общность официальной идеологии и народного мировосприятия.

С другой стороны, фатализм, ощущение предопределенности человеческой судьбы вмешательством высших сил позволяли трактовать грянувшую как гром среди ясного неба войну как испытание, ниспосланное высшим разумом, противиться которому означало – гневить Господа. В качестве определенной тенденции подобная категория присутствовала в общественном сознании на протяжении всего периода военного лихолетья. Так, в марте 1916 г. помощник начальника Симбирского ГЖУ отмечал: «За время войны население сделалось более религиозным, считая ее за проявление гнева Божия»[27].

Русские крестьяне в массе своей сохраняли архаичное содержание представления о войне как о крестовом походе за землю и веру, в котором присоединение новой земли означало одновременно и расширение ареала истинной веры[28]. Но в подобные координаты уже не вмещалось восприятие геополитических интересов России как государства, а противник виделся, прежде всего, как иноверец. Не случайно, поэтому, и про немцев в начале войны пели: «Уж вы немцы азиаты, из-за вас идем в солдаты...»[29].

Столкновение с вызовами военной действительности нового типа нарушало многие ценностные ориентации, присущие крестьянскому сознанию: привязанность «к конкретному месту рождения, осознание себя в контексте природы, даже ландшафта и идущая отсюда сакрализация земли, малой родины»; образ врага и пр.[30] Кстати сказать, по словам А.Б. Асташова, бодрое и патриотичное настроение русской армии, остававшееся в оценках цензуры неизменным вплоть до 1917 г., было также обусловлено традиционным менталитетом солдат-крестьян. Но, с другой стороны,

основную роль в развале русской армии сыграла отнюдь не революционная пропаганда, а все тот же крестьянский состав русской армии, не выдержавший тягот современной войны[31].

Гипотетически прогнозируя желаемый результат окончания военных действий, выстроенный в соответствии с основными архетипами массового сознания, можно реконструировать целостное представление социума о войне: начало – преображение; ход – стремительный и победоносный; окончание – пир на весь мир и ожидание милостей верховного вождя народу, принесшему себя в жертву. Иной вариант развития событий совершенно не рассматривался. Однако существовала реальная угроза столь же стремительного разрушения подобных схем по причине рассогласования наличного и потребного образов в том случае, если война приобретет затяжной, позиционный характер.

К сказанному следует добавить действие еще одного фактора динамики массовых настроений, связанного с переносом значения сезонного характера земледельческого труда на труд ратный и восприятие военных действий в этом контексте[32]. Так, А.Б. Асташов, проанализировав солдатскую корреспонденцию военной эпохи, пришел к выводу о том, что даже в условиях поражения летом 1915 г. в русской армии не наблюдалось какого-либо уныния, что объясняется именно сезонностью крестьянского труда (возникала уверенность – весна – наступление, страдная пора – битва, осень – мир)[33].

Согласно с донесениями Симбирского ГЖУ, и зимой 1916 г. в крестьянской среде также присутствовало убеждение, что весной русские обязательно перейдут в наступление и «...прогонят германцев из занятой ими русской территории». И в летнюю страду патриотический настрой продолжал доминировать в структуре массовых настроений. Однако осенью, особенно после разгрома Румынии и занятия немецкими войсками Бухареста, утрата сельским населением надежды в «счастливый исход войны», казалось, была полной: «Должно быть наших везде бьют!»,

«Господи! Должно быть она и не кончится! Должно быть немцев никак и не побьют!»[34].

Как можно заметить, тезис о сезонном характере динамики массовых настроений в годы Первой мировой войны противоречит довольно распространенному в трудах советских историков мнению о линейном развитии крестьянской революционности, прошедшей за рассматриваемый период три этапа от всплеска шовинистических настроений до роста политической активности и революционных настроений масс[35].

В системе координат традиционного сознания война как творение исключительно рук человеческих превращалась в явление природы, наделялась душой, технологические предметные характеристики олицетворялись, неживое, металлическое, чужеродное в традиционной культуре приобретало привычное, а поэтому понятное, доступное к восприятию, звучание. В письмах «в деревню» непременно присутствует сравнение с животным миром. За подобным переносом значений скрывались такие оценочные характеристики как масштабность вражеской агрессии, обесценивание человеческой жизни, которая, в свою очередь, превращалась в прообраз живой могилы.

Крестьянское сознание поражает, прежде всего, техногенный уровень военной катастрофы. Подобное восприятие породило новое прочтение крестьянского мифа об эсхатологической перспективе развития индустриальной цивилизации. В частности, авторскую интерпретацию массовых футурологических представлений мы встречаем в письме В. Вдовина (с. Константиновка Пензенского уезда): «Про эти дни и часы говор шел и раньше: настанет такое время, весь свет опутают железом, и будут летать огненные скорпионы. Вот и сбылось, дожили мы до этой жизни... Какие устраивают проволочные заграждения и все это для гибели человека. А другое про полет. Думали и говорили про машину, нет это все здесь. Здесь такие штуки летают, только что летит, и то за десять верст слышно, а если сядет, да

крякнет, то мать сырая земля простонет, затрясется от этих ужасных взрывов»[36].

Ощущение катастрофичности бытия имело в своей основе знаковые образы военно-технического превосходства противника, образы, по своему содержанию совпадавшие с архаическими представлениями о причинах грядущего «конца времен»: «у немцев и бронированные автомобили, аэропланы, ракеты»; окопы как «целыя крепости с бетонными галереями, убежищами, подземными дорогами... »; «люди голодают, народ бьют пулями, шрапнелями и гранатами. Да еще морит враг газами, от которых нет спасения, кроме огня. И выходит так, что эта вся картина похожа на светопреставление»[37].

Затяжной и позиционный характер войны лишал ее образ всяческой тайны, и, напротив, содержание представления о мире приобретало все сказочные атрибуты. Так, в одном из солдатских писем в 1915 г. мы встречаем описание сцены братания русских и австрийцев. В конце своего рассказа автор восклицает: «Подумайте какая радость великая стала будто бы похоже на мир»[38]. «Мы все ожидаем мира, – пишет солдат в с. Нижнее Аблязово, – а вы все пишете, что остальных берут. Про мир наверно все забыли и не говорят давно никто. А у нас все говорят солдаты, что мир из Петербурга везут на быках и наверное его долго не довезут до нас на позиции»[39]. Мир ждали как награду за муки, за принесенные жертвы, награду, которая не должна иметь условного характера, которая даруется по воле бога простой констатацией перехода из состояния войны.

В условиях роста социально-политической напряженности не осталось неизменным и содержание народного идеала монархии. С лета 1915 г. по декабрь 1916 г., как свидетельствуют материалы I Департамента III Уголовного отделения Министерства юстиции, происходит стремительное распространение слухов, дискредитировавших монархию. Самым симптоматичным был резкий рост числа суждений (по подсчетам О.С. Поршневой, они составляют 40,6 % от общего количества мотивированных высказываний в этот период), в которых Николай II обвинялся в царящей

везде измене, немецком засилье, а его мать и жена – в прямом предательстве[40].

О массовом характере антимонархических настроений свидетельствовало и распространение соответствующих высказываний в виде определенных фольклорных форм и легендарных сюжетов. В частности, в Самарской губернии были зафиксированы рассказы о том, что Мария Федоровна / Александра Федоровна... золото / деньги / продукты... «вагонами отсылает в Германию», Николай Николаевич продал Карпаты и/или Россию за бочку золота, и потому война будет проиграна, что «царь продал немцам Перемышль, Львов, Варшаву, Ригу и вообще Россию за 20 млн руб., о чем уже известно всем солдатам» и т.д.[41]

Как говорится от святости до злодейства один шаг, и в данном случае мы сталкиваемся со свойственным традиционному типу культуры «смеховым» прочтением военных реалий, основанным на полном отрицании и противопоставлении прежних значений, «перевернутости» привычного мира (концептуализация природы смеховой «оболочки» русского бунта на примере Пугачевщины представлена в работах В.Я. Мауля[42]).

Весьма показательно, что самой репрезентативной группой суждений в этот период было обвинение Николая II в плохой подготовке страны к войне и неумении вести ее[43]. На наш взгляд, это свидетельствует не столько о девальвации самого монархического идеала, а о рассогласовании представления крестьян о функционально-ролевом предназначении царя в системе социальной организации общества и непосредственной деятельности конкретного монарха. В ходе Первой мировой войны, неумолимо уничтожавшей привычные картины повседневной действительности, деконструкция образа царя приобретает тиражируемый характер.

Таким образом, в условиях роста социальной напряженности кризис традиционной идентичности крестьянской общности выступит одной из составляющей системного кризиса российской государственности.

Адаптация российской деревни к новым реалиям выразится в десакрализации, и даже демонизации власти в образе монарха, а также эскалации погромных настроений.

Библиография

[1] *Moscovici* S. Sur Les Representations Sociales. P., 1979.

[2] *Бергер Т., Лукман П.* Социальное конструирование реальности. М., 1966.

[3] *Московичи С.* Социальное представление: исторический взгляд // Психологический журнал. 1995. № 1. Т. 16. С. 3–18.

[4] *Баксанский О. Е., Кучер Е. Н.* Моя картина мира. Как человек создает повседневную реальность. М., 2014. С. 306.

[5] Там же. С. 310–311.

[6] *Поршнева О.С.* «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2. С. 185–199.

[7] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 72-85.

[8] *Корниенко Т.А.* «Образ врага» в политическом сознании населения России в годы Первой мировой войны // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2009. № 2. С. 62–69.

[9] *Иванов А.Ю.* Фронтовые письма российских участников Первой мировой войны в культурной коммуникации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4–5. С. 78–81.

[10] *Иванов А.И.* Облик русского солдата в отечественной литературе периода Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Вестник Самарского государственного университета. 2005. № 4. С. 87–96.

[11] *Семенова Е.Ю.* Влияние мобилизационного периода Первой мировой войны на настроения городского населения Поволжья // Вестник МГОУ. Сер. История и политические науки. 2011. № 2. С. 133.

[12] *Беркевич А.Б.* Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. М., 1947. Т. 23. С. 40–41.

[13] Крестьянское движение в России в 1914–1917 гг. М.-Л., 1965. С. 65.

[14] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период I мировой войны (1914 – март 1918 гг.). Екатеринбург, 2000. С. 111.

[15] Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 468. Оп. 1. Д. 2127. Л. 4.

[16] *Посадский А.В.* Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 65.

[17] Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 9469. Л. 107-107 Об.

[18] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин... С. 82.

[19] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение... С. 389–393.

[20] Государственный архив Пензенской области (ГАПО).Ф. 5. Оп. 1. Д. 7987. Л. 37 Об.

[21] Там же. Л. 35.

[22] ГАРФ.Ф. 102. 4-е Д-во. 1914. Оп. 123. Д. 49. Ч. 1. Л. 10–11.

[23] Там же. Л. 11а.

[24] *Анфимов А.М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917). М., 1962. С. 362.

[25] *Ольшанский Д.В.* Психология масс. СПб., 2001. С. 65–66.

[26] *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 10.

[27] Государственный архив Ульяновской области (ГАУО).Ф. 855. Оп. 1. Д. 1325. Л. 63 Об.

[28] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение... С. 112.

[29] *Асташов А.Б.* Русский крестьянин... С. 78.

[30] Там же. С. 73, 78–80.

[31] Там же. С. 80.

[32] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 29.

[33] *Асташов А. Б.* Русский крестьянин... С. 74-75.

[34] ГАУО.Ф. 855.Оп. 1. Д. 1325. Л. 44, 140, 218.

[35] *Ниякий В.В.* Нижегородская деревня. Облик и настроения классов в Первой российской революции. Горький, 1981. С. 166–173.

[36] ГАПО. Ф. 359. Оп. 1. Д. 2, 8.

[37] Там же. Д. 2. Л. 341; Д. 8. Л. 152; Д. 14. Л. 40.

[38] Там же. Д. 8. Л. 566.

[39] Там же. Л. 330 об.

[40] *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение... С. 127.

[41] ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 8007. Л. 120-120 об.

[42] *Мауль В.А.* Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореферат дис... д.и.н. Томск, 2005. С. 28.

[43] *Поршнева О.С.* Менталитет и социальное поведение... С. 121.

СОЦИАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В ТАМБОВСКОЙ ДЕРЕВНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.В. Токарев

Насаждение с 9 ноября 1906 г. крестьянской индивидуальной собственности в позднеимперской России вызвало неоднозначную реакцию в сельском социуме, открыв дорогу внутриобщинным столкновениям.

На протяжении мирового военного конфликта формировались условия для завершающего этапа аграрной реформы П.А. Столыпина. Уже с первых дней мобилизации столыпинское землеустройство встретило новые дополнительные препятствия. Противостояние общинников и отрубников, сторонников и противников правительственной аграрной политики, приобрело большую степень ожесточенности, сталкивая между собой все новых участников человеческой драмы.

Во время мобилизаций были призваны и противники, и сторонники аграрных преобразований, но с началом войны землеустроительные работы не только не были прекращены, по большей части они проводились в обязательном порядке, без согласия обществ. В частности, в Тамбовской губернии на 1915 г. планировались 273 дела по приведению в исполнение проектов землеустройства, из которых 48% были обязательными, а по Борисоглебскому уезду данная цифра достигала 70,6%[1].

Многие выступления крестьян начинались или на сходах или сразу после них, когда противоречия между отрубниками и общинниками из латентной стадии переходили на уровень открытого конфликта. Отрубник противопоставлял себя общине самим фактом принятия столыпинского законодательства, отказом от привычных

правил крестьянского общежития, готовностью к мобилизации надельных земель, передаче их в чужие руки.

Укрепленцы, которым сельские сходы отказывали в выделе надельной земли, опираясь на поддержку властей, отказывались принять предложения крестьянских обществ и отложить землеустройство до окончания войны. Общинники же препятствовали землемерным работам, чинили насилие над отрубниками, уничтожали их имущество. С августа 1914 г. по июнь 1915 г. в селениях Борисоглебского, Кирсановского и Козловского уездов Тамбовской губернии произошло 13 массовых крестьянских выступлений[2], зачастую носивших характер «бабьих бунтов», в ходе которых главную роль играли солдатки.

Вооруженные дубинами и палками селянки уничтожали межевые знаки, избивали отрубников, сжигали их имущество, нападали на землеустроителей и представителей сельской и волостной администрации, вступали в столкновение с полицией. В массовых выступлениях против землеустроительной политики государства крестьянки были все же на вторых ролях, они никогда не являлись лидерами, были не ведущими, а ведомыми. Во главе противодействия землеустроительным работам выступали старосты, уполномоченные от общества по выделам, авторитетные «старики». И в начале аграрной реформы, и на ее заключительном этапе за спинами крестьянок обнаруживались «подстрекатели» – мужчины-домохозяева. Они, агитируя односельчанок в невыгодности отрубов для общины, убеждали, что солдатки из-за землеустройства могут получить худшую по качеству землю, меньшие наделы или совсем остаться без земли.

Поводом для волнений крестьян с. Костино-Отделец Борисоглебского уезда послужило намерение отрубников, скупивших в большом количестве надельные земли, выделить их к одному месту. 1 августа 1914 г. на сельском сходе уполномоченный от общества Н.Ф. Гребенкин угрожал землеустроителям: «если землемеры пойдут рубить землю

собственникам, то он научит солдаток, они им посшибают головы»[3].

В с. Махровке Борисоглебского уезда во время сельского схода солдатки требовали остановить выдел, поскольку они без мужей «не могут найти своих законов». Крестьянин П.П. Медведев, названный тамбовским губернатором зачинщиком, убеждал прогнать землемера и волостного старшину – отрубника, потому что «там (на фронте – *Н.Т.*) кровь проливают, а они тут нашу землю режут». В результате тридцать солдаток напали на избу, в которой укрылся волостной старшина. Под воздействием этих событий отрубники на время отказались от выдела[4].

Изучая крестьянские выступления против отрубов в период первой мировой войны, не следует упускать из виду, что волнения солдаток были логическим завершением длительного, порой в течение нескольких лет, конфликта между общинниками и отрубниками. Так, в с. Малые Алабухи с 1911 г. отрубники не могли свести свои полосы к одному месту. Уполномоченные местного крестьянского общества последовательно прошли все стадии обсуждения землеустроительного проекта, вплоть до высшей инстанции – Сената, который в декабре 1914 г. оставил в силе решение губернской комиссии[5].

При избрании уполномоченных из своей среды общинники ориентировались на людей грамотных и опытных в общении с «начальством». Так, одним из четырех уполномоченных Мало-Алабахского общества Борисоглебского уезда по выделу отрубов был Я.В. Горшенев, известный как «человек развитой и состоявший на должности волостного старшины», имевший «особое влияние на общество». Уполномоченные общины нередко отождествляли себя с крестьянским миром, заявляя, что «общество сильнее закона». Тот же Горшенев говорил землеустроителям: «если этот проект осуществится, то я заслужу проклятие общества». Позднее он открыто объявил, что «это не закон – выходить крестьянам на отруба, а война, чья возьмет войной, тот и будет пахать»[6].

Выдвижение женщин на передовые позиции в противостоянии властей и общинников можно объяснить специфическими чертами социальной психологии крестьянства. Особенностью правового сознания крестьян являлась их твердая уверенность в неподсудности женщин за акты сопротивления властям.

Борисоглебская крестьянка М.В. Дунаева, участница волнений в мае-июне 1915 г., с убежденностью говорила: «...бабам дано право и они хотя бы перебили все приезжающее в село Архангельское начальство и им ни какой ответственности за это не будет и даже приезжай царь и его убьют и не будут виноваты», «а зачем черт носит начальство в Архангельское, ведь оно нам совсем не нужно, мы его побьем и нам ничего не будет, потому что у нас дети, а начальство можно побить, потому что приезжало отрезать землю с вином»[7]. Подобные настроения вообще были характерны для тамбовского крестьянства. В с. Чигорак Борисоглебского уезда во время массовых волнений против землеустройства общинники подбадривали односельчанок: «Солдатки, вы крепче держитесь, вам ничего не будет»[8].

Именно вовлечение женщин в акты крестьянского сопротивления столыпинскому землеустройству сообщало выступлениям массовый характер. Уже не единицы, а десятки и даже сотни крестьян и крестьянок становились участниками волнений против землеустроительных работ в тамбовской деревне.

Сверхактивное участие крестьянок в борьбе с поборниками участкового землевладения, придавало, по точному замечанию С.В. Лурье, «особую иррациональность»[9] противостоянию общинников, с одной стороны, и органов власти, а также отрубников, с другой. Для выступлений, в которых участвовали женщины, характерна значительная степень озлобления. Так, в с. Чигорак Борисоглебского уезда в апреле 1915 г. толпа солдаток не только избила восьмидесятилетнего отрубника, но и гонялась по всему селу за крестьянами, подавшими прошение об отводе отрубов[10].

После нападения солдаток с палками на квартиру, избиения выделенцев и бывших уполномоченных общества с. Сергиевки Пичаевской волости 2 мая 1915 г. землемер К.Н. Лукьянов писал приставу 1-го стана Борисоглебского уезда: «Нам угрожает опасность, прошу прислать охрану немедленно»[11]. Участница волнений А.Р. Шатунова свидетельствовала, что односельцы требовали отмены выделов: «Муж мой на войне и без него мы допустить отдела земли не можем. Я заявляла, что станем по колено в крови и всех перебьем, но землю делить не дадим»[12].

Приезжая по ранению в отпуск, солдаты не оставались в стороне и, защищая солдаток, энергично участвовали в противодействии землеустроительным работам. Например, в с. Сергиевка Борисоглебского уезда землемеры отметили поведение солдата С.Н. Каширина, кричавшего: «Убить этих землемеров!». Сам же Каширин объяснял, что он говорил отрубникам и землемерам: «Вы бы погодили отрезать землю, а то мужьев нет, а вы вызвали землемеров отрезать у баб землю, а в это время их мужья проливают кровь». По постановлению тамбовского губернатора солдат отсидел при Борисоглебском полицейском управлении две недели[13].

Давлением солдаток можно объяснить принятие в мае 1915 г. сельским сходом Мало-Алабухского общества приговора «о недопущении никаких отрубов». Угрозы выделенцам со стороны чигоракских общинников, главным образом солдаток, «так напугали их, что они заявили об отказе от выдела до окончания войны»[14].

Весной – летом 1915 г. под влиянием событий в с. Малые Алабухи в ряде селений Борисоглебского уезда крестьяне выступали против проведения землеустроительных работ. В частности, в с. Верхнее Чуево распространились слухи, что в отсутствие мужей солдаткам выделят «худшую землю». Землемеру все чаще крестьяне не давали лошадей для работ, не находилось и рабочих. Более того, сельский сход принял решение приостановить землеустроительные работы. Уполномоченный крестьянского общества говорил солдаткам, что от землеустроительства один вред, приводил

в пример жен солдат из с. Малые Алабухи, которые «прогнали землемера с работ»[15].

В условиях военных действий власти не решились довести до конца землеустройство в селе. По распоряжению губернатора 3 августа 1915 г., непременный член губернской землеустроительной комиссии М.К. Шиловский объявил Мало-Алабухскому обществу, что землеустроительные работы откладываются до завершения войны[16].

Полицейская статистика не фиксировала заметных конфликтов в Тамбовской губернии на почве столыпинского землеустройства накануне Февральской революции в течение полутора лет. Даже фактический отказ от землеустройства на время военных действий не остановил тлеющего конфликта. Латентное противодействие, скрытое от «ока государева», очевидно, происходило на всем протяжении войны с Четвертным союзом. Повышенная конфликтогенность внутриобщинных отношений, дифференциация социума на «своих» и «чужих», готовых встать под защиту губернской администрации проявила себя и после падения самодержавия.

В начале апреля 1917 г. власти получили телеграмму, что в с. Сядемке Спасского уезда «отбирают землю у собственников»[17]. 10 июня 1917 г. Шацкий уездный комиссар Д.И. Стахеев сообщил в Тамбов, что во многих волостях сельские общества распределяют между собой землю отрубщиков и купленные отдельными крестьянами, внося этим страшную рознь в население, просил подтвердить незаконность захватов. Губернский комиссар Ю.В. Давыдов тогда же подтвердил: «захваты земель отрубников и купленных отдельными крестьянами участков незаконны, запрещены Временным правительством, представляют большую опасность аграрной реформе, делу свободы»[18].

Надежды на помощь государства оказались тщетными, «письма во власть» не давали ощутимого результата. Так, отрубники телеграфировали 2 сентября 1917 г. Временному правительству: «80 хуторян Козловского уезда, Мало-Пуповской волости, совершенно разорены

черным переделом 1 200 дес. земли, произведенным приговорами сел Малых и Средних Пупок»[19].

Пока существовала полицейская система, удавалось сдерживать натиск общины на чужеродные элементы – бывших «своих», отрубников, строивших хозяйство на надельной укрепленной в собственность земле, а также против «пришлых», переселенцев из других губерний и уездов, обосновавшихся на участках Крестьянского Поземельного банка, на которые претендовали соседние сельские общества. С ликвидацией полицейских институтов государство утратило саму возможность влиять на отношения внутри крестьянского социума, степень защищенности как частной собственности, так и ее носителей, в том числе отрубников, снижалась.

Апелляция отрубников к полицейской власти на время успокаивала страсти вокруг землеустроительных работ в стране, еще не охваченной революционными страстями. Выборная сельская милиция по результативности уступала дореволюционным репрессивным органам. К осени 1917 г. для подавления волнений «армейских команд попросту не хватало, милиция оказалась неэффективной»[20]. В сентябре 1917 г. на вопрос правительственного эмиссара К.А. Книше: «Как он находит милицию?» – прокурор Тамбовского окружного суда ехидно ответил контрвопросом: «А разве таковая у нас имеется?»[21].

Хотя милиционеров было больше, чем полицейских стражников, новоявленные правоохранители, в силу своего крестьянского происхождения, совсем не были готовы защищать чужую собственность. В октябре 1917 г. из Курской губернии докладывали: «сельская милиция, построенная на выборном начале, действует заодно с малосознательной массой крестьян»[22].

Там, где милиция шла против воли крестьянской массы, она подлежала роспуску, как в Кирсановском уезде, где в августе 1917 г. Глуховский исполнительный комитет сместил милиционеров, охранявших хлеба отрубников,

мешавших общинникам пускать скотину по отрубным участкам в нарушение постановления комитета[23].

Отсюда мы видим стремление отрубников к самоорганизации и самозащите. Этим объясняется их присоединение к Союзу земельных собственников и акции самообороны. 5 июля 1917 г. в г. Козлове состоялось организационное собрание союза земельных собственников. Помимо земельных собственников на собрание явилось много крестьян, так называемых столыпинских помещиков, арендаторов и домовладельцев[24]. Общее настроение высказал некто Рожков: «землю свою польем кровью, но не отдадим»[25].

Когда в сентябре 1917 г. в с. Верхние Пупки Стежинской волости Козловского уезда было постановлено отобрать купчую землю у частных владельцев-крестьян и передать ее в земельный комитет для распределения между малоземельными и безземельными, два отрубника привезли 12 солдат-кавалеристов во главе с офицерами, и те устроили экзекуцию участникам собрания, приговаривая: «Не лезь вперед, не поднимай земельного вопроса[26].

Тем не менее, не приходится преувеличивать уровень готовности отрубников перейти к наступательным действия против общинников, преобладали все же пассивные формы борьбы за сохранение обретенной собственности, но письма, жалобы, телеграммы в Тамбов и Петроград не обеспечивали необходимого результата.

Спорадические случаи внутрикрестьянской борьбы сменились в сентябре 1917 г. погромным движением[27]. Объектом погромно-уравнительных настроений стали и помещики, и отрубники-односельцы, и хуторяне, клиенты Крестьянского банка. Как сообщал 10 октября 1917 г. губернский комиссар К.Н. Шатов: «[В] Козловском уезде [по] официальным данным беспорядки захватили 14 волостей; пострадало 54 усадьбы и хутора, из них сожжено целиком или частью 16, остальные в большей или меньшей степени разгромлены или разграблены. Около трети пострадавших – крестьяне, хуторяне, отрубники, мелкие собственники»[28].

Советские исследователи традиционно рассматривали борьбу против участкового землевладения в рамках парадигмы второй социальной войны, внутренне соглашаясь, что будет преувеличением ставить знак равенства между антикулацкими выступлениями и движением против отрубов[29]. Они, тем не менее, вслед за И.И. Минцем[30], к случаям выступлений против кулаков причисляли и борьбу крестьян с отрубниками и хуторянами.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают возможности точно оценить масштабы антистолыпинского движения в течение года после Февральской революции: от момента падения царской династии до установления Советской власти в Тамбовской губернии. По подсчетам Д.Г. Сельцера, к проявлениям второй социальной войны можно отнести 177 случаев, или примерно 7% от всех 2541 актов движения тамбовских крестьян[31].

Таким образом, реализация столыпинской аграрной политики в тамбовской деревне расколола сельский социум, усилив внутриобщинное противостояние. В годы Первой мировой войны сопротивление землеустроительным работам стало массовым, участниками выступлений против отрубников, местной администрации и полиции стали сотни крестьян.

Недееспособная правоохранительная система послефевральской России не была способна противостоять стихии «черного передела»[32] и защитить землевладельцев. Внутрикрестьянские конфликты теперь отличались большей степенью насилия и агрессии, возвращая «блудных сыновей» в лоно сельского мира, ведя к архаизации земельных отношений.

Библиография

[1] План землеустроительных работ по Тамбовской губернии на 1915 год. Тамбов, 1915.

[2] *Токарев Н.В.* Тамбовское крестьянство и указ 9 ноября 1906 года (из истории аграрной реформы Столыпина) // Тамбовское

крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.). Тамбов, 1996. С. 31-43.

[3] Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 8973. Л. 6.

[4] ГАТО. Ф. 4. Оп.1. Д. 8974. Л. 5, 6, 9.

[5] Там же. Д. 7478. Л. 671 об, 674 об, 675.

[6] Там же. Д. 7478, Л. 671 об, 674 об, 675, 678 об; Д. 8978. Л. 23.

[7] Там же. Д. 9221. Л. 2, 2 об.

[8] Там же. Д. 9204. Л. 21 об.

[9] *Лурье С.В.* Культурно-психологические факторы распада крестьянской общины // Человек. 1992. № 4. С. 41.

[10] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 8977. Л. 10 об.

[11] Там же. Д. 9205. Л. 2.

[12] Там же. Л. 5.

[13] Там же. Л. 4, 6, 16.

[14] ГАТО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7205. Л. 162 Об; Д. 9204. Л. 13, 16, 21.

[15] Там же. Д. 9203. Л. 10, 12.

[16] ГАТО. Ф. 41. Оп. 6. Д. 46. Л. 62.

[17] Там же. Ф. 1058. Оп. 1. Д. 26.

[18] Там же. Д. 25. Л. 185, 187.

[19] Крестьянское движение в 1917 году. М., Л., 1927. С. 212.

[20] *Люкшин Д.И.* Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006. С. 104.

[21] *Седов А.В.* Февральская революция в деревне. Нижний Новгород, 1997. С. 160.

[22] Революционное движение в России накануне Октябрьского вооруженного восстания (1–24 октября 1917 г.). М., 1962. С. 436.

[23] ГАТО. Ф. Р-427. Оп. 2. Д. 3. Л. 171.

[24] 1917–1918. Хроника революционных событий в Тамбовской губернии / Тамбовская Губернская комиссия по Организации и Проведению Десятилетия Октябрьской Революции; сост. П. Крошицкий и С. Соколов. Тамбов, 1927. С. 15.

[25] *Сельцер Д. Г.* Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России (март 1917 – март 1918 гг.): дис. ... к.и.н. Тамбов, 1990. С. 102.

[26] *Луцкий Е.А.* Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в сентябре 1917 г. // Исторические записки. М., 1957. Т. 2. С. 72.

[27] *Сельцер Д.Г.* Погромное движение в тамбовской деревне. Сентябрь – декабрь 1917 г. // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в. Тамбов, 2001. С. 99–107.

[28] Борьба рабочих и крестьян под руководством большевистской партии за установление и упрочение Советской власти в Тамбовской губернии (1917–1918 годы): Сборник документов. Тамбов, 1957. С. 58.

[29] *Малявский А.Д.* Крестьянское движение в России в 1917 г. Март-октябрь. М., 1981. С. 206-207.

[30] Минц *И.И.* История Великого Октября: В 3 т. Т. 2. Свержение Временного правительства. Установление диктатуры пролетариата. Изд. 2-е. М., 1978. С. 446.

[31] *Сельцер Д.Г.* Крестьянское движение в губерниях Черноземного Центра России... С. 270-271.

[32] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 38–39.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗРУШЕНИЕ СПЛОЧЕННОСТИ КРЕСТЬЯНСКИХ ОБЩИН

(ПО МАТЕРИАЛАМ СЕВЕРНЫХ ГУБЕРНИЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ)

Т.И. Трошина

Накануне войны присутствовало мнение, что Россия с ее огромными человеческими ресурсами, с относительно автономным существованием большинства населения (ведущего крестьянский или полукрестьянский образ жизни), не зависящем от экономических и политических потрясений, пострадает менее чем урбанизированные и индустриализованные страны. Однако получилось иначе: именно Россия тяжелее всех расплатилась за участие в войне: крахом государственности, гражданской войной, социальными, культурными и демографическими потрясениями. Поиск причин произошедшего до сих пор остаются в центре внимания историков, политологов, культурологов, социологов.

Автор данной статьи пытается найти на этот вопрос свой ответ, изучая изменения, которым подверглось в условиях войны население северных (Архангельской, Вологодской, Олонецкой) губерний Европейской России, остававшихся и в начале XX в. своеобразным социально-культурным «анклавом». Именно в годы Первой мировой войны, перешедшей, через революцию, в войну Гражданскую, создали условия, при которых Север, где, по словам В.И. Ленина, царила «патриархальщина, полудикость и настоящая дикость»[1], стал важным в геополитическом и военном отношении районом. Государство финансировало строительство здесь дорог, способствовало перемещению сюда больших масс населения (военнослужащих, рабочих). В результате, для населения этого региона важнейшим итогом

пережитого периода кардинальных политических и общественных трансформаций (1914-1920 гг.) стало сглаживание условий, под влиянием которых сохранялась уединенность отдельных населенных пунктов. Произошло резкое проникновение в их жизнь государственных структур; агенты внешнего культурного влияния в лице социально активной молодежи, и в первую очередь демобилизованных солдат, начали резко ломать традиции и устои населения. Локальность северной провинции такими радикальными методами была, в конце концов, преодолена.

При этом «локальность» местного населения имела несколько парадоксальную природу. В силу природно-климатических условий занятия сельского населения здесь не имели исключительно сельскохозяйственной направленности. Если в центральной России неземледельческие ориентации крестьянства стали развиваться в пореформенный период, то здесь промысловая направленность хозяйственной деятельности крестьян имела давнюю историю. На севере региона земледелие являлось для крестьян лишь дополнительным занятием, к которому возвращались только в случае сокращения других видов заработка. Даже в земледельческих районах крестьянская семья часть своей рабочей силы в связи с длительными периодами «сельскохозяйственной безработицы» направляла на занятия промыслами и на фабрично-заводские работы.

Крестьянин средней полосы России был вынужден заниматься неземледельческими видами деятельности, чтобы заработать деньги на уплату налогов. Северный крестьянин нуждался в заработках для приобретения хлебных продуктов и ряда других продовольственных товаров, что способствовало его стремлению заниматься наемным трудом[2]. Судя по переписи 1897 г., крестьянами в северных губерниях числились в среднем 93% населения северных губерний (эта цифра была выше, чем в среднем по России – 86%). А «прикармливалось» сельским хозяйством, в той или иной степени дополняемым промыслами и другими побочными заработками, 85% населения Вологодской

губернии, 83,3% Олонецкой и 74,9% – Архангельской. Таким образом, не менее 10-15% населения, значившегося по документам крестьянами, постоянно занимались другими видами деятельности.

Принудительной пролетаризации части населения, как это имело место в центральных районах страны, в северных губерниях не происходило. Земельный вопрос не стоял так остро, а местная промышленность носила сезонный характер, не допуская резкого отрыва от привычного образа жизни. Поэтому для северных крестьян не произошло того резкого и болезненного перехода от «власти земли» к «власти денег», как это наблюдалось в других регионах[3].

В период «большого демографического перехода» проблема малоземелья затронула и этот регион. Однако она не была здесь столь болезненной, поскольку снималась возможностью направить часть излишней рабочей силы на отхожие заработки, значительная часть которых была недалеко от дому (рубка и сплав леса, а также предприятия, которые устраивались непосредственно в сельской местности, предоставляющей им, кроме близости сырья, дешевые рабочие руки в период «сельскохозяйственной безработицы»).

Условиями для сохранения изолированного проживания населения в северных губерниях были не только огромные, слабозаселенные и бездорожные территории. В определенной степени, желанию «жить уединенно» способствовала и политика властей. С одной стороны, применялись различные меры к социальной и географической мобильности населения (путем строительства дорог и открытия школ), а с другой, присутствовало негативное отношение к внутриобщинной имущественной и социальной дифференциации. В деятельности сельских «торговцев» и «подрядчиков», которая объективно ускоряла встраивание населения в «расширенное» общество (по мнению исследователя экономических механизмов Ф. Хайека, именно торговля поощряет к социальному расслоению, поскольку основывается «на специфических индивидуальных, а не

коллективных знаниях»[4]), губернские власти упорно видели причину обеднения населения.

Казалось бы, старинная традиция «отхода», расширившегося в связи с ростом населения и экстенсивным развитием хозяйства, способствовали географической мобильности населения, которая маскировала собой и социальную. Но склонность северных крестьян к «отходу» власти также не поддерживали, убежденные, что «скотоводство, огородничество и хлебопашество несравненно выгоднее, чем постоянная, усвоенная ими привычка отправляться на заработки в другие губернии», а работа «в центрах торговой и промышленной деятельности» несет в себе «все задатки нравственной порчи... и вредно действует на семейную жизнь и нравственность»[5].

Впрочем, в начале XX в. к «отходу» относились более терпимо, поскольку таким образом из деревни вытеснялись лишние «рты» и «руки», способствуя уже не «обнищанию», а напротив, благосостоянию населения. «Отход» был двух видов: артельный (собранные по земляческому принципу артели в какой-то степени сохраняли традиционные отношения в своей среде; артельщики, как правило, не несли в себе разрушающего общинные ценности начала) и индивидуальный. Последний становился все более распространенным, создавая реальную угрозу для проникновения вместе с возвращающимися отходниками новых ценностей, способных разрушить социальную целостность локально проживающего населения.

Впрочем, в период индустриального подъема первых десятилетий XX в. опасности массовых возвращений не было. Хотя, на примере событий 1905–1907 гг., когда «экспорт революции» в целом спокойную и бесконфликтную северную деревню был осуществлен возвращавшимися из городов отходниками и учащейся молодежью, а также демобилизованными солдатами и матросами, «присматривавшие» за народной жизнью чиновники представляли себе, что и как может произойти. Однако в условиях все возрастающей потребности в рабочих руках и

возможностей социальной и географической мобильности в огромной стране эти перспективы казались отдаленными, сохраняя достаточную временную дистанцию для поисков возможности смягчения нежелательных последствий.

Но война, ускорив мобильность населения (как социальную, так и географическую), привела на последнем этапе – в 1917, 1918 годах – к массовому возвращению земляков в деревню. Они принесли с собой новые чаяния и ожидания, нередко представлявшие собой вульгаризированные социалистические идеи. Это спровоцировало «малую гражданскую войну» в отдельных деревнях и волостях. Роль демобилизованных солдат и возвращающихся отходников в процессе «советизации» деревни и в конечном счете разрушении ее традиционной жизни, достаточно изучена. Однако объяснение происходившего только внешними влияниями является упрощенным; следует учитывать наличие и внутренних причин, поспособствовавших разрушению устойчивого «крестьянского мира».

Под воздействием войны сложились и переплелись многочисленные факторы, оказав влияние на ускоренный процесс социального и имущественного расслоения северного крестьянства, что и подготовило почву для эрозии традиционной солидарности и разрушению локальности северорусского населения.

Новые транспортные пути приблизили жителей самых отдаленных территорий к промышленным и культурным центрам.

Грандиозные строительные работы привлекли в регион множество людей, отличающихся в социальном, культурном, этническом отношении от основной массы местного населения (Европейский Север России в годы войны представлялся как «магнит, стянувший тысячи дельцов и сотни тысяч рабочих: грузчиков-симбирцев, землекопов-владимирцев, онежан-вальщиков леса, плотовщиков и плотников, которые плывут, едут и тянутся из Котласа, Сольвычегодска, Яренска, Устюга и Вологды на баржах,

буксирах и в товарных вагонах. А вслед за ними саранча – орда торговцев, барышников, скупщиков...»)[6].

Наконец, десятки тысяч молодых мужчин передвигались по стране и за границу, вступая в контакты с носителями иных политических взглядов и культурных традиций.

Следует учитывать отношение к солдатам в отдаленных северных деревнях, где население не знало не только войны, но даже опыт армейской службы был большой редкостью. В XIX в. на единственную великорусскую губернию, Архангельскую, была распространена «льгота» по замене «натурального» рекрута денежным взносом, чем население активно пользовалось. Введение всеобщей воинской повинности предполагало множество льгот для «малосемейных», и это тоже коснулось в первую очередь население промысловых и с развитым отходом северных селений. Здесь были распространены семейные разделы, которые и приводили к «малолюдности» семейств, поэтому значительная часть местных мужчин в армии не служили. Те же, кто отслужил «действительную», воспринимались родней и соседями как успешные отходники, поскольку возвращались с подарками, хорошо одетые, приобретя новые знания и опыт.

В результате, отправившаяся в 1914-1916 гг. на войну молодежь не могла опереться на опыт своих отцов и дедов. А семья ждала их возвращения с войны, как с заработков. Возвращались же – без победы, «раздетые, разутые, завшивленные». Поведенческие стереотипы заставляли население относиться к ним как неудачникам, «зимогорам» (так называли неуспешных отходников).

Это задевало фронтовиков и подталкивало их к объединению для совместных действий. Целью было стремление искупить свою вину перед семьей способом, который приобрели на последнем этапе войны (когда в условиях дезорганизации централизованного снабжения происходило «самообеспечение» воинских частей), а в результате большевистской пропаганды считали вполне

оправданной и легитимной формой наведение социальной справедливости.

Понимание, что в деревне происходило существенное нарушение этой справедливости, фронтовики выносили из писем своих жен и матерей. Дело в том, что общинные начала жизни способствовали сохранению и развитию традиции социальной помощи семьям, чьи кормильцы находились в отъезде – в армии, в тюрьме, по общественным делам, а также в отходе. В условиях войны это правило нередко нарушалось, чему были как объективные, так и субъективные причины.

Во время войны начал действовать закон 1912 года о поддержке семейств «запасных». Первое время была весьма активна и помощь различных благотворительных обществ, которые предлагали, например, денежные средства на наем работника. При этом, судя по данным сельскохозяйственных переписей 1916 и 1917 гг., менее 20% хозяйств, оставшихся без работника, нанимали батраков. На хозяйство, пользующееся наемным трудом, в среднем приходилось чуть более одного наемного работника [78]. Да и то, судя по всему, это были няньки для присмотра за детьми, а не сельскохозяйственные рабочие.

Причина в таком отношении к возможности получения трудовой помощи, скорее всего, в надежде на традиционную поддержку со стороны крестьянского сообщества. К тому же многие крестьянки, получая денежные пособия, предпочитали продовольствие покупать. В результате, их хозяйства приходили в упадок. А в связи с общей дороговизной, которая была спровоцирована как сокращением сельскохозяйственного производства в северных губерниях (где население получило возможность других заработков), так и ростом потребления со стороны резко увеличившегося здесь непроизводящего населения (рабочих, военнослужащих, военнопленных вражеских армий и т.п.), вдруг возросшее благосостояния солдатских семей стало стремительно понижаться.

Сами солдатки в имущественном отношении не были однородной массой. Определенная часть женщин занялись

предпринимательством, в первую очередь торговлей. Позволяло им это наличие свободных денег, а также своего рода моральные нормы северной деревни, допускающие для «слабосильных» крестьян занятие относительно легкой работой: торговлей, содержанием постоялых дворов, выполнением за жалование общественных обязанностей, и т.д. Женщины, особенно немолодые, в глазах своего общества имели полное право заниматься такой, «легкой» работой (В жалобах на налогообложение в период «военного коммунизма» встречается немало ссылок крестьянок на то, что во время войны *вынуждены* были заниматься торговлей. Так, крестьянка Вологодской губернии О. Качанова говорила в показаниях: «Раньше торговали бакалеей, но 2 года назад [то есть в 1917 г.] оставили. Торговля была мелочная, дохода не давала; пока муж был на военной службе, торговала для поддержания хозяйства»)[9].

На самом деле торговля, конечно, прибыль приносила. Современниками отмечалось, что солдатки «торгуют не хуже» мужчин, «и даже более скупые на благотворительные сборы»[10]. Как бы то ни было, подобная ситуация вызывала раздражение у менее предприимчивых солдаток. Они продолжали возлагать надежды на «мирскую» помощь, чем все чаще сами вызывали недовольство односельчан.

В северных губерниях немаловажным объяснением сокращения такой помощи было то, что портовые и дорожные работы оттягивали из деревень все трудоспособное, прежде всего мужское, население. Все способные к труду: остававшиеся в деревне мужчины, крепкие старики, молодые женщины, подростки стремились заработать, понимая, что с окончанием войны такого количества работы и таких заработков уже не будет. На помощь нуждающимся односельчанам, даже солдатским семьям, не оставалось времени. В результате, «солдаток ругают на чем свет стоит, упирая на то, что они жалование получают»[11]. Священники отмечали «громадные затруднения в деле собирания денежных пожертвований со стороны населения в пользу солдаток; [крестьяне] высказывают обычно... что солдаток

особенно бедных нет, пайки их обеспечивают»[12]. Высказывалось пожелание оказывать помощь только на условиях справедливого договора, например «из полу», то есть за половину урожая.

Нельзя не признать определенную справедливость недовольства солдатками. Рассчитывая на мирскую помощь, они не тратили предоставляемые им «на поддержание хозяйства» деньги, припрятывая их «на черный день» или на приданое дочерям. В отношении же разваливающегося хозяйства отговаривались, как было принято в семьях отходников: «подождем, пока хозяин вернется». У таких «ленивых» крестьянок землю нередко забирали, отдавали другим. Солдатки скандалили, угрожали односельчанам, что мужья, вернувшись с войны, «им покажут» (так и случилось!), а в письмах на фронт писали, что землю у них забрали без их ведома и без причины.

Имущественная дифференциация крестьянского населения была связана и с особой ценой во время войны на физический труд, особенно в малолюдных северных губерниях, где разворачивались гигантские строительные работы. На принудительные трудовые мобилизации (как стало практиковаться в период «военного коммунизма») царское правительство так и не решилось, применяя их только изредка и для отдельных групп населения (Так, в Архангельской губернии в 1916 г. направлялась разнарядка на лесозаводы с целью выделить людей для дорожных работ; на основании «обязательных постановлений», выпускаемых губернаторами, работодателям запрещалось принимать лиц, занятых на казенных работах, «переманивая» их более высокими заработками. Трудовые «реквизиции» применялись в отношении мужчин призывного возраста тех национальностей, которые до войны пользовались освобождением от воинской службы).

До войны, когда отмечалось широкое распространение пьянства, крестьянин был готов выполнять работу за любые деньги. Запрещение винной торговли привело к тому, что крестьяне стали повышать стоимость

своего труда: «Теперь мужик цену знает и приезжим скупщикам за бесценок, как прежде, не продает. ...Нет главного соблазна, водки, ради которой прежде крестьянин и готов был продать задешево»[13]. «Отсутствие рабочих сил, взятых на войну, в большинстве случаев пополнилось теми элементами, которые благодаря злоупотреблению спиртными напитками считались паразитами общества и неспособными работниками на сельских работах»[14] (Именно в «трезвости» видели причину дороговизны: «крестьяне продают свои товары дороже»)[15].

Высокими были заработки не только на казенных (портостроительных и дорожных) работах, но и от традиционных промыслов и занятий. Уже в 1915 г. отмечалось, что «заработок утроился, упятерился» «В Вологодской губернии «раньше заготовить куб леса стоило 6–8 рублей – теперь 25–30. Вывезти бревно из леса вместо 30–40 копеек – не меньше полутора рублей»[16]. В Архангельской губернии лесорубы и сплавщики леса получали до войны рубль за день работы, в 1916 г. – 2,5 – 3–3,5 руб. Возчик бревен с лошадью – 10–15 руб., вместо довоенных 4–5 руб. Разумеется, следует учитывать, что и цены на хлеб увеличились вдвое-втрое[17]. И это еще в большей степени способствовало психологическому напряжению, поскольку люди сравнивали цены и сокрушались, что высокие заработки не были им доступны в мирное время.

Возможность высоких заработков появилась и у земледельческого населения, проживавшего рядом с городами, с новыми стройками и дорогами. Резкое увеличение количества рабочих и инженерно-технического персонала создало невиданный здесь рынок сбыта для сельскохозяйственной продукции: «Платят, сколько просят»[18]. Продовольственные агенты занимались закупкой продовольствия для рабочих и кормов для скота. В первую военную зиму, когда широко использовался гужевой транспорт, особенно поднялись в цене корма и тягловый скот. В результате, продав корма, население стало резать скот

Увеличение во время войны количества «безлошадных» (в Архангельской губернии таких было до трети, и даже в земледельческой Вологодской – более 15%), «бескоровных» (10–14% всех хозяйств; при этом совсем без скота до 10% всех хозяйств) и «безземельных» (таких было 3–5%, а «без посевов» – 7–11%) было чаще всего результатом корысти и безответственности населения. Потом это давало возможность причислять себя к «беднякам» и «батракам». Показательно в этом отношении действие крестьянина, чье поле оказалось рядом с устроенной во время войны речной пристанью. Чтобы пассажиры беспрепятственно ходили по нему, крестьянин согласился поле не засевать, получая небольшую денежную компенсацию. После войны он начал предъявлять жалобы на якобы «потраву» его урожая[19].

С одной стороны, трезвая жизнь и высокие заработки привели к положительным результатам. Отвечая на вопрос анкеты о «влиянии войны на экономическое положение» крестьян, чиновник отмечал, что «скорее, повлияло положительно»[20]. Население стало откладывать деньги в банки, направлять их на развитие своего хозяйства. Появилось стремление объединяться в трудовые и потребительские кооперативы.

С другой стороны, стали замечаться признаки классового эгоизма. Богатея сами, крестьяне отказывались повышать жалование земским служащим и учителям (со всеми надбавками, введенными «в связи с дороговизной» в 1916 г. уездные чиновники и земские служащие имели жалование от 50 до 100 руб., сельские учителя получали 30–50 руб.), увеличивать средства на содержание духовенства, несмотря на то, что параллельно с ростом крестьянского благосостояния увеличивались цены абсолютно на все – на продукты питания, на оплату жилья и топлива. Обострились проявления внутриобщинной зависти, которая разъедала традиционную солидарность крестьянских общин.

Начальник Вологодского губернского жандармского управления в донесении в МВД о настроениях в губернии от 26 октября 1915 г. сообщал, что «среди чиновной бедноты

такие разговоры, что лучше идти на преступление, чем видеть голодающую семью [21]. В Архангельской губернии церковнослужители уходили на дорожные работы, а низшие чиновники в разгар навигации брали отпуска и работали в порту на разгрузке, поскольку таким образом за 2–3 «горячих» дня могли заработать деньги, равные их месячному жалованию.

Впрочем, в погоне за заработками крестьяне нередко забрасывали и свое хозяйство. Избыток денег способствовал развитию различных пороков. По словам современника, в Архангельске царили «пьянство, карты, ад наживы и разврата»[22]. Это развращающе влияло и на крестьян, трудившихся в городах. И если сначала они все продавали (свой труд, продукты питания, скот), а затем, напротив, покупали, то на последнем этапе войны возникла пагубная привычка имеющиеся средства пропивать и прогуливать, не задумываясь о будущем. У народа отмечалась «тяга к роскоши». В крестьянах, обычно «прижимистых», стало замечаться стремление к «транжирству»: «Крестьяне не задумываются о завтрашнем дне и “сыпют” деньгами. За неимением сахара пьют чай с конфетами, покупают всякие обновки, бабам – дорогие платки...». Крестьяне «тратят, на что попало. Мануфактурные магазины заполнены крестьянами, которые покупают, не торгуясь. Объясняют тем, что после войны хлынут женихи, надо готовить приданое для дочерей. Покупают дорогой ром ...хотят пожить, как раньше “господа жили”». «Конфеты [крестьянин] берет не карамель, а шоколадные, “что господа едят”»[23 24 25].

На такие настроения влияли и распространявшиеся слухи. Крестьянам не прибавляло уверенности в завтрашнем дне разговоры «об объявлении всего сельскохозяйственного и промышленного производства собственностью государства. Приезжающие с фронта говорят, будто бы главнокомандующий (Николай Николаевич) обещал солдатам прирезку земли, и что войска ...после войны начнут войну с тылом»[26].

Вместе с тем, затянувшаяся война привела к разрушению транспортной инфраструктуры. Это создало напряжение, поскольку усложнилась система доставки товаров, а население уже успело отвыкнуть от самообеспечения.

Итак, в тылу происходили негативные процессы разрушения традиционной солидарности, объединявшей жителей малолюдных северных поселений. Но и на фронте обстоятельства военного времени способствовали дифференциации такой однородной массы, как ровесники-земляки. Молодые солдаты стратифицировались не только в зависимости от своих личных качеств, но и по уровню образования. Грамотные имели больше шансов попасть в военные училища и вскоре примерить офицерские погоны. Менее удачливые их земляки забывали, что начальное образование было доступным и для них: школьники из малообеспеченных семей получали бесплатно не только учебные пособия, но одежду и обувь. Отсутствие аттестата чаще было причиной их собственной лени. Однако «обиженные» стремились найти приемлемое для себя объяснение: например, что земляку позволило получить образование «богатство» семьи.

Раскол в некогда солидарных обществах во время войны усугубился и в связи с тем, что массовая мобилизация допускала ряд исключений. Те, кто работал на оборонных предприятиях и участвовал в других видах деятельности, которая предполагала освобождение от военной службы (так называемые «учетники»), либо проходил «легкую» службу (например, в тыловых гарнизонах), негативно воспринимались фронтовиками. Опасения в связи с подобным разделением лиц призывного возраста высказывались чиновниками уже на начальном этапе войны. В частности, отмечалось недовольство населения стремлением отдельных земляков устроиться на бронированные места, и предполагалось, что это недовольство «может вылиться в уродливые формы». Особое беспокойство вызывало то, что

«“уклонисты” не реагируют на недовольство земляков»[27], то есть не испытывают чувство вины перед своим сообществом.

Отношение к таким землякам усугубилось произошедшим во время войны имущественным расслоением. Оставшиеся по разным причинам в тылу повысили свое благополучие на фоне экономического ухудшения солдатских дворов. Они могли продолжать работать на земле или поддерживать свои семейства благодаря высоким заработкам, которые во время войны имели все, занятые в промышленности.

Вот как описывал происходящие в северной деревне изменения корреспондент Олонецкой газеты:

«Трезвая деревня богатеет, обильно питается, выправляет свое хозяйство… Однако рядом процесс обнищания: семьи мобилизованных, оставшиеся без мужчин и без пайка… А разоряющееся крестьянство не только тоскует за себя, за собственное бессилье, оно обижено, оно негодует, оно завидует. Да это и естественно. Как много среди разоряющихся было хозяйств исправных, зажиточных по деревне. И как много из прежних бедняков-голяков поднялись теперь на высоту, о которой им и мечтать не приходилось. Обида на судьбу, которая награждает людей, которые “не хотят”, по мнению деревни, служить родине и обижающая семейства, принесшие на алтарь отечества кормильцев-поильцев своих и …все свое благосостояние… И царствует в деревне злоба и ненависть. <…> Непокрытая бабья бедность презирает негодную на военную службу или зачислившуюся в казенный штат мужскую деревню»[28].

Уже в 1915–1916 гг. являвшиеся на побывку солдаты, собираясь группами, подвергали «учетников» избиению. Во время массового возвращения фронтовики «браковка» и «учетники» подвергались с их стороны репрессиям в первую очередь. Сначала они принуждали «белобилетников» отказываться от «брони» и добровольно поступать на военную службу вместо отпускников[29]. Затем солдатские комитеты взыскивали с них «контрибуции» (например, в Ломоносовской волости Холмогорского уезда

Архангельской губернии в 1918 г., на основании постановления губернской власти об обложении буржуазии, денежные «контрибуции» были наложены именно на «учетников»[30]) на основании, что «во время войны у них были колоссальные заработки»[31]. Тех, кого подозревали в злоупотреблениях при получении отсрочки, лишали «навсегда душевого надела», не распространяя, впрочем, этого наказания на членов семьи – жену и детей.

Разрушение традиционной солидарности, казалось, было временным; уже вскоре внутриобщинная сплоченность восстановилась[32] (в целях противостояния опасности как извне, так и проистекающей от местных «отщепенцев») в самых жестких и примитивных формах[33].

Но это было уже «началом конца», проявлением «рваного» ритма неизбежной социальной модернизации.

Библиография

[1] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 43. С. 228.

[2] *Флеровский Н. (Берви В.В.)* Положение работника на Севере // Дело. 1868. № 4. С. 246.

[3] *Вишневский А.Г.* Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

[4] *Хайек Ф.А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 77.

[5] Государственный архив Архангельской области (*Далее* – ГААО.) Ф. 71 (Архангельское губернское по крестьянским делам присутствие). Оп. 1, Т. 1. Д. 267. Замечания губернатора об устройстве крестьян и крестьянского управления, 1870–1874 г.) Л. 76–79.

[6] Оживление Севера. // Известия Вологодского общества изучения Северного края. Вып. 2 Вологда, 1915. С. 182–183.

[7] Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г.; По подсчетам, произведенным местными переписными учреждениями. Вып. 1: Европейская Россия. Поуездные, погубернские и порайонные итоги. Пг., 1916. С. XXVII, 382–393, 436–458.

[8] Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по 57 губерниям и областям. М., 1923. С. 2-5, 14–17, 74–77.

[9] ГАРФ. Ф. 393 (Наркомат внутренних дел). Оп. 10. Д. 69 (Переписка с губернским и уездными советами Вологодской губернией о военном и политическом положении губернии). Л. 40–61.

[10] Как они живут... (с. Шуйское) // Эхо. Вологда. 1917. 28 февраля.

[11] *Шестаков А.* Неотложное дело // Олонецкая неделя. 1916. 25 сентября. С. 12–14.

[12] Государственный архив Архангельской области (*Далее* – ГААО). Ф. 29. Оп. 1. Т .2 Д. 1251. Л. 7.

[13] В деревне // Вологодский листок. 1916. 21 апреля.

[14] ГААО. Ф. 122. Оп. 1 Д. 1032 (Об экономической деятельности населения. Обзор Пинежского уезда, 1914 год).

[15] Анкета о дороговизне. 1915 г. // Всероссийский Союз Городов. Главный комитет. Экономический отдел. М., 1915. Л. 3.

[16] В деревне // Вологодский листок. 1916. 21 апреля.

[17] *Бубновский М.* В глубоком тылу // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1916. № 5. С. 187–198.

[18] Богатеющие купцы, благоденствующие крестьяне и голодающие служилые люди (Из жизни Олонии) // Олонецкая неделя. 1916. 3 апреля. С. 14–16.

[19] ГААО. Ф. 1837 (Яренский уездный исполком) Оп. 1. Д. 6. (Постановление... 1918 г.).

[20] ГААО. Ф. 122. Оп. 1 Д. 1032 (Об экономич. деятельности населения) Л. 21 Об. – 22.

[21] Государственный архив Вологодской области (*Далее* – ГАВО) Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 16–17 Об.

[22] ГААО. Отдел документов социально-политической истории. Ф. 859. Оп. 5. Д. 22. Л. 24.

[23] *Кравченко Н.* По Архангельскому тракту: путевые заметки // Олонецкая неделя. 1916. 11 сентября. С. 11–15.

[24] Деревня и город // Вологодский листок. 1916. 8 мая.

[25] Из жизни Олонии. // Олонецкая неделя. 1916. 3 апреля

[26] ГАВО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 5864. Л. 272–272 Об.

[27] Станция Няндома // Вестник Олонецкого губернского земства. 1915. № 15. С. 16.

[28] *Заручевский И.* Деревенские контрасты // Олонецкая неделя. 1916. 8 мая. С. 12–14.

[29] ВОАНПИ. Ф. 1835. Оп. 1 Д. 7. Л. 28; НА РК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 2/17. Л. 84-87.

[30] ГААО. Ф. 301. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 9 Об.

[31] Характерная резолюция // Север. 1918. 24 февраля. С. 3.

[32] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 19.

[33] *Трошина Т.И.* Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 193–201.

РОССИЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ БЕДЫ (ПО ДНЕВНИКАМ М.М. ПРИШВИНА)

В.Г. Хорос

М.М. Пришвин – особое явление в русской литературе. Его дар прозаика был облагорожен сильным поэтическим чувством, склонностью к философским размышлениям и социальным обобщениям. Многие воспринимают его только как певца природы, рассказчика-охотника. На это его вторая жена, В.Д. Лиорко заметила, что на самом деле он был «охотник за собственной душой». Это особенно проявилось в его дневниках, которые он – и в этом также его уникальность – вел почти без перерыва в течение полувека. Долгое время они были неизвестны, и полное издание их (17 объемистых томов) заканчивается только сейчас. Нечего и говорить, какой это ценнейший источниковедческий материал для историка, в том числе в плане изучения российского крестьянства[1]. Ведь писатель всю жизнь провел в основном в деревне, включая годы Первой мировой войны, революции, Гражданской войны, коллективизации и так далее. В данной статье нас будет интересовать главным образом период 1914-1917 гг. – тяжелое, суровое время в истории России.

В 1914-1916 гг. в дневниках Пришвина больше военной тематики – он несколько раз выезжает на фронты в качестве газетного корреспондента. Тем не менее, живя летом в деревне Новгородской губернии, он подмечает тревожащие его перемены в умонастроении и поведении крестьянства – например, «как легко простой народ расстается с религией»[2].

Весной 1917 г. Пришвин приезжает к себе на родину в деревню Хрущево близ г. Ельца, где находилось небольшое имение его матери. Он имеет мандат делегата Временного комитета Государственной думы по Орловской губернии и

должен был сообщать «в центр» свои впечатления. Впечатления были весьма нерадостные.

«Клич, изо дня в день растущий в народе..., – записывает он 15 мая, – не доверяйте людям образованным, интеллигентам, студентам!». Несколькими днями позже: «рожи, такие рожи обступают со всех сторон, и чувствуете, что вы не в народе, а в глубоком овраге... и каждый овражий человек видит один только свой овраг, а говорит так, будто видит он всю землю»[3].

Пришвин подробно описывает ситуацию, когда две деревни близ Хрущево, Шибаевка и Кибаевка, перессорились в борьбе за захват пришвинского имения. Последнее никак нельзя было считать помещичьим хозяйством – оно было небольшим (16 га), бóльшую часть его занимал плодовый сад – детище его матери; в имении практически не было наемных работников. Тем не менее, оно стало вожделенной целью для обеих деревень. В одной из них выбрали в местный совет уголовников. «Кому уголовные, а нам хороши», – объяснили крестьяне из Кибаевки. «Я убедился, – констатирует Пришвин, – что это явление в нашем краю всеобщее»[4].

Таким образом, весной и летом 1917 г. писатель застает сельскую провинцию в «напряженном состоянии раздора»[5]. Воцаряется анархия, всеобщее размежевание и разграбление. «Бабы налетают как осы: тащат что можно – посаженный лук, сено, инструмент и т.д.»[6]. Но «попытки остановить крестьян от междоусобного дележа и предложить им общественную запашку... разбивались о глубоко буржуазную природу сельского пролетария. Такой человек только на митингах... признает, что земля “ничья”, у себя в деревне он говорит: “Земля моя”, и характерно, что крестьянина даже соседней деревни называет “чужестранным”»[7].

Поэтому лозунг «черного передела» («земля ничья, берите!») отнюдь не ведет к социализму. «Наши красные министры понятия не имеют, как мало тут пахнет социализмом и какое во всем этом деле совершается насилие»[8]. В то время сторонник эсеровской земельной программы (впоследствии перехваченной большевиками), Пришвин грустно иронизирует

над самим собой: «С мечтой социализма Земли и Воли я распят на кресте моей собственности»[9].

Такие разборки и захваты были контрпродуктивны не только с социальной, но и просто с хозяйственной точки зрения. В дневнике рассказывается, как без нужды дробят земельные участки, даже ценные – например, клеверные поля в культурных имениях. «У крестьян от дележа помещичьей земли прибавилось по восьминнику (1/4 десятины), но ссор, обид через этот дележ вышло столько, что восьминнику этому не радуются, зла явно больше, чем добра»[10]. Недалеко от обиталища писателя уничтожили лесок, который был на овраге и охранял местность от размывания (что важно вроде бы всем). Но «люди, не воспитанные чувством собственности, не могли охранять собственность общественную»[11] (запись 3 августа). «Кому сейчас на Руси жить хорошо?» – спрашивает Пришвин, и сам же отвечает: «У кого никакого дела с землей нет»[12].

Пришвин пытается определить общий вектор этой междоусобицы – против кого в конечном счете она направлена? Иногда ему кажется, что «революция... уперлась в одно-единственное чувство злобы к имущим классам»[13] (запись 18 августа). Вместе с тем он видит, что хотя грабят помещиков, но «грабят друг друга еще больше»[14]. Идет поистине «война всех против всех». Несколькими годами позже, будучи уже в другом регионе (в Смоленской губернии), Пришвин выразительно определяет это состояние тогдашней деревенской жизни как «мешок злобно стукающих друг о друга костей».

Пришвин видит связь между этой взаимной войной в российском обществе и продолжающейся мировой войной, печальные последствия которой для России были не только материальные, но и нравственно-психологические. «...Немец и война обращаются внутрь, война гражданская», – записывает он 20 мая[15]. Процесс идет по нарастающей. «От немца-германца перешли к немцу внутреннему – царю, помещику, капиталисту, теперь переходят к соседу, у которого не одна, а две лошади... Последний этап этого процесса, когда сознают, что немец-враг – в душе отдельного

человека: враг внутри меня самого – тогда начнется расцвет революции» (20 июня)[16].

И еще позже: «Сначала вражда к внешнему врагу, потом к внутреннему, сначала между государствами, потом между партиями в государстве, потом в семье, и так восстал брат на брата (22 июля)[17]. Атмосфера войны распространяется как пожар – она порождает смуту, революцию и гражданскую конфронтацию.

Кто же является субъектом этого процесса, его зачинателем и распространителем, носителем общественной смуты? В дневнике Пришвина вырисовываются три категории.

Во-первых, бедняки, социальные низы. «Воры весь день тащат из леса все, и караульщик им слова не скажи. Обида выходит великая, и во всем виноваты безлошадные и бескоровные, время такое: надавали им векселей царства небесного на Земле, вот они и радуются»[18].

Во-вторых, те, кто их направляет и агитирует. «Ураганом промчались по нашей местности речи людей, которые называли себя большевиками..., призывая наших мирных крестьян к захватам, насилиям, значит к немедленной резне деревень между собой»[19].

В-третьих, многочисленная категория людей, которых писатель никак не определяет, но которые ошеломляют его своей непредсказуемостью, агрессивностью и бескультурьем. «Новое смутное время, – пишет он, – в котором не один, не две, а тысячи самозванцев обманывают, завлекают народ языком, исковерканным на иностранный лад, неизвестно куда»[20]. И этот социальный невроз передается другим. «В... анархии, которая теперь у нас водворилась, характерна претензия каждого на роль городового»[21].

Наибольшей активностью отличаются представители социальных низов, «дна» общества. Вот характерная оценка – идут выборы в земельный комитет. «За председателем у грифельной доски Мешков. Виски сжаты, лоб утюжком, глаза блуждают. Кто он такой? Да такой – вот он весь тут: ни сохи, ни бороны, ни земли».

Он представляется земельному комитету так:

«Товарищи, я девять лет назад был судим, а теперь я оправдал себя политически. По новому закону все прощается!

– Верно! – сказали в толпе.

И кто-то сказал спокойно:

– Ежели нам не избирать Мешкова, то кого нам избирать. Мешков человек весь тут: и штаны его, и рубашка, и стоптанные сапоги – все тут! Одно слово, человек-оратор, и нет у него ни лошади, ни коровы, ни сохи, ни бороны, и живет он из милости у дяди на загуменьи, а жена побирается. Не выбирайте высокого, у высокого много скота, земли, хозяйство, ему некогда, он буржуаз. Выбирайте маленького. А Мешков у нас самый маленький»[22].

Активность подобных маргиналов понятна – смута дает им шанс, и тот, кто был «ничем», может стать «всем». Но их пример заражает. «Впереди общества, – читаем мы в дневнике, – теперь бежит разрушитель и проповедует захват собственности. Он гол и ничего не боится. Его догоняют и стараются забежать вперед люди не настоящей собственности материальной, но с организованными способностями. За ними собственники мелкие, которые думали, что жили на земле вполне по разуму и по совести. За мелкими крупные»[23]. Люди выбиваются из привычного образа жизни, деятельности, усвоенных правил общежития.

Пришвин понимает, что это набирающее силу массовое настроение объясняется не просто «вздрызгом» отдельных, наиболее активных маргиналов, что вспыхнувший протест копился долго, исторически укоренен в социально-классовых контрастах дореволюционной России. Вот зарисовка на эту тему, сделанная опять-таки позже, в деревне Алексино Смоленской губернии: «Председатель ячейки Лосев ничего не работает: пьянствует, ежедневно доносит все подробности о жизни интеллигентов в Чрезвычайку. Он ... ненавидит господскую природу, чует ее как собака, и вы можете ничего не сказать, ничего не касаться, он только увидит вас и возненавидит, скажет: «Природа его такая»[24].

Еще более выпукло социально-классовая подоплека массового протестного движения крестьянства проступает на

страницах пришвинского дневника в 1926 г., когда он жил в деревне Ярославской губернии (близ Переславль-Залесского). Тамошний крестьянин Агафон Тимофеевич, вспоминая свои солдатские годы, рассказывает писателю, как весной 1917 г. они расстреливали или «прикалывали» дворян-офицеров.

«Агафон Тимофеевич, – сказал я, – за что же всех-то, как это понять?

Это отмщение, – ответил Агафон, – мучили нас они, вот и отмщение»[25].

Но этот массовый протест выражается в социально-непродуктивных формах, вырождается в тотальное озлобление, в результате чего «сила общего духа падает, и нравственность понижается до последней степени»[26]. В людях растет какое-то ожесточение, озверение. Во время одной из карательных акций в Ельце, а проще говоря самосудов, «виновных», то есть тех, кто попал в «проскрипционные списки», избивали «с азиатской жестокостью» – вели по улицам босыми, вокруг них «плясали со свистом и диким пением». В истязаниях принимали участие женщины, голосившие «с неистовым визгом»[27].

Пришвин дает подобным эпизодам саркастический комментарий. «Скажут, что это “переходное время”, но всякое время есть переходное, правильнее было бы сказать, что это переходное время от обезьяны к человеку: мы теперь видим своими глазами, что человек действительно произошел от обезьяны»[28].

Писатель задумывается о дальнейшей судьбе русского народа, о том, остался ли, собственно, сам народ. Уже вернувшись в сентябре 1917 г. в Петербург, он записывает в дневнике: «Вы идете по России и видите везде опустевших озлобленных людей с расщепленной душой и спрашиваете себя: где же народ?»[29]. Он вспоминает свою беседу с А.М. Горьким, который пенял ему: «А я что вам говорил, ... какой испорченный наш народ, вы же о нем судили по Достоевскому». Пришвин с ним не соглашается: «Это

неправда: всеми этими материалистами, марксистами поднята только одна враждующая Русь, озлобленная, темная»[30].

Но порой автора дневника охватывает настоящее отчаяние. «Разбежались министры. Бегут части государства – отрываются клоками. Разделяются деревни и села, соседи, члены семьи – все в какой-то напряженной тяготе и злобе. Россия погибает. Боже мой, да ее уже и нет, разве Россия эта с чувством христианского всепрощения, эта страна со сказочными пространствами, с богатствами неизмеримыми. Разве это Россия, в которых священник не служит обедню, потому что нигде не может достать для совершения таинств красного вина? Ее уже нет, она уже кончилась»[31].

И – оправдавшийся прогноз, сделанный еще в июле 1917 г.: «Неизбежна диктатура самая жестокая, и ее ждут почти с наслаждением»[32].

***

Пришвин записывал свои впечатления, что называется, «по свежу», понимая историческую знаковость происходящего и стараясь не упустить важных деталей. Он потом не раз возвращался к виденному и слышанному в те годы. Вместе с тем он не ставил перед собой задачу социологически или политически обобщить свои наблюдения. Он оставался писателем, художником. Между тем материалы его дневников развертывают выразительную картину пережитого времени и дают основу для выводов историка или социолога. И я попробую это сделать в рамках определенной авторской концепции.

Те социальные и психологические настроения, с которыми столкнулся Пришвин в лихие годы войны и революции, не были, что называется, исторической импровизацией и имели свою предысторию.

Через двадцать лет после отмены крепостного права, в начале 80-х гг. XIX в., в демократическом русском журнале «Отечественные записки» стали появляться очерки известного писателя Г.И. Успенского о крестьянстве и крестьянском труде. Успенский по своим взглядам был

близок к народникам. Наблюдая жизнь русской деревни, он искал в ней подтверждения народнических идей об общинной, коллективистской природе русского крестьянина. С любовью описывал Успенский «непрерывный труд» сельского жителя, как бы «вплетенный в химический процесс жизни». И хотя писатель видел, что мир крестьянина очень узок (не стремится к образованию, не приемлет нововведений, привык подчиняться «господам»), он любовался своеобразной цельностью этого мира, «поэзией земледельческого труда», в основе которой он усматривал «власть земли», тягу и любовь к ней. «Оторвите крестьянина от земли, от тех забот, которые она налагает на него, от тех интересов, которыми она волнует крестьянина... – писал Успенский, – и нет этого народа, нет народного миросозерцания, нет тепла, которое идет от него. Остается один пустой аппарат пустого человеческого организма»[33].

Но как раз «отрыв» крестьянства от земли и происходил. В центре очерков Успенского – типичный средний крестьянин Иван Ермолаевич, ведущий натуральное (или полунатуральное) хозяйство. Таким крестьянам после реформы становилось все труднее и труднее. Их участки уменьшились, налоги и выкупные платежи были велики, а за их неуплату полагалось оскорбительное для человеческого достоинства телесное наказание. В поисках денег Иваны Ермолаевичи вынуждены были уходить в город на заработки, а также дешево продавать продукты своего труда. Этим пользовались местные ростовщики и перекупщики, а также жители близлежащих к городу деревень. В погоне за легким заработком (скажем, снабжать продовольствием богатых людей в городе, организовывать им охоту на местных угодьях и т.д.) они не стеснялись грабить своего же брата крестьянина. Деньги любой ценой – этот принцип все более утверждался в русской деревне.

Иваны Ермолаевичи были не готовы к этой ситуации. Они не имели навыков торговли и предпринимательства. Да и сами условия, в которые они были поставлены после реформы, препятствовали превращению их в фермеров

коммерческого типа. Крестьянский уклад жизни стремительно разрушался «под ударом рубля». Средний скромный работящий крестьянин все более уступал место другим персонажам – либо «мироеду», примитивному эксплуататору-хищнику, либо (что было гораздо чаще) безземельному бедняку, поденщику, нищему.

Последнее обстоятельство особенно тревожило Успенского. Он утверждал: поскольку капитализм в России развивается не в интересах крестьянства, а за его счет, дальнейшее обеднение деревни неизбежно. В России будет расти «четвертое сословие» – сельский пролетариат. Иван Ермолаевич превратится в «злого мужика», который устанет бороться с обстоятельствами, забросит свое хозяйство, будет пьянствовать и ненавидеть весь мир за то, что ему не оказалось в нем места. России угрожает, как метко выразился писатель, «сердитое нищенство»[34].

Успенский описывал процессы, типичные для периода запоздалой модернизации в отставшей по своему развитию стране. Характерным признаком этих процессов является диспропорциональность развития, отставание деревни от города, рассогласованность индустриализации и урбанизации, промышленного и аграрного секторов хозяйства. Россия была первой страной, где эти противоречия выступили столь наглядно и в массовом масштабе. К концу XIX в. пятая часть крестьянства оказалась безземельной. Примерно столько же (если не больше) крестьян были малоземельными. Обедневшие сельские жители, но далеко не все из них, подавались в город. Но далеко не все них могли найти там работу. Индустриализация России происходила на такой стадии, когда промышленные предприятия были уже в достаточной степени механизированы и потому не могли поглотить весь трудовой контингент, освобождающийся из деревни. Мигранты перебивались случайными заработками, постепенно опускались, становились бродягами и нищими. Через пятнадцать–двадцать лет после появления очерков Успенского «сердитое нищенство» в России стало реальностью. Оно начало перекочевывать из деревни в город.

Тогда в русской литературе и журналистике появляется тема «босячества» как массового явления общественной жизни. Из этой литературы наиболее известны произведения Горького. В молодости писатель сам вел бродячую жизнь и списывал «босяков» прямо с натуры. Его герои – это люди, заплутавшиеся в жизни, не получившие минимального образования, не имеющие постоянной профессии. Они переходят с места на место, часто меняют работу, просят милостыню или занимаются воровством.

Единственная отрада в их жизни – пьянство. Они уже смирились с такой жизнью, привыкли к ней и даже гордятся своей «свободой». Труд они презирают. «Ежели людей по работе ценить, тогда лошадь лучше всякого человека», – говорит один из персонажей.

Для сознания этих людей характерна потеря нормальных жизненных ориентаций. Они не видят смысла ни в своей жизни, ни в жизни других людей. В глубине души они чувствуют себя глубоко ущемленными. «Меня однажды обидели – и на всю жизнь сразу», – признается другой горьковский герой. И от этого у них постепенно накапливается ненависть ко всему окружающему, жажда разрушения. Она прорывается, например, в таких пьяных речах: «...хочется мне отличиться на чем-нибудь... Раздробить бы всю землю в пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всех людей и плюнуть на них с высоты... И сказать им: “Ах вы, гады! Зачем живете? Как живете? Жулье вы лицемерное и больше ничего!”. А потом вниз тормашками с высоты – и вдребезги!.. Противно все – города, деревни, люди разных калибров... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать нельзя? Все друг на друга... так бы всех и передушил!»[35].

Многие горьковские «босяки» были выходцами из крестьян. Но не только. Среди них встречаются и бывшие дворяне, и бывшие купцы, и рабочие, и интеллигенты. В пьесе Горького «На дне», написанной в начале XX в., среда «потерянных людей» включает практически все слои населения тогдашней России.

Литература о «босячестве» вызвала большой резонанс в общественном мнении. Наиболее значительным из откликов была статья писателя и философа Д.С. Мережковского «Грядущий хам». Мережковский указывал на причины появления «босячества» в России, связанные с процессом быстрого разрушения прежних общественных ценностей, прежде всего религиозных. Он подчеркивал, что деградация человека, превращение его в бродягу или нищего («внешнее босячество») начинается с «босячества внутреннего» – нигилизма, отрицания всего того, что служит нормами отношений людей в обществе.

Мережковский писал свою статью в период революции 1905 г., когда городские и сельские низы оказались «горючим материалом» для самых различных конфликтов – вооруженных столкновений революционеров с властью, поджогов помещичьих имений, еврейских погромов, которые организовывались так называемым «Союзом русского народа» (или «Черной сотней»). «О босяке никогда нельзя знать, – отмечал Мережковский, – да и он сам не знает сегодня, что с ним будет завтра и кем он окажется, случайным ли союзником русской интеллигенции или патриотическим героем черной сотни, избивающей эту же самую интеллигенцию»[36].

«Босячество» – это, конечно же, образный, условный термин. Общественный слой, о котором идет речь, можно назвать *социально-культурным люмпенством*. Для социолога люмпен – это прежде всего социальная категория: деклассированный элемент, бедняк, нищий и т.п. На мой взгляд, важно еще видеть люмпена как результат культурного «обескоренения» – выпадения из системы ценностей, существующих классовых, сословных или групповых структур, которые давали человеку не только фиксированный социальный статус, но и определенную культурную ориентацию. «Обескоренение» оказывается негативным процессом, ибо не сопровождается укоренением в новых структурах (буржуазного общества), в новой (современной) системе ценностей. «Обескоренение» и приводит к тому «внутреннему босячеству», о котором писал Мережковский.

В принципе, подобные кризисные явления, ломка общественных институтов и ценностей в той или иной мере происходили во всех странах в период модернизации, даже в странах Запада. Например, в Англии XVIII в. промышленный переворот встретил сопротивление некоторых социальных слоев – мелких арендаторов, батраков, фригольдеров и др. Достаточно вспомнить, например, движение луддитов. Но эти процессы в Англии и других европейских странах не имели очень серьезных последствий. Во-первых, потому, что бунт социальных низов был направлен на защиту прежних обычаев, традиций. Иначе говоря, те, кто протестовал против новой, современной культуры, не выпадали из культуры вообще. Во-вторых, капитализм в европейском регионе развивался достаточно успешно и сравнительно быстро смог ассимилировать недовольных в новые общественные структуры.

В странах запоздалого развития переходный период буржуазной модернизации сопровождается более масштабными общественными конфликтами. Люмпенские или маргинальные слои выпадают здесь «в осадок» гораздо более интенсивно. Один из видных политических деятелей в России начала XX в., лидер партии социалистов-революционеров В.М. Чернов писал о том, что в течение нескольких десятилетий своего существования русский капитализм создал не только и не столько кадры организованного пролетариата, сколько громадную «резервную армию труда, вырождающуюся в люмпен-пролетариат, в пестрый винегрет деклассированных элементов»[37].

Но отличие от европейских условий состояло не только в масштабах деклассирования. В пореформенной России происходило не просто столкновение традиционной и современной культур, но именно культурное «обескоренение», то есть разрушение прежних ценностей без прочного утверждения новых ценностей и институтов.

Уже к началу XX в. люмпенские элементы в различных слоях населения составляли немалую долю. Но их удельный вес значительно увеличился в последующие два десятилетия –

в период трех революций, мировой, а затем гражданской войны. Все эти события разрушали привычный уклад жизни, приводили к громадным потрясениям для общества – хозяйственным, политическим и моральным. Миллионы людей гибли на фронтах мировой войны или возвращались искалеченными и духовно опустошенными. Механизм национальной экономики, и без того не имевшей большого запаса прочности, был серьезно подорван. Остро не хватало продовольствия и повседневных товаров. Закрывались предприятия, оставляя людей на произвол судьбы. В этой обстановке люди теряли нормальные жизненные ориентации, профессиональные навыки, элементарную этику поведения. Они переставали подчиняться какой-либо власти, нарушали законы, захватывали чужую собственность, легко впадали в агрессию и поддавались демагогической агитации. На этом фоне и произошли революционные события 1917 г.

Известный русский писатель И.А. Бунин вел в это время дневник, где оценивал события глазами очевидца. Его, как и Пришвина и многих других образованных людей в России, поразили тогда хаос, разгул насилия и моральное падение в обществе. Бунин сравнивал происходящее со Смутным временем три века назад и с горечью отмечал присущую издавна многим русским людям «охоту к разбойничьей вольной жизни, которой снова охвачены теперь сотни тысяч отбившихся, отвыкших от дому, от работы и всячески развращенных людей»[38]. Это наблюдение подтверждало ту особенность русской истории, которую фиксировали многие историки: периодические катастрофы общества, где по ряду причин не сложилась достаточно прочная традиционная культура. Какие-либо серьезные испытания или глубокие изменения для такого общества постоянно создавали угрозу крупного срыва массового сознания. На этот раз срыв зашел особенно далеко.

***

У данных процессов есть и своя идеологическая предыстория. В российской интеллигентской мысли

постепенно складывается течение, которое прямо и сознательно идет навстречу «обескорененным» плебейским низам. Отсчет можно начать с М.А. Бакунина. Потомок аристократического дворянского рода, он порвал со своим классом и вел бродячую жизнь революционного агитатора. Он эмигрировал в Европу, принимал участие в революции 1848 г., затем был выдан царскому правительству, бежал из ссылки и в конце жизни стал одним из основателей I Интернационала и международного анархизма. Собственную страну он рассматривал как один из главных полигонов для своих революционных проектов, потому что, по его словам, в отличие от «филистерской», «мещанской» Европы в России существовал «разбойный мир» – масса обездоленных людей, готовых к беспощадному бунту. «Бунтовской элемент» Бакунин усматривал не только в социальных низах, но и в образованной молодежи, три четверти которой «лишены всякого положения, всякой карьеры... Семинаристы, крестьянские и мещанские дети, дети мелких чиновников и разоренных дворян, ну да что говорить... вот наш генеральный штаб, вот материал, драгоценный для тайной организации»[39].

В русской интеллигенции действительно было много выходцев из малообеспеченных слоев, что сближало их с социальными низами. Их революционные настроения по многом питались чувством личной ущемленности, стремлением к мести, отрицанием всего и вся. Не случайно в 1860-е гг. в среде радикально мыслящей молодежи возникло течение нигилизма, то есть отвержения всех общепринятых ценностей. Герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Е. Базаров говорил, что прежде чем создать новое, справедливое общество, надо сначала «место расчистить». В этом смысле нигилисты вполне могли подписаться под основным принципом бакунинского анархизма: «страсть к разрушению есть творческая страсть». Нигилизм в России был своеобразным, на интеллигентском уровне, проявлением культурной «обескорененности».

Одним из наиболее видных последователей Бакунина в России стал недоучившийся студент С.Г. Нечаев. Он организовал в Москве тайное общество «Народная расправа», связался с революционной эмиграцией (М.А. Бакуниным, Н.П. Огаревым), заручился их поддержкой, издавал на их средства нелегальные издания и переправлял их в Россию. Целью «Народной расправы» была организация восстания против царской власти, в котором главной ударной силой должны были стать социальные низы.

План этот остался лишь на бумаге – небольшая нечаевская организация была быстро обнаружена полицией и в 1871 г. предстала перед судом. На этом судебном процессе – первом открытом политическом процессе в России – стали известны методы деятельности Нечаева, которые поразили тогда многих современников. По материалам процесса знаменитый русский писатель Ф.М. Достоевский написал роман «Бесы».

Нечаев действовал исключительно безнравственными способами. Обманом, шантажом и угрозами он вербовал в свою организацию членов, готовился выпускать фальшивые деньги, грабить банки для добывания средств «на дело революции». Он вел себя как абсолютный диктатор, его организация строилась по принципу слепого подчинения. За несогласие со своими взглядами он и несколько его сообщников убили студента Иванова.

Такие методы революционной деятельности Нечаев обосновал в специальном документе под названием «Катехизис революционера». В нем говорилось, что ради «освобождения народа, то есть чернорабочего люда», надлежит «разрушить это поганое общество». Для этого годятся любые средства – мистификация, насилие, подложные документы и т.д., причем даже товарищам по организации для возбуждения их энергии разрешалось «объяснять сущность дела в превратном виде». Революционер объявлялся человеком «обреченным», отдавшим всего себя на борьбу «с проклятым миром». Он должен был разорвать всякую связь с законами этого мира, нравственностью,

культурой и наукой, дабы усвоить «только одну науку – науку истребления и разрушения»[40].

Фигура Нечаева показательна как классический образец люмпен-интеллигентской идеологии, для которой характерны антиинтеллектуализм, безнравственность, жажда разрушения, ориентация на социальные низы. Близок к Нечаеву был другой теоретик революционного радикализма той эпохи – П.Н. Ткачев. Он доказывал необходимость насилия не только над эксплуататорами народа, но и над самим народом, во имя которого совершается революция. Ибо «единственно только силою» можно заставить темные массы «перестраивать свою жизнь сообразно... с идеалом наилучшего и наисправедливейшего общежития»[41].

Как же себе представляли люмпен-революционеры позитивный идеал «наилучшего и наисправедливейшего» общества? Вот нечаевская статья «Главные основы будущего общественного строя». Тотчас же по низвержении эксплуататорской власти, говорится в ней, революционеры объявляют все общественной собственностью. Организуются общественные мастерские (артели), общественные столовые, общественные дома, общественные средства сообщения. Этот образ жизни практически обязателен для всех. Каждая артель выбирает «оценщика», который регистрирует и регулирует производство и потребление ее членов. Все определяет и распределяет единая власть – некий «Комитет». Физическим трудом обязаны заниматься все, кроме управленческого аппарата, а также ученых и артистов. Но последние должны получить специальное разрешение от «Комитета» на свою деятельность. Дети воспитываются в особых трудовых школах. Основной принцип для всех: «производить для общества как можно больше и потреблять как можно меньше»[42].

Перед нами типичный продукт «казарменного коммунизма», максимально уравнительского упрощения общественной жизни. Нечаев и ему подобные в России не были здесь первооткрывателями. Сходные идеи проповедовали раньше Т. Мор, Т. Кампанелла, В. Консидеран

и др. Конечно, «казарменный коммунизм» не исчерпывает всей истории социализма, но является ее характерной составной частью. Идеология данного типа имеет несомненную связь с массовым «обескорененным» сознанием, с люмпенской психологией. Идеи такого рода, как правило, возникают и имеют хождение в кризисные периоды исторической эволюции, когда в обществе происходят крупные изменения и катаклизмы, в результате которых появляются массы дезориентированных и деклассированных людей. На них и рассчитана «казарменная» идеология.

Нечаев и Ткачев принадлежали к домарксистскому поколению русских революционеров. Казалось бы, марксизм с его ориентацией на научный социализм» должен был бы дистанцироваться от подобных идей.

Действительно, К. Маркс и Ф. Энгельс выступили с критикой «казарменного коммунизма» Нечаева. Тем не менее марксистская идеология не была свободна от элементов уравнительства и «казарменности». Известно, что молодой Маркс понимал пролетариат не как сферу организованного индустриального труда, но как продукт разложения общества, как страдающие социальные низы. Одно время Маркс был близок с В. Вейтлингом, для которого социализм означал ликвидацию рынка, денег, общинно-цеховую организацию производства и военную дисциплину. И хотя позднее Маркс отмежевался от «казарменного коммунизма», но некоторые сходные идеи в марксистской идеологии закрепились – негативное отношение к частной собственности, примат государства над обществом, культ «рабочего человека», представителя физического труда, коммунизм как отрицание всей предшествующей истории и культуры и др.

Эти тенденции, которые в европейском марксизме были относительно приглушенными, получили значительно более широкое развитие у последователей Маркса в более отсталых странах. Это с полной очевидностью проявилось в России после 1917 г.

***

Теперь попробуем воссоздать некоторый обобщенный образ ментальности человека, который оказывается отделенным от привычной ему окружающей жизненной среды, как бы выпадает из общества и культуры. Что происходит при этом с его сознанием?

У известного русского писателя первой половины XX в. М.А. Булгакова есть повесть «Собачье сердце». В ее основу положен фантастический сюжет. Профессор Преображенский провел необычную операцию: он вживил гипофиз убитого в драке хулигана в организм бродячей собаки по кличке Шарик. В результате получается гибрид, человеко-пес с душой убитого хулигана, которому профессор дает фамилию Шариков. Гибрид начинает вести себя отвратительно: грубит профессору, пытается выселить его из квартиры, изнасиловать горничную. Одновременно он вступает в контакт с коммунистом, который учит его примитивному марксизму, и ученик очень быстро усваивает принцип «отнимать и делить». Профессор в ужасе решает прервать жизнь Шарикова, восстанавливает в нем гипофиз животного и превращает его опять в добродушную бродячую собаку.

Такие, как Шариков, – это, конечно, крайний случай примитивизма и моральной деградации, тем более сгущенный художественным воображением писателя. Но в нем схвачены некоторые типические черты поведения человека, «освободившегося» от культуры. Что это реально означает? Для человека теряют значение основные ценности, нормы и стимулы поведения, регулирующие отношения людей в обществе. Он отвергает (или забывает) то, чему его учили в детстве родные и окружающие. Он теряет связи с ними, иногда сознательно отказывается от своих родных, от своего прошлого, не любит вспоминать об этом. Он становится человеком «ниоткуда», идущим в «никуда».

В таком человеке разлаживаются нормальные механизмы воспроизводства собственного существования – начиная от элементарной бытовой дисциплины и кончая мотивациями к труду. Он не любит работать, теряет

профессиональные навыки, которые включают не только техническое умение, но и определенный кодекс чести (работать качественно, получать вознаграждение, соответствующее затраченным усилиям и результату). Он хочет получать, не отдавая. Реально он способен лишь на неквалифицированный или малоквалифицированный труд. Поэтому он либо халтурщик в работе, только изображающий деятельность; либо человек, работающий нерегулярно ради минимального заработка; либо того хуже – попрошайка, вор или грабитель.

Не работая, человек с психологией люмпена или маргинала остро ненавидит тех, кто нормально трудится и трудом создает свое благосостояние. У него патологическое неприятие всякой собственности. В его глазах любое богатство не должно принадлежать кому-либо, оно может быть только объектом дележа. Уравнительное распределение – вот что должно, по его мнению, быть правилом общественных отношений и социальной справедливости. И в таком подходе есть своеобразная логика. Тот, кто не в состоянии обеспечить себя, должен стремиться жить за счет других – неважно, каким путем это достигается.

Склонность к уравнительству у носителя «обескорененного» сознания проявляется не только в отношении материальных благ, но и ко всему – вкусам, стереотипам поведения, образу жизни. Маргинал не приемлет никакого разнообразия, отличающегося от его скудного и ограниченного существования. Он ненавидит любые проявления образованности и культуры. По своему развитию он находится где-то на уровне подростка, и этот инфантилизм сопровождает его всю жизнь. Он не имеет целей, не способен планировать и элементарно организовать свою жизнь, лишен чувства ответственности. Как ребенок, который ломает игрушки, если они ему не нравятся, человек с люмпенской психологией готов портить и разрушать все, что не укладывается в его восприятие – произведения искусства, красивые вещи, сложную технику, городские скверы и т.п.

Наша ментальность складывается во взаимодействии собственно сознания и сферы бессознательного. Сознание формируется культурой. Это система определенных ценностей, предписаний и установок, в явной или неявной форме определяющих нашу деятельность. Подсознательное – это психические процессы, которые возникают и протекают как бы спонтанно, безотчетно (различные эмоции, аффекты, сновидения и пр.). У нормального человека сознание в целом контролирует сферу бессознательного. З. Фрейд сравнил сознание и подсознание с всадником и лошадью. Если всадник крепко сидит в седле, лошадь ему подчиняется. Если же лошадь перестает ощущать управление, она может сбросить всадника.

Вряд ли мы можем сегодня утверждать, что хорошо научились анализировать наше бессознательное, хотя этим занималось несколько поколений теоретиков и практикой психоанализа (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм и др.). Кстати сказать, психоаналитики не рассматривали специально случай культурной дезориентации и «обескорененности». Во всяком случае, ясно, что в сфере бессознательного действуют различные инстинкты – половой инстинкт, инстинкт самосохранения, удовлетворения тех или иных потребностей, инстинкт (или соблазн) присвоения и др. Беспорядочное проявление инстинктов сдерживается и направляется сознанием, культурой. При ослаблении культурных регуляторов инстинкты выходят наружу. «Что нам ум! – говорит один из люмпенских персонажей романа замечательного русского писателя А.П. Платонова «Чевенгур». – Мы хотим жить по желанию...»[43].

Но если «желание» противоречит социокультурным порядкам, сложившимся в обществе, надо удовлетворить его силой. Культ силы – ив смысле применения ее, и в смысле подчинения ей – чрезвычайно характерен для люмпенского сознания. Наиболее наглядный пример иерархии отношений в среде маргиналов – атмосфера воровской шайки. Не случайно социологи и филологи отмечают, что в обществах, где налицо признаки культурного распада и появление

значительного количества маргинальных элементов, происходит «люмпенизация языка», насыщение его выражениями из уголовной среды[44].

Вместе с тем было бы упрощением считать, что ментальность люмпена или маргинала полностью «освобождается» от культуры. Культурные ценности или стереотипы поведения содержатся не только в сознании, но и в слое бессознательного, накапливаясь там в течение тысячелетий передачи культурного опыта. Но все дело в том, что в психологии люмпена они не образуют определенной системы, беспорядочно перемешаны и потому не могут быть для него устойчивыми ориентирами в жизни. Поэтому в сознании и поведении люмпена могут сочетаться самые разные элементы. Отрицая религию и религиозные ценности, он вместе с тем склонен к самым фантастическим суевериям, вере в «чудеса». Цинизм и презрение к окружающим могут сочетаться с крайним фанатизмом. Наряду с глубоким эгоизмом и индивидуализмом ему вполне присущи стадное чувство, готовность «быть, как все». Ненавидя культуру и образованность, он в то же время не прочь нахвататься каких-то знаний и щеголять ими.

Один из классиков социологии, французский ученый Э. Дюркгейм ввел понятие «аномия» (от франц. anomie – беззаконность, безнормность). Данную категорию разрабатывали также американские социологи Т. Парсонс и Р. Мертон, английский ученый А. Хаурани. Аномия – это состояние «потерянного» сознания маргинальной личности, не вписывающейся в процесс смены культур в эпоху модернизации, перехода от традиционных отношений к современным. Маргинал, социально-культурный люмпен, живет как бы в двух или более мирах, не принадлежа ни к одному из них. Он принимает лишь внешние формы общественных порядков (если принимает их вообще), но не понимает их внутреннего смысла, не имеет собственной системы ценностей, в лучшем случае может лишь имитировать чужую, даже не имитировать правильно[45]. Он лишен прочных культурных корней в окружающей среде –

в своей деревне, в своем городе, в своем государстве, в своем этносе. Поэтому у него нет подлинной индивидуальности, чувства собственной личности. Он становится человеком толпы, легко подверженным различным внушениям и политическому манипулированию.

Люмпенское сознание может захватывать человека в разной степени – глубоко или частично. Бывает, если можно так выразиться, временная люмпенизация, своеобразное «помутнение» сознания на некоторый срок, вызванное резким изменением во внешнем окружении, социальными катаклизмами, катастрофическими событиями и пр., хотя до этого человек вел более или менее нормальную жизнь и вполне вписывался в ткань общества. Этот случай мы можем встретить и в дневнике Пришвина 1917 г., когда он летом жил на своей родине и многих знал прежде не один год. И для него было «жутко и смешно наблюдать», как меняются «черты знакомого с детства мужика Ивана, Петра, Сидора...»[46].

***

В данной статье процесс люмпенизации рассматривался применительно к эпохе модернизации, ломки традиционного и становления индустриального общества. Россия второй половины XIX и начала XX вв. являет собой пример исторически запоздавшей (сравнительно с ареалом Запада) модернизации, что чревато различного рода катаклизмами – социальными дисбалансами, войнами и гражданскими смутами. Эта ситуация и становится питательной почвой для возникновения и разрастания социокультурного люмпенства.

Вместе с тем феномен люмпенства может получить распространение не только в процессе модернизации. И в рамках традиционного общества возможны периоды различного рода турбуленций и смут (войны, нашествия, внутренние раздоры), когда рутинное течение жизни серьезно и надолго нарушается, и общество подвергается деструктивным тенденциям, своего рода социокультурной лихорадке.

Так было, например, в Европе в период религиозных войн XVI – XVII в., в России в период Смуты конца XVI – начала XVII вв., в Китае во времена циклических потрясений и крестьянских восстаний древности и средневековья.

Не застрахованы от различного рода потрясений и наши, условно говоря, постиндустриальные времена, чему мы являемся свидетелями и сегодня.

Феномен люмпенства после 1917 г. перекочевал в советскую историю. Более того, он даже силился, поскольку в годы революции и гражданской войны массив «потерянных людей» и маргинальных элементов возрос. Эти процессы нашли отражение и в дневниках М.М. Пришвина.

Для советской власти маргинализация населения превратилась в большую проблему. Оседлав в революции люмпенскую волну и используя ее как таран для подавления имущих классов, большевики затем были вынуждены «сдать назад», дисциплинировать разнородных маргиналов, частично подавить, частично включить в общество.

Так или иначе, социально-культурное люмпенство имело различные проявления в советский период[47]. Но это уже другая тема, заслуживающая отдельного разговора.

Библиография

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). С. 81–83.

[2] *Пришвин М. М.* Дневники. 1914-1917. М., 1991. С. 124.

[3] Там же. С. 290.

[4] Там же. С. 290.

[5] Там же. С. 291.

[6] Там же. С. 305.

[7] Там же. С.316.

[8] Там же. С. 296.

[9] Там же. С. 293.

[10] Там же. С. 320.

[11] Там же. С. 343.

[12] Там же. С. 321.

[13] Там же. С. 353.

[14] Там же. С. 327.
[15] Там же. С. 293.
[16] Там же. С. 314.
[17] Там же. С. 336.
[18] Там же. С. 357.
[19] Там же. С. 296.
[20] Там же. С. 357.
[21] Там же. С. 296.
[22] Там же. С. 323-324.
[23] Там же. С. 294.
[24] Там же. С. 258.
[25] Там же. С. 186.
[26] Там же. С. 315.
[27] Там же. С. 325.
[28] Там же. С. 297.
[29] Там же. С. 360.
[30] Там же. С. 307.
[31] Там же. С. 329.
[32] Там же. С. 344.
[33] *Успенский Г.И.* Собр. соч. Т. 5. М., 1956. С. 18, 116.
[34] Там же. С. 165, 96.
[35] *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 3, М., 1950. С. 176.
[36] *Мережковский Д.С.* Собр. соч. Т. XIV. М., 1914. С. 79, 74.
[37] *Чернов В.* Конструктивный социализм. Т. 1. Прага. С. 19.
[38] *Бунин И.* Окаянные дни // Даугава. 1988. № 4. С. 93.
[39] Cahiers du monde russe et sovietique. Paris, 1986. Vol. VII. P. 654.
[40] Борьба классов. Л. 1924. № 1–2. С. 268–272.
[41] *Ткачев П.Н.* Избр. труды. Т. III. М., 1933. С. 267–268.
[42] Народная расправа. [Б. м.], 1970.
[43] Дружба народов. 1988. № 4. С. 118.
[44] Знамя. 1989. №10. С. 139.
[45] Там же. С. 149.
[46] *Пришвин М. М.* Дневники. 1914-1917. М., 1991. С. 299.
[47] *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 112–117.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА КАК ФАКТОР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТРАДИЦИИ И МОДЕРНА В СОЗНАНИИ СОЛДАТСКОГО КОНТИНГЕНТА ДЕЙСТВУЮЩЕЙ РУССКОЙ АРМИИ

А.В. Чертищев

Переход от одного большого круга явлений к другому, более прогрессивному, может происходить неоднозначно: либо как постепенное, относительно предсказуемое движение, либо в результате взрывов, к которым следует отнести такие катаклизмы в истории человечества как войны и революции. Война, несмотря на все ее пагубные для человечества последствия, является мощнейшим ускорителем подобной трансформации. Она выявляет победителей и побежденных, определяет круг проблем, без успешного решения которых побежденная страна рискует вообще исчезнуть из исторического бытия.

Эту старую истину ярко сформулировал Дж.В. Дрепер в работе «История умственного развития Европы: «Война заставляет народ быстро переходить через различные фазисы своего развития. Если бы арабы как нация пользовались глубоким миром, потребовалось бы несколько тысячелетий, чтобы довести их до того умственного состояния, какое было ими достигнуто в течение одного столетия»[1].

Следует подчеркнуть, что и сама культура как сложное целое составляется из пластов различной скорости развития, на которые подобные взрывы воздействуют с различной степенью интенсивности[2].

Словно следуя правилу Дрепера, войны в Европе практически не прекращались, захватывая самые разнообразные ее территории, и состояние мира было скорее исключением для нее, а война – жестоким правилом. Непременным участником большинства военных

столкновений в этой части земного шара была Россия: из 537 лет, прошедших со времен Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, наша страна провела в боях 334 года[3].

И это вполне объяснимо. И по сей день актуальна мысль, высказанная знаменитым русским ученым Д.И. Менделеевым: «Россия – это «особая», непознанная и неосвоенная страна. Она представляет собой и цель, и средство для экономики многих стран. Еще больший интерес она будет вызывать, когда многие народы реально столкнутся с результатами своей материальной деятельности, с проблемой жизненного пространства»[4].

Эти слова остаются пророческими и в начале XXI в. А сто лет назад развязанная Первая мировая война охватила все пространство Европы, а затем – практически всего мира. На карту были поставлены судьбы всех народов Европы, а в значительной степени – и мира.

Первая мировая война, кровавая, ожесточенная, поразившая современников размахом боевых действий и ужасающим числом потерь, стала потрясением для человеческой цивилизации. Не случайно события этого военного противоборства приобрели такую грандиозность, что эхо их до сих пор звучит в окружающим нас мире.

Для России она обернулась еще и социальной катастрофой, ибо дала поколениям русский людей печальный жизненный опыт, который привел страну к революции и гражданской войне. Не случайно отечественные и зарубежные историки считают Первую мировую войну исторически корректирующей силой развития человечества в XX в., главным его событием.

В российской истории армии всегда принадлежала исключительно выдающаяся и уникальная роль. Эта роль профессионально владеющих оружием людей, имеющих к тому же опыт ведения боевых действий, неизмеримо возрастала в условиях русской «смуты». Такими военными профессионалами в полной мере можно считать офицеров и солдат действующей русской армии (как части Вооруженных

сил государства, используемой во время войны непосредственно для ведения военных действий[5]).

Преобладающей частью солдатского контингента действующей русской армии являлись крестьяне, составлявшие 3/4 населения России. Они соответственно несли и большее, как абсолютное, так и относительное, напряжение людьми как резерва пополнения Вооруженных Сил: из 15,8 млн мобилизованных в русскую армию к осени 1917 г. 12,8 млн человек были призваны из деревни, что составляло около 80% всех призванных[6].

На наш взгляд, весьма распространенным заблуждением является мнение о том, что солдаты русской армии в абсолютном большинстве своем были мобилизованными крестьянами, сознание и поведение которых определялось менталитетом российского крестьянства, попавшего в новую для себя ситуацию[7]. Истоками его следует считать непонимание существа Вооруженных Сил и изменения их сущностных характеристик в ходе эволюции: ополчение, постоянная армия, регулярная армия, кадровая армия, мобилизационная армия, профессиональная армия, постоянный и переменный состав, действующая армия, тыловые гарнизоны, ратники и т.д.

В период рекрутских наборов, когда действительная служба продолжалась от 25 до 20 лет, ее деятельность отрывала взятых рекрутов от прочей массы населения и фактически превращала всех солдат армии как бы в отдельное сословие. По закону о всеобщей воинской обязанности 1874 г. с последующими изменениями о сокращении сроков службы до 5, 4 и 3 лет, «стена, разделявшая армию от народа... рушилась, и социальная связь между ними устанавливалась чрезвычайно тесная»[8].

Уникальные возможности и реалии армейского организма хорошо представлял Л.Д. Троцкий: «Военная мобилизация механически и притом одним ударом вырвала рабочих из производственных и организационных клеток: из мастерских, профессиональных союзов, политических организаций и пр., и, перетасовав, включила их в новые,

огнем и железом спаянные клетки полков, бригад, дивизий и корпусов»[9].

Это заключение целиком и полностью следует отнести и к крестьянам. У солдат оставалось время для социальной адаптации к крестьянской традиционности, но утверждать, что это происходило со всеми и в полном объеме, по меньшей мере, неоправданно, тем более для воевавших крестьян. По нашему мнению, речь следует вести о факторах, способствующих безболезненной трансформации «человека земли» в «человека с ружьем» и ей препятствующих, а также об эволюции солдат русской армии в иные социальные слои российского социума[10].

Великие реформы второй половины XIX в. знаменовали вступление России в совершенно другую эпоху – эпоху современного общества, пронизанную молодостью. Ей были присущи и молодая непосредственность, и молодая прямолинейность, и молодая энергия. Эпоха востребовала людей деятельных, а не безликих, плывущих по течению. Эпоха рождала деятельного человека, но она заставляла его оценивать свою деятельность.

Россия вступила на путь Модерна значительно позже ведущих стран Европы и мира, и не всегда этот путь был однонаправленным: были и застой, и отступления назад, и непредсказуемые зигзаги, и состояние неопределенности и неустойчивости, вызванное революцией 1905–1907 гг.

В движении не могли не участвовать и крестьянские массы, подавляющая часть населения страны. Носитель менталитета, выработанного веками, был вынужден войти в соприкосновение с другой культурой, встал перед необходимостью поменять привычный образ мыслей, традиционное поведение. С освобождением крестьян перед ними открылись совершенно новые перспективы. Крестьянство, особенно деятельное, получившее в свое распоряжение явно недостаточные наделы земли, расширяло и укрепляло свое хозяйство, стремясь к рыночным товарно-денежным отношениям. Новые импульсы процессу модернизации придала столыпинская реформа.

Следует признать правоту Л.Н. Толстого в том, что без знания «простой» жизни, ее, казалось бы, «мелочей» нет понимания истории. События совершаются людьми, действующими по мотивам и побуждениям эпохи, не зная которых эти действия зачастую будут казаться необъяснимыми и бессмысленными. Трудность изучения поведения людей, живших более ста лет назад, связана с тем, что здесь сталкиваются устойчивые черты поведения, которые могут не меняться столетиями, и формы, изменяющиеся с чрезвычайной скоростью. Документальные свидетельства с очевидностью фиксируют, что поведение подавляющего большинства крестьян оказывало ожесточенное противодействие Модерну и продолжало меняться в зависимости от календаря и цикла сельскохозяйственных работ[11].

В связи с данными обстоятельствами в типе поведения в меньшей степени наличествовала индивидуальность как атрибут Модерна, а гораздо большую роль играли традиция и коллективность. По мнению Ю.М. Лотмана, «крестьянин практиковать “некрестьянское” поведение не имел физической возможности»[12]. С началом Первой мировой войны эта тенденция обозначилась еще более зримо: крестьянство стремится вернуться к тому, что столетиями помогало ему выживать, а именно – к Традиции, традиционному укладу.

Первая мировая война по своим сущностным характеристикам была войной нового образца, нового качества. Ее технологический, техногенный характер нес угрозу самой витальности традиционного общества. Война поставила значительную часть людей перед необходимостью выйти за пределы своих предшествующих представлений.

Прежде всего это было связано с преломлением обстоятельств войны в сознании ее участников, когда в нем явственно проявляются базисные и формируются новые качества, которые никогда не могут возникнуть в мирной обстановке. Речь идет как об актуализации отдельных свойств человеческой личности, так и о превращении свойств,

единичных по своим проявлениям в условиях мирной жизни, в массовые, получающие самое широкое распространение. Поведение же участников боевых действий также приобретало черты, резко отличающее его от предыдущих столетий.

В этой связи противодействие Традиции и Модерна в сознании и поведении солдат действующей русской армии как представителей самого значительного слоя носителей Традиции российского социума представляет определенный научный интерес. По нашему мнению, такое противодействие происходило в определенных сферах жизнедеятельности и массового сознания Вооруженных сил России.

I. Организация вооруженной защиты страны.

Комплектование Вооруженных сил. Вооруженные Силы России реформировались на основе закона о всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. с изменениями, которые были внесены в 1912 г.

Следует оговориться, что последние не в полной мере могли быть реализованы, так как уже через два года началась Первая мировая война. В основу закона была положена новая идея всенародной государственной защиты, что, в свою очередь, предполагало стремление к сословному равноправию, определенному уровню демократизации и свободы, насколько последние возможны в таком социальном организме как армия. В конечном итоге речь шла о социальной справедливости, понимаемой «не как справедливость в обыденном понимании индивидуальной жизни, а о справедливости, обуславливаемой пользой всего социального организма»[13].

Н.Н. Головин, характеризуя способ комплектования российских Вооруженных Сил, определил его достаточно емко и точно – «кустарность». По его мнению, эта кустарность была унаследована от Рекрутского устава 1831 г., но последний отвечал другому заданию – ведению войны профессиональной армией, в то время как Первая мировая

война требовала ведения боевых действий вооруженным народом[14].

Прежде всего речь шла о льготах по призыву и самом призыве. Около 48% ежегодного призыва освобождалось по семейному положению от военной службы в мирное время, а половина из них (24%), кроме того, освобождалась также и от службы в военное время в действующих войсках[15]. Создавалась социальная несправедливость и в самом призыве: в то время, когда 40-летний многосемейный запасной призывался жертвовать всем, включал и собственную жизнь, холостой 21-летний парень оказывался «забронированным» в тылу. Могло случиться и так, что этот молодой человек, освобожденный от боевой службы, оказывался сыном того бывшего солдата, который сам шел умирать за Родину. Льготы по образованию лишали армию людей, которые могли бы заниматься обучением и воспитанием солдатского контингента лучше, чем это было в действительности. А были и другие льготы...[16] Таким образом, военное ведомство готовило скорее профессиональную армию, а не профессиональные кадры для вооруженного народа. Все, кто призывались, в скором времени попадали в действующую армию, а в годы войны «сначала обучали два месяца, потом стали обучать месяц, посылая после четырехнедельного обучения людей малопригодных»[17]. Таким образом, система использования людского запаса страны оказалась устарелой и была приспособлена больше к мирному времени, чем к войне.

Комплектование Вооруженных сил России оружием и боевой техникой. Следование России по пути Модерна привело к тому, что она была страной, богатой возможностями в будущем, но стесненной в средствах в настоящем.

Эта относительная бедность России явилась серьезным тормозом, затруднявшим для нее комплектование ее армии в эпоху техногенной войны оружием и боевой техникой. По мнению генерала Ю.Н. Данилова, период подготовки к Первой мировой войне можно назвать

«периодом нашей полной военной беспомощности»[18], что дало себя особенно больно почувствовать во время войны.

Так, во время войны превысили предположения в наличности орудий в 2 раза, а в годичном поступлении орудий – в 9 раз, по артиллерийскому вооружению русская армия была в 2 раза слабее противника, не было покрыто потребности в винтовках на 35%, количество пулеметов составляло 12% потребности армии, крайне бедственным было удовлетворение потребностей армии в авиации и ее состояние[19].

О драматичности боевого снабжения русской армии в годы Первой мировой войны говорит телеграмма штаба Юго-Западного фронта в IX армию о вооружении части пехотных рот топорами, насаженными на длинные рукоятки; предполагалось, что эти роты могут быть употребляемы как прикрытие для артиллерии[20]. Из этой же области предложение из действующей армии Государю «призвать под знамена все население России, не исключая женщин, которые тоже могут против немецких орудий идти с граблями... ведь у нас и солдату оружие не дают... на позиции брать дубину и орать во все горло “Ура!”»[21].

Опора на науку в строительстве Вооруженных Сил и ведении боевых действий. Эпоха Модерна предполагает опору на науку и технику, на научную организацию деятельности.

Последняя предполагает не только наличие выдающихся представителей науки, а большим количеством их Россия располагала всегда, но и наличие достаточно высокого уровня социальной среды, без которых мысли выдающихся ученых уподобляются шестерням, не сцепленным с остальным сложным механизмом. Они могут вращаться, но вся их работа для данного механизма будет происходить впустую.

По мнению генерала Н.Н. Головина, русские военные верхи не верили ни в науку, ни в технику[22]. Достаточно указать, что, вопреки рекомендациям военной науки, было

ассигновано миллиард рублей на постройку боевого флота, оставив без внимания вопиющую нехватку артиллерии, авиации и других средств современной вооруженной борьбы. Неверие в технику привело к тому, что при технической слабости армии русские солдаты вынуждены были пробивать себе путь к победе преимущественно ценой человеческой крови. Когда нет веры в науку, остается только вера в чудо, в появление гения. Чуда не случилось, гений не пришел, а условия, в которых развивались Вооруженные силы России, оказались неучтенными. «В больном обществе так же, как и в больном организме, – считает генерал Н.Н. Головин, – подбор идет не в направлении, соответствующем прогрессу развития общества»[23].

Взаимоотношения офицеров и солдат. Несмотря на меры по реформированию армии и велений времени, которые требовали от офицеров патерналистских образцов поведения, проявлений отеческой заботы о подчиненных[24], отношения между офицерами и рядовым составом были серьезно отягощены крепостническим наследием прошлого.

Солдат, находясь на низших ступенях военной иерархии, был лишен значительной части гражданских прав, по отношению к нему допускались неоправданная жестокость и произвол, рукоприкладство, редкие офицеры видели в нем личность. Не отрицая недемократичности армии, жесткой властной вертикали и дисциплины, И.А. Ильин в эпоху Модерна видел взаимоотношения даже в армейском организме несколько другими: «Воинское звание требует не слепоты, а зрячей сознательности; не покорности, а повиновения; не приниженности, а повышенного чувства чести и чувства ответственности; не пассивности, а волевой выдержки и творческой инициативы. Ибо война есть живая борьба, и притом ведомая духом и ради духа. Организация такой борьбы неосуществима в среде, омертвевшей духом»[25].

Боевые действия, собирая вместе людей весьма различных по месту в общественной иерархии и упрощая формы общения между ними, в определенном отношении

отменяют общественную иерархию. Между офицером и солдатом в такие периоды складываются совершенно новые отношения. Их, конечно, не следует идеализировать, ибо эти отношения во многом вырастают на почте крепостнических порядков. Но помещик и крестьянин в это время были не только врагами. Основной массе солдат, особенно имевшим опыт военной службы, привилегированное положение офицера-барина казалось более естественным – ненависть направлялась против «плохого» офицера. Офицеры для солдат по-прежнему оставались господами, но теперь, в отличие от мирной жизни, существование их было осмыслено и мотивировано: воевать без них было невозможно. Одновременно и офицеры видели в солдатах соучастников в историческом событии.

Вместе с тем, и в условиях боевой обстановки чем ниже был ранг человека и чем ближе он стоял к неприятелю, тем больше от него требовали, тем меньше ему прощались ошибки и недостатки. Всегда во всем был виноват он, солдат, человек миллионов, несший на себе вместе со своим героизмом и свою темноту, и непонимание «общих» интересов. Несомненно, это были отпечатки тех низов народа, из которых он пришел, но получалось буквально по А. Твардовскому: «Города сдают солдаты, генералы их берут».

Но и у солдат по отношению к офицерам появились новые моменты: речь идет о большом числе писем из войск прямо Главнокомандующему с критикой ближайшего начальства. Это свидетельствует о появлении в армии деятельного и ответственного человека Модерна, хотя сам факт их появления можно расценивать как признак падения дисциплины и доверия к начальникам.

II. Характер жизнедеятельности войск в условиях Первой мировой войны

Изменение бытовых армейских условий. Война с первых же дней изменила повседневную жизнь армии,

создала совершенно новый быт, полностью противоположный довоенному порядку.

Первая мировая война отбросила все предшествующие представления о войне. Ей не нужна была старая армия, истории стала необходимой народная армия, ей потребовались огромные массовые усилия и массовые жертвы. Война создала совершенно новый темп и стиль жизнедеятельности солдат, особенно для тех, чей военный опыт был невелик. В боевых условиях само собой отпало множество ненужных, но в мирное время обязательных атрибутов армейской жизни, таких как парады, строевая подготовка, отдание чести, умение здороваться с начальством и другие элементы субординации, к которым солдаты из крестьян питали явную нерасположенность[26]. Отпали даже побудки, потому что на войне никто никого не будит и спать не укладывает – этим занимается неприятель.

Влияние характера боевых действий на жизнедеятельность солдат. Первая мировая война, в отличие от войн традиционного типа, была войной нового типа, на которой солдат был «рабочим войны», исповедующим общенациональные ценности и руководствующегося идеологическими постулатами[27].

Все более уходила в прошлое знаменитая суворовская формула «пуля – дура, штык – молодец». Война приобрела индустриальный, машинный характер, с широким использованием артиллерии, танков, авиации, разрывных пуль, газов и других технических военных новшеств, к чему с трудом привыкали русские солдаты. Велась воздушная, подводная и подземная война, что создавало представление «неправильности войны», поскольку «нельзя живому человеку воевать, потому что по земле бьют сверху, бьют из земли, бьют из воды, и как тут теперь осталось воевать»[28]. Механический характер войны приобретал зловещие мифологические формы, а техника воспринималась как абсолютно враждебная человеку сила.

Следует выделить и такое обстоятельство, как характер боевых действий. Если традиционные войны придерживались алгоритма «походы – генеральные сражения» без рытья окопов даже в самых больших сражениях, то Первая мировая война характеризовалась громадным фронтом, широким масштабом деятельности противоборствующих сторон, тотальностью военных действий, «рваным ритмом», не совпадающим с привычными представлениями об упорядоченности любого труда, многодневными и многомесячными сражениями с громадными потерями живой силы, тысячами трупов, убитыми, ранеными и искалеченными товарищами, разрушениями страшной силы, длительными переходами и бытовым неустройством.

Переход к позиционной войне расценивался солдатами как пустое времяпрепровождение и безделье, и если бой означал некоторую определенность, то сидение в окопах вызывало состояние тревожности и, в какой-то мере, бесполезности, ненужности. При новом характере войны меняются пространственно-временные представления солдат: появляется ощущение прерывистости времени, когда ничего нельзя узнать точно из-за постоянно меняющейся ситуации боя; изменяется и восприятие пространства – опасность подстерегает всюду, не видишь, где враг и не чувствуешь локоть товарища. По мнению А.Б. Асташева, утрата пространственно – временных ориентиров как естественных в ратном труде подчеркивает в глазах солдата полную потерю причастности к войне и означает окончательное превращение его из ее центрального действующего лица, как это было в войнах традиционного типа, в ее объект»[29].

К этому следует добавить, что война без видимого врага и, как казалось, без непосредственного участия солдата, казалась ему противоестественной.

Преобладание «ближнего» контакта – «глаза в глаза» с противником, при котором солдаты ясно видели «результаты» своей боевой деятельности, характерное для традиционных войн, уходило на второй план, особенно со стороны

противника. И даже смерть потеряла свой «публичный» характер и привлекательность: ее свидетелей на войне нового типа стало больше, а возможностей принять смерть достойно – меньше, так как подготовиться к ней, как раньше, было невозможно, хотя стремление помереть честно и благородно и сохранилось. Смерть рушила и «полковое братство», которое становилось невозможным в частях и подразделениях, теряющих после тяжелых боев более половины личного состава и меняющих в течение года свой состав 3–4 раза и более.

Не отвечала привычным прагматическим представлениям солдат и такая сторона современной войны, как возможность поживиться вещами в силу большего распространения боевых действий на зону мирных жителей и огромного числа убитых и раненых. Ужасы войны вкупе с высокой степенью ее администрирования делали малопривлекательным «вещный» характер войны, а саму войну – «бесполезной». Защитной реакцией солдат на реалии современной войны была выработка психологии бездушного механизма, «винтика», не рассуждающего орудия руководящей воли чего-то или кого-то вышестоящего. «Нет, я себе теперь запрет наложил на многие думы, только тем и спасаюсь, – искал выход из создавшейся ситуации один из солдат. – Кругом не гляжу и в душу не допускаю. Велят, приказывают – делаю, исполняю. А ответа не беру ни перед людьми, ни перед богом».[30] Во многих случаях это помогало.

III. Отражение реалий Первой мировой войны в сознании солдатских масс

Специфика традиционного солдатского мировосприятия определяла их невосприимчивость к официально декларируемым целям войны. Солдаты не воспринимали войну в категориях «овладеть проливами» и других геополитических терминах. Для них она была неопределенностью, неизвестностью, вселенским и неотвратимым бедствием. С уверенностью можно утверждать, что взгляды солдат на войну носили

фаталистический характер как на Божье наказание или возмездие за грехи, стихийное бедствие, от которого нет спасения, Лихо, которое надо перетерпеть.

Именно о таком состоянии своих подчиненных в 1914–1915 гг. писал Ф. Степун: «Солдатская вера как была, так и будет все той же: царь приказал, Бог попустил, податься некуда, а впрочем, на миру и смерть красна... Ее эмоциональным корнем остается все то же чувство: чувство зависимости человеческой жизни от высших сил, чувство невозможности сопротивляться и добровольная готовность соборного подчинения им до самой смерти»[31].

С подобным миропониманием вообще и Первой мировой войны в частности, связано своеобразное восприятие солдатами информации о реалиях войны, часто далеко не достаточной и не вполне достоверной. Речь идет о слухах и навязчивых идеях ожидания мира, о точных датах его наступления, о мире без победы, о специально задуманной и ведущейся войны для всеобщего истребления, о союзниках, о наделении солдат немецкой землей без денег после войны и др. О.С. Поршнева убедительно объясняет это чрезвычайной устойчивостью архаичных стереотипов (автоматов) мышления, присущим солдатам как бывшим крестьянам, порождающих склонность видеть в каждом явлении, в случае поступления известий, нарушающих целостность образа, «оборотня», свою противоположность. Активнее всего инверсия образов в рамках дуалистической картины мира происходит в период модернизации, когда теряет устойчивость система базовых представлений и ценностей традиционалистских масс.[32].

В конечном итоге затягивание войны приводит к тому, что солдат «эти сцены и страдания сначала потрясли нас, а потом они чуть трогают нас, а наконец чувства наши притупляются до того, что мы делаемся совершенно деревом, никакого веселья, никакого участия не видим мы. Нами владеет одно отчаяние»[33].

IV. Трансформация ценностей солдатского контингента в ходе Первой мировой войны

С традиционным сознанием солдат связан их патриотизм, который играет исключительно важную роль в успешности решения стоящих перед Вооруженными силами задач.

В этой связи И.А. Ильин подчеркивал: «Армия, движимая чувством чести, есть реальная опора родины и гарантия ее государственного бытия; армия, утратившая чувство чести, есть сброд насильников, мародеров и убийц... Воин должен верить в духовную правоту своей родины, своего государства и его жизненного дела... Воин, оторвавшийся от государственной цели, становится авантюристом; солдат, лишенный патриотизма, уподобляется безвольному орудию казни или профессиональному убийце»[34].

Оценки патриотизма солдат в годы Первой мировой войны весьма разнообразны и противоречивы: к нему применяют эпитеты несознательный, осторожный, осмотрительный, сочувственный, часть современников отказывают солдатам из крестьян в патриотизме, считая их поведение банальным повиновением[35], другие считают поведение русской армии «национальным рыцарством»[36].

По нашему мнению, весь ход Первой мировой войны, по крайней мере до революции 1917 г. не дает ни малейших оснований упрекать солдат в отсутствии патриотизма. Об этом говорят и 96% явившихся к мобилизации всех призывников[37], и около 200 тыс. солдат, бежавших из германского плена, но пойманных, более 60 тыс. не пойманных, около 40 тыс. бежавших из австро-венгерского плена (процент удачно бежавших составлял 4,2%)[38], и героические подвиги во время войны. В России в силу запаздывания социальной трансформации общества в условиях модернизации, сохранения замкнутых в рамках локальных сообществ, сословно неполноправных крестьянских масс буржуазная нация складывалась медленно, что определило более низкий, чем в более развитых странах-

участниках войны, уровень национальной консолидации и национального самосознания народа[39]. В силу данных обстоятельств, патриотизм солдатских масс можно квалифицировать как примитивный[40], ибо в целом в Первую мировую войну они идентифицировали себя по этническому, а не национальному признаку, считая своим приоритетом доказать силу и могущество матушки Руси. Формула «За Веру, Царя и Отечество!» не была пустым звуком, это была реакция общества на военный конфликт в виде религиозно-политического ритуала.

Ощущение опасности и близости смерти, зыбкости грани, отделяющей от мира иного, определило *оживление религиозных чувств солдат*, стремление найти психологическую опору посредством иррациональных действий. Солдат волновал и вопрос о греховности войны, противоречащей христианской заповеди «не убий».

Вместе с тем многие солдаты в откровенных беседах между собой признавались в том, что творимые убийства заглушали в их душах страх Божий, притупляли ощущение греха войны[41]. Более того, темп и ритм современной войны не всегда оставляли возможности для сохранения набожности, уступая место широко распространенным циничным взглядом, богохульству, атакам на сами нормы христианской морали и, в конечном счете, *отходу от религии*.

Только война, как символ сатанинского начала, могла сподвигнуть солдата в письме с фронта уже в 1915 г. способствовать распространению демонических культов: «Не знаю, можно ли на войне уверовать в Бога, но в Сатану поверить можно»[42]. Вряд ли такие мысли были единичными.

Первая мировая война трансформировала и образ власти в сознании солдатских масс. Доходящие до солдат известия из тыла формировали у них представление, что власть не в состоянии обеспечить справедливое распределение тягот войны и внутреннюю стабильность в стране, что она слаба и непоследовательна в проведении своей политики.

Это порождало кризис доверия к власти со стороны авторитарных масс, – а солдат, как бывший крестьянин, по своей сути является носителем авторитарного сознания, – для которых недостаток силы служит безошибочным признаком вины и неполноценности. Проявляющая признаки слабости власть не может не вызывать у авторитарной личности презрения и ненависти. Эта черта психологии традиционалистских масс взаимодействовала с архетипом сознания народа, в соответствии с которым серьезные бедствия и неудачи страны рассматривались как последствие и подтверждение греховности высшей власти. Крупные неудачи на фронте и неурядицы в тылу наносили удар по монархическим чувствам солдат, подрывая, в совокупности с другими факторами, веру в святость власти и обеспечили равнодушие со стороны действующей армии при ее смене в феврале 1917 г.[43]

Война изменила порог ценностей человеческой жизни. Прежние убеждения гражданской жизни солдат оказывались неприемлемыми на фронте, несовместимыми с новыми, диктуемыми фронтовой обстановкой.

Истинное отчаяние звучит в одном из откровений русского солдата Первой мировой войны по поводу данных обстоятельств: «Все наново переучиваю. Сказал Господь, сын Божий: «не убий»; значит – бей, не жалей... Люби, мол, ближнего, как самого себя; значит – тяни у него корку последнюю... ; А не даст добром – руби топором... Сказано: словом нечистым не погань рта, – а тут пой про матушку родную песни похабные, на душе оттого веселее, мол... Одно слово, расти себе зубы волчьи, а коли поздно, не вырастут, – так на вот тебе зубы волчьи, а коли поздно, не вырастут, – так на вот тебе штык, да пушку, вгрызайся ближнему под ребра... А чтобы стал я воин, как картина – так еще плетями вспрыснут спину»[44].

У многих солдат это вошло не только в привычку поведения, но и в стереотипы сознания: «Я теперь хорошо привык – ни своего, ни чужого страху больше не чую. Вот

только детей еще не убивал. Однако, думаю, что и к этому привыкнуть можно»[45]. Ощущения военного человека, в том числе и солдата, в кровопролитной войне, правда 1812 года, сформулировал Денис Давыдов, закончивший очерк «Тильзит в 1808 году» словами: «1812 год стоял уже посреди нас, русских, с своим штыком в крови по дуло, с своим ножом в крови по локоть»[46].

Изменение образа врага в ходе Первой мировой войны. В массовом сознании солдат существовал традиционный набор антигерманских, антиавстрийских и антитурецких стереотипов, который мог быть востребован и приспособлен к условиям современной войны. Однако практически через полтора года войны стереотип немца-врага, которого русские всегда били, был развеян на полях сражений, где российская армия в полной мере почувствовала на себе всю тяжесть немецкого бронированного кулака.

Пожалуй, впервые в истории русской армии у солдатского контингента сформировался своеобразный комплекс неполноценности перед лицом немецкой военно-технической мощи, а противник-немец стал приобретать в глазах солдата черты сверхчеловека, наделенного могучим разумом, волей и даже магическими сверхъестественными способностями, совершенно недоступными русскому человеку. «Немец может все» – такой был лейтмотив солдатского отношения к внешнему врагу.

Но в условиях войны нужен был враг, против которого необходимо бороться, или хотя бы видимость его. В ходе войны происходил перенос определенных слоев населения из общности «мы» в противоположную общность «они» – носителей враждебной культуры, целей и намерений, «внутреннего» немца как источника существования зла. Внутренний враг не представлялся каким-либо конкретным, отдельным социальным слоем, его образ включал в себя представителей самых многообразных сил и категорий населения, которым война нового типа в той или иной мере дала возможность проявить свои намерения и потенциал.

В целом, смысл новых условий жизни социума был враждебен крестьянскому традиционному миру, в определенной зависимости от которого находились и солдаты. До 1917 г. еще враг внешний ставился на первое место, а внутренний – на второе, хотя морально-психологическая демобилизация по отношению к внешнему врагу проявлялась все более зримо.

Выработка новых установок солдат по отношению к насилию. Документальные свидетельства этому многочисленны и красноречивы.

Так, многие солдаты признавались, что под влиянием войны не только ожесточились, но стали звереть, что насилия вошли у них в привычку и поведенческую норму[47]. Некоторые солдаты отчетливо осознавали, что полученный ими негативный опыт может затруднить возвращение их к мирной жизни, ибо прививка насилия сделает их невосприимчивыми к моральным нормам и запретам привычной социальной среды.

Вот характерное рассуждение одного из солдат на этот счет: «Я теперь очень даже просто кровь человеку пущу. Какое такое мне теперь, эдакому-то дома дело подходящее будет – не придумаю». Другое подобное признание: «Что вернусь – долго дома не заживусь, на каторгу живо угожу... Нет, я так решил, вернусь – и нож Онуфрию в брюхо... Выучены, не страшно»[48].

Таким образом, социальный организм России в эпоху перехода от Традиции к Модерну функционировал далеко не в самой благоприятной обстановке. Правительство Николая II после революции 1905 г. уже не верило в старые политические идеи и в то же время не хотело воспринимать новые. Такая двойственность политики придавала управлению государством характер бессистемности.

Более того, и правительство, и сами народные массы были плохо подготовлены к современным сложным формам управления. Представители первого привыкли только приказывать, считая, что всякие излишние рассуждения лишь

подрывают авторитет власти; вторые – вследствие своей низкой образованности, не были способны подняться выше своих местнических интересов и осознать интересы государства в целом.

Практически в аналогичном состоянии находились и Вооруженные Силы России, процесс модернизации которых после русско-японской войны протекал с очень большими сложностями.

Первая мировая война неизмеримо обострила противостояние Традиции и Модерна, оказав особенно сильное влияние на самый многочисленный носитель Традиции – крестьянство, которое было основным донором солдатского контингента действующей армии. Результатом такого противодействия стала страна, которая, по словам генерала М.В. Алексеева, стала бурно и стихийно валиться, и армия, которая эту страну не защитила и с которой в ее целом можно только погибать[49]. Непосредственное участие солдат в насилии, притупление восприятия смерти, переживания, связанные с постоянной опасностью и возможностью гибели, привыкание к этому – привели к ожесточению огромной многомиллионной массы вооруженных людей, выработке у них милитаризованного сознания, склонности к крайним силовым действиям, девальвации ценности человеческой жизни.

Интересную подоплеку стихийных вспышек страстей и разрушительных бунтов солдатских масс увидел Ю.М. Лотман, считающий их для солдат терапевтическими средствами в условиях столкновения Традиции и Модерна. С одной стороны, выбивая человека из рутинной обоймы повседневности и включая его в предельно упрощенные ситуации, они позволяют пережить иллюзию раскрепощенности и индивидуального произвола. С другой, они обостряют непосредственно интуитивные и импульсивные связи с другими людьми. Одновременно переживаются противоположные психологические состояния: «делаю что хочу» и «я такой же, как все»[50].

У российского социума не было времени на социальную адаптацию и социальную терапию, поэтому из больных людей, залитых кровью, с больным милитаризованным сознанием и было создано больное общество.

Библиография

[1] *Головин Н.Н.* Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 319–320.

[2] *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992. С. 25.

[3] Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947.

[4] *Менделеев Д.* К познанию России. М.-Л., 1949. Т. 7. С. 84.

[5] Военный энциклопедический словарь. М., 1983. С. 226.

[6] Россия в мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М., 1925. С. 4, 49.

[7] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2. С. 30, 32, 41, 42, 59 и др.

[8] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 15.

[9] *Троцкий Л.* Война и революция. Крушение второго интернационала и подготовка третьего. Пг., 1922. Т. 1. С. 47.

[10] *Чертищев А. В.* Первая мировая война и крестьянство России: некоторые аспекты трансформации «человека земли» в «человека с ружьем» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 395–414.

[11] *Успенский Г.И.* Собр. соч.: В 10 Т. М., 1956. Т. 5. С. 120.

[12] *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2014. С. 250.

[13] *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 18.

[14] Там же. С. 21–22.

[15] Там же. С. 40.

[16] Там же. С. 42, 24.

[17] Там же. С. 111–112.

[18] Там же. С. 63.

[19] Там же. С. 76, 281, 249, 257, 297-298.

[20] Там же. С. 250.

[21] ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 6375. Л. 87.

[22] *Головин Н. Н.* Указ. соч. С. 88, 267.

[23] Там же. С. 86.

[24] *Риттих А.* Русский военный быт в действительности и мечтах. СПб., 1893. С. 19.

[25] *Ильин И.А.* О сущности правосознания. М., 1993. С. 180.

[26] *Булдаков В. П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 27.

[27] *Асташов А. Б.* Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 76.

[28] Там же. С. 77.

[29] *Асташов А.Б.* Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 409.

[30] *Федорченко С.З.* Народ на войне. М.-Л., 1925. С. 119.

[31] *Степун Ф.* Бывшее и несбывшееся. СПб. 1994. С. 271.

[32] *Поршнева О.С.* Социальное поведение солдат в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.) // Социальная история. Ежегодник. 2001/2002. М., 2004. С. 375.

[33] Царская армия в период мировой войны и Февральской революции. Казань, 1932. С. 25.

[34] *Ильин И.А.* Указ. соч. С. 159.

[35] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 241.

[36] Там же. С. 387.

[37] Там же. С. 383.

[38] Там же. С. 175.

[39] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 359.

[40] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 390.

[41] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 366.

[42] ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1010. Л. 28.

[43] *Поршнева О. С.* Указ. соч. С. 378–379.

[44] *Федорченко С.З.* Указ. соч. С. 99-100.

[45] Там же. С. 90.

[46] *Давыдов Д.* Соч. М., 1962. С. 248.

[47] *Федорченко С.З.* Указ. соч. С. 96–99, 110, 111, 115, 119, 121.

[48] *Поршнева О.С.* Указ. соч. С. 368.

[49] *Головин Н.Н.* Указ. соч. С. 433–434.

[50] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб., 2014. С. 106.

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ О ПРОЕКТЕ

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ПОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

(О СЕМИНАРЕ «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС» ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»)

Л.Н. Бродовская

Прим.: *в сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Родине»*[1]

Аграрный вопрос для отечественного исторического сообщества остается одной из злободневных тем. Отечественная пастораль не дается не только служителям Клио – представители прикладных дисциплин испытывают серьезные затруднения в истолковании «Деревенского парадокса» рубежа тысячелетий, этого российского аграрного чуда – увеличения объемов производства, роста экспорта сельхозпродукции (Россия в конце первого десятилетия XXI в. занимала 3 место в мире среди экспортеров зерна[2]) и уровня капитализации пашни и угодий[3], происходящих на фоне угасания общественной и производственной активности на селе[4]. Аграрная отрасль отечественного хозяйственного комплекса при отсутствии финансирования и государственного

патронажа оказалась в состоянии не просто выполнить свои обязанности в деле обеспечения продовольственной безопасности, но и занять передовые позиции на мировых аграрных рынках. Поскольку даже беглый социологический анализ не позволяет выявить на селе точек роста, то остается лишь констатировать феноменальную неэффективность советской аграрной политики.

Этот вывод создает стимул к продолжению аграрных исследований. При этом пристойное решение задачи изучения села предполагает в качестве прелиминарии решение двух задач: определение основных характеристик крестьянского хозяйства и описание динамики социальной структуры российской деревни. Досадная метонимия, в результате которой для обозначения некоторых категорий *«не горожан»* широко используется понятие «*крестьянство*», окончательно запутывает ситуацию.

В конечном итоге поиски крестьянства в современной российской деревне пока что остаются безрезультатными, поскольку социальные параметры жителей сельских поселений и их структур повседневности не соответствуют таким характеристикам крестьянских сообществ, которые должны были бы рассматриваться в качестве атрибутивных, однако в большинстве случаев игнорируются.

Очевидная бесплодность попыток в рамках позитивных подходов разрешить аграрный вопрос стимулирует в исследовательском сообществе как интерес к поиску новых материалов, так и новых способов вопрошания. В этом смысле для исторического сообщества нахождение «нужных вопросов» представляется более актуальным – хотя бы потому, что «каверзные ответы» в общем уже поставлены.

Апории в аграрных исследованиях возникли задолго до реставрации заглавной интенции науки в постсоветском гуманитарном знании. Стойкое неприятие крестьянством «освободительных» проектов уже к концу XIX в. заставило интеллектуалов обратиться к изучению социального тела российской деревни. Однако исследовательские усилия тогда сводились преимущественно к выяснению вопроса о месте

крестьянства в раскладе политических сил и определению его хозяйственного потенциала.

Собственно крестьяне сделались объектом научного анализа лишь тогда, когда оказались включенными в дискурс организационно-производственного направления (А.В. Чаянов и др.). Но в условиях утверждения методологического монизма это направление не получило развития, а его представители были ликвидированы. Потребовалось еще полвека для того, чтобы чаяновские идеи обратили на себя внимание российских гуманитариев. В обстановке методологического ажиотажа начала 1990-х гг. стартовали крестьяноведческие исследования. Под руководством Т. Шанина началась работа над проектом «Изучение социальной структуры российского села». Крестьяноведческие методики были презентированы в ходе семинара «Современные концепции аграрного развития». Его материалы стали достоянием широкой научной общественности, заподозрившей в новом подходе ключ для открытия ларчика с ответом на «крестьянский вопрос».

Вскоре, правда, обнаружилось, что этим ключиком открывался «ящик Пандоры», из которого вырвались темы и проблемы, неудобоваримые для российского исследовательского этоса. Актуальность чаяновских штудий не была осознана отечественными исследователями, которые предпочли отказаться от сомнительного наследства. Уже в 1993 г. обнаружилось принципиальное расхождение между крестьяноведением и отечественным обществоведением.

Камнем преткновения оказалась сакральная нумерология аграрного вопроса. Очевидное для профессионалов «советской выделки» ограничение дискуссионного поля вопросом о процентном соотношении беднейшего крестьянства в предреволюционной деревне оказалось неприемлемым для представителя либеральной евроатлантической науки, отказавшегося продолжать бессмысленную с точки зрения социоантропологического подхода дискуссию. По словам Шанина, утверждение о том, что 65% населения деревни могли составлять бедняки,

являлось «злой шуткой над логикой современных исследований», однако же и четверть бедняков – непосильная ноша для общины[5].

В результате крестьяноведы, сделав упор на изучение современной российской деревни, постепенно оставили собственно историческую площадку. В то же время историческое сообщество «преодолевало» крестьяноведческий вызов. К концу 1990-х гг. дискурсы отечественного крестьяноведения и российской аграрной истории оказались вполне автономными, что явно не пошло на пользу им обоим. Ведь крестьяноведческие подходы слабо применимы к современному отечественному сельскому хозяйству, прекрасно обходящемуся и без крестьян. С другой стороны, разглядеть проблемное ядро аграрной истории вне контекста чаяновско-скоттовских подходов немыслимо. В данной отрасли разысканий вскрытие причинно-следственных связей в прошлом осложнено практически полным исчерпанием потенциала позитивной методологии. Историческое сообщество либо не замечает, либо не желает замечать инструментария, потребного для продвижения в сфере аграрной истории. Образцом бессилия классической историографии в попытках нащупать проблемные узлы аграрной истории может служить более чем полувековая история Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы.

Опыт реализации научного проекта «Народ и власть» – зримое свидетельство того, что на сегодняшний день исторической корпорации удалось успешно преодолеть последствия крестьяноведческого соблазна и вновь оказаться в состоянии искреннего недоумения перед вызовами ушедшей реальности.

Подобное положение вещей вызывает недоумение, ведь даже редкие ныне набеги на пастбища Клио, совершаемые из-за стен Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) – оказавшейся последним бастионом крестьяноведения в России – являются весьма убедительной

демонстрацией неизменной эффективности использования приемов из арсенала сторонников концепта моральной экономики для решения, а главное – простановки проблем российской истории рубежа XX–XXI вв.

Впрочем, даже новейшие обобщения не представляются более убедительными, чем сделанные 20 лет назад, и лишь фактическая фрустрация исследовательских результатов, полученных тогда в области «прорицания о прошлом» с помощью крестьяноведческих методик, позволяет объяснить, почему даже сегодня приходится всерьез доказывать, что «теоретическая концепция "моральной экономики" крестьянства имеет прямое отношение к положению дел в деревне России в начале прошлого века»[6]. Едва ли не все, что закрепилось в историческом нарративе со времени дебюта крестьяноведения в отечественном исследовательском пространстве – это концепт «общинной революции», сформулированный в 1993 г. казанскими историками В.М. Бухараевым и Д.И. Люкшиным. С его помощью удалось решить проблему непротиворечивой интерпретации хронологии «Семнадцатого года» за пределами российских столиц.

Однако до сих пор остается нереализованной очевидная программа расширения исследовательского поля. Ведь «люди 17-го года» сформировались не в годы Мировой войны, а на рубеже прошлого и позапрошлого веков. В свою очередь, исследование тектоники социального пейзажа, обусловленной коллизиями общинной революции, открывает заманчивые перспективы в изучении феномена сталинизма.

Но невостребованность крестьяноведческой методологии может служить отличной иллюстрацией к модному в первые постсоветские годы в среде либерально настроенных интеллектуалов тезису о неспособности исторического сообщества к мобильной и адекватной реакции на изменение политического антуража. Сегодня приходится констатировать, что примирение дискурсивной формации с действительностью, предпринимаемое силами самого научного

сообщества, требует недюжинных усилий и значительных ресурсов.

В утешение можно констатировать, что остановить единожды запущенный механизм самокоррекции без принудительной директивной интерпретации в духе индоктринации дискурса «Истории СССР» – тоже не удается: могера историографии роет так же медленно, но не менее основательно, чем крот самой истории.

Возможное затруднение в оценке того, как последние два десятка лет были потеряны или пережиты отечественной историографией, обусловлено также и медленным осознанием того, что методы истмата и других позитивных доктрин не позволяют соответствующим образом «настроить поисковую оптику», а пропагандируемое некоторыми крестьяноведами «возвращение к корням», посредством безоговорочной рецепции чаяновского наследия, не всегда возможно и плодотворно.

Утопичность, полисемантизм и невнятные перспективы операционализации категорий чаяновского дискурса не способствуют его рецепции современными гуманитариями. Более того, флер мученичества, отличающий историографию организационного направления, фактически «работает» на иллюзорную версию поливариативности развития страны после 1917 г. Все эти бухаринские, чаяновские и т.п. «альтернативы» мобилизуются ныне лишь романтиками, полагающими, что при строительстве социализма можно обойтись без ГУЛАГа и Освенцима.

Место организационного направления в историографии российского крестьянства определяется тем, что был предложен иной – отличный от того, что по сей день доминирует в дискурсе истории – взгляд на смысл и направление истории. Идея состояла в том, чтобы перестать смотреть на страну с колокольни «Ивана Великого». Методологический дрейф из под сени «Александрийского столпа», начатый А.В. Чаяновым и его сторонниками, был скорее инстинктивной попыткой развернуть объект исследования под более удобным углом, нежели

отрефлексированной и целеположенной модернизацией дискурса.

На мой взгляд, предложенная Дж. Скоттом методология моральной экономики представляется более функциональной. Она не только обеспечивает получение новых сочленений означаемого и означающего, опосредующих интенцию научного поиска. Скоттовский подход позволяет, посредством транскрибирования выводов, полученных за счет использования крестьяноведческих приемов, еще и реализовывать междискурсивную коммуникацию на язык позитивной истории.

Эта особенность метода моральной экономики является особенно полезной для отечественной историографии, где единство дискурса по-прежнему полагается самоценным. На этом направлении за крестьяноведением тоже числятся определенные достижения, особенно в вопросе прояснения природы крестьянского хозяйства. Именно благодаря представлению о крестьянской общине как о корпорации, призванной обеспечить выживание ее членов, мысль о том, что труд является не базовой характеристикой крестьянского хозяйства, а скорее инициирующим ритуалом, санкционирующим в рамках деревенской неформальной иерархии доступ к общественным ресурсам, обрела в аграрной истории статус полемического тезиса.

Правда, широкий спектр конкретных приемов и практически не поддающаяся систематизации обширная тематика аграрных исследований, осложняющие верификацию категориального массива, затрудняют идентификацию дискурса крестьяноведения в качестве научного. Результаты, получаемые в ходе реализации проектов, мобилизующих крестьяноведческие методики, зависят от способностей и добросовестности исследователей, что заставляет квалифицировать сам подход как относящийся скорее к области искусств, нежели науки. Размывание границ между *Science*, *Study* и *Art* (формирование пространства "*Science Art*", например, еще только становится предметом

рефлексии для передовых представителей российского научного сообщества[7]) предполагает существенные преференции для неформальной научной традиции. Подобное положение вещей является обычным в русле евроатлантической традиции, однако для отечественного научного сообщества, не привыкшего действовать за пределами легко верифицируемых дискурсов, этот методологический плюрализм выступает раздражающим фактором, а создаваемые им неудобства обусловливают дополнительные сложности как в восприятии крестьяноведческой теории, так и в применении ее к исторической фактуре.

Это обстоятельство существенно способствовало затуханию интенции, сообщенной отечественному гуманитарному сообществу в начале 1990-х гг. Т. Шаниным. Даже новообращенные крестьяноведы не спешили прокламировать родство с сомнительным с точки зрения верификации дискурсом, сосредоточившись на полевых исследованиях. Между тем дела в историческом цехе тоже идут далеко не блестяще. Современная аграрная история продолжает кружить вокруг тем, в рамки собственно исторического дискурса не помещающихся, и сохранение чистоты дискурсивной формации оборачивается дисфункцией в реализации профессиональной задачи.

Поэтому вопрос о восстановлении связи крестьяноведения и истории витал в воздухе. Инициатива рецепции крестьяноведения принадлежала авторам научного проекта «Народ и власть». 23 октября 2009 г. на круглом столе «Народ и власть в российской смуте», в работе которого приняли участие более 30 исследователей, представлявших научные организации, вузы и академические издания России и Беларуси, а материалы состоявшейся острой дискуссии были опубликованы в 6 номерах журнала «Власть» за 2010 г. (№№ 4[8], 5[9], 6[10], 7[11], 8[12], 9[13]).

Уже тогда была предпринята попытка вскрыть формы взаимодействия власти и народа в ситуациях системных кризисов российского общества[14].

Анализ взаимоотношений крестьянства и власти составил тему следующего круглого стола – «Крестьянство и власть в истории России XX века», анонсированного авторитетнейшим журналом «Социс»[15] и состоявшегося 12 ноября 2010 г. В заседании круглого стола участвовали 43 специалиста из России, Беларуси и Украины (Казань, Киев, Коломна, Курск, Минск, Москва, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск). «Крестьянский вопрос» был представлен в качестве узловой проблемы россиеведения[16], материалы дискуссии были опубликованы в 2-х номерах журнала «Власть» за 2010 г. (№№ 8[17], 9[18]), избранные фрагменты представлены в журнале «Общественные науки и современность»[19].

В ряде ведущих изданий были опубликованы аналитические статьи по проблематике этих круглых столов (в том числе в таких журналах как «Обозреватель–Observer» (2010[20], 2011[21]) «Федерализм»[22], «Россия и современный мир»[23], «Новый исторический вестник»[24]).

Одним из заметных итогов работы круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» явилась идея организации теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»[25]. Практическим воплощением конвенции крестьяноведов стали заседания этого семинара[26] и Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»[27], прошедшие в РАНХиГС в 2011 г. и в 2012 г. В ходе состоявшихся дискуссий были затронуты темы содержания и функции крестьянского вопроса в российской истории и культуре, расслоения крестьянства, правового дуализма как фактора русских смут и революций[28]. Особое внимание участников было привлечено к исследованию механизмов «общинной революции», что открывает перспективы внятного ответа на вопрос об истолковании века двадцатого как эпохи рурализации либо дерурализации социума в нашей стране.

Оригинальное истолкование получили вопросы о причинах и итогах российских аграрных реформ XIX–XX вв. Дальнейшее развитие приобрела тема сценариев социального

сотрудничества государства и сельского мира в рамках имперских стратегий досоветского и советского периодов. Был поднят вопрос о цивилизационной специфике и социальной цене российской модернизации. В ходе работы семинара проявилась география крестьяноведческих сообществ России, включающая Москву, Казань, Коломну Орел, Пензу, Тамбов¸ Новочеркасск...

Участники семинара продемонстрировали высокий профессионализм и обнаружили серьезный уровень в понимании и использовании крестьяноведческого подхода. Поэтому выявление уже в ходе второго заседания[29] нового исследовательского объекта – темы «Сталинизм и крестьянство» – едва ли можно считать случайной удачей.

Осмысление советской истории в формате оппозиции государства и периферии мыслимо лишь в формате крестьяноведческого подхода, поскольку дискурс позитивной науки «скользит» над этой темой, не улавливая внутреннего напряжения социума, лишенного организационной структуры сопротивления. Между тем именно ревизия итогов общинной революции, предпринятая в ходе мобилизации национальных ресурсов на нужды новой мировой войны, предстает, с точки зрения моральной экономики, ключевым сюжетом советской истории 1930–1940-х гг.

И хотя среди участников семинара не достигнуто пока единого мнения относительно содержания и сочетаемости категорий нового дискурса, уже сама по себе постановка этой проблемы может считаться успешным продолжением процесса возвращения истории нашей страны ее главного актора, которым до середины прошлого века являлось крестьянство.

Подводя итоги работы круглого стола «Сталинизм и крестьянство», Т. Шагин отметил, что для его участников пришло время поговорить «по-настоящему». И на этот раз российские историки, кажется, готовы к разговору «без дураков».

Библиография

[1] *Бродовская Л.Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // Родина. 2013. № 4. С. 35–37.

[2] *Popova N.* Famers Look at Soaring Food Prices and Sight // The Moscow Times. 2008. 19 June.

[3] *Виссер О., Спор М.* Захват земель в постсоветских странах // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. 2011. Вып. 6. С. 83–85.

[4] *Никифоров Л.В., Кузнецова Т.Е.* Интегрированная система «город–село» как фактор эффективного использования городского и сельского потенциала // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. 2011. Вып. 6. С. 111–113.

[5] Отечественная история. 1993. № 6. С. 105.

[6] *Бабашкин В.В.* Концепция «моральной экономики» крестьянства и российская деревня начала XX века // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. 2011. Вып. 6. С. 135.

[7] *Мигунов А.С. [и др.]* Феномен научного искусства: истоки, сущность, терминология [предисловие] // Научное искусство. М., 2012. С. 35–54.

[8] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17.

[9] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. 2010. № 5. С. 10–14.

[10] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. 2010. № 6. С. 13–17.

[11] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. 2010. № 7. С. 9–14.

[12] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. 2010. № 8. С. 9–13.

[13] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. 2010. № 9. С. 16–21.

[14] *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302.

[15] Крестьянство и власть в России // Социологические исследования. 2010. № 9. С. 140.

[16] Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360.

[17] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 61–71.

[18] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184.

[19] Крестьянство и власть в истории России XX века (По итогам Международного «Круглого стола») // Общественные науки и современность. 2012. С. 79–95.

[20] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Народ и власть в русской смуте // Обозреватель–Observer. 2010. № 7. С. 96–103.

[21] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель-Observer. 2011. № 9. С. 18–25.

[22] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.

[23] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65.

[24] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Империя» и «Смута» в современном россиеведении // Новый исторический вестник. 2011. № 4. С. 89–96.

[25] Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель-Observer. 2011. № 11. С. 29–44.

[26] Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. С. 375–416.

[27] Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 386–440.

[28] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

[29] Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 348–385.

СТАЛИНИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО:

ТЯЖЕЛАЯ ПОСТУПЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ НЕОБХОДИМОСТИ ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА ПРОТИВ СОБСТВЕННОГО НАРОДА?

А.И. Колганов

Прим.: *в сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Вопросах истории»*[1]

Рецензируемый сборник включает научные статьи участников заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»[2] (в том числе международных круглых столов «Крестьянство и власть в истории России XX века»[3] (в сокращенной версии материалы были опубликованы в 2011 г. в журнале «Власть» (№№ 8[4] и 9[5]), «Сталинизм и крестьянство»–I[6] (сокращенная версия публиковалась также в «Крестьяноведении» за 2013 г.[7]), «Сталинизм и крестьянство»–II[8]) и материалы первого[9] и второго[10] заседаний этого семинара (фрагменты которых также печатались в «Российской истории»[11] и «Крестьяноведении»[12 13].

Сборник является продолжением серии постоянно действующего научного проекта «Народ и власть». Этот проект уже реализовался в выпуске трех весьма интересных и содержательных сборников (2010[14], 2011[15],2012[16]).

В данном случае внимание обращено на четвертый выпуск (2014[17]), посвященный, пожалуй, самой острой и самой неоднозначно трактуемой проблеме российского крестьяноведения: судьбе крестьянского мира в условиях

масштабных социальных перемен, происходивших под эгидой советской власти сталинского периода.

Позиции представителей общественных наук – как российских, так и зарубежных – крайне далеки от консенсуса по всему комплексу рассматриваемых вопросов. Было бы чересчур смело утверждать даже и о наличии двух-трех господствующих концепций в этой области науки, настолько велик разброс взглядов, хотя полярные позиции и можно выделить. Краткое резюме этих контрастных подходов можно найти в сборнике в историографической статье Н.А. Серогодского (**С. 193-203**[18]; *далее везде ссылки при цитировании рецензируемого сборника даются на его страницы – А.К.*). Поэтому предложенный вниманию читателей жанр – сборник работ, опирающийся на материалы многосторонних дискуссий, проводившихся на серии «круглых» столов – как раз и отвечает наилучшим образом нынешнему уровню понимания проблемы научным сообществом.

Круг участников этих дискуссий крайне широк – в них были вовлечены представители многих институтов Российской академии наук, десятков высших учебных заведений, ряда архивов, различных общественных организаций. Довольно широким это участие является и по географическому охвату – помимо российских ученых, мы видим среди авторов сборника представителей Украины, Беларуси и Великобритании.

Можно сразу сказать, что составителям сборника удалось привлечь к делу многих известных историков и представителей других общественных наук, что обеспечило весьма широкий и в то же время глубокий, содержательный анализ большой совокупности проблем, касающихся судеб российского крестьянства в первой половине XX в. Возможно, такая широта охвата проблем даже несколько мешает формированию некоторой упорядоченной картины. Но, вероятно, этот неизбежно на начальном этапе нового витка дискуссий, связанных с проделанной в предшествующий период исследовательской работой, не

ограниченной какими-либо официальными доктринами, по осмыслению вновь открывшихся источников (в том числе архивных), выработке новых концепций, критике и уточнению старых.

Это, однако, делает очень тяжелой задачу рецензента, ибо в ограниченном пространстве рецензии просто невозможно даже кратко коснуться всех проблем, обсуждаемых в огромном по объему сборнике – даже важных проблем, не говоря уже о частностях и деталях. Поэтому поневоле приходится полагаться на собственный субъективный взгляд при решении вопроса о том, на чем следует сосредоточиться, а что придется на этот раз оставить вне поля зрения читателей. Так, я вынужден совершенно обойти очень интересную дискуссию о реформе 1861 г. и столыпинской аграрной реформе.

Несмотря на значительно расширившуюся источниковедческую базу и отсутствие необходимости строго придерживаться неких официальных идеологических постулатов, изучение вопросов резких изменений судьбы российского крестьянства в первой половине прошлого века сталкивается с крайне неоднозначным, а подчас и весьма расплывчатым толкованием ряда исторических феноменов, имеющих к этому прямое отношение.

Так, у авторов сборника совершенно нет какой-либо однозначности в понимании категории «сталинизм», вынесенной в заголовок сборника, и являвшейся непосредственно заданным для участников предметом дискуссии. Многие из них даже оставили эту важнейшую категорию без какого-либо определения, ограничившись лишь принятием ее как определенной хронологической рамки.

Неявным (реже – явно формулируемым) образом сталинизм трактуется то как специфика политической практики самого Сталина и его окружения; то как политико-идеологическая направленность деятельности всей большевистской партии и советского государства, нашедшая в действиях Сталина свое наиболее концентрированное

выражение; то как последовательное воплощение марксистской идеологической доктрины.

В явном виде первый подход, представлен, например, в статье А.В. Чертищева[19]:

«Под сталинизмом следует, на наш взгляд, понимать теорию и практику управления всеми сферами жизни общества, основанных на тотальном насилии, тотальном упрощении и тотальной лжи» (**С. 224**).

Однако другими участниками дискуссии определения этому феномену даются редко, и подчас настолько расплывчатые, что специфика собственно сталинизма в них размывается.

Такого рода определение, где сталинизм, при буквальном прочтении, отождествляется с организацией государственного контроля в аграрной сфере, дает Д.И. Люкшин[20]:

«...Под сталинизмом в рамках заданной темы мы будем понимать систему мероприятий и их теоретико-концептуальное – в том числе идеологическое – обоснование по организации государственного контроля в аграрной сфере, претендовавшей со времен общинной революции на некоторую автономию» (**С. 124**).

Иногда в определение сталинизма включаются одновременно как серьезные социально-экономические обоснования, так и довольно-таки произвольные допущения, как у С.Ю. Разина:

«Сталинизм, на мой взгляд, следует рассматривать как политику проведения форсированной модернизации, включающей в себя в качестве двух взаимосвязанных элементов индустриализацию и коллективизацию, в условиях продолжающейся гражданской войны и начавшегося формирования союзной государственности» (**С. 557**).

Вопрос о форсированной модернизации, несомненно, является одним из ключевых в историческом понимании природы сталинизма, но вряд ли его стоило смешивать с явно

неточно сформулированным распространением Гражданской войны на весь период 1920–1930-х гг.

Одновременно в сборнике предпринимаются обширные поиски глубинных исторических корней сталинизма. Их ищут и в традициях деспотизма, свойственных российской политической системе на протяжении многих столетий; и в патриархальном мире русской крестьянской общины, как основе этого деспотизма; и в мировоззрении большевиков; и в насущных исторических задачах модернизации страны.

Сложность вопроса заключается в том, что каждый из этих подходов в той или иной мере приближается к истине, но, подвергаясь абсолютизации, отрывается от нее.

Так, например, было бы нелепым отрицать влияние на политическую практику большевиков марксистских идей (в том числе взгляда на историческую судьбу крестьянства), пересаженных на российскую почву и соответствующим образом переосмысленных, в духе как имевшихся традиций общественного сознания, так и практических проблем, которые ставила перед правящей партией советская действительность.

Но, превращая этот несомненный факт в утверждение (как то делают некоторые участники дискуссии), что марксистская доктрина не могла воплотиться в жизнь иначе как путем создания «агрогулага», и что этот «агрогулаг» есть непосредственная реализация марксистских идей, мы не приближаемся к истине, а отдаляемся от нее.

Не решает проблемы и механическое соединение всех этих позиций, путем перечисления через запятую. Более ясное понимание, которое может явиться основой для сопоставления научных концепций, а не просто мнений, требует выяснения взаимодействия и субординации тех объективных и субъективных факторов, из которых складывался феномен сталинизма; требует проведения очень сложной работы как по отделению друг от друга исторически объективного и субъективно определенного, так и по выяснению меры и степени взаимного влияния субъективных

и объективных факторов в историческом процессе формировании сталинизма.

Одним из центральных полей дискуссии в сборнике «Сталинизм и крестьянство» является выяснение вопроса о том, в какой мере архаические черты полупатриархальных общин русского крестьянства оказали влияние на формирование феномена сталинизма; в какой степени эти черты были ловко использованы Сталиным в его политике давления на крестьянство, а в какой – сами стали составной частью сталинской политики и нового образа жизни коллективизированного крестьянства.

Известно, что архаичные крестьянские общины выступают в истории той социальной платформой, на которой вырастают различные формы деспотизма. В связи с этим несомненный интерес представляет собой обсуждение в статье В.В. Бабашкина (**С. 38-48**)[21] концепции «аграрного деспотизма», развитой в работах М.Л. Левина. В этих работах делается акцент на преемственности применявшихся в 1920–1930-е гг. XX в. командно-бюрократических методов принуждения по отношению к крестьянству, унаследованных от царской России, ввиду схожести преобладающей социальной базы общества. Другие участники дискуссии так же нередко ссылались на разобщенность крестьянских общин, на индивидуализм крестьянина, сочетавшийся с неприятием индивидуального успеха, на веру крестьян в государственный патернализм, как на основу воздвигавшейся над ними деспотической надстройки. Это хорошо показано, например, в статье В.В. Зверева (**С. 83-96**)[22].

При всей справедливости таких наблюдений, было бы, однако, сложно объяснить сталинский деспотизм только этим, просто уравняв его тем самым, например, с архаическими формами восточного деспотизма или с царским деспотизмом, – ведь сталинская политика вела как раз к преобразованию общины и замене ее другими формами социальной организации, связанными с отходом от прежнего патриархального крестьянского быта. Тем не менее и черты схожести с формами добуржуазного деспотизма также

обнаруживаются в той конструкции сельского образа жизни, который создавала коллективизация – недаром участники дискуссии приводят крестьянскую расшифровку аббревиатуры ВКП (б): «Второе крепостное право (большевиков)». Можно сослаться хотя бы на почти не оплачиваемую в массе колхозов работу в общественном хозяйстве (аналог барщины), в противоположность служившей долгое время главной экономической основой существования колхозной семьи работе на своем приусадебном участке (аналог надела крепостного крестьянина).

Подобные черты быта советских колхозников (плюс административно-правовое закрепление их за колхозом) дали основание В.А. Бондареву характеризовать колхозное крестьянство, во всяком случае, в сталинский период, как «квазисословие» (см. **с. 50-55** и далее)[23].

В то же время колхозная система сталинского периода была вовсе не тождественна феодально-крепостническим порядкам, несмотря на несомненно просматривающиеся параллели. На это специально указывает А.В. Чертищев:

«Термины “феодализм”, “барщина”, “община” вряд ли применимы к колхозной системе из-за большой социальной мобильности, текучести, возможности увильнуть от работы, уйти в город на стройки пятилетки» (**С. 233**).

Поэтому нельзя обойти стороной вопрос о том, что при всех издержках сталинской аграрной политики она имела на селе и своих приверженцев. В.В. Кондрашин даже видит в российских крестьянах чуть ли не приверженцев коммунистической идеологии (как тут не вспомнить Бакунина или Ткачева...), правда, весьма своеобразно трактуемой:

«И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы “светлым будущим”. То есть, сталинизм как феномен и практика решения аграрного

вопроса в России не мог возникнуть и реализоваться без соответствующей идеологии. При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П.А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представления крестьян о социальной справедливости» (**С. 102**)[24].

В своем выступлении на «круглом столе» Кондрашин обращается к поиску уже гораздо более реалистичных корней поддержки коллективизации среди части крестьянства, ссылаясь на книгу японского историка Х. Окуды о социальной базе сталинизма:

«По его мнению, разделяемому нами, в деревне и городе это была молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках “нового курса”. Сама советская деревня была “молодой”. По переписи 1926 г. 60% ее населения составляли люди моложе 30 лет. Таким образом, у власти были исполнители ее антикрестьянской политики в крестьянской стране. Этот сюжет, так же как и другие (например, “механизм управления” деревней в годы коллективизации и голода 1932–1933 гг.), – тема для дальнейшего исследования» (**С. 278**).

Более взвешенно оценки авторами сборника позиции крестьянства в период аграрных преобразований Советской власти резюмируются в выступлении М.М. Кудюкиной:

«К концу 20-х гг. крестьянство пришло расколотым, у Советской власти были как активные сторонники, так и убежденные противники, но большая часть крестьян продолжала относиться к власти как к силе, к которой необходимо приспосабливаться. Именно их позиция предопределила в конечном итоге “победу” колхозного строя» (**С. 347**).

Можно согласиться и с выводом, который сделал А.В. Гордон:

«Воплощал ли сталинизм особенности крестьянской психологии и крестьянского сознания или манипулировал ими? Мне кажется, что чаще стоял вопрос именно о манипуляции» (**С. 633**).

Одной из составляющих вопроса о роли архаических черт крестьянства в формировании сталинизма является и вопрос о том, была ли сталинская колхозная система полным разрушением традиционной крестьянской общины или же ее определенной трансформацией? И если ни один из этих вариантов не является однозначно верным, то в какой мере сочетались черты того и другого?

Трудность в ответе на этот вопрос коренится, в том числе, и в отмеченном выше факте – недостатке у участников дискуссии точно определенного понимания самого феномена сталинизма. И в зависимости от толкований этой категории во многом находится и ответ на вопрос о судьбе общины. Но, разумеется, этот вопрос и сам по себе таит немалые сложности в связи с тем, что невозможно отрицать ни разрушения общинных порядков коллективизацией, ни использования большевистским руководством некоторых из них, ни воспроизведения определенного ряда функций общинного самоуправления на иной – административно-командной – управленческой платформе.

Особую остроту столкновение полярных точек зрения приобретает, когда речь заходит об оценке исторической неизбежности преобразования русского крестьянского мира.

Невозможно отрицать исторической необходимости преобразования полупатриархального мелкокрестьянского производства в интенсивное высокотоварное. Однако на этом основании невозможно представлять сталинское решение крестьянского вопроса единственно возможным и находить в этом некое полуоправдание тем насильственным методам, повлекшим за собой значительные жертвы, которые были пущены в ход для проведения коллективизации и раскулачивания.

В этом смысле весьма характерна позиция П.П. Марченя, колеблющегося между названными

постановками проблемы. Сначала он находит в сталинском решении аграрного вопроса черты крестьянской общинной утопии, и заявляет, что замысел коллективизации был не вполне чужд российскому крестьянству (**С. 600–602**). Затем вполне правомерно задает риторический вопрос:

«Что лучше: обличать “крестьяноборческую” антиутопию сталинского режима или воспевать сталинскую Россию как страну победившей крестьянской утопии (пусть и возглавила ее “антикрестьянская” власть)?» (**С. 602**).

Не провозглашая себя сторонником одной из этих крайностей, он, тем не менее, склоняется к последнему варианту, подытоживая свое выступление в дискуссии еще одним вопросом:

«Все аграрные историки… ну разве что только ленивый не попытался обыграть безумные, кошмарные цифры жертв сталинского режима. Но хоть кто-нибудь попробовал посчитать, каких жертв удалось избежать этой ценой?» (**С. 630**).

Вопрос этически сомнительный, однако исторически вполне правомерный. Вот только в качестве ответа на него напрашивается контрвопрос: «Принесением жертв в одних масштабах избегали жертв в гораздо больших. Пусть так. Но кто доказал, что мы заплатили верную цену, что все эти жертвы были необходимы?».

Вопреки распространенному мнению, я полагаю, что масштаб реальных жертв оказался несравненно выше, чем требовалось для осуществления реализованного замысла коллективизации деревни. Тут сказались как крайности бюрократизации системы управления, так и субъективные просчеты правящей верхушки, основанные на ее преувеличенном самомнении и пренебрежительном отношении к науке вообще и к марксистской теории, в частности. Простое следование первоначальным расчетам пятилетнего плана и в отношении коллективизации, и в отношении темпов промышленного роста, приводило бы нас к концу второй пятилетки практически к тем же

результатам в создании крупного общественного хозяйства, что и были достигнуты, но без диких скачков, судорог административного произвола, массовых репрессий, огромных экономических потерь и т.п. Лишь горький опыт 1930-1933-х гг., как в сельском хозяйстве, так и в промышленности заставил Сталина осторожнее относиться к объективным социально-экономическим закономерностям, и к обоснованности принимаемых технических решений.

Фактическое признание всеми участниками дискуссии ключевой роли проблемы модернизации российского общества в понимании судьбы крестьянства не помешало неоднозначным трактовкам содержания советской модернизации.

Некоторые участники дискуссии с большим сомнением рассматривали революционные процессы первой трети XX в. в СССР в качестве «правильной» модернизации, указывая на наличие, с их точки зрения, контрмодернизационных тенденций.

Так, А.В. Гордон замечает:

«Модернизация, как переход от традиционного общества к модерности, включает разрыв с натуральным хозяйством и развитие товарно-денежных отношений, а соответственно обеспечение этих отношений утверждением права собственности. И здесь все обстояло ровно наоборот».

Далее он судит, впрочем, не столь категорично:

«Можно, наверное, оставить по отношению к политике Советской власти в интересующий нас сталинский период прижившийся термин “модернизация”, но с необходимой квалификацией… Я бы предпочел говорить о модернизации “односторонней”, “частичной” и даже “уродливой”» (**С. 60**).

Совершенно иначе смотрит на оценку модернизационных процессов в Советской России А.В. Михайлюк, и здесь сказывается не просто разница в точках зрения, но различие в методологических подходах, а, может быть, и в мировоззрении:

«Основной причиной революции в России стал кризис модернизации, совпавший с системным кризисом всей западноевропейской цивилизации, проявлением которого стала первая мировая война. Революция, по словам Т. Шанина, впервые поставила под сомнение универсальность западноевропейского опыта для остального человечества, доказала, что природа российского общества отличается от той, которую допускали разные теоретики и общественные деятели. Многими исследователями революционный процесс в России трактуется как реакция общественного организма на процессы модернизации, на кризис европеизированной культуры, первую в истории попытку отказа принять парадигму западной цивилизации» (**С. 148**)[25].

Объективная необходимость модернизации аграрной экономики периода НЭПа обосновывается и в такой, достаточно редкой еще для наших историков форме, как компьютерное моделирование.

Посвященное этому выступление Л.И. Бородкина озаглавлено: «"Великий перелом" и его альтернатива: возможности компьютерного моделирования» (см. **с. 333** и далее). Результаты этого моделирования показывают – продолжение нэповской линии вовсе не вело к продовольственному кризису и хозяйственной катастрофе, но и существенного подъема аграрного производства она не обеспечивала. А это значит, что базой для форсированной индустриализации НЭП служить однозначно не мог.

Не меньшие споры вызвала и дилемма «Раскрестьянивание или окрестьянивание?» в оценке социальных последствий коллективизации.

Не отрицая в целом факта постепенной трансформации или даже исчезновения крестьянства как социального слоя, некоторые авторы сборника заострили внимание на противоположной тенденции – на закреплении некоторых черт общинного крестьянства в колхозах и на перенос крестьянской ментальности в города в связи с массовой урбанизацией. Говорилось даже о том, что происходила не столько «урбанизация», сколько «рурализация».

Наиболее резко эту точку зрения выразил А.В. Михайлюк. Сначала он оговорился:

«Модернизация всегда болезненна для крестьян. Рынок и капитализм “убивает” мелких землевладельцев с их специфическим образом жизни и менталитетом» (**С. 145**).

Однако затем ход его мысли повернул совсем в иную сторону:

«Представляется, что коллективные формы производства, несмотря на принудительность их внедрения и связанные с этим эксцессы, выступали не как средство разрушения, а именно как средство защиты крестьянства от тех трудностей, которые приносит крестьянину рыночная действительность. Собственно, колхоз можно рассматривать как видоизмененную форму общины. Следствием коллективизации стала трансформация и сохранение именно крестьянской культуры. При всех внешних и поверхностных изменениях “ядро” крестьянской культуры сохранилось» (**С. 150–151**).

Боле взвешенно к трактовке этого вопроса отнеслись участники первого круглого стола по крестьянской проблеме. В результате обмена мнениями они пришли к выводу, что крестьянская ментальность, безусловно, оказывала существенное влияние на социальную психологию первого поколения переселенцев из деревни в город. Однако, хотя часть крестьянственности в психологии и привычках остается, крестьянин в городе по образу жизни уже перестает быть крестьянином, а следующее поколение окончательно урбанизируется (см. **с. 301–304**).

Столкновением мнений характеризуется и выяснение вопроса о том, было ли «раскрестьянивание» сталинской эпохи, сопровождавшееся немалыми человеческими жертвами, чем-то из ряда вон выходящим, или здесь сказались некоторые общие закономерности исторического процесса, свойственные многим странам? В связи с этим стоит и вопрос о том, как оценивать судьбу социального слоя российского крестьянства в XX в.

Наиболее категоричную оценку коллективизации и созданным ею аграрным порядкам дал в своем выступлении на одном из «круглых столов Д.И. Люкшин, заявив:

«В этой аудитории нет нужды доказывать, что голодовки возникали не сами по себе. Они были спланированы большевиками, ими проводились и – дали желаемые для государства результаты. С этой позиции, развязанную большевиками "Великую деревенскую войну" можно признать выигранной, а миллионы трупов – допустимыми потерями» (**С. 554**).

С таких позиций аграрные преобразования сталинского периода предстают как крестовый поход против собственного народа, одновременно иррациональный, вытекающий из идеологических догм, и циничный-прагматичный, основанный на желании любой ценой вытянуть из деревни ресурсы для индустриализации.

Такая позиция, разделяемая и рядом других участников, находит в сборнике своих оппонентов.

Так, В.В. Кондрашин, признавая трагичность судьбы российского крестьянства, смотрит на причины этой трагедии совершенно иначе:

«Прежде всего, очевиден факт исторической неизбежности трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации. Сталинский режим осуществил ее, но не был пионером в этом деле. Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в то числе в годы столыпинской аграрной реформы» (**С. 100**).

Далее В.В. Кондрашин ссылается на исторические прецеденты в других странах: британские огораживания, голодовки в Ирландии, трагедию крестьянства Вандеи и т.д. (**С. 101-102**).

Его в этом вопросе поддерживает В.Т. Логинов:

«У нас очень многие любят противопоставлять то, “как у нас было плохо”, тому, как “на Западе все было хорошо”, потому что там происходил естественный, эволюционный процесс. Наверное, это от неосведомленности. У нас, к примеру, не было такого демократического документа, как “Билль о правах”, по которому обезземеленным крестьянам можно было отрезать уши, чтобы не шастали они по стране. В Ирландии в период раскрестьянивания разразился голод, от которого погибло около миллиона человек. А ведь Ирландия меньше многих наших губерний. Так что “естественный процесс” на Западе тоже имел свою человеческую цену» (**С. 328**).

Ряд выступавших на круглых столах вообще не признавали постановки вопроса об исторической закономерности раскрестьянивания.

В.А. Бондарев в своем выступлении категорически заявил:

«Когда сегодня некоторые историки говорят о том, что коллективизация была исторически оправдана, то мне кажется, что это страшно. В стране и так много сталинистов. Я, честно говоря, даже не понимаю, почему их так много» (**С. 304**).

И далее он патетически восклицает:

«Если мы не дадим однозначно отрицательный ответ на вопрос о том, нужна ли была коллективизация или не нужна, то деревню мы потеряем» (**С. 306**).

В.А. Бондарев нападает на авторов одного из учебников А.И. Вдовина и А.С. Барсенкова:

«Эти авторы считают, что коллективизация как часть модернизации была оправдана. Я считаю, что модернизация была оправдана, а коллективизация нет. Они приводят смешные цифры в доказательство своей точки зрения. Этот случай доказывает то, что история, основанная только на статистике, и история, смотрящая на человека – это две совершенно разные истории. Они приводят следующие цифры: в 1920 г. крестьянские хозяйства давали 70–73 млн т зерна, а в конце 1930-х гг. – 75–80 млн т зерна. И эти

показатели рассматриваются как безусловный прорыв. Я не понимаю, почему эти цифры можно рассматривать как безусловный прорыв» (**С. 305**).

Честно говоря, странно видеть у крестьяноведа такое непонимание элементарных цифр по аграрной экономике. Дело не ведь не в том, что производили 73 млн т зерна, а стали производить 75 млн т. Прорыв вовсе не в этом, а в том, что это количество зерна стали производить гораздо меньшим числом работников, то есть с переходом к обобществленным формам крупного хозяйства произошел значительный рост производительности труда, которого не было в мелкокрестьянском производстве ни до, ни после революции.

Один из авторов (А.В. Чертищев), резко отрицательно относящихся к практике сталинизма вообще, и к его аграрной политике в частности, резко контрастирует с большинством своих единомышленников, которые демонстрируют единодушное «крестьянолюбие», тем, что вместе со сталинизмом обрушивает филиппики и на крестьянство, отказываясь признавать его «цивилизационным фундаментом» России:

«1. Парохиальное сознание, культура, поведение крестьянских масс России, себялюбие и глубокое, можно сказать онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично каждого конкретного человека и среды его обитания, патологическая нетерпимость к инновациям и прогрессу в целом, нетерпимость к инакомыслию, двойственность сознания, неготовность к более сложным формам общественного устройства и их неприятие, феноменальное невежество и многое другое – все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России.

2. Крестьянство следует с полным основанием считать могильщиком Российской Империи, ибо ни в один период русской истории оно не выступало оплотом стабильности страны, заключая в себе взрывной потенциал анархизма невиданной силы» (**С. 387**).

При всей верности некоторых наблюдений автора, его тезисы несут на себе печать абсолютизации некоторых избранных сторон характеристики российского крестьянства, а потому и приводят к искажающим реальность выводам.

Как будто для контраста с этой позицией некоторые крестьяноведы приходят чуть ли не к сакрализации предмета своего изучения, наделяя его всеми мыслимыми добродетелями, а сокращение численности и трансформацию крестьянства как социального слоя рассматривают как историческую трагедию.

Так, А.И. Шевельков с очевидной печалью констатирует:

«За период между переписями 1959 и 1989 гг. только Россия потеряла более 130 тыс. населенных пунктов. Шел постоянный процесс сокращения сельского населения. В 1926 г. сельское население СССР составляло 82%, 1939 г. – 67%; 1959 г. – 52%, 1970 г.– 44%, 1979 г. – 38%, 1990 г.– 34%» (выступление – см.: **с. 588**; см. также статью в составе сборника[26]).

Что же он скажет тогда о развитых странах, где фермерство (которое уже нельзя полностью отождествлять с крестьянством), составляет от 1до 5% населения? Почему-то об этой «трагедии» многие плакальщики о судьбе российского крестьянина не вспоминают.

Довольно закономерным представляется наличие в сборнике весьма странных (если не выражаться сильнее) суждений многих признанных специалистов относительно роли марксистской идеологии в сталинском решении аграрного вопроса. К счастью, марксизм давно уже утратил в нашей стране неприкосновенность, его можно и нужно критиковать. Правда, чтобы его критиковать, его нужно хотя бы знать, чем многие авторы сборника, взявшиеся рассуждать о роли марксизма, отнюдь не грешат. За марксизм они выдают в лучшем случае собственные фобии относительно прослушанных в студенческие годы курсов «научного коммунизма» и «истории КПСС», в худшем – полицейскую

точку зрения на марксизм, сформулированную еще в XIX в., правда, интеллигентно интерпретированную.

Подобный подход к роли марксизма в судьбе российского крестьянства формулирует А.В. Чертищев:

«Мировоззренческие интенции марксистской теории импонировали деспотической природе Сталина, потому что он правильно понял его социальную сущность как просвещенного патернализма, закреплявшего право одних, “просветленных”, классов присваивать себе жизнь, счастье и мысли других, “непросветленных” классов» (**С. 231**).

Ему вторит А.В. Гордон:

«Мне кажется, сталинизм – это все-таки марксизм. Не знаю, как сейчас это звучит, но как-то я утвердился в этом мнении. Нет, я не хочу сказать, что сталинизм во всех отношениях был марксизмом. Скажем, в национальном вопросе очень спорно, что сталинизм – и в начале, и особенно в конце – был марксистским подходом. А вот в аграрно-крестьянском вопросе – по-моему, нормально. Это был марксизм эпохи реализации социалистического идеала, утопии, программы» (**С. 633**).

Мне всегда казалось, что сильной стороной историков является самое тесное знакомство с первоисточниками по проблеме. Увы, приходится убеждаться, что это не так, и что за пределами своих узкопрофессиональных интересов историк легко попадает на крючок расхожих мифов, как и любой другой специалист. Разумеется, марксизм смотрел на крестьянство как на исторически отмирающий социальный слой – и этот вывод историей ни разу не опровергнут. Но отсюда вовсе не вытекает, что в марксизме содержатся хоть какие-то намеки на некое «право» насильственного вмешательства в судьбы крестьянства.

Довольно странным опытом оказалось для меня столкновение с элементарным незнанием некоторыми крестьяноведами ряда основополагающих фактов по аграрной экономике (об идеологически ангажированных оценках я уже не говорю).

Так, Д.И. Люкшин пишет:

«Результаты – выход Советского Союза на мировой рынок хлебов в качестве продавца – можно было бы признать блестящими, если бы не мелкие издержки в виде головокружения от успехов и сотен тысяч умерших от голода. Собственно вопрос, как нищую голодную страну, в которую превратил Россию Ленин, удалось в короткие сроки трансформировать в ведущего экспортера хлебов, в имплицитной форме уже содержит констатацию высокой эффективности аграрной политики Сталина, в сравнении с коллегами по партийному менеджменту» (**С. 129**).

Здесь что ни слово – то открытие. О каком выходе «Советского Союза на мировой рынок хлебов» в результате сталинских преобразований может идти речь, если, начиная с 1930 г., хлебный экспорт СССР неуклонно сжимался, достигнув к середине 30-х совершенно незначительных величин? И уж тем более СССР не являлся «ведущим» экспортером хлебов.

Что же касается роли Ленина, то его критикам ответил В.Т. Логинов:

«Здесь неоднократно, причем в самом негативном смысле, упоминался В.И. Ленин. Полагаю, что это либо в силу инерции «волкогоновщины», либо в результате профессиональной неосведомленности. Ленин никогда не смотрел на крестьянство как на второсортный материал истории или как на сырую глину, из которой “реформаторы” могут лепить все, что им заблагорассудится» (**С. 327**).

Не менее странно выглядит полемика между участниками одного из «круглых столов» по крестьянской проблеме. Она настолько показательна, что я не удержусь от того, чтобы привести здесь большую выдержку:

«... **В.Н. Пискун**: Я еще хотела сказать о количестве земли, находящейся в частной собственности крестьян на 1917 г. Из 23 млн десятин пахотной земли 10 млн было у помещиков и 13 млн в собственности у крестьян.

Н.Л. Рогалина: Накануне 1917 г. 3/4 земли находилось у крестьянской общины.

В.Н. Пискун: Это на конец 1915 г.

Н.Л. Рогалина: У общины было 3/4 земли. Это были лучшие земли. У помещиков было от 1/5 до 1/10 от общего количества пахотной земли. Помещичье землевладение сходило на нет. Это была уже деревня мужика, в которой господствовало трудовое хозяйство.

В.А. Бондарев: Если мы о купчей земле говорим, то тогда это частная собственность. А так – это подворное владение.

В.Н. Пискун: О купчей земле. Конечно о купчей.

В.А. Бондарев: Ну не может быть такого, что вся остальная земля, помимо помещичьей, была выкуплена всеми крестьянами. Это невозможно в принципе.

В.Н. Пискун: Вы изучите документы Харьковского земельного банка… » (**С. 318**).

Честно говоря, я был несколько ошарашен тем, что специалисты по крестьянскому вопросу выходят на дискуссию, не располагая достоверными документальными данными о распределения накануне революции 1917 г. земли между крестьянами и помещиками, в том числе в разрезе форм владения ею.

Впрочем, хотелось бы сразу оговориться, что те или иные досадные огрехи в статьях и выступлениях некоторых авторов сборника нисколько не умаляют той огромной коллективной работы, которая была проделана ими по выяснению непростых вопросов нашей аграрной истории.

Не умаляет это и достойных высокого признания трудов составителей сборника, предоставивших всем интересующимся проблематикой судьбы российского крестьянства в эпоху сталинизма обширный и ценный материал, как с точки зрения исторических фактов, так и с точки зрения их теоретических оценок.

Библиография

[1] *Колганов А.И.* Сталинизм и крестьянство // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 169–175.

[2] Вместо введения: От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 15–26.

[3] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 252–419.

[4] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171.

[5] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184.

[6] Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 535–614.

[7] Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 386–440.

[8] Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 615–709.

[9] Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 420–480.

[10] Крестьянство под колесами прогресса: Заседание № 2 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 481–534.

[11] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

[12] Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. С. 375–416.

[13] Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 348–385.

[14] Народ и власть в российской смуте. М., 2010.

[15] Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011.

[16] Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012.

[17] Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014.

[18] *Серогодский Н.А.* Сталинская коллективизация: новые подходы в современной отечественной историографии // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 193–203.

[19] *Чертищев А.В.* Сталинизм как реальность крестьянской социальной утопии // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 223–239.

[20] *Люкшин Д.И.* Пряничный домик Дядюшки Джо: интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 124–141.

[21] *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 38–48.

[22] *Зверев В.В.* Крестьянский миропорядок и «год великого перелома», или Почему победил Сталин // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 83–96.

[23] *Бондарев В.А.* О квазисословном статусе колхозного крестьянства «сталинской» эпохи // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. .50–57.

[24] *Кондрашин В.В.* Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 97–105.

[25] *Михайлюк А.В.* Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 142–155.

[26] *Шевельков А.И.* Политика государства по отношению к крестьянству в послевоенные годы СССР // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 240–251.

КРЕСТЬЯНСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ

(О СБОРНИКАХ ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»)

П.П. Марченя, С.Ю. Разин

Прим.: *в сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Новом историческом вестнике»*[1] *(публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-31-12034)*

В 2016 г. научному проекту «Народ и власть»[2] исполнилось семь лет. На протяжении всех этих лет, начиная с первого же мероприятия проекта (Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте», 23 октября 2009 г.)[3] особое место в его работе занимает крестьяноведческое направление (с 2010 г. в рамках проекта начал действовать получивший известность[4] постоянный теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»[5], решение о котором было принято в ходе второго крупного мероприятия проекта (Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», 12 ноября 2010 г.)[6], а первое заседание состоялось 27 апреля 2011 г.[7]

На сегодняшний день в рамках этого направления опубликовано несколько десятков отдельных статей в ведущих рецензируемых научных журналах, издано четыре научных сборника – тематических выпуска проекта («Народ и власть в российской смуте»[8], «Крестьянство и власть в истории России XX века»[9], «Россия и революция»[10], «Сталинизм и крестьянство»[11]), проведено еще несколько резонансных международных «круглых столов», материалы которых неоднократно становились предметом специального анализа ряда экспертов (в том числе А.И. Фурсова[12], Л.Н. Бродовской[13], И.А. Ревина[14],

А.И. Шевелькова[15], А.В. Гордона[16], В.Г. Хороса[17], Г.А. Бордюгова[18], Т.Г. Леонтьевой[19], Г.Н. Ланского[20], А.И. Колганова[21], С.В. Любичанковского[22] [23] и др.).

В выступлениях и статьях участников этих мероприятий наибольший интерес в историографическом и методологическом аспектах представляют размышления, посвященные темам, ставшим магистральными как для крестьяноведения, так и для россиеведения в целом[24]. Одной из таких тем является вопрос о *роли крестьянства в Русской революции начала XX в.*

Большинство участников крестьяноведческих мероприятий проекта «Народ и власть» в целом солидарны в том, что именно крестьянство являлось той социальной силой, позиция которой предопределила ход и исход революционного процесса в России.

Например, украинский историк А.В. Михайлюк подчеркивает, что «существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от «городской цивилизации», сохранившего особые, докапиталистические формы общежития и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т.п., обусловило своеобразие революционных процессов в России», и солидаризируется с мнением, что «патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускорения модернизации страны, стремления освободиться от чужого ему культурного слоя и т.п., в конечном итоге, определили победу большевиков»[25].

Известный крестьяновед В.В. Бабашкин доказывает, что «аграрно-крестьянский характер российского общества с деспотической неумолимостью во все времена вносил большие коррективы в самые благие намерения самых радикальных реформаторов», поэтому шанс на успех в Русской революции «мог быть только у такой партии, которая на деле готова была считаться с крестьянской позицией»[26]. Победа большевиков была обусловлена тем, что «большевизм как идейно-организационная основа этой

партии приходил в резонанс с действиями общинников на пиках революции»[27]. В итоге, между двумя социальными силами, победившими в Гражданской войне, сложился своеобразный статус-кво: крестьянская революция отдала власть в городе большевикам, но крестьянство заставило коммунистов в 1922 г. признать де-юре победу «общинной революции» в деревне[28].

Один из основоположников концепта «общинной революции» Д.И. Люкшин, развивая идею о том, что в 1917 г. имели место две параллельных революции – «городской» и «общинной», отмечает, что «именно “крестьянское попустительство” явилось решающим условием интронизации Советов»[29]. Указывая на связь между «общинной революцией» и той моделью государства и общества, которая сформировалась в Советской России, он приходит к выводу о том, что само существование идеократического режима в нашей стране могло быть санкционировано лишь реконкистой «страны крестьянской утопии»[30].

По мнению ведущего «смутоведа» современной отечественной историографии В.П. Булдакова, кровавый и драматический характер российской истории XX в. был обусловлен тем, что «в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее», а оппозиция Города и Деревни в «Красной смуте» «превратилась в их социокультурное противостояние, выливающееся в акты их настоящих походов друг против друга»[31].

Иную интерпретацию этой проблемы дали в своих выступлениях и статьях те участники мероприятий проекта «Народ и власть», которые не разделяют мнения о доминантной[32] роли крестьянского сознания[33] и крестьянской по преимуществу природе всей Русской революции.

Так, Ю.А. Жердева считает, что в условиях индустриализации, изменившей экономику, власть и социальные отношения во многих странах XIX – начала XX вв., «городская форма сообщества постепенно...

возобладала над традиционной, сельской». Императорская власть «тормозила» процесс социального переустройства, ибо это противоречило самой стабильности «имперской системы», откладывая решение «крестьянского вопроса». Самодержавие не могло решить крестьянский вопрос в интересах крестьянства, как того требовала патерналистская природа российской властной системы, так как в условиях индустриальной экономики, которой не нужно крестьянство, а нужен пролетариат, это было невозможно по определению. «Коллапс» крестьянского патернализма имперской системы (как неразрешимое «мирным» путем противоречие между стремлением российской императорской власти сохранить крестьянство как субъект патерналистской опеки государства, ибо такова была «традиция», закрепленная вековой практикой, государственной риторикой и сакральной функциональностью имперской власти, и непреодолимыми требованиями индустриально-городской культуры, требовавшей ликвидации крестьянства в его традиционном понимании) «стал причиной краха имперской модели в 1917 г., пошатнув не только экономическую и социальную устойчивость Российской империи, но и саму патерналистскую модель власти». Поэтому восстановление имперско-патерналистской модели власти стало первостепенной задачей большевиков после их победы над своими политическими противниками.

По мнению Жердевой, Смуту 1917 г. можно определить как «городскую» революцию, в которой главную роль играл процесс урбанизации. Под «городской революцией» она понимает то, что «в советской исторической науке было принято обозначать как “буржуазная”, с той лишь разницей, что в данном случае акцент переносится с экономико-социальных явлений на пространственно-структурную организацию, новую систему взаимосвязей между частями системы». Революция разрешает социокультурный конфликт Города и Деревни в пользу Города. При этом российский город, в отличие от западноевропейского, не был

пространством свободы, и Советская власть реанимировала «крепостное право в нужных ей размерах, принудительно создав “рабочий класс” как квазигородскую маргинальную среду»[34].

Согласно А.И. Фурсову, сама логика развития промышленно-городского общества, капитализма требовала ликвидации крестьянства как слоя, но самодержавие не могло пойти на такое «в силу своей классовой и властной природы» – и это сделал советский режим[35].

Наиболее ярко теоретико-методологическая установка, согласно которой крестьянство и крестьянский вопрос нельзя рассматривать как факторы, сыгравшие определяющую роль в Русской революции, проявилась в статьях и выступлениях А.В. Чертищева. Он отвергает как «легковесное» утверждение некоторых участников проекта о том, что крестьянство является «матрицей», «цивилизационным фундаментом» российской цивилизации. По его мнению, крестьянская картина мира никак не может быть признана рациональной, а «если считать установленным, что к концу 1930-х гг., с пирровой победой коллективизации, произошло “раскрестьянивание” крестьянства, то логика здравого смысла позволяет прийти к заключению, что, начиная с того времени и по сей день у России вообще нет и не предвидится никакой матрицы, она живет в каком-то историческом космосе»[36].

Выделяя основные, по его мнению, черты русского крестьянства, Чертищев делает вывод: «Парохиальное сознание..., себялюбие, онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично каждого конкретного человека и среды его обитания, патологическая нетерпимость к инновациям и прогрессу в целом, нетерпимость к инакомыслию, двойственность сознания, неготовность к более сложным формам социального устройства и их неприятие, феноменальное невежество и многое другое – все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России». Более того, «крестьянство следует с полным основанием считать

могильщиком Российской Империи, ибо ни в один период русской истории оно не выступало оплотом стабильности страны, заключая в себе взрывной потенциал анархизма невиданной силы[37].

Еще одной важной для россиеведения и крестьяноведения является проблема определения содержания понятия *«крестьянский вопрос»*.

Как известно, для советской историографии было характерно отождествление крестьянского вопроса с аграрным, земельным вопросом. Как отмечает А.Н. Медушевский, сегодня существует необходимость переосмысления старых подходов и создания новой концепции аграрного вопроса, в основу которой должно быть положено представление о том, что «аграрный вопрос – феномен не только и не столько экономический, сколько социопсихологический, связанный с господствующими в массовом сознании представлениями о легитимности существующего распределения земельной собственности и их соотношением с позитивным правом». По мнению Медушевского, сам «аграрный вопрос – это теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений», и аграрный вопрос существует только там, где «осознается несправедливость системы распределения земельных ресурсов»[38].

По мнению организаторов проекта «Народ и власть», «крестьянский вопрос» не сводим только к *«аграрному»*. Более того, он является вопросом о цивилизационной идентичности России, о живой связи ее прошлого, настоящего и будущего[39]. В «крестьянском вопросе» аккумулированы и столкновение Традиции и Модерна, и столкновение Империи и не-Империи (либеральной «демократии»), и все системообразующие вопросы, на которых строится проективное россиеведение. В нем сплелись в «гордиев узел» интересы самых разных массовых слоев российского общества, особенности их менталитета и предрасположенности к покорному смирению перед властью

в известных пределах и активным протестным действиям в условиях «смутного времени», когда эти пределы оказываются нарушены. Крестьянский вопрос в России – всегда вопрос о власти. О власти «своей» – за которой можно самоотреченно идти на подвиг и от которой многое можно самопожертвенно стерпеть. Или о власти «чужой» – против которой нужно «всем миром» решительно браться за вилы и топоры до полного изгнания «временщиков» и «самозванцев». И этот вопрос в истории Государства Российского в конечном счете всегда решался крестьянством.

В таком смысле крестьянский вопрос был и остается вопросом об органическом единстве власти и народа, государства и общества, цивилизации и культуры, способном стать надежной основой для очередного модернизационного рывка – либо о противоестественной расколотости и взаимном отчуждении элит и масс, чреватых срывом в очередную всероссийскую смуту. При этом само крестьянство не может быть понято как пассивный объект манипуляций со стороны власти и «несознательный» источник пополнения социальной базы различных «сознательных» политических сил.

Напротив, в социальных конфликтах и в Российской, и в Советской империи крестьянское сознание всегда играло колоссальную роль[40]; и даже может рассматриваться в качестве матричного для сознания общественного, а точнее – для его активной ситуативной ипостаси – сознания массового, которое в Смутное время выступает не просто ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием политической эффективности[41].

Эти теоретические положения подтверждаются историческим опытом России. Весь ход и исход Русской революции начала XX в. были обусловлены тем, что большевики действовали адекватно крестьянскому сознанию и соответствовали представлениям крестьянских масс о власти «своей», а их политические противники воспринимались как носители ценностей чужой цивилизации, как «самозванцы» и

«враги народа». Большевизмом была подхвачена и оформлена протестная борьба масс за выживание социального целого и воспроизведение Империи России (как особой формы единения власти и масс, имеющей свои иммунные механизмы и способы обеспечения социально-органической идентичности и цивилизационной преемственности)»[42].

Аналогичные оценки причин победы ленинской партии содержатся в выступлениях и статьях В.В Бабашкина. В статье «Два большевизма...» он, перефразируя известную мысль В.П. Данилова, пишет, что к 1917 г. крестьянская революция в России развивалась уже более полутора десятков лет, и «делали ее другие большевики – крестьяне». Подчеркивая совпадение двух «большевизмов», В.В. Бабашкин упоминает об отмечавшемся многими исследователями фонетическом сходстве терминов «большевик» и «большак», и приводит слова В.Э. Багдасаряна о том, что «в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение»[43].

Вопрос о крестьянском сознании и его роли в политической истории России не обошли стороной и те участники проекта, которые придерживаются иных оценок роли крестьянства и крестьянского вопроса.

В частности, А.В. Чертищев пишет о наметившемся под влиянием модернизации кризисе традиционного крестьянского общинного сознания, усилившемся в годы Первой мировой войны. По его словам, в период трансформации «человека земли» в «человека с ружьем» структурообразующие элементы массового сознания крестьян подвергались серьезной деформации, произошла депрофессионализация и частичная демократизация 15-миллионной русской армии, актуализированными оказались дуалистический код мировосприятия бывших крестьян, стереотип деления мира на «мы» и «они», инстинкты насилия и вседозволенности, склонность к локализации

источника зла на представителях враждебной общности («врагах», «чужаках» и т. д.). В результате армия из основного института государственной власти все более превращалась в «неуправляемый сброд», «одуревшее и озлобленное человеческое стадо», «пороховую бочку» социальной революции». И лучше других этой ситуацией воспользовались большевики, которые вознеслись к власти «на гребне солдатско-крестьянской революции, одной из сторон которой было разложение армии, состоящей преимущественно из крестьян»[44].

Особое место в истории проекта «Народ и власть» занимают дискуссии о *социальной природе модели общества и государства Советской России*. Эта проблема также неразрывно связана с вопросом о роли крестьянского сознания в политической истории страны.

Многие участники проекта согласны с его организаторами в том, что обретение подлинного понимания советской истории 1920–1930-х гг. возможно только в том случае, если рассматривать ее как неотъемлемую часть мировой и отечественной истории и, в частности, как завершающий этап Русской революции. Такой подход позволяет понять подлинный смысл социальных и политических процессов того времени, в том числе *феномен сталинизма*, который может рассматриваться как явление почвенное, «связанное со всеми предыдущими этапами нашей истории», как вынужденная политика «проведения модернизации в условиях не закончившейся гражданской войны и краха надежд на мировую социалистическую революцию, вызванного завершением мировой революционной волны начала XX в.»; как финал продолжавшегося на протяжении многих столетий противостояния государства и крестьянства (государственного централизма и общинного локализма) и исторически-конкретная реализация социокультурного компромисса между Городом и Деревней[45].

Тема укорененности сталинизма в отечественной и мировой истории звучала и в выступлениях

А.Н. Медушевского. Но, с его точки зрения, сталинизм «основывался на феномене государственной собственности на землю и на «пожирании общества государством» и представлял собой новую форму «литургического государства» (по аналогии с Византийской империей), «азиатского способа производства», «восточной деспотии» (по аналогии с Древним Востоком) или «служилого государства» (по образцу Московской Руси)[46].

В свою очередь, В.В. Кондрашин подчеркивает «факт исторической неизбежности трагедии крестьянской страны, вставшей на путь индустриальной модернизации». По его словам, сталинский режим «не был пионером в этом деле». «Антикрестьянский характер аграрной политики, связанный с необходимостью индустриализации страны и коммерциализации сельского хозяйства, был характерен и в эпоху отмены крепостного права, и в пореформенный период, в то числе в годы столыпинской аграрной реформы», «в контексте исторической практики решения крестьянского вопроса в России и за ее пределами феномен сталинизма объясняется наследием, как царской России, так и Великой русской революции. Он не противоречит и мировому опыту»[47].

На неразрывную психоментальную связь сталинизма с историей дореволюционной и революционной России указывал С.А. Есиков. По его мнению, сталинская диктатура была обусловлена аграрным прошлым которое давило «всеми своими проявлениями с такой же силой, с какой приходилось преодолевать его в ходе индустриальных преобразований». Поэтому И.В. Сталин «неизбежно должен был воплотить в себе не только цезаризм российских императоров, но и вождизм народных масс»[48].

А.И. Фурсов акцентирует внимание на другой стороне этого вопроса, на том, что Советской России в наследство от самодержавия достались такие социальные проблемы (аграрное перенаселение; необходимость восстановления властного социального контроля над всеми слоями населения; необходимость преодоления

крестьянского локализма и создания единой нации («советского народа») как этнополитического образования современного типа), без решения которых само ее существование в XX в. было просто невозможно. При этом решать их необходимо было в ситуации форсированной подготовки к грядущей мировой войне[49].

Свою трактовку генезиса советской модели государства и общества и роли в ней крестьянского сознания в контексте своей теории системных кризисов дал В.П. Булдаков. Рассматривая эту модель как закономерный итог «Красной смуты», он отмечает, что «характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы», поэтому «секрет» утверждения сталинской деспотии следует искать не в тех или иных диктаторских качествах «вождя», а в возникновении между ним и бунтующей, но «косной» массой временных коммуникативных связок и связей архаичного (дополитического) типа[50].

В.В. Бабашкин, касаясь проблемы «крестьянственной» преемственности Советской России от России дореволюционной, отметил, что «в результате действия глубинных предпосылок коллективизации советской деревни сбылась мечта Столыпина: громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье»; «общество оказалось завалено обломками этого гигантского обрушения, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала». В этой связи он напоминает точку зрения М.Л. Левина, согласно которой, когда крестьянская община в России исчезла и «аграрное царство» рухнуло, то общинность, крестьянственность осталась, «подобно улыбке того кота», и «царству промышленно-городскому пришлось ее унаследовать», «советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни». Таким

образом, в стране сформировалось «посткрестьянское» общество[51].

Аналогичным образом к анализу роли крестьянского сознания в становлении и развитии советского общества подходит А.В. Михайлюк, который пишет: «Без индустриализации невозможно было решить проблему аграрного перенаселения. Процессы индустриализации и урбанизации приводили к массовым миграциям, росту численности городского населения за счет сельского. Индустриализация и урбанизация вели к разрушению традиционного уклада крестьянской жизни, но переносили его на “большое общество”. Россия приобрела черты большой общины, большого “мира”». Благодаря индустриализации и коллективизации «размытый крестьянский тип ментальности начинает проникать в другие социальные слои, а затем и преобладать в Советском Союзе. Именно крестьяне и их мировоззрение в течение многих десятилетий определяли культуру, быт, взгляды советских людей – и это влияние чувствуется в нашем обществе сих пор»[52].

На важный аспект вопроса о роли крестьянского сознания в становлении постреволюционного большевистского политического режима обратил внимание В.Я. Романченко. По его словам, «успешному пресечению Сталиным инакомыслия в его политической борьбе способствовало и само крестьянство, воспитанное веками в духе общинных традиций, отрицавших и осуждавших, в частности, всякое отклонение от коллективного мнения, то есть всякую оппозицию». Исход борьбы за власть в партии и государстве в 1920-1930 гг. и утверждение культа Сталина Романченко связывает с тем, что «исторически в крестьянской среде существовала и передавалась из поколения в поколение вера в доброго царя, и психологически крестьянство было готово к восприятию Сталина как нового царя»[53].

Организаторы проекта «Народ и власть» исходят из необходимости отказаться от сталинских и антисталинских мифов и посмотреть на Сталина не только как на

«крестьяноборца», «мучителя и гонителя крестьян», но и как на «крестьянского царя... или, может быть, даже крестьянского вождя», обращая внимание на то, что «идеологически и психологически между сталинизмом и крестьянством не так мало общего, как это принято изображать большинством аграрных историков и крестьяноведов», и что, возможно, беспощадный (но отнюдь не бессмысленный) крестьянский бунт и сталинская диктатура (тоже отнюдь не бессмысленная) изоморфны друг другу.

Сама беспощадная сталинская власть может рассматриваться как «оборотная сторона крестьянской природы» и, возможно, единственно адекватный ответ на вызов беспощадной исторической эпохи; сталинизм как модель системного взаимодействия власти и общества вполне может быть рассмотрен в контексте крестьянской утопии – как, в каком-то смысле, «Ответ» на нее, и даже ее реализация[54] вследствие диалектических процессов раскрестьянивания и окрестьянивания страны, превративших СССР в своеобразное воплощением крестьянской утопии – мегаобщину, «надлокальный советско-имперский макро-«мир» (пришедший на смену множеству локальных крестьянских микро-«миров»), который «видит себя как «мир» – и из века противостоит миру другому, чуждому и враждебному, а в своем собственном мире наводит порядки, руководствуясь свойственными крестьянскому сознанию мировоззренческими императивами и архаическими антитезами «свои – чужие» и «кто не с нами, тот против нас»[55].

Среди участников мероприятий и сборников проекта были и сторонники ставшей в последние тридцать лет традиционной для нашей историографии точки зрения, согласно которой сложившая в СССР модель государства и общества являлась «антикрестьянской», и рассматривалась крестьянами как нечто чуждое их природе.

Так, А.В. Чертищев сомневается в том, что «советская власть имела прочную опору в деревне» и что «крестьянство приняло ее как свою». На его взгляд, «речь может идти только о практичной адаптации сельского мира к новой реальности, но не о вере новой власти»[56].

Однако даже среди коллег, разделяющих подобные взгляды, немало тех, кто согласен, что победа «антикрестьянской» власти в крестьянской стране была отнюдь неслучайной. Тот же В.В. Кондрашин пишет: «И здесь, несомненно, влияние коммунистической идеологии, обосновавшей необходимость насилия над крестьянством, оправдавшей его жертвы «светлым будущем». То есть, сталинизм как феномен и практика решения аграрного вопроса в России не мог возникнуть и реализоваться без соответствующей идеологии. При всей своей утопичности она оказалась ближе советскому крестьянству, по сравнению с рыночными идеалами П.А. Столыпина, поскольку совпадала с многовековыми общинными представления крестьян о социальной справедливости»[57].

Рассуждая о коллективизации, Кондрашин соглашается с точкой зрения японского историка Х. Окуды, согласно которой социальной базой сталинизма в деревне стала сельская молодежь, воспитанная Советской властью, ориентированная на новую жизнь и карьеру в рамках «нового курса»: «у власти были исполнители ее антикрестьянской политики в крестьянской стране»[58].

Важный аспект темы, который, к сожалению, часто остается за пределами внимания исследователей, затронули Д.И. Люкшин и А.И. Фурсов. Люкшин, ссылаясь на «свидетельства авторитетных очевидцев (С.Ф. Платонов, А.В. Чаянов, и др.)», пишет о том, что «в конце 20-х гг. в стране интенсивно формировалась оппозиция по линии «Центр – Периферия», грозившая дисфункцией Соввласти и параличом госаппарата»[59], поэтому смысл аграрной политики большевизма накануне реализации практической программы подготовки к мировой войне, – установление

контроля над периферией – можно признать объективно обусловленным. Фурсов отмечает, коллективизация привела к восстановлению властного контроля над всеми слоями населения (включая крестьянство), который резко ослаб в позднесамодержавную эпоху. Большевикам удалось это сделать «с помощью новой социальной организации, за которой стояли идеалы социальной справедливости и мощный репрессивный аппарат...». Коллективизация стала инструментом, при помощи которого власть смогла заменить «локальную крестьянскую идентичность на общенациональную, социалистического типа» и превратить крестьян в нацию («советский народ») – этнополитическое образование современного типа, выступив «одним из важнейших средств создания нового общества» и «нового человека, соответствующего как заявляемым режимом целям и ценностям, так и требованиям, предъявляемым современным миром, мировой борьбой»[60].

Рассматривая раскрестьянивание России в общемировом контексте, Фурсов пишет: «XX столетие стало веком-терминатором для многих социальных групп. Первым под “топор прогресса” пошло крестьянство: вся первая половина XX в. – эпоха раскрестьянивания. В последней трети XX в. “крайним” оказался рабочий класс... ну а конец XX в. стал неприятным сюрпризом для мирового среднего слоя... Но первой жертвой... стало крестьянство. Произошло это как в капиталистической зоне мировой системы, так и в зоне системного антикапитализма – в СССР. В последнем случае средством раскрестьянивания стала коллективизация». Результаты раскрестьянивания «обеспечили русским победу в войне, победу, без которой они были обречены на стирание Ластиком Истории – физическое, историческое, моральное». Иначе «крестьянская Россия не смогла бы выжить в жестокой мировой борьбе XX в. – выжить могла только советская Россия, созданная новой властью в той же мере, в какой она создала ее: интернационал-социалистов, гвардейцев кардиналов мировой революции команда Сталина уничтожала руками

вчерашних крестьян, превратившихся в советских аппаратчиков, и эта масса существенно меняла, модифицировала возникшую в 1917 г. власть»[61].

Завершая этот краткий обзор, хотелось бы подчеркнуть принципиальную позицию организаторов и многих участников проекта «Народ и власть» о методологической роли крестьяноведения в современном россиеведении: изучение крестьянских («крестьянственных» или «крестьянско-сознательных», а то и «крестьянско-подсознательных», и даже «крестьянско-бессознательных») характеристик полезно, в том числе, и для системного осмысления современного протестного движения в России и на постсоветском пространстве»; «не поняв эту глубинно-историческую связь, мы не поймем и того, что в очередной раз происходит с Россией сегодня. Не поймем и того, что будет с ней завтра»[62].

Библиография

[1] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянское сознание как фактор политической истории России // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 200–215 *(публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 15-31-12034).*

[2] Форум «Народ и власть». URL: http://www.nivestnik.ru/forum.shtml

[3] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17.

[4] *Бродовская Л.Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории // Власть. 2013. № 4. С. 189–191.

[5] Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. С. 375–416.

[6] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171.

[7] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

[8] Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2010.

[9] Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола. М., 2011.

[10] Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.). М., 2012.

[11] Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014.

[12] *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 69–89.

[13] *Бродовская Л.Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // Родина. 2013. № 4. С. 35–37.

[14] *Ревин И.А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 56–66.

[15] *Шевельков А.И.* Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Научный диалог. 2013. № 12. С. 169–181.

[16] *Гордон А.В.* Аграрная модернизация советского образца: Полемические заметки // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 58–67.

[17] *Хорос В.Г.* Понимание как основа историзма: о книге «Сталинизм и крестьянство» //Новый исторический вестник. 2015. № 1. С. 135–153.

[18] *Бордюгов Г.А.* Вне поля аграрной истории, за пределами крестьяноведения // Российская история. 2015. № 4. С. 188–192.

[19] *Леонтьева Т.Г.* Сталинизм и крестьянство // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2014. № 4. С. 165–171.

[20] *Ланской Г.Н.* Круглый стол как историографическое явление: русский крестьянин и его хозяйство в период Первой мировой войны // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 1 (10). С. 136–143.

[21] *Колганов А.И.* Сталинизм и крестьянство // Вопросы истории. 2016. № 3. С. 169–175.

[22] *Любичанковский С.* Первая мировая война и российское крестьянство как проблема для всероссийской дискуссии:

историографический опыт последних лет // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 164–170.

[23] *Любичанковский С.* Российское крестьянство и Первая мировая война: всероссийская дискуссия // Quaestio Rossica. Т. 4. 2016. № 2. С. 267–275. DOI: 10.15826/qr.2016.2.169.

[24] Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360.

[25] *Михайлюк А.В.* Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – «окрестьянивания» в XX веке // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 149.

[26] *Бабашкин В.В.* К вопросу об «аграрном деспотизме» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 46–47.

[27] *Бабашкин В.В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 71–72.

[28] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 123–124.

[29] Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 449.

[30] *Люкшин Д.И.* Деревня Семнадцатого года: сотворение периферии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 188–189.

[31] *Булдаков В.П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 134.

[32] *Марченя П.П.* Крестьянское сознание как доминанта Русской революции // Научный диалог. 2015. № 12 (48). С. 303–315.

[33] *Марченя П.П.* Крестьянское сознание как фактор новейшей истории России // Философские исследования и современность: Вып. 5. М., 2016. С. 218–227.

[34] *Жердева Ю.А.* Революция 1917 года как «городская революция»: «карнавальная культура» и урбанистический мир // Народ и власть в российской смуте. М., 2010. С. 109–110, 113, 112, 111.

[35] *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 243.

[36] Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 653.

[37] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 387, 388.

[38] Община и революция // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 420–480. С. 425–426, 427, 428.

[39] Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 83.

[40] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От организаторов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 16–21.

[41] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2. С. 8–89.

[42] *Марченя П.П.* Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 194–219.

[43] *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 43, 51.

[44] *Чертищев А.В.* Первая мировая война и крестьянство России: некоторые аспекты трансформации «человека земли» в «человека с ружьем» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 411.

[45] Иосиф Сталин как крестьянский царь // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 673, 623–626.

[46] Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 595–596.

[47] *Кондрашин В.В.* Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 101, 103.

[48] Иосиф Сталин как крестьянский царь // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 649, 650.

[49] *Фурсов А.И.* «Красная правда» против «Зеленой правды»: русская трагедия XX века // Крестьянство и власть в истории XX века. М., 2011. С. 387–390.

[50] *Булдаков В.П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 135.

[51] *Бабашкин В.В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 73, 76–77.

[52] *Михайлюк А.В.* Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – «окрестьянивания» в XX веке // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 142–155. С. 152–153.

[53] *Романченко В.Я.* Сталинизм и крестьянство в Великой Русской революции // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 190–191.

[54] Иосиф Сталин как крестьянский царь // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 627, 625, 629.

[55] Коммунистическая Россия как мегаобщина // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 601–602.

[56] Там же. С. 611.

[57] *Кондрашин В.В.* Феномен сталинизма в контексте мировой и отечественной исторической практики решения крестьянского вопроса // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 103.

[58] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 279.

[59] *Люкшин Д.И.* Пряничный домик Дядюшки Джо: интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 129–130.

[60] *Фурсов А.И.* «Красная правда» против «Зеленой правды»: русская трагедия XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 388–389, 390.

[61] Там же. С. 386, 393.

[62] Иосиф Сталин как крестьянский царь // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 629.

МЯТЕЖНАЯ РОССИЯ:
ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ» В ИСТОРИОГРАФИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ КРИЗИСОВ (ВЗГЛЯД С ДОНА)

И.А. Ревин

Прим.: *в отредактированной сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Новом историческом вестнике»*[1]

В конце 2012 г. вышел в свет очередной – уже третий[2] – сборник научного проекта «Народ и власть», нацеленного на глубокое исследование одной из самых актуальных и дискуссионных проблем всей российской гуманитаристики – взаимоотношениям общества и государства (в предыдущие два года были изданы первый («Народ и власть в российской смуте»[3] и второй («Крестьянство и власть в истории России XX века»[4]) сборники, также посвященные проблемам взаимодействия народа и власти в условиях системных кризисов).

Проект «Народ и власть» уже «зазвучал» в отечественной историографии: его круглые столы, семинары и публикации (как в научных журналах, так и в виде сборников статей и материалов) сразу обратили на себя внимание специалистов стремлением к глубокому осмыслению революционного прошлого России с различных, подчас противоположных, позиций участников дискурса. Тот факт, что в российской элите, да и обществе в целом, «нет единства мнений о былом, а поэтому не может быть искомого компромисса и по поводу грядущего»[5], только подчеркивает научную и общественную значимость этого проекта.

Привлечение к дискуссии ведущих отечественных специалистов – историков, социологов, правоведов, политологов, философов и др. – делает проект междисциплинарным и фундаментальным. Благодаря ему, научное сообщество получило открытую площадку для острых, а поэтому весьма поучительных прений (что особенно ценно, все публикации проекта размещаются в свободном доступе в Интернете), а в споре, как известно, рождается истина. Немаловажно, что проект «Народ и власть» помогает реализовать одну из важнейших практически ориентированных функций истории – прогностическую[6], что также, несомненно, будет способствовать его популяризации.

Рассуждая о системности кризисов в России, историки часто наталкиваются на мысль о предопределенности выводов. Чем больше исходных точек анализа, тем сложнее выделить общую закономерность их расположения и направления их дальнейшего движения, а, значит, у исследователя появляется соблазн повернуть их в русло нужной концепции (собственной или заимствованной – в данном случае не столь важно), не обременяя себя дополнительными аргументами.

«Разруха в головах» – она, в том числе, и в головах самих ученых. Как философия была «служанкой богословия» и стремилась к свободе, так истории нужно освободиться от господства идеологии. Для русской исторической школы, с ее ярко выраженным, гипертрофированным этатизмом, это сделать будет нелегко.

В этой связи обращает на себя внимание опубликованная в третьем сборнике работа В.Б. Аксенова о психологии масс накануне революции 1917 г. Автор отмечает, что мистификация общественного сознания затронула все слои населения Российской империи и способствовала делегитимизации власти. «Религиозный кризис и криминализация общества приводили к переоценке многих ценностей, морально-нравственных и общественных устоев. Революция пробуждала в людях жажду деятельности, узаконила идеал человека-революционера»[7]. Черты

иррационального мировоззрения и поведения в сознании русского человека присутствовали всегда, но они были скрыты от глаз окружающих, преследовались государством и церковью, порицались обществом. В революционный период они вырвались на поверхность. Почему так произошло – вопрос вопросов.

О причинах Крестьянской революции в России первой трети XX в. рассуждает известный историк-аграрник В.В. Бабашкин. Он обобщил основные результаты исследовательского проекта «Крестьянская революция в России 1902–1922 гг.» и основное внимание сосредоточил на роли крестьянства в революционном процессе. Автор реанимирует историографический тезис об отсутствии в России накануне «Великого Октября» «капитализма в западном понимании этого слова» и о ведущей роли в революционных событиях самого антикапиталистического сословия – общинных крестьян[8].

Действительно, о каком капитализме в чистом виде может идти речь, если большинство крестьян по-прежнему испытывали полуфеодальное давление со стороны бывших владельцев, государства, разбогатевших общинников? Скажем, в Области войска Донского, где капиталистические отношения получили большее распространение, многие крестьяне вынужденно арендовали землю казаков для прокормления собственных семей, а не для получения прибыли. Казаки же своей поголовной военной службой несли фактически феодальные (вассальные) повинности государству. Распространение на коренных донских крестьян всеобщей воинской повинности, по мнению самих крестьян, ставило их вровень с казаками. Обеспеченность крестьянских хозяйств землей была в 3–4 раза меньше, чем казачьих, поэтому они стали требовать уравнения в правах с другими сословиями. Однако это произойдет слишком поздно: только 2 (15) декабря 1917 г. атаман А.М. Каледин решился на создание паритетного войскового правительства. А Большой войсковой круг примет «Положение о принудительном отчуждении частновладельческих (помещичьих, офицерских,

дворянских и др.), церковных и монастырских земель в войсковой земельный фонд» только в августе 1918 г. Отметим, что речь не шла о национализации – предполагалась раздача земли малоземельным казакам и коренным донским крестьянам (при условии, что они не участвовали в борьбе против казачества). Иногородние крестьяне в законе не упоминались вообще, и, как следствие, эта самая революционно настроенная часть крестьянства продолжила борьбу за землю.

В этой связи отметим: заключение В.В. Бабашкина о том, что «в пореформенное сорокалетие максималистски понимаемая крестьянами свобода превращается у них в революционную идею»[9] – абсолютно справедливо. Однако, борясь с властью, крестьяне не знали, что с ней делать, впрочем, как и другие революционные силы. Отсюда – решение сиюминутных задач, которые носили ситуативный характер. Главное – земля. Отсюда – массовое распространение самозахвата дворянских земель без ликвидации политического строя. А вот борьба политических сил за крестьян в годы революции – это, скорее, стремление получить контроль над армией. Как в период Смуты начала XVII в. законные цари и самозванцы боролись за влияние на казаков и земское ополчение, а в эпоху дворцовых переворотов придворные группировки – за расположение гвардии, так в 1917 г. развернулась «битва за бойца», победу в которой одержали большевики.

Крестьянин сам по себе не опасен – опасен вооруженный крестьянин, ибо эмоционально-психологический настрой «человека с ружьем» не приемлет компромиссов. Стремясь решить все «здесь и сейчас», он одним выстрелом способен развязать кровавую бойню. Отсюда – предопределенность Гражданской войны, ибо слишком радикальные шаги крестьян (выраженные эсерами, а затем большевиками) изначально вели к формированию антибольшевистского лагеря из весьма разрозненных социальных и политических групп (монархисты, националисты, казаки, помещики, офицеры). То, насколько

серьезными были эти противоречия, на примере временного и непрочного союза Добровольческой армии и Донского казачьего войска в конце 1917 – начале 1918 гг. подробно проиллюстрировал С.В. Карпенко: «Этот неудачный и трагический опыт показывает, сколь глубоким был революционный раскол российского общества, столь всеобщим – развал российской государственности, сколь неодолимым – разрушительный напор новой русской смуты»[10 11].

Тезис В.В. Бабашкина о том, что в самые тяжелые периоды Гражданской войны Советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение, – нуждается в дополнительной аргументации. Думается, в этом явлении комплекс причин – относительно развитая транспортная инфраструктура, промышленность и связь, малоземелье крестьян, близость к революционным столицам и пр.

«Архитектура взаимоотношений крестьянства и власти в России», «неудобный» для «отечественного исторического сообщества» аграрный вопрос применительно к 1917 г. стали объектом внимания Д.И. Люкшина. В последние два десятилетия аграрной историей, по его оценке, занимались больше по инерции ученые старшего (еще советского) поколения, и – надо отдать им должное – весьма продуктивно. Падение идеологического гнета привело к отказу от классово-экономического детерминизма в рассмотрении крестьянской проблематики, а накопленный статистический и фактологический материал позволил выдвинуть новые гипотезы и теории. Среди молодых историков научный интерес к крестьяноведению существенно ниже, что обусловлено, главным образом, многообразием новых направлений исторического познания. (В этой связи отметим, что в рамках научного проекта «Народ и власть» также осуществляется комплексная попытка возрождения и развития лучших традиций отечественного крестьяноведения, примером чему служат публикации в изданиях «Власть»[12 13], «История в подробностях»[14], «Обозреватель–Observer»[15 16]

«Знание. Понимание. Умение»[17], «Общественные науки и современность»[18], «Российская история»[19], «Крестьяноведение» (вып. 7[20], 8[21] [22] и др.).

Д.И. Люкшин констатирует, что современное крестьяноведение больше опирается на накопленную в предшествующий период источниковую базу, чем расширяет ее за счет ввода в научный оборот новых архивных документов. Интересен вывод автора о роли дезертиров в революционном движении начала XX в.: «именно дезертиры и отпускники выступили зачинщиками первых крестьянских беспорядков»[23]. Это объясняет высокую степень деморализации русской армии в период Первой мировой войны, что стало важным фактором распространения революции. В центральных губерниях страны сил Отдельного корпуса жандармов для ликвидации крестьянских выступлений явно не хватало, а широко привлекать к подавлению «бунтов» армейские части власти побаивались. Так, в Области войска Донского эти функции выполняли казаки, и их действия только обостряли и без того накаленные донельзя сословные противоречия с крестьянством, во многом обусловившие жестокость Гражданской войны на Дону.

В.П. Булдаков посвятил свою работу проблеме мифологизации революций в историографическом контексте. Главная причина, порождающая мифотворчество, по мнению автора, кроется в том, что «историю всякой революции следовало бы изучать с позиций синергетики, а не прогрессистского видения истории, твердо усвоив, что в сложноорганизованных системах все взаимосвязано» и что видовая особенность российской историографии заключается в неумении отпочковаться от мифа[24]. Действительно, в России как никакой другой стране история стала «служанкой идеологии», и эту ее функцию осуществляют сотни (если не тысячи) «прислужников». В.П. Булдаков рассматривает некоторые наиболее одиозные «труды», в частности многочисленные публикации М. Веллера и В. Мединского.

Вывод Булдакова о том, что «действует целая PR-фабрика по производству государственно востребованных мифов», подтверждают и работы других авторы проекта.

Собственно феноменологии революции посвящена работа П.П. Марченя. В свойственной автору манере выделены и обобщены «историографически недоосмысленные пласты» русской революции (по каждому из них оригинальная авторская точка зрения представлена в отдельных публикациях: женское начало в Русской смуте[25], пьяные погромы в 1917 г.[26 27], российская многопартийность как фактор смуты[28 29], массовое правосознание как доминанта смуты и революции в России[30 31 32].

Автор не объяснил критерии вычленения этих направлений, не обозначил иерархичность их влияния на революционные события. Он лишь констатировал, что факторов смуты и революции много больше. На наш взгляд, этот перечень следует дополнить как минимум еще двумя: переоценка традиционной системы ценностей и деморализация армии.

Думается, стоит согласиться с мнением Марченя о том, что Февраль и Октябрь не только остаются полюсами общественно-политической жизни России в ее смутные времена[33] – они задают смысловые координаты, в рамках которых строится современное «проективное россиеведение», вычерчиваются различные варианты траектории «Русского пути»[34].

О необходимости теоретического обоснования революционности России рассуждает А.И. Фурсов, считая, что «научный факт есть эмпирический факт, включенный в рамки той или иной теории; вне теории есть только эмпирические наблюдения, за которыми скрывается... плохая теория»[35]. По его мнению, слабое понимание собственной природы, собственного народа («общества») и отношений с ним – характерная черта всех исторических систем власти в России. Очевидно, что ключевой – и притом «бездонной» – проблемой здесь является раскол между элитой и обществом, «правителями» и «управляемыми», «верхами» и «низами».

Историческим альтернативам революции посвящена работа А.В. Чертищева. Он предлагает пересмотреть историческую оценку революции 1905–1907 гг. Соглашаясь с мнением Ю.С. Пивоварова, автор считает, что главная удача этой революции состояла том, что она завершилась компромиссом между властью и обществом, но не победой одной из этих двух сил. Правда, возникает сомнение в том, что «это был в высшей степени взаимовыгодный компромисс власти и общества»[36], так как дальнейшее развитие событий показало неспособность власти решить назревшие проблемы эволюционным путем. (Попутно отметим, что отдельными авторами проекта «Народ и власть» вся Первая русская революция и последующее развитие революционных событий рассматриваются в контексте органического антагонизма либеральной альтернативы и крестьянской России[37]). Ограниченный и противоречивый характер преобразований (прежде всего в аграрной сфере) и привел Россию к революции 1917 г.

В итоге аграрной реформы П.А. Столыпина даже в относительно хорошо обеспеченной землей Области войска Донского не только не прекратилась, но еще более обострилась борьба против помещиков в сочетании с борьбой между крестьянской беднотой и кулачеством (так, в 1915 г. в поселке Больше-Каменском Таганрогского округа имел место массовый погром кулацких хозяйств). Политика насильственного разрушения общины и насаждения хуторских и отрубных хозяйств наталкивалась на растущее сопротивление крестьян Дона. В ряде мест они не допускали землемеров к проведению землемерных работ, выступая против несправедливого выделения отрубов, которое лишило сельские общества лугов, водопоев, свободного проезда. Это вело к агрессии против отрубщиков и хуторян, в которых крестьяне видели главный источник своих бед.

Столыпинская реформа в полной мере не сгладила остроты аграрного вопроса. Около четверти всех хозяйств Области войска Донского не имели посевов, около трети не имели сельскохозяйственного инвентаря, а примерно 1/6

часть – не имели никакого скота. Казачество, в сравнении с крестьянами, находилось в лучшем положении, но и среди казаков было немало бедняцких хозяйств. Более того, 21% крестьянских хозяйств принадлежало более 75% всей надельной и купчей земли крестьян, тогда как на долю 79% хозяйств приходилось менее 25% всей земельной площади, принадлежавшей крестьянскому населению области. По данным переписи 1917 г., 15 652 (10,23%) донских крестьянских хозяйств были безземельными, 68 тыс. (44,44%) имели менее 4 дес. земли, 39 тыс. (25,49%) имели 4–10 дес., 30 348 (19,83%) – от 10 до 100 дес. земли[38]. В сознании крестьянина земля – кормилица. Поэтому смысл его жизнедеятельности заключается в развитии хозяйства любыми доступными средствами, в том числе противозаконными, но воспринимаемые крестьянским миром как справедливые.

По подсчетам Л.И. Футорянского, в волостях приписных крестьян без земли насчитывалось 13 446, посторонних – 20 320 хозяйств, а всего на Дону было 86 590 безземельных хозяйств. Примерно половина из них не нуждалась в земле и давно занималась разными промыслами (43 295 хозяйств)[39]. Войсковая запасная земля составляла 12 807 101 дес. (15,1% всей земли), чиновникам и офицерам принадлежало 1 193 316 дес. (9,3%).

И если разделить всю эту землю на количество нуждающихся в ней хозяйств, то получим по 45 дес. на хозяйство. Середняцким хозяйствам требовалось по 22,5 дес. на двор, поэтому земельный вопрос на Дону можно было решить без конфискации станичных земель. Однако на перераспределение помещичьих земель войсковое правительство решится только летом 1918 г.

А.В. Чертищев прав, заключая, что искусственно задержанная эволюция обязательно превращается в будущую революцию, как и особенности самого эволюционного развития России.

Вторая часть сборника представляет собой подробное изложение выступлений на круглом столе «Народ и власть

в российской смуте», состоявшемся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН[40] (ранее материалы этой большой и важной дискуссии публиковались лишь частично, в 6 номерах журнала «Власть» за 2010 г. (№№ 4[41], 5[42], 6[43], 7[44], 8[45], 9[46]), обзоры были представлены в журналах «Вестник архивиста»[47] и «Федерализм»[48]

В ней нашли отражение основные историографические и методологические пробелы изучения революций. Интересной и требующей трезвого обдумывания представляется позиция организаторов проекта по поводу методологии разделения понятий смуты и революции. Дискуссионным выглядит и их тезис о том, что смуты бывают только в империях, в то время как революции могут происходить в любых государствах.

Имперский формат России[49] – это, прежде всего, наличие всемирно значимой Идеи[50], которая консолидирует власть и массы[51], превращая их в единый субъект истории, осознающий свою миссию[52] (определяя мировоззренческие императивы их исторического пути[53]) . Полагаю, что подобной точки зрения придерживается большинство народов мира, и, например, восприятие афганцами или иракцами событий в своем отечестве мало отличается от ощущений россиян периода смутного времени. Собственно, и этапы смуты во многом схожи: падение правящей династии (авторитарного режима) – иностранная интервенция – борьба за власть между политическими (этническими) группировками – национально-освободительная война – легитимация новой власти, консолидировавшей общество.

Главная причина смут/революций – потеря властью доверия населения. Прививкой против них может стать развитие демократических принципов формирования властных органов, децентрализация и самостоятельность вместо вертикали власти, когда нижестоящие чиновники ведут себя коленопреклоненно. В таких условиях у центральной власти появляется возможность разделить ответственность с региональными и местными чиновниками, но в обществах, исторически склонных к авторитарному

строю, этот процесс может быть воспринят как слабость центральной власти и способствовать распространению сепаратизма, что все мы относительно недавно наблюдали в России.

Сдержанность выводов автора сборника о современном состоянии российского государства и общества объясняются серьезным отношением авторов к изучаемой проблеме, осознанием «щепетильности» вопроса исследования, незавершенностью проекта и – как следствие – преждевременности подведения итогов.

Системность кризисов и их всеобъемлющий характер позволяют приступать к анализу с любой стороны. И тот факт, что редакторы разместили материалы по алфавиту фамилий авторов, не умаляет значение каждой отдельно взятой работы. Более того, во многих из них мы находим ответы на поставленные в ходе обсуждения вопросы.

В заключение отметим, что актуальность заявленной темы для столичных интеллектуалов гораздо выше, чем для провинциалов, так как все революции начинались в столице, а смуты заканчивались в ней.

Библиография

[1] *Ревин И.А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 56–66.

[2] Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012.

[3] Народ и власть в российской смуте. М., 2010.

[4] Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011.

[5] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От авторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 10–11.

[6] *Марченя П.П.* «Смута» как проблема отечественной истории: Чему учат системные кризисы России? // История в подробностях. 2010. № 5. С. 86–91.

[7] *Аксенов В.Б.* Политическая семиосфера и психологическая динамика российского общества в 1914–1917 гг.: От мистификации общественного сознания к революционному психозу // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 34.

[8] *Бабашкин В.В.* Два большевизма, или место Октября в Русской революции // Россия и революция: Прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 37–38.

[9] Там же. С. 52–53,

[10] *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и Донское казачье войско в конце 1917 – начале 1918 гг.: Несостоявшийся союз // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 170.

[11] *Карпенко С.В.* Добровольческая армия и казачий «Юго-Восточный союз»: Разные пути возрождения России // Обозреватель–Observer. 2012. № 10. С. 118.

[12] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171.

[13] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184.

[14] *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96.

[15] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель-Observer. 2011. № 9. С. 18–25.

[16] Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель-Observer. 2011. № 11. С. 29–44.

[17] Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360.

[18] Крестьянство и власть в истории России XX века (По итогам Международного «Круглого стола») // Общественные науки и современность. 2012. С. 79–95.

[19] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219.

[20] Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. С. 375–416.

[21] Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 348–385.

[22] Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 386–440.

[23] *Люкшин Д.И.* Деревня Семнадцатого года: Сотворение периферии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 184.

[24] *Булдаков В.П.* Революция и мифотворчество: Коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 160–162.

[25] *Марченя П.П.* Баба и Смута: К мифу о «не женском лице войны» и прочих социальных бед // История в подробностях. 2012. № 11. С. 82–89.

[26] *Марченя П.П.* «Зеленый змий» на службе «Красной смуты»: Алкоголь и пьяные погромы от Февраля к Октябрю 1917-го // История в подробностях. 2010. № 4. С. 30–43.

[27] *Марченя П.П.* Пьяные погромы и борьба за власть в 1917 г. // Новый исторический вестник. 2008. № 1. С. 84–95.

[28] *Марченя П.П.* Политические партии и массы в России 1917 года: Массовое сознание как фактор революции // Россия и современный мир. 2008. № 4. С. 82–99.

[29] *Марченя П.П.* Массы и партии в 1917 году: Массовое сознание как доминанта русской революции // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 64–78.

[30] *Марченя П.П.* Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. 2009. № 7. С. 212–227.

[31] *Марченя П.П.* О полидисциплинарном подходе к изучению места и роли масс в истории // Вестник РГГУ. 2012. № 4. С. 261–275.

[32] *Марченя П.П.* Массовое правосознание как фактор русской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. С. 20–22.

[33] *Марченя П.П.* Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 215.

[34] *Марченя П.П.* «Февраль» и «Октябрь» в российском календаре // Научный диалог. 2013. № 1. С. 21–34.

[35] *Фурсов А.И.* Народ, власть и смута в России: Размышления на полях одной дискуссии // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 239.

[36] *Чертищев А.В.* Революция: Возможности и реальность сдерживания // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 268.

[37] *Разин С.Ю.* Крестьянство Среднего Поволжья и политические партии в революции 1905–1907 гг. // Новый исторический вестник. 2008. № 2. С. 57–63.

[38] Наш край: Документы по истории Донской области: XVIII – начало XX века. Ростов н/Д., 1963. С. 302.

[39] *Футорянский Л.И.* Подворное обследование всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи на Дону в 1917 г. // Взаимодействие народов и культур на Юге России: История и современность. Ростов н/Д., 2008. С. 282.

[40] Российские кризисы на круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 291–362.

[41] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17.

[42] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. 2010. № 5. С. 10–14.

[43] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. 2010. № 6. С. 13–17.

[44] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. 2010. № 7. С. 9–14.

[45] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. 2010. № 8. С. 9–13.

[46] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. 2010. № 9. С. 16–21.

[47] *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302.

[48] *Разин С.Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. 2010. № 2. С. 223–234.

[49] *Марченя П.П.* Империя, партии и массы в русской смуте // Власть. 2010. № 3. С. 105–110.

[50] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134.

[51] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65.

[52] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Империя и Смута в современном россиеведении // Новый исторический вестник. 2011. № 4. С. 89–96.

[53] *Марченя П.П.* Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России // Философия хозяйства. 2004. № 3. С. 180–187.

КРЕСТЬЯНСТВО:
ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

(РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОЛЯХ ОДНОЙ ДИСКУССИИ ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»)

А.И. Фурсов

Прим.: *в сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в издании «Обозреватель–Observer» (в 2-х ч.: 2012, № 6[1], № 7[2])*
Материалы «круглого стола», послужившего поводом для статьи, в наиболее полном виде опубликованы в составе сборника «Сталинизм и крестьянство»[3] в 2014 г.[4].

В ноябре 2010 г. журнал «Власть» и Институт социологии РАН в рамках научного проекта «Народ и власть» провели Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»[5], в работе которого приняли участие 43 ученых из России, Беларуси и Украины[6], и по итогам его был опубликован одноименный сборник[7].

Как отметили организаторы «стола», крестьянский вопрос в России затрагивает не только собственно крестьянскую сферу, но это всегда вопрос о власти, об органическом единстве власти и народа[8] (или отсутствии такого единства, добавлю я), а следовательно, это – «вопрос вопросов» русской истории[9].

Трудно сказать, вопрос ли это вопросов *всей* русской истории, но несомненно, что до конца 1920-х гг. крестьянский вопрос *вкупе с аграрным* был одним из важнейших. Неспособность решить именно этот вопрос привела, помимо прочего, самодержавие к краху. А неадекватные попытки решения (столыпинские реформы)

этот крах ускорили. А вот СССР рухнул (точнее был разрушен/демонтирован блоком внутренних и внешних сил) из-за неспособности советского общества, системного антикапитализма решить совсем иные, на порядок более сложные вопросы, а потому для русской истории второй половины XX в. аграрно-крестьянский вопрос не есть «вопрос вопросов».

В дискуссии был поднят ряд важных вопросов: о крестьяноведении, о том, что такое крестьянин и крестьянство, как оно вписано в социальную систему, о специфике крестьянства в России, о столыпинской реформе и коллективизации. Получившая продолжение[10] дискуссия представляет интерес и, так сказать, в *идеологическом* плане – одно из выступлений со стеклянной ясностью продемонстрировало, как идеологическая позиция (только теперь не коммунистическая, а либеральная в ее постсоветской версии) влияет на научный анализ, по сути разрушая его, так же, как это делала критикуемая либеральной публикой коммунистическая идеология.

Иными словами, дискуссия подталкивает к размышлению о многих важных проблемах крестьянства и его изучения, прежде всего социально-философских, что и постарался сделать автор этой статьи.

Крестьяноведение: функции и истоки

По мнению участника дискуссии Н.В. Асонова, крестьяноведение с самого начала служило конкретным политическим целям Запада, направленным на утверждение либерально-демократических ценностей, на слом глобализмом религиозно-культурной жизни деревни[11].

Этот тезис, верный в самом общем плане, нуждается в уточнении. Действительно, крестьяноведение как исследовательский комплекс возникло в качестве когнитивного средства, по крайней мере косвенно обеспечивающего решение целого ряда задач в интересах

господствующих групп Запада. В этом плане крестьяноведение можно рассматривать как типичный пример «власти-знания» (М. Фуко), конструкции, призванной обосновать социальное господство одних групп над другими – аналогичным образом, например, ориентализм призван был «ориентализировать» (Э. Саид) Восток, то есть рационализировать господство над ним Запада.

В то же время крестьяноведение возникло за несколько десятилетий до глобализации как реакция на совсем иные проблемы. Более того, переживавшие бум в 1960–1980 гг. «крестьянские штудии» (*peasant studies*) именно по мере развертывания глобализации стали оттесняться на второй план социальных исследований. На самом деле взлет крестьяноведения в те годы был обусловлен целым рядом факторов как связанных с крестьянством, так и выходящих далеко за пределы социальной практики этого слоя и теоретической рефлексии по его поводу.

Усилившееся во время Второй мировой войны и особенно после ее окончания национально-освободительное движение привело к смещению интереса исследователей от доклассовых, племенных обществ к более сложным – так называемым традиционным, крестьянским.

Во-первых, анализ последних в меньшей степени ассоциировался с «прикладным колониализмом».

Во-вторых, крестьянство все больше выступало в качестве субъекта или, как минимум, фактора социально-политических процессов в странах Азии, Африки и Латинской Америки, а этнология и культурная антропология, традиционно ориентированные на изучение охотничье-собирательских, примитивных обществ не смогли не только предсказать подъем национально-освободительной борьбы, но и объяснить его.

В-третьих, к середине XX в. исчезновение «примитивных обществ», как заметил Б. Бердичевски, заставило антропологов обратиться к более сложным

социальным структурам и «придумать» некое «крестьянское общество», чтобы не остаться без объекта исследования или же обрести новый, не менее экзотический, чем каннибалы, объект изучения вместо утраченного[12]. Если принять полушутливый тон Бердичевски, то получается, что после того как охотников за головами убедили хотя бы частично отказаться от их занятия, а австралийским аборигенам доказали, что винчестер надежнее бумеранга, их изучение утратило интерес, и на смену в качестве объекта изучения выдвинулся крестьянин.

Наконец, последнее по счету, но не по значению. В 1950–60 гг. в западной социологии широкое распространение получили теории модернизации. Они предполагали анализ аграрных структур и проблем крестьянства, но в специфической, если так можно выразиться, негативной форме: поскольку в грядущем «модернизированном» мире, согласно основным идеям его «архитекторов», крестьянам не могло быть места, они должны были исчезнуть: либо превратиться в фермеров, либо стать городскими или сельскими пролетариями. При таком подходе специфически крестьянские ценности, культура, психология интерпретировались как сугубо негативный фактор на пути развития, отождествлявшегося с модернизацией – «вестернизацией», как препятствие, которое необходимо преодолеть, уничтожить, растворить. Оформился даже целый подход в социальных исследованиях афро-азиатской деревни, отталкивающийся от тезиса: «крестьянская (традиционная) культура как источник отсталости и препятствие развитию», – представители которого писали об иррациональном, мистическом характере поведения крестьянина.

В это же время «крестьянские» неевропейские общества было легче теоретически «привязать» к развитию капитализма, типологически приравняв их к феодализму и трактуя их развитие в эволюционистском духе как стадию, аналогичную феодализму в Западной Европе, логически предшествующую капитализму и автоматически

долженствующую «прийти» к нему в процессе применения западных экономических и политических моделей развития – в процессе «модернизации».

Все это вызвало усиление интереса к крестьянству в «славное тридцатилетие» (Ж. Фурастье) 1945–1975 гг. Ну а с середины 1970-х гг. «крестьянские штудии» просто переживают бум, который продлился почти полтора десятилетия. В 1975 г. начинается издание сразу двух крестьяноведческих журналов – “Peasant studies” (Salt Lake City) и “Journal of peasant studies” (London), в которых, по сравнению с выходящим с 1936 г. журналом “Rural sociology” (Madison), акцент был смещен с аграрного на крестьянский вопрос. В 1976 г. выходит веховая работа Дж. Скотта «Моральная экономика крестьянина», вызвавшая бурную дискуссию, которая продолжалась несколько лет, а затем последовал просто шквал работ и дискуссий по крестьянству. Это было обусловлено как аграрно-крестьянской проблематикой, так и проблемами, выходившими за ее рамки.

Во-первых, стало ясно, что, вопреки прогнозам, крестьянство даже Франции, Италии и Японии, не говоря о таковом на периферии капиталистической системы, обладает значительно большим потенциалом выживания и сопротивления фермерскому и крупному капиталистическому хозяйству; более того, в таких странах как Япония и Италия, несмотря на уменьшение численности крестьянства, оно продолжало играть заметную политическую роль, став одной из баз правых и правоцентристских партий. Во-вторых, проблемы экологии, демографии, развития аграрного сектора самого по себе, «зеленая революция» – все это в 1970-е гг. усилило интерес исследователей к крестьянству. И, наконец, в-третьих: чисто практическая проблема, вставшая прежде всего перед американскими учеными: после поражения США во Вьетнаме в 1975 г. они должны были ответить на вопрос, почему вьетнамские крестьяне в массе своей поддержали коммунистов[13].

Комбинация, наложение всех этих факторов привели к тому, что уже в начале 1970-х гг. «крестьянские штудии» стали развивающейся «отраслью» науки, а во второй половине, как уже говорилось, произошел скачок. Т. Шанин писал, что крестьянство было как бы открыто заново после многих лет «пребывания во мраке», «крестьянская проблема» вернулась с шумом как главный вопрос войны и мира, в виде поля боя во Вьетнаме и голода в Индии, и нашла отражение в политике «сверхдержав», волнениях в кампусах и гетто «цивилизованного мира»[14].

К сожалению, в СССР в тот период, за довольно редкими исключениями, собственно крестьянская тематика находилась на втором плане, будучи как бы ответвлением изучения аграрного вопроса. В то же время и на Западе крестьяноведческий бум на рубеже 1980–90 гг. начал стихать, в том числе и по следующей причине: крестьяноведение как исследовательский комплекс столкнулось с такими теоретико-методологическими проблемами, которые не могли быть решены внутри изучения самого крестьянства. В частности, это проявилось в спорах об определении «крестьянина». Этот вопрос, кстати, был затронут в обозреваемой дискуссии, хотя косвенно и по касательной, но и это лучше, чем ничего: Ю.А. Васильев, отмечая, что крестьянство на политику военного коммунизма ответило войной, пишет: «Сопротивление крестьянства политике власти не позволило уничтожить в крестьянине собственника, что означало бы ликвидацию самого крестьянина как такового»[15]. Прежде чем перейти к проблеме определения понятия крестьянин, приведу мнение В.Л. Телицына о том, что хотя военный коммунизм вызвал ожесточенное крестьянское сопротивление, он спас режим, худо-бедно, но обеспечив подконтрольные ему города продовольствием[16].

Я добавлю: военный коммунизм во многом спровоцировал гражданскую войну: «Наша партия за гражданскую войну, – писал Л. Троцкий в июле 1918 г. – Гражданская война уперлась в хлеб. Да здравствует

гражданская война!». А гражданская война, как это ни парадоксально, упрочила режим, заставила большевиков сплотиться перед лицом врага – это специально подчеркивал все тот же Троцкий.

Кто такой крестьянин?

На первый взгляд ответ на этот вопрос несложен. На самом деле это не так: крестьянин – весьма сложный, нетождественный самому себе социальный тип, своеобразный «пазл».

Ю.А. Васильев верно увязывает крестьянственность с собственностью. В этом же направлении рассуждает Асонов, различающий крестьянство в широком и узком смысле: в широком – это большая социальная группа сельхозпроизводителей, в узком – только общинники.

С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Поскольку в число сельхозпроизводителей входят арендаторы и батраки, не имеющие земельной собственности и далеко не всегда включенные в традиционную социальную (общинную) организацию, на самом деле крестьянином является именно тот, кого Асонов определил в качестве крестьянина в узком смысле слова.

Увеличение численности арендаторов и батраков было следствием процессов модернизации в России, точнее, ее темных сторон, которых было больше, чем светлых. Спорным, однако, остается вопрос, превратилась ли Россия в начале XX в. в посткрестьянское общество. В.В. Бабашкин дает утвердительный ответ на этот вопрос. Он говорит о том, что традиционное (или крестьянское, аграрное) общество втягивалось в процесс модернизации, а потому постепенно переставало быть крестьянским, причем происходило это значительно менее постепенно, чем в странах западноевропейской цивилизации, но значительно более постепенно, чем склонна трактовать указанный процесс идеология этого общества[17].

В этом тезисе есть с чем поспорить: само по себе втягивание в модернизацию не означает превращения крестьянского общества в посткрестьянское. Все зависит от того, ломает ли модернизация общину и общинную собственность или нет. Так, в Ирландии в XVIII в., а в Италии и Северной Мексике уже к концу XIX в., если не к его середине, действительно возникло посткрестьянское общество, то есть такое, в котором основная масса аграрного населения – работники, не являющиеся собственниками и не имеющие своей организации, что делает их легкой добычей латифундистов и бандитов (эти явления хорошо описаны в латиноамериканской художественной литературе – в романах Х. Рульфо (особенно «Педро Парамо»), М. Астуриаса и других. И хотя в русской пореформенной деревне имелось немало признаков разложения (достаточно почитать «физиологические очерки» Г. Успенского, статьи народников о «кабацкой цивилизации», «Деревню» Бунина), сельский социум в России был общинным, а следовательно, крестьянским – до конца 1920-х гг. (да и позднее) сохранял многие крестьянские черты: «антикапиталистическая модернизация» по своей сути была более щадящей по отношению к крестьянственности.

Значительно больше образ посткрестьянского общества подходит не пореформенной, а постсоветской России, где как пишет А.В. Третьяков, «крестьянство уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику»[18]. При этом в постсоветской России рушатся те институты, которые хоть как-то поддерживали сельское население вообще и то, что осталось от «колхозного крестьянства» в частности. Например, сельскую школу, которую усиленно рушат реформаторы от образования. «Сельская школа, – подчеркивает М.М. Фрянцев, – тот последний рубеж, сдав который, государство окончательно распишется в том, что обрекло российское крестьянство на гибель»[19]. Я добавлю: именно к этому подталкивают власть иные эксперты, например И.В. Абанкина (Институт развития образования ГУ-ВШЭ) в работе «Культура безлюдья»

утверждает, что необходимо слить «затратные» сельские школы и библиотеки в «интегрированные социальные учреждения» в крупных населенных пунктах. Я называю это ликвидацией образования, а если к школам добавить медицинские учреждения, то и жизни. Название книги Абанкиной будет оправдано – безлюдье.

Иными словами, сегодня доделывается то, что реально начал делать «либерал» Н.С. Хрущев в конце 1940-х гг. (да-да, именно Хрущев, а не Сталин – достаточно почитать как партийные документы, так и, например, романы Ф. Абрамова), укрупняя колхозы и громя русскую деревню. Так прочерчивается логическая либеральная линия от Хрущева к «либеральным реформаторам» чубайсовского-гайдаровского разлива, лгавшим в конце 1991 г., что страна – на грани голода, чтобы иметь предлог для грабительской либерализации цен. Наперсточники от власти утверждали, что до нового урожая (конец июля) стране не хватает 26 млн т. зерна. Эта цифра была получена сложением потребности в хлебе с кормовым зерном, на питание требовалось в 2 раза меньше; кроме того, в декабре 1991 – январе 1992 гг. по импорту должно было поступить еще 2–3 млн т., и еще 2–3 млн можно было прикупить у колхозов. 26 млн т. – это годовая, а не полугодовая норма потребления страны (в 1992 г. статистическое управление подтвердит: за год было потреблено 26 млн т.)[20]. Однако Е. Гайдар, не слушал специалистов – ему нужно было опрокинуть цены, чтобы, лишив население денежных средств, заблокировать его возможность участвовать в приватизации. Для этого и понадобилась ложь.

На самом деле в конце 1980-х гг. СССР добился огромных результатов в развитии сельского хозяйства. В 1991 г. в колхозах и совхозах в хранилища засыпали небывалое количество зерна, однако правительство Ельцина-Гайдара предпочитало не замечать этого, кричало о голоде и закупало зерно втридорога у американских фермеров. А наше зерно гнило под лживые завывания о грядущем голоде – потом будут врать о том, что Гайдар спас страну от

голода и гражданской войны. Эта ложь была акцией прикрытия базовой операции – разграбления страны и уничтожения советской деревни. На то, что бывший троцкист-«либерал» Хрущев делал главным образом по недомыслию, неотроцкисты-«либералы» 1990-х делали совершенно сознательно.

Вернемся, однако, к проблеме определения крестьянина. Повторю: вопрос этот значительно сложнее, чем может показаться на первый взгляд, поскольку крестьянство крестьянству рознь. К тому же оно вписано в принципиально разные формы социальной организации – в дискуссии этот вопрос затронул В.Э. Багдасарян. Он подошел к проблеме под следующим углом: идентичные ли институты скрываются за маркером «крестьянская община»[21]? Сопоставив русский «мир», западноевропейский «civic» и китайскую «цзя», Багдасарян пришел к выводу: ни по одному параметру из используемых им для сравнения параметров (не будем обсуждать параметры сравнения, которые выбрал участник дискуссии, примем их как данность, хотя здесь есть вопросы) совпадений не обнаружилось. Налицо три принципиально различных института, которые мы обозначаем одним термином: «община».

На Западе, пишет Багдасарян, община, основанная на индивидуалистической парадигме, легко распалась, а русская община, базирующаяся на коллективистской традиции, при всех попытках роспуска воспроизводилась в новых формах[22]. При этом, однако, он делает вывод, что русская община не смогла адаптироваться к модернизации[23]. Я вижу в этом тезисе глубокое логическое противоречие, поскольку на самом деле не смог адаптироваться западноевропейский civic – он распался. Если распад, то есть социальная смерть – это адаптация, то тезис Багдасаряна верен. Если адаптация – это сохранение в новых условиях в новой форме, то русская община, как китайская цзя, как индийские касты, безусловно, адаптировались к модернизации. Я не говорю уже о том, что педалирование

разрыва и дисконтинуитета между традицией и модернизацией ошибочно – эта «мода» в серьезной науке прошла еще в 1960-е гг. В свое время в пионерной работе «Современность традиции» супруги С. и Л. Рудолф показали, как адаптируются к современности традиционные формы, которые, не меняя своей сути, субстанции, начинают выполнять новые функции[24].

Различие общинных форм (и, добавлю, типов крестьянства) проявляется и в различных типов крестьянских войн в России и на Западе. Это в своем выступлении зафиксировал С.В. Алексеев, отметивший, что в Англии было только одно крупное крестьянское восстание; во Франции число крупных внутренних конфликтов совпадает с российским при заметной разнице в динамике – во Франции «значение специфического крестьянского фактора уменьшается в XIX в.», и это противоположно российской тенденции[25].

Здесь два замечания. Во-первых, восстание под руководством У. Тайлера (1382) не совсем крестьянское: в нем большую роль играли арендаторы, батраки и горожане. Во-вторых, в последние три–четыре десятилетия в европейской историографии все чаще английское восстание объединяют с восстаниями «белых колпаков» во Франции и чомпи во Флоренции в европейскую народную антифеодальную революцию, надломившую хребет феодализму[26]. В-третьих, отличие русской ситуации XVIII–XIX вв. от французской объясняется, помимо прочего, тем, что в России модернизация началась позже, чем во Франции.

Но самое главное заключается в другом: Алексеев не зафиксировал тот факт, что, во-первых, в России вспыхивали не крестьянские, а казацко-крестьянские войны, в которых именно казачество становилось «спусковым курком» и было ударной силой; во-вторых, крайне незначительную роль играло городское население. В Западной Европе горожане практически не принимали участия только в Жакерии (1356), а в восстании «белых колпаков» (Франция), У. Тайлера (Англия), таборитов и крестьянской войне в Германии

городской люд играл значительную роль, причем нарастающую по мере хода истории. В России горожане были активны лишь в болотниковском восстании, но не в разинском, булавинском и пугачевском, причем роль горожан, по контрасту с Европой, снижалась по ходу времени. В любом случае, однако, различия в крестьянском сопротивлении на Западе и в России – дополнительное свидетельство в пользу принципиального различия общин и «крестьянств».

Багдасарян верно отметил наличие разных типов общин, или, как сказал бы Маркс, *Gemeinwesen*; единственное, к упомянутым участником «круглого стола» азиатскому (китайскому), западному (германскому) и русскому типам общины следует обязательно добавить еще один тип – античный. В результате мы получаем несколько различных типов общины – и автоматически несколько **типов** крестьянства. Причем дело здесь не в цивилизационной обусловленности, как пишет Багдасарян, и не в том, что эта последняя в свою очередь определяется природно-климатическими факторами – природа, включенная в социальный процесс, перестает быть географическим фактором, а превращается в природную производительную силу, в натуральный комплекс производительных сил. Различные типы общины (Gemeinwesen) характеризуются различными вариантами соотношения коллективного и индивидуального труда, а следовательно, коллектива и индивида. А эти соотношения, в свою очередь, определяются соотношением природных и искусственных производительных сил (факторов производства), разрывом между ними. И чем больше разрыв, тем больше господство коллектива над индивидом.

Типология Gemeinwesen – ключ к изучению социальных основ «крестьянских обществ»

Более чем полтора века назад Маркс в знаменитой работе «Формы, предшествующие капиталистическому

производству» без привлечения цивилизационной проблематики, совершенно ненужной для объяснения существования различных типов организации земледельцев/крестьян, то есть без нарушения правила «бритвы Оккама» (entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem), объяснил существование принципиально различных форм общины (Gemeinwesen), не покидая сферу производства. И действительно формы Gemeinwesen возникают до появления социально-антагонистических систем, тех же рабовладения и феодализма. А ведь именно на основе этих систем, а не на доклассово-племенной основе и возникает цивилизация, которая в качестве объясняющего фактора в данном случае, как сказал бы Лаплас, – лишняя гипотеза.

В азиатских формах Gemeinwesen коллективное начало господствует над индивидуальным. Здесь природно-производственные условия, то есть условия включения сил природы в социальный процесс и превращение их в натуральные производительные силы, позволяют только коллективное создание экономического продукта (каста, клан и т.п.). Именно поэтому здесь вся социальная иерархия – это иерархия коллективов различного размера (общины, макрообщины, мегаобщины), по отношению к которым индивиды относятся «как акциденция к субстанции»[27]. Отсюда – только общинная собственность, никакой не только частной собственности (последняя предполагает наличие частных лиц), но даже индивидуально-обособленной. Таковым здесь может быть только владение.

Античная форма Gemeinwesen отражает такое соотношение между природными и искусственными производительными силами, при котором экономический продукт создается уже индивидуально, то есть субъект труда как активного отношения человека к природе индивидуален. Однако, хотя индивиды в трудовом плане выделились из Gemeinwesen, они должны сохранять ее перед лицом рабов, перед другими Gemeinwesen (полисами). Полисная революция VII–VI вв. до н.э., завершившаяся реформами

Солона и тиранией Писистрата и его сыновей заблокировала возможность внутриобщинного рабства в Афинах. Таким образом, наличие полиса-коллектива свободных индивидов стало необходимым условием индивидуальной эксплуатации раба каждым членом полиса. Фиксацией этого членства, то есть участия в гражданской общине было право на долю в общинной земельной собственности (в Риме – ager publicus). Маркс зафиксировал это следующим образом: «Член общины (в античной форме Gemeinwesen. – *А.Ф.*) воспроизводит себя как члена общины не кооперацией в труде... , а кооперацией в труде для общих интересов, ...обеспечивающем сохранность союза вовне и внутри»[28].

Наконец, германская форма Gemeinwesen наиболее индивидуализированная и представляющая диаметральную противоположность азиатской: если в последней индивиды суть функции целого, миницелое, то в первой сама община выступает как объединение индивидов. Общинная собственность здесь есть дополнение к индивидуальной, а коллективная собственность на землю осуществляется здесь как собственность не на средство производства (пашня), а только как на условие производства и вспомогательную территорию (луг, лес – достаточно вспомнить причину конфликта между Робин Гудом и шерифом Ноттингемским).

Из определенных форм Gemeinwesen могут вырасти только определенные социально-антагонистические общественные системы (способы производства): из азиатской – «азиатские», из античной – рабовладельческий, из германской – феодальный. Однако сама по себе ни одна форма Gemeinwesen не является социально-антагонистической.

Здесь необходимо сделать пояснение. Применительно к докапиталистическим обществам я предпочитаю термин «социально-антагонистический» термину «классовый». В широком, нестрогом, то есть почти метафорическом смысле классом именуется любая большая группа людей с общими признаками – говорят о социальных, политических, возрастных и т.п. классах.

В строгом, системно определенном смысле термина о классах, вопреки тому, что писали вульгарные марксисты, можно говорить только применительно к капиталистическому обществу, базовая единица организации которого – индивид: только в капиталистическом обществе социальный индивид и индивид физический совпадают практически полностью. Класс в строгом смысле не может состоять из коллективностей, из коллективных индивидов (каст, кланов, племен, полисов, общин и т.п. Gemeinwesen) – только из индивидов, выделившихся из общины, отделенных от природных средств производства (земля) и свободно распоряжающихся своей рабочей силой. Эта последняя обменивается на овеществленный труд, который, развертывая себя в качестве самовозрастающей стоимости и конституирует капитал[29].

Ясно, что общинно-организованное докапиталистическое крестьянство классом в строгом смысле быть не может, в лучшем случае оно класс в широком смысле (далее в широком значении термин «класс» будет употребляться в кавычках). В то же время в определенные периоды исторического развития в определенных условиях крестьянство может превращаться в класс безо всяких кавычек. Происходит это тогда, когда крестьянство, перестав быть общинным, становится семейно-парцеллярным, однако при этом капиталистический уклад еще не подчинил себе аграрную сферу полностью, не определяет ее развитие, то есть выступает как ведущий, но не доминирующий уклад, нередко развиваясь не столько в промышленной, сколько в финансовой сфере. Это ситуации Франции и Италии XIX – первой половины XX вв., ряда других стран. Нередко такое классовое положение искусственно поддерживается правящими слоями: в политических целях они тормозят превращение парцеллярного крестьянства в фермеров. Ясно, однако, что такое крестьянство существенно отличается от того, что организовано в Gemeinwesen, поскольку существует в рамках социальной организации иного стадиального типа, да и исторические сроки его существования невелики.

Gemeinwesen суть организации для такого присвоения природы, в ходе которого труд и собственность выступают в единстве – собственность как присвоение продукта труда посредством собственного труда. Докапиталистические общества эксплуататорского типа, а вместе с ними цивилизация возникает при разрыве труда и собственности и низведении тех или иных коллективов и индивидов на уровень орудий труда, объектов; то есть общества этого типа выступают как негативно-диалектические, перевернутые формы своих Gemeinwesen. Поэтому цивилизационные различия, о которых пишет Багдасарян, никак не влияют и не могут влиять на тип общины; напротив, это тип Gemeinwesen влияет на тип цивилизации, причем не прямо, а опосредованно: чем больше разрыв между природными и искусственными производительными силами, тем больше цивилизационных вариантов у одной и той же системы производства. Так, «азиатский» способ производства представлен дюжиной цивилизаций, а феодальный, основой которого является германская форма Gemeinwesen, – одной; более того, европейская цивилизация имеет два стадиально-системных (марксист сказал бы «укладно-формационных») варианта – инверсия по отношению к азиатскому типу.

Помимо естественно развивавшихся общин были и, если так можно выразиться, исторически модифицированные. Так, в Византии с VI в. н.э. позднеантичное государство в своих фискальных целях в течение двух столетий максимально укрепляло общину. И когда оно стало слабеть, а в византийском обществе появляться группы протофеодального (но еще не феодального) типа, эта модифицированная усиленная община стала барьером на их пути, а преодоление барьера растянулось на несколько столетий. В результате в случае Византии мы имеем очень странный, как отмечают историки, «недоделанный феодализм» (на мой же взгляд, в Византии, как и в России феодализма вообще не было). В русской истории община тоже неоднократно «модифицировалась» властью, в том

числе в XVIII–XIX вв., причем налицо тенденция к ее укреплению, которому в XIX в. рукоплескали и консерваторы и революционеры. Поэтому то, что мы имеем в начале XX в. в России, это не просто один из типов Gemeinwesen, а историческая конструкция, над которой, как и над типом крестьянственности, немало поработала власть.

Крестьянин – персонификатор трех форм разделения труда

И здесь перед нами опять возникает вопрос определения понятия «крестьянин», вопрос о различных измерениях крестьянственности, система которых и конституирует эту последнюю. Социально-исторические типы невозможно анализировать вне процессов общественного разделения труда. Крестьянин как социально-исторический тип есть персонификатор сразу трех форм общественного разделения труда: хозяйственного, социопространственного и социально-антагонистического (классового в широком смысле слова). Каждая из этих форм разделения труда накладывается на другую и переплетается с ней, создавая историческую многослойность. Именно эта многослойность, многомерность, это взаимопереплетение и взаимоперетекание различных форм разделения труда в одном социальном типе и слое делает крестьянина весьма трудным, неудобным для исследователей, особенно вульгарно-марксистского и либерального «разлива», пытающихся втиснуть крестьянина в прокрустово ложе схем, в основе которых лежат внеположенные крестьянину реальность и опыт.

Самый древний слой крестьянственности – земледельческий. Земледелец – вот кто действительно предшествует горожанину (О. Шпенглер писал, что крестьянин предшествует горожанину и переживет его), ибо персонифицирует наиболее древнюю из трех указанных форм разделения труда – хозяйственную, фиксирующую обособление земледелия от иных видов хозяйства в качестве

особого типа деятельности. Однако крестьянин не исчерпывается земледельческой функцией: всякий крестьянин – земледелец, но не всякий земледелец – крестьянин.

Второе измерение крестьянственности – бытие крестьянина как такого земледельца, который противостоит городу и лишь в процессе этого противостояния («антигорожанин») он выступает как крестьянин, а село – как «деревня крестьян». Только с возникновением города, с выделением его из недр доклассово-племенного общества, выступающего как такая сфера общественного производства, в которой социальная и духовная сферы не отделились (институционально) от предметной, создается адекватная основа для выделения из племенного общества крестьянства, а точнее, – для превращения свободных земледельцев в крестьян.

Со вторым измерением и слоем крестьянственности тесно связан третий. Город – это отнюдь не абстрактное с точки зрения стадиально-системной («укладно-формационной», как опять же сказал бы марксист) принадлежности явление. Становление города – это и становление социально-антагонистического общества. Исторически возникновение города знаменует переход от племенного («доклассового») общества к одной из форм социально-антагонистического типа – «азиатской», античной-рабовладельческой или феодальной. Следовательно, и горожанин и крестьянин, возникая из недр племенного общества, исторически сразу же получают толчок к движению в определенном стадиально-системном направлении и определенную стадиально-системную если не характеристику, то, по крайней мере, перспективу. Происходит, во-первых, окончательное разделение сферы общественного производства, совпадающего с племенным обществом в целом как производственной ассоциацией (В.В. Крылов), на основные сферы (предметно-хозяйственную и духовно-теоретическую); во-вторых, единого социально-гомогенного трудособственнического

присвоения – на труд и собственность с антагонизмом последних. Город становится местом (пространственным фокусом) вынесения коллективного продукта общества (со временем – и монополизации его определенными группами, персонифицирующими сферу целеполагания), а потому у различных форм социального действия возникает социопространственное измерение.

Третий, верхний, исторически наиболее «молодой» социальный слой крестьянина связан со сферой социально-антагонистических отношений. Крестьянин (и его антипод горожанин) воспроизводит себя не просто и не только как крестьянин (горожанин), но и как совершенно определенный в социосистемном (системообразующем) отношении тип. Сюда добавляются и воспроизводство крестьянина или горожанина еще и в качестве члена определенного коллектива, Gemeinwesen – общины, касты, цеха, ранга, религиозной группы и т.д. Именно определенная форма отчуждения воли (личности) и экономического продукта (эксплуатация) и воспроизводит докапиталистического социального индивида в качестве социального и придает ему эту качественно определенную системную (например, феодальную) характеристику[30].

Ясно, что крестьянства, имеющие в качестве своей социальной основы различные типы Gemeinwesen и являющиеся элементом различных социальных систем, будут отличаться друг от друга. Так, крестьянство азиатских обществ условно можно назвать «одномерным». В азиатских обществах социально-антагонистические отношения складываются между коллективами различного формата, размера и уровня (общины – макрообщины – мегаобщины), отличающимися друг от друга, как правило, профессиональными занятиями. В наиболее чистом виде это представлено кастовой системой в Индии, хотя вполне очевидно также на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Иными словами, здесь общественные различия внешне фиксируются как профессиональные, трудовые – четыре базовые группы почти во всех азиатских обществах: жрецы,

воины, земледельцы и торговцы (рабы – за пределами официальной «сетки»).

Кроме того, поскольку город в строгом смысле этого слова (то есть как социальное явление, а не как тип «строительной» организации пространства) в доколониальном афро-азиатском мире не существовал, не выделился в качестве особого социального целого, а представлял собой административно-торгово-ремесленный сегмент некой целостности, то и дихотомия «город – деревня» была размытой – нерасчлененное единство города и деревни – здесь, в отличие от феодальной Европы эпохи после коммунальной революции, городской воздух не делал человека свободным. В результате крестьянин выступал прежде всего как земледелец, два других измерения крестьянственности носили приглушенный характер.

Крестьянство античности – «двумерное». Здесь свободные люди, члены полиса, гражданской общины, как те, что живут за городскими стенами, так и те, что живут внутри них, противостоят рабам в качестве коллектива, Gemeinwesen и поэтому в данном качестве не являются классом. Город (полис) включает в себя сельскую местность, община сосредоточена в городе. То есть даже «крестьянин» противостоит представителям других полисов как горожанин, а рабам, даже не принадлежащим ему, как представитель коллектива свободных. Иными словами, здесь присутствует уже не только земледельческое, но и городское/антигородское измерение, тогда «классовое» (даже в кавычках) размыто, несформировано, оно выявляется лишь по мере разложения общины, особенно во время связанных с этим процессом гражданских войн (в Риме – начиная с Гракхов по мере обострения аграрного вопроса; вообще нужно сказать, что чем острее аграрный вопрос, тем отчетливее проявляется крестьянственность как социальный тип).

Феодальное крестьянство можно вполне назвать «трехмерным». Во-первых, здесь четкое обособление города от деревни, именно с феодализма история начинает

развиваться как противоречие города и деревни, отсюда невиданная по сравнению с другими докапиталистическими обществами динамика феодализма. По сути феодализм создал все условия для возникновения капитализма, общества Модерна, пусть и посредством негативно-диалектического отрицания – так всегда бывает в истории (ср., напр., историческое отношение христианской и античной культур). Как заметил У. Эко, «все проблемы современной Европы сформированы в своем нынешнем виде всем опытом средневековья: демократическое общество, банковская экономика, национальные монархии, самостоятельные города, технологическое обновление, восстание бедных слоев»[31] (см. также: [32] [33] – *А.Ф.*).

Во-вторых, отчуждение воли (личности) и экономического продукта, основанное на германской форме Gemeinwesen, носит индивидуальный характер; это проявляется как в отношениях сеньора и крестьянина, так и в межфеодальных отношениях – «вассал моего вассала – не мой вассал». В-третьих, по мере исчезновения уже в XIV в. индивидуальной личной зависимости, внеэкономические производственные отношения начинают складываться главным образом по поводу внешнего по отношению к человеку объекта – земли. Если базовый принцип раннего средневековья (середина IX – середина XI вв.) – «nulle home sans seigneur» («нет человека без сеньора»), то принцип «высокого средневековья» (середина XIII – середина XV вв.) – «nulle terre sans seigneur» («нет земли без сеньора»). Индивидуально-личностные и индивидуально-поземельные отношения в деревне при наличии помимо аграрного феодализма еще и феодализма городского, урбанистического – это та ситуация, когда все три измерения крестьянственности становятся очевидными и функционируют открыто, здесь остается один шаг для превращения крестьянства из «класса» в класс, что и происходит в Западной Европе в Новое время.

Но, быть может, ввиду тесной связи города и отношений отчуждения и эксплуатации вообще не стоит

противопоставлять и выделять антигородское и социально-антагонистическое («классовое») измерения крестьянственности? Не лучше ли объединить их? Думается, последнее было бы ошибкой. Мало того, что в этом случае оказались бы смешанными два принципиально различных типа разделения труда – социопространственного и классового, но была бы затушевана самостоятельность антигородского измерения, обусловленная следующим.

В отличие от капиталистического общества, существующего в одном стадиальном варианте, социально-антагонистическое докапиталистическое общество существовало в трех исторических вариантах. Следовательно, крестьянин социопространственно противостоял трем различным социально-историческим типам города. То есть при исторически различной в каждом случае социосистемной принадлежности в целом типологически сохранялась одна и та же социопространственная форма. Это и делает необходимым выделение антигородского измерения. При этом антигородское и «классовое» измерения вступают между собой в сложную диалектическую связь. В антигородском (социопространственном) измерении специфическим образом снимается «классовое» (в гегелевском смысле – Aufhebung). В то же время социально-антагонистическая характеристика привязывает крестьянина к городу (даже самим фактом сопротивления ему) и одновременно диалектически снимает антигородское измерение.

Социально-антагонистическое измерение также специфическим образом снимает предметно-хозяйственное (земледелец с точки зрения труда, формы – один и тот же во всех докапиталистических обществах). Таким образом, социально-антагонистическое измерение крестьянственности выступает главным, системообразующим элементом с общесоциальной (социально-экономической) точки зрения. Однако внешне создается впечатление, что главное определяющее для крестьянина как социального типа – это его предметно-вещественные характеристики, труд,

отношение к земле, в процессе которых он и воспроизводится как социальное существо. На самом деле в рамках трудовых процессов воспроизводится земледелец; крестьянин – более сложный и многослойный социальный тип, далеко не исчерпывающийся предметно-хозяйственными характеристиками и не воспроизводимый в их рамках.

У этой невоспроизводимости несколько аспектов, характеризующих ее как с точки зрения общественной практики, так и с точки зрения требований к теоретической концептуализации. Начать с того, что человек как целостное социальное существо вообще невоспроизводим в рамках процесса труда. В последнем воспроизводятся либо личные, либо вещественные факторы труда; поэтому должна существовать система конкретных видов труда (работ), связанная обменом – Маркс потому и писал, что общественный характер производства дан обменом (формами деятельности и ее продуктами). Таким образом, человек (в том числе крестьянин) воспроизводится на уровне совокупного процесса общественного производства в целом (то есть системы, элементами которой выступают распределение факторов труда, действительный процесс производства, распределение продуктов труда, обмен и потребление).

Что касается отношения «живой труд – земля», то на его уровне и в его рамках концептуализация индивида как конкретного стадиально-системно определенного социального существа в принципе невозможна, ибо это всеобщие факторы труда – факторы, общие для всех способов производства и не имеющие отношения к общественной форме последних. В лучшем случае, в рамках этого отношения можно концептуализировать крестьянина как земледельца, «земледельческий скелет» крестьянственности. На первый взгляд кажется странным, что крестьянин – житель деревни – как социальное существо воспроизводится в значительной степени за рамками земледельческого труда и деревни; что именно за этими рамками он получает свое завершенное сущностное

определение на социально-антагонистическом уровне, то есть как «классово» определенный индивид. Но историческая практика подтверждает это. Например, если взять ситуацию, когда представитель господствующего класса находится вне общины (феодализм), то здесь совершенно ясно, что воспроизводство крестьянина как элемента социальной системы (и как целостного социального существа) в значительной степени вынесено за рамки деревни (не говоря уже о комплексе отношений деревня – город, участии крестьян в торговле и т.д.).

В процессе социального воспроизводства крестьянина различные исторические слои его как типа, различные измерения крестьянственности могут приходить в противоречие. В то же время все вместе они образуют некое единство и развиваются по законам высшего («верхнего») и доминирующего слоя – социально-антагонистического, который и придает этому единству системный и в значительной степени целостный характер. Однако каждая из подсистем-слоев развивается и в соответствии со своими законами и особенностями, имеет собственный, не совпадающий с другими элементами темп изменений (внешне это можно представить в виде трех разноцветных дисков различного размера, каждый меньший из которых находится в центре большего и вращается с разной скоростью). Целостность докапиталистических обществ и докапиталистического крестьянства в этом смысле носит незавершенный характер.

Полностью интегрированных, целостных обществ и социальных групп, по-видимому, вообще нет, но также очевидно, что степень внутренней интеграции групп может быть различной. В том плане, в каком здесь идет речь, целостность докапиталистических обществ (за специфическим исключением – азиатского) и докапиталистического крестьянства представляется меньшей, а с логико-исторической точки зрения менее завершенной по сравнению с капиталистическим обществом и его основными классами. Крестьянство того или иного

общества – целостное образование: доминирующий в общественной системе уклад посредством характерной для него формы отчуждения воли (личности) и экономического продукта подчиняет себе жизнь крестьянства.

Однако в докапиталистическом обществе всегда существуют группы, в меньшей степени, чем другие, подчиненные законам господствующего уклада и менее «перемолотые» последним ввиду специфики своего положения (например, йомены в феодальной Англии) или особенностей развития данного уклада, базирующегося – по крайней мере в определенные периоды своего развития – на эксплуатации главным образом некрестьянских групп (антично-рабовладельческое общество). Бóльшая выраженность в той или иной группе крестьянства черт одного из его исторических слоев, различная выраженность той или иной исторической структуры в различных слоях крестьянства (не говоря уже об особенностях землевладения, имущественных отношений и т.д.) не могут не вызывать трений между этими слоями (подсистемами) в крестьянстве, его отдельных группах и в отдельном крестьянине, не говоря о социальном напряжении между различными слоями и группами внутри крестьянства.

Следует особо подчеркнуть, что внутренняя многослойность («полисистемность») – внутренняя черта крестьянства и крестьянина, она является не столько фоном его развития, сколько его внутренним содержанием, в определенной степени стержнем, обусловливающим значительную часть тех противоречий, которые фиксировались исследователями в поведении крестьянина. Эта многослойность крестьянина объясняет, почему он в чем-то фигура, синхронная горожанину. *Генетически* крестьянин и деревня возникают вместе с горожанином и городом; *функционально* же, благодаря сохранению земледельческой догородской основы, на которую «наслаиваются» социопространственный и «классовый» пласты крестьянственности, он предшествует ему. В соотношении жизни крестьянина с жизнью «большого»,

городского общества имеется еще одно противоречие – синхронно-диахронного порядка, и это еще более усложняет крестьянина как исторический тип посредством изменения удельного веса, значения и активности каждого из слоев в зависимости от стадиального типа общества и исторических обстоятельств.

В «нормальные» периоды функционирования общественной системы эта «полисистемность» крестьянина (и крестьянства) как социально-исторической группы почти не проявляется, тогда как в период кризисов, восстаний, революций она может стать очевидной, и тогда структурно-историческое разноголосие становится явным. Очень многое в экономическом, политическом и культурно-религиозном поведении крестьянства объясняется именно несовпадением, несоответствием, конфликтом этих систем. К сожалению, большинство исследователей не учитывают этот источник различных изменений в «крестьянском обществе», а если учитывают, то неполно, как правило, либо на уровне эмпирической констатации (например, Дж. Скотт), либо на уровне отдельных социальных сфер – культуры, религии (например, «большая традиция» и «малая традиция» Р. Редфилда).

Здесь еще раз надо сказать о «классовой принадлежности крестьянства», об определении «крестьянства как класса». Во многих исследованиях, как западных, так и отечественных, распространена точка зрения на крестьянство как «сквозной» универсальный класс всех докапиталистических обществ, одинаковый в азиатских, античных и феодальных обществах. Думается, такой подход ошибочен. Речь о крестьянстве должна идти прежде всего применительно к данному конкретному обществу (типу общества), в его рамках (например, «феодальное крестьянство»).

Что касается крестьянства вообще как основной массы населения всех исторических типов социально-антагонистических докапиталистических обществ, то сама логика определения термина исключает возможность

говорить о крестьянстве как о классе в строгом смысле слова; крестьянство как «универсальная» социальная группа определяется не по отношению к предметным факторам труда, а по отношению к городу в его качественных социально-исторических характеристиках. Деление «город – деревня» и понятия «город», «деревня» сами по себе логически (но не исторически!) не обладают конкретными социосистемными характеристиками (в отличие, например, от понятия «феодализм»), так же как не несет их в себе профессиональное или пространственное разделение труда. Говорить о крестьянстве вообще, о крестьянстве как «универсальном классе», значит смешивать различные формы разделения труда, а следовательно, и различные шкалы социального измерения.

Заключая, скажу: разработка теории крестьянства и крестьяноведения как научно-исследовательской программы (или эпистемологического поля в том смысле, который вкладывал в этот термин Фуко), но не как дисциплины – таковой оно, на мой взгляд, быть не может – предполагает решение следующих задач:

– концептуализация крестьянина как социального типа с точки зрения форм разделения труда;

– анализ проблемы социальной природы крестьянства с точки зрения соотношения в ней социосистемного и хозяйственного (отношения «человек – природа», то есть труд);

– анализ отношения «человек – человек» в процессе производства;

– осмысление проблемы соотношения исторического субъекта и социальной системы, а также основных форм социальности, которые обусловлены ими и их взаимодействием;

– разработка вопроса типологии докапиталистических социальных систем (способов производства);

– анализ специфики положения крестьянства в различных социальных системах, специфики

самореализации крестьянства как субъекта в той или иной общественной системе; короче, специфики проявления крестьянственности в исторических системах (прежде всего – докапиталистических).

А что же с этой точки зрения можно сказать о русском крестьянстве? Система русской истории не похожа ни на один из докапиталистических типов, а социосистемная специфика русского докапиталистического общества до сих пор не определена. Цель настоящей статьи – не определение исторической специфики русского общества вообще и XVI – начала XX вв. в частности (авторскую версию ответа на этот вопрос см.: [34] [35] – *А.Ф.*). Однако необходимо отметить характеристики, указывающие на то, чем русское общество не являлось; для целей настоящей статьи подобного рода «констатации от противного» достаточно.

1) Те, кого в русском обществе можно квалифицировать в качестве эксплуататоров, были функциональными органами центральной власти; последнюю в свою очередь нельзя определить как state, то есть такой орган насилия, который вынесен за рамки производственных отношений. В докапиталистических обществах социальное насилие – отчуждение воли и личности как необходимое условие отчуждения экономического продукта – встроено в производственные отношения, а потому в особом, внеположенным этим отношениям органе нужды нет.

Другое дело, что в периоды ослабления центральной власти «функциональные органы» приобретали свободу в эксплуатации низов, что не меняло, однако, общих принципов социума. Когда мужеубийца и самозванка на троне Екатерина II, чтобы компенсировать свою очевидную нелегитимность, сделала целый ряд шагов в направлении дворянства, превратив русских крепостных юридически в «белых рабов», в полускотину, и ее правление стало кошмаром для огромного количества людей, это воспринималось как нарушение социальной справедливости. Отсюда – восстание Пугачева, а начиная с Павла I – курс на

юридическое «очеловечивание» положения крепостных и облегчение их ситуации. В любом случае русские крепостные всегда считали свою службу дворянам производной от службы дворян самодержавию, а указ о вольности дворянской 18 февраля 1762 г. восприняли как обещание освобождения, которое пришло на следующий день с 99-летним запозданием.

2) Даже в период «полурабского» состояния крепостных русское общество не было рабовладельческим, поскольку, во-первых, господа выступали как индивиды, а не как коллективный рабовладелец-полис, тогда как крестьяне эксплуатировались не индивидуально, как рабы, а коллективно – как общинники.

3) Не было русское общество и разновидностью «азиатского». И дело не только в различиях общины, а прежде всего в специфике организации господствующего слоя, который выступал не как мегаобщина или каста, а как совокупность индивидов, причем с XVIII в. – индивидов европейского культурно-исторического типа.

4) Нефеодальность русского общества есть факт очевидный сразу по нескольким линиям: община, институты, специфика господствующего слоя. Несмотря на все старания либеральных и вульгарно-марксистских историков доказать наличие феодализма в России эти попытки успехом не увенчались.

5) Наконец, не было русское общество и капиталистическим. Строго говоря, оно не стало таким даже в начале XX в. – капиталистический уклад не подчинил себе совокупный процесс общественного производства в целом; стоимость земель превышала стоимость акционерного капитала; показательно и то, что не было ни одной буржуазной партии.

Прав был А.С. Пушкин – русская история нуждается в особой формуле. Формула эта не укладывается ни в вульгарно-марксистские, ни в либеральные схемы. И крестьянство в России принципиально иное, чем в трех стадиальных докапиталистических типах. Разумеется, оно –

не класс. Но и как слой русское крестьянство принципиально отличается от иных «крестьянств», вступая в качестве *общинно*-организованного в *индивидуальные* отношения со своими владельцами-эксплуататорами, которые с 1762 г. получили право не служить; при этом, однако, крестьяне все равно ориентированы не столько на своих господ, сколько на власть. И если в Западной Европе XVI–XVIII вв. господствующие слои, а затем классы смогли навязать сельскому населению свои ценности в качестве общих, национальных, то русской вестернизированной верхушке этого сделать не удалось – сельский люд продолжал жить своей организацией, своим укладом, своими ценностями, которые он ассоциировал не с господствующим классом (английский мужик уважает барина, а русский мужик – нет, писал Пушкин), а с «трансклассовой» властью, с которой и соотносил себя в реальности и в воображении. Разрушение этого «соотношения» на рубеже XIX–XX вв. стало одним из факторов революции.

Общественный продукт в России и мобилизационно-кризисный режим русской жизни

Специфическое положение русского крестьянства, когда его общинность диктовалась не только его интересами, но также интересами и давлением власти, обусловило парадоксальную специфику русского крестьянства, который не столько коллективист, сколько антииндивидуалист и не столько индивидуалист, сколько антиколлективист – причем оба «анти-» – одновременно.

Тему этой специфики, заключающейся в том, что русский крестьянин жил на стыке сопротивления коллективу и власти и преодоления индивидуализма – своего и общинников, то есть на кончике негативного диалектического противоречия, поднял на «круглом столе» В.П. Булдаков[36], за что ему отдельное спасибо.

Мысль о природе русского человека как не коллективиста и не индивидуалиста, а антиколлективиста и антииндивидуалиста одновременно высказал кто-то из наших ученых XIX в. Мысль интересная и немало может объяснить, но дело в том, что «минус» на «минус» дает «плюс», и мы получаем весьма интересный социальный и психоисторический тип коллективистского антиколлективиста и антииндивидуалистического индивидуалиста. Не эту ли черту имел в виду А. Платонов, говоря, что русский человек может жить в одну сторону и в другую, и в обоих случаях останется цел и невредим? И дело здесь вовсе не в приспособленчестве, а в чем-то ином, в некой простой сложности. Не она ли объясняет пластичность русского человека вообще («назови хоть горшком, только в печку не суй») и в смутах и революциях в частности. К сожалению, тема специфики русского психоисторического типа как фактора смут/революций не прозвучала в дискуссии, но очень важно, что она обозначена Булдаковым, и я могу лишь согласиться с его констатацией «двойного анти-».

Нельзя не согласиться с Булдаковым и в том, что «весь уклад жизни великорусского населения Европейской России носил четко выраженный «мобилизационно-кризисный характер»[37] – причем как по природно-производственным (евразийское неудобье, зоне рискованного земледелия со средней урожайностью сам-3, сам-4), так и по историческим причинам (набеги, постоянные войны). И это тоже придавало русскому крестьянству такие черты, которых не было ни у одного другого крестьянского типа, причем единственным защитником и организатором крестьянства выступала опять же власть, причем защитником не только от внешнего супостата, но и от своих же господ.

Одна из особенностей русского хозяйства, и это прекрасно показали Л.В. Милов и представители его школы, заключается в том, что оно создает незначительный по объему общественный продукт, а следовательно и прибавочный продукт – много меньше, чем, например,

в Западной Европе. На Руси всегда было меньше вещественной субстанции, чем на Западе, всегда меньше накопленного, овеществленного труда, который при самовозрастании и в обмене на рабочую силу превращается в капитал. По части обладания потенциалом накопленного труда, то есть спрессованного времени, Россия всегда находилась в другой «лиге» по сравнению с Западной Европой.

На это как на факт, поражающий русский глаз и русским ум, указывали наши мыслители. Так, пораженный «буйством вещности» Л.Н. Тихомиров, бывший народоволец, а затем искренний монархист, писал: «Перед нами открылось свободное пространство у подножия Салев, и мы узнали, что здесь проходит уже граница Франции. Это огромное количество труда меня поразило. Смотришь поля. Каждый клочок огорожен толстейшей, высокой стеной, склоны гор обделаны террасами, и вся страна разбита на клочки, обгорожена камнем. Я сначала не понимал загадки, которую мне все это ставило, пока, наконец, для меня не стало уясняться, что это собственность, это капитал, миллиарды миллиардов, в сравнении с которыми ничтожество наличный труд поколения. Что такое у нас, в России, прошлый труд? Дичь, гладь, ничего нет, никто не живет в доме деда, потому что он при самом деде два-три раза сгорел. Что осталось от деда? Платье? Корова? Да ведь и платье истрепалось давно, и корова издохла. А здесь это прошлое охватывает всего человека. Куда ни повернись, везде прошлое, наследственное... И невольно назревала мысль: какая же революция сокрушит это каменное прошлое, всюду вросшее, в котором все живут, как моллюски в коралловом рифе».

Тихомиров совершенно верно уловил, что капитализм – это лишь верхушка, надстройка над той массой вещества, которая создана задолго до него – в средневековье. Прав он и в том, что в России масса, унаследованная от хронологически той же эпохи, несравнимо меньше.

Не случайно русское развитие шло не вглубь, а вширь. При таком развитии собственность не может быть прочной, равно как и основанная на ней система. Здесь овеществленный (прошлый) труд всегда менее значим по сравнению с живым трудом и землей. Поэтому контроль над людьми и пространством здесь всегда важнее контроля над «вещами» и временем. В связи с чем капитал, который по сути есть овеществленный труд, никогда не будет играть в «руссосфере» системообразующую роль, как и классы. Собственно классовое деление общества в России всегда, будь то даже пореформенная или постсоветская эпохи, носило в значительной степени искусственный характер ввиду его неорганичного с социосистемной точки зрения, а то и криминального происхождения.

С учетом сказанного ясно, что Россия не могла позволить себе ни господствующие группы «западоидного» типа (будь то феодалы или буржуазия), ни бюрократию западного образца. Отсюда – бедность основной массы как русского дворянства, так и русс чиновничества. Формирование на русской почве групп западного или даже квазизападного типа возможно только в том случае, если помимо прибавочного продукта «новые господа» начинают присваивать и определенную часть необходимого продукта, то есть, называя вещи своими именами, – жизнь; «западоидный» прогресс верхов становился регрессом низов, выталкиванием их из социального, а то и из физического времени. Новые «западоподобные» господствующие группы растут в буквальном смысле на костях населения – «питерский принцип», или «питерская версия» русской истории: город и страна, построенные на костях их строителей при резко сокращающемся населении.

Разумеется, подобное «социальное оборзение» верхов чревато. Во-первых, сопротивлением, бунтами, а то и восстанием низов. Во-вторых, острым конфликтом внутри самих господствующих групп, среди которых развивается конкуренция за продукт, причем объективно объектом эксплуатации или, как минимум, отсечения от прежней доли

«общественного пирога» становится и нижняя часть господствующих групп: «большие рыбы» (то бишь «троекуровы») начинают пожирать «малых» (то бишь «дубровских»); результат – поляризация, обострение всех противоречий, угроза распада страны.

В связи с этим одной из главных функций центральной власти в России было ограничение эксплуататорских аппетитов верхов. И не потому, что власть так уж любила низы – отнюдь нет. Учет и контроль в сфере эксплуатации был средством общего социального контроля, с одной стороны, и поддержания иерархии внутри самих господствующих групп, с другой. Неудивительно, что низы и нижняя часть господствующих групп, как правило, поддерживали центральную власть, центроверх в борьбе с «боярством», как бы оно ни называлось, Опять же не потому, что эти группы любили власть, их отношение к ним можно охарактеризовать как hassliebe, а потому что чувствовали, что эта власть – по сути, единственное, что может защитить их от произвола, дать укорот алчной верхушке, посягающей на необходимый продукт.

В то же время такое посягательство как систематическое явление было невозможно, как минимум, без прямой или косвенной поддержки государства, а то и без его активного участия. В русской истории было два случая, когда центральная власть срывалась таким образом, нарушала Главное Учетно-Контрольное Правило русской власти (тем самым превращаясь во власть в России) и, вступая в союз с верхушкой господствующих групп, переплетаясь с ними, «олигархизируясь», начинала вместе с ними эксплуатировать, а то и просто грабить население. Эти два случая – период 1861–1917 гг. (по инерции некоторые черты его сохранялись до 1929 г., пока не «прихлопнули» НЭП) и период, начавшийся на рубеже 1980–90 гг. Оба периода характеризуются ухудшением положения низов; расслоением господствующих групп; появлением наряду со старыми господствующими группами новых, «капиталистическое» качество которых носило

спекуляционный, грабительский, а то и просто криминальный характер; разбуханием чиновничьего аппарата (люди стремились в него за своей «пайкой» необходимого продукта); олигархизацией власти.

Кстати, олигархизация власти в России в капиталистическую эпоху – это всегда ориентация на сырьевую, а следовательно финансово-зависимую модель включения в мировую систему. Первопроходец здесь – Александр II, затем линия прочерчивается к Горбачеву, Ельцину и далее. Этим сравнением я не хочу оскорбить Александра II, а просто фиксирую типологическое сходство: Россия как зависимый элемент мировой системы (1860–1920) и РФ как зависимый элемент глобальной системы (1990–2000) versus Россия как мир-система (1450–1850) и Россия/СССР как мировая (системный антикапитализм) система (1930–1980).

Возвращаясь к выступлению Булдакова, не могу не отметить и несогласие с рядом его тезисов. Например, он пишет о неких условиях выхода «из исторического безвременья аграрного общества»[38]. Да почему же безвременья? У нас что, вся несколькотысячелетняя аграрная эпоха – это безвременье? А эпоха до возникновения земледелия – супербезвременье? Я не цепляюсь к словам – формула «безвременье аграрного общества» носит оценочный характер, с которым не могу согласиться. Не могу согласиться и с трактовкой идеологических и геополитических факторов как субъективных, противопоставляемых объективным[39] – под последними, по-видимому, имеются в виду экономические.

Полагаю, что и идеология (идеи, овладевшие массами или хотя бы элитой – это материальная сила) и уж тем более геополитика, за которой стоят долгосрочные экономические интересы – самые что ни на есть объективные факторы по данной классификации. Что значит, «субъективный»? Имеющий отношение к представлениям кого-то о чем-то, причем чаще всего индивидуальные. Человек оказался в сложной ситуации, объективно обстановка складывается определенным

образом, но субъективно данный человек воспринимает и оценивает ее иначе и, руководствуясь этими субъективными представлениями, действует и допускает ошибку.

Думаю, пошедшее с легкой руки Ленина (с него спрос малый, он практик, а не теоретик, тем более с оценкой «хорошо» по логике в школьном аттестате) разделение факторов на объективные и субъективные. Правильно, на мой взгляд, говорить о системных факторах и субъектных. Под последними я понимаю те, что связаны со вполне объективными целями, представлениями и ценностями основных коллективных субъектов, действующих в той или иной стране или в мире. Воля и интерес правящего слоя той или иной страны – это что, не объективный фактор? Не менее объективный, чем экономические показатели этой страны – системный объективный фактор.

Когда Булдаков пишет, что империя, базирующаяся на аграрном обществе, уязвима по определению[40], у меня возникает вопрос: а империи, базирующиеся на индустриальном обществе, неуязвимы? Дело в том, что уязвима по определению любая империя – чем сложнее организация, чем длиннее и многочисленнее связи, тем система уязвимее. И уж совсем странным выглядит следующий тезис: «Не удивительно, что наша постсоветская современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. Если известно, что в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее, то стоит ли удивляться, что XX в. в истории России оказался столь пронизан насилием[41]?

Постсоветская современность пронизана крестьянской ментальностью? Где доказательства? Социологи, например, говорят о ментальности маргиналов и отчасти криминалитета, охватившей в той или иной степени значительную часть населения.

В крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений? Если бы это было так, то крестьянский быт был сплошным мордобоем и

резней, но это совершенно не так. Обычай, сход и иные вполне ненасильственные формы регуляции отношений хорошо описаны антропологами. Сказать, что насилие считалось у крестьян наиболее действенным регулятором отношений, значит забыть о том, что у крестьян существовала социальная организация, что сам крестьянский мир был элементом властно («государственно») организованного целого. Другое дело, что в периоды кризисов, разложения этой организации, ослабления социального контроля и социальных норм, не говоря уже о периодах смут и революций насилие, действительно, выходит на первый план, происходит брутализация жизни – порой до ее социобиологизации. Эти аномальные процессы хорошо исследованы на Западе Э. Бэнфилдом, у нас – самим В.П. Булдаковым, но не стоит экстремальную ситуацию и ее характеристики переносить на общество, находящееся в стабильном состоянии.

XX в. в истории России оказался пронизан насилием? Здесь у меня два вопроса:

1) Весь XX век? 1950-е, 1960-е, 1970-е, 1980-е гг.? На первую половину XX в. у нас приходятся кризис, Первая мировая и Великая Отечественная война; последнее десятилетие XX в. – тоже кризис. Кризисы и войны всегда полны насилия, которое вовсе не характеризует эпоху 1950–1980-х гг.

2) Только в России XX в. был пронизан насилием? Агрессивные войны Британской империи, Третьего рейха, США – это насилие, обусловленное крестьянской ментальностью? Классовые битвы в ядре капиталистической системы – тоже?

На мой взгляд:

а) крестьяне – не более, а возможно и менее склонный к насилию слой, чем иные;

б) крестьянская ментальность в СССР с трудом пережила Великую Отечественную и почти исчезла в 1960–1970 гг. – для ее сохранения не было социально-экономической базы, списывать насилие 1990-х на реликт

сознания крестьян их привычки к насилию, значит, нарушать элементарные правила логики и научного анализа, не говоря уже о правде фактов;

в) XX в. был веком насилия во всем мире, и Россия/СССР не были его чемпионами в этом плане. Вообще нужно сказать, что по части насилия Россию постоянно обгоняли многие другие страны. Достаточно взглянуть на историю Франции, Англии, Китая, Индии, арабского мира в XVI–XX вв.

Крестьянство, столыпинская реформа и советская коллективизация

Интересный поворот в дискуссии связан с обсуждением реформы П.А. Столыпина, ее оценкой. По мнению В.П. Безгина, столыпинская реформа была направлена на интенсификацию экономики крестьянского хозяйства[42]. Думаю, на самом деле эта цель была даже не второстепенной, а третьестепенной, главные цели носили классовый, социально-политический характер – создать в деревне слой-волнорез зажиточного крестьянства, который станет опорой власти в деревне. На это совершенно справедливо указывает В.В. Кондрашин: цель реформы Столыпина – создание в деревне прочной опоры самодержавия в лице крестьянина-частника[43].

Затея эта провалилась: помимо прочего, именно «справные», хозяйственные мужики, на которых так рассчитывал умный горожанин XIX в. Столыпин, в 1916–1917 гг. повели за собой деревенскую голытьбу грабить усадьбы, и пока та жгла библиотеки, гадила в гостиных, тащила рояль на улицу (*Недаром чумазый сброд / Играл по дворам на роялях / Коровам тамбовским фокстрот...* – С. Есенин), а потом топила его в пруду, они под шумок грузили барское имущество и свозили его к себе во двор: русский крестьянский ответ Столыпину – ничего личного. Показательно и то, что, во-первых, гражданская война «полыхала от темна до темна» именно в тех частях России,

где столыпинская реформа достигла наибольших успехов (количественных); во-вторых, как показывают исследования (в том числе израильского историка М. Конфино), к 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность 99% земли; в-третьих, самое главное, Столыпину не удалось сломать общину; как отмечают участники дискуссии В.А. Бондарев и А.С. Левакин, в 1927 г. общинное устройство в РСФСР охватывало 95,5% земель.

Ответ тем, кто видит в общине и общинной собственности только черты архаики и отсталости, содержится в выступлении В.Э. Багдасаряна. Он подчеркивает: община была социально сильным организмом, имела производственные преимущества над единоличным хозяйствованием, поскольку уравнительный передел земель и чересполосица обеспечивали устойчивость от воздействия природно-климатических факторов. Что очень важно, технико-инновационный потенциал в общинных великорусских районах был выше, чем в единоличных малороссийских[44].

В.В. Кондрашин отмечает, что русская деревня страдала от малоземелья, которое, естественно, сохранялось и в 1920-е гг. и которое в начале века вместе с коммерциализацией стало фактором, обусловившим массовое крестьянское движение начала XX в.[45] – такую мощную серию крестьянских бунтов, по сравнению с которой, как отметил Д.И. Люкшин, «пугачевщина казалась едва ли не невинным развлечением»[46]. И эта стихийная общинная крестьянская революция стала, согласно Кондрашину, частью Великой русской революции. Более того, согласно В.В. Бабашкину, именно крестьянская революция 1902–22 гг. отдала власть в городе большевикам, а затем коммунально организованное крестьянство (как тут не вспомнить «коммунальную», или коммунитарную социальность из работ А.А. Зиновьева. – *А.Ф.*) заставило большевиков в декабре 1922 г. признать де-факто победу общинной революции[47].

Здесь необходимо добавить: признать временно. Пользуясь терминологией Дж. Скотта, можно сказать, что во время гражданской войны параллельно развивались две разные революции – «революция комиссаров» в городах и «революция крестьян» в деревне. Причем эта «зеленая» революция била и по красным, и по белым, что отражалось и в лозунге «Бей белых, пока не покраснеют, бей красных пока не побелеют» и в равной распространенности «белопогонного супа» и «комиссарского» – это когда варят живьем.

Несмотря на то, что антоновское восстание было подавлено, большевикам действительно пришлось пойти на «брестский мир» с собственным народом и ввести НЭП. Но Ленин, заявив, что НЭП вводится надолго (имелось в виду не на одну хлебозаготовительную кампанию, как полагали многие), на несколько лет, сразу же честно предупредил: но мы еще вернемся к террору, в том числе к экономическому; так оно и вышло, в 1929 г. началась коллективизация.

По поводу коллективизации, участники «круглого стола» высказали разные мнения. Так, Н.Л. Рогалина считает сталинское раскрестьянивание принудительным, проводившимся административными методами, а столыпинское – естественным[48]. Думаю, русские крестьяне времен столыпинской реформы вряд ли бы согласились с Рогалиной, потому что слишком хорошо знали, как власть проводила ту реформу.

Бабашкин, опровергая тезис Рогалиной, заметил, что столыпинская реформа была обречена на неуспех именно из-за того, что проводилась самым негодным из всех возможных способов – через задействование административного ресурса, что вызывало в качестве реакции укрепление общины; а это, в свою очередь, обрекало политические теории и политические партии европейского образца на банкротство[49]. Иначе и быть не могло. Наличие, сохранение общины, ее укрепление как реакция на модернизационное давление вырабатывали совершенно иное представление о собственности, чем на

Западе, что и зафиксировал Багдасарян: «Если для Запада формула П.Ж. Прудона «Собственность – это кража» звучала как радикальный вызов, то для русских общинников она служила догматом»[50].

А.П. Скорик подчеркнул, что форсированная коллективизация «устранила из деревни наиболее активных, инициативных и предприимчивых крестьян и ввергла остальных в состояние стресса и хозяйственной апатии»[51]. Участник «круглого стола» прав: коллективизация, проведенная руками бедноты и, во многом – об этом надо говорить прямо, деревенских лентяев, горлопанов и бездельников, то есть сволочи в старом строгом смысле этого слова (Сравните у Пушкина в «Капитанской дочке»: «Пугачев, собрав несколько сотен сволочи...»; кстати, коллективизация – это ведь во многом институциализированная пугачевщина, только объект – не барин, а свой, такой же мужик, а потому ненавидимый еще больше – объяснение см. у Н.С. Лескова и А.А. Зиновьева – *А.Ф.*). В то же время уже к концу 1930-х гг. деревня в целом восстановилась, выходит, стресс и апатия прошли? И самое главное, стальной, как и хотел Есенин, стала бедная нищая Русь – потому и сломала хребет вермахту. Без коллективизации росписи на Рейхстаге были бы невозможны.

Главная, пожалуй, проблема советского раскрестьянивания заключается в том, что если раскрестьянивание английской деревни растянулось на два с лишним столетия, а французской вообще завершилось в 1980-е гг. (этот процесс хорошо показан в работе А. Мандра «Вторая французская революция, 1965–1984»[52]), то в СССР решение крестьянского вопроса, который самодержавие так и не смогло решить почти за столетие, заняло менее десяти лет. Это, как и неизбежность коллективизации, было обусловлено и аграрно-крестьянскими, и внеаграрными и вообще внешними причинами.

Аграрной причиной, обусловившей необходимость скорейшего проведения коллективизации, было, как верно отмечает Кондрашин, именно малоземелье, тупиковость

мелкого крестьянского хозяйства России в конце 1920-х гг. обусловила неслучайность коллективизации[53]. Еще более категоричен Бабашкин: у коллективизации не было альтернатив[54].

А.Н. Медушевский считает столыпинскую реформу примером эффективной модернизации, которую противопоставляет коллективизации в СССР. Впрочем, выступление Медушевского заслуживает отдельного рассмотрения, как пример влияния идеологии, идеологических мемов на научный анализ, на разрушение научности, и об этом мы поговорим отдельно.

Багдасарян сопоставил столыпинскую реформу с советскими преобразованиями в деревне таким образом: «Большевистская революция была в известном смысле контрреволюцией. Она представляла собой реакцию на столыпинское разрушение общинного уклада. Именно реформы Столыпина имели инновационный характер, выводили Россию за рамки цивилизационной модели, а потому и являлись подлинной революцией. Напротив, большевистская система колхозов восстанавливала, по сути, под иным идеологическим обрамлением общинные связи»[55].

Не буду здесь оспаривать ни тезис об инновационном характере столыпинской аграрной реформы, несмотря на факт его труднодоказуемости, ни тезис о том, что большевики восстановили общинные связи – это тоже не так: в СССР был создан иной, необщинный тип коллективной социальной организации, основанный на совершенно ином типе собственности, кстати, исключающем общинность, и на совершенно ином типе отношений с властью – «кто не слеп, тот видит», как говаривал один из крупнейших деятелей советской эпохи.

Меня в интерпретации Багдасаряна зацепило другое. Во-первых, революцию он отождествляет с буржуазным типом, путем развития. Так что же, получается, революции бывают только буржуазные? Такой подход надо обосновывать. А как же социалистические революции – это, что, миф? Во-вторых, революцией, по Багдасаряну, является

выход России за рамки прежней цивилизационной модели. То есть, получается, столыпинские революционные реформы обещали покончить с тысячелетней цивилизационной моделью России, а большевики своей эту модель сохранили, и это не что иное как контрреволюция. Таким образом, подлинный цивилизационный рывок связывается с уничтожением русской цивилизационной модели и установлением буржуазного строя – новой цивилизации.

Подобного рода тезис Багдасаряна опасно близко подходит к позиции двух известных русофобов – печальной памяти «прораба перестройки» А. Яковлева и полуобразованного спекулянта на исторические темы А. Янова. Первый в своих «омутных» мемуарах выразился в том смысле, что своими действиями перестройщики сломали хребет парадигме тысячелетней русской истории, а второй в одном из последних номеров журнала «Сноб» сообщил о том, что русской цивилизации осталось 3–4 года. Я уверен в том, что Багдасарян не солидарен с двумя этими персонажами, однако, согласно логике его аргументации, революционным изменением оказывается именно цивилизационный слом.

Я полагаю, что смена цивилизационной модели – это не революция, это крах и гибель. Революция – это смена типа собственности и власти. При этом различные революции оказывают различное влияние на те или иные цивилизации. В России буржуазная революция – это слом цивилизации (мы это наблюдаем с 1991 г.), путь к неоварварству, к упадку и социальному одичанию. Антикапиталистическая революция в России создает новую систему в рамках одной и той же цивилизации, к которой, кстати, относилось и самодержавие, рухнувшее в 1917 г. И только антикапиталистические революции решают проблемы России, спасая ее органику от небытия.

Политэкономия пореформенной России не позволяла решить аграрно-крестьянский вопрос не только по причинам, которые коренились в аграрном секторе, но и по

причинам, связанным с логикой развития капитализма в России. На одну из таких причин указывает Люкшин: в России процессы капитализации и процессы развития национального рынка оставались относительно автономными[56] и это оказывало влияние на аграрную сферу, блокируя возможности развития по западным образцам, столь любезным некоторым нашим историкам.

Добавлю еще одну причину подобного рода, связанную с принципиальной деформацией капиталистического развития в России. В ядре капиталистической системы первоначальное накопление капитала, некапиталистическое по своей сути (силовой передел собственности) предшествует собственно капиталистическому. Однако на периферии и полупериферии капсистемы отношения между этими процессами носит не диахронический, а синхронический характер, причем первоначальное накопление деформирует, подсекает, а то и блокирует развитие капиталистических отношений. Происходя в масштабе экономики в целом, это оказывает воздействие и на аграрную сферу, в результате чего нередко происходит разложение старого без возникновения нового, а реакцией на разложение одних сегментов становится консервация других. В таких условиях товарное развитие аграрной сферы если и происходит, то, во-первых, в очень ограниченных рамках; во-вторых, чаще ведет к регрессу, чем прогрессу. Это и была ситуация русской пореформенной деревни, оставившая только один выход – форсированной коллективизации, создания крупного коллективного хозяйства.

Коллективизация была последним актом Большой Смуты 1860–1920 гг. и, что еще важнее, гражданской войны. Обычно пишут о том, что режим таким образом решал зашедшую в тупик проблему товарообмена между городом и деревней, который он не смог организовать экономическими методами, о задаче ликвидации властью массового слоя частных собственников общества, построенном на отрицании частной собственности, о неприязни режима к

крестьянству как отсталой и серой массе, о том, что в коллективизацию жестоко ломали деревню, часто вырывая из нее лучших работников, не желавших, задрав штаны, бегать в одном строю с деревенскими лоботрясами и пьяницами. Все это так, но это лишь самый поверхностный уровень. Это одна правда, причем самый видимый ее слой. Но есть и другая – правда не краткосрочной конъюнктуры, а долгосрочной истории, правда не отдельного слоя, а социального, государственного целого. Собственно трагедии в истории и происходят, когда сталкиваются, сшибаются стороны, у каждой из которых – своя правда. Еще более трагично то, что историческую, целостную правду нередко персонифицируют мерзавцы – это отдельный вопрос, который здесь не место разбирать.

У коллективизации как одной из русских трагедий несколько источников и составных частей. Она была резким, почти одномоментным (5–7 лет), жестоким решением сразу нескольких проблем различной исторической длительности и различного масштаба (аграрная сфера, система в целом, страна, мировой уровень), проблем, без решения которых прекратил бы свое существование не только СССР, но русский цивилизационный комплекс.

Проблемами значительной исторической длительности были аграрная и крестьянская. Чтобы в Центральной России жить с земли, нужно иметь 4 десятины на человека. В 1913 г. было 0,4 дес. – то был финал относительного аграрного перенаселения, стартовавший еще в начале XIX в. Выход из зашедшего в тупик мелкого землевладения один – крупное землевладение. Крупное индивидуальное землевладение – столыпинский вариант – русский мужик отверг, реформа провалилась: даже под нажимом властей только 25% крестьян вышли из общины, а к 1920 г. крестьяне силовым путем вернули в общинную собственность 99% земли. В таких условиях оставался только вариант крупного коллективного хозяйства, который в целом соответствовал традициям русского крестьянина и был реализован

посредством коллективизации – при поддержке основной массы крестьян, но вопреки воле значительной (до 25%) и вовсе нехудшей части самого крестьянства.

Еще одна долгосрочная проблема – социальный контроль над крестьянством, утраченный властью после 1861 г. Тогда на место внеэкономических производственных отношений пришли экономические. Дело, однако, в том, что внеэкономические производственные отношения выполняли еще и важнейшую внепроизводственную функцию – социального контроля, которая после 1861 г. провисла: у позднего самодержавия не было институтов, способных обеспечить эффективный социальный контроль над огромной массой крестьянства. «Положение о земских участковых начальниках» (1889) не решило проблему, которая начала обостряться, достигнув кульминации в начале XX в.

Крестьянская проблема была решена большевистским режимом путем раскрестьянивания. Но так решался крестьянский вопрос в XIX–XX вв. во всем мире. Особенность раскрестьянивания в СССР не в его жестокости – здесь все рекорды бьют англосаксы, а в его сжатых сроках и проведении на антикапиталистической основе, то есть в ориентации на интересы не кучки сельских и городских богатеев, а основной массы сельского населения.

Да, у сопротивлявшихся коллективизации крестьян была своя правда – правда маленького мирка, которому плевать на большой мир национального целого. Фон Раупах в мемуарах вспоминает, как в 1915 г. беседовал не то с костромским, не то с вологодским крестьянином, отказывавшимся платить налоги. На вопрос фон Раупаха, что будет, если все не станут платить налоги, войну Россия проиграет и немец дойдет до Костромы/Вологды, крестьянин ответил: не дойдет, а если дойдет, тогда ему налог и заплатим. Невозможно представить, чтобы немецкий бауэр мог произнести такие слова – он мыслил себя элементом национального целого. Не будь коллективизации, не встреть русский крестьянин войну в качестве советского

человека, трансформированного коллективизацией, пусть и не до конца, мировые проблемы в лице Гитлера и зондеркоманд, выполняющих план «Ост», достали бы русского крестьянина. В войне победил не русский крестьянин, а русский советский человек, советская – сталинская – система, создавшая государственное целое с помощью коллективизации. И здесь мы подходим к самому главному.

Коллективизация стала радикальным прорывом из интернационал-социалистической клетки, в которой Россия отбыла десятилетний срок между 7 ноября 1917 г. и 7 ноября 1927 г. (попытка троцкистского путча) к государству квазиимперского типа, которое строит социализм в своих пределах, а не несет мировую революцию вовне, расшатывая мир в интересах фининтерна. Коллективизация стала логическим следствием перехода от интернационал-социализма к национал-большевистской, импер-социалистической стратегии, ориентированной на создание современного промышленного общества, в которое сельское население интегрировано в качестве элемента целого.

Начало коллективизации – 1929 г. – не случайно совпало по времени с разгромом бухаринской команды, высылкой Троцкого из СССР, резкой активизацией британцев в продвижении Гитлера к власти, закрытием Британской империи (25% мирового рынка) от «остального» мирового рынка стараниями директора Центрального банка Великобритании Монтегю Нормана и началом мирового экономического кризиса. Надежды банкиров Нью-Йорка и Лондона, о которых Троцкий говорил, что они-то и есть главные революционеры, на переустройство мира посредством мировой революции рухнули – Россия вышла из «проекта». Теперь расчет Мировых Хозяев был на мировую войну, началом подготовки к которой и стал 1929 г., войне, которая, помимо прочего, должна была стереть русский народ с лица земли.

В таких условиях советский режим должен был резко ускорить коллективизацию, причем главным образом не

в экономических целях (хотя и в них тоже – в условиях мирового кризиса упали цены на промышленное оборудование, которое, ловя момент, следовало закупать), а в социальных, социосистемных, в целях сохранения и развития национального целого. Только дом, не разделившийся в самом себе и к тому же современный по конструкции мог рассчитывать на победу в войне с англосаксонско-германскими хищниками.

Коллективизация вытаскивала страну из ловушки 1920-х гг., из комплекса проблем, возникших в XIX в., была единственным способом, хотя и жестоким, спасти СССР и русскую цивилизацию – по трагической диалектике истории ценой раскрестьянивания русского крестьянства, ценой нескольких миллионов жизней.

Была ли коллективизация жестокой? Без сомнения. Как и многое в России, да и не только в ней. Во-первых, все переломы в истории вообще и раскрестьянивания в частности – штука жестокая и, например, до жестокостей английского раскрестьянивания России ох как далеко. Кроме того, как стало известно из недавно рассекреченных в США документов, во время «великой депрессии» 1929–33 гг. (то есть одновременно с советской коллективизацией) в богатой Америке от голода умерло 5 млн американцев. А ведь США начала 1930-х гг. не были истерзаны мировой и гражданской войнами. Но почему-то англичанам и американцам счет не предъявляется. Во-вторых, у массовых процессов – своя логика, и логика жестокая, и центральная власть сделала немало, чтобы эту жестокость умерить. В-третьих, чем дольше откладываются социальные/управленческие решения, чем больше копится проблем (а самодержавие с 1860-х гг. накопило их ох как много), тем больше социальное напряжение, социальная ненависть, социальный гнев, которые и рванули во время коллективизации. О социальном динамите, который вырабатывался уже непосредственно НЭПом, я уже не говорю.

Во время коллективизации одна часть народа экспроприировала другую, при этом как всегда бывает

в таких ситуациях, в первых рядах экспроприаторов было много тех, кого И. Солоневич называл биологическими подонками человечества – революции так и совершаются (мораль: не надо доводить до ситуаций, когда революция оказывается единственным способом решения проблем). Результатами коллективизации, которые были уже вполне очевидны к концу 1930-х гг., пользовалось практически все население страны, включая прежде всего коллективизированных. Какой контраст с экспроприацией 1990-х гг., когда кучка социопатов экспроприировала народ в целом, реализовав на криминально-капиталистический правоглобалистский манер троцкистский интернационал-социалистический проект превращения России в сырьевой придаток Запада; в хворост, но только не для мировой революции, а для мировой неолиберальной контрреволюции. Последняя в условиях конца XX в. решала иным способом те задачи, которые не решили для верхушки мирового капиталистического класса интернационал-социализм и национал-социализм.

В постсоветский период советское обществоведение неоднократно (и часто справедливо) подвергалось критике за его идеологизированный характер, который деформировал научные исследования, подменяя научность коммунистической идеологией (о различных аспектах и формах влияния идеологии на научные программы вообще и марксизма в частности см. работы: [57] [58] [59] [60][61] – *А.Ф.*). Прошедшее двадцатилетие показало: идеология никуда не ушла из научной сферы, она сменилась на либеральную, причем, как правило, в самом что ни на есть примитивном, вульгарном варианте. Впрочем, это не удивительно: сегодняшние вульгарные либералы – это вчерашние вульгарные марксисты, нередко с партбилетом в кармане. То есть цирк уехал – клоуны остались: неважно, марксист или либерал, осталась вульгарность.

Среди выступлений «круглого стола» есть одно, в значительной степени пронизанное идеологией и в этом плане – модельное, ярко показывающее как примат

идеологичности над научностью деформирует научный дискурс, снижает его уровень, по сути – разрушает, демонстрируя то, что М. Булгаков называл «разрухой в головах».

Либеральная идеология в одном отдельно взятом выступлении, или «Разруха в головах»

Речь идет о выступлении А.Н. Медушевского, которое посвящено проблеме альтернативности решения аграрного вопроса в предреволюционной России[62]. Почти одновременно с участием в «круглом столе» Медушевский выступил с одноименным докладом на крестьяноведческом семинаре, в котором есть некоторые добавления к «круглостольному» тексту[63]. Выступление и доклад представляют собой единый концептуальный блок.

Начну с определения докладчиком сути аграрного вопроса. По мнению Медушевского, аграрный вопрос «есть теоретическая *(sic! – А.Ф.)* конструкция *(sic! – А.Ф.)*, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений»[64]. В докладе Медушевский добавляет, что аграрный вопрос существует там, где осознается несправедливость в распределении земельных ресурсов *независимо от реальной ситуации в экономике страны* (выделено мной. – *А.Ф.*).

Обращают на себя внимание три момента, причем все связаны не только с научно-теоретической проблематикой, но и с элементарной логикой.

Первый заключается в том, что аграрный вопрос трактуется прежде всего как теоретическая конструкция, а не как реальность. Это как в анекдоте: слово, обозначающее определенную часть тела есть, а самой этой части нет. Далее, аграрный вопрос преподносится как теоретическая конструкция, а такие конструкции, как известно, создают ученые. Но Медушевский утверждает, что аграрный вопрос существует там, где *осознается* несправедливость

распределения земли. А осознаваться-то она может прежде всего самими крестьянами. Выходит, это крестьяне создают теоретическую конструкцию «аграрный вопрос»? Или ученые (например, Медушевский), чутко чувствующие ощущение крестьянами несправедливости и превращающие его в теоретическую конструкцию? Вот только одна загвоздка: как, не будучи крестьянином, ученый может влезть в его шкуру? Или поверит на слово? Так не у кого спросить – сто лет назад как померли. Статистика осталась? Но это уже объективный показатель.

Далее. Как сам крестьянин определяет, справедливо или несправедливо распределение земли? Предупредил же докладчик, что осознание несправедливости распределения ресурсов не зависит от реальной экономической ситуации, то есть от объективных условий. Но ведь как-то крестьяне самим себе должны объяснять, справедлив тот или иной порядок или нет? Должны же быть хоть какие-то объективные реально-экономические критерии, пусть примитивные, приземленные. Ведь не с бухты-барахты крестьяне определяют нечто как несправедливое, и в этом случае могут начать пассивное или активное сопротивление – серьезный выбор, ставящий на кон многое, а порой все. Представить иное, значит посчитать крестьян идиотами в исходном греческом смысле слова: «идиот» – это человек, который живет так, будто окружающего мира не существует. Разумеется, есть люди, которые так и живут, их немало, например, среди ученых, профессоров (классика – жюль-верновский Паганель, да и не только он). Крестьянин себе такой роскоши позволить не может – рискует умереть от голода вместе с семьей.

Конечно же, есть у крестьян вполне объективные критерии, но только они свои, крестьянские, а не городские и капиталистически-рациональные. Дж. Скотт заметил, что для крестьянина, например, важно не сколько взяли, а сколько осталось. Поэтому если у него взяли один мешок зерна, а было всего два, он может взяться за вилы, а если взяли пять, но из десяти – лишь огрызнется. Не только

разные типы хозяйства, но и разные социальные группы диктуют разные представления о рациональности и ценностях. Дж. Оруэлл как-то написал, что если для интеллектуала социализм – это вопрос теоретических штудий (или, как мы слышали, конструкций), то для работяги это лишняя бутылка молока для его ребенка (и, дополним его Р. Ларднером – кусочек мяса для самого работяги).

Второй момент. По Медушевскому выходит, что аграрный вопрос – это проблема сферы сознания, субъективной сферы. Перед нами обычное для последних десятилетий выворачивание вульгарного марксизма наизнанку: в вульгарном марксизме главная роль отводилась экономическим факторам, понятым и трактуемым на капиталоцентричный манер. Акцентирование сферы сознания, субъективного, культуры есть всего лишь изнанка вульгарного марксизма, а изнанка, как известно, всегда хуже лицевой стороны. Это как с цивилизационным подходом, противопоставляемым сегодня формационному. Известный представитель цивилизационного подхода как-то объяснял мне: формационный подход акцентирует значение базиса, а цивилизационный – надстройки. Ясно, что на самом деле это никакой не цивилизационный подход, перед нами «надстроечная версия» вульгарного марксизма, которая пришла ему на смену. И еще перед нами неодогматизм, отличающийся от палеодогматизма лишь расстановкой акцентов, тогда как исходные положения и определения (что такое экономика, культура и т.д.) остаются прежними. В этом смысле дискуссии двух последних десятилетий между палеодогматиками и неодогматиками это нечто вроде схватки скелетов над пропастью.

Третий момент. В качестве теоретической конструкции аграрный вопрос относится Медушевским к эпохам кризиса традиционного общества в условиях модернизации и развития рыночных отношений. Значит ли это, что аграрный вопрос возникает только в условиях кризиса перехода от «доиндустриального», «традиционного»

(феодализм) к «индустриальному» (капитализм) обществу? А что, в доиндустриальных, а точнее, докапиталистических обществах кризисов не бывает и аграрный вопрос не возникает? А как же аграрные кризисы античного общества? китайского? исламских? По логике докладчика во всех этих обществах аграрный вопрос возникнуть не может. Как говорит молодежь, это круто. Например, ось всей истории Китая – это аграрные кризисы, сметавшие династии; так что же, не было там аграрного вопроса? Так сказать, кризис без вопроса, или безвопросный аграрный кризис. В чань(дзэн)-буддизме это называется «хлопок одной ладонью». Но мы же не чань- и не дзэн-буддисты. Показательно, что на правильно поставленный в ходе обсуждения доклада А.В. Гордоном вопрос об аграрном вопросе в Риме времен Гракхов, докладчик по сути не смог убедительно ответить.

Вот какое определение аграрного вопроса дает Большая советская энциклопедия 1949 г.: «Аграрный вопрос – вопрос о земельных отношениях, классах и классовой борьбе в деревне, об экономических законах сельского хозяйства». Абсолютно четкое определение, в котором нет ничего лишнего. Ведь, помимо прочего, своими «завитушками» о том, что аграрный вопрос это «типа» кризис традиционного общества в условиях модернизации, и о том, что он существует там, где осознается несправедливость, Медушевский нарушает базовый принцип научного исследования – правило «бритвы Оккама»: “entia non sunt multiplicanda praeter necessitate” («не следует умножать сущностей сверх необходимого»). О субъективизации проблемы я уже не говорю.

На самом деле аграрный вопрос это, конечно же, не субъективная, а вполне объективная проблема. Определяется он соотношением аграрного населения и земельных ресурсов (площадь земли, ее урожайности), в условиях определенного типа собственности, а выражается в том, что называется «subsistence minimum», то есть минимум существования. Речь идет о том, уважает ли существующая

система право крестьянина на жизнь – этим и оценивается, справедлива она или нет.

Теперь о терминологии. Медушевский, особенно в докладе, пользуется терминами «доиндустриальное общество», «индустриальное общество». А ведь это что ни на есть экономоцентричные термины, отражающие сферу труда, то есть присваивающего отношения человека к природе, а не отношения человека к человеку в процессе этого присвоения – для определения этого отношения нужны другие термины, например, «капитализм». Капитализм, кстати, возникает на 150–200 лет раньше индустриальной системы производства, «индустриальное общество» развивается из него, а не из «традиционного общества» – об этом особенно в последние десятилетия написан целый пласт исследований, которые надо знать. Кстати, «индустриальных обществ» (производственно-технический тип) было два – капиталистическое и социалистическое (антикапиталистическое), то есть на одной производственной основе – два принципиально разных типа собственности, присвоения продукта. О том, что в рамках так называемых «традиционных обществ» было несколько *качественно и стадиально* различных типов я уже и не говорю.

Маркс определял социальную систему не через сферу труда (процесса действительного производства), а через логически предшествующую ей сферу распределения факторов производства. Именно она определяет совокупный процесс общественного производства, придавая ему то или иное социосистемное качество – рабовладельческое, феодальное или капиталистическое. Это лишний раз свидетельствует о том, насколько вульгарно-экономическими и вульгарно-материалистическими являются теории «традиционного» и «индустриального» обществ – и вообще, и с точки зрения изучения крестьянства в частности. Не было никакого «индустриального общества» – был капитализм, породивший индустриальный тип производства. Не было «традиционного общества» – были

различные типы докапиталистических обществ, и только одно из них – феодальное – породило капитализм (причем именно в аграрной сфере!) в результате кризиса «длинного XVI века» (1453–1648). Жаль, что в начале XXI в. исследователи пользуются схемами, устаревшими уже в 1960–1970 гг. Ну что же, до сих пор актуальны и Пушкин с его «мы ленивы и нелюбопытны», и Михайловский с его фразой о том, что Россия в идейном плане ведет себя по отношению к Европе как служанка, донашивающая за госпожой вышедшие из моды шляпки. К счастью, не вся Россия.

Рассуждая о модернизации, Медушевский сравнивает два варианта – «путем «революции снизу» (реализовавшейся в России, Китае, Мексике и «революции сверху» в других странах XX в., позволившей избежать конвульсивного революционного взрыва»[65], явно отдавая предпочтение первым (об этом свидетельствует определение «конвульсивный»), но не называя их. С учетом того, что отталкивается Медушевский здесь от схемы Б. Мура, изложенной им в работе «Социальное происхождение диктатуры и демократии» (1966), речь может идти только о Германии, Италии и Японии. Впрочем, это и без отсылки к Муру ясно – по логике вещей.

Здесь два момента – содержательный и методологический (или, если угодно, историко-научный). Содержательный момент заключается в следующем. Действительно, революции в России, Китае и Мексике были жестокими и кровавыми, как это вообще бывает с революциями – достаточно вспомнить французскую 1789–1799 гг., а если добавить к двум этим «пятилеткам» еще и «экспортный вариант» французской революции – наполеоновские войны, то это вообще будет «этюд в багровых тонах». Дело, однако, в том, что режимы, которые Медушевский противопоставляет «конвульсивно-революционным» оказались намного более конвульсивными – все они суть агрессоры Второй мировой войны, которые ввергли мир в такую Суперконвульсию, которая русским,

китайским и мексиканским революционерам не снилась: революции в этих трех странах в целом не вышли за границы этих стран. А вот «революции сверху» в странах будущей оси «Берлин – Рим – Токио» превратились во Вторую мировую войну, в которую они логически перетекли.

Методологическая сторона дела заключается в следующем. Мур написал сильную работу, причем наиболее сильное в ней вовсе не типология, которую использует докладчик. Однако это работа почти полувековой давности. Многое в ней не устарело, однако за прошедшие десятилетия написано немало веховых работ по проблеме революций, коммунизма и национал-социализма, которые побуждают по-новому взглянуть на крупнейшие революции современной эпохи. К сожалению, отставание от мирового научного информпотока вообще и концептуального в частности остается серьезной проблемой российских исследователей. В известном смысле, ситуация хуже, чем в советское время – проявлений научного провинциализма сегодня стало значительно больше.

Помимо методологических ошибок среди тезисов Медушевского есть просто легковесные заключения, которые будучи обусловлены, на мой взгляд, скорее вненаучными, идеологическими пристрастиями, не делают чести профессионалу. Например, тезис о том, что реформы Столыпина, фигуру которого у нас по вполне понятным идеологическим причинам раздувают, предотвратили революцию. В реальности все наоборот: они ее ускорили; были те, кто предупреждал Столыпина о вероятности именно такого развития событий, но он, умный городской человек XIX в., так и не понявший, что наступил век XX-й, и не очень хорошо осознававший деревенские реалии, не послушал.

Разумеется, здесь можно запеть любимую песню как либералов, так и марксистских модернизаторов-прогрессоров о косном или даже иррациональном или наивном сознании крестьян, не понимающих своего

буржуазного счастья и капиталистического светлого будущего, сознания, которому противопоставляется некий «здравый смысл» (опять же буржуазный). Думаю, в научном плане после выхода книги Скотта «Моральная экономика крестьянина» и дискуссии «моральный крестьянин» versus «рациональный крестьянин» versus «религиозный крестьянин»[66], это просто невозможно. За «здравым смыслом», противопоставляемым крестьянской «иррациональности» (последняя на самом деле есть рациональность хозяйства, которое представляет собой единицу производства и потребления одновременно), скрываются представления о частной собственности и рынке как универсальных нормах исторического развития, то есть налицо нарушение принципов историзма и системности. Европейский буржуазный meum навязывается в качестве verum: да здравствует капиталоцентризм!

Удивление вызывает и тезис из Медушевского о том, что такие реформаторы как Бисмарк, «а позднее Карранса и Кемаль показали, каким образом радикальные социальные реформы выступают эффективной альтернативой революционной модели образца 1905 г. «Революция сверху», которую в России планировала в сравнительной перспективе значительно более конструктивные правовые возможности, решения аграрного вопроса, нежели революционная модель, основанная на наивных представлениях масс об уравнительной справедливости, но ведущая к ретрадиционализации общества и фактически отказу от полноценной аграрной модернизации»[67].

О том, насколько наивными были представления крестьян, обусловленные реальностью тяжелой крестьянской жизни, а не тем, что думает об этом Медушевский, сидя за письменным столом, я уже сказал, здесь отмечу лишь следующее. Полноценной аграрной модернизацией Медушевский считает ту, которая не основана на наивных представлениях крестьян, то есть такую, которая может быть только навязана крестьянству силой вопреки их представлениям. Хорош либерал?! За что

же тогда пинать советскую коллективизацию, которая тоже проводилась насильственно (правда, это насилие поддержала значительная часть жителей деревни). Налицо явный когнитивный диссонанс докладчика, во-первых, а во-вторых, предпочтение, которое он отдает капиталистической, фермерской модернизации как единственно эффективной перед социалистической. Ну что же, эту «эффективную» аграрную модернизацию мы хлебаем уже 20 лет. К тому же Медушевскому почему-то не приходит в голову мысль о том, что далеко не все сельхозсистемы поддаются капиталистической модернизации и что кроме экономической эффективности есть еще социальная эффективность.

Теперь о фактах. Бисмарк действительно был реформатором, правда, вовсе не радикальным. Но главное не в этом: немецкое сельское хозяйство, аграрный строй Германии были принципиально иными, чем таковые России. Иным были и крестьянство (необщинное), и господствующий класс, и его отношения с крестьянством. Эта аналогия проваливается.

Что касается Каррансы, то, по-видимому, Медушевский его с кем-то явно спутал. Вступив на пост президента в 1917 г. Карранса пренебрег обещаниями реформ, в том числе аграрной, о которой говорил во время гражданской войны. Крестьяне так и не получили обещанную им землю. Национальная аграрная комиссия раздала лишь 450 тыс. акров 48 тыс. семьям – насмешка над аграрной реформой; если Медушевскому это представляется успехом, то что такое неудача? То, именем чего Мадеро свергал Диаса, а Карранса – Уэрту, не было выполнено (это – не говоря уже об убийстве Сапаты в 1919 г. и подавлении крестьянского и рабочего движения). В результате в 1920 г. Карранса был убит, а последние сапатисты согласились сложить оружие только после того, как правительство обещало предоставить в их владение захваченные в Морелосе земли – Морелос был первой областью,

добившейся проведения аграрной реформы. Добившейся в результате революционной борьбы, а не реформы сверху.

Аграрная реформа Кемаля в Турции действительно была относительно успешной, но можно ли сравнивать Турцию, кардинально отличающуюся в природно-хозяйственном и историческом плане от России? Если да, то сначала надо обосновать принципы и критерии сравнения. А так, по принципу «черного ящика» можно сравнивать и человека с утюгом – управляемые системы (кибернетика).

Курьезным выглядит методика сравнения: сравниваются осуществившиеся *в реальности* результаты того, что Медушевский назвал «революцией сверху», и то, что *планировал* Столыпин, но то, что не осуществилось в реальности. Как же можно сравнивать бывшее и несбывшееся?

И еще одно: для Медушевского одно и то же «революционная модель образца 1905 г.» и модель, которая привела к «ретрадиционализации общества», то есть советская коллективизация. Но ведь это совершенно разные вещи, к тому же опять: в 1905 г. «наивные» чаяния крестьян не реализовались (откуда в таком случае «модель»?), а вот в 1929–33 гг. действительно реализовалась некая модель, которую Медушевский признает соответствующей крестьянским представлениям.

Не выдерживает, на мой взгляд, интерпретация результатов преобразования деревни в СССР как ретрадиционализации. Что значит ретрадиционализация? В СССР, что, было восстановлено крепостничество? Нет. Общинная организация? Нет. Попытки трактовать советское общество, которое со всей очевидностью было обществом Модерна, как восстановление докапиталистических порядков, не новы. Об этом писали К. Витфогель, Р. Гароди и другие. Вот только аргументов нет – как и ответов на вопрос, что же «ретрадиционного» было в советском обществе? Индустрия? Современное образование? Семья современного типа? Что касается эксплуатации со стороны государства, то, например, при государственно-

капиталистическом капитализме (надеюсь, не «традиционное общество»?) государство выступает субъектом эксплуатации. И что – это ретрадиционализация? Некапиталистический и аграрный почему-то воспринимается как «традиционный» или «ретрадиционализированный». А почему не «посткапиталистический», «посттрадиционный»?

Совершенно бездоказателен тезис доклада о том, что коллективизация – это тупик. Тупик – это столыпинская деревня и вымирающая постсоветская. Советская деревня жила. Я уже не говорю о роли коллективизации с точки зрения социального целого, о том, что без этого невозможно было создать современное общество. Но если брать только аграрный сегмент социума, то нелишне вспомнить как русский крестьянин отреагировал на столыпинскую реформу и к каким результатам она привела. Хочется еще раз спросить: а что не тупик в русских условиях? Фермерское хозяйство? И разве не показательно, что после двадцатилетия либеральных реформ нормально живет именно та часть деревни, где сохранились колхозы. Напомню также о поразительных успехах колхозно-совхозного хозяйства в 1990–91 гг. по сравнению с плюгавством постсоветского сельского хозяйства.

Ну и три мелочи напоследок. Тезис о политических системах Наполеона III, Бисмарка и Столыпина, как прообразах тех режимов, которые «становились реальной альтернативой стратегии Коминтерна в других регионах мира»[68]. Это, что называется, сапоги всмятку. Отменили большевики преподавание в школе логики как одной из буржуазных дисциплин, а последствия ощущаются до сих пор. Ну как можно ставить в один сравнительный ряд «режимы» и «стратегии», то есть структуры и процессы? Это – во-первых. Во-вторых, политические системы Наполеона III и Бисмарка действительно имели место быть, а вот «политической системы Столыпина» не существовало – существовало самодержавие, исключавшее какую бы то ни было властную систему, кроме себя самого. В-третьих, «реальной альтернативой стратегии Коминтерна» и

советскому режиму были стратегии и режимы национал-социалистического и фашистского типа (Германия, Италия, Япония), а вовсе не кемалистский, гоминьдановский и (совсем уж смех) каудильистские и авторитарные режимы Латинской Америки. Надо называть вещи своими именами.

Тезис доклада о том, что Коминтерн пытался экспортировать аграрную революцию. У меня вопрос: куда? Где он собирался организовать «черный передел»? В Германии в 1923 г.? Во Франции? Может, в США? В странах, где победили «крестьянские революции», например в Китае и Вьетнаме, аграрная реформа (по сути – революция) была проведена без всякого Коминтерна.

Тезис о том, что Дэн Сяопин и его преемники в Китае сделали то, что недоделал Столыпин в России, вообще трудно комментировать. Россия начала XX в. и Китай конца XX в., русская и китайская формы крестьянской организации, Россия и Китай как типы социума, эпохи – все это настолько различно, что тезис просто повисает. Как говорил классик советской эстрады, «тщательне́е надо, тщательне́е».

Доклад А.Н. Медушевского – частное проявление того, что «переходная» фаза в нашем обществоведении, по крайней мере, для некоторых ее представителей, затянулась. Налицо комбинация стремления отказаться от научной программы марксизма (без адекватного понимания и предварительного выяснения, что это такое) и некритического – до бессознательности – восприятия капиталоцентричного дискурса, устаревших и сданных в утиль несколько десятилетий назад западных идеологем «традиционное общество», «модернизация», «индустриальное общество» вкупе с неспособностью или нежеланием понять, что это не столько научные теории, сколько именно идеологемы (о логике смены парадигм «традиционное общество» и «модернизация» на классическом примере изучения афро-азиатских обществ см.: [69] [70] – *А.Ф.*). А замешано все это на неприятии

советского опыта развития без какой-либо попытки понять этот опыт системно-исторически.

И, наконец, последнее: на постсоветском (он же антисоветский) «либерализме» лежит тяжелая печать худших образцов советского коммунизма, порождением которого он является. Эта печать – сочетание догматизма, идеологизированность (место «научного коммунизма» занял «научный либерализм»), слабой профессиональной подготовки, отставание от мирового научного информпотока и нелады с логикой. При этом если у советского коммунизма была пусть примитивная, но самостоятельная мысль, то у его внебрачного дитяти «антисоветского либерализма» – коррелята гайдаро-чубайсовщины в экономике – ничего своего, все заемное, все с чужого плеча; и традиция, и модернизация, и прочая сданная на самом Западе в утиль-сырье продукция.

Post Scriptum

Подводя итог, можно сказать, что организаторы и участники второй крестьяноведческой дискуссии постарались удержать профессиональную и интеллектуальную планку на той высоте, на которой «сработала» первая дискуссия. Что особенно важно, был поднят ряд проблем, выходящих за рамки крестьянского вопроса и максимально приближающих споры к сегодняшнему дню.

Дискуссия также показала, что рано говорить о конце идеологии вообще и о конце идеологии в науке в частности: место коммунистического дискурса в качестве мейнстрима занял либеральный с большим количеством «родимых пятен» коммунистического, эдакий коммунизан-либерализм, неофиты которого, как это всегда бывает с неофитами, стремятся быть «святее папы» – со всеми вытекающими отсюда издержками для собственно научного исследования. Появление либерально-антикоммунистической, антисоветской версии социальной науки и исторического дискурса неудивительно –

ни конформизма, ни желания угодить власти никто не отменял.

Воланд прав – люди не меняются, меняются времена, которые ставят новые научные задачи. Вот их и надо решать: идеологии приходят и уходят, научный поиск остается, и можно лишь поздравить организаторов «круглого стола», что такого поиска было больше, чем дешевой идеологии.

Библиография

[1] *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: Крестьянство в социальных системах // Обозреватель–Observer. 2012. № 6. С. 69–89.

[2] *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории // Обозреватель–Observer. 2012. № 7. С. 76–98.

[3] Сталинизм и крестьянство. М., 2014.

[4] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 252–419.

[5] Крестьянство и власть в России // Социологические исследования. 2010. № 9. С.140.

[6] Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355.

[7] Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011.

[8] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Вместо введения: От организаторов Международного круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 16–17.

[9] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель–Observer. 2011. № 9. С. 20.

[10] Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций: Итоги первого заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С. 30–44.

[11] *Асонов Н.В.* Крестьянство и власть с позиций цивилизационного подхода // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 63–69.

[12] *Berdichewsky B.* Anthropology and the peasant mode of production // Anthropology and social change in rural areas. The Hague etc.: Mouton publishers, 1979. P. 6.

[13] *Фурсов А.И.* Современный этап изучения крестьянства в немарксистских исследованиях азиатских обществ // *Фурсов А.И.* Проблемы социальной истории крестьянства Азии. М., 1986. С. 5–40.

[14] *Shanin T.* Introduction // Peasants and peasants societies. Harmondsworth, 1971. P. 11.

[15] *Васильев Ю.А.* Общественное историческое сознание и историческое понимание в отношении российского крестьянства: феномен забвения // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 151.

[16] *Телицын В.Л.* Военный коммунизм: власть и крестьянство / крестьянство и власть // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 335–346.

[17] *Бабашкин В.В.* Крестьяне, посткрестьяне и власть в XX веке: приспособительные стратегии с обеих сторон // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 77.

[18] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 180.

[19] *Фрянцев М.М.* Сельская школа – последний рубеж // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 383.

[20] *Семин А.* Тайные олигархи. М., 2008. С. 88–89.

[21] *Багдасарян В.Э.* Устойчивость института крестьянской общины в России и парадигма «черного передела» // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 80.

[22] Там же.

[23] Там же. С.81.

[24] *Rudolf L., Rudolf S.* The Modernity of tradition. Political development in India. Chicago, 1967.

[25] *Алексеев С.В.* Крестьянский вопрос во внутренних войнах России и Западной Европы: опыт сопоставления// Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 32.

[26] *Mollat M., Wolff P.* Les revolutions populaire en Europe aux XIV-e et XV-e siècles. P., 1970.

[27] Там же. С. 465.

[28] Там же. С. 467.

[29] *Фурсов А.И.* Восток, Запад, капитализм: проблемы философии истории и социальной теории // Капитализм на Востоке во второй половине XX в. М., 1995. С. 63.

[30] *Фурсов А.И.* Крестьянство в общественных системах: опыт разработки теории крестьянства как социального типа – персонификатора взаимодействия универсальной и системной социальности // Крестьянство и индустриальная цивилизация. М., 1993. С. 56–112.

[31] *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература. 1988. № 10. С. 103.

[32] *Фурсов А.И.* Европейская цивилизация и капитализм: культура и экономика в развитии общества. М., 1991. С. 25–38.

[33] *Фурсов А.И.* Великая тайна Запада: формационное и цивилизационное в становлении европейского исторического субъекта // Европа: новые судьбы старого континента. М., 1992. Ч. I. С. 48–60.

[34] *Фурсов А.И.* Русская власть, Россия и Евразия: Великая Монгольская держава, самодержавие и коммунизм в больших циклах истории // Русский исторический журнал. 2001. Т. IV. № 1–4. С. 15–114.

[35] *Фурсов А.И.* Феномен русской власти // Научный эксперт. 2008. № 3. С. 10–57.

[36] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 182–184.

[37] *Булдаков В.П.* К вопросу о происхождении мифов о крестьянстве // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 134.

[38] Там же. С. 128.

[39] Там же.

[40] Там же. С. 134.

[41] Там же.

[42] *Безгин В.Б.* Крестьянство в аграрных преобразованиях начала XX века // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 89.

[43] *Кондрашин В.В.* Крестьянство и власть в России: опыт взаимодействия в условиях индустриальной модернизации // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 226.

[44] *Багдасарян В.Э.* Указ. соч. С. 81.

[45] *Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 225.

[46] *Люкшин Д.И.* Пришествие «Великого незнакомца»: провинциальное начальство и крестьянские сообщества накануне общинной революции // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 253.

[47] *Бабашкин В.В.* Указ. соч. С. 73.

[48] *Рогалина Н.Л.* Коллективизация – решающий этап в репрессивном раскрестьянивании // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 314.

[49] *Бабашкин В.В.* Указ. соч. С. 71.

[50] *Багдасарян В.Э.* Указ. соч. С. 87.

[51] *Скорик А.П.* Кризисные явления в сельском хозяйстве Кубани и Дона как результат депортации населения «чернодосочных» станиц (1932–1934 гг.) // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 324.

[52] *Mendra H.* La seconde révolution française. P., 1994.

[53] *Кондрашин В.В.* Указ. соч. С. 230.

[54] *Бабашкин В.В.* Указ. соч. С. 73.

[55] *Багдасарян В.Э.* Указ. соч. С. 87.

[56] *Люкшин Д.И.* Указ. соч. С. 263.

[57] *Foursov A.* Social Times, Social Space, and Their Dilemmas. Ideology “in One Country” // Review. Binghamton (N.Y.). 1997. Vol. XX. № 3/4. P. 345–420.

[58] *Фурсов А.И.* Манифест коммунистической партии, или 150 лет спустя // Русский исторический журнал. 1998. Т. I. № 1. С. 267–300.

[59] *Фурсов А.И.* Биг Чарли, или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория // Русский исторический журнал. 1998. Т. I. № 2. С. 335–429.

[60] *Фурсов А.И.* Идео-логия и идеология // *Кустарев А.* Нервные люди. М., 2006. С. 7–47.

[61] *Фурсов А.И.* Интеллигенция и интеллектуалы // *Кустарев А.* Нервные люди. М., 2006. С.48–86.

[62] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С.163–164.

[63] Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель–Observer. 2011. № 11. С.31–37, 40–42.

[64] *Медушевский А.Н.* Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России // Крестьянство и власть в истории России XX века. М., 2011. С. 266.

[65] *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 280.

[66] *Фурсов А.И.* Модель целостного крестьянина и его основные противоречия: морально-экономический крестьянин» // *Фурсов А.И.* Проблемы социальной истории крестьянства Азии. М., 1986. С. 122–159.

[67] *Медушевский А.Н.* Указ. соч. С. 281.

[68] Там же.

[69] *Фурсов А.И.* «Традиционное общество» или «мировая экономика»? Конфликтующие парадигмы развития азиатских обществ в новое и новейшее время // Традиционное общество и мировая экономика: Критика теорий модернизации. М., 1981. С. 80–141.

[70] *Фурсов А.И.* Развитие азиатских обществ XVII – начала XX в.: Современные западные теории. Вып.1–3. М., 1990–1991.

Понимание как основа историзма: «Сталинизм и крестьянство»

(о сборнике научного проекта «Народ и власть»)

В.Г. Хорос

Прим.: *в сокращенной журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Новом историческом вестнике»*[1]

Я долго колебался – соглашаться ли на предложение написать соображения или размышления по поводу данной книги «Сталинизм и крестьянство», выпущенной в свет «Издательством Ипполитова» в 2014 г.[2]. Все-таки я не аграрник, не специалист по советским двадцатым-тридцатым, не крестьяновед. В эти области я иногда залезал «постольку поскольку» – например, в тематику крестьянства, когда занимался русским народничеством или мировым популизмом.

С другой стороны, эта книга составляет лишь часть более широкого контекста – отношения к советской эпохе в целом, что для меня, человека, большую часть своей сознательной жизни прожившего в это время, не может не быть важным. Ибо последнюю четверть века я с возрастающим изумлением наблюдал за тем, в какой негатив погружали и продолжают погружать историю своей страны многие представители, так сказать, экспертного и публицистического сообщества. Соответственно росло и желание самому высказаться как историку (а я все же считаю себя историком) – о научных принципах отношения к прошлому, тем более собственной страны, о праве на суждение и осуждение, о соотношении моральных и научных

критериев и тому подобных вещах. В этом плане предложенная книга дает хороший повод.

Откуда возник этот негатив? Отчасти, еще в годы Перестройки, – от разочарованности в дряхлеющем партийном руководстве, усталости от пустых прилавков и, соответственно, тяги к «прекрасному далеку» Запада, где так много свободы, прав человека, колбасы и других приятных вещей; от желания приобщиться к этому завлекательному миру под сенью «общечеловеческих ценностей», провозглашенных говорливым Горбачевым. Отчасти, уже с начала девяностых, – от ошеломления, от отчаяния, порожденных шоковыми терапиями и приватизациями, шоком от того, как в одночасье перекрасившиеся партийные чиновники и комсомольские нувориши быстренько, деловито и жадно начали делить достояние страны: ну что же, стало быть, виновато «проклятое прошлое», которое привело к такому настоящему. Короче говоря, у изрядного числа людей (среди которых было немало бывших «шестидесятников») негатив во многом питался эмоциями, которые затем стали уступать место более трезвому взгляду.

Но среди этого хора были слышны и постепенно крепли другие голоса. Для них расплевание со всем советским было формой самоутверждения, а кроме того – иногда неосознанно, а зачастую вполне осознанно – способом пристроиться к новым хозяевам жизни, подпереть их идейно, заслужив в ответ милость и соответствующее окормление. Изображалось дело так, что «коммуняцким режимом» страна оказалась доведена до полной ручки, и у создателей наконец-то демократической и наконец-то цивилизованной России, увы, просто не было иного выхода, как развалить СССР, допустить ценовый беспредел, разрушить половину национальной экономики (дабы гарантировать невозврат к прошлому), расстрелять национальный парламент и т.д. Как тогда выражались, иного не дано. И уверяли, что если какая-то часть «дорогих россиян» не принимает этого, то она просто «одурела». Зато другая Россия, «щедрая душа», с готовностью открывала объятия креативным реформаторам.

С экранов телевизоров, со страниц газет, журналов и научных книг нам стали внушать, что замечательная «Россия, которую мы потеряли», была угроблена большевиками, предавшими страну и союзников в Мировой войне и организовавшими путч за немецкие деньги. Что они погрузили общество в хаос гражданской войны, а затем кровавой диктатуры, репрессий, голодоморов и тому подобного. Что победа в войне с фашизмом была достигнута за счет того, что завалили противника трупами и гнали заградотрядами солдат вперед. Что вообще фашизм и социализм – одного поля ягоды. И прочее, и прочее.

Конечно, в трудах академических ученых этот разоблачительный раж был не так крут, как в масс-медиа, но по сути мало чем отличался. Например, один историк-академик объявил советский период «антропологической катастрофой». А на канале «Культура» Октябрьскую революцию до сих пор упорно называют «переворотом».

Примером того, как далеко может зайти чувство неприязни (или даже ненависти) к собственной стране, может служить вышедшая в разгар девяностых книга Е.Н. Старикова «Общество – казарма: от фараонов до наших дней». Говорю о ней еще и потому, что автор ее, несомненно, человек талантливый. Известность ему принесли статьи о маргиналах в России в конце 1980-х гг. А потом, после публикации вышеупомянутой книги он куда-то исчез, и сведений о нем никаких нет.

Так вот, в книге Старикова подвергается анафеме феномен «КК» (казарменного коммунизма), прошагавший по истории человечества от Египта, Шумера, Китая до России, от египетских пирамид до сталинских металлургических комбинатов, от восточной государственной ирригации до советского Минводхоза. Это – азиатская пирамида «поголовного рабства», «искусственно сконструированное общество – машина, не способная к самостоятельному органическому развитию», «бессубъективное общество, в котором у индивидов в принципе нет автономного поведения», подчиненных «деспоту – единственному

субъекту в этом обществе рабов». В отличие от свободного Запада, порожденного товарно-денежными отношениями, это – «энтропийное общество», хотя и существовавшее (а вернее, гнившее) тысячи лет.

Особенно досталось России, история которой отмечена перманентным рабством. В Киевской Руси продавали рабов. Потом русские стали рабами татаро-монголов. Потом – крепостное право, потом – царство ГУЛАГа. История собственного народа автору настолько отвратительна, что, например, деятельность Александра Невского объявляется им «элементарным предательством своей страны ради шкурных интересов своего сословия», звучат издевки над якобы-победой в Ледовом побоище, в котором участвовало лишь два-три десятка рыцарей и «все рыцарское войско могло бы уместиться на площади хорошей обкомовской квартиры». Так и существовала Россия – «от татарщины до брежневщины – через опричнину, бироновщину, аракчеевщину, сталинщину, ежовщину – и каждый очередной раз хребет нравственности, человеческого достоинства в народе ломался»[3]

Старикову, пожалуй, принадлежит пальма первенства по части нагнетания национально-исторического негатива в постсоветские годы. Но сходные мотивы характерны и для некоторых других (и также, кстати сказать, талантливых) авторов – например, А.С. Ахиезера, у которого история России предстает как сплошная цепь катастроф[4], или И.Г. Яковенко, для которого русская цивилизация безнадежно застряла в архаике, варварстве и потому является «цивилизацией поневоле» (правда, Яковенко в конце оговаривается, что его труд по познанию России носит «предварительный характер»)[5].

У других представителей академической науки и особенно публицистики последних десятилетий подобные идеи были выражены менее искусно, более грубо и прямолинейно, но общая направленность одна: подчеркивание ущербности отечественной истории, доходящее до стыда за нее.

Из этого, разумеется, не следует, что прошлое неприкасаемо. В истории России (как и любой другой страны) есть много чего – и заблуждений, и утопий, и трагических событий, и преступлений. Но, во-первых, есть не только это. Во-вторых, серьезное суждение и осуждение предполагают *понимание*, то есть. проникновение в то, почему, как и с какими критериями действовали или могли действовать наши предки в «предлагаемых обстоятельствах» – в отличие от потомков, располагавших уже иными «предлагаемыми обстоятельствами» и критериями. Принцип историзма – не пустой звук, иначе исторические штудии превратятся в перечень упреков и приговоров предшествующим поколениям. В-третьих, моральный и научный подход не вполне совпадают, хотя и не противоположны друг другу.

Прошу прощения у читателя за это несколько затянувшееся вступление, которое мне все же представляется не лишним для восприятия дальнейшего, и перейти непосредственно к предмету рассмотрения.

«Сталинизм и крестьянство» – это одна из четырех книг весьма объемного проекта «Народ и власть». Его инициаторам удалось привлечь значительное число специалистов из различных научных центров, в том числе зарубежных – как крестьяноведов и аграрников, так и исследователей более широкого профиля, которые в статьях, на семинарах и круглых столах с разных сторон освещали выбранную тему[6]. В результате получилась картина, которая в определенной степени дает представление о состоянии и тенденциях в нашей исторической науке.

Картина эта в целом выглядит ободряюще. У большинства участников проекта ощущается серьезное отношение к обсуждаемой проблематике, стремление к объективному анализу, готовность применять различные подходы. Уничтожающие характеристики прошлого – например, о «нищей голодной стране, в которую превратил Россию Ленин» (**с. 129**[7]; *далее везде ссылки при цитировании рецензируемого сборника даются на его страницы – В.Х.*) – встречаются относительно редко. В этом смысле можно

констатировать постепенный процесс преодоления крайностей постсоветской историографии. Вместе с тем, есть то, что по отношению к общему тону книги звучит диссонансом и порой вызывает досаду.

Во-первых, встречаются суждения и оценки, продиктованные больше изначальной заданностью, нежели конкретной аргументацией, – причем в сюжетах, давно и достаточно основательно освоенных как дореволюционной российской, так и советской историографией.

Так, на семинаре по теме «Община и революция»[8] возник спор о результатах крестьянской реформы 1861 г. Одни (А.Н. Медушевский, Н.Л. Рогалина) утверждали, что крестьяне получили «не так мало земли» – 12 десятин, и даже если учитывать отрезки от их наделов, то они составляли «только 1/5». Утверждалось это для обоснования тезиса, что «никакого малоземелья не было», что крестьянам было предоставлено «вполне достаточное количество земли» для ведения продуктивного хозяйства, а не смогли они вести его просто потому, что «не использовали достижения агрономической науки», отсутствовали «навыки эффективного земледелия».

В ответ на это В.В. Зверев, опираясь на вполне репрезентативные подсчеты П.Г. Зайончовского, Б.Г. Литвака, Н.М. Дружинина, С. Хока, привел конкретные данные: на самом деле крестьяне в среднем получили всего 3,8 дес., соотношение между доходностью их надельной земли (у помещичьих крестьян) и выплатами по выкупной операции, подушной податью, другими налогами было отрицательным чуть ли не вдвое, а у государственных крестьян доходы полностью перекрывались расходами (с**. 460–463**). Какие тут были возможности для рыночного хозяйства для большинства крестьянских семей? Нетрудно видеть, что первая точка зрения исходила из априорно заданного посыла: реальной крестьянской проблемы в пореформенной России не было, а если она возникла, то главным образом по причине крестьянской, так сказать, «профнепригодности».

Споры и противоречия возникли также вокруг оценки столыпинской реформы.

А.В. Михайлюк считает, что «капиталистическая модернизация, предложенная Столыпиным, была разрушительной и вела к пауперизации, раскрестьяниванию большинства крестьянства, являлась насилием над крестьянством и вызывала его сопротивление» (**с. 148**)[9].

А.В. Гордон, напротив, уверен, что реформа Столыпина «отвечала потребностям аграрной (и общенациональной) модернизации» (**с. 289**)[10].

У Д.И. Люкшина сочетаются две в общем-то противоречащие друг другу характеристики столыпинской реформы: это – «эффективный, радикальный, едва ли не единственно верный ответ на заданный либералами аграрный вопрос»; и это – «попытка второй раз ограбить уже ограбленное крестьянство и уверить его в том, что это снова делается для его же блага» (**с. 445, 447**).

Аграрная реформа П.А. Столыпина достаточно подробно изучалась в отечественной историографии, и трудно отрицать тот факт, что она была отвергнута по меньшей мере двумя третями крестьянства, а ликвидированные в результате столыпинских преобразований крестьянские общины были восстановлены в ходе революционных событий 1917 г. В постсоветский период реформа Столыпина была поднята на щит как достойный путь модернизации деревни (и всей России) на основе соблюдения правовых норм и принципа частной собственности. Столыпин действительно защищал неотчуждаемость помещичьих земель из-за опасения нарушения принципа частной собственности. Но такой подход был не принят большинством крестьянства не только из-за желания заполучить землю помещиков, тем более в контексте нараставших оппозиционных настроений и революционной ситуации.

Частная земельная собственность помещиков, как убедительно показал в свое время В.О. Ключевский, перестала быть легитимной в глазах крестьян еще со времен Указа о вольности дворянства 1762 г., освободившего дворян

от военной службы, которая была каким-то оправданием их права на владение крепостными. Перестав быть служилым классом, дворяне, проживая в основном в городах, не стали по большей части и классом сельских хозяев, а лишь «душевладельцами и полицейскими управителями», а само крепостное право при этом ужесточалось[11].

Антипомещичью настроенность крестьянства, накапливавшуюся еще с тех времен, учитывали даже либеральные деятели, которым отнюдь не было свойственно неуважение к принципу частной собственности. Вот как оценивал столыпинскую реформу один из лидеров кадетской партии и видный историк А.А. Кизеветтер: «К основной идее Столыпина, – писал он, – можно относиться как угодно, но и те, кто видели в ней *для будущего* ключ к разрешению социального вопроса, должны были бы понять, что для *данного* момента необходимость прирезки земли к крестьянским владениям оставалась в полной силе, и проведение этой меры в широких размерах законодательным путем могло бы сыграть решающую роль в предотвращении катастрофы, жертвою которой через несколько лет стала Россия»[12]. Задуманные как средство ослабления крестьянского недовольства, столыпинские аграрные преобразования на деле усугубили его.

Среди участников данного проекта изначальная заданность и одностороннее ви́дение фактов больше свойственны, на мой взгляд, представителям либеральной (может быть, точнее было бы сказать: неолиберальной) интерпретации российской истории. Отсюда их, если так можно выразиться, «нотации» прошлому, недовольство, что те или иные деятели или даже целые социальные слои вели себя «не так, как надо», поступали «неправильно», не понимали каких-то вещей и т.п.

Скажем, для А.Н. Медушевского очевидно, что в 1917 г. среди проектов аграрного переустройства «начинают доминировать мифы Французской революции и коммунизма, которые являются совершенно абсурдными с точки зрения здравого смысла, но выступают «справедливыми» с точки

зрения крестьянского сознания и чрезвычайно эффективными с точки зрения большевиков» (**с. 440**).

У некоторых авторов (А.В. Чертищев) изучение крестьянства приводит их к чему-то вроде крестьянофобства: «Парохиальное сознание..., себялюбие, онтологическое безразличие ко всему, что не касается лично каждого конкретного человека и среды его обитания, патологическая нетерпимость к инновациям и прогрессу в целом, нетерпимость к инакомыслию, двойственность сознания, неготовность к более сложным формам социального устройства и их неприятие, феноменальное невежество и многое другое – все это вряд ли дает основание считать крестьянство цивилизационным фундаментом России» (**с. 387**).

Аналогичным образом Н.Л. Рогалина видит в русских общинах лишь «манихейство» – ибо имея 2/3 удобных для земель, вместо того, чтобы «переносить культуры с барских полей», они лишь «хотели делить землю» (**с. 458**). Это позиция человека, смотрящего на прошлое с колокольни современного неолиберализма, дающего, так сказать, советы задним числом, а не стремящегося понять, почему люди думали или поступали именно так.

Поучительным примером таких суждений, а точнее суда над прошлым могут служить размышления Д.И. Люкшина о целях и «смыслах» коллективизации.

Этот незаурядный пассаж стоит того, чтобы привести его целиком: «... Экспроприации деревни, жирующей на вольных НЭПовских хлебах, предстояло сыграть в партийном эпосе роль космогонического мифа, и, что тоже существенно, сделаться источником ресурсов для грядущей модернизации. Да, автор, безусловно, отдает себе отчет в том, что в паттерне материалистической каузальности, реализуемом отечественным обществоведением, первенство следовало бы отдать практической задаче изъятия продовольствия. Но идеократический характер режима, в котором сакрализация политической воли опосредовалась монополизацией пространства символического, обусловливал утверждение

логоцентрической модели познания общества, сулившей невиданные перспективы в деле освоения и оптимизации прошлого. Весело – как солнце в капле – отзеркаливающий сиюминутными смыслами в точке мимолетного рандеву, означающего и означаемого дискурс лукавой Клио, можно было приручить, лишь обеспечив соответствие параметров означаемого заданным характеристикам означающего» (**с. 125**).

Трудно сказать, чего здесь больше: нарциссического любования собственной способностью купаться в терминах, извлеченных в постмодернистской манере из различных областей обществоведения (что автору, по-видимому, представляется верхом научности) – или снисходительно-иронического взгляда свысока современного всепроникающего аналитика, разъясняющего «дела давно минувших дней» и тогдашних деятелей, которые, бедняги, не ведали, что творили.

Теперь по существу темы «Сталинизм и крестьянство», драматических событий и процессов 1920–1930-х гг. и их освещения в рассматриваемой книге.

Бесспорно, что крутые перемены в жизни крестьянства, да и всей советской страны в то время сопровождались насилием, депортациями значительных масс населения, репрессиями, что наложило суровый отпечаток на всю эту эпоху. Поэтому, как представляется, здесь можно выделить две главных проблемы. Была ли альтернатива коллективизации? Каковы были ее результаты – для самого крестьянства и для страны в целом? Собственно, вокруг этих проблем и сосредоточены главным образом материалы книги.

Авторы справедливо фиксируют, что историческая развилка пришлась на конец 1920-х гг. До этого внутри власти существовали две различные программы. Одна (Н.И. Бухарин, И.В. Сталин, А.И. Рыков) допускала движение к социализму через сохранение НЭПа, союза города и деревни с опорой на середняка, добровольное кооперирование крестьянства. Другая группа лидеров (Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, Н.К. Крупская, Г.Я. Сокольников) делала

акцент на обеспечение социалистической индустриализации через повышенное налогообложение кулачества и нэпманов, опору на бедные слои деревни и нейтрализацию середняка, а также сельскую кооперацию.

Оба проекта объединяла идея сохранения НЭПа, а также надежда на деловые контакты с государствами Версальской системы – получение кредитов и средств от импорта сырья на нужды индустриализации.

Но к концу 1920-х гг. ситуация ухудшилась. Возникли трудности с хлебозаготовками, – и не только потому, что промышленность давала селу недостаточно товаров для обмена и крестьяне сократили поставки зерна. Как отмечают участники проекта (С.А. Есиков, М.М. Есикова, А.В. Гордон), восстановление деревни после гражданской войны и введения продналога было лишь частичным, крестьянские хозяйства в подавляющем большинстве были низкодоходными, падала их товарность, преобладало «натуральное накопление». Обнаруживалась бесперспективность мелкого крестьянского хозяйства. НЭП, особенно в деревне, зашел в тупик (**с. 75-77**[13]**, 277, 488-489**[14]).

Требовалось решение, кардинально менявшее вектор развития. Каким оно могло быть в той ситуации?

Видный советский историк-аграрник В.П. Данилов полагал, что мелкое общинное крестьянство вполне могло эволюционировать через кооперацию к социализму. Еще раньше такой позиции придерживался классик крестьяноведения А.В. Чаянов. Эту точку зрения защищали и некоторые участники проекта – например, В.Т. Логинов, который считал вполне реальной реализацию ленинской стратегии добровольного кооперирования деревни, тем более, что в первой четверти XX в. крестьянские кооперативы получили немалое распространение в России (**с. 329**). И таким путем удалось бы избежать насильственных эксцессов конца 1920–1930-х гг.

Конечно, было бы лучше, если преобразование деревни протекало бы мирно, постепенно, без драматических столкновений. Как говорится, лучше быть богатым и

здоровым, чем бедным и больным. Но были ли возможности, а самое главное время для этой альтернативы?

Да, кооперация осваивалась крестьянами, но главным образом в форме снабженческих или сбытовых кооперативов. Что же касается кооперации производственного типа, то на этот счет известный эксперт по проблемам крестьянской кооперации В.В. Кабанов приводил мнение выдающегося отечественного экономиста Н.Д. Кондратьева, что «для кооперативной коллективизации должно было бы потребоваться лет 600» (**с. 707**)[15].

Хорошо, будем считать цифру 600 фигурой речи. Но, безусловно, рубеж 1920–1930-х гг.– это момент своего рода исторического цейтнота, когда с особой силой выдвигается роль внешнего фактора, внешней угрозы.

«Раскрыл я с тихим шорохом глаза страниц, и потянуло порохом со всех границ... ». Во всех партийных решениях того времени черным по белому говорится об опасности грядущей войны, задолго до прихода Гитлера к власти.

История подтвердила основательность этих предчувствий. Не было 20 лет на аграрную реформу, которые Сталину почему-то приписывает А.В. Гордон (**с. 501**). Отсюда известная фраза из письма генсека к А.М. Горькому, где говорится об отставании от передовых западных стран на сто лет и которое надо ликвидировать «за десять лет – иначе нас сомнут». Это значит, что надо было резко пришпорить индустриализацию, пятилетки, создавать мощную тяжелую промышленность, оборонные отрасли и т.д.

А коллективизация, как справедливо заметила Е.В. Михайлова, была тесно сопряжена с индустриализацией, поскольку требовалось снабжать города и стройки продовольствием и рабочей силой (**с. 307**).

В книге коллективизация сравнивается с аграрной реформой в постмаоистском Китае, проведенной полвека спустя. Причины большей эффективности и меньшей конфликтности второй заключаются не только в том, что, как верно замечает тот же Гордон, китайское крестьянство «было

исторически более коммерциализировано и трудоинтенсивно» (**с. 493**); или что китайское руководство удачно использовало в процессе преобразований форму семейной аренды, в течение тысячелетий привычную для сельского Китая.

Важно то, что над реформами в Китае не висел дамоклов меч внешней угрозы, и они могли производиться спокойно, без оглядки на историческое время. В раннем СССР многое определяла срочность задач, что предполагало – как в городе, так и в деревне – те или иные формы мобилизационной экономики, которые вряд ли можно считать придумкой или прихотью тогдашнего партийного руководства.

Поэтому несколько странно звучит хлесткая фраза А.М. Никулина о том, что признавать безальтернативность мобилизационных методов означает «гэпэушный подход к собственной истории» (**с. 530–531**).

Более взвешенным представляются суждения А.И. Колганова и некоторых других авторов, что переход к коллективизации явился «неизбежным», ибо для иных вариантов аграрных преобразований «не были отпущены историей необходимые сроки» (**с. 568**)[16]. Притом, что было ясно, в том числе и тогдашнему руководству, форсированное насаждение новых форм хозяйств столь же неизбежно чревато сопротивлением, конфликтами и насилием.

Теперь о том, чем явилась коллективизация в качестве варианта аграрной реформы, почему и каким образом она состоялась, что она принесла деревне и стране. Здесь можно констатировать немало разногласий среди участников проекта. Споры идут вокруг того, означала ли коллективизация «раскрестьянивание» крестьянства, был ли колхоз продолжением общинных традиций, явилась ли коллективизация частью процесса модернизации в СССР, и ряда других проблем.

На эти вопросы нет однозначных ответов.

С одной стороны, колхозник не адекватен крестьянину, поскольку его земельная собственность

«обезличена», труд подневолен (А.В. Чертищев), он скорее сельскохозяйственный рабочий (А.В. Гордон).

С другой стороны, он не совсем лишен земли (приусадебные участки); подневольным был и труд крепостного крестьянина в дореволюционной России, колхозник – не вполне рабочий совхоза.

Поэтому остались признаки «крестьянской ментальности» (В.П. Булдаков), «общинно-крестьянский архетип» (М.М. Есикова). Более того, массовая миграция из деревни в города, а также родственные крестьянской психологии ценности патернализма, коллективизма и эгалитарности, которые проповедовались тогда советской властью, дают основание говорить об «окрестьянивании всей страны» (**с. 263, 646, 626** и др.).

Точно так же колхоз – это не община, но в каких-то элементах (например, общее собрание) его «можно рассматривать как видоизмененную форму общины» (А.В. Михайлюк, Н.В. Асонов, А.Н. Медушевский), а всю страну – как своего рода «мегаобщину» (**с. 151, 581–582, 594**).

Что касается соотнесения коллективизации и модернизации, то модернизация – это эволюция традиционного, аграрного общества к современному, индустриальному, и потому колхозы 1930-х гг. с машинной техникой – это уже не деревня XVIII или XIX вв. Но связь модернизации и коллективизации в данном случае более глубокая и парадоксальная.

Двадцатые-тридцатые годы, по словам М.М. Кудюкиной, дали «причудливый симбиоз – сплав патриархальности и «сверхмодернизаторских» установок» (**с. 345**). Здесь сработала особенность российского типа модернизации в целом – вспомним, как Петр I, насаждая мануфактуры, создавая передовые по европейским меркам армию и флот, учреждая Академию наук и прочее, одновременно ужесточал крепостное право и фактически распространял его на все слои населения.

Тут не только парадокс, но и закономерность: всякая исторически запоздавшая модернизация предполагает синтез современных элементов с традиционными, поскольку

заимствованные извне технологические и организационные образцы должны быть укоренены в иной цивилизационно-национальной среде, что, кстати говоря, помогает «мобилизационным» модернизаторским рывкам.

Поэтому вполне объяснимо, как отмечает А.В. Гордон, что «курс социалистической модернизации... как ни парадоксально, привел к ретрадиционализации деревни» (**с. 489**). Другое дело, что данный синтез может также иметь свои минусы и издержки, что сполна проявилось в советский период.

Минусы и издержки коллективизации были действительно велики. Прикрепление сельских тружеников к земле – похлеще, чем в царские времена. Не случайно в те годы аббревиатура ВКП (б) иронически расшифровывалась как «Второе крепостное право». Так называемое раскулачивание, захватившее и немало середняков, превращавшееся порой в мародерство, приведшее, особенно на первых порах, к «колоссальному разрушению производительных сил» (**с. 297**). Массовая депортация репрессированных крестьян – в ссылку или на лагерные стройки. Точные цифры до сих пор устанавливаются, но в любом случае они значительны и воспринимаются с болью. Наконец, моральные издержки – потеря веры в законность, страх, ослабление мотивации к труду в атмосфере подневольности. Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить.

Убавлять не нужно, но и прибавлять, наверное, не стоит. Я имею в виду не только подсчет масштабов бедствий, но и оценку целей и политики большевистской власти.

Можно, к примеру, согласиться с В.А. Ильиных, что Сталин, начиная коллективизацию, «заранее не планировал построение «агрогулага»» и исходил из того, что объединение мелких крестьянских хозяйств в колхозы на базе современной техники позволит повысить производительность сельского труда (с**. 573–574**).

И наоборот, только сожаление вызывает заклеймление Д.И. Люкшиным коллективизации как «войны с собственным

народом», в котором «голодоморы» начала 1930-х гг. «были спланированы большевиками» (**с. 554–555**) – позднее подобного рода обвинения будут повторены или подхвачены националистической пропагандой и политическими лидерами в нынешней Украине.

Более здраво и объективно высказывается относящийся в целом критически к коллективизации А.В. Гордон: голодовки были «побочным результатом насильственной экспроприации крестьянства» (**с. 562**) – хаоса, вызванного в деревне коллективизацией и урона, нанесенного сельскому производству на начальном ее этапе.

Конечно, коллективизация встретила сопротивление, вызвавшее ответные жесткие меры власти. Только за апрель-июнь 1930 г. произошло более 4 тыс. крестьянских выступлений, и четверть из них была подавлена при военном содействии (**с. 283**). Но при этом оппозиционная борьба в деревне все же не доходила до масштабов «антоновщины» 1921 г. Почему? Думается, не только потому, что крестьянство устало под превосходящим натиском и смирилось с давлением на него.

Во-первых, не вся деревня была против коллективизации – ее поддерживали бедняцкие массы и часть средних слоев. Среди социальной опоры сталинизма японский историк Х. Окуда (да и не он один) особенно выделял молодежь, – а в те годы 60% населения составляли люди моложе 30 лет. Коллективизация, да вся политика социалистической реконструкции предоставляла им большой шанс, открывая широкий «канал вертикальной мобильности» (**с. 648, 278, 624, 633** и др.).

Наконец, как уже об этом говорилось выше, социалистическая идеология большевиков частично соответствовала ценностям массового крестьянского сознания. Поэтому крестьянство, как выразился П.П. Марченя, стало не только жертвой коллективизации, но и ее опорой (**с. 629**).

Да, насилие, террор сопровождали коллективизацию, так же как всю тогдашнюю жизнь в стране. Однако насилие

шло не только сверху, но и снизу. Полагать, что репрессии были делом рук лишь большевиков и их карательных органов, ведущих «войну с собственным народом» ради сохранения своей власти и реализации «утопий, лишенных здравого смысла» – это и есть настоящий «гэпэушный» подход к собственной истории.

Так называемый сталинский террор направлялся прежде всего против политико-административной верхушки, неугодных управленцев, действительных или мнимых оппозиционеров, но по-настоящему массовый террор, каким он был в тридцатые годы, только этим не объяснишь. Это террор был своеобразным продолжением гражданской войны, которая не закончилась в 1921 г. и продолжалась в различных формах – бедные против «богатых» или мало-мальски имущих, «пролетарии» против «буржуев», согласные против несогласных и т.п.

В книге есть соображения на этот счет. Например, определение сталинизма как попытки модернизации «в условиях незакончившейся гражданской войны» (**с. 625**).

В этом контексте следует еще указать на феномен социокультурного люмпенства – сюжет, которым мне довелось заниматься четверть века назад, параллельно со статьями Е.Н. Старикова о маргиналах, хотя и независимо от них. Социокультурное люмпенство – это не просто деклассированные элементы, босяки, нищие, но результат культурного «обескоренения» – выпадения тех или иных социальных групп из структур и ценностей традиционного общества, но не сопровождавшегося адаптацией к новым, современного типа отношениям. Такие процессы особенно характерны для обществ запоздалой модернизации, когда могут возникать различного рода конфликты и социальные смуты[17].

В России этот элемент накапливался в пореформенной деревне («сердитое нищенство» Г.И. Успенского), в городе («босяки» А.М. Горького); он многократно возрос в лихие годы трех революций, Первой мировой и Гражданской войны, сея хаос и агрессию в обществе. Большевикам удалось

оседлать люмпенскую войну, используя ее как таран в политической борьбе – и в революции, и позднее, в ходе коллективизации. Но при этом большевистской власти пришлось и подавлять люмпенскую стихию, обуздывать ее, насаждая какой-то порядок и дисциплину. Все это вместе нагнетало атмосферу страха и насилия.

Так что же в итоге дала коллективизация? В какой мере реализовались двигавшие ее цели?

На этот счет среди участников проекта, как это ни может показаться неожиданным, достигнут определенный консенсус. Даже те авторы, которые не рассматривают коллективизацию как позитивную альтернативу аграрных преобразований (например, А.В. Гордон) признают, что «колхозы оказались довольно эффективным механизмом», оценивают курс на ускоренную коллективизацию как «прагматическую Realpolitik», позволившую решить продовольственный вопрос и проблему обеспечения порядка (**с. 543**).

Тем более свойственны сходные оценки тем, кто считает колхозную мобилизацию объективным требованием времени, отнюдь не закрывая глаза на негативные стороны этого процесса. Так, для А.И. Колганова колхозы представляли собой «очень плохо отлаженный и не очень эффективный механизм, но он работал... Что касается издержек этого механизма, включая и страшный голод 1932–1933 гг., и отсутствие экономических стимулов производства в общественном хозяйстве, то они были порождены не некими антикрестьянскими убеждениями большевиков, а общей бюрократической конструкцией власти, нащупывающей работающие решения затратным методом проб и ошибок» (**с. 569**).

Характеризуя колхозы как тип аграрного предприятия, В.В. Кондрашин считает, что это – «особая форма сельской экономики (крупное производство с высокой товарностью), удобная для извлечения ресурсов. Эта система показала свои мобилизационные возможности в годы войны». Он ссылается также на мнение В.П. Данилова, который в свое

время полагал, что «колхозы сами по себе не являлись неэффективной формой организации производства. Их нужно было только освободить от чрезмерной дани» (**с. 598**).

А чрезмерность дани, как сейчас можно понять, во многом объяснялась срочностью создания за короткий срок мощной индустриальной (в том числе военной) базы. В этом смысле чрезмерную дань несла не только деревня, но и город, а индустриализация страдала теми же издержками, что и коллективизация. Но если эти преобразования тридцатых, пусть с «чрезмерными» издержками, не были бы осуществлены, что могло быть со страной в сороковых?

Насчет «мобилизационных возможностей колхозов в годы войны» хочется сослаться еще на М.М. Пришвина. Писатель вел дневники в течение полувека, и в конце 1920–1930-х гг. в них можно прочитать немало критических наблюдений по поводу коллективизации. Но вот в конце Великой отечественной войны он записывает: «многие из нас чувство своей личной свободы каким-то образом вкладывали в идеалы дореволюционных мужиков и, становясь на их место, ненавидели колхозы. Между тем теперь после победы так ясно видно, что никто больше не сделал для победы, как эти колхозы»[18].

Идет ли речь лишь о материальных аспектах, о колхозах как «эффективном» (или «относительно работающем») механизме производства ресурсов?

Думается, что не только. Вспомним, что Красная армия на 80% состояла из крестьян. Значит, они защищали «эту страну», а с ней так или иначе политический строй, государство, хотя оно причинило им немало обид, и коллективистские ценности социализма. Если, конечно, не считать, что победа в войне была достигнута благодаря заградотрядам и штрафбатам, что до сих пор нравится твердить некоторым историкам, публицистам и телеведущим, при этом очень гордящимся своим «интеллектуальным мужеством».

В книге уделяется внимание судьбам колхозной деревни и в послевоенные, послесталинские годы. Дань с

колхозов была уменьшена (хотя и не слишком), материальное положение сельчан – по сравнению не только с довоенным, но и дореволюционным временем – улучшилось, появились колхозы-миллионеры.

Вместе с тем минусы советской аграрной системы сохранялись – ценовые ножницы между промышленностью и сельским хозяйством, несоразмерное налоговое обложение приусадебных участков, слабость стимулов к труду и пр. К примеру, в конце 1960-х гг. среднемесячная зарплата колхозника была почти втрое меньше, чем городского рабочего (**с. 394**). Под разными предлогами усиливался исход из деревни. Однако кризисные тенденции наблюдались не только здесь. После оправления от бедствий войны, «оттепелей», полетов в космос и т.п. вся страна постепенно начала впадать в стагнацию. Руководство потеряло ориентацию, занималось малопродуманными экспериментами, дряхлело, отставало от динамики века и научно-технической революции. Проблемы деревни были лишь частью общей картины.

Что же произошло на нашем селе после контрсоциалистической (или антисоветской) революции? Что предложили ему новые хозяева жизни? Специалист-аграрник А. Семин вспоминает свою встречу с Е.Т. Гайдаром в декабре 1991 г. Узнав, что его собеседник два десятилетия работал в Министерстве сельского хозяйства СССР, Гайдар объявил советское сельское хозяйство «черной дырой» и провозгласил, что сейчас «выгоднее покупать продукты за рубежом, чем производить у себя». На довод, что сельское хозяйство и у нас, и в других странах поддерживается государством, резко ответил: «Рынок сам отрегулирует все!»[19].

Такой подход и стал с места в карьер воплощаться в жизнь. Шоковая терапия в сельском хозяйстве состояла в насильственном роспуске колхозов и совхозов, в огульном разрушении и разграблении производственных фондов аграрной сферы. Было объявлено, что главной фигурой на селе должен стать фермер. Но фермерские хозяйства

немыслимы без соответствующей инфраструктуры (снабжение, сбыт, малогабаритная техника, дороги), что не только не делалось, но даже не планировалось. Зато возрастающими темпами стало закупаться продовольствие из-за рубежа. И возрастающими же темпами шла, по словам А.В. Михайлюка, «дезинтеграция сельского социума» (**с. 153**).

Результаты подобной «терапии» действительно могли шокировать. В конце «лихих девяностых» уровень сельскохозяйственного производства составлял 58% по сравнению с 1990 г. Из оборота выпали треть пашенных земель и 90 млн га лугов и пастбищ. Поголовье крупного рогатого скота упало вдвое по сравнению аж с 1913 г., когда население страны было гораздо меньше. Капиталовложения в АПК сократились в 20 раз, объемы мелиоративных работ – в 30 раз. Парк сельскохозяйственной техники уменьшился более, чем вполовину, производство удобрений упало втрое (**с. 401**, по данным Ж.Т. Тощенко). Одновременно – в том числе благодаря путаному и противоречивому земельному законодательству – вокруг земли и ее обитателей накапливалась атмосфера криминала[20 21].

Вот тогда-то, как показывается в книге, по-настоящему и пошел процесс «раскрестьянивания». Хотя тема «неперспективных деревень» возникла еще во времена Хрущева, но что это по сравнению с постсоветскими временами, когда исчезло 35 тыс. деревень, закрылись 3 400 сельских школ, велика доля школ, в которых учатся менее 10 человек (**с. 340–341**). Формально все бывшие члены колхозов и совхозов стали собственниками своих земельных паев, но судьба этих паев во много сходна с судьбой ваучеров: они были проданы за неадекватные деньги крупным частным хозяйствам или по причине невозможности их реализовать остались невостребованными. «Крестьянство как образ жизни уступает место безземельному батраку или просто наемному работнику» (**с. 399**, А.В. Третьяков).

Нынешним сельским жителям дорога либо в «крупхозы» – агрохолдинги, частные фирмы, многие из которых образовывались на базе бывших колхозов и совхозов

(на них приходится сегодня 41% сельскохозяйственной продукции); либо встать на зыбкую стезю фермерства, которое сейчас скорее прозябает, нежели развивается (2% сельхозпроизводства); либо копошиться на скромном приусадебном участке – поистине непотопляемая форма хозяйства, которая будучи в общем-то архаической, натуральной, тем не менее до сих пор дает 57% сельскохозяйственной продукции в стране (**с. 400–401**). Есть еще путь в города, где и так уже велик уровень безработицы.

Конечно, положение в деревне по разным регионам неодинаково. И в целом, по сравнению с 1990-ми гг., в аграрной сфере есть изменения к лучшему. И тем не менее, основные проблемы, заданные постсоветской «контрколлективизацией», остаются.

Бьет в глаза диспаритет промышленных и сельскохозяйственных цен – несколько лет назад даже в Государственной думе удивились тому, что 1 литр солярки стоит столько же, сколько 5 литров молока[22]. По-прежнему высок процент сельскохозяйственных кредитов со стороны банков, в принципе не желающих предоставлять в эту сферу долгосрочные кредиты, – хотя многие отрасли сельского производства имеют достаточно длинный цикл. Снижается и государственная поддержка ряда важных сельскохозяйственных производств (мяса, молока и др.). По-прежнему не преодолена зависимость от зарубежных технологий (вплоть до закупки сырной закваски в Европе)[23]. В целом же импорт продовольствия и сельскохозяйственной продукции в России за 2000–2013 гг., по данным Института комплексных стратегических исследований, вырос примерно в 6 раз – с 7 млрд до 43 млрд долларов.[24]

Может быть, неожиданный форс-мажор, возникший в результате введения западных санкций побудит российских политических и хозяйственных руководителей взяться, наконец, за аграрное импортозамещение и обеспечение экономической безопасности страны. Хотя дело не только в экономической стороне дела. Разлад в сельском производстве, как об этом свидетельствуют и материалы

рассматриваемой книги, оборачивается социальными, культурными и моральными издержками, утратой трудовых ценностей, бытовым разложением, пьянством и т.п. – тем, чего, к сожалению, довольно в нынешней российской деревне и что создает угрозу сохранения национальной, цивилизационной идентичности.

Постсоветские аграрные преобразования лишний раз демонстрируют, что реформаторство, основанное на отбрасывании того, что было, отказе от того позитивного, что содержалось в предшествующем опыте, без учета сложившихся традиций и институтов – дурная затея. Точно также историк, занимающий по отношению к прошлому позицию отрицания, осуждения, обличения, а не стремящийся понять, объяснить и лишь исходя из этого оценить, выпадает из рамок науки. Об этом свидетельствует и рассматриваемая книга. Хотя, повторюсь, вектор научности и объективности в ней все же преобладает.

Прошлое многомерно. Оно не поддается дихотомии «хорошо–плохо». Тренды, несущие прогресс, пересекаются с негативными, попятными тенденциями, смутами, жестокостью, насилием.

Конечно, можно на все посмотреть sub specia auternitatis, через призму «слезинки ребенка». Но тогда надо отринуть всю человеческую историю, в которой всегда, на всех этапах, во всех эпохах натыкаешься на нашествия Чингисхана, Столетнюю войну, Варфоломеевскую ночь, огораживания, костры инквизиции, опричные казни, расстрел 9 января, концлагеря, тройки НКВД, бомбежки Югославии и т.д. и т.п.

Будет ли продуктивным такой максималистский подход? Или, скажем, негативно-осуждающий взгляд на предшествующую российскую историю тех современных правдолюбцев, которые стоят на том, что лишь Борис Николаевич и Егор Тимурович вернули, наконец, Россию на цивилизованную колею?

Думается, что есть резоны принять выраженный в книге некоторыми авторами (П.П. Марченя,

Н.В. Токаревым, В.А. Ильиных и др.) неоднозначный подход к сталинизму и его политики по отношению к крестьянству: «беспощадная власть» в беспощадную эпоху; «сталинизм был объективно закономерен, как это ни трудно признать»; «коллективизация – все равно трагедия! Хотя она объективна» (**с. 600, 685, 686** и др.). И согласиться в определенной мере с В.П. Булдаковым: феномен коллективизации лишний раз подтверждает, что «дорога к прогрессу» вымощена костями людей, далеких от ясного осознания ее необходимости» (**с. 411**).

Во всяком случае, такая позиция ближе к существу дела, нежели у представителей обличительной историографии.

Конечно, данная книга не исчерпывает поставленную проблему, ее изучение будет продолжаться. И, надо надеяться – в духе углубления ее понимания и трактовки согласно принципам историзма.

Библиография

[1] *Хорос В.Г.* Понимание как основа историзма: о книге «Сталинизм и крестьянство» // Новый исторический вестник. 2015. № 1 (43). С. 135–153.

[2] Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014. 765 с. (URL: http://www.nivestnik.ru/bbl/sbornik.pdf).

[3] *Стариков Е.Н.* Общество-казарма от фараонов до наших дней. Новосибирск, 1998. С. 83, 85, 94, 96, 108, 111, 270, 276, 278–279 и др.

[4] *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997.

[5] *Яковенко И.Г.* Познание России: Цивилизационный анализ. М., 2008. С. 521.

[6] Вместо введения: От организаторов научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» и теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 15–26.

[7] *Люкшин Д.И.* Пряничный домик Дядюшки Джо: интенции и апории аграрной политики «первого» сталинизма // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 124–141.

[8] Община и революция: Заседание № 1 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 420–480.

[9] *Михайлюк А.В.* Модернизация и процессы «раскрестьянивания» – окрестьянивания» в XX веке // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 142–155.

[10] Крестьянский вопрос как альфа и омега отечественной модернизации: Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 252–419.

[11] *Ключевский В.О.* Сочинения. Т. V. М., 1958. С. 128, 132, 135, 142, 149.

[12] *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: Воспоминания, 1881–1914. М., 1997. С. 311.

[13] *Есиков С.А., Есикова М.М.* Крестьянство и власть накануне коллективизации // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 74–79.

[14] Крестьянство под колесами прогресса: Заседание № 2 теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 481–534.

[15] Иосиф Сталин как крестьянский царь: Второй Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 615–709.

[16] Коммунистическая Россия как мегаобщина: Первый Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство» // Сталинизм и крестьянство. М., 2014. С. 535–614.

[17] *Хорос В.Г.* Русская история в сравнительном освещении. М., 1996. С. 101–117.

[18] *Пришвин М.М.* Дневники: 1944–1945. М., 2013. С. 251.

[19] *Семин А.* Головокружение без успехов // Литературная газета. 2010. 3 февраля. № 4 (6259). С. 7.

[20] *Кара-Мурза С.Г., Мусиенко С.Г.* Куда идем? Беларусь, Россия, Украина. М., 2009. С. 339, 369–370, 377, 381.

[21] *Серова Е.В.* Аграрная реформа в России переходного периода // История новой России: Очерки, интервью. Т. 3. СПб., 2011. С. 401, 410, 412, 423.

[22] Литературная газета. 2009. 5 августа. № 32 (6236). С. 13.

[23] *Матвеева А., Краснова В., Литвинова Н.* Планы есть, будут ли деньги // Эксперт. 2014. 17 ноября. № 47 (924). С. 19.

[24] *Дворников В.* График дня: Россия обеспечивает себя продовольствием не более чем на 60% // Republic. 2014. 6 августа. URL: http://slon.ru/economics/fakty_o_ede-1139585.xhtml.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ШТУДИИ ПРОЕКТА «НАРОД И ВЛАСТЬ»

А.И. Шевельков

Прим.: *в журнальной версии текст статьи был ранее опубликован в «Научном диалоге»*[1]

4 октября 2013 г. в ходе IV Международной научно-практической конференции «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI века» (г. Коломна) состоялся **II Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»**. Участие в его работе приняли около 50 ученых, представлявших по преимуществу крестьяноведческие научные школы России (Брянск, Мичуринск, Москва, Казань, Калининград, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Оренбург, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Тамбов, Ульяновск), а также Украины (Днепропетровск, Кривой Рог, Черкассы).

На обсуждение участников круглого стола были вынесены следующие темы: *Место и роль крестьянства в истории империй (Восток, Запад, Россия); Крестьянский вопрос и цивилизационная специфика реформ и революций в России; «Раскрестьянивание» и «окрестьянивание» в истории России; Феномен сталинизма в контексте крестьянской социальной утопии.* Кроме того, всем участникам было предложено кратко сформулировать свои варианты ответов на три центральных теоретических вопроса: *1) Насколько феномен сталинизма связан с особенностями российского крестьянства и природой «крестьянского вопроса» в отечественной истории? Как можно оценить политику сталинского режима в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России?*

2) Насколько Советская империя была чуждой по отношению к крестьянской общине – и насколько она воспроизводила традиционные черты общинной модели? В какой связи находились процессы «окрестьянивания» и «раскрестьянивания» в истории советской России? 3) Насколько крестьяноведение представляется Вам продуктивным в контексте современного россиеведения вообще и осмысления феномена сталинизма в частности? Какие объяснительные схемы, трактовки и подходы в исследовании этой проблемы наиболее перспективны?

Наряду с **Московским государственным областным социально-гуманитарным институтом**, традиционным учредителем четырех международных научно-практических конференций «Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XXI в.», основным организатором непосредственно круглого стола «Сталинизм и крестьянство» выступил **научный проект «Народ и власть»** (далее – проект «НВ»), активно действующий начиная с 2009 г. и подготовивший уже целый ряд представительных мероприятий международного уровня (в том числе крестьяноведческой направленности), неизменно вызывающих интерес в научном сообществе России и резонанс в ведущих рецензируемых научных изданиях.

Очередное научное мероприятие было организовано в формате **четвертого заседания постоянно действующего теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»** (далее – семинар «КВ»), являющегося одним из удачных «детищ» названного проекта. Несмотря на свой «детский возраст», он уже успел зарекомендовать себя среди специалистов по данной проблематике в качестве одной из наиболее заметных исторических, крестьяноведческих, россиеведческих междисциплинарных дискуссионных площадок в современном отечественном обществознании.

Между участниками круглого стола – заседания семинара – в Коломне состоялась принципиальная дискуссия по вопросам, имеющим прямое отношение не только

к прошлому России, но и к ее настоящему, а возможно – и к будущему, что в значительной степени нашло отражение в подготовленном к изданию фундаментальном сборнике научных статей и материалов круглых столов и заседаний семинара «КВ» под общим знаковым наименованием *«Сталинизм и крестьянство»*, содержание которого, вероятно, будет небезынтересным не только для крестьяноведов, но и для широкого круга специалистов – как теоретиков, так и практиков.

Как один из членов редакционной коллегии этого сборника и соорганизаторов «круглого стола», попытаюсь в этом сообщении очень кратко подвести некоторые историографические итоги почти пятилетней деятельности проекта «НВ» исключительно в интересующей меня области – в области изучения крестьянства и так называемого «крестьянского вопроса» в России. Отметим, что отдельные мероприятия проекта и ранее были предметом обсуждения специалистов, не чуждых, помимо прочего, аграрно-крестьянской проблематики (см., напр.: получившие известность статьи в серьезных научных журналах А.И. Фурсова («Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего», Ч. 1[2] и 2[3]; «Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории», Ч. 1[4] и 2[5]), Л.Н. Бродовской («Крестьяноведение в исследовательском поле»[6] и «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»[7]), И.А. Ревина («Крестьянская Россия и Вторая русская смута...»[8]).

Однако проект в целом стремительно растет и развивается (как по проблемному наполнению ведущихся дискуссий, так и по географическому охвату участников мероприятий), а накопленный им актив уже позволяет выявить его ведущие тенденции и сделать некоторые предварительные обобщения.

Первым – и сразу же «громким» – научным мероприятием, получившим заслуженную известность в кругу ученых-гуманитариев (историков, политологов, социологов, социальных психологов, социальных философов,

юристов, экономистов, культурологов и пр.), стал **Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»**, организованный в рамках нового проекта при поддержке общенационального научно-политического журнала «Власть» (главный редактор А.О. Лапшин).

Он состоялся 23 октября 2009 г. в Москве, в Институте социологии РАН (директор М.К. Горшков). В качестве ведущего этого круглого стола, ставшего «историческим» в прямом и переносном смыслах этого слова, был приглашен известный специалист по заявленной теме В. П. Булдаков.

Развернув и сконцентрировав смысловую суть самого названия нового проекта, круглый стол «Народ и власть в российской смуте» был посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России в ситуациях глобальных социальных катаклизмов, революций и смут (как периодически повторяющихся системных кризисов российского государства и общества). В его оживленных, а местами и ожесточенных дебатах приняли активное участие более 30 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы России (Курска, Москвы, Самары, Саратова, Ульяновска) и Беларуси (Минска). Основными проблемными направлениями дискуссии стали такие вопросы, как «Смута / революция, кризисный ритм российской истории: прошлое и настоящее»; «Динамика развертывания системных кризисов»; «Элиты и массы в российских смутах»; «Смуты и российская власть: ожидаемое и действительное».

Материалы этой дискуссии, хотя и в несколько сокращенном виде, но все же с редкой по сегодняшним временам щедростью были опубликованы в шести номерах журнала «Власть»:

– в первой части представлены выступления *А.О. Лапшина, В.П. Булдакова, В.Д. Соловья*[9];

– во второй – *И.В. Михайлова, В.В. Шелохаева, Д.В. Лисейцева, Б.Ф. Славина*[10];

– в третьей – *А.И. Колганова, В.Л. Шейниса, С.С. Юрьева, С.В. Ткаченко, О.Г. Буховца, А.А. Ильюхова*[11];

– в четвертой – *Е.И. Демидовой, П.П. Марченя, С.Ю. Разина, В.Т. Логинова, Е.С. Кравцовой*[12];

– в пятой – *Н.В. Липатовой, А.А. Белобородовой, С.В. Карпенко, И.А. Анфертьева, Н.А. Савченко, Ю.А. Жердевой, Е.В. Павловой*[13]*;*

– в шестой – *В.Э. Багдасаряна, Ю.М. Антоняна, А.В. Чертищева, М.И. Ивашко, Н.В. Асонова, М.Ю. Черниченко, В.П. Булдакова*[14].

В более полном виде с мнениями участников этого круглого стола можно ознакомиться в сборниках проекта «Народ и власть в российской смуте»[15] и «Россия и революция»[16] (в последнем в наиболее полном виде опубликована запись всех дискуссий Стола[17]).

По мотивам вызвавшего столь бурное обсуждение «круглого стола» в течение последующих почти трех лет в различных ведущих федеральных научных журналах России продолжали выходить разноплановые публикации, в том числе (кроме уже названных выше отзывов экспертов) в журналах «Вестник архивиста»[18] (и “Вестник архивиста.com”[19]), «Россия и современный мир»[20], «Новый исторический вестник»[21], «Обозреватель–Observer» (2010[22], 2011[23]), «Федерализм» (2010, № 2[24], 3[25]) и др.

Неудивительно, что многое в теме «Народ и власть в российской смуте» оказалось настолько туго сплетено с крестьянским вопросом, что проблема «Народ и власть» была последовательно конкретизирована в проблему «Крестьянство и власть». Логично, что следующий круглый стол проекта его организаторы решили посвятить междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в беспрецедентно богатом на общественные потрясения прошлом столетии.

Таким образом, второй круглый стол проекта «НВ» преемственно продолжил междисциплинарные россиеведческие дебаты первого. Он также состоялся в ИС РАН при поддержке журнала «Власть» (12 ноября 2010 г.) и не только получил еще более широкую известность, но и приобрел новое название: **Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»**. Это научное мероприятие было анонсировано авторитетнейшим журналом «Социс»[26].

На круглый стол съехались более 40 ученых, преимущественно историков-аграрников из России (Москвы, Казани, Коломны, Курска, Новочеркасска, Орла, Пензы, Саратова, Тамбова, Ульяновска), Беларуси (Минска) и Украины (Киева). В качестве ведущего выступил авторитетный российско-белорусский ученый (крестьяновед, историк, политолог), научный консультант и активный участник большинства мероприятий проекта «НВ» О.Г. Буховец.

В процессе работы этого круглого стола, с подачи его организаторов, «крестьянский вопрос» рассматривался именно как узловая проблема россиеведения, в которой сосредоточены практически все главные конфликты российской истории. Именно такой подход позднее и стал теоретико-методологической базой и практическим ориентиром всех последующих «крестьяноведческих» мероприятий проекта «НВ».

В русле этой установки вновь состоялась острая дискуссия, основными проблемными направлениями которой стали такие вопросы, как *«Крестьянский вопрос»: смысл и значение в истории России и человечества; XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны?; «Великий незнакомец» и публичная политика в России»: мифы и реальность; Русское крестьянство: «могильщик» Империи или ее цивилизационный фундамент?; «Аграрные реформы» и «русские крестьяне»: отечественная история и ее фальсификации.*

Материалы этой дискуссии, хотя и в значительно сокращенном виде, вновь были опубликованы в двух номерах журнала «Власть». В первой части были представлены выступления *А.О. Лапшина, П.П. Марченя, О.Г. Буховца, А.Н. Медушевского, В.В. Кондрашина, С.В. Алексеева, Н.А. Ивницкого, А.В. Гордона, И.Е. Козновой, Ю.А. Васильева, Н.Л. Рогалиной, Е.В. Михайловой, В.А. Бондарева, В.Н. Пискун, А.П. Скорика, Д.И. Люкшина, Е.В. Каменецкой, В.Т. Логинова, А.А. Ильюхова, Л.И. Бородкина, Н.В. Липатовой, М.М. Фрянцева*[27]*;* во второй – *М.М. Кудюкиной, И.А. Анфертьева, В.Л. Телицына, П.Ф. Алешкина, И.В. Гончаровой, Е.И. Демидовой, С.Ю. Разина, В.Б. Багдасаряна, В.В. Бабашкина, В.Б. Безгина, С.В. Карпенко, А.В. Чертищева, М.И. Ивашко, Н.В. Асонова, А.И. Шевелькова, А.В. Третьякова, Ж.Т. Тощенко, А.М. Никулина, А.И. Фурсова, В.П. Булдакова*[28]. Более подробно выступления участников изложены в одноименном сборнике («Крестьянство и власть в истории России XX века»[29]).

Основные же итоги этого круглого стола были обобщены и проанализированы в серии различных публикаций в ведущих научных изданиях страны, см., например: «Знание. Понимание. Умение»[30], «Общественные науки и современность»[31], «История в подробностях»[32]. Как уже было отмечено, они и сегодня остаются предметом пристальной внешней экспертизы.

У этого круглого стола, помимо множества интересных публикаций, был еще один, возможно, самый главный и «далеко идущий» результат. Именно тогда родилась, а затем и получила дальнейшее развитие идея проведения нового междисциплинарного постоянно действующего научного форума, который получил название ***Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»***.

Такое предложение встретило полную поддержку одного из основоположников отечественного крестьяноведения А. В. Гордона, который с самого начала и по настоящее время является непременным участником всех

заседаний нового семинара. Поначалу «КВ» задумывался как совместный семинар проекта «НВ» и Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Первые три заседания семинара «КВ» проводились проектом «НВ» совместно с Центром аграрных исследований, на его организационно-технической базе. Затем семинар обрел самостоятельный статус и теперь проводится проектом «НВ» автономно, независимо от иных организаций и учреждений.

Всего после круглого стола 12 ноября 2010 г., ставшего Днем рождения семинара «КВ», и по 4 октября 2013 г. состоялось уже 4 заседания, каждое из которых представляет отдельный интерес для крестьяноведов (и не только).

Так, 27 апреля 2011 г. на **первом заседании** семинара «КВ» обсуждались доклады А.Н. Медушевского («Право и справедливость: альтернативы решения аграрного вопроса в предреволюционной России») и Д.И. Люкшина («Вторая русская смута: каверзный ответ на ненайденный аграрный вопрос»)[33]. В той дискуссии, проходившей с активным участием 12 ученых России (из Москвы, Казани, Пензы, Тамбова), в первую очередь были затронуты темы: *Смысл и значение крестьянского вопроса в отечественной и мировой истории; Крестьянский вопрос и массовое крестьянское сознание; Соотношение реформ и революций в российском историческом процессе; Причины, итоги и значение российских аграрных реформ XIX–XX вв.; Проблемы легитимности различных вариантов решения крестьянского вопроса накануне и в ходе Второй русской смуты; Феномен правового дуализма как фактор Великой Русской революции начала XX в.; Сущность и механизмы общинной революции 1917 г.* Материалы этой дискуссии нашли отражение в журнале «Российская история»[34] и в знаменитом ежегоднике «Крестьяноведение. Теория. История. Современность»[35].

20 декабря 2011 г. состоялось **второе заседание** семинара «КВ», посвященное обсуждению доклада патриарха

крестьяноведения А.В. Гордона «Судьбы крестьянства в XX в.: цивилизационный аспект». В нем приняли активное участие 15 ученых России (из Москвы, Казани, Новочеркасска, Пензы, Тамбова), которыми были затронуты следующие темы: *Роль и судьба крестьянства в процессе перехода от традиционного к индустриальному обществу; Аграрные реформы XIX–XX вв.: отечественный и мировой опыт; Крестьянский вопрос и модернизация в России; Власть и крестьянство в истории Китайской Народной республики; Эволюция земельных отношений и региональная специфика в развитии сельского хозяйства во Франции*[36].

22 мая 2012 г. состоялось **третье заседание** семинара «КВ», в рамках которого был организован **I Международный круглый стол «Сталинизм и крестьянство»**. В его работе приняли участие уже 24 ученых трех государств: России (Москва, Казань, Коломна, Новосибирск, Новочеркасск, Орел, Пенза, Саратов, Тамбов), Беларуси (Минск), Великобритании (Манчестер). В дискуссии были затронуты темы: *Феномен сталинизма (генезис, сущность, смысл и значение в истории России); XX век в истории России: «раскрестьянивание» или «окрестьянивание» страны; Цивилизационная специфика российской модернизации; Традиция и Модерн в мировой истории XX в.; Власть и крестьянство в отечественной системе взаимодействия государства и общества; расслоение крестьянства: мифы и реальность; Причины краха НЭПа; Колхоз и община: общее и особенное*[37].

С **четвертого заседания** семинара «КВ» мы начали наш обзор, и итоги его еще предстоит проанализировать, что является предметом отдельной работы.

Однако и сказанного, как нам представляется, достаточно, чтобы сделать определенные выводы. Подчеркнем, на наш взгляд, главное: бережно собранные в рамках проекта компетентные, основанные на специальных исследованиях мнения нескольких десятков известных ученых об исключительно важных проблемах крестьяноведения, поднятого организаторами до уровня

россиеведения, стоят того, чтобы их учитывали и научное сообщество, и власть России.

Библиография

[1] *Шевельков А.И.* Крестьянские штудии научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации» // Научный диалог. 2013. № 12. С. 169–181.

[2] *Фурсов А.И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: 1-я часть // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 22–35. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/furs1.pdf).

[3] *Фурсов А.И.* Смуты и революции: диалектика внутреннего и внешнего: 2-я часть // Обозреватель–Observer. 2012. № 4. С. 7–19. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/furs2.pdf).

[4] *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: 1-я часть // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 69–89. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/furs3.pdf).

[5] *Фурсов А.И.* Крестьянство: проблемы социальной философии и социальной теории: 2-я часть // Обозреватель–Observer. 2012. № 3. С. 76–98. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/furs4.pdf).

[6] *Бродовская Л.Н.* Крестьяноведение в исследовательском поле // Родина. 2013. № 4. С. 35–37. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/Brod.pdf).

[7] *Бродовская Л.Н.* Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории // Власть. 2013. № 4. С. 189–191. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2013/04/Brodovskaya.pdf).

[8] *Ревин И.А.* Крестьянская Россия и Вторая русская смута: научный проект «Народ и власть» в отечественной историографии революционных кризисов // Новый исторический вестник. 2013. № 2. С. 56–66. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/Proekt1.pdf).

[9] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 1-я часть // Власть. 2010. № 4. С. 14–17. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/04/Mezhdunarodnyj_kruglyj.pdf).

[10] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 2-я часть // Власть. 2010. № 5. С. 10–14. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/05/Megdunarodnyj_kruglyj_stop.pdf).

[11] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 3-я часть // Власть. 2010. № 6. С. 13–17. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/06/Krugl_stol.pdf).

[12] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 4-я часть // Власть. 2010. № 7. С. 9–14. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/07/Buldakov.pdf).

[13] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 5-я часть // Власть. 2010. № 8. С. 9–13. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/08/Krugl_stol.pdf).

[14] Международный круглый стол «Народ и власть в российской смуте»: 6-я часть // Власть. 2010. № 9. С. 16–21. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2010/09/Krugl_stol.pdf).

[15] Народ и власть в российской смуте. М., 2010 (URL: http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf)

[16] Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf).

[17] Российские кризисы на круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории. М., 2012. С. 291–362. (URL: http://www.docme.ru/doc/264675/krizisy.pdf)..

[18] *Булдаков В.П., Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Народ и власть в российской смуте»: прошлое и настоящее системных кризисов в России // Вестник архивиста. 2010. № 3. С. 288–302. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/cris.pdf).

[19] *Buldakov V., Marchenya P., Razin S.* "People and Power in Russian Strife": the past and the future of system crises in Russia // Herald of an archivist [Vestnik arhivista.com]. 28 July 2010. (URL: http://www.arhivemagazine.com/conferences/35-qpeople-and-power-in-russian-strifeqthe-past-and-the).

[20] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Смутоведение» как «гордиев узел» россиеведения: от империи к смуте, от смуты к..? // Россия и современный мир. 2010. № 4. С. 48–65. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/smutoved.pdf).

[21] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* «Империя» и «Смута» в современном россиеведении // Новый исторический вестник. 2011. № 4. С. 89–96.

[22] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Народ и власть в русской смуте // Обозреватель–Observer. 2010. № 7. С. 96–103. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/vily.pdf).

[23] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Крестьянство и власть как «две России» // Обозреватель-Observer. 2011. № 9. С. 18–25. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/2r.pdf).

[24] *Разин С.Ю.* «Перестройка» и «Смута» на Международном круглом столе «Народ и власть в российской смуте» // Федерализм. 2010. № 2. С. 223–234. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/perestr.pdf).

[25] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Империя и Смута – инварианты российской истории // Федерализм. 2010. № 3. С. 121–134. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/imper.pdf).

[26] Крестьянство и власть в России // Социологические исследования (Социс). 2010. № 9. С. 140. (URL: http://isras.ru/files/File/Socis/2010-9/Marchenya_23.pdf).

[27] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 1-я часть // Власть. 2011. № 8. С. 161–171. (URL: http://isras.ru/files/File/Vlast/2011/08/Marchenya_Razin.pdf).

[28] Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века»: 2-я часть // Власть. 2011. № 9. С. 173–184. (URL: http://www.isras.ru/files/File/Vlast/2011/09/Marchenya_Razin.pdf).

[29] *Крестьянство* и власть в истории России XX века. М., 2011. (URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf).

[30] Крестьяноведение как россиеведение (дискуссии круглого стола «Крестьянство и власть в истории России XX века») // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 355–360. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/Peasant-Studies.pdf).

[31] Крестьянство и власть в истории России XX века (По итогам Международного «Круглого стола») // Общественные науки и современность. 2012. С. 79–95. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/ons.pdf).

[32] *Марченя П.П.* Крестьянин и Империя: есть ли смысл у «русского бунта»? // История в подробностях. 2010. № 6. С. 88–96. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/krest.pdf).

[33] Крестьянский вопрос как фактор российских реформ и революций // Обозреватель-Observer. 2011. № 11. С. 29–44. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/kv-f.pdf).

[34] *Марченя П.П., Разин С.Ю.* Аграрный вопрос и русская революция: первое заседание теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Российская история. 2012. № 5. С. 217–219. (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sem.1.pdf).

[35] Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Материалы первого заседания // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2012. Вып. 7. С. 375–416. (URL: http://www.docme.ru/doc/244892/krest._yanovedenie-7.pdf).

[36] Судьбы крестьянства в XX веке. По итогам второго заседания теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» // Крестьяноведение. Теория. История. Современность.

Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 348–385. (URL: http://www.docme.ru/doc/244893/krest._yanovedenie-8.pdf).

[37] Сталинизм и крестьянство. По итогам первого Международного круглого стола // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. 2013. Вып. 8. С. 386–440. (URL: http://www.docme.ru/doc/244893/krest._yanovedenie-8.pdf).

КРУГЛЫЙ СТОЛ

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

ДИСКУССИИ КРУГЛОГО СТОЛА

Подготовили к публикации: ***П.П. Марченя, С.Ю. Разин***

Авторский коллектив: ***П.П. Марченя, С.Ю. Разин, И.А. Анфертьев, А.Б. Асташов, В.В. Бабашкин, В.Б. Безгин, О.Г. Буховец, А.В. Гордон, Е.И. Демидова, А.В. Долгова, Н.А. Дунаева, М.М. Есикова, В.С. Жукова, А.В. Захаров, М.И. Ивашко, В.В. Кондрашин, А.В. Костров, И.А. Кузнецов, В.В. Кулачков, А.А. Куренышев, Н.В. Липатова, Д.И. Люкшин, А.В. Михайлюк, В.П. Николашин, Н.Ю. Пивоваров, А.В. Посадский, В.Я. Романченко, А.А. Симонов, А.В. Скутнев, О.А. Сухова, Н.В. Токарев, Т.И. Трошина, В.Г. Хорос, А.В. Чертищев, В.В. Шелохаев***

Прим.: *в сокращенной отредактированной журнальной версии текст материалов «стола» был ранее опубликован в «Новом историческом вестнике»*[1]

11 апреля 2014 г. в рамках научного проекта «Народ и власть» в Москве, в Российском обществе историков-архивистов (РОИА), состоялся Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война». Наряду с

проектом «Народ и власть» и РОИА организаторами «стола» выступили Институт гуманитарного образования и информационных технологий (ИГУМОиИТ), Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) и журнал «Новый исторический вестник».

Участникам была предложена следующая примерная проблематика «круглого стола»:

– Крестьянский мир и «Империалистическая» война в контексте столкновения Традиции и Модерна;

– Первая мировая война как фактор «раскрестьянивания» и «окрестьянивания» России;

– Мировая война в пространстве русской народной социальной утопии;

– Образы и символы русской истории в пространстве Первой мировой войны;

– Крестьянская ментальность России в условиях войны, смуты и революции;

– «Мужики» и «бабы» России на фронтах и в тылу Первой мировой.

Наряду с подготовкой индивидуального выступления по одному из конкретных сюжетов, участникам дискуссии было предложено кратко сформулировать свои варианты ответов на три центральных теоретических блока вопросов «круглого стола»:

1) Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход Первой мировой войны? Как повлияла Первая мировая война на сознание и судьбу крестьянства в России?

2) Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях Первой мировой войны? Насколько связаны с этой войной генезис и особенности политического режима в СССР?

3) Была ли для русского крестьянства Первая мировая – «Отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали Первую и Вторую мировые войны?

В итоге, в дебатах «круглого стола» приняли участие 35 ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и вузы 3 государств:

– *России* (Архангельск, Брянск, Вологда, Иркутск, Казань, Киров, Мичуринск, Москва, Пенза, Саратов, Тамбов, Ульяновск);

– *Беларуси* (Минск);

– *Украины* (Днепропетровск).

В дискуссии участвовали (*сведения об участниках приведены по состоянию на время проведения заседания семинара, участники перечислены в алфавитном порядке*):

1. кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ, первый заместитель председателя Правления Центрального совета РОИА, главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV» **Иван Анатольевич Анфертьев** (Россия, Москва);
2. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России средневековья и раннего нового времени ИАИ РГГУ **Александр Борисович Асташов** (Россия, Москва);
3. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович Бабашкин** (Россия, Москва);
4. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета **Владимир Борисович Безгин** (Россия, Тамбов);

5. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического государственного университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН **Олег Григорьевич Буховец** (Беларусь, Минск);

6. доктор исторических наук, заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН **Александр Владимирович Гордон** (Россия, Москва);

7. доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова **Елена Игоревна Демидова** (Россия, Саратов);

8. аспирант кафедры истории России новейшего времени ИАИ РГГУ **Анжела Валерьевна Долгова** (Россия, Москва);

9. кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова **Наталия Алексеевна Дунаева** (Россия, Ульяновск);

10. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» ТГТУ **Милана Михайловна Есикова** (Россия, Тамбов);

11. кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета **Вероника Сергеевна Жукова** (Россия, Вологда);

12. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры экономической и политической истории России ССЭИ РЭУ **Александр Викторович Захаров** (Россия, Саратов);

13. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российской академии правосудия **Михаил Иванович Ивашко** (Россия, Москва);

14. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета **Виктор Викторович Кондрашин** (Россия, Пенза);

15. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета **Александр Валерьевич Костров** (Россия, Иркутск);

16. кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС **Игорь Анатольевич Кузнецов** (Россия, Москва);

17. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии **Вадим Витальевич Кулачков** (Россия, Брянск);

18. доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новейшей отечественной истории Московского педагогического государственного университета, старший научный сотрудник Государственного исторического музея **Андрей Александрович Куренышев** (Россия, Москва);

19. кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой Истории Отечества Ульяновского государственного университета **Надежда Валерьевна Липатова** (Россия, Ульяновск);

20. кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории и мировой политики Казанского федерального университета **Дмитрий Иванович Люкшин** (Россия, Казань);

21. кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России, доцент Учебно-научного центра «Новая Россия. История постсоветской России» ИАИ РГГУ, редактор научного проекта «Народ и власть» **Павел Петрович Марченя** (Россия, Москва);

22. доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения информационной

деятельности Национальной металлургической академии Украины **Александр Владимирович Михайлюк** (Украина, Днепропетровск);

23. кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета **Вадим Павлович Николашин** (Россия, Мичуринск);

24. кандидат исторических наук, ведущий специалист Российского государственного архива новейшей истории **Никита Юрьевич Пивоваров** (Россия, Москва);

25. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина РАНХиГС **Антон Викторович Посадский** (Россия, Саратов);

26. доцент кафедры общественных наук ИГУМОиИТ, координатор научного проекта «Народ и власть» **Сергей Юрьевич Разин** (Россия, Москва);

27. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова **Валерий Яковлевич Романченко** (Россия, Саратов);

28. кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского **Анатолий Александрович Симонов** (Россия, Саратов);

29. кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Вятского государственного университета **Алексей Владимирович Скутнев** (Россия, Киров);

30. доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История России, краеведение и

методика преподавания истории» ПГУ **Ольга Александровна Сухова** (Россия, Пенза);

31. старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Тамбовского филиала Академического правового института **Николай Васильевич Токарев** (Россия, Тамбов);

32. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель Архангельского отделения РОИА **Татьяна Игоревна Трошина** (Россия, Архангельск);

33. доктор исторических наук, руководитель Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН **Владимир Георгиевич Хорос** (Россия, Москва);

34. доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии МосУ МВД России **Андрей Владимирович Чертищев** (Россия, Москва);

35. академик РАЕН, лауреат Государственной премии РФ, доктор исторических наук, профессор, главный специалист Российского государственного архива социально-политической истории, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, директор Института общественной мысли **Валентин Валентинович Шелохаев** (Россия, Москва).

Предлагаем вашему вниманию материалы дискуссии, состоявшейся в ходе Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война».

* * *

С.Ю. Разин. Уважаемые коллеги, добрый день! Я рад приветствовать вас на Международном круглом столе «Русское крестьянство и Первая мировая война».

В начале хочу сказать несколько слов о нашем проекте «Народ и власть». Здесь присутствуют многие из

тех, кто постоянно принимает участие в наших мероприятиях. В этом (2014) году мы празднуем небольшой юбилей: проекту уже 5 лет.

С 2009 г. в рамках нашего проекта проведено уже немало международных круглых столов: это и стол «Народ и власть в российской смуте», и стол «Крестьянство и власть в истории России XX века», это два стола «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» и два стола «Сталинизм и крестьянство».

Постоянно действует теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории».

Отдельные направления проекта составляют работы над темами «Россия и постсоветское пространство: проблемы и перспективы» и «Революции и смуты как системные кризисы русской истории».

Совсем недавно вышел четвертый сборник нашего проекта. Я его держу в руках – он называется «Сталинизм и крестьянство». В него вошли материалы крестьяноведческих мероприятий проекта: всех круглых столов и заседаний семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». Это в значительной мере итог работы проекта за 5 лет. Поэтому, если кто-то хочет познакомиться с тем, над чем мы работаем, – пожалуйста, можете обратиться к этому сборнику[2].

Что касается нашей сегодняшней темы – несколько слов о том, как возникла идея этого круглого стола. Во-первых, как вы все знаете, в этом году исполняется 100 лет с момента начала Первой мировой войны (далее – ПМВ – *прим. ред.*). А, во-вторых, занимаясь в рамках нашего проекта изучением системных кризисов, изучением роли крестьянства и крестьянского вопроса в отечественной и мировой истории и изучением феномена Империи, мы пришли к выводу о том, что без разговора о ПМВ нам не обойтись. Мы попытались связать все эти сюжетные линии – «Крестьянство», «Империя», «ПМВ» – в теме одного круглого стола. На наш взгляд, эта тема является весьма

актуальной как в историографическом, так и в геополитическом смысле.

Прошу всех следовать той проблематике, которая предложена. Я понимаю, что есть большой соблазн «украинизировать» наш разговор. Конечно, Украина и «украинский вопрос» – тоже продукт ПМВ в значительной мере, но давайте все-таки сосредоточимся на заранее разосланных вопросах.

Еще хочу вот о чем сказать. У нас недавно на сайте журнала «Новый исторический вестник» появился одноименный с проектом научный форум. На нем мы, в том числе, размещаем материалы проекта. Приглашаем зарегистрироваться и принять участие в обмене мнениями, который там начался. Мы хотели бы, чтобы этот форум превратился в свободную живую дискуссионную площадку для историков, социологов, политологов...[3]

Теперь несколько слов по проблематике, которая сегодня вынесена на обсуждение. В советской историографии, с подачи В.И. Ленина, ПМВ характеризовалась как империалистическая и несправедливая, а неразрывно с ней связанная «Великая Октябрьская социалистическая революция» называлась началом новой эпохи. В перестроечное и постперестроечное время от былого всеобщего одобрения этих положений не осталось и следа. В позднесоветской и постсоветской историографии и политической публицистике возобладало негативное или, в лучшем случае, скептическое отношение к ленинским оценкам.

Если подойти к анализу этих событий строго научно и идеологически непредвзято, то окажется, что вождь большевиков был во многом прав. Многие известные мыслители считали, что ПМВ – рубежное, эпохальное событие, знаменующее собой наступление нового этапа европейской и мировой истории. Так, по мнению О. Шпенглера, ПМВ являлась зримым проявлением кризиса западноевропейской культуры. Представление о том, что капитализм вступил в новую стадию развития также было

характерно для многих европейских интеллектуалов начала XX в. К тому же необходимо учитывать, что термин «империализм» изначально был не только экономической, но и геополитической категорией, производной от концепта «империя». Характерной чертой империализма является экономическая экспансия – борьба за рынки сбыта, сырья, рабочей силы, капиталов. В свою очередь, важным признаком любой империи выступает культурная, идеологическая и политическая экспансия.

Именно так подходил к анализу данного феномена английский экономист и публицист Дж. Гобсон, книга которого «Империализм», вышедшая в 1902 г., оказала определенное влияние на формирование ленинской теории империализма. По мнению Гобсона, империализм – новое для мировой истории явление, главной чертой которого является соперничество империй, стремящихся к территориальной экспансии, продиктованной интересами финансового капитала.

Во многом схожей позиции придерживался уже упоминавшийся Шпенглер. По мысли классика, империализм и порожденная им территориальная экспансия – это важнейшие признаки кризиса культуры, ее вступления в стадию цивилизации, это начало конца культуры, стремление продлить жизнь тела, лишенного духа, путем его расширения. Империализм начала XX в. – это предвестник гибели Запада.

В этом контексте, следует обратить внимание, что ПМВ – это противоборство империй двух разных типов: индустриальных, колониальных, морских империй и традиционалистских, идеократических, континентальных империй. ПМВ – это глобальное столкновение Модерна и Традиции, Мирового Города и Мировой Деревни, которое завершилось победой Модерна... и кризисом Модерна, поражением Традиции, ускоренными модернизациями в странах не-Запада с одновременной ретрадиционализацией. ПМВ – это событие, которое привело к крушению прогрессистских иллюзий, характерных для европейской

интеллектуальной элиты Нового времени. Исторический XX в., который открыла эта война, не подтвердил тезисы А. Сен-Симона, О. Конта и Г. Спенсера о том, что человечество движется от военной эпохи к более прогрессивной индустриальной эпохе. Как раз наоборот: индустриализм породил колониализм, невиданный ранее разгул милитаризма и мировые войны...

А сейчас я хочу предоставить слово автору (соавтору) и редактору нашего проекта.

П.П. Марченя. Уважаемые коллеги! Я повторно от имени нашего проекта приветствую всех. И хотел бы очень коротко обозначить свою позицию по теме, которая вынесена на обсуждение.

Мы не устаем подчеркивать, что крестьянский вопрос – это вопрос, который имеет узловое значение для современного россиеведения в целом. И не только для россиеведения. А сегодня мы беремся за такую тему, которая является ключевой для понимания всего XX в. (и не только XX-го), для понимания всей истории России (и не только ее). И вот хотелось бы именно с точки зрения такого подхода вбросить несколько тезисов. Может быть, кто-то захочет поспорить.

Любая смута в России (во всяком случае, все три так называемые «великие русские смуты») начинается с кризиса идентичности народа и власти. Собственно говоря, преодоление этого кризиса идентичности и является содержанием всякой смуты – и этим обусловлены соответствующие циклы в истории российской государственности. В этом смысле главная роль объективно принадлежит как раз крестьянству.

ПМВ сделала не саму смуту (это не главная ее причина), но она сформировала из крестьянства (из традиционной социальной страты) ту неклассическую социальную общность, которая и определила на несколько лет, десятилетий, а может быть и больше, все дальнейшее течение нашей истории.

В этом смысле крестьянское сознание явилось матричным для сознания общественного, а точнее – для его активной ситуативной ипостаси – сознания массового, которое в Смутное время выступает не просто ареной борьбы различных политических сил, но и решающим критерием политической эффективности. Собственно говоря, именно массам и принадлежит последнее слово, когда речь идет о выборе между так называемыми историческими альтернативами.

Масса образуется из традиционных социальных страт как неклассическая социальная общность на основе формирования настолько сильных общих психических переживаний, по сравнению с которыми различия между традиционными слоями, классами, стратами становятся неважными. В этом смысле, крестьянское сознание формировало массовое сознание, а массы как раз и решили в 1917 г. сначала судьбу Российской империи, а потом и далее, по-разному определив судьбы Временного правительства и Советской власти.

В этом смысле, я предлагаю (извините, что так поверхностно и бегло) взглянуть на нашу проблему очень широко – в контексте системного кризиса Российской империи, и даже Российской цивилизации в целом. И, в том числе, таким образом поставленная проблема имеет безусловную актуальность в современности – в той современности, в которой мы сегодня с вами живем. Речь здесь ни в коем случае не только об известных массовых процессах на Украине. Именно сейчас, возможно, делаются наконец-то некоторые шаги по преодолению кризиса идентичности, который остается доминантным фактором «Третьей Русской смуты».

Многое из того, что необходимо понять сегодня, корнями своими уходит в то, что было в период ПМВ и далее. Я обещал выступить коротко, поэтому не буду подробнее развивать эту тему, и оставлю за собой право написать об этом уже по итогам нашего сегодняшнего «стола». Спасибо. Давайте поработаем.

А.Б. Асташов. Вы сказали, что из традиционного сознания проистекает массовое сознание. Может быть, традиционализму соответствует альтернатива «современность»? Что значит «массовое сознание»? Я просто не понимаю.

П.П. Марченя. К массовому сознанию в современной политической психологии подходов очень много. Но в рамках того определения, которым я сейчас оперирую, массовое сознание рассматривается как единственная реально жизнеспособная активно-ситуативная ипостась общественного сознания в Смутное время. То есть именно тогда, когда происходит нечто, имеющее огромное значение для выживания общества как целого, именно тогда, когда вступают в действие такие факторы как война, смута, революция и т.д., которые объединяют всех перед лицом общих критических вызовов – и уже не важны образовательные, возрастные, половые и прочие различия – не говоря уже о мелочах – именно тогда абстрактное «общество» (которого на самом деле не существует – это всего лишь модель) превращается уже в конкретный и действительно могучий субъект истории – в массы.

А.Б. Асташов. Традиционное сознание – оно-то что? Как? Какие характеристики?

П.П. Марченя. Традиционное сознание имеет две ипостаси – в «нормальное» историческое время и в «смутное». Вот мы часто говорим о том, каким образом наш народ одновременно и «богоносец», и «зверь». Этому есть довольно-таки убедительные объяснения, которые как раз связаны с тем, о чем я, как и обещал, очень коротко упомянул. Говорить об этом подробнее сейчас просто нет возможности: слишком много наших гостей ждут слова.

А.Б. Асташов. «Третья смута» – это что? Я не в курсе.

П.П. Марченя. Жаль, что вы не в курсе, но я не буду сейчас занимать внимание и время всех присутствующих.

А.Б. Асташов. Нет, но это когда?

П.П. Марченя. Это является довольно известным историографическим фактом.

А.Б. Асташов. Когда? Может, я живу? Может, я пропустил? Я просто не в курсе.

П.П. Марченя. Ну, да: сегодняшняя смута началась с распада СССР и еще не закончилась.

А.Б. Асташов. Это считается научным определением? Или как? Мне просто само слово «смута» непонятно.

П.П. Марченя. Смотря что понимать под научностью...

С.Ю. Разин. Уважаемые коллеги, давайте двигаться вперед. Слово предоставляется нашему патриарху А.В. Гордону.

А.В. Гордон. Уважаемые коллеги! Мне приятно сегодня выступать. Приятно, что столько людей из разных регионов собралось за нашим сегодняшним столом.

Мне приходилось бывать на разных крестьяноведческих мероприятиях. Никогда не забуду семинар «Современные концепции аграрного развития», который основали Т. Шанин и В.П. Данилов в начале 1990-х гг., летописцем которого был в течение всего времени его существования В.В. Бабашкин, здесь присутствующий.

Помнится еще такой замечательный симпозиум, который раз в два года проводился по разным городам России (а когда-то и шире), «Аграрная история Восточной Европы». Во главе долгое время стоял Л.В. Милов. Этот симпозиум сыграл заметную роль в формировании сообщества аграрников и в пробуждении интереса к истории крестьянства *(симпозиум и сейчас продолжает проводиться – прим. сост.)*.

И вот третий этап. На наших глазах подхватили объединительную эстафету С.Ю. Разин и П.П. Марченя, основав крестьяноведческий проект, который привлек очень большое число специалистов и, в сущности, явился поворотным моментом в крестьяноведческих собраниях.

По-моему, проект «Народ и власть» вывел крестьяноведение, которое нередко замыкалось в довольно узких темах, на уровень глобальной, я бы сказал, или как Разин любит говорить, геополитической проблематики.

Что я хочу сказать по поводу нашей сегодняшней темы? Тема замечательная, и не только в силу ее конъюнктурно-юбилейного значения, и даже не только потому, что эта война дала толчок процессам, которые продолжались весь XX в. Как человек, который довольно давно занимается крестьянством, я хочу сказать, что есть две темы, две проблемы, к которым я, как историк, толком не знаю, как подойти. Дисциплинарно это очень сложно – для меня, во всяком случае. Одна проблема – это «крестьянство и голод», а другая проблема – «крестьянство и война». Понимаете, мы можем заниматься выяснением, сколько там десятин кому принадлежало, каким слоям, каким классам, сколько с каждой десятины собирали... Все это важно конечно. Но не проясняет ни типологию крестьянского голода, ни проблему воюющего крестьянства.

Я помню, что на семинаре «Современные концепции аграрного развития» мне пришлось дискутировать на тему голода и коллективизации. Были, между прочим, не какие-то дилетанты приснопамятные, а профессиональные ученые, по-моему, из Австралии и из Канады – Владимир Валентинович может быть и вспомнит этих людей...

В.В. Бабашкин. Стивен Уиткрофт из Австралии был и Роберт Дэвис из Великобритании.

А.В. Гордон. Да, да. Я про этот семинар и говорю. Что меня поразило? Разговор у них шел – они выступали с ключевым докладом – вот о чем: был недосев, были метеоусловия, порезали скот и еще чего-то. Ну да, все это было, но все это какие-то фрагменты темы голода. А вот что-то главное уходит. На мой взгляд, голод – это катастрофа. И все остальное можно объяснять только учитывая, что голод был антропогенной катастрофой.

И, наверное, то же самое и война для крестьянства. Крестьянство не воспринимает войну в категориях «овладеть

проливами» или еще чего-то, говоря нашими терминами, геополитического. Для него это вселенское бедствие. Вот навалилось Лихо – и вот надо терпеть, страдать, мучиться... «И ужас народа при слове “набор” подобен был ужасу казни». А тут по первоначалу всеобщая мобилизация.

Крестьянство, на мой взгляд, воспринимает это фаталистически, подобно стихийному бедствию. Но при том имеют место серьезные последствия. В частности, война как катастрофа произвела радикальные изменения в крестьянском сознании. Тот вопрос, который поднял П.П. Марченя, вопрос об идентичности – не только национальной идентичности, но и в том числе крестьянской идентичности – это, действительно, порождение войны как катастрофы.

Если мы считаем, что крестьянство это образ жизни (а есть такая теория Р. Редфилда), то воюющее крестьянство рвет с этим самым образом жизни. Рвет глубоко и радикально. После этого возвратиться к обычному посеву, сбору урожая, жатве и т.д. – ко всем крестьянским делам – становится очень сложно. Человек отрывается от этого настолько существенно, что поддержание нормального органичного сельского хозяйства, такого, как вели из поколения в поколение, становится невозможно. И он обычно переходит на какую-то другую стадию, в какую-то другую жизненную сферу. В какую?

Вот опять же Марченя поставил вопрос о революции. Революцию творит субъект, который наделен революционным сознанием. А что такое революционное сознание? – Это прежде всего сознание катастрофическое. Я не принимаю национальный закон периодических или циклических смут, но вот значение катастрофического сознания мне понятно. С точки зрения крестьянства (да и, например, такого просвещенного интеллигента, как П.А. Кропоткин) революция, по своему стихийному характеру, – это тоже катастрофа. Гражданская война – о чем говорить, когда брат на брата, сосед против соседа, все воюют против всех – это какой-то апокалиптический ужас.

Значит, я бы так поставил вопрос: действительно война способствовала раскрестьяниванию. В этой толще, в массе, происходит какой-то надрыв – и возвращение назад становится очень сложным. Параллельно, действительно происходит некое окрестьянивание. Потому что когда голод берет за горло уже городское население, то оно начинает вспоминать о своих корнях – и начинает массово перетекать в деревню – потому что в деревне, все-таки, при том при сем, прокормиться во время этих самых катастроф оказывается легче.

Еще вот такой, может быть, частный вопрос, но все-таки я бы хотел его сейчас обозначить. Я имею в виду вопрос о том, как меняется крестьянское бунтарство тогда, когда крестьянин уже, извиняюсь, залит кровью, когда крестьянин испытал, что такое смерть повседневная, массовая, смерть, оставляющая от человека растерзанное тело. Я не помню – то ли это Т. Шанин заметил, то ли В.П. Данилов – как происходит радикализация крестьянских мятежей и восстаний после русско-японской войны. Данилов считал, что крестьянская революция – это 1902–1922 гг. До 1905 г., допустим, крестьяне удовлетворялись поджогами, грабежами, но жертв человеческих было не так много. Положение меняется после 1905 г. И это можно понять. Действительно, человек переходит через какую-то черту.

Я говорю, что если недостаточны наши обычные категории народнохозяйственного и классового анализа, то нужно выходить на категории антропологического, цивилизационного или еще какого-то анализа. Тогда мы поймем, что происходит с людьми. Ведь, в конце концов, возьмем знаменитую библейскую заповедь... Кстати, не только в Библии, но и в других священных текстах есть это «не убий». Через нее переступить не так просто обычному человеку.

Действительно происходят какие-то страшные вещи, которые мы еще, наверно, в полной мере оценить не способны, поскольку не обладаем достаточным категориальным аппаратом. Но я желаю, чтобы были

подходы с разных сторон, с классовых, с геополитических – с каких угодно позиций, но, главное, чтобы мы понимали, насколько это серьезная вещь – война для крестьянства.

А.Б. Асташов. Вы не могли бы по пунктам пояснить, что такое «раскрестьянивание». Был крестьянин, а стал – что? Кем? Буквально по пунктам. Вот это мне непонятно.

А.В. Гордон. Я в рамках своего краткого выступления ограничился только темой сознания. Действительно, в крестьянском сознании происходят какие-то потрясающие сдвиги, в результате которых крестьянину сложно вернуться к житейской обыденности. Потому что образ жизни крестьянской – это обыденность. Определенный, веками устоявшийся порядок, который освящен всякими учениями и крестьянской моралью и т.д. После того как крестьянин просидит месяцами, годами в окопах или будет штыком своего противника колоть, не говоря уже про то, когда он убивает своего брата, вернуться к этой обыденности просто так не получается. Крестьянское сознание органично. Оно не революционное сознание. Это сознание цикличное, сознание, которое связано с обращением к устоявшемуся порядку вещей, который исходит свыше и снизу, от земли и т.д. Если крестьянин становится революционером, то ему назад дороги нет.

А.Б. Асташов. Альтернатива – крестьянин-революционер.

А.В. Гордон. В данном случае весьма вероятно. Но можно ряд продолжать: солдат, милиционер или рабочий, например, мигрант и т.д. Может статься – грабитель, бандит. Сложно только возвратиться назад. Потому что крестьянский труд – особый труд. И нужно осознание, что это такая наша природа, мы должны работать на земле. Если разорван этот круг – ну, что происходит, то происходит...

Т.И. Трошина. Реплика А.В. Гордона была очень интересная.

Я приехала с Севера. У нас действительно была совершенно другая ситуация. Я хочу поделиться некоторыми впечатлениями.

За время этой войны, такой длинной – ПМВ и Гражданская война – произошли два важных события: сначала резко разорвались внутренние социальные контакты, которые связывали крестьян в сельских общинах, а потом они вновь восстановились в очень жесткой структуре. Фактически, как принято говорить, произошла социальная архаизация.

Думаю, тому были причины как внешние, так и внутренние. Внешние причины состоят в том, что в связи с огромным значением, которое Север в ПМВ приобрел для обороны страны, началось резкое увеличение железнодорожного строительства, приближение отдаленных районов друг к другу, большое количество приезжих рабочих и обмен культурными ценностями. В эти годы резко возросло и само население, и его благополучие. Кроме того, десятки тысяч мужчин, будучи солдатами, ездили по стране и могли видеть совершенно новые для себя формы жизни. Это не могло не повлиять на разрыв традиционных связей.

Но надо еще иметь в виду следующий момент. Сюда, на Север, после XVI в. фактически не приходили завоеватели, то есть население войн не знало. Для местного населения существовала льгота по рекрутской службе: можно было заплатить налог и сына в рекруты не отдавать. Поэтому у нас на ПМВ пошли молодые люди, которые ни в культурной памяти не знали, что такое война, ни от отцов своих об этом не слышали. После введения всеобщей воинской повинности солдатская служба воспринималась населением как отхожие заработки. Ждали солдат нарядными, с подарками, с деньгами, а пришли в 1917 г., как известно, раздетые, разутые, завшивленные... с пустыми руками, и даже «без победы». Демобилизованные солдаты воспринимались как позор для семьи и вызывали насмешки односельчан.

При этом солдаты получили на войне немалый опыт... Во-первых, на последнем этапе ПМВ они вынуждены были заниматься самообеспечением – то есть, фактически, грабили население, прежде всего помещичьи усадьбы, где

можно было что-то взять из продовольствия – и все это вполне законно, по распоряжению командиров или солдатских комитетов. А во-вторых – они получили от большевиков понимание легитимности такой формы получения необходимого имущества. Встречая негативное отношение со стороны земляков, фронтовики объединялись в компании и принимались наводить «справедливость» по своим пониманиям. Таким образом они стремились обеспечить свои семьи, на протяжении всей войны направлявшие им письма с жалобами.

И здесь тоже очень интересный момент. Как известно, государство постаралось провести достаточно мощную подготовительную социальную работу. Солдаткам назначались неплохие пособия. Общественные организации собирали большие пожертвования, с помощью которых, предполагалось компенсировать потерю «работника». Например, солдаткам давались деньги на наем работника. Мне трудно сказать, как это было в других регионах, – возможно, там было все по другому, – но на Севере лишь 10–15% хозяйств направляли такие вспомоществования на наем батрака. Да и то, обычно брали не сельскохозяйственного работника, а няньку для присмотра за детьми. Предоставляемые же в качестве «пайка» и общественной помощи деньги солдатки тратили на приобретение более нужных, по их мнению, вещей – например, на товары «впрок» или на приданое дочерям. На вопрос: «Почему не тратите пособия на хозяйство?», – отвечали: «Хозяин придет с войны и пусть им занимается». Собственно, в северных губерниях и до войны значительную часть продовольствия приобретали, а не получали в своем хозяйстве. Особенно семьи отходников – у них было принято прикупать хлеб и сельскохозяйственным производством не заниматься. А я говорила, что «службу» воспринимали как своего рода «отход».

Какие еще были причины такого отношения солдаток к государственной помощи? Дело в том, что, несмотря на индустриализацию, модернизацию,

урбанизацию, в северной деревне продолжала существовать традиция поддерживать семью, где муж отсутствовал – был ли он в тюрьме, в армии или на отходе. На помощь рассчитывали и солдатки. Так поначалу и было. Однако, в связи с большим количеством работ – а физический труд в годы ПМВ ценился невероятно высоко – практически все мужчины, которые, по той или иной причине, не оказались на фронте, перебрались в города и там занялись заработками. У них попросту не было времени помогать односельчанкам.

Возникает классический конфликт, связанный с товарно-денежными отношениями. В деревне стало расти раздражение против солдаток, просящих и требующих помощи, а те презирали и ненавидели эту мужскую, так сказать, массу, которая по какой-то причине в армии не оказалась.

Да и сами солдатки подвергались определенной имущественной дифференциации. Причина и в том, что не совсем справедливо раздавались эти пособия, и в том, что некоторые предприимчивые солдатки, особенно в возрасте, на полученные пособия завели торговлю, стали содержать постоялые дворы. Вообще, среди крестьян, особенно северных, считалось, что если человек по своим физическим качествам не в состоянии выполнять тяжелую работу, то он имеет право заниматься чем-нибудь легким, например, торговлей или общественной работой за жалование.

В результате, в условиях усиливающейся дороговизны часть солдаток, которые деньги потратили неизвестно на что, стали беднее, а те, которые занимались коммерческой деятельностью, порядком разбогатели. Современниками отмечалось, что торговали они не хуже мужиков, но были еще более скупы на то, чтобы, например, пожертвовать на школу или на церковь. И это тоже вызывало раздражение у населения.

Следует отметить и еще один важный момент: разрушение такой сплоченной группы, как сверстники – это происходило уже в армейской среде. Они оказались

разделены уже во время набора – кого-то брали в армию, кого-то не брали. «Браковка» подвергалась унижениям и избиениям. Даже имевшие право на льготы, например по здоровью, старались в армию пойти. Но оказалось, что те, кто не пошел, не прогадали, потому что они имели очень хорошие заработки в оборонной промышленности. Уже в 1915 г. в отчетах полицейских чиновников отмечается, что эта ситуация создает опасное напряжение. Раскалывало группу сверстников и то, что одни, благодаря, например, более хорошему образованию, направлялись в военные училища и становились офицерами, а вторые оставались рядовыми.

Все это в комплексе вело к нарастанию напряжения и способствовало расколу некогда сплоченных групп крестьянского населения, что вылилось в своего рода «малую гражданскую войну», в конфликты, которые в 1917 г. происходили и внутри деревни, и между деревнями (на Севере деревни маленькие, и это у нас было обычное явление).

А.В. Гордон. Очень хорошо, что вы эту тему разрыва традиционных связей затронули. Действительно, одно из проявлений этой катастрофы – то, что разваливалась вся эта солидарность.

А.В. Посадский. Да, и по нашим краям последняя позиция также просматривается. В Саратовской губернии очень рано начались конфликты между вернувшимися фронтовиками и, например, мастерами сапожного промысла, работавшими на армию и не мобилизованными, соответственно.

А.А. Куренышев. Вы (Т.И. Трошиной), значит, исходите из концепции абсолютного такого единства, ну, хотя бы, северного крестьянства? То есть никакого расслоения вот до этого момента, когда, значит, был нанесен такой удар в виде ПМВ, там не было?

Т.И. Трошина. Начиналось, но культурные традиции были значительно сильнее, чем это внутреннее расслоение. Понимаете, у нас территория огромная,

малонаселенная, бездорожная. Люди жили в небольших населенных пунктах, удаленных друг от друга. Это способствовало особой сплоченности населения... Знаете, если какой-нибудь торговец будет сильно досаждать своим односельчанам, то, если потом он вдруг утонет... – будет очень трудно доказать, что он не сам утонул. Солидарность была очень мощной, разрушить ее было чрезвычайно сложно.

Кстати, «военный коммунизм» показал, что разрушить эту солидарность очень трудно. А вот в результате ПМВ – были налицо все предпосылки для разрушения традиционного общества и модернизации.

Н.Ю. Пивоваров. Вы уделили внимание частной торговле, как она развивалась, какие направления она принимала. А вот кооперация на Севере России – как она развивалась?

Т.И. Трошина. В годы ПМВ кооперация у нас не очень хорошо развивалась. Потому что очень не хотелось тратить деньги, хотя денег было вроде и много (такое невероятное скупердяйство стало проявляться), на содержание чиновников, наемных работников. Иногда, так сказать, в порядке общественной нагрузки и для того, чтобы заработать деньжат, занимались выполнением этих работ в потребкооперации священнослужители, которые затем за это пострадали, потому что кооперация – это все же дело зажиточной части деревни, а не бедной. Когда те же фронтовики пришли с фронта, то они были крайне недовольны. У них было ощущение, что священники, вместо того чтобы помогать «сирым и убогим», фактически поддерживали деятельность более зажиточной части общества.

Но в целом настроения были такие, что с купцом как-то легче договориться. Купец все дает в долг. И не нужно свои деньги кровные отрывать. Все-таки у нас не очень было принято считать деньги. Денежные отношения не вполне привились. Многие наблюдатели в начале XX в. отмечали, что северный крестьянин не понимает смысла денег. Он не

может переводить свой труд на деньги. Впервые они поняли, что их труд стоит денег, в годы ПМВ, когда огромное железнодорожное строительство привлекло сюда много непроизводящего населения и начались широкие закупки продовольствия.

Кстати, крестьяне в условиях резко возросших цен сначала весь корм продали, а потом и коров. Это и привело к тому, что у нас достаточно рано – уже где-то к осени 1915 г.– возник, голод не голод, но дороговизна. Пораньше, чем у всех остальных. В городе уже в 1915 г. карточная система была введена.

В.В. Бабашкин. Чрезвычайно интересно, но как-то пунктиром, вы отметили вот это изменение настроений... Я как раз хотел бы за эту деталь зацепиться. Вот такая пацифистская северная деревня, куда с XVII в. никто с огнем и мечом не доходил. Уходили на фронт с одним настроением, и деревня их ожидала как отходников. Вот это я уловил из доклада. Ожидали с подарками, ожидали нарядных, а пришли оборванные, озлобленные, распропагандированные большевиками. А хронологически когда это настроение проявилось? На фронте, по советской литературе мы знаем, осенью 1915 г. произошел надлом у воюющих крестьян. А в самой северной деревне когда это изменение произошло?

Т.И. Трошина. Я думаю, что это произошло где-то осенью 1916 г. Видимо, в это время письма из деревни на фронт были особенно жалобные, грустные.

Возможно, интеллигенция плохо поработала с людьми... Но трудно осуждать правительство и общественность. Средства на оказание помощи солдатским семьям собирались немалые. Социальная политика проводилась очень неплохая. Тем более что, в отличие от большинства других сельскохозяйственных районов, всего 40% мужчин призывного возраста были взяты на фронт. Остальные пользовались льготами, поскольку у нас семьи, как правило, были небольшие.

В.Б. Безгин. В выступлении Т.И. Трошиной была поднята важная в исследовательском плане проблема – роль женского фактора в военной повседневности российского села. Позвольте и мне высказать соображения по этому вопросу.

По причине массовых мобилизаций в действующую армию главной фигурой будней военных лет стала русская баба. Именно ее роль во многом была определяющей в сельской повседневности военных лет.

Война нарушила традиционное распределение хозяйственных работ в крестьянской семье. На селе существенно выросла доля женского труда, в том числе и за счет тяжелых работ, как правило, выполняемых мужиками. Последствием этого стал рост числа заболеваний крестьянок, связанных с детородными функциями. Вынужденная феминизация аграрного труда являлась неизбежной платой за сохранение крестьянского хозяйства.

Фактический переход в ряде крестьянских дворов роли глав хозяйств к женщинам вызвал закономерный рост их общественной активности. Привычным явлением в селе стало участие в сходе крестьянок, которые по причине отсутствия мужей-солдат представляли на нем интересы своего двора. Более самостоятельным стало и поведение солдаток в семье. Казенные пособия, получаемые ими за мужей, находящихся на фронте, играли весомую роль в бюджете крестьянской семьи.

Значение женщин русской деревни в ПМВ с особой силой проявилось в таком явлении как «бабьи бунты», как называли их современники. Эти стихийные выступления крестьянок, отличавшиеся радикализмом и бескомпромиссностью, наглядно продемонстрировали властям всю силу женского гнева. В них слились воедино и боязнь быть обманутыми в ходе землеустройства, и озлобление нерасторопностью местных властей в деле обеспечения семей призванных на войну, и усталость от тягот военного быта. Масштаб женского протеста стал

одной из причин фактического отказа правительства от проведения землеустроительных работ в годы ПМВ.

Эмансипация крестьянки, ускоренная ПМВ, проявлялась и в росте ее правосознания, осознании своих прав. Увеличилось число «женских» обращений в волостной суд, в том числе и по вопросам защиты имущественных интересов. Усилились имущественные внутрисемейные конфликты, вызванные отсутствием «глав семей». Нередко родственники пользовались такой ситуацией, чтобы вытеснить солдатку из семьи, особенно если она была вдовой, лишить ее части имущества. В судебных разбирательства крестьянки стали чаще выступать в качестве истцов в земельных спорах. Все это свидетельствовало об обретении селянкой чувства собственного достоинства.

Объективно война стала временем испытания супружеской верности. Женская часть села в лице солдаток и жен отходников в предыдущий период уже имела опыт сексуального воздержания. Теперь проблема наличия сексуального партнера стала практически всеобщей. Судя по письмам фронтовиков, этот вопрос беспокоил и тех, кто находился на передовой. Волновал он и оставшихся в тылу жен, считавших необходимым испрашивать у мужей разрешение на использование в полевых работах труда военнопленных. Реалии военной обыденности актуализировали границы сексуального поведения. Имеющиеся данные дают основание утверждать, что массовой «измены Родине» в деревне не произошло и действия сельских баб в этой сфере редко выходили за рамки крестьянской морали.

Хотелось бы сказать и о духовной составляющей повседневной жизни русской деревни в условиях ПМВ. Испытания войной вызвали предсказуемую рефлексию сельского населения. Повсеместно приходские священники отмечали приток деревенских жителей в церкви. Увеличилось число заказных молебнов, выросли свечной сбор и объем добровольных пожертвований. Нетрудно предположить, что большинство молитвенников в храмах

составляли крестьянки. Имея смутное представление о событиях на фронте, да и о войне в целом, они истово молились о «даровании победы русскому воинству», а самое главное о «спасении и сохранении» своих родных и близких, благополучном и скором возвращении их домой.

Женские суждения о ПМВ формировались на основе как газетных сообщений, трансформированных в виде деревенских слухов, так и посредством рассказов фронтовиков-односельчан, вернувшихся по причине ранений. Роль в восприятии ПМВ играли и ее наглядные проявления. Приметами военного времени были «сухой закон», продразверстка, реквизиции лошадей, продовольственные пособия и дороговизна товаров. Живыми «жертвами» трагизма войны на селе являлись беженцы из района военных действий и пленные солдаты армии противника.

ПМВ серьезно и глубоко трансформировала повседневную жизнь сельского социума в России, способствовала перестройке сознания и настроений крестьянок. Военные будни русского села, имевшего преимущественно женское «лицо», характеризовались физическими перегрузками, моральными испытаниями, а порой и потерей родных и близких.

А.В. Чертищев. ПМВ открыла эпоху глобальных конфликтов и социальных революций, привела к вееру катаклизмов, которые радикальным и уникальным образом преобразовали человеческую цивилизацию, изменив ход исторических процессов. Достаточно напомнить, что результатом ПМВ было прекращение существования 4 могущественных монархий, лишение власти около 40 монархов, ликвидация консервативно-авторитарной монархической модели в Европе.

Но в наибольшей степени военно-революционные катаклизмы затронули Россию, оказавшуюся в эпицентре этого мирового конфликта. ПМВ самым решительным и непредсказуемым образом повлияла на сознание российского общества в целом, характер его развития,

обусловила социальные сдвиги в революции, ускорила их динамику. В ходе ПМВ в России поочередно сменились 6 государственно-политических режимов и 3 основных модели развития страны: «отстающая», консервативно-монархическая империя; «догоняющая», либерально-демократическая республика; «опережающая», модель псевдосоциалистических преобразований.

Российская империя, как Великая Держава (этот статус был присвоен России на Венском конгрессе 1814–1815 гг. наряду с Англией, Пруссией, Австрией, Францией), оправдывала участие в ПМВ, прикрываясь патриотическим идеями защиты национального суверенитета, территориальной целостности, верности союзническому долгу. Это вызвало спонтанный взрыв националистических эмоций и тяжким бременем отложилось в сознании подавляющего большинства населения России – крестьянства, патриотизм которого носил примитивный локальный характер. Не будем забывать и о том, что в ходе ПМВ мыслящей единицей и единицей действия в России, чем дальше, тем больше, становилось не личность, а масса, толпа.

Под влиянием неудач в ПМВ произошел перенос комплекса отрицательных эмоций, связанных с образом *внешнего* врага (он далеко и чрезвычайно силен, победить его проблематично) на образ врага *внутреннего* (он рядом, хорошо знаком, и мешает победить внешнего врага), что вызвало синдром недоверия к власти. Постоянная опасность и возможность гибели приводили к ожесточению и ненависти многомиллионные массы, вырабатывали агрессивные милитаризованные начала, склонность к насильственным действиям, девальвировали ценность жизни, изменили представления о важнейших нравственных нормах и запретах. Более того, многие считали, что нечеловеческая война освобождает от человеческих моральных устоев вообще, что насилие есть поведенческая норма.

Не умаляя других факторов, двигавших Россию к национальной катастрофе, следует заключить, что гремучая смесь воинствующего национализма и ксенофобии, получившая необычайно широкое распространение в ПМВ, оказала дестабилизирующее воздействие на общественно-политическую ситуацию в многонациональной крестьянской России. Объединение своеобразного российского общества на такой негативной основе оказалось чрезвычайно опасным для режима, ибо она не только создавала конструкцию для политизации и углубления различных социальных конфликтов в координатах «свой – чужой», но и регулировала их, поднимая до всеобщего уровня и бросая политический вызов власти. Не имея позитивных символов общенационального единения, российское общество оказалось неизлечимо больным...

В.В. Бабашкин. Я хотел бы привлечь внимание к тому факту, что в современной отечественной историографии есть замечательно глубокое исследование отношения к ПМВ на разных ее этапах – как крестьян-фронтовиков, так и их односельчан, остававшихся в тылу. Это монография О.С. Поршневой «Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны» – прекрасный пример того, какие результаты может дать обращение историка к социальной психологии.

Автор не просто констатирует качественное изменение отношения крестьян к войне и, соответственно, к царю приблизительно с середины 1915 г., она находит это сообразным особенностям менталитета традиционного крестьянства: «Власть в рамках такого сознания ощущается не как сфера человеческой деятельности, изначально несовершенная, а либо как область сакрального, истины и справедливости, либо как царство тьмы. После того, как у носителя подобного сознания размывается представление о святости власти... оно заменяется на свою противоположность и порождает не легальные формы борьбы за изменение облика власти, а полное ее отрицание и стремление уничтожить как источник зла».

Слухи, дискредитировавшие монархию, на завершающем этапе ПМВ нарастали лавинообразно, основанные на них суждения были жестки и по-крестьянски категоричны. В такой напряженной атмосфере эти умонастроения кристаллизовались в частушки. «В 1917 г., – пишет Поршнева, – в фольклоре появилась знаковая частушка: “Как на царском на троне замест сокола ворона, мы ворону невзлюбили, совсем царя отменили”».

А мне в этой связи вспоминается самая популярная тогда частушка, которая присутствующим, конечно, знакома, и хождение которой в разных вариациях зафиксировано и в годы Гражданской войны. Я решил было в интернете уточнить, в каких литературных источниках приводится эта частушка и ее вариации, и, кроме прочего, обнаружил, что она ходит и сегодня – у составителей материалов ЕГЭ по обществознанию. Цитирую:

«Иногда свобода понимается как вседозволенность. В начале XX в. в русских деревнях пели такую частушку:

Бога нет, царя не надо.
Губернатора убьем,
Платить подати не будем,
Во солдаты не пойдем.

К каким последствиям может привести такое толкование свободы? Конкретизируйте свой ответ примерами».

Если бы мне предложили конкретизировать примерами мое сугубо отрицательное отношение к ЕГЭ по истории и обществознанию, этот вопрос был бы среди лучших примеров.

О.А. Сухова. Я представляю Среднее Поволжье. В историческом ракурсе – это, собственно говоря, регион, где были наиболее прочными традиции общинного миропорядка. Именно Среднее Поволжье выступает лидером крестьянского движения в революции 1905–1907 гг., и в революции 1917 г. эта реакция общинного сознания тоже проявилась.

Я хотела буквально по вопросам пройтись, чтобы уложиться по времени, и немного среагировать на те тезисы, которые прозвучали ранее. И тоже, наверное, хотела бы оттолкнуться от слов Т.И. Трошиной о том, что война воспринималась как отход. Общая основа здесь заключается в том, что в любом случае крестьянин вырывается, уходит, выпадает из своей привычной среды обитания.

Но в таком случае, действительно, очень важно понять: почему эта волна раскрестьянивания вернулась в свое прежнее русло, когда закончился весь этот период, и уже после революции1917 г. вновь начинает возрождаться Традиция?

Конечно, война являет собой такой пример столкновения Традиции и Модерна и возможной реакции традиционного общества на индустриальную войну, на войну нового образца, нового качества.

Если говорить о столкновении Традиции и Модерна и о какой-то периодизации этого процесса, и о результатах этого процесса, то я бы хотела остановиться на достаточно известном всем источнике – это данные военно-цензурных пунктов. Благодаря деятельности военных цензоров мы имеем возможность изучить массовые настроения как городского, так и крестьянского населения, потому как адресаты были указаны, и можно было проследить, чьи письма, и по содержанию отследить это, и, конечно же, можно сравнить по периодам войны, какие были настроения, на каком именно участке, отрезке времени.

К этому можно добавить донесения местных губернских жандармских управлений, которые тоже фиксировали настроения как в тылу, так и на фронте, во всяком случае, настроения тех, кто приходил с войны.

В связи этим хотелось бы подчеркнуть, что для крестьянства война была невиданным доселе испытанием. Хотя традиционное восприятие войны существовало. Существовало оно в контексте принесения жертвы. Лозунг: «За Веру, Царя и Отечество!» – он не был пустым звуком, он

был своего рода ритуалом, реакцией традиционного общества на военный конфликт.

Патриотические настроения были сильны не только в городах, но и в деревне. Тем более что крестьяне составили основу российской армии. По сути дела, это традиционное общество оказалось на фронтах ПМВ. Более 11 млн чел. представляли российское крестьянство. Поэтому, конечно же, столкновение или, вернее, погружение в новую по технологическому уровню войну для крестьян было испытанием очень жестким и жестоким.

Это отражается в переписке, в солдатской корреспонденции, потому что очень четко фиксируются образы непривычные, неприятные, связанные именно с осознанием катастрофы или даже апокалипсиса. Рисуются эти образы в красках, в описании машин, каких-то огненных скорпионов, которые летают, опутали землю... Идут аналогии с колючей проволокой, с газами, с аэропланами... Это не просто отношение к смерти на войне, к гибели, к сражениям. Конечно, смерть – особая тема, но вот это ощущение технологичного, техногенного характера войны как угрозы жизни, витальности традиционного общества – это присутствует. Поэтому война как вызов традиционной ментальности – да, безусловно, с этим тезисом можно согласиться.

Также я хотела бы дать реплику по поводу периода, когда начинается изменение оценки традиционного представления о войне, о существовании социальных взаимосвязей между государством и обществом, о доверии к власти и т.д. Здесь сложно сказать однозначно, если мы будем использовать солдатскую корреспонденцию, потому что не присутствует в ней четкого такого водораздела – вот до этого времени все были ура-патриотами, а после перешли в разряд пацифистов. Нет. Это не только мое мнение, но и в исследованиях А.Б. Асташова, очень четко представлено, что крестьяне относились к войне, к ратному подвигу так же как к своему труду, к хозяйству. То есть сезонный цикл. Весна – надежды на мир, надежды на успешное завершение

войны. Это нормально. Патриотические настроения. Осень – ситуация меняется.

Эта сезонность «весна – осень» присутствует и в солдатской переписке. Даже весной 1917 г. есть подтверждения того, что крестьяне достаточно патриотично настроены, нет единства по поводу лозунгов «Долой войну!» и т.д.

Также хотелось бы остановиться на таком сюжете как влияние или образ солдаток. В целом, конечно, не только для фронта, но и для тыловых районов, для средневолжской деревни, образ солдата и образ солдатки становится определяющим во многих отношениях. Мы видим, как меняются гендерные роли в тыловых районах, когда женщина превращается в главу семью, представляет домохозяйство на сельском сходе, решает очень многие проблемы общины. Происходит и резкое омоложение сельских сходов.

Так же, как ни странно, несмотря на, казалось бы, обогащение солдаток в связи с получением пособий, льгот и т.д., именно солдатки были зачинщиками погромных движений на фоне недостатка хлеба, сахара и т.д. Очень массовым было это движение. Это было как раз в 1916 г.

Я не могу сравнивать с другими регионами, но вот по Среднему Поволжью мне не попадались материалы о расслоении солдаток, о том, что был какой-то контраст отношений между ними, в их среде. Это, наверное, региональные особенности какие-то. Хотелось бы отметить, что солдатки выступали единым фронтом за сохранение общинных традиций. От них зависело сохранение хозяйства в будущем, и они представляли собой гарант сохранения села и образа жизни общины.

Именно поэтому, как раз таки к 1916 г., практически прекратились выделы из общины и очень жестко разрастается конфликт между солдатками и выделенцами. Вот это еще одна линия раскола села в нашем регионе в ту эпоху.

А.А. Куренышев. Мне показалось, что вы, несколько по-женски, недооценили армию как таковую, как структуру, которая, в общем-то, и из крестьянина сделает солдата, и никакие там эти вот его предрассудки с весной, осенью и прочим не выживут. Понимаете... Вот как вы думаете? Может быть, вы чуть-чуть женское впечатление о службе в армии привнесли? Не следует ли как-то от этого отходить, потому что немного искаженная картина получилась, что крестьянин в армии остается крестьянином? Ну, кто в армии служил, тот знает прекрасно, что за пару месяцев из тебя сделают совершенно, так сказать, другого человека.

О.А. Сухова. Как раз к теме о том, что традиция потом возвратилась на круги своя и общинное сознание восторжествовало, я смею утверждать, что истребить крестьянскую ментальность за 2 месяца, и даже за 3–4 года войны все равно сложно. Все равно крестьяне оставались верны императивам патриархального сознания. Я не хочу сказать, что не было процесса раскрестьянивания. Наверно, речь идет о маргинализации, о том, что именно разрушались какие-то нормы, представления о норме и аномалии, что не было сдержек и противовесов, которые существовали в прошлые годы. Да это процесс шел, безусловно. Крестьяне превращались в маргиналов, да еще и в таких, которые держали в руках оружие. Возвращаясь, они превращались в очень грозный фактор, потому что готовы были к любым радикальным действиям.

Но я бы хотела обратить внимание еще на одну особенность. По поводу сезонности или несезонности, готовности к радикальным выступлениям крестьян, которые 2 месяца прослужили в армии. Очень многое зависело от государства. Дело в том, что крестьяне, несмотря на то, что это такое вот реликтовое сословие, как писал В.П. Булдаков, тем не менее, готовы и способны к самоорганизации. Тот же пример бунтов во время мобилизационных кампаний.

И опять же в 1917 г., когда пала монархия, то первой социальной группой, кто предпринял попытку

законотворческой инициативы (хотя бы в формате губернских съездов) – были как раз крестьяне.

Естественно, что решения крестьян в 1917 г. принимались в условиях дискредитации самой идеи государственности, причем конкретно монарха, в условиях, когда был еще такой контекст как измена. В этом отношении следует учесть, что крестьяне как исторический субъект готовы были и к альтернативному развитию событий. Это была такая масса, которая не обязательно должна была стать революционером и погромщиком и зверем-бунтарем. Все зависело еще и от того, как выстраивались механизмы социально-политического взаимодействия. Неслучайно Б.И. Колоницкий в одной из своих работ приводит воспоминания немецкого солдата, который написал в марте 1917 г. в письме своим родным о том, что на фронте мало что изменилось, лишь в окопах находят изображения императора Николая с выколотыми глазами. В координатах крестьянского сознания это можно трактовать как наказание за измену, за то, что не получилось единения власти и общества.

Ю.П. Литвин *(студент ИГУМОиИТ):* А можете сказать, сколько времени занимает обратный процесс: от радикализации крестьянина до возвращения к традиционным ценностям?

О.А. Сухова. Здесь, наверное, можно вести разговор о периоде с 1914 по1917 гг. Традиционные политические представления крестьян базировались на идее двухуровневой организации государства: первый уровень, представленный монархом и наместником Бога, и второй, горизонтальный уровень – это множество крестьянских общин. В условиях кризиса и затем краха монархической власти, властно-политическое регулирование перемещается на уровень общины: правопреемником царя становится сход.

Как показывают материалы анкетирования, проведенного министерством земледелия летом 1917 г., представление о том, что община является правопреемницей

государства, появилось сразу же после распространения информации об отречении Николая II.

В.Я. Романченко. О.А. Сухова затронула важную проблему взаимоотношения крестьянства и власти в ПМВ. В частности, было отмечено, что крестьянство не обязательно должно было стать революционным, что здесь многое зависело от политики государства, от того, как выстраивались механизмы его взаимодействия с крестьянством. Думаю, что это слишком категорическое утверждение. С одной стороны, от способности государства выстраивать такие механизмы действительно многое зависело. И в том, что революционные настроения крестьянства в целом нарастали, немалая «заслуга» и царской власти (которая на относительно бескровные выступления крестьян в начале XX в. ответила массовыми карательными акциями, а затем сделала их заложниками своих амбициозных внешнеполитических планов – в качестве пушечного мяса с началом ПМВ), и Временного правительства (которое продолжило репрессивную политику в отношении крестьянства и ненавистную уже в народе войну после падения царского режима), и политических партий. Но, на мой взгляд, в тех конкретно исторических условиях переход российским крестьянством этой незримой черты – от традиционного образа жизни к революционному – произошел, по меньшей мере, за десятилетие до начала ПМВ и был обусловлен комплексом экономических, социальных, политических... и ментальных, духовных предпосылок. Их вызревание, в свою очередь, уходит своими корнями в более ранний период аграрной истории России. Что касается перехода в критическую фазу взаимоотношений крестьянства и власти в ПМВ, то следует иметь в виду, что это тоже лишь очередная фаза, этап антагонистических в своей основе отношений, уходящих в глубь российской истории, отражавших не вдруг возникший цивилизационный раскол между «мужицким» миром и чуждым ему миром «барским». Зловещая роль ПМВ состояла в том, что она перевела эти отношения из

состояния «холодной войны» в стадию открытого, вооруженного противостояния, цивилизационного кризиса, приведшего к крушению Российской империи. Парадоксально, но выход из этого цивилизационного кризиса, равно как и выход России из участия в ПМВ, не сопровождался «снятием» антагонистического характера взаимоотношений крестьянства с новой, Советской властью.

В данной связи можно предположить, что большевистский политический режим, рожденный в условиях мировой кровавой войны, с неизбежностью должен был стать режимом диктаторским и тоталитарным. Тем самым уже на стадии формирования в его фундамент был заложен механизм очередного системного кризиса и самоуничтожения Советской цивилизации.

В порядке обсуждения, хотелось бы также обратить внимание на то, что и в нынешней дискуссии, и в историографии основной акцент делается на вопросах, характеризующих влияние ПМВ на крестьянство. Однако очевидно, что существовало и обратное: влияние крестьянства на ход и исход ПМВ с точки зрения участия в ней России. Представляется продуктивным рассмотрение данного аспекта через призму анализа эволюции в ходе войны социально-экономических отношений российской деревни с царской, а затем и Красной армией, влияния ситуации в деревне на решение продовольственной проблемы в стране. Предметом специального исследования могли бы быть эволюция сознания крестьян в солдатских шинелях и крестьян, «ковавших победу» на ниве сельскохозяйственного производства, влияние революционных настроений крестьян и революционного движения в деревне в целом на воюющую российскую армию, на власть, на программные и тактические установки политических партий.

А.А. Симонов. Предлагаю продолжить тему крестьянства в армии и милитаризации крестьянского сознания в годы ПМВ и далее. Кстати, я согласен с О.А. Суховой в том, что в ПМВ крестьянин на фронте во

многом оставался крестьянином. Не все конечно. Какие-то сельские жители смогли стать настоящими солдатами и потом показали себя в годы Гражданской войны. А вот начали воевать в ПМВ крестьяне с несколько иным сознанием – явно не военным. Именно война подвигла их на то, чтобы в итоге, но далеко не сразу, стать солдатами. Это хорошо видно уже на примере Второй мировой войны (ВМВ). По своему составу русская армия и советская армия были в основном крестьянские, но это совершенно две разные армии. Во ВМВ крестьянин действительно был солдатом, но его, в большей степени, сделали воином 20 лет индустриализации и коллективизации.

Предлагаю поговорить о другом районе. Уже упомянули Север, Среднее Поволжье. Давайте посмотрим за Волгу и поговорим о крестьянах Саратовского и Самарского Заволжья, которые в годы Гражданской войны явили феномен В.И. Чапаева и чапаевцев. Во-первых, заволжские крестьяне – они несколько иные. Мы знаем, что есть сознание общее для всех русских крестьян. Но в разных регионах оно имеет свои оттенки. Так вот заволжские крестьяне – это потомки колонизаторов, которые осваивали Дикую Степь, это потомки раскольников русских, потомки голытьбы, «гулящих людей», разинцев, запорожских казаков. Это такая смесь крестьянства, которое готово было за себя постоять и имело богатый военный опыт. Не зря у заволжских крестьян в культурных традициях воспевать Степана Разина. Потом этот дух разинщины и пугачевщины был перенесен на Гражданскую войну. Неслучайно в Чапаевской дивизии первые два полка именовались Разинский и Пугачевский.

Крестьяне Заволжья – это не лапотники, однозначно. Это огромное Гуляй-поле, и они уже готовы были воевать в ПМВ. Мы знаем, что Гражданская война не обошлась без крестьянских восстаний. Самое главное такое мощное восстание в Заволжье – это восстание А.В. Сапожкова. Был еще В.А. Серов и другие. Кстати, все они – участники ПМВ, и достигли определенных успехов на той войне. Возьмем

Чапаева. У него 3 георгиевских креста, 2 георгиевских медали. Сапожков – офицер военного времени, тоже георгиевский кавалер. Серов имел четыре георгиевских креста. Ну и т.д. Командиры у Чапаева – исключительно все унтер-офицеры из местных, и все на Великой войне отличились. Смею утверждать, что милитаризация сознания у крестьян-заволжцев была гораздо выше чем, например, у крестьян Центральной России.

А теперь насчет того, что крестьянин на войне оставался крестьянином. Дело в том, что система комплектования русской армии предусматривала жребий: только 1 из 3-х шел в армию. Одного призывали, а двое оставались. Так нужно было. Больше не надо. Очень дорого стоило содержание армии. Те крестьяне, которые прошли военную службу, составили ближайший резерв для действующей армии в 1914 г. Ну, были, вы знаете, дивизии первоочередные и второочередные.

Чапаев служил во второочередной 82-й дивизии. То есть призывался из запаса. Были еще дивизии третьеочередные – ополченские.

Ополченцы – на них рукой махали – это как раз те крестьяне, которые не знали военной службы. Их забирали в армию и долго пытались обучить военной науке. Такой призывник несколько месяцев проходил начальную военную подготовку, затем с маршевой ротой отправлялся на фронт, и там еще долго продолжал постигать военное ремесло. Боеготовность русской армии катастрофически падала с каждым годом войны. В 1917 г. это была совсем не та армия, которая начинала войну в 1914 г., когда были победы. Уже в 1915 г. от кадровой армии ничего почти не осталось, и воевали в большинстве те, кто не проходил военной службы в мирное время.

Как же фронтовики из заволжской деревни воспринимали эту деревню, когда приходили с фронта? Мне попались воспоминания одного такого фронтовика. Вот он вернулся в волостное село Марьевку Самарской губернии (кстати, потом, в годы Гражданской войны, это был центр

формирования белой Народной армии). Его первые впечатления: село какое-то полинялое – дома покосились, плетни упали, их стали растаскивать на дрова, верблюдов ни одного не осталось, лошадей 70% нет, волов всех съели, весь инвентарь какой-то старый и девушки за это время замуж не выходили. Вот такое у него было впечатление от своей деревни.

А.В. Гордон говорил о том, что не важно, у кого сколько десятин, а вот для крестьян Заволжья это было очень важно, потому что была резкая градация: есть крестьянин-индивидуалист, крестьянин-отрубщик, а их, кстати, было очень много. Например, в Самарской губернии в Новоузенском уезде отрубщики и хуторяне составляли 86,4%, а в Николаевском – 52,5%. А если эти 2 уезда соединить, то территория будет больше чем Бельгия. Огромные земельные массивы. Общинники-крестьяне были противниками того, чтобы вообще были отрубщики. Заводилами были фронтовики. Причем много активных фронтовиков были не традиционными общинниками, а так называемыми пришлыми людьми из других мест Заволжья и Поволжья, которые работали батраками. Вот именно они начинают социальную революцию, начинают вместе с общинной беднотой уравнивать землю «по справедливости».

Заканчивая свое выступление, хочу сказать, что крестьянская русская армия в ПМВ, конечно, не была готова к этой войне. Система подготовки просто не была рассчитана на такую длительную войну и на такое крестьянское мировоззрение. Кстати, я согласен с О.А. Суховой, что для крестьянина танк, аэроплан – это, действительно, потрясение было, страшное потрясение. Ну, а во ВМВ он уже танк сам водил и сам летал на самолетах.

А.Б. Асташов. Я вот не понял... Первый раз слышу относительно того, что они «пришлые». Они против общины. А за что они тогда были?

А.А. Куренышев. За общину. Против интервенции.

А.А. Симонов. Они начинали. Потом уже... Как Чапаев формировал свои части? Очень просто. Первые

чапаевцы – это весна 1918 г. Это первый поход на Уральск. Это вот... Я просто смотрел красногвардейские дела, очень много, сотни дел посмотрел. Это возраст людей от 18 до 25 лет. Есть и 14-летние. Это беднота. Все из батраков почти. То есть те, кому терять нечего. Люди, еще даже семью не имеющие. Вообще терять нечего. Они могут только приобрести. Поэтому они готовы были воевать. Они на войне воевали, а сейчас готовы были забрать то, что считали принадлежащим им по праву.

А.Б. Асташов. У вас это прозвучало как то, что они были люди пришлые.

А.А. Симонов. В том числе и пришлые люди. Пришлые были заводилами.

А.Б. Асташов. Получается, они против общины.

А.А. Симонов. Нет, они за общину.

А.Б. Асташов. Ладно. Хорошо. Почитаем ваши работы.

А.В. Посадский. Крестьянин живет в локальном мире, даже перемещаясь, выходя в город (родня, земляки...). Мне кажется, вот эти самые пришлые обладали, в 1917-м особенно, своего рода амбивалентностью: как голоса «большого» мира, но и как потенциальная угроза. У нас известны сюжеты, когда в 1917 г. деревня с удовольствием третирует «своих» интеллигентов – как более не нужных и никчемных нахлебников – и в то же время взахлеб слушает точно таких же учителей, которые явились из соседнего уезда или губернии. А с развитием Гражданской войны толпы мешочников, беженцев, всяких «эшелонщиков» и пр. питали регионально-сепаратистские настроения, взращивая молодые национализмы. Отдельная большая тема.

А.А. Куренышев. Вот уточните, пожалуйста (А.А. Симонову): прозвучало, что сапожковское восстание – это крестьянское восстание. Мы знаем, что это дивизия вообще-то, и он был командир, и восстание это тем было страшно и опасно, что это восстание армейское.

А.А. Симонов. Смотря какая дивизия. Дивизия была формирующаяся. Она формировалась из местных крестьян.

А.А. Куренышев. Согласен.

А.А. Симонов. А почему ему не быть еще и крестьянским восстанием, раз они за интересы выступали...

А.А. Куренышев. Крестьянское восстание и восстание армейское – это не одно и то же.

А.А. Симонов. Сапожков, кстати, был из небедных людей.

А.А. Куренышев. Это все понятно.

Н.А. Дунаева. Я занимаюсь крестьянством Поволжья и Заволжья периода ПМВ.

Известие о войне крестьянство восприняло как трагедию. Если в городах обыватели ходили на ура-патриотические демонстрации и проникались нездоровым восторгом, то в деревне ничего такого не было. Деревня насторожилась, напряглась и ожидала худшего. И если до ПМВ в аграрной среде более или менее активно протекал процесс модернизации (в виде столыпинской реформы), то с началом войны крестьянство спешит вернуться к истокам, к тому, что столетиями помогало выживать: к традиционному укладу, к общине.

Во-первых, как сегодня уже здесь упоминалось, с началом ПМВ практически полностью прекратился выход из общины. Солдатки просто выгоняли (а иногда даже избивали) землемеров, прибывавших в деревню для раздела земли.

Во-вторых, повышается общая религиозность на селе. Летом 1914 г. священники отмечают, что храмы полны, народ чрезвычайно активно жертвует на церковные нужды, даже те, кто годами прежде в церкви не показывался, не пропускают ни одной службы. И эта психологическая реакция на непосредственную угрозу жизни понятна и не нуждается в расшифровке (в годы Великой Отечественной происходило нечто подобное: даже старые коммунисты носили ладанки; да и советское правительство, учитывая такие настроения населения, вынуждено было примириться с церковью).

В-третьих, широко обсуждавшиеся в литературе беспорядки во время мобилизации летом 1914 г. тоже укладываются в рамки традиционного поведения. Проводы в армию, а тем более на войну, с обильным возлиянием и дракой – это давняя традиция, существующая и по сей день. Попытки правительства избежать беспорядков путем введения «сухого закона» привели как раз к противоположному результату, сопровождавшемуся погромами винных лавок и погребов.

Массовые выступления периода мобилизации были вызваны еще и тем обстоятельством, что призывники, прежде чем уйти на войну (с которой, очевидно, не все из них смогут вернуться), стремились «напоследок» разрешить назревшие конфликты. Т.И. Трошина сегодня уже отмечала, что на севере призванные в армию крестьяне устраивали драки с теми, кто призыва избежал. В Поволжье подобные «выяснения отношений» приняли три направления: первое – это в традиции – поджоги и грабежи помещичьих усадеб (при этом грабители мотивировали свое поведение тем, что они-де уходят на войну, на смерть – и имеют право получить компенсацию от помещиков, которые остаются в тылу); второе – это уже нечто новое – призывники-общинники шли бить ненавистных единоличников (не только били, но портили имущество, колотили стекла в домах и т.д.); третье – это тоже новшество – бунт молодежи против засилья и диктата стариков в общине (впрочем, разрешался этот новый конфликт вполне старыми методами – тем же самым мордобоем).

В целом, хочу отметить, что ПМВ оказала очень противоречивое влияние на российскую деревню: с одной стороны, она запустила новые (или активировала уже существующие) процессы Модерна в деревне, а с другой стороны, она заставляла людей искать защиты в рамках Традиции.

Е.И. Демидова. Мне хотелось бы продолжить картину, которая стала вырисовываться здесь в отношении

той ситуации, какая сложилась в поволжской деревне в годы ПМВ.

Поволжская деревня существовала в достаточно сложных природно-климатических условиях. У нас год урожайный сменялся годом засушливым. Это зона рискованного земледелия. Но все-таки деревня поволжская давала устойчивый хлеб. И вот что мы наблюдаем уже в 1915 г. – это сокращение посевных площадей, потому что не хватает рабочих рук. И следующий момент: начинает ужиматься хлебный рынок. Возникает проблема голода, очень серьезная проблема в Поволжье именно в годы ПМВ. Даже из саратовских многих деревень крестьяне, кто не оказался на фронте, вынуждены были уезжать на заработки в другие деревни, куда-то на юг, где они считали, что смогут лучше прокормить себя и близких, а семья оставалась в саратовской деревне.

Следующая проблема, на которую мне бы хотелось обратить внимание, которая касается Саратовской губернии: в ней были территории локального проживания немецкого населения, немцев Поволжья. Немецкие деревни... Что мы наблюдаем? Усиливаются антинемецкие настроения. Многие немцы вынуждены были уезжать. Сжигаются дома, травля начинается и в деревне, и в городе.

Вот такое некое благополучие рушится. Рушится крестьянский мир. Рушится крестьянская семья.

В годы ПМВ появляется огромное количество детей-сирот, потому что отец погиб на фронте, мать запила или покончила жизнь самоубийством – это тоже растет в деревне в годы ПМВ. Растет количество приютов, детских домов. Проблема беспризорности ненужных детей – это тоже проблема ПМВ. Мы прекрасно знаем, что крестьяне, крестьянская семья – это, казалось бы, нерушимая такая вещь. Но в годы ПМВ наступает некий семейный кризис.

Лично я придерживаюсь точки зрения, согласно которой в годы ПМВ, в том числе среди крестьян в деревне у нас в Саратове, усиливаются революционные настроения. У нас они еще усилились в силу того, что в Саратовскую

губернию много было эвакуировано из западных губерний. В частности, был эвакуирован Киевский университет. Все историки, занимающиеся историей высшей школы, отмечали, что до этого у нас было более или менее тихо и спокойно, достаточно был консервативный провинциальный город. Но после эвакуации Киевского университета усиливаются революционные настроения.

Во многом показательны воспоминания крестьян – участников войны: дневники, личные воспоминания. Я вот приведу воспоминания совсем личные – это воспоминания моего дедушки, который со слов своего отца говорил, что в годы ПМВ не стало крестьянской России. Это мнение современника, простого человека, крестьянина русского – не стало крестьянской России.

А.Б. Асташов. Я не совсем понял насчет... У меня проходили материалы о переселении университетов, в том числе и Киевского, но то, что там они делали революцию, – не было. Они делали или что? О чем речь?

Е.И. Демидова. Никто об этом не говорит. Но при этом усиливается студенческая активность, революционные настроения. В частности, растет популярность представителей РСДРП. Идет революционизация настроений. До этого достаточно консервативные были взгляды.

А.А. Куренышев. У меня такой конкретный вопрос. вы сказали, что немецкие погромы были... Какие-то примеры?

Е.И. Демидова. Естественно, были. Поджигали дома... Такое вот сложилось общественное мнение, что немцы – они не наши. Многие немецкие предприниматели в годы ПМВ просто убежали. Покинули дома, и богатство свое бросили на произвол судьбы. И это еще до 1917 г.

Н.В. Токарев. Раз мы уж начали о географии, то теперь пойдем западнее, в Центральное Черноземье. Это места, где через какое-то время начнется «антоновщина».

Я, прежде всего, буду говорить об очень узкой проблематике – об идеологеме черного передела, о том, как

она нашла свое отражение в крестьянских настроениях. Главным источником для рассуждений относительно этой проблематики являются отчеты общей и политической полиции. Тем более они распределены по месяцам, и в Тамбовском государственном архиве очень даже хорошо сохранились. Другое дело, что потенциал этого источника тоже иногда оставляет желать лучшего. Многое зависит от конкретного исправника, от того насколько он был активным, насколько обширной полицейской агентурой он владел, насколько информативные источники ему поставляли становые приставы, урядники и т.д.

Тем не менее, вырисовывается такая картина: еще только началась мобилизация в Тамбовской губернии, как уже проявляют себя агрессивные настроения. Крестьяне и словом и делом готовы отобрать землю у тех крестьян, которые переселились в Тамбовскую губернию, купив землю у Крестьянского поземельного банка.

Хотя этот отъем не состоялся, но эти настроения и не думали затухать. Можно говорить о том, что с сентября по декабрь 1914 г. – это постоянное ожидание милости от Императора. За наши подвиги в войне, за нашу кровь Батюшка-царь, так и быть, нас когда-нибудь оделит землей. Можно здесь увидеть прямую преемственность от юбилейных слухов 1911–1913 гг., когда крестьяне ждали получение земли то в честь 100-летия Отечественной войны 1812 г., то в честь 300-летия дома Романовых. Ну а некоторые ожидали, что через 50 лет после отмены крепостного права, наконец-то все-таки, Романовы решат бесплатно наделить крестьян землей.

Так вот, в 1915 г. эти настроения ожидания милости сменяются более радикальными. В полицейских донесениях появляется такая информация – явно из окопов, от солдат – которая, отражаясь в сознании солдаток, потом выходит уже на уровень полицейских донесений. Очень просто: земля вся будет отобрана и остается только понять, каким путем. Потом, в конце 1915 – в 1916 гг., мы видим уже и способы такого отъема собственности – солдаты сами отберут эту

землю. Уже надежды на царя нет. В то же время сохраняются и периодически проявляются настроения, когда снова ждем милости от царя.

Здесь надо затронуть еще один сюжет: дело в том, что во многом крестьянскому сознанию потакало само Российское государство, потому что периодически возникали то законы о том, что землю необходимо отобрать у немецких подданных, вообще у подданных центральных держав, то, что надо землей наградить, отобрав ее опять-таки у немцев, георгиевских кавалеров. А эта информация, попадая в газеты, потом в деревне получала настолько интересные интерпретации, и опять-таки, все сводилось к одному – земля скоро будет наша. Соответственно, поскольку вот это вот ожидание, жажда земли, земельный голод не реализовывались, это способствовало радикализации настроений.

В 1917 г., как мы помним, уже полыхнуло. Приведу выписку из одного документа. Непременный член Козловской уездной землеустроительной комиссии Л.А. Зборжевский буквально через несколько дней после Февральской революции докладывал, как бывший земский начальник, уже не губернатору, а губернскому комиссару Временного правительства о том, что настроения в пользу черного передела не только никуда не ушли, а они вот-вот готовы прорваться. Именно в Козловском уезде начинается в 1917 г. ситуация, которая потом привела в Тамбовской губернии к появлению знаменитого Постановления № 3. Ну а результат, мы с вами видим – многолетнее ожидание земли прорвалось уже в действие. Это, в конечном итоге, позволяет ответить на вопрос о том, может ли крестьянское сознание повлиять на ход войны. Может. В 1917 г. крестьяне, уставшие от войны, готовы больше уже не говорить, а действовать в отношении передела, не думая о патриотической защите нашего Отечества.

О.А. Сухова. Мне интересно ваше мнение по поводу причин возникновения этой мифологемы о черном переделе. Она появилась не в 1914 г., а намного раньше. Почему такая

убежденность? Реальных оснований для ее существования не было.

Н.В. Токарев. Я могу вспомнить мемуары митрополита Вениамина (Федченкова). Он выходец тоже из тамбовских краев, из Кирсановского уезда, родился буквально в одном шаге от имения Баратынских. В воспоминаниях своего детства будущий семинарист, а потом будущий иерарх православной церкви, он говорил, что издавна в крестьянских мечтах была мечта о том, что царь наделит землей.

Мне кажется, что есть прямая связь с отменой крепостного права. Вопрос только в том, когда и где эти настроения начинают локализироваться. Я пытался посмотреть, примерно. Была рабочая версия, что, может быть, от дарственных крестьян, у которых надел совсем смешной. Нет, не получается. Это присутствует во всех уездах, и не только в русской деревне, но и в деревне национальной. Так, что здесь, скорее всего, мы выходим на уровень менталитета, на уровень отношений между царем и подданными: Батюшка-царь должен беспокоиться о своих детях. И эта отеческая забота должна проявиться в том, что он должен, наконец, решить проблему земельного голода, но не путем отрубщика, а, отвечая чаяниям крестьян, в силу экстенсивной парадигмы, он должен наделить их землей.

Мне кажется так: здесь мы выходим на уровень менталитета.

Н.Ю. Пивоваров. Скажите, вот те самые козловские крестьяне, которые первые подняли восстание, они по социальному составу чем-то отличались от крестьян Тамбовской губернии, ну, и шире, крестьян России?

Н.В. Токарев. Вообще-то это тоже Тамбовская губерния.

Н.Ю. Пивоваров. Нет, я понимаю. Но это же разные уезды одной губернии.

Н.В. Токарев. Тут просто ситуация. Почему полыхнуло где-то раньше, где-то позже – зависит от конкретной ситуации на местах. Где-то было больше земель

банковских продано выходцам из других губерний, из других волостей, из других регионов. Это уже создавало напряжение между пришлыми и местными. Где-то крестьяне оказались более активны. Сколько и где было дезертиров, это тоже очень серьезная сила. Не все они были безоружные – были еще и вооруженные, и готовые радикально решать проблему.

М.М. Есикова. Я хочу продолжить рассуждения Н.В. Токарева о влиянии различных факторов на восприятие войны в крестьянском сознании.

Уже с ноября 1914 г. в Тамбовскую землю стали прибывать нижние чины, которые были демобилизованы из армии по ранению, но в этот период властям можно было оставаться спокойными за их поведение и информацию, которую они могли бы сообщить односельчанам. Иное дело – январь 1915 г. К этому времени русские войска уже потерпели поражение в Восточной Пруссии, и это сразу же сказалось на сведениях, которые доставляли прибывавшие раненые, больные и отпускные фронтовики. Так, стала обсуждаться проблема русских солдат, попавших в плен. Удручающее впечатление производили рассказы о тех, кто сдавался добровольно. Пока подобная информация вызывала бурю возмущения, потому что усилия правительства по обработке умов не могли моментально сойти на нет. В феврале 1915 г. отрицательное отношение к войне приезжавших с фронта стало проявляться более явно. Их недовольство вызвало отсутствие материальной помощи со стороны государства на период их отпуска или болезни. Так как к этому времени положение с пособиями семьям призванных уже наладилось, то приехавшие фронтовики по вполне понятным причинам рассчитывали на господдержку и для себя, но законом была предусмотрена пенсия только демобилизованным.

Примерно с лета 1915 г. у местных властей возникла еще одна проблема – прибывающие в губернию дезертиры. Поскольку последним на лояльное отношение со стороны государства рассчитывать не приходилось, они становились

одним из главных источников формирования отрицательного отношения к войне, причем очень часто вели они себя крайне агрессивно. На отношение крестьян к войне влияли также сообщения от русских солдат, находящихся в плену. И если русскоязычные военнопленные плохих сведений о своей жизни не предоставляли, что можно объяснить немецкой перлюстрацией, то военнопленные мордовской национальности, по сведениям Темниковского исправника, обходили эти препятствия при помощи своего языка, и в этих письмах говорилось о тяжелых земляных и лесных работах, плохом питании и быте. В итоге этот источник формирования крестьянского отношения к войне стал создавать у крестьян отрицательные эмоции, подкрепляемые общим состоянием сельского населения, утомленностью от войны и желанием ее быстрого окончания для получения земли.

Таким образом, крестьяне поддерживали ведение войны лишь в самом ее начале – с августа по декабрь 1914 г. Основными причинами подобного отношения можно считать мощную идеологическую работу, проведенную правительством и местными властями, и упорно ходившими весь военный период слухами о возможности бесплатного получения земли крестьянами как победителями. Это являлось самым убедительным доводом при обосновании необходимости дальнейшего ведения войны. Настроение сельского населения стало меняться начиная с января 1915 г. Здесь сказывались и поражения на фронте, и мобилизации, и реквизиции, отрицательно влиявшие на крестьянское хозяйство, и сообщения ратников о реальном положении на фронте, и собственные наблюдения крестьян. И если в 1915 г. о войне в отрицательном плане еще открыто не говорилось, так как все резервы, и моральные и материальные, еще не были использованы, то в 1916 г. отношение крестьянства к войне было определенно отрицательным, тем более что для решения вопроса о земле ожидаемых от правительства действий не предпринималось. Это и подготовило благодатную почву в сознании крестьян

для протеста, что привело в дальнейшем к их участию в революционных событиях 1917 г.

В.П. Николашин. Раз уже коллеги подняли тему радикально настроенных дезертиров в черноземной деревне, то есть крестьян в солдатских шинелях, я хотел бы перейти к проблеме оценок крестьянством на завершающем этапе ПМВ внутридеревенских реалий, а также влияния демобилизованных солдат на сельскую повседневность.

В 1917–1918 гг. на европейской сцене завершалась драма, в которой необходимо выделить несколько уровней конфликта: от цивилизационного на макроуровне до микроконфликта – на уровне регионов и даже крестьянских общин. Последний конфликт выражался, в первую очередь, в борьбе за землю. Кроме того, в деревне на первый план выступала антивоенная риторика. Стремление солдат-крестьян сохранить жизнь в непонятной им, если можно так выразиться, «не-Отечественной» войне, и, главное, вековые мечты о «Земле» и «Воле», боязнь не успеть к «разделу», толкали их на массовое самовольное, полулегальное оставление службы. Эскалация внутридеревенского конфликта 1917–1918 гг. увеличивалась под воздействием прибывавших на родину демобилизованных и дезертиров. Первые, зачастую, несли с собой революционно-большевистские идеи, вторые – анархический, асоциальный заряд. Отмечу, что феномен преломления большевистской идеологии в создании солдат-крестьян имел как разрушительные, так и «созидательные» начала. «Созидательные» – позволили выстроить достаточно устойчивые структуры Советской власти на местах уже в 1920-е гг. Дезертиры, напротив, оказывались вне закона. Сценарий их поведения ограничивался либо сдачей власти (иногда даже строем и под песни, как это было в 1919 г. в Тамбове), либо уходом в бандитскую «оппозицию». Этому способствовали и внутридеревенские настроения. Например, И.А. Бунин в «Окаянных днях» описывал восприятие крестьянами солдат, вернувшихся с фронта. 5 мая 1917 г. на

мельнице мужик говорил: «...Кто их распустил? Кому они тут нужны? Их, сукиных детей, арестовать надо!».

Жизненные альтернативы солдата-крестьянина и на родине, и в армии, определялись целым комплексом факторов. По моему мнению, солдаты становились заложниками политических, революционных преобразований, материалом, из которого власть пыталась выковать новые политические структуры. А экономически поляризованная деревня с настороженностью относилась как к демобилизованным, так и к дезертирам. Каждая социальная страта деревни имела поводы с осторожностью относиться к бывшим солдатам. Сама ситуация общеполитического кризиса формировала механику роста числа дезертиров под воздействием перманентных мобилизаций Советской власти уже в послевоенный период.

Жернова военного времени перемалывали «человеческий ресурс», и деревня выступала основным донором военных, экономических и политических потрясений. При этом по революционным и военным счетам платило крестьянство, а точнее бабы, которые стали преобладающей рабочей силой в деревне. Крестьянство прифронтовых губерний (таких как Курская, Орловская...) платило вдвойне и даже втройне. Первый раз – в рамках мобилизационных и эвакуационных мероприятий. Второй раз – в рамках волны миграций с фронта демобилизованных, дезертировавших солдат. Третий раз – в ходе описанных выше процессов дестабилизации экономической и общественной жизни в прифронтовых губерниях.

В целом, социальная напряженность и аграрный вопрос вызывали антипатриотичные и откровенно антигосударственные настроения в крестьянской среде. Ключевым вопросом на повестке дня стал следующий: «Что в этот момент действительно хочет деревня?». И та политическая сила, которая была способна ответить на данный вопрос, должна была повести за собой деревню. А деревня жаждала, как я уже упоминал, получить в свое распоряжение поземельные ресурсы и как можно быстрее

завершить войну. И большевики, придя к власти, умело сыграли на настроениях крестьянства, приняв декреты «О мире» и «О земле». Фасадный «демократизм» вывесок-названий этих нормативных актов скрывал за собой жесткую пропагандистскую рациональность и стремление национализировать ресурсы деревни. «Основной закон о социализации земли», принятый еще до подписания «Брестского мира», сформировал основные черты аграрного строя, навязанные деревне большевиками.

Мир получился, но уже во второй половине 1918 г. И он оказался без «земли». Это не устраивало крестьянский мир России, поэтому началась новая борьба деревни за свои права, но уже в рамках общенационального противостояния.

В.В. Кулачков. Мне хотелось бы сказать о некоторых социокультурных тенденциях, наблюдавшихся в жизни крестьянства Западного региона России чуть позже, в 1920-е гг. Понятно, что это уже период новой экономической политики, определенной так называемой стабилизации жизни, но, по-моему, корни происходящих процессов находятся и в событиях ПМВ.

Например, анализ половозрастных характеристик деревенского социума позволяет сделать вывод об изменении традиционных ролей сельских женщин. Хотя в 1920-е гг. крестьянский семейный быт характеризовался преобладанием патриархальных нравов, однако шел и процесс постепенной эмансипации крестьянок, одной из более ранних причин которого была стали события ПМВ. Как сегодня уже отмечалось, уход мужчин на фронт заставлял крестьянок выполнять обязанности, ранее им не свойственные. И позже данные тенденции стимулировали мероприятия уже новой, Советской власти.

Кроме того, сохраняли свои достаточно сильные позиции общинные структуры. Ослабление государственной власти, которое особенно усилилось в завершающий период ПМВ, в немалой степени этому способствовало. В свою очередь, изучение правовых аспектов крестьянского быта дает возможность сказать, что для основной массы жителей

деревни в 1920-е гг. сохраняло свою силу обычное право дореволюционного периода. С установлением Советской власти в правовых взглядах сельского населения стали сосуществовать нормы советского законодательства и традиционные нормы обычного права, постепенно эволюционирующие под влиянием взаимного воздействия. Ярким примером служит отношение к лесопорубкам, которые крестьяне, в отличие от госструктур, не считали серьезным правонарушением.

В.С. Жукова В своем выступлении я хочу обратиться к такому источнику как дневники. Дневниковые записи всегда представляют интерес для исследователей. Безусловную редкость составляют дневники крестьян.

Одним из них является дневник тотемского крестьянина А.Н. Замараева, который был обнаружен научной группой под руководством А.А. Амосова. Он был опубликован в серии «Библиотека российского этнографа» в 1995 г. и 1997 г. «Тотьма: краеведческий альманах». Дневник охватывает довольно длительный период (с 1906 по 1922 гг.) и дает возможность проследить крестьянскую жизнь в период наибольших потрясений для России, в том числе и ПМВ.

Автор дневника помещает 18 июля 1914 г. (все записи – по старому стилю) следующую запись: «Утром, в пятницу, как громом ударило всех вестью о мобилизации всего запаса сил, начиная с 1897 года, т.е. 17 лет, всех без исключения, кроме матросов. Предвидится война с коварной Австрией... В разгаре самого сенокоса. Утром увели с пожней всех солдат... С ними ушли жены, и матери».

Далее на протяжении всего текста дневника крестьянин воспроизводит важнейшие события ПМВ, высказывает к ним свое отношение. Так, запись от 15 сентября 1914 г.: «Ну уж и война тяжела. Страшное напряжение... Сколько крови, сколько слез принес проклятый Гогенцоллерн Вильгельм». От 5 октября 1914 г.: «...С Спасской казенки все не отперты, охота бы выпить

чашку вина. Все из-за войны. Очень кровопролитная война...».

Замараев отмечает некоторые особенности в церковной службе. Запись от 25 декабря 1914 г. «Рождество Христово... Был у заутрени и обедни. Нынче молебен после обедни служили не такой, как раньше служили об избавлении России от нашествия французов, а нынче о даровании победы союзным народам над Германией. Праздник провели весело. Ноне все трезвые, вина нет».

Вот подошел к концу первый год ПМВ и Замараев под ним подводит черту. Запись от 31 декабря 1914 г.: «...для всей России тревога, с 1 июля разразилась эта ужасная война, так что почти все мужское население было встревожено, а именно спросили сразу всех запасных солдат с 17 лет. Война, по-видимому, продлится долго, так как союзники твердо решили довести дело до конца, несмотря ни на какие жертвы, и уничтожить совсем германское могущество, которое давило в последние годы всю Европу. Пусть бы мечты союзных держав осуществились в скором времени, и наступающий новый 1915 г. принес всему миру счастье и спокойную жизнь и осушил бы слезы всех разоренных и осиротевших от этой ужасной войны».

Некоторые высказывания Замараева демонстрируют религиозность его сознания. Так, в ниже приведенных записях, помимо того, что крестьянин дает характеристику войне, он еще и говорит о неотвратимости Божьей кары, проводя аналогию происходящих событий с библейскими сюжетами: «...Страшно упорная и кровопролитная война. Такой войны не бывало от сотворения мира. Вот, действительно, чортово поколение, эти немцы. Дай бы бог одолеть союзникам этого вероломного кайзера...» (9 февраля 1915 г.). «На всех фронтах идут бои. Но кажется, конец Германии и Австрии не далек. Сегодня видел во сне, как наказывали Вильгельма: его жгли на горячих углях» (18, 19 мая 1915 г.) «...Получаются письма от солдат, что проклятые немцы душат газом. Это уж адское изобретение, а

кайзер – исчадье ада» (6 июня 1916 г.) «Война, война. Когда тебе будет и конец. Кажется, вся Европа задохнется. Союзники решили твердо победить Германию, а Германия хочет победить союзников. Опять Болгария объявила войну Сербии. Верно, что пошел брат на брата, восстанет царство на царство и народ на народ, как сказано в Евангелии» (3 октября 1916 г.).

Не чуждо крестьянину и чувство сострадания, а также забота о ведении хозяйства. Запись от 14 апреля 1916 г.: «...Сколько слез, сколько горя. Приходят полевые работы, а ратников взяли. Это уже пятый раз берут ратников. Проклятая война...». 9 мая: «Наши войска отступили с Карпат. Усеяны русскими косточками эти Карпаты. Очень трудная война. Это ведь скоро 10 месяцев, а миру не слыхать». 18 июля 1916 г. «Война вот уж два года как идет, а конца ей не видно». 26 сентября: «...Сегодня отправили одну партию ратников. Жалко бедных, у других осталось по 6 человек детей, а они идут все без ропота. Эти серые русские не ведомые борцы за свою родину. Многим из них, наверное, не бывать домой».

Вот какой итог года подводит Замараев в конце 1916 г. (29 декабря): «Ушедший в вечность 1916 год принес всей России мало хорошего и отрадного. Кровопролитнейшая мировая война не кончена. Сотни тысяч людей всех воюющих государств преждевременно кончили разсчеты с землей, а впереди неизвестность и тайна, которая закрыта от нас...».

Несмотря не все тяготы военного времени, крестьянин очень болезненно реагирует на разложение армии. В 1917 г. он помещает следующие записи: «Русская армия оказалась одна из худых. Целыя дивизии отказываются идти в бой. Стыдно союзников и совестно против тех, которыя полегли костьми раньше. По-видимому, это теперешняя армия – одни пустокормы. Она не в состоянии зделать ничего хорошего...» (8 июня). «В армии дело обстоит не совсем хорошо. Солдаты, не сознательныя, темныя, тысячами уходят, бежат с фронта. Между тем

некоторыя из них, в которых есть советь и сознание, гибнут тысячами. Первыя – изменники и предатели родины, а вторыя – истинные защитники, которым честь и слава» (12 июля). «...Армия опозорила сама себя и родину, на солдат становится противно смотреть» (22 августа). «Доблесныя наши войска сдали Ригу (татарская орда)» (20 июля).

Любая война опустошает, сеет горе, нужду, смерть. Она влечет за собой тяжелые последствия. Война нарушает естественное течение жизни, ставит людей в экстремальные условия выживания. Война оставляет неизгладимый след в сознании народа, но, несмотря на это, из данного источника мы можем видеть, что сознание крестьянина остается традиционным.

А.В. Скутнев. Я бы хотел поговорить не только о крестьянах, но и, собственно говоря, обо всем сельском обществе, которое включало в себя, в том числе, и священнослужителей.

Если вообще сравнивать пореформенную эпоху, время конца XIX в. и начало XX в., и тем более в годы войны, то чувствуется, что как бы все то же самое, а, тем не менее, изменения есть – и тем более заметные, что растет их массовость. В целом это можно объяснить секуляризацией сознания. В середине XIX в. священнослужителей тоже охватила секуляризация сознания, так же как это раньше охватило дворян. Это заметно в отношении к революции. Февраль многие священнослужители встречали восторженно. Они были пропитаны духом революции.

Если мы говорим о ПМВ, то бросается сразу в глаза отличие от предыдущих периодов – это отношение к заповеди «не убий». Сегодня уже об этом говорили. Действительно, читая журналы Вятской духовной консистории, понимаешь, что, в принципе, каждый месяц в течение всех этих военных лет идут одни и те же дела, когда священнослужителей заставляют накладывать епитимью на крестьян по поводу их попыток самоубийства. Следовательно, можно предположить, что попыток было

явно меньше неудачных... Скорее всего, было огромное количество удачных попыток. Причем оказывается, самоубийством заканчивали в годы войны и некоторые священнослужители, что, в принципе, является совершенно выдающимся событием для церкви. Многие сходят с ума. Среди священнослужителей тоже такие случаи есть.

Цена человеческой жизни теряется в годы войны. Особенно в 1915–1916 гг. Мы обнаруживаем массу таких случаев, когда два брата, скажем, на фоне действующего «сухого закона», играют в карты в течение 2-х недель, употребляют алкоголь, понятно, что это не качественный алкоголь. На этом фоне, за 15 копеек, один убивает другого. Второго отправляют в арестанты.

То есть вот отношение к священнослужителям, скажем... я не говорю о случаях, когда священнослужители нарушают заповеди, хотя это тоже заметно... Число внебрачных детей увеличилось в годы ПМВ. Сами священнослужители иногда живут вне брака. Мы видим как священнослужитель и его супруга, отвечая на вопрос благочинного, говорят, что у них просто не сложились отношения, и они решили жить отдельно. Это, несомненно, оказывает влияние на паству. Растет число атеистов. Если в XIX в. это единичные случаи, когда консистория рассматривает дела про целые деревни, которые пишут запрос о том, что они хотят отказаться от православия и перейти в язычество, то в годы войны этих случаев становится больше.

По отношению к «сухому закону». В Вятской губернии тоже было в 1914 г., когда только началась война и в городе Котельническом на призывном пункте произошли массовые беспорядки, в которых приняло участие 6 тыс. призывников. Пришлось туда направлять команду. 12 человек пострадали. 4 погибло.

Сами священнослужители поддерживают это, то есть торгуют алкоголем. Был случай, когда 3 крестьянина погибли от некачественного спирта, который продали священнослужители.

Отношение к армии напрямую зависит и от отцов духовных. Заметно, как падение религиозности убыстряется в эти 4 года ПМВ.

Причиной русской смуты является изменение менталитета, изменение традиционного сознания. Я думаю, что немаловажную роль здесь сыграло и падение религиозности.

А.А. Симонов. Согласен, что часть священников, возможно, ушла в сторону от своих обязанностей. Но, как известно на войне, на фронте, в окопах – неверующих нет. Вы-то, наверно, больше про тыл говорите, священничество в тылу таким стало.

А.В. Скутнев. Вы знаете, я просто не стал это рассматривать. Действительно, на войне чувствуется, и об этом свидетельствуют мемуары, что религиозность выше, чем в тылу. Не знаю, как объяснить этот факт, но это действительно так.

Т.И. Трошина. Мы тут с О.А. Суховой переговорили... Мы по своим источникам, по своим регионам видим обратную картину – наоборот, повышение роли церкви. Народ весь в церковь пошел опять. Священники, действительно, воспринимались как такие отцы народа. Авторитет священнослужителей чрезвычайно велик. У вас совершенно иная картина.

А.В. Скутнев. Нет, я с самого начала сказал, что я являюсь историком церкви...

Т.И. Трошина. А причина в чем?

А.В. Скутнев. Нет, я хочу повторить, что я с самого начала сказал: это бросается в глаза по сравнению с пореформенным периодом. Смотря что сравнивать. Понимаете, вот мы берем середину XIX в. и годы ПМВ – отличия колоссальные. Особенно для меня, для человека, который этим занимается. Вот всех компонентах это другой период. Я был поражен этими отличиями... Я ПМВ специально не занимался, но...

Т.И. Трошина. Может быть, я неправильно вопрос сформулировала... Но вы какими источниками

пользовались? Потом, 1917 г. – это совсем другая ситуация. То есть читаешь, например, в церковных летописях, что, сначала, на протяжении почти всей ПМВ, положительные моменты: благотворительность, приходские комитеты, помощь семьям призванных. Есть, конечно, и негативные моменты, но священнослужителям и прочей интеллигенции удается это все исправить. Но где-то в 1917 г. по весне приходят дезертиры (хотя, на мой взгляд, никакие это не дезертиры, а, просто, командиры самых «шумных», активных солдат отправляли в отпуска) и настраивают население уже против церкви. Так может быть, все-таки, хронологически это 1917 г.? Это первый вопрос. Второй вопрос: какие источники? В общем, как-то сложно представить, что священнослужители будут торговать спиртными напитками.

А.В. Скутнев. Какие источники? Журналы духовной консистории. По крайней мере, для тех, кто занимается историей церкви. Какие еще? Журналы и протоколы духовной консистории.

Т.И. Трошина. Может быть, это отдельные случаи? Может, их нельзя распространять на всю массу священнослужителей? И оценивать их уровень религиозности?

А.В. Скутнев. Статистика, конечно, вещь скупая. Но вот, скажем, я беру даже Архангельскую губернию, исследованием которой я занимался в архиве. Одно из мерил фактора религиозности – количество людей, не посещавших храм в течение года. Вот оно из года в год падает, начиная с XIX в. Никаких повышающих нюансов там нет. Это такое бесконечно продолжающееся падение вниз. Годы войны просто обострили все это.

М.И. Ивашко. Представляется, что картина, словесно нарисованная коллегами о степени религиозности российского крестьянства и поведения православного духовенства, окормляющего сельскую паству в годы ПМВ, требует определенного уточнения.

Прежде всего, трудно согласиться с утверждением о том, что на протяжении 4-х лет войны «убыстряется падение религиозности» среди российского крестьянства. Религиозность крестьянства стала меняться задолго до ПМВ. Еще генерал А.И. Деникин, анализируя произошедшее с Россией в 1917 г., писал, что религиозность русского народа, которая установилась за ним веками, несколько пошатнулась к началу XX в. В чем причина подобного изменения? Факторов, которые оказывали влияние много. Среди них: последствия реформ Александра II, завершение промышленного переворота и широкое распространение модернизационных и миграционных процессов, проникновение в деревню под воздействие реформ С.Ю. Витте и П.А. Столыпина капиталистических отношений, разрушение традиционных общинных порядков деревни и т.д. «Народ, по мнению того же Деникина, подпал под власть утробных, материальных интересов, в которых видел единственную цель и смысл жизни...». В этом ряду стоит и ПМВ, которая, безусловно, внесла лепту в секуляризацию крестьянского сознания, разрушая привычный уклад его духовного мира, поведения и отношения к Церкви и духовенству.

Кроме того, когда мы говорим о религиозности российского крестьянства, то нужно обозначать временной отрезок. Если это 1914–1915 гг., это – один уровень религиозности крестьянской массы. Несмотря, на так называемый «ползучий атеизм», в крестьянской среде, так же как и в обществе в целом, царил подъем, воодушевление, патриотический порыв, направленный на поддержку самодержавия, российской армии. Огромная роль и заслуга в создании такой атмосферы принадлежала РПЦ, которая, опираясь на религиозность российского общества, в том числе и крестьянства, сумела добиться единения его в сложный для страны период.

И совсем другой уровень религиозности и настроения в крестьянской среде мы наблюдаем в 1916, 1917, 1918 гг. Это – разочарование и недоверие к власти, к

Церкви как институту, тесно связанному с властью, к самому духовенству, которое в экстремальных для государства условиях не смогло выступить в роли «духовного поводыря» и дать нравственные установки для деморализованного войной и революцией крестьянства. Отсюда снижение активности крестьянства в различного рода благотворительной деятельности в пользу фронта, проявление недовольства в форме выступлений против власти, а в отдельных случаях и против духовенства на местах.

И все же, представляется, что в ПМВ не происходило катастрофического падения уровня религиозности в крестьянской среде. Подавляющее большинство крестьян в условиях войны (а подавляющее большинство тягот легло на их плечи – не будем забывать, что на их долю приходилось 78% в социальной структуре населения Российской империи в 1913 г.) утешение и душевное облегчение находило именно в религиозной вере. Другое дело, что у российского крестьянства всегда присутствовало свое специфическое понимание веры. Об этом достаточно много сказано в отечественной историографии. Представляется, что за годы ПМВ в большей степени не уровень религиозности снижался, а менялось отношение крестьянства к Церкви, которая ассоциировалась с властью. Рухнувшее самодержавие пошатнуло авторитет Церкви и духовенства на местах в глазах крестьянской массы. А отсюда и те негативного характера примеры, о которых говорил уважаемый коллега А.В. Скутнев. Это были отдельные случаи, которые нельзя обобщать и говорить об их доминировании в рассматриваемый период. Заметим, не они определяли суть настроений и поведения крестьянства в ПМВ.

И второй момент, который прозвучал. Это поведение епархиального духовенства в годы войны. Многие из них (заметим, далеко не худшие) ушли на фронт. Протопресвитер армии флота Г.И. Шавельский в своих воспоминаниях назвал цифру более 5 тысяч. Именно столько

священников прошли за годы войны через действующую армию. Если учесть, что в начале войны в собственно военном ведомстве числилось всего 730 священников, то получается, что в ПМВ более 4 тыс. приходских священников познали тяготы фронтовой жизни. Духовенство, оставшееся на местах, по утверждению многих исследователей, занимались самой разной работой, направленной на оказание помощи фронту и семьям солдат в тылу. Это был повседневный труд, труд не напоказ, а во благо своей паствы. Эта страница в отечественной историографии на сегодняшний день мало изучена. Для полноты картины крестьянской жизни в годы ПМВ она требует своего исследования. Конечно, были и другие примеры, который не красят историю РПЦ. Но не они были решающими в тот период. О них нужно говорить, как о пороках – и уроках, которые общество должно извлекать из своей истории.

А.В. Долгова. Я занималась исследованием крестьянства в годы Гражданской войны. Но, специально к этому мероприятию, я съездила на север Пермского края, на свою родину, в город Чердынь. И использовала для подготовки сегодняшнего выступления такие источники как журналы Чердынского уездного земского собрания за 1915 г. и документы государственного архива Пермского края.

Надо сказать, что на севере, не только на севере Пермской губернии, население встретило войну с патриотизмом, с всеобщим желанием помочь стране. Например, Чердынское уездное земство жертвовало 900 руб. в пользу пострадавших от военных действий.

Рядовое население тоже активно принимало участие. Несмотря на материальные трудности, желающих принять участие во благо Родины было достаточно. Помогали всем миром, закладывали последнее имущество, записывались добровольцами, в связи с чем резко обозначилась проблема нехватки врачей и учителей. Это было связано с тем, что многие уходили на фронт. Не буду сейчас зачитывать конкретные цифры, но это имело место.

О семьях призванных заботились губернские, уездные и волостные попечительства. Туда обращались за помощью их родственники. Также документы свидетельствуют о том, что нуждающихся было действительно много. Практически у всех была одна и та же проблема – это нехватка рабочих рук, которая особенно проявлялась в период полевых работ. Чтобы ее решить, крестьянские семьи нередко использовали наемный труд. Наемный труд не был, как известно, продуктивным. Этот опыт, я имею в виду отказа от наемного труда, в Чердынском земстве не был учтен большевиками. Большевики активно привлекали военнопленных.

Программа оказания помощи в годы ПМВ земствами разрабатывалась с особой тщательностью. Необходимо было установить точное количество действительно нуждающихся семей. Недостаточно было факта присутствия члена семьи на фронте. Учитывались состав семьи, количество работоспособных, имущественное положение и другие обстоятельства. Попечительства очень тщательно изучали состав семей. Семьи в Чердынском уезде были очень большие. Когда большая часть мужского населения ушла на фронт, образовалась нехватка рабочих рук. В семьях остались старики, дети, женщины и еще инвалиды. Конкретно по материалам Чердынского земства была высокая инвалидность.

Это было связано еще и с тем, что, несмотря на наличие земских больниц, беременные обращались к бабкам-повитухам. Отсюда был такой уровень инвалидности. То есть и женщины погибали, и дети, соответственно. И это при том, что больницы пустовали.

Еще хочу сказать, что способы и мотивы уклонения от службы среди крестьян в годы Гражданской войны и в годы ПМВ сильно отличались. Это объяснялось обстоятельствами и, вообще, возможностью уклонения, да и отношение крестьян к службе, в принципе, в годы ПМВ было другим. Более того, способы уклонения от службы среди рядовых чинов и офицерских были также в корне

различны. Например, в начале Гражданской войны основным способом уклонения от службы было уклонение с помощью поддельных документов, то в годы ПМВ такой возможности не было. По крайней мере, я не встречала в архивных документах, чтобы был такой способ уклонения. Это было технически сложно.

Основными способами уклонения среди рядовых были бегство с поля боя, членовредительство, нанесение ущерба здоровью и даже поступление на государственную службу. А как крестьяне относились к этому? Крестьяне к таким фактам относились негативно. Они даже доносили всем обществом. Причем не было единой формы обращения. Прочитаю документ, он небольшой совсем. Это 1915 г. На имя Пермского уездного воинского начальника поступило прошение от крестьянина: «Прошу Вас Ваше благородие принять сие мое прошение. Мне пришлось узнать у одного брата, что он остался по болезни сердца, но мне это стало очень подозрительно, так как он совершенно здоров. Их три брата и они живут все дома. А тут последнего хозяина и то взяли на войну и они эти же братья совершенно здоровые. Между этими тремя братьями есть богохульство. Как-то раз я остался с ними и начал у них спрашивать. Они мне рассказали, как они это делают с сердечной болью. Делают они это так: до прибытия на комиссию дня за два пускаются в пьянство, хлеба не едят, а затем в полутрезвом виде являются на медосмотр. Я чувствую по себе, что когда я напьюсь пьяный, то на следующий день голова у меня болит. Биение сердца получается очень сильное». В конце этого донесения он говорит, что каждый должен служить и защищать Родину, Царя и Отечество: «Имею честь доложить Вашему Высокоблагородию взять этих трех братьев (хотя бы одного) и положить его в больницу для испытания». Разные способы уклонения от службы были: клали, например, камфору в уши – это вызывало кровотечение и т.д.

Что касается дезертирства среди офицерских чинов, то офицеры, которые уже были в преклонном возрасте,

рассчитывали на жалование и для этого добровольно отправлялись на фронт. Там они занимали какую-нибудь должность, такую, чтобы много не работать, и когда они уже действительно становились немощными, заболевали и также пускались в пьянство, то они получали то, что они хотели (жалованье) и увольнялись. О какой дисциплине могла идти речь в это время?

Последнее, что я хотела сказать: проведу параллель с Гражданской войной. Бытует мнение в исторической науке, что крестьяне не хотели воевать ни в Красной, ни в Белой армии. Если мы возьмем 1918 г., например, материалы по Пермской губернии, то я нашла массу документов, в которых содержатся списки добровольцев в Красную армию. Это, в основном, была молодежь. Падение Перми в декабре 1918 г. не было вызвано массовым дезертирством.

Т.И. Трошина. Безработица... Конечно, в армию шли. Куда еще? Заработать-то каким еще образом? Они получали хорошее жалование.

А.В. Долгова. Они даже не знали, куда они идут. Просто в такой-то большевистский полк. Прямо чуть ли не целыми деревнями.

Т.И. Трошина. Белые стали больше платить, и они стали в Белую армию идти.

А.В. Долгова. Это уже потом было. Да, здесь я хочу заметить, что вот это отношение крестьян к службе в Красной Армии менялось в ходе гражданской войны.

А.А. Куренышев. Опять я наблюдаю здесь такой женский подход к вопросам службы. У меня вопрос такой.

С.Ю. Разин. А вы хотите услышать мужской подход?

А.А. Куренышев. Ну, еще бы. Кто служил – тот знает многое из того, о чем тут говорится как о больших открытиях. Я имею в виду, что все методы «косьбы» от армии – они известны и до сих пор существуют. Но ведь и другая сторона-то присутствовала здесь. То есть, сама комиссия как-то же могла объективно оценить? Вот этот-то момент у вас как-то отражается?

А.В. Долгова. Могла ли комиссия определить?

А.А. Куренышев. Да, да. Ну, если он напился вчера, то это же видно! У него давление подскочило.

А.В. Долгова. Нет, не знаю. Честно. Не буду ничего придумывать. Не могу сказать.

А.В. Захаров. Я постараюсь ответить на те вопросы, которые были заданы. И, прежде всего, на вопрос, была ли для русского крестьянства ПМВ Отечественной войной, и есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали ПМВ и ВМВ.

Судя по тому материалу, с которым я столкнулся, крестьяне в ПМВ и крестьяне во ВМВ – это абсолютно разные люди. Связано это с тем, что ПМВ началась после некоторых результатов столыпинской аграрной реформы и поэтому крестьяне в этой войне защищали, прежде всего, те земельные наделы, которые они получили в результате этой реформы, и именно их можно в полной мере называть крестьянами. А те крестьяне, которые воевали во ВМВ, были колхозниками, и, как мне кажется, здесь, прежде всего, имели значение та пропаганда и идеология, которая была в советском государстве. И нельзя уже их в полной мере называть крестьянами – они уже не воевали за землю, а воевали за государство и за идеологию.

Что касается «Отечественной» войны, то, естественно, крестьяне видели и в ПМВ какие-то отголоски войны 1812 г. Они шли с воодушевлением, и есть огромное количество доказательств, свидетельств того, что крестьяне, прежде всего в тылу, хотели показать своим трудом отношение к Родине. Здесь уже несколько раз говорилось про труд крестьянок, про труд тех женщин, которые остались в селе. Я хотел бы привести такой пример, когда крестьянки, оставшись без мужей, с большим рвением относились к работе. Даже периодическая печать распространяла такие призывы: «Мы произвели весенние посевы так хорошо, как не производили в прошлом году наши мужья. По указаниям агронома, с помощью земских сеялок, весенние работы прошли легко и хорошо». Может

быть, это носило агитационный характер, но, скорее всего, так и было, потому что поступали сведения с других хозяйств, где помогали всем миром тем семьям, которые остались без мужей.

Вот, здесь, как мне кажется, идет еще одно столкновение между теми крестьянами, которые выделились в отруба и хутора, – об этом тоже уже сегодня говорили – и теми крестьянами, которые остались в общине. Вот на этот момент граница, скорее всего, стерлась. Потому, что начало войны было на духе патриотизма, помогали всем, независимо от того, остался в общине человек или выделился из нее, именно всем миром шли и помогали.

В 1916 г. уже такого не было. Уже натолкнулись на какие-то единоличные интересы, собственнические интересы, и такой бурной помощи не было.

Еще один момент, касающийся ментальности и борьбы настроений – это беженцы. Как известно, в Саратовском Поволжье было очень много беженцев. Вот, что касается ментальности... Беженцы не хотели работать. Прежде всего, здесь была объективная причина – они получали пособия государственные, и это их не торопило к работе. К этим беженцам возникали негативные настроения местного населения. Кроме того, если они работали, то для них были совершенно другие расценки – более высокие, чем для местных наемных работников. Это в очередной раз возбуждало среди сельского населения недовольство беженцами и, опять же, подвигало к конфликту между местным населением и пришлым. Ну и, в конце концов, была, немного, может быть даже и лень этих беженцев, которые не видели земли своей, не видели своего двора и занимали иждивенческие позиции.

А.В. Скутнев. Вопрос по поводу того, что вы сказали, что относились негативно к тем, кто ушел на службу и вернулся в 1916 г. ...

А.В. Захаров. Нет, я не об этом говорил. Я говорил о том, что просто в 1915 г. помогали семьям, которые остались

без мужей, гораздо активнее, чем в 1916 г. Это было связано с подъемом патриотизма.

А.В. Скутнев. Да, вот. Не является ли это, опять же, региональной спецификой? Дело в том, что я таких случаев немного обнаружил, но они все за 1915 г. Причем за начало 1915 г., когда на сельских сходах крестьяне выступают резко против какой бы то ни было помощи солдаткам, отмечая, что, якобы, их мужья на войне в карты играют. Это я один случай привожу.

А.В. Захаров. Нет, я думаю, что помогали. У меня есть цифры. Допустим, есть Царицынский уезд, 1915 г. Вот Отрадненская волость – помогли 160 семьям, Липовская волость – помогли 191 семье, Малыклинская – 60 семьям. Это массовый характер. Есть данные не только по регионам Саратовской губернии, но и российская статистика: Мариупольский уезд, Павлодарский, Бахмутовский... Я не буду сейчас перечислять. Было именно стремление помочь людям. Всем миром шли и помогали.

Ю.П. Литвин *(студент ИГУМОиИТ):* То есть вы хотите сказать, что источником иждивенческих настроений были беженцы? Не семьи солдаток, не помощь государства этим семьям...

А.В. Захаров. Беженцы – это один из элементов иждивения. Они получали деньги – это раз. Еще и оправдание у них было такое своеобразное: многие не работали из-за того, что были заняты поиском разорвавшихся своих семей. Писали письма в различные ведомства... Может быть, делали видимость, а, может, реально искали свою семью. Других особенных иждивенческих настроений не было заметно.

А.В. Посадский. Надо иметь в виду, что проблема желания или нежелания помогать и динамика этих настроений очень привязаны к конкретным обстоятельствам. Вероятно, по регионам окажутся существенные различия. Вот ряд сюжетов по Саратовской губернии. В 1915 г. крестьяне очень упрямо противостоят попыткам начальства добиться приговоров о помощи семьям призванных.

Огульные обещания давать не желают. Назначаются конкретные помогающие конкретным семьям, в основном из родни. Аргумент: если выдать общий приговор, то солдатки сядут на шею и затаскают по судам при уклонении. Или, например, Кузнецкий уезд, медвежий угол. Есть славяне-военнопленные, которых можно бы раздать в помощь. Но в уезде сплошь соха, а австрийские пленные только на плуге работают. Бесполезны. То же и с беженцами зачастую. Некрестьянин, даже при доброй воле, в крестьянском труде не силен. Вообще, по жандармским донесениям, желание заключить мир на любых условиях в нашей губернии начинает фиксироваться, как желание меньшинства, с осени 1915 г., не ранее. Сказывается усталость тыловой губернии и, вероятно, известное уныние после череды поражений. Специфический саратовский сюжет – огромные массивы немцев-колонистов. В русском крестьянстве идея получения их земель фронтовиками с переселением немцев, например, «к себе, в Германию», жила.

Н.В. Липатова. Я тоже постараюсь сосредоточиться на тех вопросах, которые сформулированы в проблематике нашего круглого стола. ПМВ сломала привычнее социальные роли, а революция 1917 г. этот процесс только усугубила. Неопределенность – одно из самых сложных, неприятных, разрушительно действующих на человека состояний. Солдаты тыловых гарнизонов 1917 г. – это как раз одно из проявлений такого состояния. Это были достаточно многочисленные военные силы. Численность тыловых гарнизонов, например в Самаре составляла 60 тыс. чел., в Сызрани – 29 тыс., в Симбирске – 35 тыс.

Поставленные под ружье и находившиеся в тылу, они ощущали себя в шинелях как в «платье с чужого плеча». Безусловно, от своих крестьянских корней они не только не отказывались, но и, как свидетельствуют материалы писем и фрагменты воспоминаний, считали, что это и есть их настоящая жизнь, роль и даже святая миссия: пахать землю и выращивать хлеб. Это надломленная крестьянская идентичность подпитывалась и тем, что фронтовики

тыловиков не принимали за своих, так как они «пороху еще не нюхали». Крестьяне видели в них угрозу, так как в поисках пропитания, которое в тыловые гарнизоны распределялось по остаточному принципу, вместо занятия необходимым делом – посевными работами, солдаты-тыловики «рыскали» по окрестностям в поисках пропитания, грабили мирное население и «прохлаждались» в казармах. В поисках дополнительного заработка они пользовались главным «аргументом» – оружием. Например, в конфликте между рабочими и солдатами запасного 158 полка, когда военные заявили: «Если вы нас не примете на работу, то будете выбиты штыками, а крестьяне хлеба вам не дадут». В некоторых городах, например, в Саратове, они превратились, по сообщениям губернатора, в «главное зло, безответственных хозяев положения. Аресты, самосуды, во всех этих делах они присутствовали». Самостоятельное «улаживание» спорных вопросов выливалось в поджоги и столкновения с местными жителями.

Страх, неуверенность в будущем порождали и массовую истерию, хулиганство, дезертирство уже из тыловых гарнизонов. Солдаты-крестьяне были одной из самых уязвимых социальных групп. Их поведение характеризовалось повышенной степенью конфликтности. Что было наиболее примечательным в Поволжье – среди рабочих и крестьян, наоборот, присутствовало стремление к конформизму. Исследователи тыловых гарнизонов выделяют ряд тенденций, характерных для этих воинских формирований. К ним относились высокая политизация солдатских масс, общее падение дисциплины и пренебрежение воинским уставом из-за введения приказа № 1. Последний должен был, по замыслу его авторов, пресечь такие нарушения как препятствие замене тяжелых наказаний на более легкие, давление на врачей (в Самарском гарнизоне по приказу генерала А.Г. Сандецкого один из солдат, признанный негодным к службе 6 (!) раз, был объявлен генералом годным к службе, хотя врач утверждал, что не стоит пересматривать решение), препятствие

встречам с близкими, формирование «вечного животного страха перед начальством».

Анализируя переписку, постановления поволжских Советов, земств, других учреждений, и непосредственно выступления самих солдат, обращения их к своему руководству, можно выделить 3 главных символа-образа, определяющих крестьянскую идентичность солдат тыловых гарнизонов, которые переживают трансформацию в годы ПМВ. Эти 3 составляющие выявлены с помощью метода фрейм-анализа (рамочного анализа) переписки, публикаций, материалов воспоминаний, чтобы выявить наиболее общие формулировки. В нашем случае более других оказались востребованными такие категории фрейм-анализа, как «видимость», «форматирование» и «важность» (“salience”, “sizing”, “importance”) – именно с их помощью были проанализированы 123 источника.

Сам этот механизм трансформации был только запущен ПМВ – и продолжил свое действии во ВМВ. Что же представляют эти символы-образы (как стержень крестьянской идентичности), и как они проявлялись в ПМВ И ВМВ?

Прежде всего – это *земля как непреложная ценность*. Так было на протяжении всей истории России. Однако 1917 г. вносит коррективу – земля не сама по себе является ценностью, а ценность – то, что она может дать. И факт того, что ней можно и нужно работать. В Саратовской, Самарской, Симбирской и частично Казанской губерниях солдаты в начале сельскохозяйственного сезона захватывали кусочек земли и обрабатывали его, что-то выращивая на грядках, чтобы прокормить себя. Это подтверждает фактор сезонности, о котором здесь говорили, правда, в несколько ином контексте. Это подтверждает то, что мыслили они, в данном случае, именно как крестьяне, а не как солдаты. Безусловно, были и «истинные» солдаты, которых переводили в тыловой гарнизон и они очень удивлялись: «Вы что делаете? Вы зачем работаете вот на этом огороде?

Вы зачем все это сажаете? Надо писать выше, надо писать руководству и тогда все будет в порядке».

Во время ВМВ по воспоминаниям тех, кто был угнан в Германию на работу, а потом оказался в переселенческих лагерях, эта тяга к земле позволяла выжить, сохранить себя. Люди, оказавшись на чужой территории, на территории врага, работали – и работали, в общем, достаточно хорошо. В ряде публикаций это даже было предметом критики и трактовалось чуть ли не как факт предательства. Но для крестьян, оказавшихся на земле, – это был способ просто забыть о том, что ты на чужой территории, «не сойти с ума», «не погибнуть». Ведь земля – она не просто ценность, она должна возделываться; и крестьянский труд – это один из способов утверждения себя как крестьянина, как человека, связанного с землей.

Еще одним символом крестьянства была *общность – как ценность* и иррациональное в своей сути *доверие*. Если человека признали своим, то солдаты тылового гарнизона ему доверяют, но не как солдату, а как крестьянину. В документах дела генерала Сандецкого есть такие объяснения успеха внезапной большевистской агитации в Самарском гарнизоне в 1917 г. (еще до Корниловского мятежа): «Почему вы поддержали и поверили, не выступили против? Он ведь чужой. А почему вы послушали того, кто пришел к вам извне? – Потому что он крестьянин, он не солдат». Речь шла о большевике Гришине, который доказал, что он свой и знает, что такое крестьянский труд. В материалах дела подробно описывается, почему именно солдаты самарского гарнизона признали его крестьянином. Это был своеобразный тест-контроль, собеседование. Летом 1917 г., когда новый человек приходил, прибивался к тыловым гарнизонам, то одним из показателей были загорелые кисти рук (крестьяне в поле закрывали руки до ладоней, а рабочие, наоборот, закатывали рукава).

Третьим символом-образом является *ценность рода и семьи.* Главная задача человека на войне – выжить. Ради чего выжить? Не только ради того, чтобы самому выжить, но

и потому, что если с ним что-то случится, его семья потом будет бедствовать и голодать. Именно поэтому солдаты тыловых гарнизонов грабили окрестных крестьян. Потом писали в рапорте, что «в этой семье есть еда на троих, а живет только двое. А у нас еды нет. Они не хотят это понять, поэтому мы берем хлеб насильно». В то же время, если они не считали, что крестьянам хватает хлеба, то, наоборот, отказывались изымать хлеб по мартовскому (1917) закону о хлебной монополии. Так, в с. Атяшево Ардатовского уезда Симбирской губернии двое солдат агитировали население против хлебной монополии и препятствовали реквизиции хлеба, несмотря на то, что изначально были отправлены объяснять крестьянам необходимость сдачи хлеба на ссыпные пункты по твердым ценам. В с. Малячкино Сызранского уезда население не подчинилось требованию сдать хлеб, и 28 августа солдаты его поддержали, нарушив приказ и, отказываясь изымать хлеб силой. Военный отряд, отправленный в Ишеевку Симбирской губернии для осуществления закона о хлебной монополии пришлось вернуть, так как он с заданием не справился.

С целью прокормить семью тыловики бежали домой, просили отпуска. Чтобы сократить количество дезертиров, местные органы власти принимали решения о предоставлении отпусков. Так, например, Самарский Совет (по сообщению газеты «Известия Самарского Совета» от 22 марта 1917 г.) принял решение о предоставлении солдатам такого отпуска на 21 день. В первый же день уехало 1 400 чел. Всего планировалось перевести 12 тыс. отпускников.

ПМВ и ВМВ изменяют ценность семьи и рода как единицы на ценность конкретных членов семьи. По материалам писем это наиболее ярко видно. Автор одного из них пытался объяснить родным свое видение основной задачи на войне так: «Вот теперь я понимаю, что у меня есть трое внуков, семеро правнуков, и, соответственно, столько-то сыновей, а вот мой отец даже не знал, сколько у него

внуков. Он их по именам не может перечислить... Моя задача защищать конкретных людей, а не в целом семью».

В.Б. Безгин. Если ПМВ и была «Отечественной», то лишь в самом ее начале, когда объявление Германией войны России вызвала в стране подъем патриотических настроений и консолидацию различных слоев общества. Однако к 1916 г. все изменилось. Не стало кадровой российской армии, которую сменили мобилизованные крестьяне. В целях дискредитации царского правительства прогрессистский блок выдвинул надуманный тезис о «государственной измене», который был тотчас подхвачен либеральной прессой. Отречение Николая II с целью «спасения Отечества» выхолостило государственный смысл военных действий. Разрушение армии было довершено приказом № 1 Временного правительства, вызвавшего волны дезертиров.

Российская армия периода ПМВ была по своей сути крестьянской. Ее дух и боеспособность во многом зависели от настроения крестьян, одетых в солдатские шинели. На передовой они мыслями и чаяниями продолжали оставаться в родной деревне. События, происходившие там, волновали их больше, чем планы военного командования и текущие боевые операции. События февраля 1917 г. окончательно деморализовали русскую армию. Но в большей мере на ее состояние повлиял начавшийся в селе «черный передел». В условиях слабости центральной власти и фактического безвластия на местах община взяла инициативу в свои руки, приступив к осуществлению вековой крестьянской утопии – ликвидации помещичьего землевладения. Масса крестьян-дезертиров, хлынувшая в родные села, боясь опоздать к разделу вожделенной земли, придала радикализм этому процессу. Временное правительство не было в состоянии остановить крестьянскую самодеятельность, хотя и пыталось удержать аграрное движение в правовом поле. В результате земельный вопрос был решен в общинной традиции уравнительного распределения, а отрубные и хуторские хозяйства были фактически ликвидированы.

Думаю, что в этот период итог ПМВ для России был уже предрешен. «Власть земли» для крестьянина оказалась ближе и сильнее, чем геополитические интересы страны. Мужик не хотел воевать, и добровольный набор, а потом и мобилизация в Красную армию, лишь подтвердили это. Но острый внутриполитический конфликт и как следствие Гражданская война не оставили крестьянству возможность занять позицию стороннего наблюдателя. Российская деревня по традиции выступила для противоборствующих сторон источником людских ресурсов и хлеба. Продовольственная диктатура для коммунистического режима стала способом удержания власти. На насилие власти село ответило чередой крестьянских восстаний, а участие в них крестьян-фронтовиков придавали им организованный и ожесточенный характер. В отличие от времени ПМВ понятие «Отечество» для участников «зеленого» движения приобрело конкретное значение – это были их родные села и деревни. В этой борьбе крестьянство отстаивало свое право на землю и хлеб, на деревню свободную от власти, как помещиков, так и коммунистов.

А.Б. Асташов. Относительно патриотизма... Там все непросто. Я смотрел письма многие... Конечно, шквал идет всегда в отчетах. Но там есть эмпирика. Я бы это назвал пассивным патриотизмом. Он говорит: «Я пошел защищать Родину, потому что судьба такая». Ведь это штамп. И это, кстати, логично, потому что откуда же, как же он вдруг пропал? Конечно, он был несознательный – это очевидно.

Второй вопрос – относительно того, воспитывала ли армия из крестьянина солдата. Очень тяжелый период был первый... Конечно, все знают аргументы. Это А.А. Брусилов, который сказал, что мобилизационную армию перебили осенью 1915 г. Он просто припечатал: это все. Резко изменился состав. Вопрос о земле так и не был решен. Треть крестьян вообще проходила службу... А призыв-то был всеобщий... О чем речь? Дальше все просто. В армии – 15 млн солдат. Из них остались 9 млн, которые никогда в жизни не служили в армии. У него там панические вещи.

Особенно в феврале он начинает просто панику. Он написал письмо начальнику штаба, в котором он спрашивает: «Что делать? Мы ничего не можем сделать с запасными батальонами? Пошло такое просто хулиганье!».

Там интересные вещи относительно гендерных отношений. Вопрос раскрестьянивания, мне кажется, носит несколько негативный аспект. Он просто стал никем. А мне кажется, что он стал кем-то. Пример приведу. Война – это большая мясорубка. Солдат – он член какой семьи? Малой. Или что? В чем дело? А у него жена. А вот на кого выписывалось именно пособие. На жену. Дело в том, что раньше отходник должен был все отдавать в общий котел. Он идет опять к начальнику штаба и говорит: «Меня грабит кто? Не жена. Меня грабит отец, вот, большой. А жена просит пособие, чтобы ей его отдали». Возникает, фактически, связь малой семьи. А это начало современности.

Следующий момент, относительно отхода... Здесь товарищи пришли из такой глубинки, что я думаю, они больше меня знают об этом. Дело в том, что в отходе есть цикл. Боюсь, что он определяется циклом деторождения. То есть солдат уходит в отход и через год он обязательно придет. Стоп, подождите! Ачто за призыв был осенью 1915 г. и почему осенью 1916 г. начался этот обвал, кризис и прочее? Мне кажется, что это важно. Я понимаю, что это спорный момент. Но вот отход – я даже не ожидал, что здесь соберется такая группа, которая вся за отход – я думал, что я первый, а здесь все уже все знают.

Наконец, последнее. Важно учитывать влияние территориального районирования на формирования военных частей и военные действия, влияние территорий крестьянских на саму же армию. Например, громадное влияние имели сибирские полки. Ну и, конечно, вставали вопросы: «А товарищи из Архангельска? А чем там волжане занимались?..». Это очень интересный вопрос. Я понимаю, что в Сибири там менталитет, «да пошли там куда подальше»... Они, конечно, явно тон задавали...

Н.Ю. Пивоваров. У меня как раз про Сибирь: небольшое выступление, посвященное сибирской кооперации в годы ПМВ. Надо сказать, что она занимала довольно существенный сегмент региональной сибирской экономики. Достаточно упомянуть, что пайщиками кооперативов разных видов являлись около 10 млн чел. Это примерно 85–90% населения Сибири того времени. Вообще, на территории Сибири находилось примерно 15 тыс. различных видов низовых кооперативов, что составляло четверть всех российских кооперативов.

Вместе с тем, кооперация в годы ПМВ претерпела существенную трансформацию. До ПМВ это был типичный институт рынка, благодаря которому либо крестьяне продавали свою продукцию на российский и даже внешний рынки (например, знаменитое сибирское масло), либо брали кредиты, чтобы совершенствовать свое хозяйство. В ПМВ мы видим определенную «примитивизацию» кооперации. Вся кооперация превращается в «потребиловку», когда все сводится лишь к тому, чтобы получить дефицитный товар. У крестьян появляются деньги – как за счет тех же, неоднократно упоминавшихся, продовольственных пайков, так и за счет того, что крестьянки и солдатки, чувствуя кризис, начинают продавать скот, инвентарь – и у них появляются так называемые «бешеные» деньги. Скапливаются целые сундуки этих «бешеных» денег. Некоторые из них расходуются нерационально, что-то отпускается на приданное дочери, а кто-то вообще начинает покупать то, что раньше считалось роскошью в Сибири: белый хлеб, сладости, дорогие ткани – то есть все то, что раньше было недоступно крестьянину.

Некоторые виды кредитных кооперативов перестают выдавать кредиты и ссуды, а занимаются торговлей племенным скотом или распределением товаров. В свою очередь, потребительские кооперативы из деревни активно проникают в города, где они принимают всевозможные виды: потребительские общества студентов, учащихся, детей-сирот, дам – сибирских горожанок. Апофеозом стало

появление, правда уже в годы Гражданской войны, потребительского общества служащих Временного Сибирского правительства. Его можно назвать первым прообразом советских спецраспредителей.

Кроме этого, кооперация начинает вбирать в себя общинные практики. Так, если до ПМВ не было строгого регламентирования по количеству паев – пай давал возможность больше взять товаров – то в ПМВ мы видим, что община приказывает: одна семья – один пай, и не больше. Именно в годы ПМВ начинают зачислять в кооперативы чуть ли не всю деревню. Даже когда руководство того или иного кооператива спрашивали: «Сколько членов состоит у вас в кооперативе?», – то следовал примерно следующий ответ: «Да все село. Вся деревня состоит». И, действительно, часто это было так. Товары уже распределялись не только среди членов кооперативов, но и всех жителей села. Такие вот уравнительные тенденции стали прослеживаться в кооперации.

Еще один важный момент состоит в том, что благодаря кооперации распространяются идеи так называемого кооперативного социализма, который, опять же, активнейшим образом выковывался в годы ПМВ. Он активно вобрал в себя черты коммунистической идеологии. Ведущие идеологи, вожди сибирской кооперации, во многом предвосхищая заветы Ленина, говорили, что только благодаря кооперации возможно достигнуть коммунистического общества.

Завершая выступление, я еще раз хотел бы подчеркнуть, что кооперация – это лишь один из элементов постепенного окрестьянивания экономики. Безусловно, этих элементов было гораздо больше, и процесс этот был шире. Но это был наиболее яркий элемент, ставший в Сибири такой региональной спецификой.

А.В. Гордон. Я так понял, что под понятием «кооперация» соединились самые разные ее виды. Речь идет сначала о заемной кооперации, кредитно-финансовой

кооперации, потом перешли на снабженческо-сбытовую кооперацию. А вот что было с производственной кооперацией?

Н.Ю. Пивоваров. Была маслодельная кооперация. Дело в том, что до ПМВ было довольно строгое распределение обязанностей в кооперации. В Сибири существовало 3 вида кооперации: маслодельная кооперация, кредитная и потребительская. Так вот, в годы ПМВ, фактически, происходит смешение этих функций. И маслодельная кооперация, и кредитная кооперация стали заниматься только лишь доставкой и распределением товаров. Что, впрочем, было объективно в тех условиях.

А.В. Гордон. Если говорить про коммунизм, то его теоретики прежде всего выделяли производственную кооперацию как наивысшую ее форму.

Н.Ю. Пивоваров. Нет. Это именно вожди и идеологи сибирской коллективизации обосновывали, что потребительская кооперация является высшей формой кооперации. Что, безусловно, разнилось с традиционными коммунистическими теориями.

А.В. Гордон. Это похоже на китайскую народную коммуну.

С.Ю. Разин. Коммунизм, Александр Владимирович, – это Советская власть плюс электрификация всей страны. А также учет и контроль.

А.А. Куренышев. Современные общественные науки (социология, история, экономика) ввели в научный оборот довольно сложную классификацию социальных групп населения, основанную на различных объективных и субъективных признаках. Помимо традиционной марксистской стратификации, принимаются во внимание некоторые другие категориальные признаки: пол, возраст, временное социальное состояние, связанное с более-менее длительными общественными процессами. К последним, безусловно, можно отнести и состояние войны, несомненно оказывающим сильное воздействие на все социальные группы. Однако сколь бы ни были изощренны современные

обществоведы в изобретении все новых градаций социальных групп, общество во время войны делилось на две страты: тех, кто находился на фронте, и тех, кто оставался в тылу. Естественно, между этими стратами не было китайской стены, существовали промежуточные, переходные и т.п. группы населения.

Первый тип ментальности крестьянства – ментальность собственника, производителя сельскохозяйственной продукции. «Городам хлеба не дадим – говорили на сходах в разных частях страны крестьяне, потому что не хотим кормить буржуев и зарвавшихся рабочих, не дадим хлеба и армии, потому что так быстрее кончится война».

Крестьянину как воину, участнику стратегических операций, разрабатываемых где-то далеко в штабах, были присущи все те черты локальности мышления, о которых так много писалось в связи с крестьянскими восстаниями и войнами. Крестьянин, одетый в солдатскую шинель, плохо понимал, зачем нужно посягать на чужую и достаточно некачественную землю Галиции, оборонять такую же в Польше, когда своя, черноземная, лежит втуне из-за отсутствии хозяна-работника. Как вспоминал Ф.А. Степун, служивший в Сибирской дивизии, воевавшей в Галиции, ему с большим трудом удалось убедить своих солдат в необходимости продолжения войны. Он сумел доказать им, что если прекратить боевые действия, то придут немцы и отберут не только свободу, полученную в Феврале 1917 г., но и землю и другое имущество. Начатое Временным правительством наступление опровергло доводы Степуна, оно никак не вязалось в сознании крестьянина с оборонительной стратегией, якобы принятой на вооружение новой властью.

Война сформировала еще один тип крестьянской ментальности – выражаясь современным языком, боевика-повстанца. Почти стихийно демобилизовавшаяся в конце 1917 – начале 1918 гг. армия наводнила села России и Украины. На Украине в срочном порядке начала

формироваться национальная армия. В России чуть позднее – Красная Армия. Однако, поскольку по милости самостийной украинской власти страна оказалась оккупированной германо-австро-венгерскими войсками, энергично вывозившими продовольствие, на ее территории не замедлило возникнуть мощное крестьянское повстанческое движение с ярко выраженной национально-освободительной направленностью.

В целом же, в России и на Украине в начале 1918 г. превалировали черно-передельческие настроения крестьянства. По меткому выражению В.М. Чернова, высказанному, правда, много позже, именно они позволили большевикам укрепить свою власть. Часть большевистского руководства, стремилась к немедленному началу революционной войны. Ряд мер (внесение классовой борьбы в деревню путем создания комбедов, мобилизационные мероприятия) резко обострили взаимоотношения власти и крестьянства. Особенно это касалось своеобразной социальной страты казаков – одновременно крестьян и воинов. Наличие казачества, на наш взгляд, и предопределило сравнительно длительную Гражданскую войну. Подлило масла в огонь и стремление коммунистической власти охватить военно-коммунистическими порядками крестьянство. Недовольство крестьян вызывала не только продразверстка, но и мероприятия по внедрению плановой системы организации крестьянского производства путем создания посевкомом и селькомов. В некоторых регионах последствия такой практики были умело использованы политическими противниками большевиков. Антибольшевистские силы почти одновременно, начиная с 1920 г., сделали ставку на крестьянство. П.Н. Врангель пытался привлечь на свою сторону крестьян юго-востока Украины, объявив о проведении реформы, передававшей землю в частную собственность за незначительный выкуп, рассроченный на несколько лет. Крестьянские и армейские восстания вынудили большевиков отказаться от коммунистических

экспериментов и вернуться к смешанной, рыночно-государственной экономике, введя НЭП.

И.А. Анфертьев. Уважаемые коллеги! Мне очень приятно видеть вас на площадке РОИА у нас в гостях. Тем более что это уже во второй раз. Мы 28 февраля этого года уже провели здесь достаточно успешно круглый стол. Пользуясь случаем, скажу: мне очень приятно видеть здесь и наших друзей из Саратова, и моих земляков из Вятки, и Архангельск, и Историко-архивный институт РГГУ и т.д.

Представляется закономерным, что на нашем круглом столе речь идет и об источниковедческом аспекте исследования затронутых проблем. Это очень важно – на источниках прояснить ответ на вопрос, почему ПМВ была проиграна – и это при том, что положение на фронтах накануне Февраля 1917 г. не было катастрофичным. Среди таких источников я бы хотел привести недостаточно известный, хотя уже и изданный – книга профессора Академии Генерального штаба, а затем начальника штаба Румынского фронта генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. Вышла она в 1939 г. в Париже и называется «Военные усилия России в Мировой войне». Я с этой книгой познакомился в 1988 г., потом в 1993 г. удалось опубликовать фрагменты этой книги в «Военно-историческом журнале». В 2003 г. эта книга у нас в стране была издана полностью.

Кто-то из вас, может быть, скажет, что это уже устаревшее исследование и т.д. К тому же, Головин не занимался напрямую исследованием крестьянства в годы ПМВ. Но если посмотреть на его исследование с точки зрения проекции на то, что Россия была крестьянской страной, то начинают проясняться некоторые очень серьезные проблемы в проигранной войне. В частности он пишет, что когда перешли к всеобщей воинской повинности в 1874 г., это было оправдано для России, поскольку в 1861 г. состоялась отмена крепостного права. Тогда были проанализированы результаты проигрыша Франции в войне с Германией 1870–1871 гг. и уже был сделан вывод о том,

что война приобрела массовый, тотальный характер со стороны Германии – в войне с Францией участвовал весь немецкий народ. Именно поэтому Германия и победила. Переход к всеобщей воинской повинности способствовал тому, что предстоящая массовая война, ПМВ, будет носить всенародный характер и именно это обеспечит России победу в войне.

Но при этом Головин пишет, что существовала масса разного рода возможностей уклониться от службы, и этот процент уклонения от службы доходил до 48%. Что такое 48%? Это половина мобилизационного ресурса, которая оказывалась за пределами участия в предстоящей войне. Объяснялось это не «слепотой» российской власти, хотя и эти элементы присутствовали на разных ее уровнях, причина была экономическая. Это почти такая же ситуация, как и сегодня. Кто сегодня хочет из молодежи уклониться от службы в армии, тот найдет возможность откупиться, или заболеть, или довести себя до такого соответствующего состояния и т.д. Так вот, в конце XIX – начале XX вв. многочисленные отсрочки способствовали поддержанию крестьянского хозяйства на более или менее высоком уровне, хозяйство держалось в основном на мужике, женщины считались силой вспомогательной. И в мирное время это с экономической точки зрения было оправдано. Но вот началась ПМВ. Наш главный противник – Германия – у себя тут же отменила все льготы и отсрочки по призыву, мобилизационный ресурс начал незамедлительно пополняться свежими силами, как молодыми, так и среднего возраста мужчинами, что позволяло в перспективе компенсировать фронтовые потери. А Россия, как отмечает Головин, упустила в этом отношении свой шанс, в военное время льготы продолжали существовать на законодательном уровне как и раньше, в мирный период. И причина этого была уже не экономическая, а скорее бытовая, так как существовал на разных властных этажах миф о многолюдии России. Неслучайно после ПМВ был сделан вывод о том, что на ней были истреблены лучшие представители России –

офицеры и генералы гвардии, кадровый офицерский состав, масса рядового состава, в основном крестьян. А в целом такой неполный – назовем его так – мобилизационный ресурс не позволял надеяться на успех в длительной массовой войне на истребление.

Кроме того, те 50% мобилизационного ресурса, основную массу которых составляли крестьяне, служившие в армии, были в запасе до 38 лет. С 21 года до 38 лет. Соответственно, те, кто за 38 лет перешагнул, тот на войну уже не шел. И это опять-таки ослабление массовости мобилизационного ресурса. Более того: кто попал до достижения 38 лет на фронт, то ему было достаточно обидно потому, что до этого срока не хватило год, месяц, день и т.д. И он вынужден был идти на фронт. Так вот, из этого Головин делает другое наблюдение, согласно которому из тех, кто должен был идти на фронт, пользовались отсрочкой («бронью», говоря современным языком) – 16%. Ну, это официальная цифра, которая может доходить и до 20% при более тщательном исследовании. Что такое 20% из числа тех, кто должен был идти на фронт, в окопы? Это 1 из 4. Это тоже цифра, о многом говорящая.

Кто не шел на фронт? Крестьяне, как мы знаем, пусть далеко не все, но шли на фронт. Не шли на фронт те, кто работал на железнодорожном транспорте, на заводах (квалифицированные рабочие) и те, кто мог разными способами уклониться и получить вот эту «бронь». Ясно, что это были люди состоятельные, у кого имелись средства откупиться и пристроиться в тылу. Была и другая категория уклоняющихся от фронта, в основном из грамотного сословия, это те, кто надевал шинель и брал в руки ружье, но находился по роду службы гарантированно в тылу.

В связи с этим проясняется, почему в воспоминаниях командующего Петроградского военного округа в 1917 г. П.А. Половцова упоминается такой, достаточно курьезный случай. Видимо, большевики пустили слух: те, кому исполнилось 40 лет во время войны, имеют право уволиться в запас. И вот масса уклоняющихся с фронта фронтовиков,

хрестоматийно известных «ходоков», пришли в Петроград, расселились в палаточном городке на плацу Семеновского полка (это около Витебского вокзала), встали на довольствие. И начали ходить по различным инстанциям и требовать, чтобы их, по никому неведомому закону, уволили в запас домой. Дошли до А.Ф. Керенского, и он сказал: «Разогнать и не кормить». И что вы думаете – из них уже никто не вернулся в окопы, они пошли зарабатывать извозчиками, на вокзалы носильщиками, искали и находили подруг среди кухарок и продолжали настаивать на своих требованиях. Попутно с этим шел процесс большевизации армии. А волна разложенчества, как известно, накрыла русский фронт в течение 1917 г., и фронтовики не устояли перед этим тыловым предательством. Аналогичная ситуация произошла позднее, в 1918 г. в Германии: революционная волна недовольства войной докатилась до фронтовых частей, но те в основном устояли перед искушением дезертировать и сдать страну политиканам, рвущимся к власти любой ценой, в том числе и ценой поражения собственной страны в истребительной войне.

Называется примерно такая цифра: в 1917 г. 2 млн фронтовиков дезертировали. Из 11 млн фронтовиков, находившихся на фронте, 2 млн дезертировали. Миф о многолюдии России оказался не более чем мифом.

О.Г. Буховец. Несмотря на меркантильные мотивы главных держав, участвовавших в ПМВ, западная историография и государственные деятели называют ее «Великой». А ВМВ, между прочим, так не называют. Почему, спросим?

Произошло это не вследствие реабилитирующей ревизии империалистических устремлений противоборствующих стран, а в результате осознания исторической самоценности ее грандиозных битв и их беспрецедентной кровавой «результативности». И на фоне сражений на Марне и Сомме, при Вердене и под Амьеном – скоротечные и несопоставимые по масштабам боевые действия на Западе в начальный период ВМВ –

представляются уже гораздо более скромными. Не меньшую роль играет и то, что в ПМВ главным театром военных действий был западный, тогда как во ВМВ – восточный.

В СССР терминологическая практика касательно ПМВ пошла по совершенно другому пути. Все 74 года существования Советской власти нормативным в отношении этой войны оставалось лишь ленинское определение ее как «империалистической» (только в годы «Перестройки» начался отход от этой ленинской категоричности в трактовке войны).

Этот идеологически чрезмерно мотивированный и явно упрощенческий термин, по сути, исключал какую бы то ни было селективную работу, результатом которой могли стать, как это имело место на Западе, дифференцированные оценки природы ПМВ. В частности, оценки, с одной стороны, целей, которые преследовали в ней правящие круги Российской империи, а с другой – настроений, устремлений, поведения различных слоев и групп общества, тех или иных регионов.

Ведь если говорить о последних, то, по всей очевидности, одно дело – регионы театра военных действий, другое – губернии прифронтовые и совсем уже третье – внутренние губернии России, отдаленные на многие сотни и тысячи км от фронтов ПМВ. В качестве примера возьмем хотя бы белорусский регион. В контексте тематики нашего «круглого» стола данный регион вообще очень интересен.

Во-первых, тем, что 92,5% белорусов, согласно данным переписи 1897 г., были по сословной принадлежности крестьянами. Следовательно, не будет большим преувеличением сказать, что накануне ПМВ «белорусы» и «крестьяне» – считай синонимы. Во-вторых, испытания, выпавшие на военную пору на долю крестьян (являвшихся одновременно и белорусами) в этом аграрном регионе Российской империи, оказались, если не самыми, то одними из самых драматичных. Уже хотя бы в силу того, что бремя присутствия огромной массы войск обеих противоборствующих сторон было здесь, как нигде больше

на российско-германском и российско-австрийском фронтах, тяжелым и долговременным. Патриотический подъем в стране, наблюдавшийся в связи с вступлением в ПМВ, захватил и белорусскую деревню. Явка мобилизованных крестьян на призывные участки была очень высокой и соответствовала общероссийским показателям. Вместе с тем, с самого начала стало заметно, что патриотические настроения селян были не столь публично выраженными и эйфоричными, как в городах или, в меньшей мере, в местечках. В деревнях такие настроения выражались определенно в более сдержанных формах.

Объяснение последнему следует искать в архетипически крестьянской осторожности, осмотрительности. Элементарный здравый смысл, передававшийся из поколения в поколение, подсказывал крестьянам, что именно им и предстоит нести все основные тяготы войны. Это значит – рисковать своими жизнями на фронте, возводить укрепления, строить и ремонтировать дороги и мосты, охранять линии связи. В частности, как сообщал гродненский губернатор, «летом 1915 г. на разных военных работах было занято все работоспособное население губернии» А в Минской и Витебской губерниях летом 1916 г. к военно-инженерным работам, строительству железных дорог и уходу за казенным скотом в принудительном порядке, привлекалось соответственно почти 220 и 123 тыс. чел., в большинстве – крестьяне.

Им также предстояло смириться с периодическими реквизициями крестьянского скота, фуража и продовольствия для нужд армии. От таковых не были освобождены даже солдатские семьи. По далеко не полным данным, в феврале–апреле 1915 г. в Витебской, Минской, и Гродненской губерниях реквизировано было для нужд фронта почти 48 тыс. голов крупного рогатого скота, а летом 1916 г. в Могилевской губернии – около 15,5 тыс.

Кроме того, в сложных условиях театра военных действий им нужно было, конечно, и вести как-то хозяйство. Притом, что множество крестьянских дворов из-за

мобилизации остались без трудоспособной рабочей силы. В 1917 г., к примеру, доля таких хозяйств в Витебской губернии составляла почти треть (32,5%), а в Минской губернии – 30,1%.

Суммарным результатом действия этих негативных факторов стала нарастающая деградация крестьянского хозяйства Беларуси в ПМВ. Она выражалась в увеличении количества безземельных, беспосевных, безлошадных и бескоровных дворов. В результате значительно уменьшились валовые сборы продовольственных и кормовых культур. По 23 неоккупированным уездам Беларуси общие валовые сборы зерна за 1913–1917 гг. сократились на 31,7%, то есть почти на треть.

В условиях военного положения, введенного в прифронтовых губерниях, выражать свой протест в активных формах крестьянам было, конечно, затруднительно. Напомним, что в соответствии с указом Николая II от 20 июля 1914 г., территория Белоруссии оказалась в составе Двинского и Минского военных округов и все местные гражданские власти обязаны были подчиняться военному командованию. А 29 июля начальники указанных военных округов получили директиву Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, согласно которой им надлежало «оказывать военной силой самое энергичное содействие гражданским властям, чтобы полным единением на местах военного и гражданского начальства искоренить... всякую попытку к смуте».

Но крестьянское движение в белорусской деревне давало о себе знать и в годы ПМВ. Даже по неполной статистике, из которой, начиная с осени 1915 г., выпадают данные по оккупированным немцами Виленской и Гродненской губерниям, с конца июля 1914 г. по февраль 1917 г. произошло 202 крестьянских выступления. Самыми распространенными формами (по убывающей) были потравы земельных угодий, порубки леса, отказ от выполнения военных работ и повинностей, выступления

против дороговизны, захваты помещичьей собственности и разгром имений, сопротивление полиции и властям. Реже отмечались выступления против хуторизации, отказ от уплаты податей, убийства помещиков и их служащих.

Коль крестьянское движение оставалось статистически значимым даже когда Отечество было в опасности, то не должны ли мы сделать вывод о том, что крестьянство не выдержало «тест на патриотичность»? Чтобы дать на этот вопрос более или менее взвешенный ответ, обратимся к наиболее известному явлению из анализируемого ряда – погромной волне, поднявшейся в период с 19 по 25 июля 1914 г. Она распространилась на 20 из 35 белорусских уездов и жертвами ее стали около 60 помещичьих имений и хозяйств зажиточных крестьян.

Как известно, весть о начале войны пришла в самое неподходящее для крестьян время, когда уже шла уборочная. В этой ситуации крестьян особенно тревожило, во-первых, то, что мобилизация отрывала от хозяйств наиболее работоспособных мужчин. Во-вторых – одновременно с этим крестьянские хозяйства обязаны были предоставить для нужд армии лошадей, повозки, упряжь. Вместе с тем, большинство крестьян проявило отзывчивость к патриотической пропаганде, о чем свидетельствует очень высокий процент явки на призывные пункты. По Витебской губернии, к примеру – 95%. Однако, с другой стороны, крестьянский патриотизм определенно не был, так сказать, безусловным. Проявив отзывчивость к патриотической пропаганде, крестьяне ожидали соответствующего уважения к себе со стороны властей и имущей части населения, готовности оказать необходимую помощь их семьям, которые они вынуждены были покидать в самое неподходящее для их хозяйства время ради выполнения патриотического долга. Поэтому проявления чиновничьей черствости и безразличия, плохая организация питания, неустроенность быта, с которыми пришлось вскоре столкнуться на призывных пунктах, повышали их готовность к различным выражениям активного протеста.

Кроме того, беспорядки, зачинщиками которых, почти во всех случаях стали именно крестьяне, происходили, как правило, в тех местностях, где существовали давние конфликты между ними и помещиками. А Белоруссия, как известно, продолжала оставаться в Российской империи одним из основных бастионов крупного помещичьего землевладения.

Так что крестьяне-погромщики в очередной раз выразили в насильственной форме несогласие с этим. В этой связи очень кстати напомнить, что на протяжении всей ПМВ среди крестьян упорно циркулировали слухи о том, что после ее окончания вся помещичья земля будет передана им.

Нельзя также не отметить, что «горючим материалом» для возбуждения народного недовольства в начале мобилизации явились и неуклюжие действия чиновников по проведению в жизнь «сухого закона». Запрет на продажу спиртного воспринимался как мера необоснованная. Это лишь раззадорило призывников и привело к погромам винных лавок. В результате, нетрезвые погромщики потом уже нападали и на прочие торговые заведения, грабили, оказывали сопротивление полиции и войсковым патрулям. Разгромленными тогда оказались десятки винных и продовольственных магазинов и складов.

«Погромную неделю» июля 1914 г., которая затронула в той или иной мере почти 3/5 белорусских уездов, следует, на наш взгляд, объяснить одновременным действием, 4-х, как минимум, факторов.

Во-первых, совпадением начала мобилизации с решающей стадией жизнедеятельности крестьянского хозяйства – уборочной.

Во-вторых, возникшими сразу же после объявления мобилизации массовыми сомнениями в том, что власти и имущий класс окажут необходимую поддержку хозяйствам мобилизованных (которые составляли 45–50% всех взрослых работоспособных мужчин).

В-третьих, в связи с началом войны – актуализацией для крестьян их застарелых споров с помещиками по поводу земли и угодий.

В-четвертых – неуклюжими и недальновидными действиями властей, в ходе мобилизации пытавшихся провести в жизнь «сухой закон».

Напомним, что в результате летних 1915 г. неудач российских войск, они вынуждены были оставить Польшу и в течение августа – сентября 1915 г. российско-германский фронт переместился вглубь территории Белоруссии. Это отступление российских войск вызвало большой поток беженцев из Польши, Прибалтики, западно-белорусских уездов, направлявшихся в центральные и восточные районы Белоруссии и во внутренние губернии империи. Значительная их часть – от 250 до 340 тыс. чел. – осело в Минской, Витебской и Могилевской губерниях. В целом в годы ПМВ одних только беженцев – уроженцев Белоруссии – было зарегистрировано от 1 130 – до 1 320 тыс. В действительности же беженское движение в Беларусь и из Беларуси было еще более массовым. Некоторые примеры, отображающие его масштабы – не могут не шокировать. Так, в июле 1915 г. вдоль шоссе Брест–Литовск–Москва, на одном лишь участке между Кобрином и Барановичами, сконцентрировалось до 400 тыс. (!) беженцев. Более 300 тыс. беженцев из Виленской и Гродненской губерний, направлявшихся в другие регионы страны, сосредоточилось месяцем позже в Гомельском уезде. А в сентябре того же 1915 г. на участке железной дороги между станциями Василевичи и Речица образовался гигантский затор из 58 поездов, в каждом из которых находилось по тысяче беженцев!

Многие из этих беженцев, выбившихся из сил от жажды, холода, непогоды – попадали по пути следования под немецкие артобстрелы и даже под авиабомбардировки (!). А вот еще более печальная страница летописи народных страданий и горя в Беларуси времен ПМВ: в каждом из поездов с беженцами, которые прибывали в Гомель

в сентябре 1915 г., обнаруживали десятки (!) трупов, которые в «путешествовали» в вагонах по несколько дней.

Думается, что в связи со 100-летием начала ПМВ все эти эпические картины исхода 1915 г. не только могли бы, но и просто должны вдохновить документальный и художественный кинематограф на создание произведений, отображающих драматические и трагические события на Восточном фронте этой войны.

После ряда контрударов российских войск, в октябре 1915 г. фронт стабилизировался по линии Двинск–Поставы–Сморгонь–Барановичи–Пинск. Практически неизменным, несмотря на кровопролитные сражения весной–летом 1916 г. и летом 1917 г., он оставался почти 2,5 года. По обе его стороны, вдоль вышеуказанной линии было сосредоточено, ни мало, ни много, 2,5 млн солдат и офицеров – 1,5 млн российских и около 1 млн немецких! Не нужно обладать богатым воображением, дабы представить себе, какое давление этот «военно-антропогенный фактор» долговременного действия оказывал на среду обитания и все стороны жизни не такой уж и широкой белорусской прифронтовой полосы!

Итак, несмотря на все то новое, что появилось за последние 20 лет в освещении ПМВ на Востоке, российско-германский ее фронт по-прежнему остается, если использовать меткое определение А.Т. Твардовским советско-финской войны, «незнаменитым». Накануне 100-летия начала ПМВ инерция идеологически мотивированного, редукционистского ленинского определения ее как «империалистической» дает о себе знать по-прежнему. Но, как это выше уже отмечалось, на Западе, бесспорно империалистические цели и устремления правительств в ПМВ не помешали в итоге назвать ее «Великой». Это оказалось возможным благодаря тому, что на первый план вышли неимоверные жертвы, страдания и горе народов.

А на российско-германском фронте, особенно в Беларуси, все это, как свидетельствуют приведенные выше

данные, имело место в огромном количестве. В яркой и мрачной художественной форме сказано об этом в авторском отступлении «Тихого Дона»: «А над намокшей в крови Беларусью скорбно слезились звезды»...

Общий вывод, вытекающий из вышесказанного: ПМВ – неделимо Великая война и для Запада, и для Востока.

А.В. Гордон. Кстати, к вопросу о том, почему на Западе ПМВ называют Великой, одно мое наблюдение. Деревня на Марне (где в 1914 г. и в 1917–1918 гг. решалась судьба Франции). Более 1 000 дворов, ныне большей частью заброшенных. А на околице каменная стела с выбитыми фамилиями крестьян деревни с надписью «Погиб за Францию»: 1914–1918 – больше 300 фамилий, 1939–1945 – меньше 30...

Д.И. Люкшин. Парадокс маленького человека на Великой войне – вот, собственно говоря, вопрос сегодняшней дискуссии.

Ответ на него прост: с войны не возвращаются. Даже если удается вернуть живое тело, душа остается там, где смерть ходила рядом. Извечная притягательность Танатоса, описанная З. Фрейдом, художественно раскрытая Э. Ремарком и повторенная Ю. Бондаревым. Спору нет, для ветеранов дело обстоит именно так. Правда размеры войны значения не имеют, поэтому априори можно предположить, что если клинически фиксируются афганские, вьетнамские, чеченские и т.п. синдромы, то избежать синдромов Великой ПМВ или ВМВ точно уж нельзя. Но не все солдаты попадают на фронт... И поговорка «Кому война – кому мать родна» не про героев сложена.

В этом смысле милитаризация российского социума в ПМВ не имела аналогов: 15 млн призывников – это уровень Великой отечественной, которая началась с 2-х-кратного уничтожения Красной армии. В 1914–1917 гг. стране было не нужно столько оторванных от дела мужиков. Избыток резервистов уничтожил русскую армию вернее немецких пулеметов. Сталинское руководство такой ошибки не совершило, всеми силами препятствуя милитаризации

тыла и удерживая численность действующей армии в разумных пределах, что позволяло более или менее эффективно контролировать деятельность вооруженных сил. В этом одно из ключевых отличий двух войн, однако в актуальной традиции векового юбилея «забытой» в общем-то в нашей стране ПМВ трендом оказывается применение лекал и шаблонов ВМВ: подвиги, жертвы, генералы, ордена... За этой фактурой теряется смысл войны, ее квинтэссенция как гуманитарной катастрофы, поскольку в ПМВ России не было нужды защищать границы, эта война не была Отечественной и так ею и не стала.

Когда война становится Мировой, число индивидуальных трагедий возрастает, оказывая давление на всю общественную структуру, последствия которого иной раз оказываются непредсказуемыми. Именно в этом смысле на Западе принято именовать ПМВ Великой, она изменила Европу, поставив под сомнение сразу все ценности просвещенного общества, составлявшие основу англоцентричного мира. В отечественной истории этот устоявшийся историографический термин не особо приживается, хотя и используется временами в качестве синонима и для украшения текста. Не приживается потому, что сама война фатальных последствий для общества не имела. Чрезмерный призыв, волны беженцев и пленных, обрушившиеся на деревню, существенно изменили аграрный пейзаж России и мировоззрение крестьянства, однако в районах, непосредственно не попавших в зону боевых действий, симбиоз имперских и общинных структур в целом не был нарушен (хотя и подвергся серьезной деформации). Масштабное строительство, развитие промышленности и транспортной сети, мутация тендерного баланса нигде не достигли критических значений. В этом смысле российская деревня продемонстрировала свою гибкость, а система моральной экономики – жизнеспособность.

Решительные изменения начались после отстранения Государя, когда квазилиберальная риторика новых лидеров способствовала формированию демобилизационных

настроений и утверждению пацифизма. Размахивая «картонным мечом», Временное правительство само запустило механизм общинной революции, которая и стала действительной причиной краха русской армии и банкротства государственности. Запоздалые попытки государственных и общественных структур восстановить контроль над торжествующей деревней вызывали лишь раздражение и саботаж. Совпав по времени, массовое дезертирство, отлынивание отпускников и кризис администрации обернулись черным переделом, руководство которым приняли на себя вернувшиеся домой «хозяева». Эта смена трендов, произошедшая между началом и осенью 1917 г. и получившая в историографии название «общинной революции», и опознается коллегами (в частности, О.А. Суховой и Т.И. Трошиной) в качестве «сначала резкого разрыва внутренних социальных контактов, а потом «вновь» восстановления их «в очень жесткой структуре». Трошина видит здесь архаизацию, хотя обычно говорят об общинной революции, которая не вписывается в маятник «традиция – инновация», сформулированный сторонниками цивилизационного подхода, поскольку представляет собой взыскуемый А.В. Гордоном «переход на какую-то другую стадию, в какую-то другую жизненную сферу».

Поэтому, говоря о российском мужике как о нашем «маленьком человеке» едва ли стоит переоценивать ужасы ПМВ для окопавшихся на тыловых складах и в запасных полках селян: как показала практика, к 1917 г. они вовсе не устали от войны, а только размялись, изготовляясь к серьезным схваткам за землю и долю. Гуманитарная проблема войны – вопрос о том, как человек приспосабливается, выживает, какую цену платит за это. Это индивидуальная стратегия. Она оказывается в некотором соотношении со стратегией государства. Во время войны согласовать интересы сторон намного сложнее – включившее мобилизационный ресурс государство уже назвало себя Родиной и требует именно что жертв, в то время как индивидуальная мотивация отвергает жертвенный

сценарий, тушуя его ура-патриотизмом или избыточным оптимизмом.

В России же обычная в таких случаях фрустрация индивидуальных сценариев был подменена демобилизацией государства, вне сферы действия которого социум немедленно принял привычный для себя крестьянский вид.

А.В. Костров. Очень важным моментом является озвученная в нескольких выступлениях неоднородность российского крестьянства. Она была вызвана региональной спецификой.

Например, если крестьянство Беларуси в своем полном составе испытывало все тяготы фронтового и прифронтового положения, то крестьянство тыловых губерний испытывало их только призванной частью мужского населения. Соответственно, для белорусских крестьян военный шок, серьезно деформирующий сознание всех половозрастных групп, пришел с ПМВ. А на крестьян, оказавшихся в глубоком тылу, далекая война оказывала меньшее влияние, и в основном через отсутствие или возвращение призванных. Гораздо большее влияние на изменение мировоззрения и жизни крестьян не фронтовых губерний окажет Интервенция и Гражданская война, линия фронта которой в той или иной мере распространится на всю страну. Подобный локальный охват национальной территории военными действиями ПМВ привел еще и к тому, что воевала армия как государственная структура, а не общество. Это стало одной из причин того, что эта война не стала Отечественной.

Также в разных регионах играло определенную роль этническое измерение сельского общества. Например, сибирские инородцы до 1916 г. не служили в армии. Когда же начался призыв, то в их среде стали расти антиправительственные настроения.

Другим немаловажным аспектом являлось конфессиональное измерение крестьянства. Представительной частью крестьянства многих регионов были старообрядцы. Для этой группы были характерны и

традиционный патриотизм, и разноуровневая оппозиционность имперской администрации. Кроме того, у части старообрядцев ПМВ обострила эсхатологические ожидания, которые, согласно их доктрине, позволяли отменить вынужденные обязательства крестьянского мира перед государством. В той же Сибири в 1917 г. отмечался массовый переход единоверцев в старообрядчество. Про эти факторы тоже нельзя забывать.

В окопах ПМВ происходила болезненная мировоззренческая революция мужской части крестьянства. Картина мира, покоящаяся на аграрном традиционализме и на традиционализме, культивируемом государственной церковью, деформировалась под долговременным натиском беспрецедентных до того реалий Мировой войны. Это было массовое силовое включение этноориентированных крестьян в Универсум.

Шок от военного столкновения с индустриальным миром привел и к отрицанию своего государства (которое теперь уже казалось устаревшим), и к отрицанию основ того мира, с которым происходило столкновение. Отсюда и поиск альтернативы, которой стали социалистические программы модернизации. За них и проголосовала подавляющая часть электората на выборах в Учредительное собрание.

И.А. Кузнецов. Хотел бы затронуть экономический аспект темы. Перед ПМВ Россия в целом, и деревня в частности, эволюционировали в сторону рынка и права. Это была естественная эволюция, повторявшая, в сущности, путь, по которому шли и западные страны. Община теряла власть над личностью и хозяйством крестьянина. Медленно, но в деревенскую среду проникали цивилизованные правовые отношения, нормы писаного закона, право собственности, в том числе на землю. Хозяйства под воздействием рынка дифференцировались. Выделялся слой тех, кто входил в рынок и интенсифицировался, осваивал новые агротехнологии, новые отрасли сельского хозяйства, переработку и т.д. Те, кто этого не делал, либо оставались в сфере сельхозпроизводства, сохраняя натурально-

потребительский строй хозяйства с традиционной технологией, либо превращались в наемных сельхозрабочих, либо выбывали из аграрной сферы, выходя на рынок с другой стороны, в качестве потребителей сельхозпродукции. Эти процессы шли постепенно, молекулярно, во многом не осознавались самими крестьянами. Дифференциация имела ярко выраженный региональный аспект.

Рыночная трансформация шла более активно и успешно в регионах экспортно-ориентированного зернового хозяйства (юг, юго-восток), и регионах интенсивного многоотраслевого хозяйства (Прибалтика, юго-западные, столичные губернии). Наряду с традиционными фигурами деревни – крестьянами и помещиками – появлялся новый слой – разного рода предприниматели в сфере сельхозпроизводства (фермеры).

Были и большие проблемные регионы, прежде всего губернии Центрального Черноземья, страдавшие от аграрного перенаселения. Экономическая подоплека этой проблемы видится в том, что крестьянское зерновое производство утрачивало конкурентоспособность по мере развития предпринимательского зернового производства на «югах». Вопрос нуждается в изучении, но, по-видимому, распашка степных черноземов, прогресс техники, распространение машин и новых орудий с рубежа XIX–XX вв. создавали такой рост производительности труда и такое снижение себестоимости зерна, что зерно крестьян более северных регионов становилось объективно слишком дорогим, а их хозяйство нерентабельным. В принципе, такие хозяйства должны были либо диверсифицироваться, переключаясь с зерна на другие продукты, либо банкротиться и уходить. Во втором случае на их земле появилось бы крупное хозяйство, которое имело возможность привлечь капитал и развить конкурентоспособное производство. Оба варианта перестройки фактически и шли, но медленно. Крестьянское хозяйство еще держалось, и в основном держалось зерном, не только в силу «невежества» или «традиций», но потому

что а) не было достаточного спроса на иные продукты, и б) город не поглощал избыток населения. Вынужденное сохранение натурального зернового хозяйства в условиях прогрессирующего рынка продуцировало аграрное перенаселение. Опыт западных стран показывает, что аграрное перенаселение лечится в ходе эволюционного развития, но при неблагоприятных исторических обстоятельствах может сдетонировать социальный взрыв.

ПМВ сломала траекторию экономической эволюции России. Был подорван рынок, началась натурализация экономики. Внешний рынок, служивший драйвером роста (экспорт зерна, импорт техники и удобрений), практически исчез. Рыночный, протофермерский сектор сдулся вместе с рынком. На авансцену вышло традиционное крестьянство. Актуализировались народнические, кооперативные идеи, идеи централизованного распределения продуктов, что неслучайно. Связь между натурализацией и социализацией в разное время отмечали многие теоретики социализма. Неудивительно, что в итоге российской революции у власти утвердилась радикальная социалистическая партия.

Социализм на практике (коллективизация) обернулся катастрофой для крестьянства. Но если коллективизация не вытекала из закономерностей аграрной эволюции и не отвечала интересам большинства крестьян, мечтавших об индивидуальном хозяйстве, как она оказалась возможна в крестьянской стране? Думается, государственное принуждение оказалось эффективным потому, что политическая и правовая культура крестьян не создавала ему препятствий. В крестьянской среде не успели укорениться «буржуазные» понятия права, собственности и отсутствовали институты защиты права – эти естественные сдержки произвола властей. Кроме того, антирыночная большевистская политика нашла поддержку в том слое экономически бесперспективных крестьянских хозяйств, о котором шла речь выше. Рассматривать же социалистический проект как реализацию неких народных чаяний, полагаю, нет оснований.

А.В. Михайлюк. Существует мнение, что в ПМВ положение крестьян ухудшилось. С началом войны и прекращением вывоза произошло резкое падение цен на хлеб, остро появилась проблема сбыта продовольственных крестьянских продуктов, усилилась их конкуренция на внутреннем рынке с помещичьими. Из-за отсутствия мужской рабочей силы производственная жизнь замедлялась, размеры хозяйства сокращались, количество скота уменьшалось. В то же время, при сокращении прибыли крестьянского бюджета росли его расходы. Увеличивались госналоги, значительно выросли земские и городские сборы, натуральные повинности и т.п.

Но вопрос о том, насколько тяжелее стала жизнь в селе, остается неясным.

Высказывалось, например, мнение, что ПМВ вообще мало нарушила течение крестьянской жизни, что, привыкнув к трезвому образу жизни, воспользовавшись временно высокими ценами на хлеб, используя систему помощи семьям, лишившихся рабочих рук, расширив систему «помочей» и избавившись от беспокойного элемента, деревня увеличила денежные накопления (с этим частично связана и инфляция), расширила посевы и увеличила количество скота. Крестьяне получили помощи семьям военнослужащих в первый год ПМВ – 340 млн руб., во второй – 585. Реализация урожая в 1914 г. была осуществлена с большой выгодой для производителей, цены на хлеб значительно выросли. Денежные расходы крестьян во время ПМВ уменьшились на 40%, а денежный доход увеличился в среднем на 45%. ПМВ стала своеобразным способом решения вопроса аграрного перенаселения. Невзирая на отход в армию значительного количества мужчин, потребления крестьян не только не уменьшилось, а даже возросло. Повышенный спрос крестьяне проявляли на сахар, конфеты, муку высшего сорта, ткань и т.п. В общественном мнении возник тезис о непомерном обогащении крестьян, в результате чего якобы происходит перераспределение национальной прибыли в их пользу.

Мнение об обогащении села в ПМВ распространялось в среде городских потребителей и отражало неудовлетворение ростом цен на продукты питания. Существование такого общественного мнения во многом определяло как отношение городских жителей к крестьянам, так и политику различных политических сил и властей, сменявших друг друга в ходе войны и революции, относительно крестьянства.

Прекращение продажи алкоголя, отход на войну части населении положительно отразились на жизни деревни: выросли сбережения, снизилась преступность, уменьшилось количество грабежей, хулиганства, драк, пожаров и т.п. На селе не только снизилась преступность, но и уменьшилось количество социальных конфликтов. Главы семейств стали активно участвовать в сельских сходах и больше не позволяли кулакам манипулировать ими с помощью алкоголя. В церковных изданиях отмечаются изменения в приходской жизни: отрезвев, народ стал более набожным.

Другие авторы считают, что говорить о каком-то обогащении крестьянства не приходится, разговоры о благополучии села в ПМВ, в лучшем случае, – результат поверхностного знакомства с действительным положением и непонимания процессов расслоения села, усилившихся в результате ПМВ. Рост крестьянского потребления свидетельствовал скорее не о росте крестьянского хозяйства, а о его застое. В действительности крестьянство совершенно обносилось, отказалось от строительств, не делало ремонта, не покупало телеги и сани, бороны и плуги, вилы, грабли, гвозди и подковы. Подорожание продуктов отразилось на сельской бедноте, которая всегда прикупала хлеб. Многие продавали скот, потому что без работников, призванных на фронт, не управлялись с хозяйством. В селе завелись деньги не потому, что оно богатело, а потому, что оно разорялось.

Война усилила социальную дифференциацию среди крестьянства. Отдельные категории крестьян воспользовались продовольственными трудностями. Это

касается, прежде всего, зажиточного слоя. Расширяли посевы, увеличивали аренду, скупали землю зажиточные крестьянские хозяйства. Отрубник «сильно раздулся, подняв свое кулацкое хозяйство». Бедные хозяйства, напротив, отказывались от аренды, из-за недостатка рабочих рук и инвентаря не могли обрабатывать даже собственные надельные и купленные земли, которые сдавали в аренду односельчанам. Солдатки с детьми часто вынуждены были жить на паек и запускали собственное хозяйство, распродавали живой и мертвый инвентарь. Были случаи, когда они испытывали притеснения от односельчан и даже родственников. Увеличились количество беспосевных хозяйств, возросла эмиграция из села.

Крестьянам было выгодно придерживать хлеб через его постоянное подорожание. Они продавали свой хлеб «лишь в меру своих безотлагательных потребностей». Уже осенью 1914 г. чувствовался недостаточный подвоз хлебов на рынки. При слабом развитии потребностей, крестьянин в большей степени удовлетворяется продуктами своего натурального хозяйства, его трудно вызывать на обмен своих запасов дорожающего зерна на ненужные ему в настоящий момент деньги. Эта проблема была связана с недоразвитостью экономических отношений. Реальный спрос несколько повысился, а предложение упало, и это соотношение спроса и предложения, а также внутреннее обесценение денег и привели к росту цен на хлеб, которое, начавшись на потребительском рынке, быстро передалось и на рынок производственный. В то время как город чувствовал растущую недостачу хлеба, в селе накапливались хлебные избытки. Столкнувшись с недостатком продовольствия, царское правительство вынуждено было ввести твердые цены, внедрить хлебную монополию и продразверстку. Но одно лишь объявление продразверстки вызывало у крестьян обратную реакцию: они усиленно распродавали хлеб за повышенные цены.

Помещичье землевладение на протяжении всего пореформенного периода постоянно сокращалось, особенно

во время ПМВ. Исследователями делается предположение, что большая часть земельного фонда в Российской империи оказалась в руках крестьян задолго до свержения самодержавия. Рыночные условия способствовали интенсивному развитию сельского хозяйства, то есть возделыванию большей площади при минимальной затрате живого труда на единицу выработанного продукта. Вследствие этого огромное количество рабочих рук, поставляемых сельским населением, оставались невостребованным. С другой стороны, аграрное перенаселение было необходимым условием существования крупных сельскохозяйственных предприятий капиталистического типа. Их рентабельность в значительной мере базировалась на дешевизне рабочей силы. Когда же в условиях ПМВ избыток рабочей силы сократился, помещичьи хозяйства переживали значительные трудности и приходили в расстройство.

В обстановке недостатка промтоваров, ухудшения работы транспорта и краха финансовой системы, разорвались и без того непрочные нити экономических отношений между капиталистическим городом и традиционалистским селом. В сущности, как отмечает В.П. Булдаков, все новейшие беды России связаны с тем, что ее социокультурное распадение на «город» и «деревню» стало болезненно заметным на бытовом уровне. Этот фактор особенно остро проявил себя в связи с усилением маргинализации традиционных социумов.

Именно слабые стороны и отсталость сельского хозяйства придали ему сопротивляемость вредным последствиям ПМВ. Влияние ее на крестьянство нельзя трактовать однозначно: одним она несла разорение, другим способствовала в нагромождении богатств.

Кратко дам и свои ответы на предложенные три «центральных» вопроса круглого стола:

1) *Как повлияло сознание русского крестьянства на ход и исход ПМВ и как ПМВ повлияла на сознание и судьбу крестьянства в России?..*

– На мой взгляд, сознание крестьянства мало повлияло на ход и исход ПМВ – последние в значительно большей степени определялись факторами политическими, экономическими, международными и чисто военными. Напротив, ПМВ значительно повлияла на сознание и судьбы крестьянства: она резко нарушила обычное течение хозяйственной жизни, постепенность, ритм, присущий крестьянской культуре, надолго выбросила массу крестьян из привычной обстановки, традиционного способа жизнедеятельности, видоизменила менталитет и коллективную психологию крестьянства. ПМВ вызывала продовольственный кризис, который революционизировал массы, заострил противоречия между городом и деревней...

2) *Как в контексте традиционных ценностей и социальной утопии крестьянской России можно оценить политику царского режима, Временного правительства, основных политических партий и Советской власти в условиях ПМВ?..*

– Аграрный строй Российской империи – существование многомиллионного крестьянства, в значительной степени обособленного от «городской цивилизации», сохранившего докапиталистические формы общежития и собственности, специфическую ментальность, элементы обычного права и т.п. – обусловил своеобразие революционных процессов. В ходе войны и революции происходили антимодернизационные процессы. Крестьянство стремилось к локализму, слому любой власти выше местного уровня, натурализации хозяйства и т.п., что объективно вело к архаизации общественной жизни и было несовместимо с любой государственностью. Все это делало стремления и действия крестьянства несовместимыми с политикой практически всех государственно-политических образований. Все партии и правительства того времени были носителями идеи модернизации – в том или ином виде. Политика всех партий и правительств по отношению к крестьянству, независимо от лозунгов, по существу, мало чем отличалась и вынуждена была строиться на насилии.

Вызвано это было не столько идеологическими установками, сколько общим состоянием сельского хозяйства и экономики в целом. Крестьянство являлось «силой колебания» (В.И. Ленин), оказывавшей «подспудное» влияние на весь ход революции и Гражданской войны. Патриархальность и коллективистское сознание крестьянства, его реакция на попытки ускоренной модернизации, стремление освободиться от чужого ему культурного слоя и т.п., в конечном итоге определили результаты революции. При этом социалистические идеи накладывались на традиционные представления, традиция выступала как революционный фактор.

3) *Была ли для русского крестьянства ПМВ – «Отечественной» войной? Есть ли разница в том, как крестьяне России воспринимали ПМВ и ВМВ?..*

– На мой взгляд, ПМВ не стала для крестьян «Отечественной». Они могли относиться к ней с определенным сочувствием, она могла вызывать патриотический подъем, но в целом крестьяне относились к войне как к некой повинности, внешней и далекой от их интересов.

В.Г. Хорос. Прекрасным материалом к теме «Война и крестьянство» могут служить дневники замечательного русского писателя М.М. Пришвина (1873–1954). Свои дневники он вел в течение полувека, при этом по большей части живя в деревне. Большое значение для нашей темы имеют его записи периода ПМВ, особенно 1917 г.

Пришвин, как и многие представители культуры «Серебряного века», фиксирует в это время надвигающиеся признаки беды в обществе, в том числе в деревне. Его тревожит, «как легко простой народ расстается с религией». Весной 1917 г. он приезжает на свою родину в местечко Хрущево близ г. Ельца и застает тамошних крестьян в состоянии глубокого раздора и растущей агрессии. Он чувствует себя «не в народе, а в глубоком овраге», где «каждый овражий человек видит один только свой овраг». Две соседние деревни перессорились между собой в борьбе

за захват небольшого имения (не помещичьего типа), доставшегося писателю от матери. Идет процесс повсеместного захватничества, междоусобного дележа.

Пришвин понимает, что истоки этого процесса уходят в далекое прошлое, в крепостную эпоху, породившую вековую ненависть к «барам» и «богатым». Но этот всеобщий «черный передел» выливается в деструктивные формы (далекие от социализма, которые связывали с «черным переделом народнически настроенные идеологи), в акции, вредные не только с социальной, но и просто с хозяйственной точки зрения, когда без нужды дробятся земельные участки, даже ценные – например, клеверные поля в культурных угодьях. При этом грабят не только «богатых», но «друг друга еще больше».

Пришвин видит связь всех этих эксцессов с продолжающейся ПМВ. «Немец и война обращаются вовнутрь, война гражданская», – записывает он 20 мая 1917 г. И позже: «От немца-германца перешли к немцу внутреннему – царю, помещику, капиталисту, теперь переходят к соседу, у которого не одна, а две лошади...». Атмосфера войны распространяется как пожар – она порождает смуту, революцию, гражданскую конфронтацию, когда «восстал брат на брата».

Пришвин пытается определить субъектов этого процесса – зачинателей, распространителей, носителей общественной смуты. Это, прежде всего, бедняки, социальные низы. Немалая роль принадлежит также уголовным элементам. Наконец, зачинщиками являются различного рода активисты и агитаторы, среди которых выделялись большевики, которых писатель также воспринимает как маргиналов.

Пришвин записывал свои впечатления, что называется «по свежу», понимая историческую значимость происходящего и стараясь не упустить важных деталей. Позднее он не раз возвращался к виденному и слышанному в те годы. Вместе с тем, он не ставил перед собой задачу социологически или политически обобщить свои

наблюдения. Однако его дневники развертывают выразительную картину пережитого времени и дают материал для выводов историка или социолога.

Более 20 лет назад, занимаясь историей России, в частности, историей революционного движения, я попытался зафиксировать и объяснить феномен, который я назвал «социокультурным люмпенством». И когда много позже я познакомился с дневниками Пришвина, то был сильно впечатлен, насколько точно в них описано то, что я характеризовал как люмпенское сознание.

Под люмпенами социологи обычно понимают деклассированных элементов – бедняков, нищих, бомжей и пр. На мой взгляд, важно видеть также культурную (точнее, бескультурную) составляющую люмпенства. Этот слой возникал как результат культурного «обескоренения», выпадения из существующей системы ценностей, классовых, сословных или групповых структур, которые давали индивиду не только какой-то социальный статус, но и определенную культурную ориентацию, стереотипы поведения. Процессы люмпенизации могут проходить в разные исторические эпохи, когда возникают те или иные катаклизмы и деструкции (нашествия, войны, длительные внутренние раздоры), провоцирующие серьезные и масштабные общественные смуты. Частным случаем здесь может быть процесс модернизации, когда для отдельных слоев населения характерна утрата прежних ценностей традиционного общества, но новые буржуазные ценности еще не успели утвердиться.

В этом плане то, что описывал Пришвин в 1914–1917 гг., имело свою предысторию – процессы «раскрестьянивания» после реформы 1861 г., «босячество», так выразительно описанное А.М. Горьким, – то есть издержки так называемой исторически запоздалой модернизации, которая имела место в России и ряде других стран. Революционные события, тяготы войн начала XX в. (особенно ПМВ) многократно усугубили процессы социального распада и люмпенизации, вылились

в Гражданскую войну. Все это наложило серьезный отпечаток и на последующие эпохи российской истории.

В.В. Кондрашин В рамках международного проекта «Документальная история Пензенского края» и в связи со 100-летием ПМВ под моей редакцией опубликован сборник документов и материалов в 2-х книгах «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны. 1914 – март 1918», общим объемом более 100 п.л.

Представленные в нем документы региональных и центральных архивов, а также материалы документальной и художественной прозы позволяют на примере Пензенской губернии увидеть жизнь российской деревни в указанный период. Поскольку Пензенская губерния являлась типичным аграрным регионом Европейской России, то происходившие там в годы ПМВ процессы во многом совпадали с аналогичными им за ее пределами, по крайней мере в Центральном Черноземном районе и Поволжье.

Документы и материалы сборника убедительно свидетельствуют, что ПМВ стала моментом истины для сложившегося в России аграрного строя. Она катализировала в, казалось, уже умиротворенной столыпинской реформой деревне процессы, вылившиеся в 1917 г. в крестьянскую революцию, которая ниспровергла этот строй и помогла утвердиться в России новому политическому режиму.

В данном контексте плачевный для самодержавия итог его многолетних усилий по превращению русского крестьянина в опору режима, а сельского хозяйства – в надежный источник государственного развития, контрастирует с успехом сталинского режима в годы ВМВ, сумевшего при всех негативных издержках его аграрной политики достигнуть указанной цели.

Введенные в широкий научный оборот документы сборника, в большинстве своем ранее не известные исследователям, подтвердили, дополнили и конкретизировали суждения по данной проблеме одного из крупнейших историков-аграрников России –

А.М. Анфимова. Тем самым они в очередной раз доказали выдающийся вклад в изучение аграрной истории России поколения советских историков-шестидесятников (В.П. Данилова, Л.В. Милова, Н.Я. Гущина, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого и др.), к числу которых принадлежал и Анфимов.

Изученные документы свидетельствуют, что людской и производственный потенциал деревни не был подготовлен для затяжной войны с точки зрения сохранения уровня сельскохозяйственного производства и приемлемого уровня жизни основной массы сельского населения.

В 1914–1915 гг. относительное спокойствие в деревне было обеспечено за счет хорошего урожая, в силу благоприятных климатических условий. Кроме того, семьи фронтовиков получили помощь в уборке урожая от государства, церкви и общественных организаций.

Но уже в 1915 г. стало проявляться негативное влияние ПМВ на деревню (в нехватке рабочих рук, росте цен на предметы первой необходимости и т.д.). Особое недовольство крестьян вызвали госзакупки хлеба и скота – из-за низких закупочных цен.

В 1916 г. перечисленные негативные тенденции усиливаются. Для большинства крестьянских семей главной проблемой становится нехватка рабочих рук. К этому времени пензенская деревня лишилась 48% трудоспособных мужчин, ушедших на фронт. Крупные частные хозяйства помещиков и кулаков частично решили эту проблему за счет использования труда военнопленных. Но такой возможности были лишены семьи фронтовиков и солдатские вдовы. В результате многие из них (особенно вдовы) попали в кабалу к богатому соседу-кулаку.

В 1916 г. из-за растущего дефицита хлеба и мяса на фронте и в крупных городах на деревню резко усиливается налоговый пресс. У неплательщиков забирают излишки хлеба, скот (в том числе коров). Особенно страдают семьи фронтовиков и вдовы.

К 1917 г. в пензенской деревне уже созрел очаг недовольства. Она устала от войны. Ее людские силы и производственный потенциал были ослаблены. Беднейшие слои голодали. При этом на их фоне сохраняли свои показатели крупные частные хозяйства и кулаки.

Февральская революция 1917 г. взорвала деревню. Свержение самодержавия было воспринято подавляющим большинством крестьян как сигнал к окончанию войны и решению земельного вопроса. Ситуацию разогрели и многочисленные революционные агитаторы, получившие возможность легально работать в деревне.

В результате в апреле–мае 1917 г. в Пензенской губернии состоялись два губернских крестьянских съезда, постановивших ликвидировать частную собственность на землю и провести в губернии «черный передел» всех земель сельскохозяйственного назначения по «трудовой норме».

Решения съездов воспринялись в деревне как сигнал к законному захвату земли. И они начались – и продолжались в губернии весь 1917 г. Поделать с ними власть ничего не могла, поскольку не имела для этого сил. Вся сила была у крестьян, которые опирались не только на свою активность, но и на поддержку солдат Пензенского гарнизона, в большинстве своем состоявших из крестьян. А это была единственная реальная сила в губернии, способная остановить крестьянскую стихию.

В 1917 г. жертвами крестьянской революции стали не только дворяне-помещики, но и «столыпинские крестьяне». Земли хуторян и отрубщиков были захвачены, хозяйства разорены, несмотря на их протесты и попытки к сопротивлению. Оправдывались эти акты корыстным поведением «столыпинских крестьян», сохранивших в годы войны свои хозяйства, в то время как тысячи их односельчан, семейств фронтовиков, обнищали и работали на них. Таков был итог Столыпинской аграрной реформы в пензенской деревне.

Мощным катализатором «аграрных беспорядков» в 1917 г. в губернии стали солдаты и матросы фронтовики.

Именно они придали им особый размах и бескомпромиссность. Они вернулись с войны с оружием. Важнейшим мотивом решительных действий фронтовиков против помещиков и зажиточных крестьян было осознание постигшей их семьи несправедливости. Они воевали, а семьи голодали и гнули спину на богатого соседа, который нередко (к тому же вместе с сыновьями), откупался от мобилизации. Кроме того, сама война изменила их психику. Отсюда многочисленные инциденты физического насилия над жертвами крестьянского гнева и даже их убийства.

К осени 1917 г. пензенская деревня фактически перестала выполнять государственные повинности. Были сорваны закупки хлеба и скота для нужд армии, поставки продуктов для городского населения губернии. У губернской власти, подчинявшейся Временному правительству, не было сил изменить ситуацию. Милиция была малочисленна, солдаты распропагандированы и революционизированы.

Крестьянскую вольницу всячески стимулировали большевики, сосредоточенные в Пензенском Совете солдатских и офицерских депутатов. Они приветствовали крестьянские самозахваты. Поставив под контроль воинские соединения, дислоцированные на территории губернии, они не допустили вооруженного подавления «аграрных беспорядков». В самой деревне их представители активно участвовали в них и, нередко, организовывали. Их поддержка солдатами и крестьянами основывалась на лозунгах большевиков о немедленном мире и передаче земли крестьянам. В условиях слабости власти никакие призывы к законности, Учредительному собранию и т.п. уже не действовали на крестьян.

Таким образом, в 1917 г. в пензенской деревне произошла аграрно-крестьянская общинная революция. Крестьяне захватили частновладельческие земли, установили в деревне свою власть в лице крестьянских комитетов. В условиях нараставшего продовольственного кризиса и голода в стране они прекратили выполнение

государственных повинностей. В деревню вернулись солдаты ПМВ. Они делили захваченную землю и жили по законам «новой России».

Но это была «пиррова победа» пензенской деревни. И события 1918 г., и Гражданская война свидетельствуют об этом. Пензенской деревне, как и всей российской, придется заплатить большую цену за 1917 г. и торжество их общинных идеалов.

В.В. Шелохаев. Уважаемые коллеги! Подводя некоторые итоги работы «Круглого стола», начну с восторженных слов в адрес авторов проекта «Народ и власть», которые в течение 5 лет делали и продолжают делать важное дело для исторической науки. Им никто не помогает – и это, как ни парадоксально, очень хорошо. Когда никто «не помогает», тогда все хорошо получается.

Во-вторых, сегодняшнее мероприятие хорошо вписывается в общий контекст мероприятий, которые содержатся в плане организационной комиссии по проведению 100-летия ПМВ. Достаточно сказать, что только в рамках РГНФ будет опубликовано 11 крупных проектов по ПМВ. В издательстве «Политическая энциклопедия» подготовлена 3-х-томная энциклопедия « Россия в годы Первой мировой войны». Некоторые участники сегодняшнего мероприятия принимали то или иное участие в реализации этого крупномасштабного научного проекта.

Повторюсь, что сегодняшняя конференция не только дополняет, но и является как бы структурной частью этих крупных мероприятий – и ее материалы призваны существенно расширить представления о роли российского крестьянства в ПМВ.

В-третьих, я всецело поддерживаю идеи А.В. Гордона, которые, хотя и сформулированы лапидарно, тем не менее, позволяют по новому подойти к пониманию тех сущностных изменений, которые произошли в сознании российского крестьянства. Действительно, любые войны, а тем более войны «машинные», не могли не оказать огромного влияния на трансформацию массового

крестьянского сознания. С одной стороны, мы наблюдаем, процесс разрушения традиционного сознания. А с другой стороны, активизируется процесс формирования новых ценностных ориентаций. В докладах эти две тенденции получили свое отражение. Одни докладчики делали упор на традиционализм – и даже, в какой-то мере, на его усиление после войны. В других докладах, наоборот, был сделан акцент на новые тенденции в массовом крестьянском сознании.

В-четвертых, большое внимание в докладах было уделено изменениям в социальной структуре крестьянства. Меняются ролевые функции отдельных групп крестьянского населения. Это очень важный момент, отмеченный во многих выступлениях, является отражением современных размышлений по этому вопросу.

В-пятых, в докладах на значительном круге архивных источников, извлеченных из центральных и региональных архивов, убедительно раскрыт процесс изменения материального положения отдельных групп крестьянства. Обращено внимание на то, как именно изменялось морально-нравственное, этическое и психологическое состояние крестьянского населения.

В-шестых, в ряде докладов было обращено внимание на тот непреложный факт, что война изменила порог цены человеческой жизни. К сожалению, этот порог в результате ПМВ оказался пониженным, о чем свидетельствуют последующие события. Эта тенденцию А.В. Гордон охарактеризовал понятием «катастрофичность». Поэтому, мне кажется, стоит продолжить размышления по этой проблеме.

В заключение небольшое замечание. «Круглый стол», а по сути большая научная конференция, называется «Русское крестьянство и Первая мировая война». Я бы несколько изменил его название – «Первая мировая война и российское крестьянство». Неслучайно во многих докладах речь шла о крестьянах разных национальностей, населяющих полинациональную Российскую империю,

в частности, речь о немецких колонистах. В том же Поволжье, о котором говорилось во многих докладах, перемежалось русское село с селом мордовским или татарским...

И, наконец, последнее замечание. В историографии продолжает существовать мнение, что ПМВ якобы способствовала возврату крестьянства к традиционным ценностям. Мне кажется, что это явное преувеличение, ибо возвратных моментов к исходной довоенной точке быть не может. ПМВ явилась, на мой взгляд, переломным рубежом в массовом сознании всех без исключения социальных страт, включая и российское крестьянство.

С.Ю. Разин. Позвольте мне, в заключение, еще сказать несколько слов.

Во многих выступлениях прозвучала очень важная мысль о том, что ПМВ – это столкновение Запада и, условно говоря, не-Запада, крестьянского в своей основе. Чем закончилось это столкновение? Можно говорить о том, что рухнули четыре традиционалистских евразийских империи. Но правомерно ли говорить о том, что модернизм победил традиционализм? Не обернулась ли эта победа, если говорить в глобальном смысле, ретрадиционализацией всего мира? Это большой вопрос. Вопрос, на который сегодня прозвучали разные варианты ответов.

Спасибо всем.

Библиография

[1] Международный круглый стол «Русское крестьянство и Первая мировая война» // Новый исторический вестник. 2014. № 2 (40). – С. 8–89 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/WWI.pdf).

[2] Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории». М., 2014 (URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf).

[3] Форум «Народ и власть». URL: http://www.nivestnik.ru/forum.shtml

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

CONTRIBUTORS AND CONTACT INFORMATION

АНФЕРТЬЕВ Иван Анатольевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета; главный редактор группы журналов «Вестник архивиста», «Вестник архивиста.ru», «Вестник архивиста.com», «Вестник архивиста.TV» (Россия, Москва)

ANFERTIEV Ivan A. – Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of Contemporary History, the Russian State University for the Humanities; Editor-in-Chief of the Journals Group "Vestnik arhivista" ["Herald of an archivist"], "Vestnik arhivista.ru", "Vestnik arhivista.com","Vestnik arhivista.TV" (Moscow, Russia)

E-mail: info@vestarchive.ru

АСТАШОВ Александр Борисович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России Средневековья и раннего Нового времени Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва)

ASTASHOV Alexander B. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Russian History in the Middle Ages and Early Modern Period, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

E-mail: astashsh@yandex.ru

БАБАШКИН Владимир Валентинович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

BABASHKIN Vladimir V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Political Science, Law, and Social Communications, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: vbabashkin@ranepa.ru

БАРИНОВА Екатерина Петровна – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Самарского института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия, Самара)

BARINOVA Ekaterina P. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director on Educational Work, Head of the Department of Humanities, the Samara Institute (Branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Samara, Russia)

E-mail: rfnz25@yandex.ru

БЕЗГИН Владимир Борисович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета (Россия, Тамбов)

BEZGIN Vladimir B. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department "History and Philosophy", the Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

E-mail: vladyka62@mail.ru

БИБИН Михаил Андреевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Россия, Саранск)

BIBIN Mikhail A. – Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher of the Department of History, the Scientific Research Institute of Humanities with Government of Republic Mordovia (Saransk, Russia)

E-mail: guniign@list.ru

БРОДОВСКАЯ Людмила Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политической истории и международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, Казань)

BRODOVSKAYA Lyudmila N. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Political History and International Relations, the Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan, Russia)

E-mail: kafpolithistory@mail.ru

БУХОВЕЦ Олег Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного экономического университета, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Беларусь, Минск).

BUKHOVETS Oleg G. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Political Science Educational Institution, the Belarus State Economic University, Chief Researcher of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences (Minsk, Belarus)

E-mail: o_bukhovets@tut.by

ГОРДОН Александр Владимирович – доктор исторических наук; заведующий сектором Восточной и Юго-Восточной Азии Института научной информации по общественным наукам РАН (Россия, Москва)

GORDON Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Head of the Sector for Eastern and South-Eastern Asia, the Institute of Scientific Information for the Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: gordon_aleksander@mail.ru

ДЕМИДОВА Елена Игоревна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института (филиал) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия, Саратов)

DEMIDOVA Elena I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Economic and Political History of Russia, the Saratov Socio-economic Institute (Branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Saratov, Russia)
E-mail: demidova-elena@yandex.ru

ДОЛГОВА Анжела Валерьевна – аспирантка кафедры истории России новейшего времени Российского государственного гуманитарного университета (Россия, Москва)

DOLGOVA Angela V. – Graduate Student of the Department of Contemporary History, the Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)
E-mail: angela_dol@mail.ru

ДУНАЕВА Наталия Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова (Россия, Ульяновск)

DUNAEVA Natalia A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Ilya Ulyanov State Pedagogical University (Ulyanovsk, Russia)
E-mail: nat-dun2016@yandex.ru

ДЬЯЧКОВ Владимир Львович – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (Россия, Тамбов)

DIACHKOV Vladimir L. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov, Russia)
E-mail: mayormp@mail.ru

ЕСИКОВА Милана Михайловна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета (Россия, Тамбов)

YESIKOVA *Milana M.* – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department "History and Philosophy", the Tambov State Technical University (Tambov, Russia)

E-mail: milana.61@mail.ru

ЖУКОВА Вероника Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (Россия, Вологда)

ZHUKOVA Veronica S. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian history, the Vologda State University (Vologda, Russia)

E-mail: zhukova_veronika@list.ru

ЗАХАРОВ Александр Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры экономической и политической истории России Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (Россия, Саратов)

ZAKHAROV Aleksandr V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of Economic and Political History of Russia, the Saratov Socio-economic Institute (Branch) of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov (Saratov, Russia)

E-mail: demidova-elena@yandex.ru

ЗОРКОВА Нина Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (Россия, Саранск)

ZORKOVA Nina N. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History, the Scientific Research Institute of Humanities with Government of Republic Mordovia (Saransk, Russia)

E-mail: soledad__83@mail.ru

ИВАШКО Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой общеобразовательных дисциплин Российского государственного университета правосудия (Россия, Москва)

IVASHKO Mihail I. – Doctor of History, Professor, Head of the Department of General Education, the Russian State University of Justice (Moscow, Russia)

E-mail: Mihail-ivashko@yandex.ru

КАБЫТОВ Петр Серафимович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой российской истории, советник ректора Самарского государственного университета (Россия, Самара)

KABYTOV Peter S. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Advisor to the Rector, the Samara State University (Samara, Russia)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

КАБЫТОВА Надежда Николаевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета (Россия, Самара)

KABYTOVA Nadezhda N. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, the Samara State University (Samara, Russia)

E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru

КОЛГАНОВ Андрей Иванович – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

KOLGANOV Andrey I. – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief of the Laboratory on the Study of Market Economy of the Faculty of Economics, the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

E-mail: onaglo@mail.ru

КОНДРАШИН Виктор Викторович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

KONDRASCHIN Viktor V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of "History of Russia, History and Lore and Methods of Teaching History", the Penza State University (Penza, Russia)

E-mail: vikont37@yandex.ru

КОСТРОВ Александр Валерьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры современной отечественной истории Иркутского государственного университета (Россия, Иркутск)

KOSTROV Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Modern History, the Irkutsk State University (Irkutsk, Russia)

E-mail: a_kostrov@mail.ru

КУЗНЕЦОВ Игорь Анатольевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Москва)

KUZNETSOV Igor A. – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Centre for Agrarian Studies, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia)

E-mail: repytwjd68@mail.ru

КУЛАЧКОВ Вадим Витальевич – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории и социологии Брянской государственной инженерно-технологической академии (Россия, Брянск)

KULACHKOV Vadim V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology, the Bryansk State Academy of Engineering and Technology (Bryansk, Russia)

E-mail: vad2517@yandex.ru

КУРЕНЫШЕВ Андрей Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии,

истории и культурологии Академии гражданской защиты МЧС России (Россия, Москва)

KURENYSHEV Andrey A. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy, History and Cultural Studies. the Academy of Civil Protection of EMERCOM of Russia (Moscow, Russia)

E-mail: kure-andrej@yandex.ru

ЛЕОНОВ Михаил Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета (Россия, Самара)

LEONOV Mikhail I. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, the Samara State University (Samara, Russia)

E-mail: mleonov40@mail.ru

ЛИПАТОВА Надежда Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора, заведующая отделом НИИ истории и культуры Ульяновской области имени Н.М. Карамзина; доцент кафедры Истории Отечества, регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета (Россия, Ульяновск)

LIPATOVA Nadezhda V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Deputy Director, Head of the Department of History and Culture, the Karamzin Institute of Historical and Cultural Research of the Ulyanovsk Region; Associate Professor of the Department of Russian History, Regional Studies and International Relations, the Ulyanovsk State University (Ulyanovsk, Russia)

E-mail: nlipatova@mail.ru

ЛЮКШИН Дмитрий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского (Приволжского) федерального университета (Россия, Казань).

LYUKSHIN Dmitriy I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Russian History, the

Institute of International Relations, History and Oriental Studies of the Kazan (Volga) Federal University (Kazan, Russia)
E-mail: Dmitryi.Lyukshin@kpfu.ru

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя; автор и редактор научного проекта «Народ и власть» (Россия, Москва)

MARCHENYA Pavel P. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Deputy Head of the Department of Philosophy, the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot; Author and Editor of the Scientific Project "People and Power" (Moscow, Russia)
E-mail: marchenyap@mail.ru

МИХАЙЛЮК Александр Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой документоведения и информационной деятельности Национальной металлургической академии Украины (Украина, Днепропетровск)

MYKHAILIUK Alexander V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Documentation and Informative Activity, the National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnepropetrovsk, Ukraine)
E-mail: mich_al@ukr.net

НЕФЕДОВ Сергей Александрович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (Россия, Екатеринбург)

NEFEDOV Sergey A. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Senior Researcher of the Institute of History and Archaeology, the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)
E-mail: hist1@yandex.ru

НИКОЛАШИН Вадим Павлович – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Мичуринского государственного аграрного университета (Россия, Мичуринск)

NIKOLASHIN Vadim P. – Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of State and Municipal Management, the Michurinsk State Agrarian University (Michurinsk, Russia)

E-mail: nikolashin.vadim@yandex.ru

ПИВОВАРОВ Никита Юрьевич – кандидат исторических наук, главный специалист Российского государственного архива новейшей истории (Россия, Москва)

PIVOVAROV Nikita Y. – Candidate of History, Chief Specialist of the Russian State Archive of Contemporary History

E-mail: pivo1988@gmail.com

ПОСАДСКИЙ Антон Викторович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории российской государственности и права Поволжского института управления имени П.А. Столыпина Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Россия, Саратов)

POSADSKY Anton V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of History of Russian State and Law, the Volga Institute of Management named after P.A. Stolypin of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia)

E-mail: posad1968@rambler.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – директор Центра организации воспитательной работы Академии труда и социальных отношений; автор и координатор научного проекта «Народ и власть» (Россия, Москва)

RAZIN Sergey Y. – Director of the Center of Organization of Educative Work, the Academy of Labor and Social Relations; Author and Coordinator of the Scientific Project “People and Power” (Moscow, Russia)

E-mail: razin_sergei@mail.ru

РЕВИН Иван Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Педагогика и образовательные технологии» Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова (Россия, Новочеркасск)

REVIN Ivan A. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department "Pedagogy and Educational Technologies", the Platov South-Russian State Polytechnic University (Novocherkassk, Russia)

E-mail: ivarev@mail.ru

РОМАНЧЕНКО Валерий Яковлевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного аграрного университета имени Н.И. Вавилова (Россия, Саратов)

ROMANCHENKO Valery Y. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Social-Humanitarian Sciences, the Saratov State Agrarian University named after N.I. Vavilov (Saratov, Russia)

E-mail: romanvja@yandex.ru

САПОН Владимир Петрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России и вспомогательных исторических дисциплин Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (Россия, Нижний Новгород)

SAPON Vladimir P. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Russian History and Auxiliary Historical Disciplines, the Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin (Nizhny Novgorod, Russia)

E-mail: vladimail2007@mail.ru

СИМОНОВ Анатолий Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Национального исследовательского Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Россия, Саратов)

SIMONOV Anatoly A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, the National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia)

E-mail: simonoffsgu@mail.ru

СКУТНЕВ Алексей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и международных отношений Вятского государственного университета (Россия, Киров)

SKUTNEV Aleksey V. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Head of the Department of International Law and International Relations, the Vyatka State University (Kirov, Russia)

E-mail: skutnev@mail.ru

СУХОВА Ольга Александровна – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедры «История России, краеведение и методика преподавания истории» Пензенского государственного университета (Россия, Пенза)

SUKHOVA Olga A. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of the Department of "History of Russia, History and Lore and Methods of Teaching History", the Penza State University (Penza, Russia)

E-mail: suhhov747@yandex.ru

ТОКАРЕВ Николай Васильевич – старший преподаватель кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Тамбовского филиала Академического правового института (Россия, Тамбов)

TOKAREV Nikolay V. – Senior Lecturer of the Department of Humanities and Natural Sciences, the Academic Law Institute (Branch) in Tambov (Tambov, Russia)

E-mail: n_tokarev@mail.ru

ТРОШИНА Татьяна Игоревна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, председатель Архангельского отделения Российского общества историков-архивистов (Россия, Архангельск)

TROSHINA Tatyana I. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Social Work and Social Security, the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov,

Chairman of the Arkhangelsk Branch of the Russian Society of Historians-Archivists (Arkhangelsk, Russia)
E-mail: tatr-arh@mail.ru

ФУРСОВ Андрей Ильич – академик Международной академии наук (Германия, Мюнхен); директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета; руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма (Россия, Москва)

FURSOV Andrey I. – Active Member of the International Social Science Academy (Germany, Munich); Director of the Centre of Russian Studies, the Moscow University for the Humanities; Director of the Centre of Methodology and Information, the Institute of Dynamic Conservatism (Moscow, Russia)
E-mail: rusint@bk.ru

ХОМЯКОВА Татьяна Васильевна – заведующая научно-методическим отделом Серпуховского историко-художественного музея (Россия, Серпухов)

KHOMYAKOVA Tatyana V. – Head of the Scientific-Methodical Department, the Serpukhov Historical and Art Museum (Serpukhov, Russia)
E-mail: kure-andrej@yandex.ru

ХОРОС Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, руководитель Центра проблем развития и модернизации Института мировой экономики и международных отношений РАН (Россия, Москва)

Khoros Vladimir G. – Doctor of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Centre for Development and Modernization, the Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)
E-mail: khoros@imemo.ru

ЧЕРТИЩЕВ Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии Московского университета МВД России (Россия, Москва)

CHERTISHCHEV Andrey V. – Doctor of Historical Sciences, Docent, Professor of the Department of Philosophy, the Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia (Moscow, Russia)

E-mail: narodivlast@gmail.com

ШЕВЕЛЬКОВ Анатолий Иванович – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии, истории, политологии и права Государственного социально-гуманитарного университета Московской области (Россия, Коломна)

SHEVEL'KOV Anatoliy I. – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor of the Department of Philosophy, History, Political Science and Law, the Moscow Region State University of Humanities and Social Studies (Kolomna, Russia)

E-mail: shevelkov51@mail.ru

ШЕЛОХАЕВ Валентин Валентинович – академик РАЕН, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра «Истории России XIX – начала XX в.» Института российской истории Российской академии наук; директор Института общественной мысли (Россия, Москва)

SHELOKHAEV Valentin V. – Active Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Centre “History of Russia XIX – early XX century”, the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; Director of the Institute of social thought (Moscow, Russia)

E-mail: iom07@mail.ru

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Марченя П.П., Разин С.Ю. **Вместо введения: От организаторов проекта «Народ и власть» и и круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война**

Аннотация: Публикуемые материалы отражают работу Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война», который состоялся 11 апреля 2014 г. в Москве, в Российском обществе историков-архивистов. Круглый стол был организован в соответствии с программой проекта «Народ и власть». Научный проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. Теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является частью научного проекта «Народ и власть». Крестьянский вопрос рассматривается как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть», теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», народ, власть, история России, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьяноведение, россиеведение.

Marchenya P., Razin S. **Instead of Introduction: From Organizers of the Project "People and Power" and of the Round Table "Russian Peasantry and World War I"**

Annotation: The article covers the work of the International Round Table "Russian Peasantry and World War I" which was held on the 11th of April in Moscow by the Russian Association of Historians and Archivists. The round table was organized within the framework of the Project "People and Power". The Scientific Project "People and Power" is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of Power and People as two

main agents in Russian historical development. The Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History” is a part of the Scientific Project “People and Power”. The Peasant Problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: Scientific Project “People and Power”, Theoretical Seminar “Peasant Problem in National and World History”, people, power, history of Russia, peasantry, peasant problem, peasant studies, Russian studies.

Бабашкин В.В. **Война и крестьянские ожидания**

Аннотация: Первая мировая война окончательно дискредитировала царскую власть в глазах общинного крестьянства России. Общинные сходы как естественные для крестьян правопреемники царя в земельном вопросе стали радикально решать этот главный вопрос Русской революции.

Ключевые слова: «компромисс пропитания», идеология, частушка, передел, царь, дезертирство.

Babashkin V. **War and Peasant Expectations**

Annotation: World War I lead to final discrediting the power of the Czar in the eyes of Russian communal peasantry. Village assemblies being for peasants undoubted inheritors of the Czar in resolving agrarian question started fixing radically this core problem of the Russian Revolution.

Keywords: “subsistence compromise”, ideology, little song, redistribution, czar, desertion.

Баринова Е.П. **Мобилизационные кампании в Поволжье в годы Первой мировой войны**

Аннотация: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта, проект 14-01-00277: «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 – 1917 гг.)». В статье рассмотрены мобилизационные кампании периода Первой мировой войны и их влияние на поведение населения Поволжских губерний в сложный и противоречивый исторический период. Выявлены факторы социально-демографических сдвигов, углубления противоречий

в российском обществе, трансформации общественно-политической ситуации.

Ключевые слова: Поволжье, военно-мобилизационные мероприятия, Первая мировая война.

Barinova E. **Mobilization Campaigns in the Volga Region during the World War I**

Annotation: The study was performed as part of a research project RHF, project 14-01-00277 “Military Mobilization Activities in the Village of Central Black Soil and Middle Volga Region during the First World War (1914–1917)”. The article deals with the mobilization campaign during the First World War and their impact on the behavior of the population of the Volga region provinces in complex and contradictory historical period. The factors of socio-demographic changes, deepening the contradictions in Russian society, the transformation of the socio-political situation.

Keywords: Volga region, military mobilization measures, First World War.

Безгин В.Б. **Деревенские слухи и крестьянские настроения периода Первой мировой войны**

Аннотация: Дан анализ содержания слухов в крестьянской среде периода Первой мировой войны, а также реакции жителей российского села на них. Установлены причины, их порождавшие, а также каналы их распространения. Выяснено отношение фронтовиков к событиям в деревне и роль солдатских писем на ход землеустроительных работ и сбор податей.

Ключевые слова: крестьянство; война; настроения; слухи; немцы; дороговизна продуктов; письма с фронта; «бабьи бунты».

Bezgin V. **Rural Rumours and Peasants’ Moods during the World War I**

Annotation: The article presents the analysis of peasants’ rumours content during the World War I and also gives village people’s reaction of to them. The author defines the causes of rumours and the channels of their distribution. The article also shows the veterans’ attitude to village events and the impact of soldiers’ letters on the course of use of land works and collecting taxes.

Keywords: peasantry; war; moods; rumours; Germans; high cost of products; letters from battle-front; “women's revolts”.

Бибин М.А. **Крестьянство Мордовии во время Первой мировой войны (1914–1917 гг.)**

Аннотация: В статье анализируется социально-экономическое состояние и положение крестьянского хозяйства на территории Мордовии в годы Первой мировой войны. Одновременно рассматривается вопросы мобилизации, наличие сельскохозяйственных орудий и машин, обеспеченность тягловой силой, сокращение посевов и сбора хлебов.

Ключевые слова: война, Мордовия, уезд, крестьянство, хозяйство, мобилизация, хлеб, сбор, посев, животноводство.

Bibin M. **Peasantry of Mordovia during the First World War (1914–1917)**

Annotation: The social and economic condition and position of peasant farming in the Mordovian land during the First World War are analyzed in the article. The problems of mobilization, the availability of agricultural implements and machinery, provision with draught power, reduction of crops and harvesting are considered as well.

Keywords: war, Mordovia, uyezd, peasantry, farm, mobilization, bread, harvest, sowing, stock raising.

Буховец О.Г. **Первая мировая война и крестьяноведение (пример Беларуси)**

Аннотация: Беларусь сыграла роль ключевого участка русско-германского фронта в Первой мировой войне. Тяготы войны для белорусского крестьянства были исключительными: 900-тысячная мобилизация, массовое привлечение сельского населения к сооружению военных объектов, реквизиции рабочего скота, продовольствия, повозок, упряжи. Тяжелейшим грузом для крестьянства стали «тактика выжженной земли», беженство и особенно «политика опустошенного пространства». Крестьяне вели себя патриотично, но участия в социальных конфликтах не прекращали.

Ключевые слова: Первая мировая война, оккупация, Беларусь, крестьянство, патриотизм, беженство, лишения, сельская экономика.

Bukhovets O. **World War I and Peasants Studies (the Case of Belarus)**

Annotation: Belarus has played the role of core site of Russian-German front in World War I. War hardships were exclusive for

Belarusian peasantry: 900 000th mobilization, mass raising of rural population to the construction of military objects, a confiscation of draft animals, food, carts, harness. “The tactics of scorched earth”, refugee and, especially, “the policy of devastated space” became a heaviest load for peasantry. Peasants behaved patriotically, but did not cease a participation in conflicts.

Keywords: World War I, occupation, Belarus, peasantry, patriotism, refugee, hardships, rural economy.

Гордон А.В. **Война в крестьянском сознании: преображение традиций**

Аннотация: Рассматривается воздействие Первой мировой войны на русское крестьянство. Подчеркивается многообразие крестьянского восприятия Войны. Отслеживается преображение патриархальных идиом и их совмещение с модернистскими установками.

Ключевые слова: Первая мировая война, крестьянское сознание, традиционность, аграрный вопрос, модернизация России.

Gordon A. **Great War in the Peasant Conscience: Transformation of Tradition**

Annotation: The paper reviews how Russian peasantry was affected by WW1. It reveals a complex, multifaceted view of the Great War in the peasant collective mind. Also, it tracks patriarchal idioms and their adaptation to requests of modernity.

Keywords: World War I, peasant conscience, tradition, agrarian question, Russian modernization.

Демидова Е.И., Захаров А.В. **О гуманизме в годы Первой мировой войны**

Аннотация: В статье идет речь о русском крестьянстве в годы Первой мировой войны. Акцент сделан на ментальности сельского населения. В годы войны крестьяне показали примеры массового патриотизма. В крестьянской среде нашлось место гуманизму по отношению к семьям призванных на войну, военнопленным, многочисленным беженцам. Положительную роль в оказании гуманитарной помощи сыграли органы местного самоуправления в лице земств.

Ключевые слова: Первая мировая война, гуманизм, патриотизм, ментальность, крестьянство, сельское хозяйство, земские органы, беженцы, военнопленные.

.----------

Demidova E., Zakharov A. **About Humanism in the First World War**

Annotation: The article is about the Russian peasantry in the years of the First world war. The emphasis is on the mentality of the rural population. During the war the peasants showed examples of mass patriotism. In the village there was a place humanism in relation to families who have been called to war, prisoners of war, many refugees. A positive role in providing humanitarian assistance was played by local authorities in the face of the zemstva.

Keywords: First World War, humanism, patriotism, mentality, peasantry, agriculture, local authorities, refugees, prisoners of war.

Дунаева Н.А. **Характер общественных настроений поволжского крестьянства в условиях Первой мировой войны**

Аннотация: В статье рассматривается противоборство сторонников столыпинской модернизации и сторонников сохранения общинных традиций в годы Первой мировой войны в поволжской деревне.

Ключевые слова: крестьянство, Первая мировая война, Среднее Поволжье, столыпинская реформа.

Dunaeva N. **Nature of the Public Mood of the Peasantry in World War I**

Annotation: The article discusses the confrontation between supporters of Stolypin's modernization and supporters of the preservation of communal traditions during World War I in the Volga village.

Keywords: peasants, World War I, Middle Volga region, Stolypin’s reform.

Дьячков В.Л. **О синергизме падения плодовитости в периоды больших войн: Первая мировая**

Аннотация: Автор пытается вскрыть на непрерывном массовом материале (16 млн рождений 1890-х – 1910-х гг.) синергизм экзогенных и эндогенных факторов, обеспечивших совпадающие динамики плодовитости/рождаемости в 1900–1918 гг. во всех регионах России и 24 странах мира, несмотря на их чрезвычайное социальное разнообразие и степень вовлеченности в I мировую войну.

Ключевые слова: ЭБД, синергизм, экзо- и эндогенные факторы, плодовитость, регионы, I мировая война, эквифинальность.

Diachkov V. **On a Synergy of Fertility Decrease in Great Wars' Times: WWI Case**

Annotation: The author tries to clear the synergic hierarchy of exo- and endogenous factors that had provided the coinciding pre-war and war fertility/birth-rate dynamics of 1890s – 1918 in all Russian regional and 24 foreign countries' populations with extremely different social background and the Great War/military impact.

Keywords: synergic hierarchy, exo- and endogenous factors, fertility/birth-rate, E-databases, Great War, equifinal.

Есикова М.М. **Влияние Первой мировой войны на аграрную экономику в Тамбовской губернии**

Аннотация: Рассмотрено влияние Первой мировой войны на состояние сельского хозяйства и крестьянства Тамбовской губернии. Проанализированы причины усиления спекуляция, роста рыночных цен на хлеб. Подчеркивается, что по мере ухудшения экономической ситуации в стране все больше усиливалось вмешательство государства в хозяйственную жизнь, однако вместе с ним росла неуправляемость экономических процессов.

Ключевые слова: война, армия, сельское население, крестьянское хозяйство, хлебный рынок, спекуляция, продовольственный кризис.

Yesikova M. **Impact of the First World War on the Agricultural Economy in the Tambov Provinc**

Annotation: Considered the influence of the First World War on the state of the agriculture and the peasantry of Tambov Province. Analyzed the reasons strengthening speculation, increase in market prices for bread. It is emphasized that, as the deterioration of the economic situation in the country is moving toward greater state intervention in economic life, but along with it grew uncontrollability of economic processes.

Keywords: war, army, rural, farm, grain market speculation, food crisis.

Зоркова Н.Н. **Реализация столыпинской аграрной реформы в годы Первой мировой войны в работах региональных историков**

Аннотация: Статья посвящена региональной историографии столыпинской аграрной реформы в поволжской деревне в период Первой мировой войны. Предпринимается попытка оценить перспективы дальнейшего изучения столыпинской аграрной реформы на заключительном ее этапе в связи с региональной историографической ситуацией.

Ключевые слова: аграрная реформа, хутора, Первая мировая война, исследования, авторские подходы.

Zorkova N. **Realization of Stolypin's Agrarian Reform during of the First World War in the Works of Regional Historians**

Annotation: The article is devoted to regional historiography of Stolypin's agrarian reform in the village of the Middle Volga Region during of the First World War. An attempt to evaluate the prospects for subsequent study of the reform at its final stage in connection with regional historiographical situation is made.

Keywords: agrarian reform, homesteads, First World War, researches, approaches of the author.

Кабытов П.С. **Аграрные отношения в годы Первой мировой войны**

Аннотация: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект 14-01-00277: «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)». В статье проанализированы аграрные отношения в Поволжье в годы Первой мировой войны, выявлено влияние мобилизационных мероприятий на поведение крестьянства поволжских губерний в сложный и противоречивый исторический период.

Ключевые слова: крестьянство, Поволжье, мобилизация, Первая мировая война, аграрные отношения.

Kabytov P. **Agrarian Relations during the First World War**

Annotation: The Study was performed in the framework of a research project of the Russian Foundation for Humanities, project 14-01-00277: "Military mobilization activities in the village of the Central region and the Middle Volga region during the First world war (1914–

1917)". The article analyzes the activities of agrarian relations in the Volga region during the First World War, revealed the influence mobilization events on the behavior of the Volga peasantry of the provinces in a complex and contradictory historical period.

Keywords: peasantry, Volga region, mobilization, First World War, agrarian relations.

Кабытова Н.Н. **Революционный фактор в годы Первой мировой войны (на материалах поволжских губерний)**

Аннотация:

Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ, проект 14-01-00277: «Военно-мобилизационные мероприятия в деревне Центрального Черноземья и Среднего Поволжья в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)». В статье проанализирована деятельность политических партий в Поволжье в Годы первой мировой войны, выявлено влияние революционного фактора на поведение населения поволжских губерний в сложный и противоречивый исторический период.

Ключевые слова: политические партии, Поволжье, военно-мобилизационные мероприятия, Первая мировая война.

Kabytova N. **Revolutionary Factor in the First World War (on Materials of the Volga Provinces)**

Annotation:

The study was performed as part of a research project RHF project 14-01-00277 "Military mobilization activities in the village of Central Black Soil and Middle Volga region during the First World War (1914–1917)". The article analyzes the political parties in the Volga region during the First World War, it revealed the influence of the revolutionary factor in the behavior of the population of the Volga provinces in complex and contradictory historical period.

Keywords: political parties, the Volga region, the military mobilization, World War I.

Кондрашин В.В. **Российская деревня в условиях Первой мировой войны и революционных потрясений 1917 г.**

Аннотация: Статья посвящена характеристике положения российской деревни в годы Первой мировой войны. Проблема анализируется на материалах Пензенской губернии. В статье акцентируется внимание на наиболее важных ее аспектах:

негативном влиянии войны и аграрной политики царского правительства на крестьянское хозяйство и настроения крестьян, причинах аграрных беспорядках в губернии в 1917 г.

Ключевые слова: российская деревня, Первая мировая война, Пензенская губерния, аграрные беспорядки.

Kondraschin V. **Russian Village in the Conditions of World War I and Revolutionary Shocks of 1917**

Annotation: The article is devoted to the situation in the Russian village during The First World War. The problem is analyzed on materials of the Penza province. The article focuses on the most important aspects: the negative impact of the war and agrarian policy of the Tsarist government on farming and mood of the peasants, the causes of agrarian unrest in the province in 1917.

Keywords: Russian village, First World War, Penza province, agrarian unrest.

Костров А.В. **Реакция разных измерений русской крестьянской цивилизации на Первую мировую войну**

Аннотация: В статье обобщаются результаты исследований в области социальной, этнической и конфессиональной истории русского крестьянства. Особое внимание уделяется его структуре, в которой проявилось региональное и культурное многообразие этой основы российского общества. Выявляется специфика крестьянского мировоззрения и характер патриотизма, распространенного в его среде. Делается вывод, что сложность структуры русского крестьянства и идущая от этого вариантность его мировоззренческих установок не позволили ему объединиться и стать социальной опорой государству в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: русское крестьянство, крестьянская цивилизация, православие, старообрядчество, Мировая война.

Kostrov A. **Reaction of the Different Dimensions of Russian Peasantry on the First World War**

Annotation: The article summarizes the results of research in the field of social, ethnic and religious history of the Russian peasantry. Particular attention is paid to its structure, which demonstrates the regional and cultural diversity of this side of Russian society. The text presents the specificities of the peasant world view and the nature of

patriotism, which was prevalent in this social class. It concludes that the complexity of the structure of the Russian peasantry, with their various perceptions of the world, did not allow peasantry to be united and to become a social pillar of the state during the First World War.

Keywords: Russian peasantry, peasant civilization, Orthodox, Old Believers, World War.

Кузнецов И.А. **Первая мировая война, «аграрный кризис» и крестьянская экономика: к вопросу о предпосылках российской революции**

Аннотация: Рассматриваются вопросы о влиянии Первой мировой войны на состояние аграрного рынка и экономики крестьянского хозяйства, а также о влиянии крестьянской экономики на предпосылки революции 1917 г.

Ключевые слова: аграрный рынок, аграрный кризис, аграрный рост, экономика крестьянского хозяйства, революция 1917 г.

Kuznetsov I. **First World War, "Agrarian Crisis" and Peasant Economy: on the Background of the Russian Revolution**

Annotation: We discuss the impact of the First world war on the state of the agricultural market and the peasant economy, and the impact of the peasant economy on the background of the revolution of 1917.

Keywords: agricultural market, agricultural crisis, agricultural growth, peasant economy, revolution of 1917.

Кулачков В.В. **Особенности антимонархических настроений крестьянства Западного региона России в период Первой мировой войны**

Аннотация: В данной статье автор исследует особенности антимонархических настроений крестьянства Западного региона России в период первой мировой войны. Автор приходит к выводу, что усиливающийся системный кризис способствовал падению авторитета самодержавия и отрицательно сказывался на отношении крестьян к образу Николая II.

Ключевые слова: крестьянство, Западный регион, Первая мировая война, император, антимонархические настроения.

Kulachkov V. **Features of Antimonarchical Moods of the Peasantry of the Western Region of Russia during World War I**

Annotation: In this article the author investigates features of antimonarchical moods of the peasantry of the Western region of Russia during World War I. The author comes to a conclusion that the amplifying system crisis promoted falling of authority of autocracy and had an adverse effect on the relation of peasants to an image of Nicholas II.

Keywords: peasantry, Western region, World War I, emperor, antimonarchical moods.

Куренышев А.А., Хомякова Т.В. **Великая война глазами русского крестьянина: Дневник крестьянина Алексинского уезда Тульской губернии П.Е. Ермакова о событиях Первой мировой войны и революции 1917–1918 гг.**

Аннотация: В статье анализируются взгляды русского крестьянина на события I мировой войны и революции, зафиксированные в его дневнике. Крестьянин-отходник не только описал важнейшие события переломной для России и всего мира эпохи, но и выразил отношение к ним «низов общества». В судьбе этого «мужика» отразились перипетии военного, революционного и послереволюционного времени.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, крестьянство, крестьянская община, революция, крестьяноведение.

Kurenyshev A., Khomyakova T. **Great War through the Eyes of the Russian Peasant. Diary of the Peasant Alexinsky County Tula Province P.E. Ermakov about Events of the First World War and the Revolution 1917–1918**

Annotation: The article analyzes the views of the Russian peasant to the events of World War I and revolution, recorded in his diary. Peasant migrant workers not only described the most important events of a turning point for Russia and the world era, but also expressed his attitude towards them “lower classes of society”. The fate of this “muzhik” reflected the vicissitudes of war, revolutionary and post-revolutionary time.

Keywords: First World War, Russian Empire, peasantry, peasant community, peasant studies, revolution.

Леонов М.И. **Партия эсеров в Первой мировой войне**

Аннотация: В статье анализируется отношение к Первой мировой войне партии эсеров и ее фракций в период Империи и революций 1917 г.; рассматривается организационное состояние партии, основные направления тактики; изменение численности, размера и форм деятельности.

Ключевые слова: Первая мировая война, партия эсеров, организация, агитация, война, мир.

Leonov M. **Party of Social Revolutionaries in World War I**

Annotation: In article the relation to World War I of party of Social Revolutionaries and its fractions in the period of the Empire and revolutions of 1917 is analyzed; the organizational condition of party, the main directions of tactics is considered; change of number, size and forms of activity.

Keywords: World War I, Party of Social Revolutionaries, organization, propaganda, war, world.

Липатова Н.В. **Крестьянин или солдат? Трансформация традиционного мировоззрения в условиях Первой мировой войны и Февральской революции (по материалам Поволжья)**

Аннотация: В статье на примере солдат тыловых гарнизонов рассматриваются традиционно работающие механизмы трансформации человека, позволяющие справиться с кризисной ситуацией в период Первой мировой войны и Февральской революции. Цель статьи: рассмотреть три элемента традиции, которые подверглись изменениям в первую очередь. Речь идет о глубинных представлениях, на базе которых выстраивалась жизнь человека в традиционном обществе: представления о земле, о ценности общности и семьи.

Ключевые слова: солдаты, крестьянство, власть, историческая психология, трансформация общества, ментальность, революция 1917 г., Первая мировая война.

Lipatova N. **Armed Peasant or Soldier Peasant? Transformation of Tradition in a the First World War and the February Revolution (an Example of the Volga Region)**

Annotation: This article is an attempt to find reference points in the past and the present and to reveal traditionally working mechanisms of adaptation of the man permitting him to cope successfully with a crisis situation in a the First World War and the February Revolution (for

example rear garrisons of soldiers). The article aims consider the three elements of tradition which first of all underwent changes. The point is about deep ideas on the basis of which human life was being formed in a traditional society: about land, community and family.

Keywords: peasantry; soldier; power; historical psychology; society transformation; mentality; revolution 1917; World War I.

Люкшин Д.И. **А кому мать родна?**

Аннотация: В статье поднимается вопрос о характере и гуманитарной направленности социальных процессов, сопровождавших участие России в Первой мировой войне. Ставится проблема их преломления в провинции и в крестьянской среде. Автор высказывает гипотезу о полисемантическом характере последствий Первой мировой войны для российского общества.

Ключевые слова: Великая война, Вторая русская смута, крестьянство, крестьяноведение, Россия.

Lyukshin D. **And Who is the Mother of Family?**

Annotation: The article raises the question of the nature and humanitarian orientation of social processes that accompanied Russia's participation in the First World War. The problem of their refractive index in the provinces and among the peasants. The author hypothesizes polysemantic nature of the consequences of the First World War for the Russian society.

Keywords: Great War, Second Russian Turmoil, peasantry, peasant studies, Russia.

Нефедов С.А. **Крестьянство и Мировая война**

Аннотация: Поведение крестьян во время войны в значительной степени определялась социальным конфликтом, который проявился в крестьянских восстаниях 1902–1906 гг. Продовольственное положение в деревне в начале войны улучшилось, но социальное недовольство выражалось в нежелании крестьян воевать за власть, которая отказывалась решать земельный вопрос. Это нежелание проявилось в «уходах в плен» и массовом дезертирстве, а потом – в солдатском бунте во время Февральской революции.

Ключевые слова: Россия, крестьянство, первая мировая война, социальный конфликт, продовольственное положение, социальное недовольство, солдатский бунт.

Nefedov S. **Peasantry and World War**

Annotation: The behavior of peasants during the war was determined by the social conflict, which manifested itself in the peasant uprisings 1902–1906 period. The food situation in the country has improved at the beginning of the war, but the social discontent expressed in the reluctance of peasants to fight for the government, which refused to solve the land question. This reluctance is manifested in the "walking to captivity" and in the mass desertion, and then – in the soldiers' mutiny during the February Revolution.

Keywords: Russia, peasantry, First World War, social conflict, food situation, social unrest, soldiers' mutiny.

Николашин В.П. **Центрально-Черноземная деревня в 1917–1918 гг.: аграрные реформы в условиях войны**

Аннотация: В статье исследуется проблема реализации аграрных реформ в традиционной черноземной деревне. В 1918 г. уравнительное распределение земли, строительство коллективных хозяйств протекали в условиях военного давления, роста градуса конфликтности деревни и мобилизационных мероприятий. Реформационная «петля» в дуэте с социально-политическими потрясениями туго опутывали крестьянство, которое вынуждено было платить как по собственным счетам, так и по счетам государства.

Ключевые слова: аграрная реформа, крестьянство, деревня, коллективные хозяйства, война.

Nikolashin V. **Central Black Earth Village in 1917–1918: Agrarian Reforms in the War Circumstances**

Annotation: This paper investigates the problem of implementation of agrarian reforms in the traditional blackearth village. In 1918 the egalitarian distribution of land, the construction of collective farms took place under conditions of military pressure, increasing degrees of conflict and mobilization activities of the village. Reformation "loop" in a duet with the social political upheavals tightly enmeshed peasants, who were which was forced to pay both their own accounts and the accounts of the state.

Keywords: agrarian reform, peasantry, village, collective farms, war.

Пивоваров Н.Ю. **Сибирское крестьянство в годы Первой мировой войны**

Аннотация: Крестьянство Сибири в 1914–1918 гг. в своем развитии испытало как негативные, так и позитивные тенденции. Нехватка трудовых ресурсов привела к простою сельскохозяйственной техники, увеличению интенсивности ручного труда и даже к неурожаю в 1915 г. Вместе с тем, внешний спрос со стороны армии и городского населения способствовал росту сельскохозяйственных заготовок и увеличению товарности крестьянского хозяйства. Однако государство не в полной мере использовало возросший потенциал региональных аграриев, чему помешало отсутствие финансовых средств и слабая транспортная коммуникация.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, сельское хозяйство, Первая мировая война, полеводство, животноводство, мобилизация.

Pivovarov N. **Siberian Peasantry during the First World War**

Annotation: Siberian peasants in 1914–1918 tested as negative so positive trends. The lack of workforce contributed disuse agricultural machinery, growth manual labor and crop failure in 1915. At the same time external demand the army and urban population contributed increase agricultural harvesting and marketability peasants. But state didn't use potential of regional farmers, what hampered by a lack the financial means and weak transport communication.

Keywords: Siberia, peasantry, agriculture, Great War, husbandry, livestock, mobilization.

Посадский А.В. **Взаимопомощь в саратовской деревне в годы Первой мировой войны: взгляд сверху и снизу**

Аннотация: В статье рассматривается проблема нехватки рабочих рук в деревне в годы Первой мировой войны. Использован материал Саратовской губернии. Автор показывает, что те пути решения, которые готовы были предложить администраторы, не совпадали с крестьянскими способами решения проблемы. Затронуты вопросы использования труда пленных и беженцев, обрисовано отношение к ним в деревне.

Ключевые слова: крестьянство, земские начальники, Первая мировая война, Саратовская губерния, взаимопомощь.

Posadsky A. **Mutual Assistance in the Saratov Village during the First World War: a View from Above and Below**

Annotation: In this article the problem of labor shortages in the country during the First World War. The authors used the material of the Saratov province. The author shows that those solutions were prepared to offer the administrators did not coincide with the peasant ways to solve the problem. The article touched on the employment of prisoners and refugees, described the attitude towards them in the village.

Keywords: peasantry, rural superintendents, World War I, Saratov province, mutual aid.

Романченко В.Я. **Российское крестьянство и власть в Первой мировой войне**

Аннотация: В данной статье рассматриваются актуальные проблемы взаимоотношения крестьянства и власти в годы Первой мировой войны. Акцентируется внимание на характерных чертах, особенностях, тенденциях и противоречиях данного процесса.

Ключевые слова: крестьянство, власть, Первая мировая война, революция, Россия, самодержавие, Временное правительство, насилие, политические процессы.

Romanchenko V. **Russian Peasants and Power in the First World War**

Annotation: This article discusses the current problems of the relations between the peasantry and the government during the First World War. Focuses on the characteristics, characteristics, tendencies and contradictions of this process.

Keywords: peasants, power, World War I, revolution, Russia, autocracy, Provisional government, violence, political processes.

Сапон В.П. **Нижегородская деревня в годы Первой мировой войны: дофевральский период (по материалам газеты «Нижегородский листок»)**

Аннотация: Автор использует материалы газеты «Нижегородский листок» в качестве источника для подтверждения тезиса советской историографии о том, что в годы Первой мировой войны происходит последовательное накопление негативных факторов в развитии сельского хозяйства России страны и критическое ухудшении жизни российского крестьянства.

Ключевые слова: Нижегородский листок», крестьянство, Первая мировая война.

Sapon V. **Nizhny Novgorod Village in the Years of World War I: Prefebruary Period (on Materials of the "Nizhegorodsky Listok" Newspaper)**

Annotation: The author uses materials of the "Nizhegorodsky Listok" newspaper as a source for confirmation of the Soviet historiography statement that in the years of World War I a consecutive accumulation of negative factors in development of agriculture of Russia took place as well as a critical deterioration of life of the Russian peasantry.

Keywords: the "Nizhegorodsky Listok" newspaper, peasantry, World War I.

Сухова О.А. **Первая мировая война и кризис традиционной ментальности: российская деревня в 1914–1917 гг.**

Аннотация: На материалах Среднего Поволжья автор рассматривает особенности социальных представлений и поведения российского крестьянства в период Первой мировой войны. Приведенные аргументы позволяют сделать вывод о том, что глобальный военный конфликт, по своему характеру соответствующий эпохе модерна, стал мощнейшим фактором обострения кризиса традиционной идентичности, а, следовательно, спровоцировал новую волну социального насилия.

Ключевые слова: Первая мировая война, крестьянство, социальное поведение, кризис, традиционная ментальность.

Sukhova O. **First World War and the Crisis of the Traditional Mentality: Russian Village of 1914–1917**

Annotation: On materials of the Middle Volga author considers features of social representations and behavior of the Russian peasantry during the First World War. These arguments lead to the conclusion that global military conflict of the era of modernity, has become a powerful factor in aggravation of the crisis of traditional identities, and thus provoked a new wave of social violence.

Keywords: First World War, peasantry, social behavior, crisis, traditional mentality.

Токарев Н.В. **Социальные конфликты в тамбовской деревне в годы Первой мировой войны**

Аннотация: Статья освещает последствия столыпинской аграрной реформы, которая усилила противостояние внутри

сельского социума в Тамбовской губернии в 1914–1917 гг. После Февральской революции общинники, используя наступательные стратегии, постепенно ликвидировали индивидуальное крестьянское землевладение.

Ключевые слова: крестьяне; отрубники; социальный конфликт; столыпинское землеустройство; Тамбовская губерния.

Tokarev N. **Social Conflicts in the Tambov Village during the First World War**

Annotation: The article deals with the consequences of the Stolypin agrarian reform, which exacerbated the confrontation within rural society in Tambov province in 1914–1917. After the February revolution of the congregation, using offensive strategies, gradually eliminated the individual peasant land ownership.

Keywords: peasants; otrubniki; social conflict; Stolypin's land management; Tambov province.

Трошина Т.И. **Влияние Первой мировой войны на разрушение сплоченности крестьянских общин (по материалам северных губерний Европейской России)**

Аннотация: В статье рассматривается процесс разрушения архаичных форм солидарности, которые продолжали существовать в малолюдных и отдаленных поселениях северных губерний Европейской России. Влияние войны проявилось во включении этих территорий в экономическую и политическую жизнь страны, что поспособствовало имущественной и социальной дифференциации населения. Этот в целом положительный процесс имел негативные последствия, поскольку происходил ускоренными темпами и в условиях войны служил причиной нарастания социального напряжения.

Ключевые слова: Европейский Север России, крестьянство, Первая мировая война, малонаселенные территории, общинная жизнь, традиционная солидарность, имущественное расслоение.

Troshina T. **Impact of the First World War to the Destruction of Cohesion Peasant Communities (on the Materials of Northern Provinces of European Russia)**

Annotation: This article examines the process of destruction of archaic forms of solidarity, which continued to exist in sparsely populated and remote settlements of the Northern provinces of European Russia.

The impact of the war was manifested in the inclusion of these territories in economic and political life of the country, which has contributed to the economic and social differentiation of the population. This process is positive. However, during the war he had negative consequences, as happened rapidly and caused the rise of social tension.

Keywords: European North of Russia, the Peasantry, the First World War, Sparsely Populated Areas, Community Life is, the Traditional Solidarity, Property Stratification.

Хорос В.Г. **Российское крестьянство в годы беды (по дневникам М.М. Пришвина)**

Аннотация: Летом 1917 г. известный русский писатель М.М. Пришвин жил в деревне и в своих дневниках описал смуту в крестьянской среде накануне Октябрьской революции. Происходил рост социального (точнее, антисоциального) слоя, которое можно определить как социокультурное люмпенство (маргиналы). Этот слой сыграл важную роль в последующих революционных событиях.

Ключевые слова: крестьянство, война, большевики, смута, социокультурное люмпенство.

Khoros V. **Russian Peasantry in the Years of Disaster (Reading Prishvin's Diary)**

Annotation: In summer of 1917 the well-known Russian writer M.M. Prishvin lived in the village. In his diary he described the riot or stir within the peasantry. There was emerging of social (or antisocial) stratum which can be determined as socio-cultural lumpens (marginals). This stratum played important role in the following October revolution.

Keywords: peasantry, war, Bolsheviks, stir, socio-cultural lumpens.

Чертищев А.В. **Первая мировая война как фактор противодействия Традиции и Модерна в сознании солдатского контингента действующей русской армии**

Аннотация: В статье анализируются проблемы столкновения Традиции и Модерна в массовом сознании крестьянства как основного носителя традиционной ментальности России и преобладающей части солдатского контингента действующей русской армии в годы Первой мировой войны, которая обернулась для России социальной катастрофой.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вооруженные Силы, действующая армия, крестьянство, Традиция, Модерн, массовое сознание.

Chertishchev A. **First World War as a Factor of the Conflict Between Tradition and Modernity in the Consciousness of the Soldiers of the Russian Army in the Field**

Annotation: This article deals with the problems of the conflict between Tradition and Modernity in the mass consciousness of peasantry as the main repository of traditional mentality of Russia and the predominant part of the soldier contingent of the Russian Army in the Field during First World War, the War which turned out to be a social catastrophe for Russia.

Keywords: First World War, armed forces, Army in the Field, peasantry, tradition, modernity, mass consciousness.

Бродовская Л.Н. **Крестьяноведение в исследовательском поле российской истории (о семинаре «Крестьянский вопрос» проекта «Народ и власть»)**

Аннотация: В статье представлен обзор заседаний тематического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» (научный проект «Народ и власть»), которые были посвящены междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть», теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории», народ, власть, история России, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьяноведение, россиеведение.

Brodovskaya L. **Peasant Studies in Exploratory Field of Russian History (about the Seminar "Peasant Problem" of the Project "People and Power")**

Annotation: The article presents the review of sessions of the thematic seminar "Peasant Problem in the National and World History" (the Scientific Project "People and Power"), devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of interaction between peasantry and authority.

Key words: Scientific Project "People and Power", Theoretical Seminar "Peasant Problem in National and World History", people,

power, history of Russia, peasantry, peasant problem, peasant studies, Russian studies.

Колганов А.И. **Сталинизм и крестьянство: тяжелая поступь исторической необходимости или гражданская война против собственного народа?**

Аннотация: В рецензии на сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» под названием «Сталинизм и крестьянство» отражен целый ряд непростых вопросов аграрной истории России. В какой мере коллективизация была проявлением исторической необходимости, а в какой – сталинского произвола по отношению к крестьянству? Произошло ли исчезновение крестьянства как социального слоя в ходе коллективизации? Или же, напротив, крестьянин перенес свою психологию и привычки в города, вызвав их «окрестьянивание»? Была ли сталинская аграрная система полным разрушением традиционных общинных порядков, или же, наоборот, их воплощением в новых формах, перенесенных на все советское общество? Есть ли оправдание той цене, которую заплатило русское крестьянство за модернизацию России? Рецензент стремится осветить все многообразие и неоднозначность трактовок этих вопросов российскими историками – авторами сборника.

Ключевые слова: сталинизм, крестьянство, коллективизация, община, модернизация, Россия.

Kolganov A. **Stalinism and Peasantry: Hard Steps of the Historical Necessity or the Civil War Against the Own People?**

Annotation: I the review of the collection of the papers and presentations on the “round tables” and theoretical seminars “Peasant Question in the Fatherland’s and World History”, under the title “Stalinism and Peasantry” the number of complicated questions of the agrarian history of Russia is reflected. In what extent collectivization was a manifestation of the historical necessity, and in what extent it was a arbitrariness in relation of peasantry? Was the elimination of peasantry in the course of collectivization taken place? Or, vice versa, the peasantry transferred their psychology and their habitudes into the cities, caused its “peasantryzation”? Was the Stalin’s agrarian system the total destruction of the traditional communal formations or, in contrary, it was its embodiment in the new forms, transferred on the Soviet society as a

whole? Is the justification of the price, which Russian peasantry paid for the modernization of Russia? The reviewer is trying to spotlight all the multiplicity and ambiguity of the interpretations of this questions by Russian historians.

Keywords: Stalinism, peasantry, collectivization, peasant community, modernization, Russia.

Марченя П.П., Разин С.Ю. **Крестьянство и Россия (о сборниках проекта «Народ и власть»)**

Аннотация: В статье анализируются сборники научного проекта «Народ и власть». Главное внимание уделено подходам участников научных мероприятий и авторов статей к рассмотрению роли крестьянства и крестьянского сознания в политической истории России первой трети XX в. Данный вопрос рассматривался в широком контексте мировой и отечественной истории и в тесной связи с процессами «раскрестьянивания» и «окрестьянивания» российского общества. Большинство историков, принимавших участие в очных и заочных дискуссиях проекта, солидарны в том, что крестьянское сознание предопределило итоги Русской революции начала XX в. и сыграло важнейшую роль в становлении и развитии советской модели государства и общества.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть», Русская революция, Советская власть, большевизм, крестьянство, крестьянский вопрос, крестьянское сознание, крестьянская община, сталинизм, историография, россиеведение

Marchenya P., Razin S. **Peasantry and Russia (about the Collections of Conference Papers within the Framework of the Project "People and Power")**

Annotation: The article reviews the proceedings of scientific events held within the framework of the Scientific Project "People and Power". The emphasis is laid on how the participants and authors of research papers interpret and assess the role of the Russian peasantry and its mentality in Russia's political history in the first third of the 20th century. This issue is viewed in the broad context of global and national history and in close connection with the processes of 'de-peasantization' in the rural areas and 'peasantization' of Russian society as a whole. The majority of the historians who participated in face-to-face and long-distance discussions in this project fully agree that it is the peasants' mentality that has turned out as a powerful factor which determined the

course and outcome of the Russian Revolution in the 20th century and played a crucial role in the formation and development of the Soviet model of state and society.

Keywords: Scientific Project “People and Power”, Russian Revolution, Soviet power, Bolshevism, peasantry, peasant issue, peasant mentality, peasant commune, Stalinism, historiography, Russian studies.

Ревин И.А. **Мятежная Россия: проект «Народ и власть» в историографии революционных кризисов (взгляд с Дона)**

Аннотация: В статье рассматриваются основные тенденции изучения крестьянского революционного движения в России на основе материалов научного проекта «Народ и власть». Основное внимание уделяется анализу взглядов историков на причины глобальной дисфункции государственной власти в период смут и революций, особенно во время Второй русской смуты 1917–1921 гг. Рассматриваются также теоретические проблемы изучения социальных кризисов и крестьянского бунтарства в России. Сделан вывод о том, что основные трудности реализации междисциплинарного подхода к изучению этой проблематики вызваны методологическими проблемами.

Ключевые слова: историография, проект «Народ и власть», революция, смута, крестьянство, государственная власть, аграрный вопрос, крестьянское бунтарство, Гражданская война в России.

Revin I. **Rebel Russia: Project “People and Power” in the Historiography of Revolutionary Crises (View from the Don)**

Annotation: The article examines the main trends in the study of peasant revolutionary movement in Russia on the basis of the research project “People and Power”. It focuses on the analysis of historians' views on the causes of global malfunction of the government during periods of unrest and revolutions, especially during the Second Russian Smuta of 1917–1921. The author considers some theoretical problems in the study of social crises and peasant rebellion in Russia. It is concluded that the main challenges in applying an interdisciplinary approach to the study of these problems are caused by methodological problems.

Key words: historiography, Project "People and Power", revolution, Smuta (unrest), peasantry, state power, agrarian question, peasant rebellion, Russian Civil War.

Фурсов А.И. **Крестьянство: проблемы социальной теории (размышления на полях одной дискуссии проекта «Народ и власть»)**

Аннотация: Отталкиваясь от дискуссий круглого стола, посвященного отношениям крестьянства и власти, автор анализирует проблемы социальной природы крестьянина; его определения в соответствии с местом в системе разделения труда; специфики положения крестьянства в социальных системах; специфики российского крестьянства с учетом особенностей совокупного общественного продукта, создаваемого в русских условиях; а также ряд проблем, связанных со столыпинской реформой и коллективизацией. Особое внимание уделяется негативному воздействию идеологем на научный дискурс.

Ключевые слова: крестьянство, социальная теория, социальная система, крестьяноведение, Gemeinwesen, община, совокупный общественный продукт, столыпинская реформа, коллективизация, идеология.

Fursov A. **Peasantry: Problems of Social Theory (Reflections on the Field a Discussion of the Project "People and Power")**

Annotation: Starting from the Round table discussion devoted to peasantry – power relationship, the author analyzes the problems of social nature of the peasant; definition of "peasant" in accordance with his place in the system of division of labour; the specificity of peasant's position in social systems; the specificity of Russian peasantry in accordance with particularities of the overall social product being created in Russian conditions; as well as some problems of Stolypin's reform and collectivization. Special attention is paid onto the negative impact of ideology upon scholarly discourse.

Key words: peasantry, social theory, social system, peasant studies, Gemeinwesen, community, overall social product, Stolypin's reform, collectivization, ideology.

Хорос В.Г. **Понимание как основа историзма: «Сталинизм и крестьянство» (о сборнике проекта «Народ и власть»)**

Аннотация: В статье анализируется сборник «Сталинизм и крестьянство» (Москва, 2014). Сборник включает в себя научные статьи и материалы дискуссий, проведенных в рамках научного проекта «Народ и власть». Главными вопросами, которые обсуждались участниками дискуссий, стали следующие. Была ли

альтернатива коллективизации сельского хозяйства в СССР, проведенной под руководством И.В. Сталина? Чем явилась коллективизация в качестве варианта аграрной реформы? Какие факторы влияли на проведение коллективизации? Что коллективизация принесла крестьянству и СССР в целом? В статье анализируются основные точки зрения участников дискуссий, констатируются серьезные разногласия между ними, раскрываются причины этих разногласий. В контексте современной историографической ситуации подводятся итоги состоявшихся дискуссий.

Ключевые слова: сталинский режим, крестьянство, сельское хозяйство, коллективизация, модернизация, сталинский террор, И.В. Сталин, историография.

Khoros V. **Comprehension as the Basis of Historicism: "Stalinism and Peasantry" (about the Collection of Conference Papers within the Framework of the Project "People and Power")**

Annotation: The article analyses the collection of research papers titled "Stalinism and the Peasantry" (Moscow, 2014). It features the proceedings of the panel discussion which was held in the framework of the research project "People and Power". The panel brought out the following questions for discussion: Was there any alternative to the collectivization of agriculture in the USSR under the guidance of I.V. Stalin? What was the collectivization as an option for the agrarian reform? What factors affected the implementation of collectivization? What did it bring to the peasants and the USSR at large? The article discusses the panel's key viewpoints, states serious controversy among them and reveals the reasons for such controversy. The article concludes with the results of the discussion in the context of modern historiographical situation.

Keywords: Stalin's regime, peasantry, agriculture, collectivization, modernization, Stalin's terror, I.V. Stalin, historiography.

Шевельков А.И. **Крестьянские штудии проекта «Народ и власть»**

Аннотация: Проект «Народ и власть» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия власти и народа как двух главных агентов исторического развития России. Семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» является частью проекта «Народ и власть». Крестьянский вопрос рассматривается

как основополагающая проблема россиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории. Оригинальные интерпретации аграрного конфликта представляют новые аргументы для понимания причин и результатов реформ в российском переходном обществе. Международный круглый стол «Крестьянство и власть в истории России XX века» посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в XX веке. Международные круглые столы «Сталинизм и крестьянство» (I и II) посвящены междисциплинарному научному анализу различных аспектов этой темы как значимой проблемы исторического развития России в XX веке.

Ключевые слова: научный проект «Народ и власть»; теоретический семинар «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории»; народ; власть; история России; крестьянство; крестьянский вопрос; крестьяноведение; россиеведение.

Shevel'kov A. **Peasant Studies of the Project "People and Power"**

Annotation: The Project "People and Power" is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of power and people as two main agents in Russian historical development. The Seminar "Peasant Problem in National and World History" is a part of the scientific project "People and Power". The peasant problem is considered as the fundamental problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated. Original interpretations of the agrarian conflict provide new arguments for understanding of the reforms' reasons and results in Russian transitional society. The International Round Table Discussion "Peasantry and Power in History of Russia in XX Century" is devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of the problem of the interaction of peasantry and power as the most important agents in Russian historical development in the XXth century. The International Round Table Discussions "Stalinism and Peasantry" (I and II) are devoted to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of this topic as the important problem in Russian historical development in the XXth century.

Keywords: Project "People and Power"; Seminar "The Peasant problem in the national and world history"; people; power;

history of Russia; peasantry; peasant problem; peasant studies; Russian studies.

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ДИСКУССИИ КРУГЛОГО СТОЛА

/ подготовили к публикации: Марченя П.П., Разин С.Ю.

[Авторский коллектив: ***П.П. Марченя, С.Ю. Разин, И.А. Анфертьев, А.Б. Асташов, В.В. Бабашкин, В.Б. Безгин, О.Г. Буховец, А.В. Гордон, Е.И. Демидова, А.В. Долгова, Н.А. Дунаева, М.М. Есикова, В.С. Жукова, А.В. Захаров, М.И. Ивашко, В.В. Кондрашин, А.В. Костров, И.А. Кузнецов, В.В. Кулачков, А.А. Куренышев, Н.В. Липатова, Д.И. Люкшин, А.В. Михайлюк, В.П. Николашин, Н.Ю. Пивоваров, А.В. Посадский, В.Я. Романченко, А.А. Симонов, А.В. Скутнев, О.А. Сухова, Н.В. Токарев, Т.И. Трошина, В.Г. Хорос, А.В. Чертищев, В.В. Шелохаев***]

Аннотация: Публикуемые материалы отражают работу Международного круглого стола «Русское крестьянство и Первая мировая война», который состоялся 11 апреля 2014 г. в Москве, в Российском обществе историков-архивистов. Круглый стол был организован в соответствии с программой научного проекта «Народ и власть». Материалы включают в себя выступления более 30-ти ученых, представляющих научные журналы, научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения России, Беларуси, Украины. Помимо докладов, в материалах представлена наиболее содержательная часть дискуссии, которая состоялась между этими специалистами. Дискуссия касалась преимущественно различных аспектов взаимодействия крестьянства и власти, крестьянства и политических партий Российской империи в условиях Первой мировой войны, а также в ходе последовавших за ней событий, в том числе революции 1917 г. и Гражданской войны. Обсуждение носило междисциплинарный характер, использовались многие актуальные подходы и стратегии современного социального и гуманитарного знания: историко-антропологические, социокультурные, социально-психологические, геополитические, демографические, экономические, социологические, политологические, методы истории повседневности и другие. Особое внимание было уделено изменениям, произошедшим в традиционном крестьянском образе жизни и крестьянском

сознании в результате военных, модернизационных и революционных новаций. Также были обсуждены трансформация традиционного сельского общества в революционные массы, милитаризация крестьянского мира, эмансипация крестьянских женщин, социальные девиации, эскалация старых и новых конфликтов на селе. Все это, по мнению участников круглого стола, привело к формированию в России новой социальной и политической реальности, чреватой революцией.

Ключевые слова: Первая мировая война, Российская империя, крестьянство, крестьянская община, крестьянское сознание, армия, массы, массовое сознание, революция, россиеведение.

RUSSIAN PEASANTRY AND WORLD WAR I: DEBATES AT THE INTERNATIONAL ROUNDTABLE DISCUSSION

/ preparing for Publication: Marchenya P.P., Razin S.Y.

[Authors: **P.P. Marchenya, S.Y. Razin, I.A. Anfertev, A.B. Astashov, V.V. Babashkin, V.B. Bezgin, O.G. Buhovets, A.V Gordon, E.I. Demidov, A.V. Dolgova, N.A. Dunayeva, M.M. Esikova, V.S. Zhukova, A.V. Zakharov, M.I. Iwashko, V.V. Kondrashin, A.V. Kostrov, I.A. Kuznetsov, V.V. Kulachkov, A.A. Kurenyshev, N.V. Lipatova, D.I. Lyukshin, A.V. Mikhaylyuk, V.P. Nikolashin, N.Y. Pivovarov, A.V. Posadskiy, V.Y. Romanchenko, A.A. Simonov, A.V. Skutnev, O.A. Sukhova, N.V. Tokarev, T.I. Troshina, V.G. Khoros, A.V. Chertishchev, V.V. Shelokhaev]**

Annotation: The article covers the work of the International Round Table “Russian Peasantry and World War I” which was held on the 11th of April in Moscow by the Russian Association of Historians and Archivists. The round table was organized within the framework of the Scientific Project “People and Power”. The proceedings include papers presented by more than 30 scholars from research journals, research institutions and universities of Russia, Belarus and Ukraine. They also cover the essential content of the discussions held by the experts mostly dealing with different aspects of interaction between the peasantry and the authority, between the peasantry and political parties of the Russian Empire during World War I and in the aftermath of the war, including the revolution of 1917. The discussion was of interdisciplinary character, with many modern approaches and strategies in social science

and humanities being applied, such as historical and anthropological, socio-cultural, socio-psychological, geopolitical, demographic, economic, sociological, politological, etc. A special attention is paid to changes which occurred in the peasants' lifestyle and in their consciousness as a result of military, modernizing and revolutionary novelties. Also the discussion involved the transformation of traditional rustic society into revolutionary masses, the militarization of peasantry, the emancipation of peasant women, social deviation, the escalation of old and new conflicts in the countryside. All this was said to have brought about a new political reality fraught with a revolution.

Keywords: World War I, Russian Empire, peasantry, peasant community, peasant consciousness, army, mass, mass consciousness, revolution, Russian studies.

Сборники научных статей – выпуски серии научного проекта «Народ и власть»

Народ и власть в российской смуте: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: ВВА им. проф. Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина, 2010. – 348 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 1).
ISBN 978-5-904761-12-7 (20,2 п.л.).
(URL: http://isras.ru/files/File/Publication/Narodivlast.pdf)

Крестьянство и власть в истории России XX века: сборник научных статей участников Международного круглого стола (Журнал «Власть», Институт социологии РАН, Москва, 12 ноября 2010 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: АПР, 2011. – 472 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 2).
ISBN 978-5-904761-27-1 (27,4 п.л.).
(URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Sbornik_krugl_stol_krest_i_vlast_2011.pdf)

Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории: сборник научных статей (к 95-летию Февраля–Октября 1917 г.) / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: АПР, 2012. – 388 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 3).
ISBN 978-5-904761-39-4 (22,5 п.л.).
(URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.3.pdf)

Сталинизм и крестьянство: сборник научных статей и материалов круглых столов и заседаний теоретического семинара «Крестьянский вопрос в отечественной и мировой истории» / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: Изд-во Ипполитова, 2014. – 765 с. – (Научный проект «Народ и власть: История России и ее фальсификации». – Вып. 4).
ISBN 978-5-93856-218–9 (47,8 п.л.).
(URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.4.pdf)

Русское крестьянство и Первая мировая война: сборник научных статей / под ред. П.П. Марченя (отв. ред.), С.Ю. Разина. – М.: Изд-во Ипполитова, 2016. – 810 с. – (Научный проект «Народ и власть». – Вып. 5).
ISBN 978-5-90363-102–5 (50,5 п.л.).
(URL: http://users4496447.socionet.ru/files/sb.5.pdf)

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ

«НАРОД И ВЛАСТЬ»

THE SCIENTIFIC PROJECT

“PEOPLE AND POWER”

http://socionet.ru/collection.xml?h=repec:rus:tqtvuj

http://www.nivestnik.ru/forum.shtml

http://scipeople.ru/users/narodivlast/

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

RUSSIAN PEASANTRY AND WORLD WAR I

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

НАРОД. ВЛАСТЬ. ИСТОРИЯ РОССИИ. РОССИЕВЕДЕНИЕ.
НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ».
ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР «КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ ИСТОРИИ».
КРЕСТЬЯНСТВО. КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС. КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩИНА.
КРЕСТЬЯНСКОЕ СОЗНАНИЕ. КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ.
АРМИЯ. МАССЫ. МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ.
РЕВОЛЮЦИЯ. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ

KEYWORDS:

PEOPLE. POWER. HISTORY OF RUSSIA. RUSSIAN STUDIES.
SCIENTIFIC PROJECT “PEOPLE AND POWER”.
THEORETICAL SEMINAR “PEASANT PROBLEM
IN NATIONAL AND WORLD HISTORY”.
PEASANTRY. PEASANT PROBLEM. PEASANT COMMUNITY.
PEASANT CONSCIOUSNESS. PEASANT STUDIES.
ARMY. MASS. MASS CONSCIOUSNESS.
REVOLUTION. WORLD WAR I. RUSSIAN EMPIRE

Научный проект «Народ и власть»
ВЫПУСК 5

The Scientific Project “People and Power”
ISSUE 5

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ:

НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ «НАРОД И ВЛАСТЬ»: narodivlast@gmail.com
МАРЧЕНЯ Павел Петрович (редактор): marchenyap@mail.ru
РАЗИН Сергей Юрьевич (координатор): razin_sergei@mail.ru

CONTACT INFORMATION:

THE SCIENTIFIC PROJECT “PEOPLE AND POWER”: narodivlast@gmail.com
MARCHENYA Pavel (Editor): marchenyap@mail.ru
RAZIN Sergei (Coordinator): razin_sergei@mail.ru

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РУССКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Научный проект
«НАРОД И ВЛАСТЬ»
Выпуск 5

СОСТАВИТЕЛИ СБОРНИКА:

автор и редактор научного проекта «Народ и власть»
П.П. Марченя – отв. ред. выпуска

автор и координатор научного проекта «Народ и власть»
С.Ю. Разин – координатор выпуска

НАУЧНЫЕ РЕЦЕНЗЕНТЫ:

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры истории российской государственности
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
В.В. Зверев

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории России
Оренбургского государственного педагогического университета
С.В. Любичанковский

доктор исторических наук, профессор,
декан факультета истории и права,
заведующий кафедрой новейшей отечественной истории
Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова
В.П. Федюк

Подписано в печать 11.11.2016
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 50,5
Тираж 100 экз. Заказ № 111